Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 11 том - «Анжелика в Квебеке»

Перевод с фр. Н.Н. Пантелеевой

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИБЫТИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОЧЬ В КВЕБЕКЕ
  - Глава 16
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДОМ МАРКИЗА ДЕ ВИЛЬ Д'АВРЭЯ
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34

- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. МОНАСТЫРЬ УРСУЛИНОК
  - Глава 35
  - Глава 36
  - Глава 37
  - Глава 38
  - Глава 39
  - Глава 40
  - Глава 41
  - Глава 42
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ. БАЛ В ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНИЯ
  - Глава 43
  - Глава 44
  - Глава 45
- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. БЛИНЫ НА СРЕТЕНИЕ
  - Глава 46
  - Глава 47
  - Глава 48
  - Глава 49
- ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. САД ГУБЕРНАТОРА
  - Глава 50
  - Глава 51
  - Глава 52
  - Глава 53
  - Глава 55
- ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ВОДОПАДЫ МОНМОРАНСИ
  - Глава 56

- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62

- ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ПРОГУЛКА К БЕРРИШОНАМ
  - Глава 63
  - Глава 64
  - Глава 65
  - Глава 66
  - Глава 67
- ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ПОСЛАННИК СО СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ
  - Глава 68
  - Глава 69
  - Глава 70
  - Глава 71
  - Глава 72
- ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. КАЗНЬ ИРОКЕЗА
  - Глава 73
  - Глава 74
  - Глава 75
  - Глава 76
  - Глава 77
  - Глава 78
  - Глава 79
  - Глава 80
  - Глава 81
  - Глава 82
  - Глава 83
  - Глава 84
  - Глава 85
  - Глава 86
  - Глава 87
  - Глава 88

- Глава 89
- ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. ПИСЬМО КОРОЛЯ
  - Глава 90
  - Глава 91
  - Глава 92
  - Глава 93
  - Глава 94
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИБЫТИЕ

Глава 1

Она выбрала платье цвета лазури. Это было платье из плотного атласа, почти белого цвета, но в его складках при малейшем движении играли то бледно-голубые, то нежно-розовые отблески, неуловимые, как цвет зари.

Глядя на окна замка с корабля «Голдсборо», стоявшего на якоре вблизи Квебека, Анжелика сравнивала это платье с тем холодным утром, которое ожидало их, отражаясь теми же перламутровыми оттенками в тихих водах реки Святого Лаврентия, протянувшейся подобно спокойному озеру у подножия Квебека.

Город был также розоватого цвета. Стояла полная тишина. Сонный маленький колониальный город, затерянный посреди диких просторов Канады, казалось, выжидал, затаив дыхание.

Анжелике чудилось, что город наблюдает за ней, подстерегает ее, в то время как она, Анжелика де Сансе де Монтелу, графиня де Пейрак, стояла перед зеркалом в большом салоне «Голдсборо»; она, изгнанная из Французского королевства, заканчивала свой туалет перед приемом у господина де Фронтенака, губернатора Новой Франции, представляющего на Американском континенте все того же Людовика XIV, которого она когда-то оскорбила своей непокорностью.

Вот почему легкое беспокойство сжимало ей сердце, несмотря на то, что она делала вид, что всецело поглощена своим туалетом.

Ни за что на свете молодая женщина не хотела бы обнаружить малейшую тревогу перед теми, кто ее окружал и кто помогал ей одеваться: ее горничные,

портной, Куасси-Ба — великан негр, носивший ее ящик с драгоценностями.

Но по мере того, как приближался час высадки на землю, становились все более очевидными те препятствия, которые делали эту затею безумной. Король Франции когда-то изгнал их, ее и ее мужа, графа де Пейрака. Они провели долгие годы в борьбе с этим монархом, несправедливо осужденные им из-за ревности и боязни более сильного соперника.

Даже в Новом Свете многие французы из Канады считали их союзниками Новой Англии, а следовательно, своими врагами.

Итак, пренебрегая всей этой политикой, Жоффрей де Пейрак со своим флотом, состоящим из пяти кораблей, только что прибыл к берегам Квебека, чтобы встретиться там с господином де Фронтенаком и заключить с ним добрососедский дружественный союз. Это был первый шаг на пути возвращения во Францию, и, кто знает, может быть, возвращения тех имен и званий, которых он был когда-то несправедливо лишен. Ближайшие часы должны будут решить их дальнейшую судьбу.

Анжелика думала о том, насколько по-разному ощущают себя мужчина и женщина в подобной ситуации. Ей было гораздо тяжелее переносить несправедливую враждебность, чем этому человеку, который, преодолевая наихудшие испытания, находил для себя в этом — нечто вроде удовольствия.

Он появился тотчас же вслед за внесенными для Анжелики платьями и украшениями и воскликнул: «Скорей бы начался праздник!»

Он стоял позади нее в очень нарядном атласном камзоле цвета слоновой кости, с жабо, украшенным маленькими жемчужинами. Взгляд Жоффрея де Пейрака, прикованный к отражению Анжелики в зеркале, блестел от удовольствия и восхищения. Он,

казалось, был полностью поглощен последними деталями приготовления его жены перед выходом в Квебек. Но она не сомневалась, что на самом деле ему не терпелось поскорее начать «праздник», и она чувствовала себя в этот момент слегка отчужденной и даже далекой ему.

Эта попытка возвращения во Францию, пусть даже с порога маленькой канадской столицы, пробудила в ней воспоминание о ее личной борьбе с королем Франции; неумолимый монарх никогда не простит ей то, что она его отвергла.

Жоффрей с его флотом, его богатством, с его поселениями в Мэне был в более надежном положении.

Этим летом ему удалось привлечь на свою сторону двух влиятельных союзников из Новой Франции: господина де Виль д'Аврэя, губернатора Акадии, и интенданта Карлона.

Рассчитывая на поддержку г-на де Фронтенака, губернатора, имея уверенность в том, что главнокомандующий г-н де Кастель-Моржа не будет вмешиваться, а архиепископ останется нейтральным, можно было надеяться на доброжелательный прием в Квебеке.

Тем не менее не следовало забывать об иезуите д'Оржевале, победившем их в Акадии и имевшем большое влияние на индейские племена абенаков и алгонкинов, союзников Франции, а также на многочисленных верующих, жаждущих доказать свою преданность. Этот иезуит создал организацию, враждебно настроенную к вновь прибывшему Жоффрею де Пейраку, которые беспрепятственно обосновался в окрестностях Акадии, принадлежащей к владениям французского короля, и к тому же торговал с англичанами. Положение осложнялось еще и тем, что в прошлом году одной из верующих Квебека было видение; ей явилась очень красивая женщина, которая

должна была принести многочисленные несчастья для Новой Франции.

В народе был пущен слух, что необычайная красота жены графа де Пейрака дьявольского происхождения. Можно было над этим посмеяться. Но подобный фанатизм часто приводит к войнам. Необходимо было немедленно прояснить ситуацию, чтобы избежать кровопролития.

В этой неспокойной колонии было столько партий, что поддержка одних тут же вызывала неприязнь других. Так, например, среди сторонников иезуита называли Кастель-Моржа, державшего в своих руках армию, и особенно его жену, Сабину де Кастель-Моржа, властную и сварливую, и в то же время некую Жанин Гонфарель, имевшую влияние в бедных кварталах Нижнего города. Появление Анжелики в этом чудесном платье по последней парижской моде могло бы возбудить зависть и злобу этих дам.

— Не лучше ли будет, если я оденусь скромно и незаметно, как это было в Тадуссаке? — спросила она.

— Нет, — ответил Пейрак. — Вы должны их очаровать, покорить... Народ ожидает явления. Надо ему его дать. Дама Серебряного Озера... Образ из легенды...

Итак, Анжелика понимала всю важность самых первых мгновений, важность того впечатления, которое она должна произвести на противоречиво настроенную толпу, собравшуюся на нее посмотреть.

Этим вечером Жоффрей де Пейрак и его люди либо переночуют в стенах Квебека, либо будут вынуждены убраться, их флот будет разбит и к тому же попадет в ловушку реки, скованной льдами надвигающейся зимы. Жоффрей де Пейрак все это хорошо понимал. И именно Анжелике он предназначил главную роль в своей игре. Его дерзкий план, о котором она ничего не знала, был

рассчитан на то чарующее впечатление, которое Анжелика производила на всех, кто ее видел.

— Вы первая сойдете на землю, одна, притягивая к себе все взгляды. Господин де Виль д'Аврэй будет вас сопровождать. Он уже предупрежден. Вас будут также, сопровождать вооруженные люди на двух лодках: ваша охрана. Таким образом, ступив на берег, вы предстанете перед народом одна, и, видя вашу сияющую красоту, они застынут от изумления. Вы воспользуетесь этим, чтобы поставить вашу очаровательную ножку на берег Квебека подобно богине, вернувшейся из Цитеры.

Г-н де Фронтенак, губернатор, этот галантный мужчина, подаст вам руку, и, таким образом, толпа поймет, что вы являетесь всего лишь одной из самых прелестных женщин, существом абсолютно безопасным, самим воплощением женственности и очарования. И они окажут прием именно вам, а не супруге Жоффрея де Пейрака, находящейся под защитой его оружия.

И он добавил:

— Вы согласны?

Но ему не надо было ждать ответа. Сверкающие глаза Анжелики говорили ему, насколько этот план казался ей удачным и прекрасно соответствовал ее пылкой и отважной натуре.

— Мы ведь знаем уроженцев Франции, не так ли? Во Франции могут держаться неприветливо, когда вам угрожают оружием. Но никогда не оттолкнут женщину, прибывшую одну.

— А вы, что в это время будете делать вы?

— Я! В это время я... я околдую город!

Глава 2

Платье было очень красивым. Анжелика, несмотря на все заботы, не могла налюбоваться на свое отражение в зеркале. В этом новом платье, только что прибывшем из Парижа, она заметила некоторые новые детали. Так, например, казалось, уже больше не носят или, по крайней мере, носят гораздо меньше платье, надевающееся поверх многочисленных юбок по фасону «панье»: с приподнятым вверх подолом. Новое платье свободно спадало поверх юбки того же цвета, слегка приоткрывая ее спереди. Ткань была великолепна. Самый изысканный взгляд мог бы любоваться тончайшими переливами оттенков. Корсаж, с короткими оборками по талии, был расшит розами, а пластрон был того же муарового цвета. Декольте было отделано кружевами, закрывающими шею со спины до затылка и обрамляющими ее как драгоценность.

В этом волшебном платье Анжелика казалась сказочным существом. Ее смуглая кожа как бы излучала свет. Можно было подумать, что она светится изнутри. Она особенно тщательно подкрасила глаза, четко очертила брови. Немного румян — смесь бледной охры со слегка оранжевым тоном — едва заметно подчеркивали линию щек. С самого рассвета она провела не один час за этим занятием, и, несмотря на холод в каюте, ей было тепло от усердия. С тех пор, как ей пришлось вести жизнь, полную приключений, она слегка растеряла тот опыт, который был у нее, когда ей приходилось краситься каждый день перед появлением при дворе короля...

Наконец она закончила, и, судя по тому взгляду, который устремил на нее Жоффрей де Пейрак, результат был вполне успешным. Темные глаза графа

сверкали от удовольствия, а на губах его появилась нежная полуулыбка.

Это была вновь та самая Анжелика, встреченная им в Версале светская придворная дама, которую возжелал король. Но это не огорчило его. С тех пор как он вновь обрел Анжелику, он узнал и полюбил все стороны ее характера. Она часто удивляла его, иногда тревожила, но еще чаще очаровывала своей изменчивой натурой, не бывшей, однако, в противоречии с самой собой.

Он протянул руку и легонько коснулся пальцами ее обнаженной шеи.

— Это восхитительное декольте прекрасно дополнили бы бриллианты. — Но затем возразил:

— Нет! Жемчуг. Он более нежный.

Повернувшись к ларцу с драгоценностями, который держал негр Куасси-Ба, он выбрал ожерелье из трех нитей жемчуга.

Эта сцена, отраженная в большом зеркале, напомнила им подобную же сцену, которая происходила много лет тому назад во дворце в Тулузе. Они были уверены, что обоим пришло на память одно и то же: Тулуза.

— Тогда вы еще не любили меня, — сказал Пейрак. — Как это было давно. Вы заставляли меня так сильно страдать. Но, черт возьми, я все равно добился бы, в конце концов, вашей любви. И я хотел, чтобы вы полюбили меня сами, а не потому, что я был вашим мужем. Да и теперь я хочу того же.

Они смотрели на город, и у обоих было предчувствие, что эта попытка возвращения во Францию, может быть, предоставит им возможность восстановить все то, что они потеряли. Наконец-то они смогут прекратить блуждания по морям и лесам. Они вновь смогут занять свое место в обществе, среди равных себе.

Обняв ее за плечи, граф тихо спросил:

— Вы боитесь?

— Немного.

И так как она слегка вздрогнула, он добавил:

— Вы замерзли. Я прикажу подать ваш плащ.

Внести плащ было не таким простым делом. Дельфина, юная камеристка, позвала на помощь Генриетту и Иоланту, а также портного и Куасси-Ба. Плащ был сделан из белого меха на подкладке из тонкой шерсти и белого атласа с широким капюшоном, вышитым по краям золотом и серебром. Они внесли его, стараясь не касаться половиц, так как пол корабля нельзя было назвать абсолютно чистым.

Жоффрей де Пейрак разглядывал Анжелику, стоящую перед зеркалом.

— Чего вы страшитесь, любовь моя? Неудачи? Неужели вы не знаете, до какой степени вы очаровываете всех, кто с вами встречается? Неужели вы не осознаете, какими чарами вы обладаете? Поверьте мне, они сильны, как никогда. Я испытал их на себе. Пытаясь понять, в чем состоит их секрет, я пришел к выводу, что вы в самом деле владеете магическим даром овладевать сердцами. О! моя дорогая, моя прекрасная! Вы, которая сумела покорить меня, будьте же уверены в своей победе над всеми остальными...

В этой тираде, произнесенной на манер трубадуров Лангедока, чувствовалась столь сильная страсть, что Анжелика невольно улыбнулась. В самом деле, она не могла не признать, что обладает тем даром, который она столько раз испытывала на мужчинах и который она то благословляла, то проклинала.

Жоффрей был прав, что напомнил ей об этом. Пришло время опять стать той Анжеликой, которая, несмотря ни на что, всегда одерживала победу.

Она выйдет навстречу этой толпе, и она не разочарует ее. При виде ее красоты улягутся страхи и успокоится ненависть.

Она коснулась одной из сережек, чтобы увидеть, как заиграют бриллианты у ее лица. Это было очень красиво. Она поправила несколько прядей своей прически тем обычным жестом, который бывает почти у всех женщин перед тем, как они должны предстать перед взорами публики. Магический жест. Знак самосозидания, самовоплощения, уверенности в себе самой, в своей красоте.

Улыбнувшись своему отражению в зеркале, Анжелика почувствовала, что успех несомненен.

Слуги внесли ее белый плащ, держа его как знамя, за четыре конца. Граф де Пейрак сам накинул его на плечи Анжелики, расправив складки и надев капюшон на ее блестящие волосы. Можно было подумать, что он готовит ее к военным действиям, главным оружием в которых будет женское очарование. И это оружие должно будет сегодня завоевать для него Квебек.

Дельфина поднесла Анжелике гребенку и заколки.

— Мадам, должна ли я сопровождать вас? — спросила девушка. — У меня шкатулка с вашими туалетными принадлежностями.

— Нет, не нужно. Я не хочу, чтобы вы подвергались опасности.

Жоффрей вмешался в их беседу:

— Мадемуазель, ваша забота заслуживает похвалы. Но сейчас я бы не хотел, чтобы вы были на… передовых позициях. Вы отправитесь на «Рошле», где находятся также дети, с Иолантой. Там вы получите все указания и в нужный момент сможете присоединиться к нам, чтобы принять участие в празднике.

Покорившись, девушки оставили все предметы, забота о которых была им поручена, и покинули Анжелику, сопровождаемые одним из матросов с «Голдсборо», который должен был их охранять.

Анжелика услышала, как граф шепнул Куасси-Ба:

— Приведи сюда господина де Кастель-Моржа.

Она вздрогнула. Г-н де Кастель-Моржа, полковник, главнокомандующий войсками Новой Франции, который, несмотря на свое гасконское происхождение, был их заклятым врагом, находился на борту корабля? Что это означало?

Она все поняла, увидев на пороге вместо вспыльчивого, неотесанного, с дурными манерами и дурным характером полковника-губернатора его сына, молодого Анн-Франсуа, обладающего прямо противоположными качествами. Гасконская кровь, текущая в его жилах, проявлялась лишь в живости его характера, во вкусе к любовным приключениям, к поэзии, к радостям жизни. Худощавый и высокий, с черными глазами, смуглым цветом лица и сияющей улыбкой, он был похож на Флоримона, как родной брат, и неудивительно, что они подружились, когда случай свел их на берегах Нежных Матушек, как тогда называли Большие озера.

С индейской повязкой на лбу, расшитой жемчугом, в одежде из замши, но дополненной кружевным жабо, завязанным кое-как, что было, по его мнению, достаточно, чтобы выглядеть элегантно, он являлся ярким примером той пользующейся полной свободой молодежи, которая вырастала в колониях подобно еще невиданным плодам.

Он поклонился с вежливостью молодого сеньора и склонился в еще более глубоком поклоне перед Анжеликой. Его горящие глаза не скрывали восхищения, произведенного ее видом. Он замер перед ней и, казалось, с трудом оторвал от нее взгляд, чтобы вновь повернуться к Пейраку в ожидании объяснения причины его приглашения на корабль.

Граф рассматривал его с симпатией и снисходительностью. Глядя на них, стоящих друг перед другом, юнца и авантюриста с седеющими висками,

было удивительно и даже трогательно видеть, как много общего было у людей, рожденных Аквитанией.

— Милостивый государь, — сказал Пейрак, — я слышал, что вы были пажом при французском дворе в течение нескольких лет...

— Это правда. Я состоял на службе у госпожи Валансьен, подруги моей матери, я носил ее шлейф. А затем, когда мои родители уехали в Новую Францию, я поступил на службу к госпоже де Тоннэ-Шаранте. Но когда три года тому назад господин де Виль д'Аврэй, приехав в Сен-Клу, чтобы передать мне весточку от родителей, увидел, как я скучаю без моей матери, он добился того, чтобы я уехал с ним в Квебек. И я не жалею об этом! — с жаром воскликнул молодой человек. — Жизнь гораздо интереснее, когда можешь разгуливать на свободе, чем когда ты должен прислуживать знатным дамам, будь то хоть сама принцесса.

— Ах, да, все это хорошо. Но сейчас настал момент вспомнить то, чему вас обучили. Госпоже Пейрак нужен паж, чтобы сопровождать ее сегодня и оказывать многочисленные услуги во время приема, который, возможно, будет весьма утомительным. Я еще могу добавить, что выбрал вас, так как вы известны своей храбростью, ловкостью и любезным обхождением. Вы также хорошо знаете жителей Квебека. Вы сможете, если понадобится, оказать помощь той, которую сопровождаете. Чувствуете ли вы себя готовым выполнить эту миссию?

Выражение лица Анн-Франсуа показывало, сколь счастлив он был, получив столь неожиданный шанс сыграть свою роль в судьбе Анжелики, которой он восхищался все более и более с того момента, когда высадился в Тадуссаке.

Не заботясь особенно о своем костюме, подходящем более для охоты в лесу, Анн-Франсуа подробно

осведомился о том, кто будет сопровождать Анжелику, тщательно изучил содержимое ящика для драгоценностей, который был сделан из черепахи и инкрустирован золотом, а в крышке было встроено зеркало. Он проверил наличие всех гребней и щеток, коробочек с румянами. Достаточно ли было булавок? Имелся ли флакон с ароматическими солями на случай обморока, кружевные надушенные платки и так далее.

По всему было видно, что он прошел хорошую школу пажа у знатных французских дам. В сочетании с его красивыми глазами, его грацией, его индейским костюмом, та серьезность, с которой он принялся за свои новые обязанности, производила очаровательное впечатление. Он сказал, что должен дать указания Нильсу и Тимоти; которые будут поддерживать края плаща Анжелики, и, что если г-н и г-жа де Пейрак больше не нуждаются в нем, он будет их ждать на мосту. И он вышел, унося с собой черепаховую шкатулку. Анжелика хотела взглянуть на ожерелье Вампума, которое весной подарил ей Уттаке, вождь племени ирокезов, в знак союза между ними. Она верила, что оно принесет ей удачу.

Чтобы открыть шкатулку, где оно лежало, пришлось потревожить кота, устроившегося на ней. Этот кот, сопровождающий ее в плавании на «Голдсборо», неодобрительно относился ко всей этой суете, нарушившей спокойное течение его дней. Он притворялся, будто крепко спит. Разбуженный, он потягивался с недовольным видом, глядя, как Анжелика вынула из шкатулки ожерелье из маленьких белых и голубых раковин, предмет, которому традиции индейцев приписывают силу талисмана.

Ожерелье Вампум считалось равноценным золоту и серебру. То, которое вождь ирокезов подарил Анжелике, было неоценимо. Оно символизировало истинный мирный договор.

Уттаке, вождь пяти ирокезских племен, считался самым свирепым врагом Новой Франции. Но его союз с Жоффреем де Пейраком и Анжеликой, которые также были французами, слегка смягчил его нетерпимость по отношению к белым людям в Канаде.

Воодушевленная новой уверенностью в победе, Анжелика положила Вампум на место. Она сказала коту:

— Радуйся, малыш, этим вечером ты будешь в Квебеке и сможешь побродить по улицам настоящего города.

Приключение начиналось.

Она еще раз взглянула на Жоффрея де Пейрака, ее любовь, ее супруга, который в очередной раз затевал немыслимое, шел на тот крайний риск, который мог привести либо к победе, либо к поражению.

— Как он велик! — сказала она себе. — И почти непонятен, так он отличается от всех других. Но он не может не победить... Всегда и во всем.

Сегодняшний день был днем возрождения. Анжелика оперлась на предложенную им руку.

— А теперь вперед, мадам, вперед! Квебек ждет нас.

Глава 3

Ее охватил холод, как только она вышла на палубу. Вокруг все шумело. Звуки корабля смешивались с шумом города и усиливались эхом в скалах.

Почему в салоне «Голдсборо» ей казалось, что повсюду царит тишина? Гул звонивших колоколов был подобен дыханию океана из приложенной к уху раковины.

Туман сгущался, и в нем скрывалась часть берега, но все равно было видно, что повсюду у причала стояло множество самых разнообразных судов, рыбачьих лодок, пробковых и деревянных.

Жоффрей де Пейрак сопровождал Анжелику по верхней палубе. Он вел ее под руку, и ей вдруг пришла в голову мысль, что ему пришлось выдержать жестокую борьбу с самим собой, чтобы поручить ей выполнить эту миссию, где она будет подвергаться опасности вдали от него.

Они остановились возле большого серебряного подноса, приготовленного метрдотелем и его помощниками. Он был уставлен серебряными и хрустальными кубками, в которых был либо ром, либо тот душистый и прозрачный крепкий напиток, изготовляемый голландцами из плодов можжевельника.

— Прощальный бокал! — объяснил Жоффрей де Пейрак. — Пусть выпьет каждый из моих сподвижников, начиная юнгой и кончая самой прекрасной посланницей на землях Америки.

— Я предпочла бы стакан воды, — сказала Анжелика, обнаружив, что у нее пересохло горло и что она не может произнести и двух слов.

Ей тут же принесли воды. Она жадно выпила ее и вздохнула с облегчением.

— Теперь мне лучше. Что же вы хотите, я стала похожа на индейцев. Лишь ключевая вода возвращает мне силы.

Она поняла по взгляду Жоффрея, что ему страстно хотелось заключить ее в объятия и покрыть поцелуями.

— Вы прекрасны! Это будет триумф! Они не смогут стрелять в женщину, которая выступает как королева в своих самых лучших одеяниях. В самый первый момент они будут поглощены разглядыванием вашего туалета, драгоценностей, прически, и... партия будет выиграна! Спектакль будет развиваться и продолжаться по нашему сценарию. Ничто не сможет его нарушить. В этой маленькой столице Новой Франции не такой уж большой выбор развлечений.

— Да, мне тоже радостно. Игра будет трудной, но я не чувствую больше никакого страха.

— Несомненно! Страх останется со мной, — сказал граф и одним глотком опорожнил кубок с ромом.

Она снова почувствовала, что он тревожится за нее, но тем не менее не сомневается в ее успехе.

Затем он надел на свои развевающиеся по ветру волосы черную фетровую шляпу с белым пером, прикрепленным бриллиантовой пряжкой, и старательно натянул кожаные перчатки с крагами, отделанными кружевом.

— Я сейчас покину вас, мадам, и начну те обходные маневры, о которых я вам говорил. Благодаря туману, закрывающему устье реки, я высажусь на берег и, пройдя вдоль него, достигну кварталов Нижнего города и вскоре присоединюсь к вам в порту с флейтами, барабанами и трубами. Не беспокойтесь о детях, они в безопасности на «Рошле». Он плавает вдали от берега и приблизится, как только все наши войска высадятся. Сигналом «Голдсборо» будет предупрежден о том, что опасность миновала, и в этот момент вы сядете в специальную лодку, которая доставит вас в Квебек.

В то время как они разговаривали, их глаза продолжали спрашивать и отвечать. Их сердца продолжали свой диалог:

— Я тебя люблю... ты существуешь... ты прекрасна...

— Я тебя люблю... ты существуешь, я чувствую себя более красивой, более сильной...

— А выигрыш, — прошептала она, — каков выигрыш в этой игре, смысл всего этого риска? Добиться справедливости от короля Франции? Или же взбунтовать против него преданный ему народ? Это безумие, это нереально. Мы боремся, бьемся, но скажи мне, каков смысл всего этого?

— Тот же, что и для всех, — ответил он весело, — жить, побеждать на этой проклятой земле, где существует так много чудесного. Жить как можно лучше. Бороться, чтобы жить. Беречь не силы, но оберегать людей от кровопролития и жестокости. Конечно, то, что нас примут в Новой Франции, это абсолютно незаконно. Но приближается зима. В течение долгих месяцев с Францией не будет никакой связи. Нас поддерживают миролюбивые силы. Моя переписка с Фронтенаком приносит свои плоды.

— Но у вас ведь есть еще один союзник, вы мне говорили об этом?

— Тише! — сказал Пейрак. — Мой союзник тем сильнее, чем меньше о нем знают. Но мало-помалу все раскроется. Сейчас уже достаточно того, что губернатор открыто выступает на нашей стороне. Он рискует, что король узнает об этом. А каково отношение короля к нам? Мы еще этого не знаем.

— Ну пока что, во всяком случае, наш выигрыш уже в том, что мы, изгнанники и бродяги, сможем провести зиму в Квебеке, на земле Франции, среди своих соотечественников. Что может быть чудеснее?

Глава 4

Поцеловав ей руку, он сказал:

— Не беспокойтесь обо мне, речь идет только о ВАС, о ВАШЕМ триумфе, Маркиза Ангелов.

Она рассмеялась, услышав вновь этот ее прежний титул — Маркиза Ангелов. Ее удивило и обрадовало то, что он назвал ее тем именем, которое ей дали в парижском преступном мире. Маркиза Ангелов!

Глядя на город, который издали походил на какой-нибудь маленький французский городок в Нормандии или Бретани, она почувствовала связь между своим прошлым и настоящим.

Игра началась. Каждому была отведена его роль. Анжелика ждала прибытия маркиза де Виль д'Аврэя.

Вблизи Квебека находился только их флот. Пять хорошо оснащенных кораблей, с бортовыми ограждениями на каждой палубе; отверстия в бортах скрывали черные глаза пушек. Город был беззащитен перед этим флотом. Наступающая зима отрезала его от окружающего мира и оставляла их вдвоем, друг против друга: французов из Квебека и французов, которыми командовал Пейрак. Квебек возвышался перед ними, весь состоящий из высоких белых домов с островерхими крышами, теснящих друг друга, карабкающихся вверх и громоздящихся до самой вершины горы Рок.

В нем было много зелени; деревьев, фруктовых садов, расположенных террасами на разной высоте, соединенных лестницами, узкими тропинками, едва заметными дорогами.

На самой вершине, возвышаясь над остальными домами и дворцами, располагались собор, семинария, иезуитский колледж, монастырь урсулинок, замок Св.

Людовика. Их островерхие колокольни, шпили и кресты как бы венчали город ажурной короной.

Было нечто совершенно особенное в этом городе на краю земли.

Три или четыре маленькие ветряные мельницы, видневшиеся то здесь, то там, придавали общему ансамблю некоторую простоту и уют. Одинокий силуэт большого деревянного креста четко вырисовывался над мысом Диамант.

***

Маркиз де Виль д'Аврэй возник перед Анжеликой совершенно неожиданно.

— Не хотите ли посмотреть в мою подзорную трубу? — спросил он и добавил, поворачиваясь во все стороны:

— Как вы находите мой костюм? Он великолепен, не правда ли?

— Он превосходен. Но я также жду от вас комплиментов моему платью... Вы мне ничего не говорите.

— Что тут говорить! Вы восхитительны... нет слов. Я так взволнован, так рад, что буду сопровождать вас. Вы будете встречены овациями. Посмотрите на эту толпу. Она уже не может сдерживать свое возбуждение, ожидая вас.

Действительно, город сверху донизу был заполнен людьми и походил на гигантский муравейник.

Анжелика настроила подзорную трубу и разглядела набережную, черную от заполнявшей ее толпы, и на переднем плане силуэты офицеров в парадных мундирах, дамы в придворных туалетах с веерами в руках.

Ее ждали, несомненно, вместе со всеми почестями и торжеством, с каким ждут самых высокопоставленных гостей, а не врагов или каких-нибудь подозрительных иностранцев.

Анжелика была крайне взволнованна. Она уже давно не видела такого большого собрания людей, состоящего исключительно из французов.

— Они, кажется, довольны.

— Они счастливы. Можете мне поверить.

— А как же военный губернатор, господин де Кастель-Моржа? — осведомилась она.

— Он смирился. Губернатор взял с него обещание, что он ничего не предпримет против вас. Смотрите, я вижу его в мою подзорную трубу! Вот он, рядом с господином де Фронтенаком. Он раздражен, но не подает виду.

— А... отец д'Оржеваль? Его вы видите?

Среди толпы было множество черных сутан. Виль д'Аврэй принялся внимательно их рассматривать, затем покачал головой.

— Нет! Я не вижу его. Он, должно быть, где-то позади.

Виль д'Аврэй продолжал рассматривать толпу и, наконец, воскликнул:

— А, вот он! Вот он! Я же знал, я говорил вам! Посмотрите вон туда, справа, возле группы офицеров. Я вижу его... Этот священник в черном. Помните, я говорил вам, что он доберется раньше меня и будет ждать меня на молу.

— Кто же? Отец д'Оржеваль?

— Да нет, что вы. Мой капеллан, — торжествующе заявил маркиз. — Вы помните его. Это господин Дажене, который был со мной на «Голдсборо», но отказался следовать в глубь французской бухты, предпочтя добраться до Квебека по земле. Ах, я же говорил вам, что он способен добраться сюда раньше меня. Ха-ха! Вот что делает Акадия с сорокалетним человеком, привыкшим лишь к книгам и молитвам, лесного путешественника, с каноэ за спиной. Я же говорил вам: эта страна превращает людей в безумцев.

Анжелика рассмотрела в подзорную трубу силуэт величественно стоящего священника и вспомнила, что мельком видела его на «Голдсборо». Он дожидался своего покровителя, стоя в толпе на набережной, и трудно было представить, что этот человек прошел пешком почти триста лье сквозь труднопроходимые и опасные места.

Квебек походил теперь на дерево, увешанное плодами. Не было ни одного окна, из которого не выглядывала бы чья-нибудь голова.

На стенах крепостного вала сидело множество людей. За пределами города простиралась широкая зеленая долина, которая теперь была рыжеватого оттенка и, казалось, шевелилась. Это были племена индейцев, союзников и друзей Франции.

Виль д'Аврэй вновь обратился к Анжелике:

— Безусловно, я предоставлю в ваше распоряжение мой портшез, когда вам нужно будет подниматься в собор на торжественную мессу. Мой портшез самый комфортабельный в Квебеке.

И добавил:

— Не опасайтесь ничего, под моей защитой вы неприкосновенны. Вот увидите.

И он удалился, прокладывая себе дорогу среди снующих взад-вперед людей на палубе «Голдсборо». Матросы выглядели великолепно в своей нарядной форме из белой ткани, в голубых с золотом головных уборах.

Нильс Аббаль, светловолосый швед, и Тимоти, маленький негр, подошли к Анжелике, готовые нести шлейф ее плаща. Оба были одеты в сюртуки из красной ткани, украшенные вышивкой, белые чулки и туфли с атласными бантами и серебряными пряжками.

Виль д'Аврэй снова подошел к ним, бледный и взволнованный.

— Одна вещь разбита, это ужасно.

— О какой вещи шла речь? Может быть, о пушке?

— Моя фаянсовая походная печь!

Его досада еще усилилась, когда он увидел Тимоти в его багряной ливрее.

— Как! Вы отказались отдать мне в пажи этого негритенка, а себе вы его взяли!

Анжелика начала ему объяснять, что это лишь временно, чтобы доставить удовольствие маленькому негру, но Виль д'Аврэй уже снова был занят другим. Беседуя через борт с жителями Квебека, он узнал более приятную для него новость.

— Я только что узнал, что моя служанка вернулась из своей хижины в Сан-Жозефе. Она видела сон о моем скором возвращении в Квебек и поспешила приготовить дом к моему приезду. Держу пари, она приготовила нам жаркое из куропаток, какое вы никогда не пробовали. Ах, Анжелика! Уже этим вечером вы будете ужинать в моем доме в Верхнем городе и смотреть, как ночь спускается на Св. Лаврентия. Я надеюсь, что вы меня будете часто приглашать ко мне домой?

— Может быть, ваша служанка будет разочарована, узнав, что вы уступаете нам ваш дом, а сами отправляетесь в Нижний город?

— Она сделает все, как я прикажу. — Он вновь посмотрел в подзорную трубу. — Я хотел бы показать вам отсюда мое жилище, но деревья соседнего сада закрывают его. Но, во всяком случае, я вижу часть крыши и трубу, из которой идет дым. Жизнь прекрасна.

Глава 5

Время от времени маркиз де Виль д'Аврэй и Анжелика бросали тревожные взгляды в сторону устья реки в том направлении, куда скрылись лодки графа де Пейрака. Легкий туман по-прежнему мешал видеть все, что там происходило.

— Чего мы ждем? — спросила Анжелика.

— Сигнала, который они должны нам дать. Но пока, возможно, они считают, что туман слишком плотный.

Почти в этот самый момент туман начал понемногу рассеиваться, и в устье реки стал виден затонувший корабль.

— Что это за жалкое сооружение?

— Это «Сан-Жан-Баптист», старая калоша, которую мы не раз спасали во время разлива Св. Лаврентия. Было сделано все возможное, но он в слишком плачевном состоянии, и вчера вечером почти развалился, дал течь и теперь торчит в устье. Но этот инцидент нам на руку. Наши яхты «Дезерэ» и «Рошле» помогали спасать пассажиров. Они приняли на борт тех, кто особенно промок, и среди них господина де Барданя, посланника короля, и его офицеров. Теперь все они являются нашими заложниками. Но г-н де Пейрак не воспользуется этим. Я восхищаюсь его политической мудростью. Эта история со спасением утопающих позволила ему укрепить позиции в Квебеке. И когда он прибудет и присоединится к нам, в его свите будут почетные гости, спасенные им, и среди прочих — посланник короля Франции.

В это время молодой человек с длинными волосами, перехваченными на индейский манер повязкой с жемчугом, в куртке с бахромой, стремительно приблизился к ним и встал рядом с Анжеликой. Он был

выше ее на голову. В руках он держал черепаховую шкатулку, инкрустированную золотом с видом волхва, приносящего дары.

— Анн-Франсуа! — вскричал Виль д'Аврэй. — Что вы здесь делаете, друг мой?

— Господин де Пейрак поручил мне сопровождать мадам де Пейрак, — гордо произнес юноша.

— Как! Сопровождать ее! Но это мне было поручено ее сопровождать!

— Не слишком ли это много, двое защитников?

— Что за вздор! Я один способен защитить ее. Вы, несомненно, лжете. Вам ничего не поручали. И вы выглядите нелепо в ваших индейских лохмотьях.

— Мне поручено нести ларец с украшениями госпожи де Пейрак.

— В подобном одеянии! Что за маскарад! Вы не в состоянии одеться так, как подобает человеку вашего положения, и вы осмеливаетесь находиться рядом с самой прекрасной в мире женщиной... Это невозможно!

— Сигнал! — вскричала Анжелика, которая только что увидела, как в небе прочертила след ракета, подобно падающей звезде.

— Сигнал! — повторил Виль д'Аврэй. — Это знак для нас.

И тотчас же, сознавая всю важность момента, он забыл о ссоре.

— Садимся в лодки! Идемте, Анжелика. Пажи, вы готовы? Придерживайте края плаща. Вот так... Что же касается тебя, Анн-Франсуа, отодвинься на задний план и не пытайся занять мое место, иначе я сверну тебе шею.

Выпятив грудь, привстав на каблуки, маркиз де Виль д'Аврэй взял Анжелику за руку, вытянув ее вперед и так высоко, как если бы он собирался танцевать павану на балу во дворце, и так они пересекли палубу и подошли к трапу.

Внизу, ожидая их, качалась лодка. Сначала в нее переправили обоих пажей. Затем шевалье де Вовенар, извинившись за то, что он идет впереди нее, подал Анжелике руку, чтобы помочь ей спуститься в лодку. Корабль слегка качало, платье и плащ цеплялись за поручни, и Анжелика была рада, что может опереться на надежную руку акадийского сеньора. Ее ободряло и согревало то, что она окружена канадскими и акадийскими друзьями, которые не боятся на глазах у всех оказывать ей высочайшее уважение.

В лодке она предпочла стоять, так как вода была спокойная, а ее слишком пышный туалет не позволял ей устроиться поудобнее.

Она благодарила небо за то, что погода стояла благоприятная. Все было бы совсем иначе, начнись в это время дождь или снежная буря, ветер и большие волны. Под этим ясным небосводом все, казалось, способствовало ее удаче. Посмотрев на небо, она увидела стаю летящих диких гусей. Последние... Выделяясь четким кликом на фоне ясного неба, они летели, вытянув шеи и пронзительно крича, и в этих криках Анжелике почудилось приветствие. Она подумала, что это знак удачи. Но тут же у нее в памяти возник мягкий голос, который ей шептал: «Я научилась ненавидеть море, потому что вы его любите, а также полет птиц, из-за того, что вы находите его красивым...»

Эти слова, полные ненависти и безумия, произнесенные когда-то Амбруазиной-Демоном, напомнили ей, что, кроме друзей, существуют и враги, которые еще не сложили оружия.

Неужели даже мертвая, эта женщина может ее преследовать и приносить несчастье?

Г-н де Виль д'Аврэй спустился в лодку вслед за Анжеликой и занял свое место рядом с ней. Гребцы подняли свои тяжелые весла. Как и весь экипаж

корабля, они были одеты в белое и голубое с золотом, с пистолетом у пояса. В соседней лодке, которая должна была следовать за ними, шесть матросов, вооруженных мушкетами, дополняли охрану.

Анжелика, стоя впереди, смотрела на Квебек. Теперь ей уже хотелось поскорей начать действовать, завоевывать новых друзей, испытывать силу своего очарования на тех, кто был настроен против нее. И именно она первая увидела, как над вершиной Рока, подобно гигантскому цветку, заклубился белый дым.

— Тревога! — вскричала она.

Затем они услышали глухой звук пушечного выстрела. И одновременно совсем рядом просвистел снаряд.

Они ощутили страшный толчок. Гигантский водяной столб возник, как по волшебству, у носа «Голдсборо», достиг своей высочайшей точки и низвергнулся с шумом водопада. Подхваченный этой страшною волной, юный Анн-Франсуа, стоявший у трапа, был сорван со своего места и, пролетев над их головами, упал невдалеке от лодки в воды Св. Лаврентия, прижимая по-прежнему к груди черепаховый ларец с драгоценностями.

Глава 6

Бушприт был сорван. Совсем немного не хватило снаряду, пущенному с высот Квебека, чтобы уничтожить и корабль, и лодку со всеми, кто там находился.

«Голдсборо» с необычайной скоростью уходил от линии огня.

Лодка была поднята громадной волной, и матросы отчаянно гребли, чтобы уйти подальше от корабля.

С шумом и скрежетом приоткрылись бортовые люки «Голдсборо», обнаруживая черные дула пушек.

— Ну вот и все! Это война, — подумала Анжелика, вне себя от гнева и досады. — О! Как это глупо!

Ее качнуло назад, потом вперед, и, едва не упав, она вцепилась в борта лодки. Виль д'Аврэй, напротив, выпрямившись, кричал господину д'Урвилю, командующему боевыми действиями на «Голдсборо»:

— Не стреляйте в этом направлении! Вы разрушите мой дом. Цельтесь левее, по дому Кастель-Моржа, военного губернатора, этого подлеца и предателя. Видите, вон там, там! В том углу над часовней Семинарии. Дом с шиферной крышей. Стреляйте! Разрушьте его!

Покрывая шум криков и приказов, раздался голос графа д'Урвиля:

— Огонь!

Оглушительный залп загрохотал в скалах, и воздух наполнился едким дымом. «Голдсборо» маневрировал с развернутыми парусами. Другие суда флота приблизились к нему, чтобы выстроиться рядом. Желтоватый дым, наполненный громыханием орудий и криками людей, пришел на смену прекрасному и тихому утру, и стая диких гусей повернула в испуге назад.

Тревожась за юного Анн-Франсуа де Кастель-Моржа, Анжелика высматривала его на поверхности воды. Умел ли он плавать? Наконец она заметила его и крикнула, чтобы ему оказали помощь. Плавать он умел, но ему мешала тяжелая замшевая одежда. Наконец индейское каноэ подобрало его, а затем он был пересажен в рыбацкую лодку.

Ждали других выстрелов, других залпов, но эхо смолкло, и больше ничего не последовало. Все, что произошло, было подобно короткой и безумной конвульсии. Медленно рассеялся дым, вновь появилось солнце и осветило город, как никогда кипящий от возбуждения.

И тогда они заметили, что их шлюпка, сбившись с курса, отдалилась от лодки с вооруженной охраной. Подхваченные сильным течением, они неумолимо приближались к набережным Нижнего города, немного выше Королевской площади, где их ждали официальные лица.

Люди, стоявшие на набережной, глядели на них во все глаза, разинув рты от изумления. Слышались возгласы:

— Вот так да...

Гребцы тщетно пытались развернуться, сильное течение несло их вперед.

— Тем хуже, надо причаливать, — решила Анжелика.

— Но это квартал складов и сараев, — сказал Виль д'Аврэй.

— Это Квебек! И я приехала, чтобы высадиться в нем.

Она выпрямилась в своем королевском наряде. Солнце переливалось в ее драгоценностях. Шлюпка очень быстро приближалась к причалу. Анжелика уже могла различать лица. По большей части они выражали глубокое изумление. Анжелика поняла, что эти бедные

люди из кварталов Нижнего города надеялись лишь мельком увидеть то зрелище, которое предназначалось для официальных лиц. Теперь же они не могли поверить, что вдруг очутились в ложах на лучших местах. Ко всему, в этом захолустном углу Нижнего города должны были находиться те, кто относился к ним враждебно, не одобряя политику губернатора, кто готов был видеть в них пособников дьявола и союзников их злейших врагов — англичан.

Вот почему Виль д'Аврэй был взбешен. Вместо того, чтобы участвовать в торжественном спектакле, где ему была отведена прекрасная роль, он вынужден высаживаться среди врагов, в жалком и опасном захолустье.

— Плебеи! Плебеи! — ворчал он. — Что за несчастье!

Но Анжелика была счастлива видеть, как быстро они приближаются к причалу Квебека, с удовольствием разглядывала плотную толпу на набережной, которая, вытаращив глаза, смотрела на подплывающую лодку. Напрасно Вовенар, стоя впереди, кричал:

— Ловите трос! Сборище идиотов! Ловите Трос!

Никто не пошевельнулся.

В конце концов кто-то подхватил пеньковый трос, брошенный с лодки, и они причалили.

Лодка слегка ударилась о сваи маленького подгнившего мола, увязнувшего в тине. Виль д'Аврэй выпрыгнул из лодки, и как только кончик его атласного башмака коснулся сырого дерева дебаркадера, к нему вернулся весь его энтузиазм.

Он протянул руку Анжелике, и с помощью пажей, придерживающих ее плащ и ее прекрасный переливающийся наряд, она, в свою очередь, ступила на берег. Чувство победы и счастья тут же овладело ею. Она достигла Квебека. Она наконец-то в нем. В Тадуссаке они вновь ступили на землю Франции.

Но в Квебеке, столице колонии Новой Франции, они вновь обретали Королевство и почти что Версаль, и за фасадами этих каменных домов, возведенных на земле Америки, был облик вездесущего короля Франции, того короля, который любил ее, которого она отвергла, который ее изгнал, Людовика XIV, Короля-Солнца, который был, несомненно, самым великим королем во всей вселенной.

Кто бы ни были эти люди: мошенники или честные, плебеи или знатные сеньоры, те, кто ждал ее здесь на набережной, были французы, как и она, той же расы, тех же корней, говорящие на том же языке, и более того, большинство из них были уроженцами западной Франции, куда входила и ее родная провинция Пуату.

Все эти чувства и мысли о том, что она в своей стране, среди своих, наполняли ее огромной радостью.

И эта радость сияла у нее на лице.

Виль д'Аврэй, входя в ситуацию, встал рядом с Анжеликой, вытащил шпагу и, взмахнув ею театральным жестом, воскликнул:

— Друзья мои, я, маркиз де Виль д'Аврэй, возвращаясь в наш славный город, приветствую вас. Я имею честь представить вам графиню де Пейрак. По воле случая она посетила вас раньше, чем губернатора. Выкажите ей вашу признательность за то, что судьба сделала вам такой подарок, и поприветствуйте ее, а затем я провожу графиню к тем неудачникам, которые ждут не дождутся ее прибытия.

Смех и приветствия раздались со всех сторон.

— Вперед и смелее! — скомандовал Виль д'Аврэй. Он опустил вниз свою шпагу, держа ее на отлете, другую руку протянул Анжелике и начал подниматься по набережной, выходящей на широкую площадь.

— Нам нужна музыка, — решил Виль д'Аврэй. Маленький паж Нильс Аббаль, услышав его, вынул свою флейту. Оставив плащ, который он поддерживал вместе

с Тимоти, он вышел вперед и поднес инструмент к губам. Раздалась нежная и легкая музыка, и они продвигались вперед в такт ей.

Они старались идти медленно, чтобы их продвижение не походило на бегство. Люди аплодировали и расступались перед ними. Музыка маленькой тростниковой флейты придавала этому кортежу особое очарование.

Анжелика вспоминала города Пуату и Ванден, куда ей доводилось въезжать с триумфом. Ей навстречу, как и тогда, неслись приветствия, и ей хотелось всех обнять и расцеловать. И люди, должно быть, почувствовали это, так как мало-помалу их лица осветились улыбками. Вдруг Анжелика услышала громкий смех. Смеялись, глядя на что-то позади нее. Обернувшись, Анжелика увидела своего кота, который следовал за кортежем.

Задрав свой пушистый хвост, он выступал медленно и важно в такт звукам флейты.

Всем своим видом он как бы говорил:

— Ну что ж, я тоже, нравится вам или нет, вступаю в Квебек.

Анжелика была так удивлена, увидев своего кота, что остановилась. Как ему удалось последовать за ней? Должно быть, он пробрался в шлюпку незамеченным. Она видела в присутствии кота хорошее предзнаменование. Он всегда приносил ей удачу.

Видимо считая, что, раз он обнаружен, он может занять подобающее ему место, кот в несколько прыжков обогнал Кортеж и устроился рядом с Нильсом Аббалем, чтобы идти впереди.

Это происшествие окончательно разбило лед. Аплодисменты усилились, улыбки стали еще более теплыми.

Толпа становилась все гуще. Слух о том, что графиня де Пейрак, Дама Серебряного Озера, мифический персонаж, в который верили лишь

наполовину, действительно высадилась в бухте Кюль-де-Сак и движется через квартал Сулефор, распространялся мгновенно и опустошил улочки и соседние дома.

Казалось, они выиграли: но в тот момент, когда они достигли края площади и собирались вступить на улицу, шедшую параллельно реке и выходящую на Королевскую площадь, группа людей преградила им путь с криками:

— Предатели, продались англичанам!

— Сами предатели! Дайте им пройти! Не суйтесь в наш квартал. Вы сами продались! Вам заплатили! Кто вам заплатил? Иезуит?

— Заткнись, богохульник!

В начинающейся потасовке обитатели квартала встали на сторону Анжелики. Полетели камни. Один из них угодил в кота.

Кот издал пронзительное мяуканье, подпрыгнул, упал я остался лежать неподвижно.

— Мой кот! — вскричала Анжелика и, не заботясь о своем роскошном наряде, опустилась перед ним на колени. Все пришло в беспорядок. Люди кричали. Матросы немедленно встали вокруг Анжелики. Она же, подобрав бедного кота, пыталась выяснить, ранен он или лишь оглушен. К счастью, камень отскочил рикошетом, и удар был не такой уж сильный. Виль д'Аврэй, обнажив шпагу, держал толпу на расстоянии. Он не хотел никого ранить и убеждал всех успокоиться. Но его не слушали.

Вдруг хриплый голос рыбной торговки перекрыл шум толпы.

— Остановитесь же, идиоты! Болваны! Недоумки! И вам не стыдно? Сражаться с животным! Да я вас в порошок сотру!

В несколько мгновений ситуация прояснилась. Как кегли, сбитые мячом, несколько человек, враждебно

настроенных, полетели вниз на мостовую, и в расчистившемся пространстве появилась толстая женщина, очень сильная, с растрепанными волосами, которая щедро раздавала направо и налево пощечины и пинки, быстро прокладывая себе путь. Наконец она приблизилась к Анжелике.

— Не горюй о своем коте, милая, — сказала она более мягким голосом. И совсем тихо и доверительно добавила:

— С ним ничего страшного. Я видела, как в него попал камень. Гляди, видишь, он шевельнулся. Я его вылечу, отдай его мне. Сейчас тебе не до кота. Продолжай свой путь. Лучше тебе не задерживаться здесь. Я отправила своего человека предупредить этих знатных господ, и вскоре прибудет охрана, которая проводит тебя к губернатору. Ничего не бойся и доверься мне. Я вылечу твоего кота.

Осторожно принимая из рук Анжелики кота, она заговорщицки подмигнула ей и скрылась в толпе, которая охотно перед ней расступилась. Казалось, ее все здесь знали, и она пользовалась большим влиянием.

Виль д'Аврэй отряхнул свои манжеты и поправил свой парик. Тимоти протянул ему его упавшую шляпу.

— Ну что за нравы, что за обычаи, — ворчал маркиз. — Я не узнаю мой славный город. Я кое-кого узнал из этих негодяев, и наказание не заставит себя ждать. Они дорого заплатят за свою наглость. Лейтенант криминальной полиции мой лучший друг.

Анжелика огляделась. Теперь возле нее остались лишь доброжелатели. Но случай с котом ее сильно обеспокоил. Было что-то непонятное во вмешательстве этой толстой женщины. Однако, несмотря на свою фамильярность, она внушала ей доверие.

Она взглянула на Виль д'Аврэя и сказала ему:

— Нужно, чтобы мы добрались до господина Фронтенака.

В этот момент толпа расступилась и пропустила человека, приближавшегося к ней быстрыми шагами.

Он также нес свою шпагу обнаженной, как бы готовый, если нужно, пустить ее в ход. В черных сапогах и черной шляпе, он носил под камзолом короткую сутану, также черного цвета, в центре которой был вышит большой серебряный крест.

Она узнала кавалера Клода де Ломени-Шамбора, одетого в парадную форму Мальтийского ордена.

Глава 7

Лицо его выражало беспокойство.

— Мы были так встревожены, — воскликнул он. — Слава Богу, вы живы и здоровы. Какое невероятное приключение! Мы пытались угадать, где вы могли причалить... И вот находим вас здесь...

Он улыбнулся. Анжелика была рада снова увидеться с ним, его присутствие ее успокаивало и обнадеживало. Мальтийский рыцарь имел большое влияниечм население Квебека.

— Кто стрелял? — спросил Виль д'Аврэй.

— Мы до сих пор не знаем... К счастью, господин де Фронтенак действовал быстро и энергично. Он был вне себя от ярости, узнав, что нарушили его приказ. Он сам поднялся на самый верх, откуда стреляли, чтобы лично вмешаться, если это понадобится... Но, оказалось, все вновь шло до порядку, как будто ничего не произошло. Пойдемте, я провожу вас к Королевской площади, вас там ждут. Я беру вас под свою защиту.

Вдруг его глаза расширились от восхищения. Он только что заметил ее наряд.

— Боже! Мадам! Как вы прекрасны! — Анжелика весело рассмеялась. Ему доводилось видеть ее в форте Вапассу либо всю укутанную в меха, либо в грубой льняной одежде и в сапогах. Ей доставляло удовольствие то, что сейчас он видит ее в более выгодном свете.

— Я хотела оказать честь Квебеку, — сказала она. — Это такой счастливый день для меня.

Ей много раз говорили, что целомудренный рыцарь пылко в нее влюблен, и она не могла не позволить себе внести некоторую долю кокетства в их отношения.

Одно было несомненно, то, что он был ей предан до такой степени, что некоторые думали, что он околдован или потерял рассудок.

— А я? — вмешался Виль д'Аврэй.

Он нахмурился, услышав, как граф де Ломени объявил:

«Я вас беру под свою защиту!»

— Как! Нас обстреляли. Мы потеряли свой эскорт. Мы пристаем в тенистой бухте нижних кварталов без всякой охраны, и никто не спешит к нам на помощь. Мы сражаемся со всяким сбродом, чтобы с великим трудом пробиться к вам. Я защищаю госпожу де Пейрак, рискуя жизнью. Благодаря мне господин де Фронтенак избегает серьезного дипломатического скандала, и, кто знает, может быть, даже войны? И что же? Это не я, а вы будете иметь честь представить госпожу де Пейрак губернатору? Не думаете ли вы, господин де Ломени, что вы хотите занять то место, которое по праву принадлежит мне?

— Успокойтесь, маркиз, — сказал удивленный рыцарь. — И примите мои искренние извинения. Я не ожидал увидеть вас здесь.

— Ну, это уже слишком!

— Я вас не видел.

— Однако я сказал вам несколько слов, и вы мне ответили! Но, конечно, вы ничего не замечали вокруг, вы были ослеплены! ЕЮ, конечно. Заметьте, что я понимаю ваше состояние и даже могу вас простить, но... я не уступлю вам свое место.

— Ну что ж! Тогда я уступлю вам свое, — смеясь, согласился граф де Ломени-Шамбор. Однако он не выпустил руку Анжелики. Он лишь встал по левую сторону от нее, тогда как маркиз встал справа.

Именно так они и вошли на Королевскую площадь, которая была одновременно и рынком для Нижнего города. Площадь была полна народу. При ее появлении

все стихло, затем раздались возгласы приветствия и овации. Отсутствие господина Фронтенака нарушало ход церемонии.

Знатные господа, собравшиеся в глубине площади возле возвышения, одетые в парадные туалеты, окружили Анжелику, заботливо предлагая ей присесть утолить жажду, делали ей всевозможные комплименты, выражали свое восхищение.

На возвышении стояли столы, покрытые белыми скатертями и уставленные множеством кубков и бокалов, сверкавших на зимнем солнце.

Достаточно было одной-единственной детали, чтобы напомнить Анжелике, что она находится в Новой Франции, а не в Новой Англии Королевская площадь служила одновременно и рыночной площадью для жителей Нижнего города, а возвышение в центре было не чем иным, как местом, где совершались казни и экзекуции, правда, достаточно редко. Сейчас эшафот был закрыт красивыми коврами, а цепи позорного столба и скамья подсудимых убраны.

Четыре бочонка с вином и впечатляющее количество фляжек с ромом с Антильских островов были выставлены для угощения.

— Господин де Пейрак преподнес нам в подарок это превосходное вино, — объяснила Анжелике очень любезная и оживленная дама. — Он прислал его рано утром, а также этот чудесный пламенный ром и ликеры для дам.

Вот чем объяснялось такое необычное, бьющее через край веселье, царившее на площади. Анжелика подумала, уж не намеренно ли граф де Пейрак с самого раннего утра угощал жителей Квебека.

Его щедрость способствовала хорошему настроению, вот почему, видимо, так легко отнеслись к тем нескольким пушечным выстрелам с «Голдсборо».

Глава 8

Долговязый верзила бегом спускался к ним по дороге из Верхнего города, задыхаясь и прихрамывая. Багровое от холода и заросшее щетиной, его лицо казалось почти черным. Он внезапно остановился перед Анжеликой, как лошадь, почуявшая препятствие.

— Вы мадам де Пейрак? — спросил он, тяжело дыша. — Вам не причинили никакого вреда? Вас не ранили?

Узнав, что все в порядке и Анжелике был оказан достойный прием, он повернулся, чтобы отдать приказание:

— Нужно предупредить дикарей. Великий Нарангасетт собирается вести их сюда через равнину Абрахама, узнав, что стреляли в его друзей. Отправляйтесь немедленно предупредить его...

Один из гонцов, в котором Анжелика узнала Ромэна де Лобиньера, бегом отправился выполнять поручение.

Офицер, заросший черной бородой, продолжал стоять перед Анжеликой в нерешительности.

Он подобрал свой плащ, пытаясь отвесить ей галантный поклон.

— Господин де Кастель-Моржа, — представил его граф де Ломени.

— Господин де Кастель-Моржа, — вскричала Анжелика, — это вы отдали приказ стрелять по нашему флоту?

— Нет, черт побери! Даю мое честное слово! А я умею его держать.

Он облокотился о помост.

— Ай! Ай! Моя нога!

— Вы ранены?

— Нет, это я заработал после зимней кампании против ирокезов.

И он также внезапно покинул ее, бросившись навстречу господину, который появился в окружении двенадцати солдат, одетых в форму пехотинцев, с мушкетами на плечах. Он принялся вполголоса давать ему какие-то объяснения.

Анжелика догадалась, что этот вновь прибывший и есть губернатор Фронтенак. Он сразу же ей понравился. В этом крепком пятидесятилетнем человеке было что-то простое и добродушное, что создавало ощущение, будто знаком с ним уже много лет. Когда он хмурил свои густые брови, его взгляд блестел подобно стальному клинку. Но чаще его глаза смеялись, а в складке его рта с толстыми губами было что-то доброе. Было видно, что он прежде всего военный и что весь этот элегантный костюм, надетый сегодня утром, тщательно завязанное жабо, чулки с золотыми стрелками потребовали от его слуг много ловкости и даже героизма. Его седой парик был надет слегка криво. Он слушал Кастель-Моржа внимательно, но с явным нетерпением.

— Все это по вашей вине! — бросил он военному губернатору. — Вы позволили провести себя. И из-за вашего легкомыслия я нахожусь перед лицом серьезных дипломатических осложнений. Я знаком уже очень давно с господином де Пейраком, и в течение года мы ведем переговоры, имеющие целью заключить союз между нами. И вот теперь его флот отплыл. Что он задумал? Он так просто не простит нам это оскорбление, которое едва не стоило ему его лучшего корабля. Я хочу немедленно отправить ему послание. И я поручаю это вам. Отправляйтесь немедленно, и тем хуже для вас, если они начнут стрелять.

Тем временем господину де Фронтенаку сообщили, что мадам де Пейрак находится здесь. Обернувшись и

увидев ее, он вскрикнул от радости и бросился к ней с распростертыми объятиями.

— Мадам де Пейрак! Какое чудо! Жива и невредима! А где же ваш супруг? Я надеюсь, он не очень сердится на нас?

Не дожидаясь ответов на свои вопросы, он целовал ее руки и смотрел на нее так, будто не мог поверить своим глазам. Затем он вновь встревожено спросил:

— Где же ваш супруг? Что он делает?

— Я не знаю...

Она быстро рассказала ему обо всем, что с ней произошло.

— Господин де Пейрак должен с ума сходить от беспокойства за вас. Необходимо срочно его успокоить.

Он продиктовал своему секретарю послание, полное извинений и объяснений, и вручил его одному из своих людей.

— Нет, только не вы! — сказал он Кастель-Моржа, — вы только все портите.

Офицер занял место в лодке. Потребовалось некоторое время, чтобы найти белый флаг: его соорудили из белого шарфа одного из офицеров. Гребцы налегли на весла, и лодка начала быстро удаляться туда, где, размытые легким туманом, виднелись силуэты кораблей де Пейрака. Г-н де Фронтенак следил за ней встревожено и нетерпеливо.

— Теперь нам остается только ждать...

Анжелика подумала, что ожидание обещает быть долгим. Ей было трудно предположить, что предпримет Жоффрей де Пейрак после этого обмена пушечными ядрами. Когда она сходила с корабля, он и его люди были уже на суше ниже по течению от Квебека. Вернулся ли он на корабль? Или же приближался с воинственными намерениями к городу-предателю? Знал ли он хотя бы, что с ней произошло?

Оставалось лишь ждать результата письма г-на де Фронтенака, если оно достигнет цели.

Анжелике хотелось спросить губернатора, что это за враждебная партия, которая осмелилась нарушить главные приказы губернатора. Было очевидно, что г-н де Фронтенак вне себя от гнева и с трудом сдерживает негодование, которое время от времени прорывалось наружу.

— Какая жалость! Такой прекрасный прием! Я все организовал по высочайшему этикету. Вас должны были встретить торжественно, как королеву, под звуки труб и барабанов. А теперь, взгляните, что за ярмарочный балаган! Люди пьют, и смеются, и ведут себя так развязно, как будто ничего не произошло.

— А может быть, это мое появление их успокоило? При виде меня они поняли, что переговоры не прерваны.

— А если господин де Пейрак откажется их продолжить?

— Ну что же! Разве я не являюсь вашей заложницей? Вы можете обменять меня и получить его прощение.

— А господин де Пейрак, со своей стороны, может объявить заложниками господина Карлона и господина де Барданя, которые находятся в его власти, — весело вскричал Виль д'Аврэй.

— Фу! Что за отвратительный шантаж, подлые угрозы, — удрученно произнес де Фронтенак. — Ах, я мечтал совсем о другом.

Анжелика хотела его утешить.

— Мессир, мы шутили.

— Мадам, вы смеетесь.

— Ну да! Ведь пока что ничего серьезного не произошло. Со своей стороны, я считаю, что нахожусь в прекрасной компании. А ваши вина очень бодрят.

— Ну что ж! Я последую вашему примеру, — решил Фронтенак, схватив с подноса бокал. — Мне это сейчас необходимо.

Он поднял свой бокал.

— За наш союз! — сказал Фронтенак.

Губернатор, казалось, был весьма растроган. Анжелика вспомнила, что он тоже из Аквитании, и, возможно, он знал о ней и о Жоффрее то, что не знали или забыли другие. Глядя ей в глаза, мессир де Фронтенак, казалось, вспоминал о многом.

— Прекрасная, как легенда, — прошептал он. — Мадам, все это не для официального приема, но простите мне понятное волнение после столь долгого ожидания и таких происшествий. Видя то, как дружба, соединяющая меня с вами и вашим супругом, победила непреодолимые препятствия, я был невыразимо взволнован. Kазалось, еще немного, и все рухнет, что пришел час крушения всех наших надежд... А потом мне сообщили, что вы уже здесь, я слышу радостные крики и приветствия... И вот я вижу вас...

Одним глотком он осушил свой бокал, и наполнил его снова.

Время от времени Фронтенак с нетерпением всматривался в водную даль.

— Что там происходит? Что он делает?

Но Анжелика, зная, что Жоффрей уже давно высадился ниже Квебека, не ожидала увидеть его так скоро, в особенности, если его продвижение было нарушено выстрелами пушек. Он, во всяком случае, должен был получить сведения о состоянии его флота и о настроениях в городе. И только тогда он мог получить послание Фронтенака.

В толпе появились разносчики пирожных с большими коробами, доверху наполненными бриошами и булочками. Маленькие мальчики, одетые в черные костюмы с белыми воротничками, оказывали им

должное внимание. Группа священников присматривала за ними. Дети, которых привели сюда рано утром, были румяными, их глаза весело блестели. Им дали выпить пива, и теперь с ними не было сладу. Это были воспитанники семинарии Квебека.

Невдалеке другая группа черных сутан привлекла внимание Анжелики, она поняла, что это иезуиты, пришедшие, мягко говоря, по просьбе, а фактически по требованию губернатора. Их участие в церемонии, должно было продемонстрировать отсутствие какой-либо враждебности. Сердце ее учащенно забилось, и она обратилась к рыцарю Мальтийского ордена Ломени-Шамбору, стоявшему несколько в стороне от нее.

— Мессир де Ломени, — сказала она ему совсем тихо, — не могли бы вы указать мне среди этих господ из компании иезуитов отца Себастьяна д'Оржеваля. Я знаю, что он ваш друг, а что вы — наш, но и не менее верно то, что он вел себя как враг по отношению к нам и что и теперь он замышляет недоброе против нас. Я крайне взволнована при мысли, что нахожусь невдалеке от него, и хотела бы подготовиться к встрече...

Граф де Ломени-Шамбор нахмурился, а затем грустно улыбнулся. Он снисходительно посмотрел на молодую женщину, обратившую к нему свое лицо. Робость придавала богине трогательный вид.

— Вы его не увидите, — сказал он. — Вот уже три дня, как он исчез.

Глава 9

— Исчез?

Анжелика еще не могла понять, радует ее эта новость или разочаровывает. Она повторила:

— Исчез? Что вы хотите этим сказать?

— Еще три дня тому назад Себастьян д'Оржеваль был в Квебеке. Много раз при встрече с ним я пытался уговорить его подчиниться решению господина губернатора оказать вам прием в Квебеке. Однажды вечером я пришел повидать его в монастырь иезуитов, где он назначил мне свидание. Мне сказали, что он отправился к губернатору, который вызвал его к себе. Я пошел вслед за ним. Но господин де Фронтенак его не видел. Мы напрасно прождали его. С этого времени он не появлялся в Квебеке.

Анжелика слушала в замешательстве, не находя собственной оценки этой новости. После некоторых раздумий в душу ей закралось беспокойство. Что же за всем этим скрывалось? Не для того ли иезуит ушел в тень, чтобы приготовить ловушку?

— Со дня своего прибытия в Квебек он начал собирать индейцев абенаков и гуронов в долинах Абрахама и подстрекал их встретить вас с оружием в руках. Странное явление, которое называют здесь «ход охотничьих лодок», подтвердило его пророчество о страшных бедствиях, ожидающих нас. Некий ясновидящий видел, как в небе появились эти огоньки, которые иногда пересекают наши широты.

— Я их тоже видела, — прошептала Анжелика, но как бы про себя.

— Слабые и робкие души видят в этих огнях пылающие лодки, на борту которых находятся миссионеры и трапперы, умершие, замученные

ирокезами. Это знак несчастья, призыв к бдительности... Было очень легко использовать эту атмосферу страха. Вождь племени патсуикеттов явился в это время и стал призывать всех до единого абенаков встретить вас. Еще немного, и разгорелась бы война между сторонниками Нарангасетта и теми, кто был на стороне Себастьяна д'Оржеваля.

Отдаленный шум поднимался в верхней части города, и его эхо докатилось до них и, подобно раскату грома, прервало их разговор.

«Может быть, это приближаются люди Жоффрея?» — подумала встревоженная Анжелика.

Шум все нарастал, как бы перекатываясь с этажа на этаж по скалам.

Затем на узкой улочке появился бегущий солдат. Указывая рукой на вершину, он кричал:

— Господин губернатор, индейцы! Они подходят! Сотни индейцев, издавая временами громкие вопли, заполняли улицы, сады, перескакивали через изгороди. Звук, издаваемый их ракушечными ожерельями, встряхиваемыми на бегу, придавал общему шуму странный ритм.

Фронтенак, упершись в бока, повернулся в направлении этого шумового потока.

— Что это с ними?

И повернувшись к Кастель-Моржа:

— Вы не могли оставаться наверху, черт возьми, со всеми вашими людьми?

— Но ведь это именно вы, господин губернатор, потребовали, чтобы я спустился вниз к дебаркадеру.

— Кто возглавляет индейцев?

— Пиксаретт!

— Ну, тогда можно надеяться, что они лишь хотят выразить приветствие на свой манер.

Однако его тревога не улеглась. От этих дикарей можно было всего ожидать.

— Великий сагамор Пиксаретт перешел явно на вашу сторону, — сказал он Анжелике. — Он объявил себя вашим другом, что, по меньшей мере, удивительно.

— Мы оказали друг другу военную помощь, — ответила она, — и я его глубоко уважаю.

В последний раз она встречалась с верховным вождем индейцев три месяца тому назад в заливе Лорэтник после трагических событий в Акадии. Перед тем как скрыться в лесу, унося с собой окровавленные скальпы людей Амбруазины де Модрибур, он крикнул ей:

— Иди! Я встречусь с тобой в Квебеке. Там тебе еще понадобится моя помощь.

Он сдержал слово.

Он появился на самом верху улицы Эспарж.

Один.

Величественным жестом он остановил поток своих воинов, остановившихся позади него в своем безумном и стремительном спуске.

Воцарилась тишина. И в то же время края крепостного вала и парапеты украсились головами в перьях.

Пиксаретта можно было узнать по его высокому росту. Но если обычно его привыкли видеть либо полуголым, либо в костюме из шкуры черного медведя, в этот день его наряд был великолепен. Весь, с ног до головы, он был покрыт боевою раскраской: красными и белыми узорами, которые, следуя сложному ритуалу, подчеркивали его превосходство над остальными индейцами, вырисовывали каждый его мускул, груди и мышцы, пупок, коленные чашечки, украшенные подвязками из перьев.

Его голову венчала огромная, расшитая раковинами тиара, увенчанная великолепным убором из разноцветных перьев.

Долгое время он стоял неподвижно, как бы позволяя налюбоваться своим великолепием, а затем медленным и торжественным шагом направился к Анжелике, стоявшей в окружении французской знати. Явное удовольствие сверкало в его черных и хитрых глазах.

Он обратил к ней взгляд соучастника. Их отношения имели долгую историю: им приходилось быть и врагами, и врагами-союзниками, и соперниками, равными по силе.

Желая напомнить ей о своих правах, он положил руку ей на плечо и сказал:

— Моя пленница!

И повернувшись к Фронтенаку:

— Это так, ты должен это знать. Эта женщина моя пленница, а не твоя. Она была захвачена мной в деревне Невехеваник, но она сказала мне, что она француженка и что уже крещена. Что мне было делать? Однако, ты видишь, я привел ее к тебе в Квебек, и ее супруг скоро явится сюда, чтобы заплатить мне выкуп. Я хорошо знаком с этими чужеземцами из От-Кеннебека. И могу тебя уверить, они не замышляют ничего враждебного. И вот я прошу тебя принять моих гостей с подобающими почестями и доверием.

— Ты своими собственными глазами можешь убедиться в почестях, которые я им оказываю. Прием, который они получают в стенах моего города, должен успокоить твое сердце. Наши дружеские чувства совпадают, у нас общие союзники, и те, кого ты удостоил своей дружбы, достойны сидеть на празднике рядом со мной, под знаменами французского короля, после того, как мы раскурим трубку мира. Я разделяю твое убеждение, что сегодняшний день — это великий день перемирия между народами.

Пиксаретт, довольный, повернулся к жителям и начал торжественную речь.

Анжелика поняла, что он перечисляет все ее великие достоинства, среди которых он особенно выделял то, что казалось ему наиболее важным: умение вызывать духов и оживлять умерших прикосновением руки.

К счастью, эта речь была не столь уж длинной, и она надеялась, что ее слушали не слишком внимательно.

Царственным жестом Пиксаретт указал на свою пленницу, приглашая толпу поприветствовать ее.

Народ начал от души аплодировать, и на этот раз шум и возбуждение, в которых приняли участие и индейцы, были настолько сильными, что они заглушили звуки приближающихся со стороны реки флейт и барабанов.

Внезапно в начале площади показалась шеренга музыкантов, затем вооруженных людей, чьи кирасы и каски из черной стали сверкали на солнце.

Это был Жоффрей де Пейрак со своим войском.

Глава 10

Анжелика с бьющимся сердцем должна была признать, что двойная шеренга барабанщиков, затем флейтистов, смело идущих вперед в ослепительно белых костюмах, в поясах с золотою бахромой, в голубых с золотом шляпах, которые, не переставая играть, выстроились четкими движениями на площади, производили удивительное впечатление красоты и мощи.

Еще более впечатляющими были испанцы де Пейрака в кирасах и черных касках, с копьями в руках. Это была гвардия графа де Пейрака. Дон Алварес, их капитан, со своим строгим и высокомерным лицом выглядел как идальго, входящий во фламандский город.

Развевались на ветру знамена и орифламмы, носящие армейские гербы каждого из капитанов пяти кораблей, стоящих на рейде, и впереди всех герб де Пейрака: серебряный четырехугольный щит на лазурном фоне.

— Вот как! — воскликнул кто-то, — когда он плавал в Средиземном море, его серебряный щит был на красном фоне...

Анжелика быстро обернулась, пытаясь высмотреть в толпе того, кто произнес эти слова насмешливым и пренебрежительным тоном. Значит, был в толпе некто, кто знал, что под именем графа де Пейрака скрывается бывший Рескатор со Средиземного моря. Она не видела в толпе ни одного знакомого лица. Была ли это опасность? Что ж, надо было ожидать встречи такого рода.

Желая проникнуть в этот тесный круг людей, правящих Новой Францией, нужно быть готовым к

появлению призраков из прошлого.

Боялась ли она этого?

Она еще не успела понять, не успела ощутить страх.

Испанцы также выстроились на площади в две шеренги лицом друг к другу и, вытянув свои копья, скрестили их, образуя почетный коридор. И вслед за этим появился граф Жоффрей де Пейрак де Моран д'Иристрю.

Рокот послышался в толпе. Это был глухой шум, в котором можно было различить и страх, и некоторую враждебность, но также и удивление.

Так как он шел вперед, держа за руку Онорину.

Странное очарование было в этом высоком силуэте завоевателя, с лицом, покрытым шрамами, носящим следы жестоких сражений и как бы смягченным присутствием ребенка.

Безусловно, у него были темные глаза сарацина, черные непокорные волосы, не знавшие парика. Всем своим обликом, в сапогах с высокими ботфортами, в перчатках с крагами, с двумя кожаными перевязями, на которых висели пистолеты с серебряными рукоятями, он являл собой образ пирата.

Но у него была обезоруживающая улыбка, и он спокойно и просто вел к губернатору маленькую девочку.

Казалось, именно ее он хочет представить губернатору.

Онорина, державшаяся за руку Жоффрея де Пейрака, была очаровательна. Ее голубое с зеленоватыми оттенками платье подчеркивало блеск ее прекрасных волос, отливающих медью. Она, так любившая свободные движения, безропотно терпела высокий кружевной воротник, заставляющий ее держать шею прямо. Она терпеливо сносила и корсаж из зеленой узорчатой ткани «да массе», и банты розового цвета, которыми были собраны у запястий ее

широкие рукава из тончайшей ткани, выпущенные из-под более коротких рукавов казакина. В левой руке она держала свою шляпу с зелеными я розовыми перьями.

Было бы уж слишком требовать, чтобы она ее надела, но могло сойти и так; многие дамы, сооружавшие все более и более замысловатые прически, ввели постепенно моду носить шляпу в руке.

У Онорины был вид царственного ребенка. Со всей серьезностью она выступала рядом со своим отцом.

В то время, как все взгляды были обращены на нее, матросы с «Голдсборо» быстро расположились вокруг площади Этого никто не заметил. Все смотрели, как вслед за Жоффреем и Ориною выступили вперед оба сына графа, Флоримон и Кантор, красивые юноши шестнадцати и восемнадцати лет, и группа весьма важных лиц, среди которых Квебек мог узнать, по крайней мере, двоих своих почетных граждан: интенданта Новой Франции мессира де Карлона, возвращающегося из своей поездки в Акадию и мессира д'Арребуста, которого считали уехавшим в Европу. Третий человек, красивый и представительный мужчина, был им незнаком, но прошел слух, что это особый посланник короля, прибывший на корабле, потерпевшем крушение, и который был затем спасен флотом г-на де Пейрака.

Их присутствие, а также присутствие тех, кого подобрали с тонувшего «Сан-Жан-Баптиста», окончательно превратило этого сомнительного корсара в могущественного союзника, желающего установить дружественные отношения.

Выпустив руку отца, Онорина сделала глубокий реверанс мессиру де Фронтенаку, затем, подумав мгновение, сделала второй реверанс Пиксаретту, а затем, выполнив свою задачу, убежала.

Анжелика думала, что она побежит к ней, но Онорина высмотрела мессира де Ломени-Шамбора.

Мальтийский рыцарь, растроганный, высоко поднял Онорину на руки и прижал к своему серебряному кресту.

— Вы приготовили мне мой нож для скальпов? — спросила у него Онорина, после того как он расцеловал ее в обе щеки. — Вы и господин д'Арребуст обещали мне его, когда приезжали в Вапассу.

Рыцарь был удивлен, так как это обещание совершенно вылетело у него из головы.

К счастью, множество знатных дам и мессиров окружили Онорину и завладели ею. Они находили ее прелестной и хотели ее поздравить и обнять.

В Квебеке, несмотря на усилия губернатора, официальный протокол никогда долго не соблюдался. Присутствие ребенка «разбило лед» официальной встречи, и все принялись знакомиться, узнавать друг друга, представлять своих друзей. Г-н д'Арребуст был окружен друзьями, которые были счастливы его вновь увидеть, так как многие полагали, что его отправят в Бастилию, и эта немилость всколыхнула миролюбивые силы в колонии. Тем временем Фронтенак все же пытался осуществить некоторые официальные церемонии. По крайней мере, те, что касались его гражданской и военной администрации.

После военного губернатора и его офицеров были представлены члены Высшего Совета, мессиры Гобер де ла Меллуаз, Мэгри де Сен-Шамон, Обур де Лонгшон, Базиль, Голэн, прокурор Ноэль Тардье де ла Водьер, Никола Карбонель.

Жоффрей де Пейрак приветствовал каждого из них. Анжелика старалась и в этот раз удержать в памяти хоть какие-нибудь имена.

В свою очередь, граф представил своих сыновей, лейтенантов, офицеров и особенно мессира де Барданя, посланника короля, который терпеливо ждал своей очереди.

Анжелика, стоявшая справа от губернатора, находилась совсем рядом от мессира де Барданя, когда он представлял свои звания и доверительные грамоты, в то время как граф де Пейрак в нескольких словах объяснял, при каких обстоятельствах он имел удовольствие познакомиться с представителем Его Величества.

Наконец-то Анжелике удалось приблизиться к Жоффрею. Она смотрела на него, ее глаза сияли. Он взял ее за руку и украдкой поцеловал кончики пальцев.

— Что я вам говорил! — прошептал он. — Они победили!

— Кто это?

— Ваши зеленые глаза...

— О, Жоффрей! Я думала, что все пропало. Что это был за пушечный выстрел?

— Я еще не знаю. Может быть, отчаянная атака вашего друга, отца д'Оржеваля?

— Его нет в Квебеке. Он исчез. Мессир де Ломени мне только что сообщил...

— А! В самом деле!

Он подумал и улыбнулся. Анжелика могла поклясться, что он не слишком удивлен этой новостью.

— Ну вот и прекрасно! Одним противником меньше...

Он был очень спокоен, даже весел.

«Что еще он замыслил? — спрашивала она себя. — Кто устроил это... бегство отца д'Оржеваля? Не намекал ли Жоффрей на некоего секретного шпиона, с которым он поддерживает связь в самом Квебеке?»

Она посмотрела вокруг, вглядываясь в незнакомые лица, такие разные, но все радостные и оживленные. Повсюду царило веселье.

— Я так тревожился за вас, — продолжал Пейрак. — Этот пушечный выстрел мог иметь самые ужасные последствия. К счастью, я получил послание господина

де Фронтенака, в котором он меня уведомил, что произошла всего лишь печальная ошибка, что теперь все идет хорошо, несмотря на то, что ответ «Голдсборо» был суров.

— Да, да, ваш ответ был суров, — подхватил Фронтенак, услышав эти последние слова. — Слава Богу, убитых нет... разрушен один-единственный дом, это дом... А впрочем, все правильно... Я вам потом объясню.

Город был охвачен сказочным весельем. Дети бегали повсюду, пили, ели, пытались вовлечь индейцев в соревнования по бегу или в стрельбу. Люди Пейрака знакомились с жителями города, девушки угощали их кружкой пива или бокалом вина. Анжелика была удивлена, увидев, как Онорина подошла обнять маленького мальчика среди воспитанников семинарии. Они стояли, взявшись за руки, и важно смотрели друг на друга.

Анжелика подошла к ним.

— Почему ты поцеловала этого мальчика? Откуда ты его знаешь?

Онорина покачала головой.

— Ты сама хорошо помнишь, что я дала ему кусочек сахара в прошлом году, когда он приехал к нам, перед тем как все сгорело.

У Онорины была удивительная память на лица и на основные события. Анжелика не впервые в этом убеждалась.

Теперь и она узнала маленького Марселэна, племянника г-на де Лобиньера, которого ирокезы держали три года в плену, а потом отдали канадцам, разгромившим их под Кеннебеком, в обмен на свободу.

Мальчик не произносил ни слова.

— Ты сохранял шарики, которые тебе дал Томас? Отвечай мне. Ты же говоришь по-французски теперь?

Но мальчик стоял молча. Анжелика, однако, поняла, что он ее узнал, по тому мимолетному выражению хитрости и недоверия, которое промелькнуло в его голубых глазах. Видя ее на коленях перед одним из воспитанников семинарии, удивленные и растроганные тем зрелищем, которое она представляла в своем роскошном плаще из белого меха и в ореоле ее сверкающего голубого наряда, люди столпились вокруг нее.

Прибытие множества жителей Акадии, которые также были пассажирами «Голдсборо», вызвало новый обмен приветствиями.

— Несомненно, граф, вы привезли нам самых последних, запоздалых пассажиров, — сказал губернатор Пейраку. — Без вашего флота, и я начинаю теперь это понимать, многие из наших жителей столкнулись бы? с трудностями при переправке в Квебек. Англичане все меньше и меньше принимают участие в навигации во Французской бухте. С другой стороны, я также буду очень рад узнать новости о «дочерях короля», о которых меня летом извещало общество «Святого Причастия». Их покровительница, герцогиня де Модрибур, наняла на свои деньги корабль, чтобы их сопровождать.

Он прервал свою речь, с удивлением глядя на кого-то позади Анжелики и графа Пейрака.

— Почему ты крестишься, солдат?

— Это потому, что вы произнесли имя этой презренной, — пробормотал смущенный голос Адемара, который, стоя за Анжеликой, осенял себя крестом. — Де Модрибур! О, Господь, сжалься над нами! Все знают, что она была дочерью дьявола.

Жоффрей наконец решил воспользоваться ситуацией и рассказать Фронтенаку о судьбе герцогини де Модрибур.

— Действительно, мессир губернатор, ваши предчувствия оправдались. «Единорог», корабль этой дамы-благодетельницы, затонул возле берегов Акадии. Находясь поблизости, я смог помочь некоторым из этих несчастных девушек, но увы! Герцогиня погибла при кораблекрушении.

— Черт возьми! — воскликнул Фронтенак, — общество «Святого Причастия» будет меня попрекать!

— Мы привезли с собой некоторых из этих спасенных девушек...

— Что я буду теперь с ними делать, если их благодетельница уже больше не может оказывать им поддержку? Губернатор обвел глазами стоявших вокруг него.

— Я посоветуюсь с мадам де Меркувиль. Это весьма благоразумная особа и очень деятельная! Она возглавляет братство «Святого Семейства». Она обязательно что-нибудь придумает. Во всяком случае, завтра я должен созвать Большой Совет, нет, послезавтра, так как я хочу, чтобы вы отдохнули после столь длительного путешествия. У меня было предчувствие... Зная, что в этом сезоне у меня уже не будет никаких гостей, я приготовил в ваше распоряжение замок, который предназначался для герцогини де Модрибур, это одно из самых прекрасных зданий...

Всякий раз, когда Адемар слышал имя герцогини де Модрибур, он начинал неистово креститься. Старший матрос Ванно отодвинул его, в конце концов, за спины матросов «Голдсборо».

Как бы вызванный упоминанием о герцогине, наступил момент представить гостям иезуитов. Удостоверившись, что отца д'Оржеваля нет среди них, Анжелика подошла к ним без боязни. Она даже не могла скрыть некоторого разочарования. Этот иезуит, их враг, которого они никогда не видела и который

исчезал всегда именно в тот момент, когда они должны были столкнуться, оставался всегда очень опасным противником. Было бы хорошо скрестить наконец с ним шпаги и встретить этот «голубой взгляд, жесткий, как сапфир», о котором говорила Амбруазина.

Лишенная его присутствия, группа иезуитов не вызывала страха.

Их было около дюжины.

Главный среди них, достопочтенный отец Мобеж, предстал перед Анжеликой как загадочный персонаж. Говорили, что он провел долгие годы в Китае, среди ученых, основавших обсерваторию в Пекине! Было ли это результатом его репутации, но в этом священнике, родом из Пикардии, находили необъяснимое сходство с азиатами, среди которых он так долго жил.

Ему было приблизительно лет шестьдесят, может быть, больше, среднего роста, почти лысый, с лицом гладким, как слоновая кость, с медленными жестами. Выражение его лица, обычно бесстрастное, освещалось временами юмором. Он носил короткую, острую бороду, уже начинавшую седеть. Отец Мобеж обменялся несколькими словами приветствия с графом де Пейраком. Его манера вежливо кивать головой во время беседы дополняла впечатление, будто вы имеете дело с китайским мандарином, с человеком совершенно иной расы, сильно отличающейся от шумливых и подвижных французов, собравшихся вокруг.

Он бросил на Анжелику быстрый косой взгляд из-под морщинистых век, и у Анжелики сложилось впечатление, что это на нее смотрел представитель иного мира, таинственного в недоступного. Но, однако, она не ощутила страха.

— Мы не забыли, что один из наших братьев обязан вам жизнью, мадам, — сказал он спокойно.

И так как она была удивлена, он повернулся к стоявшему рядом иезуиту, коренастому, с густой черной

бородой, в котором Анжелика узнала отца Массера, добродушно улыбающегося ей.

— Это вы, отец мой? Как я рада вновь повстречаться с вами! Извините, что я сразу не узнала вас...

— Это я должен просить у вас прощения. Я таращил глаза и не узнавал в этой великолепной даме нашу добрую хозяйку форта Вапассу, которой я обязан тем, что не погиб, превратившись в ледяную статую. Я слишком поздно подошел приветствовать вас.

Они принялись обмениваться воспоминаниями о той ужасной зиме, когда отец Массера помогал ей ухаживать за больными.

Прибыли «дочери короля» и целая вереница пассажиров, спасенных с «Сан-Жан-Баптиста».

Анжелика видела издалека, как любезные канадцы знакомились с девушками, угощали их и старались ободрить и развеселить.

Они были в Квебеке! И теперь настал момент решать многочисленные маленькие проблемы, часто совсем непростые. Что делать, например, с этим бедным англичанином из Коннектикута, подобранным капитаном «Сан-Жан-Баптиста»? В настоящий момент его необходимо было прятать, чтобы его не посадили в тюрьму как врага Франции и не продали в рабство индейцам.

Анжелика вдруг вспомнила о своем коте.

— Ничего не бойтесь, — уверил ее Виль д'Аврэй. — Я вас уверяю, он в хороших руках. На Жанин Гонфарель можно положиться, когда она на вашей стороне.

— Жанин Гонфарель! — повторила Анжелика. — Не хотите ли вы сказать, что эта толстая женщина... но мне говорили, что она нам враг и что она очень предана иезуитам...

— Это так... Но она любит животных. Она хотела, чтобы камни летели в вас, а не в кота. Успокойтесь! Успокойтесь! — настаивал маркиз, видя, как Анжелика

побледнела. — Дня не проходит, чтобы она не посещала замок Сан-Луи или интенданта, чтобы потребовать того или иного. Но будьте спокойны за вашего кота. Он выздоровеет и получит хороший уход. К тому же, знаете ли вы, что она хозяйка таверны «Корабль Франции»? А это место, где кормят божественно! Это славная женщина, и я люблю ее как сестру.

Но, несмотря на заверения маркиза, Анжелика снова почувствовала в сердце смутную тревогу. Что бы он там ни говорил, вмешательство этой мужеподобной женщины ее озадачило, а теперь, когда она узнала, что речь идет о Жанин де Гонфарель, ее беспокойство усилилось, а не улеглось.

Вдруг с вершины раздался перезвон колоколов и, разносимый эхом скал, смешался с шумом уличной толпы.

— Торжественная месса! — воскликнул губернатор. — И господин епископ уже давно ожидает нас у паперти собора!

Глава 11

— Я привез подарок для монсеньера де Лаваля, который, как я надеюсь, придется ему по душе, — объявил Пейрак.

— Что же это?

— Святые мощи.

Шесть матросов с «Голдсборо» приблизились к ним, держа на своих плечах носилки, на которых была установлена небольшая серебряная рака.

— Узнав, что в базилике собора Квебекской Богоматери содержатся мощи святого Сатурнуса и святой Фелициты, я захотел добавить к этим сокровищам мощи святой Перепетуи, которая, как вы, несомненно, знаете, разделила ту же мученическую участь возле Карфагена на заре христианской эры.

Г-н де Фронтенак, может быть, и не знал этого, но он с почтением снял шляпу и перекрестился.

— Святые мощи! Епископ будет очень доволен. Он разместил более восьмидесяти рак со святыми мощами под плитами алтарей наших церквей. Наш город — это город святых.

Все выстроились в кортеж. Впереди шли Музыканты, за ними несли знамена.

Рака, окруженная иезуитами, охраняющими ее от уличной толпы, следовала за ними на плечах людей из экипажа.

Анжелика отказалась от портшеза, который ей так настойчиво предлагал Виль д'Аврэй. Куда приятнее было подниматься пешком, медленно продвигаясь к собору этим чудесным золотистым днем поздней осени. Солнце, еще высоко стоявшее в небе, дарило свое последнее тепло.

Улица, ведущая к вершине города, где располагался собор, была в начале очень узкой, и в связи с этим возникли некоторые затруднения церемониального характера: кто будет идти справа от губернатора — де Пейрак или де Бардане? Но господин де Фронтенак разрешил эту проблему на французский манер. Он принял галантное решение поставить справа от себя Анжелику, и вдвоем они возглавили процессию. Уже потом, когда улица стала несколько шире, слева от губернатора оказался господин де Бардане. Господина де Барданя приняли вначале за офицера из эскорта Жоффрея де Пейрака, ведь он не был никому известен, и никто не обращал на него внимания. Сам Жоффрей шел сразу вслед за губернатором, и его высокая фигура и величественный вид притягивали все взгляды и вызывали такой же восторг, как и красота Анжелики.

Шум оваций и приветствий сопровождали кортеж.

Вот наконец Анжелика и Жоффрей де Пейрак пересекли подъем, который вел от набережных Квебека к аристократическим кварталам города. Этот подъем был довольно крутым и каменистым, таким же, вероятно, как дорога в Рай, и подобно ей открывающим постепенно перспективы удивительной красоты.

***

Наконец они достигли самой высокой точки подъема. Анжелика, слегка запыхавшись, пыталась охватить взглядом великолепную панораму города, красота которой все возрастала по мере подъема, подобно гимну, звучащему все новыми и новыми аккордами.

С выступа скалы, на котором они находились, река казалась огромным серебристым зеркалом. Небо и вода слились в оттенках розового и голубого, и вдали можно было различить корабли маленького флота де Пейрака, выстроившихся полукругом перед городом, подобно игрушкам на зеркале.

Они возобновили свой путь, и на одном из поворотов повстречались со священником, облаченным в белый стихарь поверх черной сутаны, с лиловой епитрахилью вокруг шеи. Его сопровождали два мальчика в деревянных башмаках, но также одетые в длинные черные сюртуки и белые стихари поверх них. Один из них нес колокольчик, другой — высокий серебряный крест, который он держал двумя руками. Их сопровождал дог.

Священник взирал на процессию с видом пророка, пришедшего напомнить заблудшему человечеству, что жизнь есть страдание и что служение Богу должно быть на первом месте.

Но присутствие собаки сводило на нет всю его скорбную торжественность. Как бы строго и гневно он ни смотрел, собака, сидя на своем хвосте, свесив язык и глядя на процессию весело и дружелюбно, придавала всей этой сцене нечто ребячливое и забавное. Стараясь не замечать Анжелику, священник обратился к губернатору с надменным видом:

— Разве сейчас время для торжественной мессы? Уже скоро вечерня, и вы останетесь ни с чем. Мы ждем вас уже целую вечность, в соборе израсходовали недельный запас ладана, и Монсеньер уже собирается возвращаться домой.

— Ах, аббат, неужели вы полагаете, что дипломатические проблемы можно так быстро решить? Особенно, когда вмешивается пушка... А вы-то что здесь делаете, в то время как должны бы быть среди певчих?

— Я послан, чтобы отнести миро и елей жертвам бомбардировки.

— Как! Эта нелепая канонада принесла жертвы? Что, есть и погибшие?

— Двое. Но их успели исповедать до того, как они испустили дух.

Господин де Фронтенак был в сильном замешательстве и снял шляпу, на этот раз чтобы озабоченно потереть лоб под париком.

— Черт побери! А что говорят их родственники, соседи?

— Это были два негодяя, — сухо заявил викарий. — Никому до них нет дела. Пользуясь отсутствием владельцев, они пытались ограбить дом господина де Кастель-Моржа после того, как в него угодил снаряд.

— Браво, — раздался в толпе голос Виль д'Аврэя. И военный губернатор, рассвирепев, попытался локтями проложить дорогу к нему.

— Но я покорнейше напоминаю вам, — продолжал священник, — что все давно ждут вас на паперти собора. Я прошу вас поторопиться, ваше опоздание недопустимо.

После этого гневного напоминания он приказал своим маленьким спутникам продолжать путь, что они и сделали, громко стуча башмаками и шагая впереди него. Один нес крест, стараясь держать его как можно выше, другой звенел колокольчиком. Большой пес замыкал их шествие с глубокомысленным видом.

Подъем продолжался. Теперь река была у них за спиной.

Подъем был уже менее крут, и дорога расширялась. Дома Верхнего города были просторные, окруженные красивыми садами. Некоторые из них были похожи на маленькие деревенские замки среди лугов и фруктовых деревьев. Они миновали кладбище, расположенное террасами на спуске к реке.

Мощный запах медвежьего сала и дыма донесся до них, когда они достигли перекрестка четырех улиц. Одновременно они увидели, как все обитатели маленького лагеря гуронов, расположившегося позади собора, женщины, дети, собаки поднялись им

навстречу. Индейцы выскочили с радостными воплями, танцуя и хлопая в ладоши.

Процессия приближалась к собору, стоявшему на площади, образованной пересечением четырех улиц и имевшей вид звезды.

Собор находился в глубине площади, которая была окружена домами и деревьями и имела небольшой уклон, как и все расчищенные пространства в Квебеке. На паперти собора, очень просторной и далеко выступающей вперед широкими ступенями, находилось впечатляющее собрание священников в парадных облачениях.

Цвет одежды и количество кружев варьировались в зависимости от сана. Самые маленькие дети, поющие в хоре, были одеты в красные сутаны, те, что постарше, в черные. Помахивая кадильницами с ладаном и неся большие подсвечники с зажженными свечами, они окружали епископа, стоявшего на верхней ступени перед распахнутой дверью храма.

Монсеньер де Лаваль был красивый представительный мужчина пятидесяти лет. Митра, венчавшая его голову, делала его еще выше. Он держал в руке епископский посох, отличительный знак его могущества, делающий его пастырем и наставником человеческих душ.

Когда он приблизился, драгоценные камни, украшающие завиток его жезла, вспыхнули на солнце. Его рука в лиловой перчатке, украшенная кольцами, лежала на эмалевой рукояти.

Граф де Пейрак вышел вперед, отвесил придворный поклон и, встав на одно колено, поцеловал перстень, который протянул ему Монсеньер де Монморанси-Лаваль. В тот момент, когда он отделился от кортежа, глухой ропот пробежал по толпе. Не был ли это тот самый «человек в черном», о котором говорила матушка

Магдалина? Но он не был одет ни в черное, ни даже в темное, и это вызвало первое замешательство в народе.

Жоффрей де Пейрак разговаривал с епископом и, несомненно, говорил ему о мощах, привезенных в подарок, так как все увидели, как выражение лица епископа, бывшее до того нарочито бесстрастным, наподобие мрамора, вдруг как бы осветилось внезапно пробудившимся интересом.

Анжелике казалось, что слишком долго не представляют епископу Никола де Бардане. Ее несчастный друг по Ля Рошели, прибыв после столь утомительного путешествия, обремененный многочисленными документами и посланиями исключительной важности, был лишен того внимания, которое должны были бы ему уделить. Любой другой на его месте был бы вправе рассердиться.

Анжелика с облегчением увидела, что Фронтенак, возможно по подсказке одного из своих людей, казалось, вспомнил о существовании королевского посланника и объявил о нем со всей торжественностью. Мессир де Бардане, в свою очередь, преклонил колено, набожно поцеловал перстень, но когда епископ начал расспрашивать его о том, как он добрался, господин де Бардане весьма уклончиво отвечал на его вопросы, сказав, что ему, как и всем, не терпится отдать почести святым мощам.

Анжелика, слышавшая лишь обрывки их беседы, была рада, что ему с таким так-том удалось избежать разговора о той малоприятной для него истории со спасением утопающих.

Но вот мессир де Бардане повернулся к ней и сказал:

— Однако, Монсеньер, находясь все-таки на земле Франции, которая слывет самой галантной страной в мире, я хотел бы сам представить вам в первую очередь мадам де Пейрак, чья красота делает честь вашему

городу и которая не может не радовать человека с утонченным вкусом, каковым, как мне известно, вы являетесь.

Теперь была очередь Анжелики преклонить колени и поцеловать перстень, который епископ протянул ей достаточно сдержанно. Она почувствовала, что он, как и встретившийся им аббат, старался не замечать ее, и вмешательство господина де Бардане было для всех достаточно неожиданным. Все решили, что посланнику короля не подобало брать на себя роль представления ее епископу и что он превысил свои полномочия, но не могли понять почему.

— Конечно же, я не забыл бы представить графиню де Пейрак, — возмущался Фронтенак, — во что вмешивается этот болван? Хорошенькое начало!

Очень быстро кумушки разнесли слух о необычайной страсти посланника короля к мадам де Пейрак. Таким образом пытались объяснить его странное поведение. Говорили, что еще в форте Тадуссак он влюбился в нее с первого взгляда и теперь не может жить без нее.

Анжелика увидела, что епископ де Лаваль слегка удивлен, и тут же поняла, чем вызвано его удивление: Мессир де Бардане собирался предложить ей руку. Но в этот момент Виль д'Аврэй в который раз «не дал обойти себя» и быстро увел ее за собой.

Матросы внесли раку с мощами святой Перепетуи. Это появление было встречено гулом восторга, любопытства и мистических чувств.

Серебряная рака была поднята высоко над толпой, чтобы все могли ее разглядеть, а затем поставлена перед епископом.

— Какая гениальная и невероятная идея! — прошептал Виль д'Аврэй Анжелике. — Ваш супруг не мог придумать ничего лучшего, чтобы заставить епископа отнестись благожелательно к переговорам

между Новой Францией и вами. Как этому поразительному человеку всегда удается меня удивить? Я ему завидую!

Анжелика была согласна с мнением маркиза, что Жоффрей не устает удивлять их.

Его действия всегда заставали ее врасплох, его идеи и проекты возникали неожиданно и постоянно. Она спрашивала себя, когда это он успел раздобыть и привезти эти подлинные реликвии, эти бесценные рукописи?

Но они в самом деле были здесь.

Они стояли на паперти.

— Становится холодно, — сказал Виль д'Аврэй. — Солнце заходят. Мы не на Востоке, накиньте капюшон!

И чтобы продемонстрировать всем, что именно ему поручено ее опекать, маркиз помог ей расправить складки ее атласного капюшона, подбитого мехом, и эта услужливость вызвала ревнивый взгляд Никола де Бардане.

— Как вы очаровательны, моя дорогая! Никто не мог устоять перед вами, вы заметили? Победа по всем направлениям.

В это время епископ в скупых, изысканных выражениях, но в его устах звучащих тепло и искренне, благодарил за принесенные в дар мощи.

Затем он пригласил всю свою дорогую паству войти в храм, чтобы отслужить торжественную мессу...

— Победа! Победа на всех фронтах, — повторял Виль д'Аврэй, ведя под руку Анжелику к широко распахнутым воротам собора, откуда неслись торжественные звуки органа.

— Кстати, — сказал он, — я знаю, кто стрелял из пушки по вашим кораблям... Да, мне только что сообщили... Это совершенно неожиданно... Вы мне не поверите... спорю на сто... сворю на тысячу.

— Но говорите же... я умираю от любопытства.

— Так вот! Это МАДАМ ДЕ КАСТЕЛЬ-МОРЖА!

Глава 12

— Мадам де Кастель-Моржа! — повторила Анжелика. — Женщина! Стреляла из пушки! Но она сумасшедшая! Она же могла убить собственного сына...

— Она не знала, что он находится на борту.

Виль д'Аврэй прыснул со смеху.

— Она была вне себя от злости, узнав, что Квебек не собираются защищать от вас и что ее муж уступил Фронтенаку. И она, решила сама пробраться на редут, и, накинувшись на солдат и офицеров, находившихся там, приказала им потопить ваш флот. Говорят, она собственноручно поместила мешок с порохом в жерло пушки и проткнула его штыком. Солдат-артиллерист выстрелил, так как испугался, что она, размахивая штыком, выколет ему глаза или подожжет порох и взорвет всех и вся... Однако, надо признать, что за неистовая женщина!

— Лучше скажите, что за сумасшедшая!

Слушая эту, по меньшей мере, удивительную новость, Анжелика пропустила тот момент, когда они миновали вход в собор.

Она внезапно очутилась в глубине храма в первом ряду перед скамейкой для молитвы, сделанной из резного дерева, с бархатной подушечкой цвета граната с золотой бахромой.

Анжелика преклонила колени. Перед ней в полутьме блестел золотом алтарь, по обе стороны от него стояли колонны из черного мрамора, а над ними деревянная скульптура голубки — символ Святого Духа.

Тем временем позади нее церковь наполнилась шумом входящих.

Одно казалось в Квебеке главным: занять место, соответствующее рангу.

Иерархия званий, служебных должностей, богатства создавала в этой маленькой столице множество споров о превосходстве одних над другими, каждый считал, что защищая собственную честь и достоинство, он защищает одновременно честь и достоинство короля, Новой Франции и даже Господа Бога.

И при любых обстоятельствах проявлялся этот дух жесткого соперничества и соблюдения табели о рангах.

В этом лихорадочном стремлении каждого занять подобающее ему место, не дать сопернику опередить себя, люди совершенно не отдавали себе отчета в том, что они находятся в храме, рядом со Святым распятием. Возникло даже что-то вроде потасовки, и еще немного, и посланник короля господин де Бардане остался бы без молитвенной скамейки или же оказался бы во втором ряду.

Чтобы выправить положение, господин де Фронтенак вынужден был уступить ему свою скамейку, находящуюся немного впереди мест, отведенных для графа и графини де Пейрак. При этом он бросил недовольный взгляд на интенданта Карлона, занявшего место справа от Виль д'Аврэя. Маркиз же в своем непреклонном стремлении находиться рядом с Анжеликой занял как раз то место, которое предназначалось де Барданю.

Губернатору удалось урегулировать эту путаницу с местами, но при этом ему пришлось поставить свою скамеечку совсем рядом с балюстрадой, ограждающей алтарь. Епископ, направляясь к ступенькам алтаря, заметил это и нахмурился. Между тем месса началась. Дети, поющие в хоре, заняла свои места.

Певчие начали гимн Богу:

Воздаем хвалу тебе, о Боже,
Ты наш Всемогущий Господь
Святой, святой, святой Отче!
Небеса и земля наполнены Твоей

Благодатью и Славой.

Анжелика уже много лет не присутствовала на торжественной католической мессе. Она скиталась по лесам и морям, вела жизнь искательницы приключений, отвергнутая обществом, к которому принадлежала когда-то.

«Как это странно», — говорила она себе.

Приглушенные звуки органа, запах ладана, монотонные голоса певчих — все это повергло Анжелику в некоторое оцепенение. В ее памяти вдруг стали всплывать забытые лица, обрывки событий. Воспоминания наплывали, казалось, из этого теплого, душистого воздуха, дрожащего от тысячи свечей, в мерцании которых как бы двигались и шевелились деревянные резные скульптуры, щедро украшающие внутренность храма.

Вдруг ей на память пришли слова проклятий, изрыгаемые пастором Новой Англии, преподобным отцом Патриджем:

«Папская церковь проповедует религию распутников и фанатиков!» Это именно от его руки погиб отец де Вернон.

Анжелика подняла голову, чтобы разглядеть иезуитов, стоявших двумя рядами наверху возле хоров.

Как всегда в черном, но с надетыми поверх белыми стихарями по случаю торжеств. Их гладко выбритые или бородатые лица были одинаково холодны и безмятежны. Белые жесткие воротники с округлыми краями придавали им сходство с испанскими грандами, одному из которых, великому Игнатию Лойоле, они и обязаны были своим возникновением. Их собрание показалось ей похожим на Совет волчьей стаи. Осторожные и сдержанные, всегда и ко всем подозрительные и связанные каким-то общим уставом, они были не врагами, а силой. И эта сила, возможно, могла присоединиться к ним.

Она обратила внимание на руки молодого иезуита, державшего свой молитвенник. На левой руке не хватало большого пальца, и еще два других были отрезаны на уровне первой фаланги. На другой руке не хватало указательного пальца. Его остроконечная, короткая темная борода, тщательно подстриженная, окаймляла совсем еще юное лицо. Но он уже был лысым. Его природная лысина увеличивалась за счет следов от раны, покрывавшей половину черепа. Приглядевшись, можно было заметить, что у него была отрублена половина левого уха. Подвергшийся совсем недавно истязаниям, ныне он служил торжественную мессу в соборе Квебека и, казалось, не помнил о тех пытках, которые изуродовали его. У него было нежное и невинное лицо. Анжелика вспомнила его имя: отец Жоррас.

Анжелика вновь вспомнила об отце Верноне, с которым она плавала на «Белой Птице» и который погиб от руки английского пастора.

«О, мой друг! Почему вы умерли? Вы видите, я в Квебеке, как вы и просили…»

Она обхватила голову руками, стараясь восстановить в памяти уже забытые черты его лица и разгадать ту тайну, которую она читала в его глазах.

«Он любил меня!» — подумала она. — Я уверена, что он меня любил».

Анжелика была настолько поглощена этим немым диалогом с призраком, что забыла, где она находится и сколько прошло времени.

Со стороны казалось, что она полностью погружена в молитву, и та сосредоточенность, с которой она предавалась медитации, поразила всех присутствующих в храме.

Все взгляды были прикованы к белокурому затылку этой знатной дамы, которая в такой униженной позе распростерлась перед алтарем.

— Неужели она так набожна? — прошептала мадам де Меркувиль на ухо соседке, мадам Дюперэн. — Ну, это уж слишком! Уверяю вас, я уже больше ничего не понимаю... после всего, что нам рассказали об этих людях! Что они безбожники, враги Церкви... Что они даже не воздвигли у себя в колонии Крест! Ах, моя дорогая, кому же верить после этого...

Звон колоколов прервал размышления Анжелики и вернул ее к действительности. Она обернулась, чтобы еще раз посмотреть на тех, среди кого ей придется прожить некоторое время.

Возле нее, откинув голову назад и скрестив на груди руки, стоял Жоффрей. Какие мысли одолевали его? Были ли его чувства подобны тем, что испытывала она? Он казался удовлетворенным, но по тем ли причинам, что и она?

Справа от нее — Виль д'Аврэй, очень похожий на набожного петуха. Так как он в самом деле любил бывать в церкви и молиться. Позади находились Пискаретт и еще два индейских вождя: гуронов и алгонкинов. А за ними — причудливое смешение пестрой толпы. Тут было великое множество индейцев в индианок, одни — полуголые, другие — завернутые в одеяла. Бок о бок с ними стояли элегантные господа: дамы в корсетах, офицеры в парадных мундирах, трапперы, обросшие к бородатые, в одежде из замши. Многие француженки носили крестьянские головные уборы из своих родных мест, другие — белые чепцы.

Повсюду были дети, один — светловолосые и светлоглазые, другие — смуглые, с блестящими черными глазами индейцев.

Справа стояла матушка Буржуа, окруженная своими «дочерьми». Их бледные лица выражали искреннюю радость от того, что, наконец, они добрались до Квебека. В толпе легко было распознать новых иммигрантов, прибывших в этот самый день, по их

худобе, бледному цвету лица, покрасневшим векам и общему жалкому и затравленному виду, привезенному из Старого Света. Все это пройдет, достаточно им будет получить несколько арпанов земли или же начать охотиться.

Для этих вновь прибывших людей сегодняшняя церемония была единовременно началом и концом.

Для них, приехавших в Канаду в поисках лучшей жизни, старое королевство отдалялось подобно тяжелогруженому кораблю, увозящему их прошлое.

Маргарита Буржуа подняла голову, встретилась взглядом с Анжеликой и заговорщицки улыбнулась ей. В последний раз они виделись в Тадуссаке. «Ну вот, видите! Все устроилось наилучшим образом», — казалось, говорила эта улыбка.

Анжелика улыбнулась ей в ответ и почувствовала общее дружелюбие и теплоту окружавших ее людей.

И лишь одна женщина свирепо взглянула в ее сторону.

Она стояла немного позади, с правой стороны, на коленях. Вся ее напряженная поза, с резко выпрямленной спиной, выражала гнев и непреклонность.

Очень высокая, одетая как бы в глубокий траур, но с пышностью, подобающей самой знатной даме. Ее взгляд, брошенный на Анжелику, был подобен острой бритве. Затем она отвернулась и подчеркнуто сосредоточенно стала созерцать витраж. Всем своим видом она хотела показать, что не замечает окружающих. Полумрак базилики освещал острые черты ее бледного, как мел, лица. «Маска смерти», — подумала Анжелика. Опущенные вниз углы ее узкого, ярко накрашенного рта, похожего на шрам, придавали выражение глубокой скорби ее мертвенно-бледному лицу. Ее руки так сильно дрожали, что казалось, объемистый молитвенник вот-вот выпадет из них.

Одного взгляда было достаточно Анжелике, чтобы понять, что перед ней воинственная Сабина де Кастель-Моржа.

Глава 13

Одну за другой Анжелика отстегивала булавки, которыми был прикреплен жемчужный пластрон к ее голубому платью, и складывала их в чашу из оникса. Зеркало в деревянной золоченой раме отражало ее лицо, подобное распускающемуся цветку утренней зари, на котором сияли зеленые глаза, блеском своим спорящие со сверканием алмазов в ее ушах. Но почему ее отражение было хотя и ослепительным, но слегка замутненным? Причиной этого, несомненно, был горячий пар, поднимающийся из приготовленной для нее ванны. Она попыталась протереть зеркало, но это ни к чему не привело.

Из этого Анжелика сделала вывод, что она немного пьяна. Но это было и неудивительно, после всех событий сегодняшнего дня и после всего выпитого.

Лишь глубоко за полночь ей удалось наконец остаться одной. И теперь она даже находила некоторое расслабляющее удовольствие в таком скучном занятии, как отстегивание булавок.

Это чудесное платье ее не предало. Они с ним оба соблюдали тот договор, который заключает Женщина и ее Наряд, тот секретный договор, который помогает им взаимодействовать в их красоте.

Теперь она была счастлива, оставшись одна. За долгие годы ее свободной жизни она отвыкла от светского этикета, и ей показалось, что она уже не сможет снова стать придворной дамой, окруженной слугами и лакеями. Во всяком случае, не так сразу... К тому же существовала проблема с цветком лилии на ее плече — этим позорным клеймом, из-за которого она могла довериться только самым преданным служанкам.

Тем хуже! Она предпочитала уколоть себе пальцы булавками, но зато наслаждаться какое-то время одиночеством.

Она наконец сняла пластрон, расстегнула корсаж и, отбросив их подальше, вздохнула с облегчением. Затем она распустила волосы. Зеркало, покрытое по-прежнему облаком пара, отражало ее, стоявшую в тончайшем прозрачном белье, сквозь которое просвечивала белизна ее кожи и двумя более темными пятнами обозначились кончики груди.

Над зеркалом висело громадное распятие из серебра и слоновой кости. В доме Виль д'Аврэя распятия были повсюду, но они были так искусно выполнены, что казались украшениями, а не предметами культа.

Сняв рубашку, Анжелика осталась обнаженной. Она подобрала волосы лентой и приблизилась к ванне. Еще раз вздохнув, она вступила в теплую воду. Дневная усталость исчезла. Ее охватило блаженство, все мысли ушли, и, опершись головой о край ванны, она погрузилась в мечтания.

Она была в Квебеке.

И для нее это звучало почти столь же торжественно, как в тогда, когда она осознала, что ОНА БЫЛА В ВЕРСАЛЕ.

Важно было оценить, какой путь ей пришлось преодолеть, чтобы сейчас праздновать эту победу.

Она была в Квебеке, и после жизни, полной блужданий, он показался ей гаванью, полной чудес.

Она была в городе. В городе французской провинции с его домами, церквами, садами, лавками.

Она была здесь, в ванне, наполненной горячей водой, а вокруг нее — молчание тихой ночи. Зеркала отражали ее лежащее тело. Висящие повсюду, они увеличивали, раздвигали пространство этой маленькой

комнатушки, в которой маркиз соорудил роскошную ванную комнату.

Они смогли попасть в дом маркиза де Виль д'Аврэя еще до наступления темноты, что было почти так же трудно, как и сама высадка в Квебеке. Каким чудом им удалось в конце концов закончить всю эту церемонию приветствий и поздравлений и отправиться в дом маркиза, которым он так гордился?

— Но он совсем маленький, — вскричала Анжелика при виде дома.

— Но он очарователен, — возразил маркиз.

С этим нельзя было не согласиться. Несмотря на свои скромные размеры, дом был уютным и приветливым.

Маркиз сказал Анжелике, что она испорчена воспоминаниями о королевских замках. Для Квебека этот дом был достаточно просторным.

Он был двухэтажным, к нему примыкал широкий двор со службами, крытым гумном, дровяным сараем, пристройками, и Виль д'Аврэй заявил, что вскоре он приобретет соседнее поле, чтобы построить там конюшни, ферму, держать скот и выращивать овощи.

Войдя в дом, они очутились в большой низкой комнате, в глубине которой приветливо горел камин, а посредине стоял стол, покрытый белой дамасской скатертью и уставленный серебряной посудой; справа была видна гостиная, обставленная мебелью, покрытой коврами.

— Я привез большинство своей мебели из Франции, — заявил Виль д'Аврэй.

Как он и предупреждал, служанка ждала их, стоя возле стола, застывшая, как деревянная статуя, и сама казавшаяся частью декора.

Это была высокая полная женщина, со спокойным лицом, с робким взглядом из-под бретонского чепца. Она прижимала к груди, как ребенка, свою знаменитую

фаянсовую «гусятницу», над которой возвышалась золотистая корочка паштета из дичи.

— Моя дорогая! Ты неповторима! — вскричал маркиз, целуя ее в обе щеки. — Ах, более того, ты фея! Я всегда это говорил!

Виль д'Аврэй хотел повести Анжелику на второй этаж, чтобы показать ей расположение комнат.

Но Анжелика, глядя вокруг, спрашивала себя, каким образом они смогут все здесь поместиться. Она хотела подождать прихода мужа, чтобы решить этот вопрос.

Слуги и люди, сопровождавшие их, начинали собираться у порога: конюхи, метрдотель и его помощники, несущие корзины с посудой и бельем; затем «дочери короля» и некоторые музыканты, флейтисты и барабанщики, уставшие целый день дуть в свои инструменты или стучать своими палочками. Эти люди желали выпить что-нибудь, так как весь день они провели за работой.

Тем временем произошло именно то, что Анжелика предвидела. Служанка маркиза, узнав, что ее хозяин не собирается оставаться в доме и что он не только покинет его, но и предоставит в распоряжение этой чужой женщины, к которой он, казалось, питает неумеренную страсть, собралась уходить, унося из дома свое достоинство и свою «гусятницу».

Ей было невыносимо видеть, как ее хозяин собирается оставить Анжелике этот дом, так заботливо приготовленный ею, его преданной служанкой, для него, а сам перебирается в какую-то лачугу в Нижний город, даже не предложив ей сопровождать его, после того как она так долго его верно ждала.

Виль д'Аврэй разразился негодованием:

— Ты что, принимаешь себя за королеву Франции? Посмотрите на эту нахалку! Эти слуги из колонии не имеют стыда! Ах, если бы ты была по другую сторону

океана, в Старом Свете, ты бы не посмела себя так вести, негодная! Ты отведаешь палки!

Вне себя, он отвесил ей несколько чувствительных ударов тростью.

Служанка, согнувшись от ударов, тем не менее ушла, унося свою стряпню.

— Что же мы будем есть сегодня вечером? — вздыхал маркиз.

Но метрдотель с «Голдсборо» сообщил, что он готов приготовить им все, что они пожелают, и вместе с Флоримоном они отправились на кухню. Флоримон научился готовить, когда служил юнгой на корабле.

Продолжали вносить сундуки, узлы, кофры.

Толпа все росла. Люди столпились у дверей, желая скорее обрести пристанище, так как с каждым часом становилось холоднее. Большая кухонная зала уже не могла всех вместить.

В это время кто-то сообщил, что поместье, высокие трубы и часть белого фасада которого виднелись неподалеку, было тем самым жилищем, которое губернатор Фронтенак отдал в распоряжение господина де Пейрака, его семьи и всех его людей и которое, по всей видимости, было очень просторным и удобным.

Люди экипажа уже перенесли туда часть их имущества.

Был отдан приказ, и собравшиеся у дома маркиза поспешили отправиться в указанном направлении.

В это самое время прибыли две дамы из братства «Святого Семейства», готовые приютить «дочерей короля». Анжелика отправила девушек с ними.

Неожиданно появился Анн-Франсуа де Кастель-Моржа и начал в отчаянии причитать:

— Мадам! Мадам! Простите меня, то что произошло — это ужасно!

— Да, да! Я вас прощаю... я вам все прощаю, — повторяла Анжелика, чувствуя, что дневная усталость

валит ее с ног.

В это время Виль д'Аврэй повел ее показать свой дом. Он демонстрировал Анжелике свое жилище так, будто собирался его ей продать.

— И еще, моя дорогая, я хочу вам сообщить то, что вы не знаете... Вы слышали о том поместье, которое Фронтенак приготовил для мадам де Модрибур... Это тот самый замок де Монтиньи, который вам сегодня предложили. Вы же не поселитесь там, где некогда обитала она?

Наконец он ее покинул, сказав, что о нем не стоит беспокоиться. Он сумеет устроиться в Нижнем городе.

Ближе к вечеру, после ухода Виль д'Аврэя, явился толстый мальчуган лет двенадцати передать им новости о коте. Он сообщил, что кот себя чувствует хорошо и, кажется, подружился с кухаркой из харчевни «Корабль Франции», где он получает все, что ему нужно. Мальчика сопровождали двое слуг, принесшие горшки и кастрюли, в которых были рагу и бланманже, овощной суп, булочки — все это в подарок от хозяйки.

Могли ли они мечтать о такой любезности? Мальчик сообщил, что он сын мадам Гонфарель, что ему девять лет. Он выглядел настоящим крепышом. Анжелика хотела сделать ему маленький подарок, но он отказался. Тогда она расцеловала его в круглые щеки и попросила передать его матушке, что она завтра придет навестить ее, как только сможет, чтобы поблагодарить и забрать кота.

И вот наконец Анжелика осталась одна с Иолантой.

Дети спали в комнате на первом этаже, позади кухни. Близость очага делала эту комнату самой теплой.

В доме стоял нежный, приятный запах, так как мебель была начищена воском, содержащим благовония, повсюду стояли и висели многочисленные изящные безделушки, блестели серебром распятия.

Какое счастье было находиться в этом уютном, опрятном доме в столице Новой Франции, бывшей для них еще недавно недоступной вражеской крепостью.

Внезапно ее мысли омрачились, в памяти возникли слова, услышанные недавно. Вопросы, на которые она не могла ответить, кружились перед ней, как стая черных птиц...

Отсутствие отца д'Оржеваля! Загадочно... Безумие мадам де Кастель-Моржа... Бессмысленно... И кем мог быть спрятавшийся в толпе человек, бросивший фразу при виде Жоффрея де Пейрака со знаменем: «Послушайте! На Средиземном море его серебряный щит был на красном фоне!»

Человек, несомненно, знавший, что Жоффрей — это Рескатор.

И что он был когда-то на галерах короля.

Глава 14

Анжелика вновь открыла глаза. Какое-то предчувствие угнетало ее. Вода в ванной была все еще теплой. Она поняла, что, должно быть, уснула. Одна свеча погасла, другие догорали.

Анжелика вновь увидела в зеркале, висевшем над ней, свое отражение. Обнаженная женщина, лежащая в мерцающей воде, чьи глаза испуганно блестели в полумраке.

Почему Жоффрея до сих пор не было?

Того короткого мгновения, на который она заснула, было достаточно, чтобы изменить ее отношение к окружающей обстановке.

Тишина показалась ей полной тревоги.

Снаружи башенные часы пробили три удара. Это был голос спящего города. Города-ловушки.

Она едва дышала. Ей не хотелось, чтобы страх проникал в нее.

Где был Жоффрей? Где были его солдаты? Люди его экипажа? Его испанцы? Офицеры?

Она воображала самое худшее. Она начинала опасаться, что тот восторженный прием, который им оказали, был лишь мираж, ужасная комедия, предназначенная усыпить их бдительность.

Ей почудилось, что истина проступает на зеркале горящими буквами: «Они его арестовали...»

Живое воображение Анжелики рисовало ей этот момент, когда он входит в замок Святого Людовика, и его тут же окружают люди со шпагами в руках.

«Господин де Пейрак, у нас приказ арестовать вас. Именем короля!»

Все начинается сначала...

И когда она услышала какой-то шум внизу, в темном и уснувшем доме, она не сомневалась, что все опять будет как тогда, когда несчастный Куасси-Ба стонал и звал ее: «Мадам! Мадам!.. Они забрали мою саблю!»

Она вскочила, сопровождаемая всплеском, и, накинув простыню, кинулась из ванной комнаты к лестнице.

Крик замер у ее горла.

Внизу, у лестницы, стоял человек.

Человек, одетый в черное.

Глава 15

Это был Жоффрей де Пейрак.

Он был одет весь в черное.

Подняв голову, он смотрел на Анжелику.

Он был одет в широкий плащ с короткими рукавами, с высоко поднятым воротником из медвежьего меха.

Анжелика, опершись о перила, застыв, смотрела на него, как на привидение.

А Жоффрей, очарованный ее появлением, но удивленный трагическим выражением ее лица, с недоумением поднял брови.

Она стояла полуголая, с распущенными волосами, с нее струйками стекала вода. Она была очаровательна.

Увидев чудесную улыбку на обращенном к ней лице, Анжелика не могла в это поверить.

Вполголоса она сказала:

— Итак? Вам удалось от них ускользнуть?

— Ускользнуть?

— Что произошло? Я ждала вас так долго... Я заснула и...

— И... вы еще не пришли в себя, моя дорогая, как мне кажется... Я же предупреждал вас о Большом Совете в замке Святого Людовика... В самом деле, мне действительно, в конце концов, удалось оттуда ускользнуть. Все это тянулось так долго... Но все закончилось наилучшим образом.

Вздох облегчения вырвался у Анжелики.

Слетев со ступенек, она бросилась в его объятия, повторяя:

— О, как это глупо! Боже, как это глупо.

Она зарылась лицом в складках его одежды и потерлась о нее щекой.

— Нас опять начинают посещать злые духи? — шутливо спросил де Пейрак. — Какое событие могло превратить блестящую королеву Квебека в эту испуганную нимфу?

— Я подумала, что вас арестовали!

— Что за глупости! Неужели вы не поняли сегодня, что это не так просто? Я надежно защищен, и у меня верные союзники. К тому же ветер удачи дует в нашем направлении. Вы должны в это поверить.

— Это могла быть уловка.

— Нет! Французы из Канады слишком прямодушны для этого.

— Но вы меня очень напугали, — сказала она. — И особенно, когда я заметила вас, стоящего у лестницы во всем черном.

— Я хотел именно в таком виде присутствовать на этом ночном собрания.

— Почему?

— Черный человек, — сказал Жоффрей. — Вы помните черного человека, стоящего позади демонической женщины, из видения матушки Магдалины? Я знал, что меня охотно за него признавали. Разместив своих людей в поместье, я переоделся и в таком виде отправился на совет в сопровождении моих испанцев.

Анжелика была поражена.

— Жоффрей, это так неразумно, — сказала она, волнуясь. — Мы находимся в осином гнезде, любое недоразумение может обернуться против нас, а вы развлекаетесь тем, что напоминаете им о предсказании, о котором, может быть, некоторые и забыли, но другие хорошо помнят и боятся.

— Это еще один повод для того, чтобы увидеть все в истинном свете. Мне хотелось понаблюдать за их реакцией, и я ее увидел. Меня обвиняли в том, что я и есть этот человек в черном, равно как и вы — женщина-

демон. Чтобы разрушить этот миф, я предстал перед ними, как реальный живой человек. Но, с другой стороны, я вижу, вы тоже не боитесь явиться как «голая женщина, выходящая из вод».

— Но я же не явилась в таком виде на Большой Совет...

— Слава Богу! Анжелика, любовь моя, вы слишком серьезно относитесь к жизни, и вы опять становитесь той очаровательной маленькой каноницей, которую я когда-то отправил к свирепым протестантам в Ля Рошель. Но поверьте, после всех талантов, которые в вас обнаружились, эта роль вам вовсе не к лицу.

Он прижал ее к груди и начал осыпать поцелуями, и именно это могло сейчас наилучшим образом развеять ее тревогу.

Она подняла голову, чтобы еще раз посмотреть на него и убедиться в его присутствии.

Из ее груди вырвался крик.

За его спиной, в глубине залы, она увидела череп с двумя маленькими блестящими глазами и растянутый в насмешливом оскале рот.

Пейрак обернулся.

— Добрый вечер, господин Маколле, извините за то, что потревожил ваш сон.

— Ничего страшного, — проскрипел голос старого траппера. — Чего же мне жаловаться на такое приятное зрелище.

Зрелище действительно было необычное.

Граф де Пейрак, в сапогах и в тяжелой меховой одежде, сжимал в своих объятиях Анжелику в костюме наяды. Старый Элуа вытащил из сумки красный колпак и напялил его на свою оскальпированную голову. Затем широко зевнул и пробормотал что-то насчет медведя, которого он убил на королевской ферме и из-за которого господин ле Башуа его преследует, и вот почему он вынужден теперь скрываться в их доме.

— Я подумал, что у вас я буду в безопасности... как в Вапассу.

— Вы правильно подумали.

— Но где же вы спали? — спросила Анжелика, кутаясь в соскальзывающую с нее простыню.

— На складной кровати, «кровати нищего», как говорят у вас. Там есть немного соломы и покрывало... Если это вам не помешает, мадам.

И он ушел устраиваться на ночлег.

Из погреба донеслось блеяние козы.

Никаких сомнений. Они были в Канаде.

Обняв Анжелику, граф де Пейрак медленно повел ее по лестнице. Поднявшись, они остановились, затаив дыхание. Справа от них открывалась комната, где находилось огромное роскошное ложе, уже упомянутое Виль д'Аврэем. Оно было поистине королевским и занимало все пространство от стены до стены.

— Наш маркиз — несравнимый хозяин, — сказала Анжелика.

Но они не сразу вошли в комнату, а остановились у высокого окна, находившегося в центре лестничкой площадки, по обе стороны которого стояли друг против друга две банкетки.

Привлеченные лунным светом, струившимся через квадратики оконного переплета, они уселись рядом, и Жоффрей, откинув полу своего плаща, накрыл им плечи Анжелики и прижал ее к себе.

— Что это за одежда? — спросила Анжелика. — Ткань плотная, но такая грубая.

— Это подарок одного купца из этого города. Он мне понадобился для сегодняшнего переодевания. Я надеюсь, он войдет в моду в здешних краях, а возможно, и в Париже.

— Это одежда крестьянина!

— Но очень удобная для свиданий с красавицами ледяной ночью.

Обнявшись, они любовались лунным пейзажем.

На другой стороне улицы можно было разглядеть деревья фруктового сада. В ночной темноте вырисовывались неясные очертания ближайших домов. Но вдали виднелся четкий силуэт колокольни собора. Луна, вышедшая из облаков, сияла позади собора, и в ее ажурном свете были видны перила и колоннада башни, и высокий крест, уносящий далеко в ночное небо маленький флюгер, прикрепленный на самом его конце. На фоне мутно-молочных облаков он казался рисунком тушью, выполненным гигантским пером. Вокруг него виднелись башни и колокольни семинарии, монастыри урсулинок, иезуитской церкви и прочих маленьких церквей.

Жоффрей говорил вполголоса.

Он вспоминал о событиях сегодняшнего дня, которые, Слава Богу, закончились для них столь удачно. Безумный поступок мадам де Кастель-Моржа, казалось, его скорее развеселил.

— Я признаю, что питаю некоторую слабость по отношению к таким неистовым и дерзким женщинам, идущим до конца в том, что они задумали. Преданная своему духовнику, отцу д'Оржевалю, она, несмотря на его бегство, продолжала осуществлять его план. Ну и, кроме того, это женщина из Аквитании. А мы, гасконцы, можем друг друга понять и простить.

— Я считаю, что вы слишком легкомысленно воспринимаете поступок, который мог повлечь гибель «Голдсборо», — возразила Анжелика. — Вообразите, что было бы, если бы снаряд попал в цель: этот великолепный, корабль потонул бы, а вместе с ним все богатства и оружие, бывшие на борту. И, возможно, были бы человеческие жертвы.

— Жизнь редко делает нам столько зла, сколько могла бы... Что касается меня, то когда опасность

миновала, я не пугаюсь того, что могло бы произойти, а радуюсь, что все так хорошо закончилось...

— Мне кажется, вы сегодня выпили слишком много французского вина, — сказала Анжелика.

— Но кто же выиграл, в конце концов? «Голдсборо» по-прежнему качается на якоре у подножия скалы Рок, тогда как дом Кастель-Моржа сильно поврежден.

И он добавил, что Фронтенак был вынужден поместить семейство Кастель-Моржа в крыле замка Святого Людовика.

Все это время он держал Анжелику в своих объятиях и время от времени целовал ее в лоб или в висок так, как будто ее лицо непреодолимо его притягивало.

Она догадалась, в конце концов, что он говорил так беспечно, чтобы успокоить ее, чтобы передать ей свою уверенность, так как на самом деле, несомненно, он не был так уж радостно настроен.

— Жоффрей, — сказала она покорно, — я признаюсь, что поддалась панике. Передо мной вдруг выросли все те препятствия, которые нам могут помешать. Мне внезапно почудилось, что в этом доме есть сходство с тем самым, куда нас поместили, когда мы должны были присутствовать на свадьбе короля в Сан-Жан-де-Луце. Вы помните? Было сплошное ликование, но король воспользовался этим весельем и суматохой, чтобы арестовать вас.

— Забудьте же ваши воспоминания о прошлом, дорогая. Времена изменились. Ничто не повторяется в точности, как это было раньше, поскольку жизнь — это движение. Сейчас король уже не тот юный монарх, озабоченный прежде всего тем, чтобы уменьшить влияние принцев, которые вместе с Фрондой угрожали его трону. Теперь его могущество несомненно. Ни один сильный вассал уже не сможет стать королем в своей

провинции. А именно в этом подозревал он меня в те времена. Теперь времена иные.

— Король стал другим.

— А вы, вы теперь другая женщина. И вы сегодня доказали это, и с каким блеском! Я сегодня смотрел на вас, и мне казалось, что ту, что приближается ко мне, я не совсем хорошо знаю. Как мне объяснить вам, что я ощутил, видя, что вы притягиваете все восхищенные взоры? Я видел вас во всех ваших обличиях: ослепительную в Версале, уверенную в себе и бесстрашную перед ирокезами, непоколебимую перед Амбруазиной-Демоном. Все это не сулит мне спокойной жизни... Но я люблю риск и новизну.

— Это так! Вы слишком любите риск. Я права, когда волнуюсь за вас. Помните, когда вы отправились на свидание с этим Варанжем в бухту Благодарения, поверив лишь записке, подписанной Фронтенаком. Вы отправились туда совершенно один, и он ждал вас там, чтобы убить.

— Я, должно быть, предчувствовал, что ангел-спаситель встретится мне на пути. Все, что замышляется вокруг нас, не всегда нам понятно. Без вас я был бы мертв. Но вы явились, и вы убили его.

Анжелика вздрогнула.

— Что замышлял этот человек? Он оставил у меня странное впечатление. Как некий дух он растворился в вашей жизни, злой дух из видений. Я уверена, что он был одним из сообщников Амбруазины, одним из тех, кто ожидал ее и знал, что она из себя представляет.

— Она мертва, вы победили ее. Она не сможет больше нам навредить. Ее адское воинство отступило и скрылось во тьме.

И он поднял руку к окну, как бы производя заклинание, но при этом он улыбался.

У подножия Рока Святой Лаврентий нес свои воды в море, огибая мысы, острова и бухты.

В этот час уже несколько индейских каноэ прочертили поверхность реки, подобно черным насекомым.

Ему удалось рассеять ее тревоги и сомнения и вернуть ей чувство уверенности.

— Мы ушли уже слишком далеко, чтобы «они» могли нас настигнуть, — снова сказал Пейрак. — Разве вы этого не чувствуете? Все, что может еще с нами произойти опасного или трагического, уже не будет столь серьезно.

— А злопамятство отца д'Оржеваля? Когда я увидела кого-то в черном у подножия лестницы, я решила, что это он.

Жоффрей де Пейрак разразился смехом. — Что за идея! Я плохо себе представляю иезуита, даже этого, который мог бы прийти к даме посреди ночи.

— Он мог решить изгнать из меня злых духов.

— У вас слишком богатое воображение, моя дорогая. — И, помолчав немного, добавил:

— Не бойтесь его. Он больше не придет.

— Где же он? — прошептала Анжелика.

— Он покинул город... Так говорят.

— Но он, однако, был в нем за несколько дней до нашего приезда.

— А теперь его больше нет.

Анжелика вспомнила, что Жоффрей воспринял новость об отсутствии отца д'Оржеваля с удивлением, но так, будто он это предвидел. Она спрашивала себя, что он замыслил такое, чего она не знала, во что он ее не посвящал... У него был тайный шпион в Квебеке. Он ее как-то поддразнил по этому поводу: «Я же не сказал, что это мужчина...»

— А если он вернется?

— Он не вернется.

— Может быть, он умер?

— Нет, он не умер.

Он сжал ее в своих объятиях, его рука ласкала ее плечи. Она почувствовала, как вышивка его камзола царапает ее обнаженную кожу, и это пробудило в ней тайное сладострастие.

— Почему он скрывается? Почему отказывается он встретиться с нами открыто? Я хочу знать.

Жоффрей де Пейрак сказал:

— Какое это имеет значение!

Она видела его улыбку и чувствовала его желание.

— Тем хуже, мадам! Вы не узнаете тайну зеленых свечей.

Его глаза весело блестели. И Анжелика рассердилась:

— Нет, все это не так просто. Мне было слишком страшно.

— Когда же, любовь моя?

— Только что.

— Я уже говорил: страх вам не идет.

— В прошлом году мы едва не умерли от голода... Если бы ирокезы не подоспели вовремя...

— Но они пришли... Я их позвал.

Анжелика высвободилась из его объятий.

— И вы мне об этом не сказали?

— Я не знал, смогут ли они ответить на этот зов. А иногда напрасные ожидания отнимают последние силы...

— Вы меня плохо знаете.

— Сбывается лишь то, что держится в тайне.

Сжимая друг друга в объятиях, они растягивали эту сладостную ссору, сопровождая ее ласками, долгими поцелуями, фразы начинались и обрывались на полуслове, уступая место молчанию, тогда как их губы продолжали узнавать друг друга и друг другу отвечать.

Город лежал у их ног, узкий и зажатый со всех сторон, как остров посреди океана лесов, и в этот час цвета олова, свинца, серебра, стали синеватые, едва

различимые струйки дыма медленно поднимались вверх, смешиваясь с утренним туманом. Опасаясь пожара больше, чем холода, жители Квебека предпочитали гасить огонь в очагах, прежде чем ложиться спать.

Некоторые жители этого города знали их прошлое. Одни помнили о мадам дю Плесси-Бельер, другие — о Рескаторе или о знатном тулузском сеньоре.

Но у всех этих спящих людей были и собственные секреты, собственные страхи и воспоминания. И, находясь среди них, Жоффрей де Пейрак и Анжелика могли, наконец, отдохнуть и под покровом ночи вернуться к другому предназначению судьбы: быть мужчиной и женщиной, которые любят друг друга.

Все было забыто. Они перестали быть изгнанниками, чтобы стать избранными того королевства без имени, завоевание которого зависело только от их влюбленных сердец и от дрожи их переплетенных тел.

Пальцы Жоффрея погрузились в волосы Анжелики, скользили по ее гладкой коже, ласкали ее нежные формы.

— Вы совсем другая женщина в своей красоте, в своей силе, — говорил он ей совсем тихо. — И та же самая... так как мы всегда остаемся тем, что мы есть. Но ваша душа блуждала, подобно звездам, по опасным и темным местам и, подобно звездам, приобрела еще более ослепительное сияние, лучи которого уходят за пределы видимых границ. Та же самая... но вышедшая из очистительных вод, обновленная, подобно Афродите, рожденной из перламутра раковины и дыхания весны.

— Вы навсегда останетесь поэтом из Лангедока.

— И я всегда буду воспевать Даму моих грез. А вы слушаете меня, глядя так, что будите во мне нетерпеливое и страстное желание сражаться с драконом.

— Это от того, что ваши слова приводят меня в состояние блаженства. С тех пор, как я вас узнала, мне кажется, что всякое слово из ваших уст вдыхает жизнь в мою душу.

— О! Но и у вас вполне достаточно поэтического вдохновения, мадам! Какой прекрасный образ! А ваше божественное тело?

Анжелика смеялась под его поцелуями.

— Вы неисправимый распутник! Вы хорошо знаете, что вы с ним сделали.

Жоффрей де Пейрак взял в руки это прекрасное, чистое лицо, которое как бы светилось от счастья, нежности и любви к нему.

Он прошептал:

— Демоны скрылись в складках ночи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОЧЬ В КВЕБЕКЕ

Глава 16

Глубокой ночью мадемуазель Клео д'Уредан пишет письмо своей далекой подруге, Мари-Габриель, вдове польского короля Казимира V, прозванной Прекрасной Садовницей.

Время навигации прошло.

Послание не уйдет раньше, чем кончится зима и весна освободит реку ото льда. Но м-ль д'Уредан обманет долгое ожидание, сочиняя послания, которые станут для нее беседами через океан.

Одно за другим, она будет их складывать в шкатулку, предназначенную специально для их хранения.

«Моя дорогая,

Я поставила свою кровать в другое место.

Теперь из моего угла я очень хорошо вижу новый дом, который Виль д'Аврэй построил на границе с владениями Куна-Банистеров; так как начиная с сегодняшнего дня у меня появился более интересный объект для наблюдений, чем мой сад и река, которые я уже знаю наизусть.

Роскошный пират причалил у наших стен, и так как он заранее позаботился о том, чтобы взять в плен господина д'Аребуста и господина интенданта, не оставалось ничего другого, как устроить ему такой же роскошный прием.

Вот счастливая развязка того дела, о котором я уже вам рассказывала.

Речь идет о том французском дворянине, союзнике Новой Англии, чьи поселения находятся на юге наших владений, на границе между Акадией и Канадой, и который доставил нам столько хлопот. Его считали

врагом, и против него проводилось несколько кампаний.

Стало известно, что его жена — женщина необычайной красоты. И эмоции достигли предела, когда одна из наших урсулинок, матушка Магдалина (а она ясновидящая) сделала по этому поводу предсказание, где прямо связывала их появление с вмешательством дьявола. Были посланы люди для проведения расследования, и они привезли вполне утешительные сведения. Страсти улеглись.

Но вот было объявлено об их прибытии в Квебек для заключения мирного договора, и споры вспыхнули вновь.

Отец д'Оржеваль, вершащий все религиозные дела в Акадии, обвинил их в том, что они мешали ему бороться с еретиками Новой Англии.

Это произвело большой шум, и мнения разделились. Приближение их флота было расценено как катастрофа, и речь шла уже о том, чтобы водружать знамя на Нотр-Дам и спасать город.

Колдун из Нижнего города рассказал, что он видел, как в небе проходила вереница горящих лодок. Это легенда, в которую охотно верят все, кто приезжает из западных провинций Франции; Такое знамение предвещает близкое несчастье.

Затем, по непонятным причинам, этот злобный иезуит исчез, что привело в совершенную растерянность его сторонников.

Что касается Фронтенака, то он вел себя правильно. Он всегда был на их стороне. Он принимал настолько активное участие в этом деле, что даже отправил этим летом множество посланий королю, в которых старался ему доказать, что для Франции очень выгодно установление добрососедских отношений с таким сильным соседом, который к тому же, говорят, сказочно богат.

В ожидании ответа, который, как надеялся губернатор, будет одобрительным и благожелательным, губернатор разыгрывал карту дружелюбия и гостеприимства. К тому же, господин де Пейрак и он — земляки. Они из провинции Лангедок, а все знают, как гасконцы поддерживают своих.

Вот так все происходит на свете!.. У нас в Канаде народ очень падок до новых событий и развлечений.

Тех, кто был недоволен, отодвинули в сторону, и народ начал готовиться к встрече господина де Пейрака и его жены.

Дорогая моя, мне трудно описать, какую радость испытал народ от их прибытия, которого так боялись.

Я ничего не преувеличиваю. Мадам де Пейрак обладает способностью завораживать толпу.

С раннего утра весь город ожидал ее прибытия, и они готовы были бы прождать ее всю жизнь, если бы она не приехала.

Если верить господину де Мэгри, это женщина ослепительной красоты. Несомненно, она — колдунья. Она не переступит порога моего дома».

М-ль д'Уредан подчеркнула эту фразу.

Она поудобнее устроилась на своих кружевных подушках. Перед тем как установить у себя на коленях письменный прибор, она слегка надушила мочки ушей своими любимыми духами. Она проверила, взглянув в зеркало, как на ней сидит наколка из малинских кружев, покрывающая ее седые волосы. Велела принести новые свечи. Решила не сердиться на свою английскую служанку, глупую, скучную и вдобавок ко всему еретичку, и попросила ее всего лишь убрать с постели шкатулку и пачки писем, перевязанные лентами, которые она еще не успела разобрать.

Их принес ей маркиз де Виль д'Аврэй, но он так спешил, занятый лишь тем, что произошло сегодня и что должно будет произойти завтра, и убежал,

неизвестно куда. Она поняла причину его спешки, когда увидела, как их тихая улица заполнилась толпой иностранцев, которых Виль д'Аврэй, вел к своему дому.

Именно в этом, и она не скрывала это от себя, крылась причина ее неприязни к той, которую она про себя называла не «Демоном», но «Соблазнительницей».

«Карлон также не пришел меня навестить, а ведь он уже вернулся в наш город. Но я ему прощаю, так как, вы же знаете, я питаю к нему слабость.

Весь город был на улице.

Джесси, моя англичанка, бежала до самого луга, чтобы посмотреть на корабли, которые, как решила эта дурочка, приехали, чтобы ее освободить. В результате она упустила собаку, и стоило громадных усилий поймать ее и вернуть в дом, тем более, что нам никто не помогал. Я могла бы умереть у себя в постели, никто бы этого не заметил. К счастью, я пью сейчас отвар из кореньев, который очень подкрепляет мои силы.

Господин советник Мэгри де Сен-Шамон сжалился над моим одиночеством и нанес мне визит.

Во всяком случае, вы же меня знаете. Я ничего не видела, но я все знала.

Я слышала всего лишь один пушечный выстрел. Казалось, это ни о чем не говорит.

Этот выстрел сделала Сабина де Кастель-Моржа, обезумев, видя, как в Квебеке принимают тех, кого она считала врагами Новой Франции и особенно ее дорогого духовника, отца д'Оржеваля. Этот иезуит, которому она полностью подчиняется, заставляет ее причащаться каждый день. Бог мой! Какая нелепость! Но я умолкаю, так как говорят, что король все еще не примирился с Пор-Руаялем и янсенистами...»

Клео д'Уредан прервала свой рассказ, и перо замерло в ее руке. Она не будет продолжать рассуждения о Пор-Руаяле. Иначе она никогда не закончит.

«Господин де Пейрак привез в подарок епископу мощи святой Перепетуи. И тому ничего не оставалось делать, как принять де Пейрака со всей торжественностью.

Еще я должна вам рассказать о том стыде, который испытали наши дамы из-за Сабины де Кастель-Моржа. Не столько из-за пушечного выстрела, что было явным фанфаронством, но затем, принуждаемая своим мужем присутствовать на торжественной мессе, она оделась в черное, дабы подчеркнуть траур этого дня, покрыла лицо свинцовыми белилами и выкрасила губы в кроваво-красный цвет. Лицо ее стало отвратительным, как ярмарочная маска. Настоящий скандал! Мадам Добрэн, такая добрая и ласковая, даже плакала из-за этого. Сабина считает, что ей все позволено. Своим нелепым поведением она, наоборот, только усилила симпатии всех к той, которую хотела унизить, к прекрасной Мадам де Пейрак, которая не обращала на нее внимание и вела себя очень любезно». М-ль д'Уредан остановилась. Стояла глубокая ночь. Все было спокойно. Черно-белая собачка лежала у подножия ее кровати на ступеньках алькова.

Дама раздвинула занавески, так как она хотела видеть в окно дом маркиза де Виль д'Аврэя.

Там, на другой стороне улицы, также все улеглось. Полная темнота. Можно различить приглушенный свет, но это либо ночники, либо догорающие угли в очаге кухни. Однако Клео д'Уредан показалось, что она различает два силуэта на фоне высокого окна. Мужчину и женщину, глядящих в ночь. Это видение оставило у нее странное ощущение тревоги, смешанное с интересом, причину которого она не могла объяснить. Одно было несомненно — ночь стояла необычно теплая, такая же теплая, как и ее маленький дом, в котором отчетливо было слышно тиканье часов.

«Я слышала, что им предоставили дом у подножия холма, предназначавшийся когда-то для герцогини де Модрибур. Герцогиню ждали летом... Но она так и не приехала. Ходят слухи, что она утонула...

Но пока что «они» остановились у Виль д'Аврзя. Ну его-то вы знаете. Он всегда старается захватить то, что всех интересует, будь то вещь или человек.

Он умер бы от зависти, если бы ему кого-нибудь предпочли!

Останутся ли они в доме маркиза? Я бы этого хотела, так как из моего окна видно все, что там происходит.

Но смогут ли они жить в соседстве с Юсташем Банистером, это другой вопрос. С тех пор, как он вышел в отставку и начал спекулировать пушниной, и после того как епископ отлучил его от церкви за то, что он носил водку индейцам, он зол на весь белый свет. Дети его сорванцы, которые без конца шалят и мучают свою собаку. Вы знаете, как я люблю животных, как мне это неприятно.

Простите мне, моя дорогая, что я никак не могу взяться за чтение ваших писем, один вид которых переполняет меня радостью.

Между нами говоря, я очень довольна, что эти гости с юга принесли в нашу жизнь столько оживления. Мне будет о чем вам писать. В этот раз я вам все описала в общих чертах. Но есть еще множество мелких подробностей, о которых я сообщу вам позже.

Сделаем заключение: «Соблазнительница» в нашем городе. Она покинет нас не скоро.

Красноватые оттенки в небе навели меня на мысль, что зима уже не за горами, несмотря на то, что стая диких гусей не решается пока лететь на юг.

Отныне ни один корабль не покинет порт. Наши гости проведут с нами всю нашу канадскую зиму. А за это время все выяснится. У нас все вопросы решаются

весной, когда река становится судоходной и первые корабли приносят нам первые новости, и тогда мы будем знать, какой выбор сделал король...»

***

Если покинуть скромное жилище м-ль д'Уредан и, подобно ночной птице, совершить полет над колокольнями и крышами Верхнего города, мы попадем в замок Святого Людовика. резиденцию губернатора, крепость на самом конце мыса.

В правом крыле замка светится одно окно.

Господин де Кастель-Моржа бьет свою жену. Он вне себя от гнева.

Вполголоса, чтобы не поднимать шума в замке, где его приютил господин губернатор, он изливает свою злобу и негодование.

— Неужели недостаточно, мадам, того, что вы презираете меня в моем собственном доме, что в течение тех долгих лет, что я на вас женат, вы даете все время мне почувствовать, насколько вам тяжко мое присутствие; вы демонстративно отвергаете все мои ухаживания, делая меня посмешищем в глазах идиотов. И вам еще надо было заставить меня нарушить слово, поставить меня в дурацкое положение перед моими солдатами и перед индейцами, меня, королевского наместника в Америке...

Спина Сабины де Кастель-Моржа согнулась. Удары застали ее врасплох.

Уже давно ее муж не давал волю своему гневу.

Она не отрицала его права быть в ярости, но она не могла ему простить то, что он так легко изменил своим убеждениям.

На протяжении всего времени он был на стороне отца д'Оржеваля, поддерживая его намерение убрать с земель Акадии этого опасного захватчика, бывшего к тому же приспешником дьявола. Это было одним из тех

редких исключений, когда их взгляды и женой совпадали.

И оказалось достаточно... чего же? Чтобы Фронтенак убедил его поддержать союз между гасконцами? Чтобы отец д'Оржеваль так внезапно исчез, как бы признавая свое поражение? ....

Оказалось достаточно объявить о приближении к Квебеку кораблей этого человека, у которого слава колдуна, человека, уверенного в победе своего дерзкого флота, нагруженного деньгами и подарками, уверенного, что он победит без единого пушечного выстрела.

Ну что ж! Один выстрел был. Тот, который произвела она сама, как когда-то м-ль де Монпансье, стрелявшая в своего кузена короля. Какое опьяняющее блаженство для женщины почувствовать, что пушка в твоих руках и в твоей власти заставить ее зазвучать! Могла ли она знать, что ее сын, Анн-Франсуа, был на борту этого корабля? Все, что она предпринимает, оборачивается против нее!

Но раз Анн-Франсуа жив и здоров, она нисколько не сожалеет о своем поступке.

Этот жест открытой вражды уравновесил общее малодушие.

Мадам де Кастель-Моржа показала таким образом свою приверженность тому, кого все поддерживали вчера, но отвернулись сегодня. К тому же она смогла излить всю свою ненависть, всю ту горечь, которые накопились в ее душе за долгие годы, и причиной которых являлась эта, ожидаемая всеми, супружеская пара. Пара, олицетворяющая саму любовь и удачу. А ей ненавистно все, что напоминает о том, что она, Сабина де Кастель-Моржа, никогда не знала в жизни ни счастья, ни радости любви.

О! Какая боль, какая невыразимая боль видеть эту пару, прекрасную и счастливую, входящую в собор под

приветствия толпы. Вся ее собственная жизнь, полная горечи и разочарований, показалась еще более невыносимой. Никогда еще ее брак с этим Кастель-Моржа, которого она никогда не любила, не казался ей таким тяжким. Перед ней встала вся ее загубленная жизнь. А эта женщина торжествовала, весь город подобострастно приветствовал ее, даже не зная ничего о ней, просто потому что она явилась, потому что достаточно было лишь ее увидеть, потому что в ней было очарование, тогда как у нее, Сабины, его не было, ее не любили, она не нравилась.

Ее заставили присутствовать на торжественной мессе. Она предпочла бы утопиться в сточной канаве.

Никому не было дела до ее унижения, никто не сказал ей ни слова сочувствия.

Единственный, кто был к ней добр и снисходителен, кто ее уважал — ее духовник, исчез.

Ее горе усиливалось еще и тревогой.

Он, Себастьян д'Оржеваль, такой сильный, неужели он мог поддаться страху? Нет, это невозможно. Может быть, он попал в ловушку? Но его необычайная интуиция предостерегла бы его. Тогда что же предполагать? Что он скрывается в каком-то убежище, чтобы потом нанести неожиданный удар? Но какая необходимость заставила его так действовать? Ситуация была в их руках.

Он покинул ее. Теперь она осталась одна, без помощи, окруженная осуждением и ненавистью.

Слезы текли по ее оплывшему лицу, ставшему еще уродливее из-за белил.

Граф де Кастель-Моржа почувствовал еще больший гнев. Эта проклятая бабенка вечно делает так, что он во всем виноват... Он метался, как тигр в клетке, по единственной комнате, которую им предоставили. Он бросил свирепый взгляд на кровать, достаточно широкую и удобную, с белоснежным бельем.

— Никогда я не лягу с вами в эту постель, — вскричал он.

— А я тем более. Идите спать к Жанин Гонфарель, к потаскухе! Вы ведь уже привыкли находить там нежный прием.

Кастель-Моржа грубо выругался, бросился на кровать и зарылся в простыни прямо в сапогах и плаще.

Сабина выскочила из комнаты.

Слуга мессира де Фронтенака, спавший возле двери своего господина, услышал шум разбитой посуды. Этот шум его заинтересовал.

Замок мал, и в этот час все должны бы спать. Часовые стоят на карауле снаружи, и этого достаточно. Двигаясь в направлении шума, он пришел на кухню.

Господин де Кастель-Моржа тоже слышал шум. Он всего лишь дремал. «Она опять что-то разбила», — подумал он. Хромая, так как к утру его нога всегда начинала ныть, он спустился по лестнице.

Он увидел фигуру в черном, пересекающую прихожую с корзинкой в руках, под изумленными взглядами лакея и поваренка.

Это была мадам де Кастель-Моржа, в плаще с капюшоном. Она направлялась к выходу.

Он настиг ее в тот момент, когда она собиралась открыть дверь, и схватил ее за руку.

— Куда это вы еще собрались, сумасшедшая? Куда вас несет в такое время?

Она ответила с видом мученицы.

— Я собираюсь отнести кое-какую еду папаше Лубетту. Никто сегодня не вспомнил о нем.

Глаза ее внезапно сверкнули.

— Да, весь город потерял голову! До такой степени, что забыли о немощных, забыли о первейших долгах милосердия. И все это из-за женщины, чья опасная красота служит лишь для того, чтобы уничтожить всех

ее соперниц, привлечь к ее ногам всех мужчин, чтобы сеять зло и уничтожать добро...

Она говорила с такой яростью, ее губы так кривились от ненависти, что Кастель-Моржа, привыкший к ее припадкам злобы, был поражен. Такого он еще не видел! Выло нечто в ее безумном гневе такое, чего он не понимал.

Изумленный, он смотрел, как она переступает порог с видом оскорбленной королевы.

Он сказал:

— Почему же вы ее так сильно ненавидите?

***

Костлявой и дрожащей рукой старому Пьеру-Мари Лубетту с трудом удалось дотянуться до табакерки из белой жести, стоявшей на табуретке у его изголовья.

Проклятье! Табакерка была пуста.

Он откинулся на подушки и зябко натянул одеяло до самого подбородка. Одеяло скользило, и ему не удавалось поправить его как следует. Его так трясло от лихорадки, что он не накрывался, а раскрывался.

Проклятая жизнь! Что бы он сделал с табаком, если его было бы хоть самую малость? Он бы его немного пожевал. Курить? Это исключено.

Как только он начинал курить свою старую трубку, почти такую же старую, как и он, с первой же затяжкой он заходился таким кашлем, что начинал задыхаться и плевать кровью.

Жевать? Это он еще мог. Он сохранил все свои зубы, почти такие же хорошие, как у индейцев, здоровые, прочные. Это приблизительно все, что у него осталось. Все остальное утекло: силы, деньги, друзья. Так случается. Особенно со старыми жителями этой проклятой колонии. Старики здесь больше не нужны. Их слишком долго видели. Им слишком много должны. Их предпочитают забыть. Целый день трезвонили сегодня эти проклятые колокола. Бам! Бум! И снова! А после:

динь-дон, динь-дон! И вы думаете, нашлась хоть одна милосердная душа, чтобы прийти к нему и рассказать о том, что происходит и что означал этот пушечный выстрел? Потому что... ему это не померещилось! Стреляли из пушки.

Но его любопытство так с ним и осталось. Все разбежались, как стая куропаток.

Все кинулись на набережную, встречать чужеземцев. Он остался один на этой проклятой скале, как в те времена, когда он был ребенком и взбирался на нее по козьей тропе. Кто бы поверил, что эта широкая мощеная площадь Верхнего города, по которой теперь разъезжают дамы в каретах, была когда-то поляной, окаймленной высокими деревьями, где он, шестилетний мальчуган, бродил с маленьким складным ножом в поисках дикой спаржи или папоротника, растущих на влажной земле, чтобы принести их матери для семейного супа.

Этот ручей, пересекающий площадь, прятался среди высоких трав. Он окунал в него свои ноги маленького нормандца, глядя в кроны высоких деревьев американской земли.

Он вырезал себе дудочку, сидя меж корней старого дуба, на том месте, где теперь возвышается собор. От этого девственного леса остались лишь изгороди и парки, окружающие владения: монастырь урсулинок, колледж иезуитов, семинарию и кафедральный собор. Повсюду большие дома, окруженные островками зелени, повсюду улицы с каретами и повозками, трясущимися по мостовой, цокот подков.

В те времена (времена его детства), пятьдесят лет тому назад, у подножия скалы Рок обосновались всего две-три семьи колонистов. Их дети росли подобно диким травам на берегу затерянной реки.

Было всего лишь шесть или семь женщин, и среди них Элен Булле, двадцати лет, супруга господина де

Шамплэна, и трое их детей.

Все колонисты жили в доме, который господин де Шамплэн построил на берегу.

Это был настоящий маленький замок из прочного дерева, с тремя корпусами, просторным амбаром, маленькой голубятней и со смотровой площадкой на втором этаже, позволяющей часовым наблюдать за огромным пространством вокруг. Дом был опоясан широким рвом с подъемным мостом, а в стратегически важных точках стояли пушки. В самом начале в этом доме ютились все, когда наступала зима или угрожали ирокезы. Колонисты, врачи, переводчики, солдаты. В доме было тепло. Скала, у подножия которой он стоял, нависала над ним гигантской ледяной бахромой.

Осенние дожди подтачивали сваи.

Зимой питались лишь хлебом и сельдью, сидром и какой-нибудь дичью, которую приносили индейцы.

В доме стоял тяжелый запах меховых шкур. Цинга делала тело дряблым, кожу бледной, десна кровоточащими.

Луи Эбер, аптекарь, лечил ее отварами из сушеной черники. Алгонкины приносили свои таинственные снадобья.

Каждый вечер все вместе читали молитвы, а по воскресеньям Житие Святых.

В тот год, когда корабль с провизией, идущий из Франции, был захвачен англичанами, наступил голод. Урожай колонистов, едва умеющих держать в руках мотыгу, был ничтожным. На зиму не было никаких запасов. Их ждала неминуемая смерть.

Тогда господин де Шамплэн разместил своих колонистов на трех лодках, и они отправились по великой реке Святого Лаврентия искать милости у дикарей.

Именно так была спасена маленькая колония. Милосердием дикарей. Алгонкины, горные индейцы,

племена-кочевники или оседлые гуроны — все они соглашались принять либо мужчину, либо ребенка, или же семью с младенцем, чтобы разделить с этим лишним ртом свою чашку риса, маисовую кашу или запасы сушеной рыбы и вяленого мяса.

Это было беспримерное милосердие, так как суровой зимой лишний рот становился бременем, особенно — если весна запаздывала.

Мало-помалу все поселенцы были размещены вдоль реки.

Оставалась лишь одна лодка, та, в которой находился он сам, одиннадцатилетний мальчик, его друг Танкред Божар, тринадцати лет, и его десятилетняя сестра Элизабет. Все трое, сжавшись под одеялом, сидели, не смея даже пошевелиться от голода и холода.

Правивший лодкой Юсташ Булле, двоюродный брат господина де Шамплэна, был настолько слаб, что едва держал руль, и у него уже не было сил поставить парус.

Подобно призраку, лодка двигалась вниз по реке по направлению к полюсу, между берегами Лабрадора и Гаспе.

Уже появились первые льды. В тумане они мерцали зеленовато-голубыми отсветами. Высокие скалы из льда, казалось, были населены демонами. День ото дня дети становились все более печальными. Они уже думали, что навсегда обречены блуждать по изгибам реки. Когда они временами приставали к берегу, все было пустынно вокруг, и у них не было сил отправиться на поиски деревни. Они сосали корки и делились последним сухарем.

На берегу Гаспе вождь алгонкинов согласился принять троих детей. Юсташ Булле уехал один.

Детей привели в хижины, полные дыма и насекомых, но теплые. Жизнь индейской деревни, погребенной под снегом всю долгую зиму, была не чем

иным, как жизнью животных, забившихся в нору, чтобы пережить время ненастий. Нору, в которой спят, едят, занимаются множеством приятных вещей, позволяющих забыть непогоду снаружи. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Пьер Лубетт улыбался.

Не слишком стыдливые от природы, эти дикарки, подростки и даже молодые женщины, сразу же заинтересовались двумя красивыми молодыми чужестранцами.

При этом воспоминании он смеется, и хохот его переходит в кашель. Он кашляет долго, и на платке, поднесенном к губам, появляется пятно крови.

Проклятая жизнь! Этот дым, которым он дышал в хижине всю зиму, и этот нечеловеческий холод сожгли его легкие. Но он не жалеет.

На какой-то момент он вновь увидел себя молодым крепким парнем, удивленным от неожиданного удовольствия, барахтающимся под меховыми одеялами с красивой индианкой. У нее гладкая кожа, она смеется, щиплет его, ласкает, щекочет, дразнит, облизывает, тормошит его, как щенка, и он тоже смеется от удовольствия.

Счастливые времена!

И после такого детства что же ему делать в этом городе, полном домами, лавчонками, складами, церквами и борделями, что ему делать со всякими приезжими из Старого Света, проходимцами, которые вас обманывают; или священниками, которые ни за что отлучают вас от церкви, знатными сеньорами, приехавшими со всем своим барахлом, коврами, картинами и статуями святых, изнеженными эмигрантами, олухами солдатами, офицерами, ходившими по военным тропам будто медведи, со всеми этими людьми, которых объединяло одно жадное стремление: урвать свой кусок в торговле пушниной.

В те далекие времена дубы в американских лесах еще не принадлежали королю Франции, как это было объявлено позже, и славные канадские колонисты могли сделать себе из них красивую мебель, как его буфет для посуды, украшенный тончайшей резьбой. Это все, что у него осталось, но маркиз де Виль д'Аврэй, который так и вьется вокруг, его не получит.

Кажется, те чужеземцы, что прибыли сегодня, остановились в доме маркиза, в верхней части той же улицы, где живет он, Пьер Лубетт. Он слышал, как они проходили мимо. Шум! Крики! Целая толпа.

В те далекие времена, когда он был ребенком, можно ли было представить, чтобы среди ночи раздавались голоса и по улице бродили пьяные недалеко от его дома; луч света только что скользнул по переплету его окна.

Это открылась дверь в трактире «Восходящее солнце», чтобы впустить спотыкающегося пьянчугу, а затем снова закрылась.

***

В самом начале улицы Клозери, как раз напротив того дома, где старый Лубетт, забытый всеми с его дубовым буфетом и трубкой из красного камня, лежал, вспоминая времена мессира де Шамплэна, находится трактир «Восходящее солнце». К его двери ведут три ступеньки, такие предательские для пьяниц во время гололедицы, а над входом — красивая вывеска, с которой сияет золотыми лучами улыбающееся солнце.

Герцог де ла Ферте, встревоженный и огорченный, нашел здесь ночное пристанище. Как тяжко скрываться под чужим именем в то время, когда прошлое вновь возникает перед вами в образе чарующей женщины и ваше инкогнито не мешает ей вас узнать.

Он отодвинул свой оловянный кубок, заскользивший по поверхности стола, отполированной несколькими поколениями посетителей. В отчаянии он сидел,

положив на стол руки. Кружева его манжет были измяты, его пальцы дрожали.

Он пробормотал:

— Тот, кто не обладал ею... не знает, что это за женщина...

Трое его собутыльников разразились громким смехом.

— Смейтесь сколько угодно, — сказал он, — тот, кто не держал ее в объятиях, кто не ласкал ее божественное тело, не проникал во все его сладострастные капканы, тот не знает, что такое любовь.

И внезапно он вскричал:

— Налей, кабатчик! Ты что ждешь, пока я засохну на корню?

Антонэн Буавит бросил презрительный взгляд на этого грубияна. Вот уже тридцать лет, как он установил вывеску над своим трактиром «Восходящее солнце» и получил разрешение королевского судьи содержать питейное заведение и иметь лицензию на изготовление и продажу пива, всяких крепких ликеров, вин и сиропов, и он не забыл, что он был первым трактирщиком в Новой Франции. Находясь на равном расстоянии от собора, семинарии, от иезуитов и урсулинок, он закрывает свои двери во время службы и воскресной мессы, и в его заведении дамы всегда могут посидеть днем, чтобы выпить капельку малаги, или сидра, или воды с апельсиновым сиропом.

Все это говорит о том, что его заведение не заслуживает названия «кабак». И ему вовсе не нравится, когда знатные сеньоры, чужие в этих краях, забывают, что находятся не на какой-нибудь парижской улочке, где могут выражать свое презрение беззащитному хозяину. Этим летом корабль привез много неприятных людей, С каждым годом их

приезжает все больше и больше. Неужели Новая Франция становится чем-то вроде свалки?

— Засохнуть на корню? Как бы не так! Он слишком часто смачивал свою глотку, чтобы такое могло случиться.

Вокруг него послышался смех, и, довольный тем, что отомстил, Антонэн подошел к столу этих господ со своим глиняным кувшином.

Он им сейчас нальет чего-нибудь покрепче. Тогда они быстрее опьянеют, и он сможет позвать их слуг, чтобы те их подобрали и отвели домой.

С тех пор, как они приехали в августе, эти четверо проводят все свое время за выпивкой и игрой в компании распутных женщин. У него с ними полно хлопот, да к тому же он сомневается в их платежеспособности. По правилам ему запрещается открывать кредит отпрыскам знатных семейств, солдатам и слугам.

Должен ли он считать их «отпрысками семейств», несмотря на то, что им лет сорок-пятьдесят? Они иногда бывают щедрыми, бросая на стол экю. Тот, кто выглядит самым знатным из них, похож на военного, но, когда он сидит целыми днями, лениво развалясь на деревянной скамье, Антонэну кажется, что он похож на придворного, на «куртизана».

Он никогда не видел вблизи этих вельмож, которыми, говорят, наполнен Версаль, и мысль о том, что он принимает в своем заведении таких редких пока в Канаде гостей, немного компенсирует ему то высокомерное и бесцеремонное обращение, от которого он уже успел отвыкнуть с тех пор, как высадился на этих берегах, будучи подмастерьем кузнеца, без единого су в кармане, имея вместо багажа лишь клещи да молоток.

Наливая им вина, Антонэн исподтишка рассматривает их краем глаза.

Самый старший из них накрашен, как женщина, даже хуже — как старая потаскуха. Кокетство, предназначенное для того, чтобы скрыть признаки старости, слишком бледный цвет лица, придать блеск глазам, выпуклость слишком узким губам. Но остается только удивляться, как монсеньер епископ терпит это в своем городе.

У самого молодого красивые руки, затянутые в узкие красные перчатки, которые он то и дело снимает и вновь надевает, будто для того, чтобы размять пальцы.

Четвертый, самого плотного сложения, кажется, единственный из них, кто ни при каких обстоятельствах не теряет голову. Взгляд его тверд и непреклонен. Обращаясь к. нему, они называют его «барон», и Антонэн Буавит подозревает, что именно он распоряжается деньгами господина де ла Ферте и именно к нему нужно будет обращаться, если кредит окажется непомерно большим.

Все они носят шпаги, и у них вид дуэлянтов.

Антонэн Буанит отходит от них и спешит на зов другого достойного клиента, который почтил его своим присутствием сегодня вечером. Это посланник короля, и он кажется человеком любезным и благопристойным.

Сняв шляпу, трактирщик кланяется ему очень низко.

— Скажи мне, кто эти господа? — спрашивает Николя де Бардане.

Антонэн Буавит называет: господин де ла Ферте и его друзья: граф де Сент-Эдм, господин де Бессар и Мартен д'Аржантейль. И он добавляет уверенно:

— Эти господа придворные из окружения короля.

Несмотря, на это заявление, насторожившее бы его в другом месте и в другое время, Николя де Бардане продолжает испытывать к этим господам острую неприязнь. Вне всякого сомнения, этот фат с красивыми голубыми глазами, чье лицо благородно и

привлекательно, несмотря на то, что отмечено уже пьянством и развратом, имеет в виду Анжелику, когда намекает на какую-то женщину, которую любил. И это приводит де Барданя в негодование, окончательно испортив и без того нелегкий для него сегодняшний день.

Его поселили черт знает как далеко, правда, в красивом доме, но затерянном среди деревьев на самом краю плато, заросшего травой, которое здесь зовут «Равнины Абрахама». Предоставив своим слугам размещать кофры и сундуки, он вернулся в город, желая узнать, где остановились господин и госпожа де Пейрак.

Если он оказался в «Восходящем солнце», то только потому, что это заведение находится в конце улицы, где находится тот дом, в котором они поселились. И вновь этот Виль д'Аврэй сумел устроить так, что они достались ему.

И в довершение всего теперь ему приходится выслушивать, по меньшей мере, наглые излияния этого де ла Ферте.

Вот он снова поднялся и воскликнул, поднимая стакан:

— Я пью за богиню всех морей и океанов, ту, что посетила нас сегодня и которая принадлежала мне когда-то.

На этот раз де Бардане не смог сдержаться.

Он решил встать и прекратить эти недопустимые измышления.

Де Бардане подошел к четверым гостям.

— Господин, — сказал он вполголоса, — извольте заметить, что ваши слова могут оскорбить достоинство весьма уважаемой дамы. Будьте столь любезны прекратить говорить о ней во всеуслышание.

Господин де ла Ферте был высок и хорошо сложен. Затуманенным взглядом он изучал того, кто его

прерывал.

— …Кто вы такой? — спросил он, сдерживая икоту.

— Я посланник короля, — ответил де Бардане оскорбление. — Вы что, меня не узнаете?

— Конечно, конечно… ну что ж, а я… я брат короля! Что вы об этом скажете? Одно другого стоит!

Де Бардане отодвинулся подальше от перегара, которым дышал ему в лицо его собеседник.

— Что за чушь! У короля есть только один брат, и слава Богу, это не вы.

— Ну ладно! Так и быть, — продолжал насмехаться де ла Ферте. — Я ему не брат… но, можно сказать… родственник… побочный родственник… Поэтому берегитесь, мессир королевский посланник… существуют семейные дела, в которые лучше чужим не соваться.

Господин де Бардане едва сдерживался, чтобы не швырнуть ему в лицо свою перчатку. Но он не мог именно таким образом начинать свою деятельность в столице Новой Франции. Он внезапно пожалел о той ответственности, которая не позволяла ему чувствовать себя совершенно свободным и подобающим образом проучить этого наглеца, ведущего себя так презрительно и дерзко.

— Да, — продолжал пьяный заплетающимся языком, — она прекрасна, не правда ли, эта новая королева Квебека, графиня де Пейрак.

— Прекратите, мессир, трепать имя мадам де Пейрак в ваших разглагольствованиях.

— Она мне принадлежала, — повторил де ла Ферте с вызовом. — И ее глаза подобны затуманенному кристаллу.

Оскорбленный Николя де Бардане вернулся к своему столу, где стояла кружка пива, которую он едва пригубил. Слова этого господина «побочный родственник» не выходили у него; из головы. Он вдруг

вспомнил, что брат одной из фавориток короля Луизы де ла Вальер был отправлен в Америку и получал в Канаде большие доходы.

Может быть, это был он? Но что означали его слова в адрес Анжелики? Что еще ему придется узнать о той, которую он любит так страстно и безрассудно?

Николя де Бардане вздохнул.

После циничных признаний полицейского теперь признания этого подвыпившего господина. Где бы он ни был, ему, видно, всегда придется страдать.

Однако его вмешательство слегка отрезвило господина де ла Ферте. Ему вновь стало невыносимо горько. Он — герцог. А эти ничтожества позволяют себе обращаться с ним свысока... Черт побери! Как низко он пал!

Он почувствовал себя плохо.

— Эй, кабатчик! У тебя не найдется немного турецкого кофе?

Человек с армейской выправкой, пьющий и курящий неподалеку, предложил:

— Если вы хотите турецкого кофе, я могу пригласить вас к себе. Я к нему пристрастился в Будапеште, сражаясь с турками на стороне германского императора.

Он назвался Мельхиором Сабанаком, бывшим лейтенантом, прибывшим в Канаду с полком Кариньян-Сальера и осевшим в Канаде после зимней кампании против ирокезов и пяти племен.

— Конечно, жизнь в Квебеке не такая роскошная, как в Версале, — сказал он, разглядывая богатую одежду этих четверых.

Тот, с которым он разговаривал, усмехнулся:

— Да, вы так считаете? После такого дня, как сегодняшний, вы считаете, что Квебек не может сравниться с Версалем? Вы принимали сегодня одну из

его королев, господа, одну из королев Версаля, знаете ли вы об этом? Королеву всех сердец!

И он вновь забормотал.

— Стоит только подумать! Королю наставил рога этот пират и мне самому...

Тот, кого называли «барон», прервал его:

— Мессир, говорите тише... Ваши заявления могут доставить нам неприятности. Тут все друг друга знают, и молва распространяется весьма быстро...

— Еще бы! Как же может быть иначе? Ведь мы тут в ловушке!

И с досадой он вновь начал повторять то, что его друзья слышали каждый день с тех пор, как высадились в Квебеке. Зачем он приехал сюда, в этот маленький, скучный, глупый провинциальный городишко, населенный неотесанными мужланами, принимающими себя за сеньоров только потому, что получили права на охоту и ловлю рыбы.

— Мессир, на что вы жалуетесь? — настаивал тот, чье имя было Бессар и который был как бы наставником в этой группе. — Вы только что сами сказали, что сегодня этот город предложил нам такие развлечения, которых мы не могли желать даже в самых своих дерзких мечтах.

Граф де Сент-Эдм, старик с накрашенным лицом, наклонился вперед:

— Мессир, я вижу, вы огорчены, но я согласен с бароном де Бессаром. Зима обещает быть интересной. Когда мы отплывали из Гавра, то готовы были пережить тысячи невзгод, лишь бы запутать наши следы. Полиция шла за нами по пятам, пришлось даже оставить эти несколько флаконов с ядом матушки Монвуазен...

— Не произносите имен... — прервал его де Бессар.

— Ба! Мы ведь далеко... Возблагодарим ад за то, что мы попали в эти края, где никто не будет искать нас долгое время. И кому придет в голову, что мы в Канаде?

Вдобавок ко всему я предчувствую, что мы узнаем здесь много изысканных удовольствий.

И, нагнувшись еще ниже, он продолжал шепотом:

— Я уже говорил вам это, братья мои! Надо было уезжать не только, чтобы ускользнуть от врагов, но и чтобы собраться с силами, чтобы обрести новые знания и избавиться от ошибок, совершаемых непосвященными. Ныне в Париже все хвастаются тем, что умеют вызывать Дьявола. Однако все это детские забавы. Мы найдем здесь, в Канаде, новое поле для нашей деятельности, мы сможем углубиться в нашу тайную науку, и наши действия обретут новую силу. Поверьте мне...

Он говорил шепотом, с горящими глазами, с безумной улыбкой.

Герцог де ла Ферте смотрел на него со скептическим выражением лица, В его взгляде можно было прочесть сомнение, смешанное с отвращением.

— Я очень рад приезду этих иностранцев, которые, кажется, вам знакомы, — продолжал старик, облизнувшись с видом гурмана. — Красота этой женщины и личность этого мужчины отмечены Знаком. И не случайно они прибыли в те края, где мы находимся. Это веление звезд. Внешне эти люди кажутся блестящими авантюристами, которых так много на берегах Америки. Но за этим скрывается значительно больше, значительно больше.

— Да, конечно! Я это знаю, — воскликнул герцог де ла Ферте, разразившись смехом, горечь которого была понятна только ему.

— Если они вас узнают, может ли это нам повредить, господин герцог? — спросил юноша в красных перчатках.

— Нам ничто не может навредить, — заверил старик, опережая ответ герцога, — я повторяю вам, мы сильнее всех, так как имеем связь с владыкой земли:

Сатаной. Меня беспокоит только одно: граф де Варанж, приютивший нас в этом городе, вот уже месяц как исчез. К счастью, у меня есть способ узнать, что с ним произошло.

Но молодой человек в красных перчатках продолжал смотреть в сторону господина де ла Ферте, ожидая его ответа.

Тот медленно покачал головой.

— Нет... Я не знаю... Может быть, даже встреча с ней поможет мне уладить дела, по меньшей мере... Да, вы правы, Сент-Эдм, у нас не будет неприятностей.

И он глухо добавил:

— Там, где появляется она, жизнь принимает другой вкус... Король кое-что об этом знает... Куда вы идете, Сент-Эдм? — спросил он, видя, что старик поднялся.

Обернув вокруг себя плащ, тот ответил:

— Некто должен вернуть мне талисман, благодаря которому мы сможем яснее увидеть то, что нас ждет и что произошло с Варанжем. Тот, которого я сегодня вызову, сможет нам все разъяснить.

Герцог де ла Ферте насмешливо посмотрел на него. По правде говоря, этот Сент-Эдм с его пристрастием к оккультизму его немного пугал. Но это был человек ловкий и деятельный. Лучше было его оставить при себе.

— Кого же вы будете вызывать? — спросил он. Холодная улыбка вновь тронула накрашенный рот.

— Я уже вам это сказал... Сатану!

***

Граф де Сент-Эдм покинул трактир «Восходящее солнце», закутанный в плащ по самые глаза. Предосторожность эта была совершенно излишня, так как в этом городе лунной ночью всякого можно было узнать лишь по одной походке.

Улицы были пустынны. Лунная ночь дышала ледяным холодом. Здесь не то, что в Париже, город был

беззащитен перед окружающей его со всех сторон девственной природой. Это нравилось графу де Сент-Эдму. Он не зря только что говорил о необходимости удалиться от суетного двора. Только здесь, где еще царили теллургические силы и свободно струился эфир, великие духи инкубы и суккубы могли свободно перемещаться. В этой стране частыми бывали всякие видения, небесные знамения и чудеса. Все это как нельзя лучше подходило для занятий науками.

Город был окутан пепельно-серым сиянием луны. Крыши высоких каменных домов, кресты на узорчатых колокольнях отливали жемчужным блеском. Сент-Эдму этот город казался воплощением его мечты о столице Империи Мрака, где он, как некое божество, как властелин, проходит, облаченный могуществом своих потусторонних знаний.

Он вышел на площадь собора, и из-за угла дома навстречу ему выступила какая-то фигура.

Тот, кто приближался к нему, безошибочно напомнил графу, что он находится в Канаде, так как силуэт этого человека походил скорее на очертания серого медведя, которые когда-то забредали в город. Сейчас это бывало крайне редко.

Высокого роста, мощный, широкоплечий, он подходил к нему тяжелым, но быстрым шагом. Одетый, подобно трапперу, в одежду из замши, в шляпе, надвинутой на самые глаза так, что из-под нее видна была лишь черная щетина восьмидневной давности, он производил скорее отпугивающее впечатление.

— Принесли ли вы мне то, что я у вас просил, Юсташ Банистер? — осведомился граф де Сент-Эдм.

Тот утвердительно кивнул и протянул маленькую жестяную коробочку прямоугольной формы.

— Где вы это достали?

— В монастыре урсулинок. Через мой подвал я могу проникнуть в их подвалы.

Граф удовлетворенно закивал.

— Урсулинки... Это прекрасно! Святые девы... Девственницы... Руки праведниц... Дайте-ка сюда!

Но великан отдернул руку, держащую коробку, и протянул другую, раскрыв свою громадную ладонь.

Граф извлек из своего плаща объемистый кошелек и положил его в протянутую руку.

Маленькая коробочка перешла к нему.

Пробормотав что-то на прощание, великан удалился.

Граф де Сент-Эдм пересек соборную площадь и начал спускаться вниз.

Он приподнял крышку коробочки, и беглая улыбка скользнула по его тонким накрашенным губам: облатки!

Это обязательно поможет ему «увидеть», что случилось с его другом графом де Варанжем, который так таинственно исчез уже в течение нескольких недель, когда он направился навстречу флоту этого неукротимого графа и его слишком красивой жены.

В то время как граф де Сент-Эдм спускался в Нижний город, Юсташ Банистер стучал в дверь низенького домика, притаившегося между высокими стенами сада монастыря урсулинок и домом семейства де Меркувиль.

Это была мастерская Франсуа ле Бассера, мастера-краснодеревщика, бывшего судебного исполнителя Большого Совета. Несмотря на то, что он столяр и занимается, резьбой по дереву, выполняя заказы для церкви, к нему все еще обращаются с просьбой помочь составить официальные бумаги в этом городе, где нотариусы запрещены, с целью излечить французов от их любви к тяжбам.

Но это не помогло! Жители города довольствовались услугами столяра-краснодеревщика, умеющего составлять жалобы.

Франсуа ле Бассер не спал еще в тот поздний час, когда кулак Юсташа Банистера колотил в его дверь, так как он работал над эскизом ковчега, который заказал ему епископ Канады мессир де Лаваль, для обретения мощей святой Перепетуи-мученицу, прибывших сегодня в Квебек.

Этот ковчег должен находиться над алтарем в центральной нише.

Ле Бассер задумал сделать его из красивого орехового дерева, в форме восточной курительницы для благовоний, с коленопреклоненными ангелами по обе стороны, держащими над ней мученический венец.

Стекло овальной формы закроет отверстие, позволяющее видеть алое сердце, содержащее мощи. Цоколь будет в форме раковины или короны, инкрустированной драгоценными камнями. Но что касается этой последней детали, о ней еще надо будет поговорить с епископом.

Сильный стук в дверь заставил мастера вздрогнуть. С масляной лампой в руках он пошел к выходу, осторожно пробираясь между чертежами, кусками дерева, которые только что начали обрабатывать его подмастерья и сыновья — различными деталями большой дарохранительницы для нового храма Святой Анны на берегу Бопре.

Пробираясь по целому морю стружки, Франсуа внимательно следил за тем, чтобы ни одной капли не упало на пол. Какой беспорядок! Вся работа остановилась из-за приезда этих иностранцев, перевернувших весь город вверх дном. Приоткрыв дверь, он увидел громадного Банистера, протягивающего ему тяжелый кошелек.

— Юсташ Банистер, почему ты бродишь по улицам в столь поздний час?

— Вот деньги, ты поможешь написать мне бумаги по моим судебным делам. Я подаю в суд на прокурора

Совета, потому что он не занимался моими документами, подтверждающими право на дворянство. Я подаю в суд на урсулинок, потому что они ведут строительство на моих землях. Я подаю в суд на маркиза де Виль д'Аврэя, потому что он копал под моей землей и потому что он хочет присоединить к своим владениям ту мою землю, которая с ними соседствует.

— Банистер, твоя мстительность тебя погубит. Ты живешь только для того, чтобы сутяжничать.

— Это не я начал. Епископ отлучил меня от церкви, так как я носил спиртное индейцам. Как будто только я один! У меня отняли мое разрешение на добычу пушнины! Я не имею права покинуть город... Ну что ж! Раз так, я остаюсь в нем, и я буду отстаивать свои права. Денег-то на тяжбу я найду... Ты судебный исполнитель или нет? Я плачу тебе или нет?

Его маленькие злобные глаза оглядели мастерскую.

— Давай-ка, бумагомаратель, царапай то, что я тебе сказал, или же я подожгу твою лачугу, и эти украшения для алтаря Святой Анны сгорят еще до того, как ты отнесешь их урсулинкам для золочения...

***

Мать Магдалина, молодая урсулинка, ясновидящая, не может уснуть.

Напрасно покинула она свое неудобное ложе.

Напрасно она преклонила в молитве колени на холодном каменном полу своей кельи.

Тогда, взяв свечу, она направилась в золотильную мастерскую.

Где-то вдалеке, в дальнем крыле монастыря, слышался плач ребенка — одной из воспитанниц-урсулинок. Ночь действует так угнетающе, даже дети это чувствуют.

Теперь, стоя посреди мастерской, она немного успокоилась, глядя на ту привычную обстановку, среди которой сестры проводят целые дни.

В конце коридора показался свет лампы. Пожилая монахиня появилась на пороге мастерской.

— Сестра Магдалина, что вы здесь делаете? Вы нарушаете режим монастыря, которой предписывает отдыхать в ночные часы, дабы восполнить наши столь слабые силы, необходимые для исполнения тяжкого долга, возложенного на нас.

— Матушка, простите меня! Этот день был тяжелым испытанием для нас. Несмотря на то, что мы провели его в стенах монастыря, его отзвук проник и сюда. Что принесет нам приезд этих людей? Тревогу или покой? Ведь я должна буду встретиться с этой женщиной, столь прекрасной, в которой, кажется, никто не узнал черты той, что явилась мне в облике демона-суккуба. Я холодею лишь при воспоминании об этом. Узнаю ли я ее? Какая тяжкая ответственность ложится на меня! И отца д'Оржеваля нет здесь, чтобы поддержать меня и защитить.

И еще одно меня тревожит. Этой ночью мне явился во сне отец Бребеф, замученный ирокезами. Он умолял меня встать и начать молиться об обращении в истинную веру одного колдуна, который действует в нашем городе.

— Он назвал вам его имя?

Мать Магдалина отрицательно покачала головой.

— Нет! Он лишь просил меня неустанно молиться и обещал мне, что все это время демоны не посмеют меня тревожить.

— Да благословит вас Господь, дитя мое! А теперь идемте, сестра. Наденьте ваше певческое облачение. Уже пора отправляться в капеллу на заутреню. Я так люблю эту службу, когда наши молитвы, звучащие в ночи, помогают бороться с силами таящегося в ней зла. Этой ночью наши молитвы особенно нужны Квебеку.

Освещая себе путь высоко поднятыми светильниками, обе монахини вышли из мастерской и

по холодному коридору отправились в церковь.

В ночи раздалось молитвенное песнопение, поднимающееся из капеллы монастыря урсулинок. Оно было слышно в стенах большего и красивого дома Меркувилей, находящегося по соседству.

***

Маленький ребенок-сладкоежка внезапно проснулся в своей колыбели.

Луна заглядывала в окно. Ребенку казалось, что это конфета. Блестящий кусочек сахара. Эрмелина де Меркувиль, двух с половиной лет, маленькое дитя колонии семнадцатого века, рожденная в Квебеке, громко засмеялась.

Она смеется! Смеется!

Ее смех, как маленький колокольчик, звенит и будит домашних.

Ее братья и сестры, спящие по трое и по четверо в громадных просторных кроватях, недовольно заворочались. Смех Эрмелины проникает сквозь самые толстые стены.

Она никогда не была так счастлива.

Завтра снова появится солнце. Она это знает. Оно ждет ее там, снаружи, и в его руках полно лакомств. От такого радостного видения она вздрагивает веем телом. Ее маленькие ножки бегут навстречу утру. Ее смех становится все звонче.

Господин судья, ее отец, надвигает плотнее на уши свой ночной колпак и вздыхает.

— У ребенка опять приступ веселья! Не понимаю, право, почему врачи считают ее ослабленной.

— Но ведь ей уже почти три года, а она еще не ходит! — горестно вздыхает госпожа де Меркувиль, — и она даже не пытается стоять на ногах! В отчаянии я уже поставила свечку в храме Святой Анны и дала девятидневный молитвенный обет, который кончается завтра.

— Но малышка такая радостная.

— Это правда. Она всегда весела.

Черная кормилица Перрина подходит к колыбели Эрмелины. Мадам де Меркувиль, воспитавшая ее еще на Мартинике, взяла ее с собой в Канаду, когда вышла замуж. Перрина напевает и укачивает ребенка. Смех постепенно умолкает, и слышно только пение негритянки. В соседних комнатах дети ворочаются во сне. Громкий храп судьи заглушает колыбельную.

И лишь госпожа де Меркувиль, возглавляющая братство «Святое Семейство», не может уснуть. Она вспоминает все события сегодняшнего дня. Все было прекрасно, несмотря на глупые выходки Сабины де Кастель-Моржа... Может быть, следует исключить ее из братства?

Но она уже не думает об этом. Мадам де Меркувиль вспоминает о том, как она сегодня прекрасно выглядела в своем туалете, ее платье было ей очень к лицу. А мадам де Пейрак так любезна, активна, деятельна. Они сразу же поняли друг друга. Может быть, стоит принять ее в братство?

Госпожа де Меркувиль счастлива. Ей так же весело, как и Эрмелине, она перебирает в уме все те занятия, которые ее ожидают. Теперь, когда господин де Карлон вернулся, она сможет реализовать многие свои планы. Она покажет ему ткацкий станок, модель которого ей привезли этим летом из Франции. По заказу Карлона плотники сделают еще несколько таких же, их раздадут по домам, и женщины смогут приняться за работу. Таким образом, все зимние месяцы они будут заняты полезным делом, вместо того чтобы сплетничать, играть в кости, а порой и пить.

Госпоже де Меркувиль уже слышится веселое жужжание ткацких станков.

Под этот звук она засыпает с радостной улыбкой на губах.

***

Если мы спустимся вслед за графом де Сент-Эдмом по узкой извилистой улочке, называемой Склоном Горы, мы попадем в Нижний город с его домами под высокими островерхими крышами с тесными рядами каминных труб.

Три длинные улицы, идущие вдоль реки, отделяют кварталы, ютящиеся прямо на самой скале, от красивых отелей, расположенных на побережье и принадлежащих сеньорам и богатым коммерсантам, таким, как господин ле Башуа, господин Базиль, господин Гобер де ла Меллуаз. Во времена разлива реки вода плещется прямо о ступени их домов.

Сейчас здесь почти совсем темно. С приходом ночи деятельные обитатели Нижнего города сидят по домам. Кто спит, кто играет в карты, кто пьет.

Спустившись по белой дороге, которая вела его с продуваемых высот Верхнего города к этому темному и зловонному лабиринту, граф де Сент-Эдм как бы пересек границу света и очутился во тьме улицы Су-ле-Фор.

В темноте он увидел, как рука в красной перчатке легла ему на плечо.

— Я пойду вместе с вами, — послышался голос Мартена д'Аржантейля. — Я хотел бы присутствовать на черной мессе в Канаде.

***

В доме господина ле Башуа собрались гости на маленький домашний концерт. У мсье ле Башуа было четыре дочери, три сына и толстая, краснолицая жена с невероятно голубыми глазами, которая нравилась всем мужчинам и которая наставляла ему рога чаще, чем он ей.

По правде говоря, представлять ситуацию подобным образом не означало давать ей правильную оценку. Так как в данном случае обманутый муж считал себя в

выигрыше. Ведь именно ему принадлежало право обладать этой женщиной, бывшей столь желанной для множества мужчин, право, которым он пользовался тогда, когда ему этого хотелось, а значит, гораздо чаще, чем большинство его соперников. Отсюда и ревность, которую они к нему испытывали, и та безмятежность, с которой он носил свои рога. И так как он считал себя в выигрыше в этом деле, у всех уже давно пропала охота над ним насмехаться, а его престиж и влияние только от этого возросли.

В данный момент он играл в бильярд с господином Мэгри де Сен-Шамоном. В те времена игра в бильярд была еще очень похожа на обыкновенную игру в шары, перенесенную в гостиную.

Ле Башуа бросил задумчивый взгляд на своих гостей. Среди них были господин Гобер де ла Меллуаз, седой и элегантный, Ромэн де Лобиньер, ухаживающий за его младшей дочерью, Мари-Адель. Это она сидела перед вирджиналом, музыкальным инструментом, похожим на клавесин, но с более нежным звучанием. В оркестре были также две скрипки и флейта.

Его старшей дочери нет в гостиной. Весь день она не выходила из своей комнаты. Долгое время она считалась невестой лейтенанта де Пон-Бриана, который был, как говорят, убит на дуэли этим прибывшим с юга господином де Пейраком. С тех пор она решила не выходить замуж.

Будем надеяться, что младшей больше повезет.

Время от времени Мари-Адель поворачивалась к Ромэну де Лобиньеру и пыталась привлечь его внимание.

Но юноша был рассеян. Сегодня произошло так много событий. Ромэн, опытный траппер, воинственный фанатик. всегда готовый следовать за отцом д'Оржевалем в его карательных экспедициях, испытывал беспокойство при мысли о встрече с мсье и

мадам де Пейрак. Он был рад, что все закончилось так удачно и для него, и для всех остальных.

Когда в городе распространился слух о «веренице лодок», виденных над Квебеком, дело приезжих из Мэна казалось проигранным. Население было объято страхом.

Паника быстро распространялась по городу. Женщины впали в неистовство. Они превратились в покорные орудия в руках священников, и отец д'Оржеваль, казалось, победил. И вдруг он исчез.

И тут же злая лихорадка утихла как по волшебству.

И вот теперь Три-Пальца с Трех-Рек — таково было прозвище Ромэна де Лобиньера из-за его увечья и оттого, что его поместье находилось недалеко от города Трех Рек — мучился от бесконечных вопросов.

«Где он? Что с ним стало? Какая сила могла заставить иезуита покинуть город в самый ответственный момент, в тот самый момент, когда город был готов следовать за ним и оказать «захватчикам» ожесточенное сопротивление? Господни Кастель-Моржа повторял, что его пороховые склады полны и орудия готовы. Уже начали рыть траншеи и строить оградительные бастионы.

«Он исчез... Может быть, его похитили? Убили? Куда он ушел? В каком направлении? Скрыться перед боем — это так не похоже на него!.. Или, может быть, он готовит месть?»

Однако среди трапперов прошел слух, что иезуит вернулся в миссии ирокезов.

Если это так, тогда это настоящее безумие!

Господин де Лобиньер смотрит на свои руки с отрубленными и сожженными пальцами. Большой палец превратился в пепел в индейской трубке. Указательный был медленно перепилен зазубренным осколком ракушки. При этом дикари еще не считали его своим худшим врагом.

Если отец д'Оржеваль вернулся к ирокезам, он погиб. Они замучают его самыми страшными пытками.

Удобно устроившись в глубоком кресле, соединив кончики пальцев в перчатках, господин Гобер де ла Меллуаз спрашивал себя под убаюкивающие звуки приятной музыки, что он должен думать о событиях сегодняшнего дня.

Не будучи беззаветно преданным иезуитам, он тем не менее не мог не сожалеть об их поражении. Вторжение в город этих дерзких французов не пошатнет ли моральное и экономическое равновесие, и без того уже непрочное в этом городе? Об этих авантюристах, находящихся, без сомнения, вне закона, ходят разные слухи, и надо бы эти слухи проверить.

Господин де ла Меллуаз набожен. Он принадлежит к братству «Святой Девы» и к братству «Святого Семейства», и на него сильно повлияло то, что раньше он был членом общества «Святого Причастия».

Итак, он считает, что господин де Фронтенак в данном случае превысил свои политические полномочия и что он слишком легко переложил тяжкий груз ответственности на плечи своей администрации.

Господин де ла Меллуаз дает себе обещание выяснить многое. Так, например, что делать с этими «дочерями короля», чья благодетельница исчезла, как говорят, утонула. Но чутье, выработанное у него за долгие годы шпионской деятельности во славу добродетели, практикуемой среди членов общества «Святого Причастия», подсказывает ему, что за всем этим скрывается какая-то тайна. Он горько сожалеет о том, что госпожа де Модрибур не прибыла в Квебек, так как ему очень рекомендовали ее в посланиях из Парижа, о ней говорили, что она очень богата, и он принял участие в подготовке к ее приему в Квебеке.

Эта дама должна была стать весьма ценным членом общества. В замке Монтиньи, расположенном на

северном склоне холма Святой Женевьевы, все лето работали плотники и кровельщики, обойщики мебели.

И вот богатая благодетельница не приезжает, и, будто по иронии, туда помещают господина де Пейрака.

Такой оборот событий не нравится господину Гоберу, и он принимает решение быть очень бдительным, так как добро должно восторжествовать.

Привычным жестом он разглаживает перчатки на своих холеных руках. Это перчатки сиреневого цвета, пахнущие фиалками. Они плотно обтягивают пальцы и ладонь.

Перчатки — это особое пристрастие господина Гобера. У него их множество, и все разного оттенка и с различным ароматом. Индеец-эскимос из «Красного плута» выделывает для него птичью кожу, галантерейщик с улицы Святой Анны шьет из нее перчатки, а двое его пленных англичан, похищенных у гуронов и знающих секреты красильного мастерства, окрашивают. Одну такую пару, самого красивого красного цвета, он подарил господину Мартену д'Аржантейлю после того, как узнал, что этот блестящий дворянин играл в лапту с самим королем. По своему качеству его перчатки могут сравниться с шелковыми, но они лучше защищают.

...Ощипав птицу, осторожно сняв кожу, эскимос хватает то, что от нее осталось, и жует клюв, кости и лапки своими острыми зубами. Ведь, кажется, «эскимос» — означает «питающийся сырым мясом»?..

Несмотря на то, что уже поздняя ночь, в гостиной продолжают играть в карты и кости, толкать бильярдные шары. Благодаря музыкантам и их ритурнелям можно не разговаривать. Курят свернутые листья табака, щедро розданные господином де Пейраком. Эти «сигары», как их называют, имеют вкус табака из Новой Англии — то есть вкус запретного плода.

Пользуясь тем, что скрипачи настраивают свои инструменты, господин де Мэгри говорит, качая головой:

— Все же их табак лучше нашего...

— Не должны ли мы считать его товаром, импортируемым из-за границы? — осведомляется прокурор Ноэль Тардье де ла Водьер.

Бросают украдкой взгляд на господина ле Башуа, но так как тот занят лишь своей партией и курит с явным наслаждением инкриминируемый табак, успокаиваются.

Несколько позже господин Гобер де ла Меллуаз говорит:

— Присутствие этих авантюристов, многие из которых без совести и чести, вызовет волнение среди наших жителей, которые и так достаточно беспокойные по своей природе. Достаточно лишь финансовой проблемы. Как мы будем оплачивать их расходы? Наш и без того непрочный бюджет окончательно пошатнется...

Ле Башуа отвечает, не отрываясь от своего шара:

— Не волнуйтесь... Базиль все устроит.

***

В доме господина Базиля граф д'Урвиль сидит напротив самого хозяина — одного из самых богатых коммерсантов Квебека. Здесь тоже курят «сигары» из Вирджинии, что не мешает господину Базилю активно работать. Он заканчивает взвешивать на маленьких весах жетоны из чистого серебра, которые его приказчик складывает затем в кожаный кошелек.

— Вы можете заверить господина де Пейрака, что с хождением этих монет не возникнет никаких затруднений. Я служу вам гарантом. Кроме того, с завтрашнего утра я вручу вам определенное количество билетов с моей подписью, которыми вы сможете расплачиваться с различными лицами или

предприятиями города. Как только они будут парафированы, мой приказчик вам их передаст.

Господин д'Урвиль встает и благодарит от имени господина де Пейрака.

Из вежливости он не показывает своего удивления. Но никогда еще ему не приходилось видеть столь непохожих хозяина и приказчика. Насколько у хозяина внешность респектабельного буржуа, настолько его приказчик — худой, бледный, с быстрым, настороженным взглядом, производит впечатление человека с постоянно пустым желудком, существующего лишь воровством. Конечно же, это не так. У него вполне прочное положение в доме влиятельного господина Базиля, который, представляя своего приказчика, сказал:

— Поль-ле-Фоль или Поль-ле-Фолле... Как вам будет угодно.

В самом деле, в его внешности есть что-то, что напоминает Пьерро из итальянских комедий. Он может казаться то забавным, то мрачным, зловещим. А впрочем, он быстр, понятлив, с умом столь же гибким, как и тело. Он ведет себя настолько свободно, что не удивляет то, что он иногда обращается на «ты» к своему хозяину.

Положив руку на эфес шпаги, граф д'Урвиль раскланивается и уходит.

Как только он выходит, приказчик открывает окно, и холодный воздух тотчас же наполняет комнату, прогоняя табачный дым.

Поль-ле-Фоль выглядывает из окна. К шуму реки, плещущей о скалы и сваи причала, примешивались приглушенные звуки музыки из дома господина ле Башуа. Аккорды скрипок и вирджинала, растворяясь в воздухе, казалось, убаюкивал индейца, сидящего на пороге дома, который, несомненно, обменял недавно шкуру выдры на полбутылки алкоголя.

Он сидел неподвижно, не чувствуя холода. А тем не менее мороз усилился этой лунной ночью.

Приказчик слушал шум бегущей реки, которая уже вскоре должна будет умолкнуть.

— Когда же мы вернемся на берега Сены? — спросил он. — Всякий раз, когда я слышу эту песню воды, меня охватывает тоска...

Господин Базиль покачал головой, раскладывая по местам гири, пинцеты и весы.

— Что касается меня, я никогда не вернусь туда. Меня там ничто не привлекает. Я погибну с тоски или взбунтуюсь.

Приказчик закрыл окно и уселся рядом с купцом. Привычным жестом он обхватил его за плечи, в то время как на лице его появилось выражение грусти и одновременно насмешки.

— Ну что ж, значит, я умру, не повидав Парижа... Так как ничто ведь не сможет нас разлучить, не так ли, брат?

***

— Отправляйся и принеси мне поросячьи ножки, — сказала Жанин де Гонфарель, хозяйка харчевни «Корабль Франции» своему слуге. — Я хочу сделать из них рагу.

— Поросячьи ножки? В такой час? Где же их искать?! Рождество еще не скоро. А потом... вы же знаете, хозяйка, мелкие торговцы и трактирщики не имеют права покупать товар до девяти часов утра.

— До восьми часов! Зима еще не наступила...

— ...И не раньше того, как товар будет выставлен на продажу в течение часа на рынках Верхнего или Нижнего города.

— Заткнись! Оставь меня в покое с этими указами олуха Тардье. Не для этого я добиралась так далеко в Канаду, чтобы снова подчиняться этим полицейским. Принеси мне поросячьи ножки, говорю я тебе! Это

вопрос жизни и смерти! Попроси приказчика господина Базиля, Поля-ле-Фолле. Для меня он готов будет даже разбудить мясника. Чтоб к утру ты был здесь с тем, что я тебе приказала.

Подчинившись, парень уходит в темноту.

Удовлетворенная, Жанин Гонфарель поворачивается к коту, удобно устроившемуся на мягкой подушке. Кончиками пальцев она почесывает его под подбородком. Кот лениво принимает ласку, щуря глаза.

— Ты мне нравишься, — говорит Жанин. — Послушай, разве у матушки Гонфарель тебе хуже, чем у этой шлюхи, увешанной роскошными побрякушками?.. Знатные дамы, должна я тебе сказать, вовсе не подходящая компания для кота... Ты же видел, чем это для тебя обернулось. Поверь мне, малыш, оставайся лучше у матушки Жанин.

Кот мурлычет. Она смотрит на него, и на ее круглом лице появляется огорченная гримаса:

— Да, конечно, я все понимаю, ты такой же, как все мужчины, котяра... Если надо выбирать между доброй женщиной и шлюхой, ты выберешь последнюю. Что ж! Я не строю иллюзий, иди к ней! Ты снова предпочтешь ее. Как всегда!

Со вздохом смирения она смотрит в окно на площадь, по которой сегодня проходила та женщина, одетая в голубое, с бриллиантами в ушах... Та женщина... Настоящее чудо.

В этот час площадь пустынна. В темноте Жанин различает два силуэта, которые переходят площадь и скрываются за углом. Это граф де Сент-Эдм и Мартен д'Аржантейль.

— Интересно! Что делают эти благородные господа в нашем захолустье? Держу пари, они направляются к Красному Плуту, колдуну из Нижнего города.

***

Притон Красного Плута находится в том жалком квартале, который образовался на месте бывшего деревянного форта, построенного господином Шамплэном у подножия скалы; теперь от него остались лишь следы защитного рва, превратившегося в канаву, в которой запоздалые пьяницы принимают иногда ледяную ванну.

В этом квартале изобретательные иммигранты, стремящиеся использовать каждый кусок свободного пространства, соорудили великое множество домов, хижин, лачуг, теснящихся буквально друг на друге.

Этот квартал, с его примитивными жилищами, с крышами из соломы или дранки, взбирающимися по склону скалы Рок, подобно плющу, часто посещает прокурора Тардье в его кошмарных снах, так как он отвечает за чистоту и противопожарную защиту города.

Пробираясь между убогими строениями к вертепу Николя Мариэля, прознанного Красным Плутом, а также Колдуном, они добрались к самому верхнему участку квартала, где, подобно сорочьему гнезду, примостился дом Красного Плута. За ним уже начиналась голая каменная стена скалы Рок.

— Кто здесь? — окликнул их голос старухи из-за двери.

Они вошли в комнату, наполненную самыми противоречивыми запахами: запахом рыбы, различных растений — корней и листьев, развешанных под балками потолка для просушки, и неожиданным запахом книг в кожаных переплетах, больших и маленьких, тонких и объемистых, в огромном количестве лежащих в углу.

В другом углу можно было различить странную фигуру, сидящую на корточках и ловко плетущую сеть. Круглая голова цвета полированного красного дерева, с узкими глазами, казалась слишком большой для его маленького коренастого тела. Это был индеец-эскимос.

Под лампой из клюва ворона, на меховых шкурах, брошенных на пол, в позе индейца сидел человек, писавший что-то на портативном письменном приборе.

Мартен д'Аржантейль с удивлением разглядывал его одежду из замши с бахромой, меховой колпак, надвинутый на глаза. Трудно было определить его возраст.

— Кто вы? — спросил он, неприветливо глядя на них из-под меховой шапки — Я вас не знаю.

— Знаете, — возразил ему Сент-Эдм, — я уже приходил к вам с графом де Варанжем.

— Где он?

— Это именно то, что я хотел бы узнать, и вы один можете мне в этом помочь.

— Я не прорицатель.

— Нет, вы именно он. Я видел ваши действия, Николя Мариэль.

— Ничего вы не видели. Я занимаюсь толкованием Большого и Малого Альбера, изготовлением снадобий и талисманов против несчастий.

— Вы умеете гораздо больше. Среди ваших книг не только Большой и Малый Альбер. Из ваших книг вы узнали то, что Джон Ди увидел в черном зеркале. И я знаю, что вы умеете общаться с духами и вызывать их. Повторяю, не так давно я видел ваши действия.

— Времена изменились.

— И что же нового?

— Плохие предсказания.

— Какие же?

— Я видел, как в ночном небе над лесом прошла вереница лодок...

— Об этом всем известно... вы об этом уже давно рассказали.

— Но то, о чем я не рассказал, это то, что в вашем спутнике я узнаю одного из сидящих в горящей лодке. Я его видел.

— Меня! — в ужасе вскричал Мартен д'Аржантейль.

Это откровение ему вовсе не понравилось. Означает ли это, что он скоро умрет? Он пожалел о том, что последовал за графом Сент-Эдмом. Мартен д'Аржантейль и сам интересовался магией, но ему вовсе не нравится слушать разглагольствования этого низкопробного колдуна.

Чего еще мог он ожидать в темной и невежественной Канаде? В Париже он был на сеансах магии Лезажа и аббата Гибура, в их салонах, пропитанных запахом ладана и дурманящих трав. У него сохранились об этом неописуемые воспоминания. Как в тумане перед ним возникало нежное лицо странной и воздушной Мари-Магдалины д'Обрей, маркизы де Бринвильер, которая, должно быть, его околдовала. Но она его не замечала. Она жила, полностью подчиняясь воле своего любовника, шевалье де Сент-Круа. Вспоминая об этом, Мартен д'Аржантейль горько сожалел о своей теперешней участи.

Граф де Сент-Эдм попытался задобрить колдуна.

— Вы должны нам помочь. Я принес вам то, что вам нужно.

— Что же?

— Прежде всего вот это, — сказал граф, показывая кошелек, набитый экю, — а затем — это.

И он достал маленькую жестяную коробочку, которую ему недавно передал Юсташ Банистер. Откинув крышку, он показал хранящиеся там белые пастилки пресного хлеба.

— Облатки!

Но колдун не шевельнулся. Уставившись невидящим взором на то, что принес ему граф, ой медленно встал и покачал головой.

— Берегитесь, господа, — пробормотал он наконец. — Оставьте в покое эту женщину, прибывшую сегодня в Квебек.

— Мадам де Пейрак?

— Не произносите ее имени, — вскричал колдун гневно. — Тише! — произнес он затем таинственным шепотом. — Вы погубите себя. Она сильнее вас и ваших колдовских штучек. Сила ее такова, что она избежит все ловушки, пройдет сквозь огонь, который ее не коснется, отведет занесенный над нею меч, заставит дрогнуть руку с поднятым на нее камнем, я знаю это, я видел ее сегодня, выходящую из воды. Это она убрала ту женщину, которую вы ждали.

— Мадам де Модрибур?

— Я повторяю, не произносите имен.

— Значит, видение монахини-урсулинки было правильным?

— Меня не касаются видения монахинь. Каждому свое. То, что видела мать Магдалина, знает она одна. Что же до меня, то больше я вам ничего не скажу, и я повторяю вам: забирайте ваши облатки. Я не желаю участвовать в ваших святотатственных ухищрениях. У меня есть мои книги, мои формулы и провидческий дар, полученный от рождения и усиленный наукой. Вот почему я говорю вам: я не хочу ничего предпринимать против этой женщины, так как мое предчувствие говорит мне, что это бесполезно. Ее чары делают ее неуязвимой.

— Но, по крайней мере, вы поможете нам отыскать мессира де Варанжа. Вы сами признали его умение в области магии. А уж он-то будет против нее, за это я вам ручаюсь.

Едва он успел закончить фразу, как вскочил, оглядываясь вокруг и пытаясь понять, откуда исходит этот звук трещотки, так внезапно возникший.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что это смеется их хозяин. Красный Плут раскачивался, сотрясаемый смехом, растянув рот в глумливом оскале

и хлопая себя по ляжкам, настолько смешным ему показалось то, что он только что услышал.

— Надо уходить, — прошептал Мартен д'Аржантейль. — Он пьян.

— Почему вы смеетесь? — спросил граф. Красный Плут с видимым трудом перестал смеяться и внезапно протянул свою костлявую ладонь.

— Дайте мне ваши экю, добрые господа, и я вам скажу почему...

Его пальцы сомкнулись на кошельке, который тут же исчез в складках одежды. Затем он вытер со своих губ слюну, коричневую от табака.

— Я смеюсь над тем, что вы только что сказали, добрые господа... Какой вздор! Мессир де Варанж никогда не победит эту женщину...

Глаза его лихорадочно блестели. Он вполголоса добавил:

— Потому что именно она его убила, своей собственной рукой.

***

Юсташ Банистер вернулся в свой дом в Верхнем городе.

Это была старая лачуга, построенная еще его отцом во времена первых колонистов.

Тощий пес, привязанный к большому дереву во дворе, поднялся, звеня цепью, ему навстречу. Юсташ сильно пнул его ногой и направился в другой конец двора.

С этой стороны его участок примыкал к дому ближайшего соседа, маркиза Виль д'Аврэя. Фасад этого дома выходит на улицу де ла Клозери, а большой двор позади дома простирается до границы с участком Банистера. Банистер прекрасно знает, что маркиз, как крот, роет землю под его участком, чтобы устроить там погреба для своих вин, провизии, чтобы хранить летом лед.

Вокруг полным-полно естественных погребов. Нет никакой надобности залезать со своей лопатой на участок соседа.

А теперь еще маркиз пригласил в свой дом такое множество гостей. Такая куча народу! Наверняка они доставят ему неприятности.

С этого места далеко виден речной простор, острова, мысы, заливы. Белые облака застилают небо, а там вдали — в серо-голубой дымке — линии гор, уходящие в бесконечность.

В городе человек, как в тюрьме. Он не может больше ходить в лес. Если он уходит, у него забирают его имущество.

Самые страшные ругательства, самые ужасные богохульства прозвучали в голове Банистера. Но вслух он остерегается их произносить. Не хватало еще, чтобы вдобавок ко всему ему отрезали язык...

То, что из-за боязни он не может выругаться вслух, еще больше озлобляет его сердце. Человек, доведенный до предела, и если при этом он не может выругаться вслух, подобен надутому пузырю, который вот-вот лопнет.

Когда-нибудь у него будет золото, много золота, и он отомстит всем, даже епископу.

Своей медвежьей походкой Юсташ Банистер возвращается в свою лачугу.

Тощий пес, лежащий у подножия красного бука, остается один в ночи.

***

Тощий пес Юсташа Банистера лежит у подножия красного бука, его мучает голод. Ночь сменила день. И за все это время он получил лишь удар ногой. Каждый момент его ожидания наполнен тяжестью разочарования.

Бедный пес, побитый, голодный, посаженный на цепь, не отрываясь смотрит в одну сторону — туда, где

стоит жалкий домишко.

Оттуда придут четверо детей, его хозяева. Он увидит, как они идут к нему, одетые в коричневое, серое, черное, ковыляя и спотыкаясь. Их лица похожи на толстые розовые луны. Когда они наклоняются к нему, он видит, как горят их глаза и смеются их белые зубы.

Тогда взгляд собаки взывает к их безграничному могуществу.

Чувство, охватившее его и влекущее его к ним, так велико, так полно, что он чувствует, как его хвост начинает шевелиться сам собой.

Из их рук приходит жизнь. Кость, кусочек свиной кожи. Он на лету хватает все, что они ему бросают, грызет, глотает и млеет от счастья. Иногда, правда, неприятный сюрприз: гвоздь или камень...

Однажды они бросили ему горящий уголь. У него до сих пор обожжена морда.

Сегодня они не принесли ничего. Он их не видел. Луна выходит из-за облаков и освещает крышу хижины, в которой спят люди. На темной стене выделяется прямоугольник двери.

Дверь откроется... дети выйдут.

Дети, которых он любит!

***

У подножия Квебека река Сен-Шарль несет серебристые воды среди прекрасных лугов прихода церкви Нотр-Дам-Дезанж. В устье реки вода плещется о борта корабля, потонувшего здесь. В прогнившем трюме заброшенного «Сан-Жан-Баптиста» медведь Виллагби устроил себе зимнюю берлогу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДОМ МАРКИЗА ДЕ ВИЛЬ Д'АВРЭЯ

Глава 17

В самую первую ночь, проведенную в доме маркиза де Виль д'Аврэя, Анжелике снился Пуату, прелестный французский город, где она провела свои отроческие годы, воспитываясь в монастыре урсулинок. Она видела себя идущей по узким улочкам, поднимающимся по склонам холма над тихой речкой Клэн.

Ей было пятнадцать или шестнадцать лет, и душа ее была полна грусти и тревоги.

Она шла к церкви Нотр-Дам-ла-Гранд. Войдя в нее, она удивилась тишине и полумраку, в то время как она ожидала услышать звучание органа и увидеть сияние свечей. В замешательстве она хотела выйти, но вдруг очутилась в объятиях смеющегося молодого пажа, жадно и неловко целующего и обнимающего ее. Внезапно она проснулась.

Анжелика приподнялась, опершись на локоть. Нежность простыней, мягкость подушек, запах лимона и лаванды, которым были пропитаны ткани, напомнили ей, что она находится в роскошной кровати с балдахином, возвышающейся на трех ступеньках, и что сама эта кровать находится в солидном каменном доме, стоящем среди других, подобных ему, домов, и постепенно все эти детали восстановили реальность: она была в Квебеке, в Новой Франции.

Рядом с ней спал Жоффрей. Она пошевелилась, чтобы быть поближе к нему и ощутить тепло его тела.

Сон, от которого она только что пробудилась, придавал необъяснимую глубину тем чудесным моментам, которые она переживала.

Когда она проснулась уже окончательно, колокола всех церквей, ближних и дальних, звонили вовсю.

Жоффрей стоял у окна. Он был уже наполовину одет. Белизна его рубашки со множеством складок, отделанная кружевами, резко контрастировала со смуглой кожей.

В утреннем свете был виден его резко очерченный профиль, нос с горбинкой, выпуклый рот, в складке которого таились нежность и насмешка, даже когда он был спокоен.

Граф де Пейрак приоткрыл створки окна. Холодный воздух проник в комнату, и свет стал ярче. Комната была так мала, что, не вставая с кровати, можно было увидеть то, что происходило на улице. Напротив окна, за фруктовым садом, виднелась в отдалении река.

Солнце медленно поднималось из-за красноватых, с багровыми оттенками облаков, застилающих горизонт, и его розовое сияние то меркло, то вновь загоралось по мере того, как оно становилось все выше.

Святой Лаврентий был зеленоватого цвета. Контуры большого острова Орлеан были едва различимы. На севере виднелась красиво изогнутая линия побережья Бопре, с отдельно стоящими большими домами и несколькими хижинами вокруг колокольни.

Анжелика мечтала о том, чтобы много раз наблюдать из этого окна восход солнца. Она откинула одеяла и, надев домашнее платье, нечто вроде «душегрейки» из плотного шелка, отделанное мехом по воротнику и рукавам, присела на край кровати, разглядывая мебель, собранную на этом маленьком пространстве. Флорентийское зеркало висело над туалетным столиком из орехового дерева, на котором лежали восхитительные предметы дамского туалета: расчески, щетки, гребня, так удачно заменившие ей ее личные вещи, потерянные накануне.

В углу монументальная молитвенная скамья из эбенового дерева, инкрустированная драгоценными камнями и миниатюрами на эмали, также во

флорентийском стиле, служила одновременно книжным шкафом. Кровать с четырьмя колоннами, с балдахином, с сундуком для вещей у изголовья и с переносными консолями, являлась как бы сама по себе комнатой.

Анжелика подошла к графу де Пейраку, стоявшему у окна. Он обернулся и улыбнулся ей. Она подумала, что впервые после долгих лет они находятся вдвоем в городском доме, имеющем все удобства и несомненную элегантность.

После скольких лет? О! Бог мой, со времен Тулузы! Пятнадцать лет? Двадцать?

Она не могла поверить, что наконец это произошло.

Итак, конец блужданиям? Конец ненадежным пристанищам, скрипящим кораблям, пропитанным соленым воздухом, деревянным фортам в лесной глуши или на пустынном берегу, где вас подстерегают голод, цинга, насильственная смерть.

— Я хотела бы жить в этом маленьком доме, — сказала она себе, — и встречать каждый день восход солнца...

Как бы угадав ее мысли, Жоффрей заговорил о замке Монтиньи, отданном в их распоряжение.

— Это красивый дом, крепкий, прекрасно обставленный, но я понимаю, что вам не хочется жить в нем, так как вы будете постоянно вспоминать о том, что он предназначался для герцогини де Модрибур...

Украдкой он насмешливо взглянул на нее.

— В самом деле, вы угадали... Я знаю, что вы, Жоффрей, значительно менее чувствительны к такого рода вещам.

— Разумеется!

— Я слишком боюсь повстречаться там с ее злосчастной тенью... Я не перестаю думать о том, что Амбруазина готовилась к своему приезду в Квебек, а это, вне всякого сомнения, означает, что у нее здесь есть друзья, соучастники... Хотя самый опасный, самый

влиятельный из них — ее друг детства, отец д'Оржеваль, исчез, остается еще много других... Кто они? Мало-помалу, они обнаружатся и...

— И... вы будете лучше себя чувствовать, живя в этом доме, — заключил Пейрак, обнимая ее, — я понимаю... Этот дом сделан как будто специально для вас... Я полагаю, что это именно то, о чем вы мечтали той долгой и суровой зимой, с которой мы боролись в прошлом году в Вапассу.

И вы заслужили спокойной и счастливой жизни, такой, какая вам по душе. Вы пережили столько невзгод и волнений. Ну что ж, тогда часть наших людей мы разместим в замке де Монтиньи. Правда, в результате он станет похож на военную казарму. Там будут жить наши офицеры, и в нем мы поместим больных и раненых из нашего экипажа, а также небольшой оборонительный гарнизон. Однако в этом замке есть большие гостиные, которые мы сможем использовать для официальных приемов. А в одном из помещений я устрою свой командный пост.

А этот маленький дом, возвышающийся над веем городом, будет ваш. Отсюда город будет под наблюдением ваших зеленых глаз. Отсюда вы раскинете ваши сети, и город, опутанный ими, покорится вашей мудрой стратегии. Ведь таковы ваши планы, мой прекрасный военачальник?

Он поцеловал Анжелику.

— ...Но никакой войны не будет, — продолжал он. — Мы победили свою злую судьбу. Наша стратегия отныне будет заключаться в том, чтобы организовать развлечения по своему вкусу, устраивать наше будущее, заводить себе друзей в Новой Франции.

Слушая его, Анжелика чувствовала, как в ней просыпаются внутренние силы и вкус к счастливой и безмятежной жизни.

В их вкусах было так много общего: они любили жизнь, приключения, успех, борьбу за гармонию и красоту существования.

Скрытность Анжелики, ее стремление утаить некоторые эпизоды из прошлой жизни иногда раздражали слишком свободолюбивую и независимую натуру аквитанского дворянина, привыкшего к доверчивости женских сердец. Но затем он понял, что и у мужчины, и у женщины должны быть свои тайны, секретные глубины, недоступные никому. Богатство внутренней жизни сближало их сильнее и делало их чувство более изысканным.

Все это выразилось в том поцелуе, который стал для них самым блаженным моментом сегодняшнего утра.

Как бы хорошо им ни было вместе, приходилось думать о том, как организовать встречи и приемы, с кем необходимо было встретиться в первую очередь.

— Я собираюсь попросить губернатора Фронтенака созвать как можно раньше экстренный Большой Совет, чтобы обсудить на нем наше положение и утвердить статус нашего присутствия в городе.

Анжелика помнила о тех нескольких «особых» случаях: что делать с Аристидом, с Жюльеной, с англичанином из Коннектикута — Элией Кемптоном, которые незамедлительно будут сочтены «нежелательными лицами», несмотря на то, что они находятся в Квебеке не по своей воле. И что делать с Адемаром, дезертиром, который рисковал быть выставленным к позорному столбу или даже вздернутым на дыбу или повешенным.

Однако первое, что она собиралась сделать, это добиться аудиенции у епископа. С его помощью она хотела встретиться с матерью Магдалиной, ясновидящей монахиней-урсулинкой, чье видение легло на нее тяжким обвинением в том, что она демон.

Урсулинка должна как можно скорее засвидетельствовать, что Анжелика совершенно не похожа на ту женщину, которую она видела во сне.

Да, теперь она отчетливо понимала, какие неожиданности могут подстерегать их в Квебеке.

Вначале она воспринимала эту экспедицию в Новую Францию как чисто дипломатическую, касающуюся только лишь их положения в Америке. Но Квебек — это было королевство в миниатюре, квинтэссенция Дворца и королевской администрации. Прошлое! Им мог оказаться этот господин из толпы, крикнувший при виде де Пейрака, входящего со знаменами на площадь: «Слушайте, на Средиземном море его серебряный щит был на красном фоне...»

Она встала и позвала Иоланту:

— Прежде всего надо встретиться с епископом. А затем я должна пойти поблагодарить эту милую женщину, вставшую на мою защиту вчера в Нижнем городе и взявшую на себя заботу о моем коте, эту даму Жанин Гонфарель. Наши религиозные пристрастия различны, но она сама мне очень нравится, и я охотно с нею познакомлюсь. Виль д'Аврэй относится к ней с большим уважением. И напомните мне, пожалуйста, что сегодня же я должна раздать подарки самым влиятельным дамам этого города.

Глава 18

Итак, это было их первое утро в Квебеке.

Прежде всего они вместе отправились в поместье Монтиньи, чью крышу и трубы можно было различить из-за холма.

Их сопровождали испанские солдаты де Пейрака и Жан ле Куеннак.

Именно так, как и предполагал Жоффрей де Пейрак, замок превратился в некий бивуак, в котором царило оживление и беспорядок.

Де Пейрак отдал приказы и распоряжения своим офицерам, и они покинули Монтиньи, сопровождаемые своей гвардией, но на этот раз менее многочисленною.

Все улицы Квебека вели в собор.

Направляясь из замка Монтиньи по дороге Сент-Фуа, Анжелика с мужем и их эскорт вышли на соборную площадь в тот момент, когда там заканчивалась служба.

Их прибытие, хоть и несравненно менее пышное, чем накануне, произвело тем не менее сенсацию.

С ними любезно раскланивались, и многие дамы обступили их со всех сторон. Впереди всех была мадам де Меркувиль. Еще вчера Анжелика обратила внимание на эту красивую, энергичную даму. Высокая, элегантно одетая, со свежим цветом лица, она пришла слушать мессу в сопровождении двух старших дочерей, четырнадцати и пятнадцати лет.

Поздоровавшись и произнеся любезности в адрес каждой из присутствующих дам, де Пейрак ушел. Его ожидал губернатор в замке Св. Людовика. Он удалился, уводя с собой своих испанцев, и тут же все обступили Анжелику.

Из всех любопытствующих мадам де Меркувиль была самая любезная и приветливая. Она осведомилась о здоровье Анжелики, о том, как она отдохнула, нравится ли ей дом, и заверила, что она находится в ее полном распоряжении и готова помочь ей во всем, что может сделать ее жизнь в Квебеке наиболее приятной.

Она предложила Анжелике найти служанку для грязной работы, а пока она пришлет ей своего раба-индейца, купленного за 15 ливров. Она не гарантировала безупречность его работы, так как он был ленивым и мечтательным.

Если же мадам де Пейрак захочет осмотреть город, мадам де Меркувиль пришлет ей свой портшез и своих лакеев. И она готова дать ей советы по заготовке продуктов на зиму. Вскоре начнутся холода, и уже поздно будет закладывать на хранение коренья, морковь, репу и т. д. Ведь зима в Канаде длится долго. Даже в Квебеке им приходилось голодать, если весна задерживалась.

Дамы, стоящие вокруг, начали вспоминать те годы, когда им приходилось варить кусочки кожи, чтобы придать крепость супу и примешивать к муке опилки.

Анжелика попыталась объяснить, что ей пришлось уже пережить зиму на американской земле и что она знакома с некоторыми ее неудобствами, но напрасно. Жительницы колонии, гордящиеся своим опытом, очень любили наставлять вновь прибывших. Анжелике стоило больших усилий прекратить их рассказы о голоде и о многочисленных рецептах по заготовке на зиму продовольственных запасов.

Обратясь к мадам де Меркувиль, Анжелика сказала, что была бы ей очень признательна, если та поможет ей как можно скорее встретиться с епископом. Не знает ли она, к кому ей нужно обратиться?

Мадам де Меркувиль посоветовала поговорить с господином де Верньером, директором семинарии.

И дамы принялись высказывать свое мнение относительно всемогущего прелата, мессира Франсуа де Монморанси-Лаваля, епископа апостольской церкви Новой Франции. Мнения эти были весьма различны: одни обожали епископа, другие, казалось, откровенно его ненавидели.

Анжелика внимательно прислушивалась ко всем этим противоречивым суждениям, но вдруг неожиданно раздался пронзительный радостный крик, похожий на птичий, и крохотное дитя, одетое в белое, буквально полетело к Анжелике.

Дитя было такое легкое и маленькое, что его ножки едва касались круглых камней, которыми была вымощена площадь.

Его чепчик и кружевной фартук, развевающийся на ветру, усиливали сходство с маленькой летящей птичкой.

Девочка бежала прямо к Анжелике, заливисто смеясь от всей души, протянув вперед руки, и Анжелике оставалось лишь наклониться и подхватить ее.

— Эрмелина! — вскричала мадам де Меркувиль, узнав свою младшую дочь.

Присутствующие застыли в изумлении. Затем послышались восклицания:

— Она ходит! Она ходит!

— Она убежала от Перрины!

— Но еще вчера она не ходила!

— Она не просто ходит, — сказал господин де Лонгшон торжественно, — она бегает!

Держа ребенка на руках, Анжелика искала в своей сумочке конфету или какое-нибудь другое лакомство, которые были у нее всегда припасены для Онорины или Керубина.

— Не давайте ей ничего! — воскликнула мадам де Меркувиль. — Она такая сладкоежка!

— Но она прелестна!

Анжелика не понимала, почему приход этой девочки вызвал столько эмоций. Вслед за ней прибежала кормилица-негритянка, плача и всплескивая руками:

— Чудо! Произошло Чудо!

Она бросилась на колени перед Анжеликой и принялась целовать подол ее платья.

— Я сейчас объясню вам, что произошло, дорогая мадам де Пейрак, — сказала мадам Гобер де ла Меллуаз, утирая платком залитое слезами лицо, — этот трехлетний ребенок не ходил, девочка даже сидела с трудом в своей кроватке, и вдруг сегодня так сразу...

Маленькое создание, такое легкое и веселое, устроившись у нее на руках, грызло конфеты с торжествующим видом, будто радуясь тому, как здорово ей удалось провести своих родителей. Анжелика передала девочку одной из ее старших сестер, а та — кормилице. Вокруг них люди смеялись и плакали. Послышались слова:

— Маленькая Эрмелина чудодейственно исцелилась!

Несмотря на то, что событие касалось ее в первую очередь, мадам де Меркувиль не теряла времени. Эта здравомыслящая женщина, креолка по происхождению, привыкла ко всяким неожиданностям жизни в колонии, так же как и к разрушительным тайфунам на островах, где она провела детство, и к голоду и ирокезам в Канаде. Она решила позже поблагодарить небеса за чудесное излечение ее дочери и представила госпоже де Пейрак директора семинарии господина де Верньера, которому она передала просьбу Анжелики. Монсеньер де Лаваль предполагал встретиться с ней либо сегодня же во второй половине дня, либо завтра утром.

Анжелика, восхищенная тем, как быстро дела подобного рода решаются в этой стране, подумав, решила назначить встречу на завтра.

Сегодня же она сможет воспользоваться предложенным ей портшезом мадам де Меркувиль и спуститься в Нижний город, чтобы забрать своего кота и поблагодарить мадам Гонфарель.

Глава 19

Двое лакеев мадам де Меркувиль осторожно несли портшез, куда уселась Анжелика, по обрывистой тропе, ведущей в порт.

По мере того, как они спускались, их окружала все более плотная толпа.

Анжелика с любопытством смотрела из-за занавесок.

В Нижнем городе царило оживление. Тут можно было увидеть трапперов, сколотивших себе состояние. В одежде из замши с бахромой, с ружьем через плечо и со скучающим видом, они входили в лавки портных, чтобы заказать себе приличную одежду. Индейцы, еще не выпившие всю полученную в обмен водку, бродили по городу, расставившему им соблазнительные ловушки. Их неторопливость и мечтательность контрастировали с деловитостью, царившей в порту и в прилегающих к нему улицах.

Готовились к приближению зимы. Привозили дрова, разгружали их во дворах, и повсюду слышен был звук кидаемых поленьев, и видны дети, укладывающие их в аккуратные поленницы.

Лошади, запряженные в повозки, терпеливо ждали перед воротами. Это были тихие, покорные лошади, привыкшие тянуть тяжести. Весной их запрягут в плуг вместо быков. То, что этих лошадей развели в большом количестве, было одним из достижений Канады, так как все они произошли от тех двенадцати лошадей, присланных когда-то французским королем.

В Квебеке дети в деревянных башмаках бегали совершенно свободно по городу, играя, устраивая драки. Анжелика заметила нескольких мальчиков десяти-двенадцати лет, курящих трубку с видом

заправских трапперов. В этой стране курили все, дворяне и крестьяне, торговцы н искатели приключений, и даже некоторые женщины, сидя на пороге своих домов. Это была привычка и удовольствие, глубоко укоренившиеся в здешних местах, помогающие летом бороться с комарами, зимой коротать долгие скучные вечера. Привычка, заимствованная, безусловно, у индейцев, которые не начинали ни малейшего дела, не раскурив трубки.

Табак выращивали на каждой улице, у порога каждого дома, и его запахом были пропитаны все углы и закоулки.

С запахом табака смешивался запах навоза, горячей смолы, жареной дичи, пушнины и тина.

Повсюду бродили свиньи, семеня на своих коротеньких ножках и с любопытством глядя на проезжающие экипажи. Их совершенно не волновали лай собак и многочисленные запреты полиции.

Анжелика медленно продвигалась среди многоликой толпы, в которой мелькали белые чепцы разных фасонов: из Нормандии, Бретани, Шампани, Ониса, Сентонжа...

Мужчины носили широкополые деревенские шляпы или цветные колпаки.

Наконец-то она видела этих самых канадцев в стенах их родного города, тех, с которыми ей приходилось встречаться в прошлом году во время жестокой войны в Катарунке и Новой Англии.

Теперь она видела их в окружении их жен и детей. Но они казались ей такими же: смеющиеся, с резкими движениями, с особенным блеском в глазах. Она узнала в них французов, но французов иных, похожих на них самих — Пейрака, Анжелику, и их людей, познавших опасность, борьбу с ирокезами, зимовку, угрозу голода и цинги, и это делало их ближе и понятнее.

В центре площади, по которой они проезжали, она увидела бронзовый бюст Его Величества короля Франции Людовика XIV.

Жанин Гонфарель жила в конце улицы Су-ле-Фор. Ее приветливая харчевня, где кормили вкусно и недорого, располагалась в весьма удобном месте, недалеко от причала лодок и кораблей.

Над входом висела «пробка» из ели, знак, необходимый для подобных заведений, и великолепная вывеска, полностью позолоченная, на которой сияли буквы «Король Франции».

Внутри было уютно и спокойно.

Во время вчерашней потасовки Анжелика не обращала внимания на те красивые постройки, мимо которых проходил их кортеж.

Выйдя из портшеза, она некоторое время колебалась. В самом ли деле здесь жила Жанин Гонфарель? Правильно ли ей сказали, что это хозяйка «Корабля Франции» приютила ее кота? Но тут она заметила толстощекого мальчика, приходившего к ней вчера с новостями о коте.

Как только она вошла в залу, полную табачного дыма, всякий шум прекратился: замерли кости игроков в шашки и в трик-трак, застыли в воздухе кружки. Тишина была настолько полная, что слышно было, как трещат дрова в камине.

Анжелика поискала глазами хозяйку, но не различила ее в той полутьме, которая характерна для подобных мест даже днем. Она ожидала, что кот выскочит ей навстречу. Но ничто не шевельнулось. Она пожалела, что ее никто не сопровождал. Носильщики портшеза мадам де Меркувиль остались на улице. Они не имели права входить в кабаки без специального разрешения с подписью их хозяев.

Вдруг, как бы возникнув из облака табачного дыма, рядом с Анжеликой очутился сагамор Пиксаретт, в

своем наряде из перьев, со всеми своими знаками отличия и в одеяле, накинутом поверх великолепного костюма из красного драпа с золотом, который он надевал, когда отправлялся в Квебек, и который был не чем иным, как плащом взятого в плен английского офицера.

Он торжественно произнес:

— Не бойся ничего и смело иди вперед, моя пленница. Здесь ты среди друзей. Я знаю их и отвечаю за них всех, за исключением нескольких плохих христиан. Но мой топор и мой томагавк достигнут их еще до того, как какая-нибудь дурная мысль появится в их головах. Иди! Я охраняю тебя.

В глубине приоткрылась дверь, и Анжелика увидела хозяйку, входящую с приветливой улыбкой. Она, должно быть, очень спешила, прихорашиваясь, так как ее высокий кружевной чепец несколько криво сидел на пышно завитых волосах. Тяжелые коралловые серьги обрамляли ее круглое лицо.

Кружевной воротничок был ей немного узок, а три юбки, надетые в соответствии с модой одна на другую, еще более увеличивали ее объем.

На пышной груди хозяйки сверкали драгоценности, которые казались выставленными напоказ для любителей украшений, а не служащими для большей элегантности их обладательницы. В одной руке она держала кружевной платок, а в другой — испанский веер, раскрытый с такой неловкостью, что непонятно было, что она собирается с ним делать. Но Анжелика, которой она нравилась, подумала, что она стоит всех испанских инфант и даже королевы Франции, которые держались всегда так чопорно, нелюбезно.

— Мадам, я пришла поблагодарить вас.

— Какая честь для меня, маркиза! — вскричала мадам Гонфарель, изобразив при этом нечто вроде

реверанса, что едва не стоило ей падения. — Не хотите ли последовать за мной, маркиза...

Она указала на дверь, из-за которой появилась. По мере того как они проходили в глубь дома, дразнящий аромат из кухни усиливался.

— Ваше жаркое пахнет так вкусно, мадам, — не удержалась Анжелика.

— Еще бы! Я и не сомневаюсь! — радостно ответила хозяйка.

С заговорщицким видом она плотно закрыла за ними дверь.

Они оказались в просторной, хорошо обставленной комнате. Слева был виден очаг, на котором стоял огромный котел. С таинственным видом Жанин Гонфарель приподняла крышку.

— Гляди! Я приготовила для тебя поросячьи ножки! Это ведь твое любимое блюдо?

Она вновь обращалась к ней на «ты», как накануне. Было видно, что ее непосредственная и пылкая натура не позволяет ей слишком долго церемониться.

Анжелика не могла объяснить почему, но ей было очень хорошо в этой комнате в компании этой женщины. Со времени ее прибытия и даже раньше... вот уже несколько лет, может быть, она не испытывала такого блаженного ощущения полного покоя, полной безопасности. Единственное, что ее немного тревожило, это отсутствие ее кота.

— Это ведь твое любимое блюдо? — повторила трактирщица.

Анжелика склонилась над котлом, стоящим на медленном огне, из которого доносился вкуснейший запах.

— Конечно! Я всегда обожала поросячьи ножки!

— О! Я это знаю!

Удивленная, Анжелика подняла голову. Выражение лица ее хозяйки изменилось. В тоне ее голоса были

одновременно торжество и горечь, и лицо ее вдруг показалось враждебным.

Встревоженная, Анжелика почувствовала, что ее доверие поколебалось, и, как вчера в ванной, ее вдруг охватила паника.

Она бросила испуганный взгляд на котелок. Ею овладел страх. Эти лукавые улыбки, это радушие, что за ними таилось? Какая участь постигла ее кота? Ей почудилось, что толстый мальчишка вбежит, гримасничая и напевая:

Матушка Мишель

Потеряла своего кота...

Между тем на лице мадам Гонфарель можно было прочесть самое жестокое разочарование.

Уголки ее рта горестно опустились вниз, а нижняя губа задрожала так, как будто она собиралась заплакать.

— Так это правда? Ты меня не узнаешь? — вскричала она вдруг.

И так как Анжелика замерла в изумлении, эта поза, казалось, была последней каплей переполнявшей ее горечи.

— Неужели мне нужно было ехать на край света, — жаловалась она, — наживать морщины, отвисший подбородок, стареть год за годом, чтобы в конце концов она меня не узнала, меня, Польку, ее сестренку по Двору Чудес! А! Ты всегда останешься такой... Разбивательница сердец, вот кем ты всегда будешь, Маркиза Ангелов!

Глава 20

— О, моя Полька! — воскликнула Анжелика, обнимая пухлые плечи мадам Гонфарель. — Никогда не думала, что когда-нибудь снова увижусь с тобой.

— А я? Неужели ты думаешь, что я считала тебя живой? После того, что произошло на ярмарке в Сен-Жермен... Всякий раз, когда я произносила имя «Маркиза Ангелов», я проливала слезы. Такая красивая девушка, и полицейским ищейкам удалось ее схватить.

— И я встречаюсь с тобой в Квебеке! И ты — хозяйка самой лучшей харчевни в городе. Знаменитая, уважаемая.

— А ты? Ты, бывшая, грубо говоря, оборванкой, приведенной стражниками в тюрьму... И вот ты — почти королева Франции.

— В Квебеке! Кто бы мог подумать! Это немыслимо!

— Нет, все как раз разумно! Если уж им не удалось нас убить, где же нам и встретиться, как не на краю света. В этом городе есть все... Все, поверь мне. Ну, идем же, я приготовила тебе свиные ножки. Ты ведь любила их в те далекие времена на Нельской Башне, когда мы с тобой оспаривали благосклонность этого проходимца Никола Каламбредена.

Они уселись друг против друга возле камина, и, воздав должное кулинарному таланту мадам Гонфарель, Анжелика услышала рассказ о тех приключениях, которые пришлось пережить бывшей нищенке, прежде чем она попала в Новую Францию.

Жанин Гонфарель подмигнула.

— Меня отправили как «женщину для колонистов» на острова. Но по пути мой маршрут изменился. Все-таки Канада — это более достойно.

И, понизив голос, она продолжала:

— Мое везение заключалось в том, что я встретила Гонфареля в порту, где нас должны были отправлять. Он влюбился в меня, а так как он плыл в Канаду, то он устроил так, что я оказалась вместе с ним. Послушай, милая! Мы можем столько друг другу рассказать! Мы не успеем даже к утру закончить. Главное — то, что теперь я богата и держу в руках город, а также и Гонфареля. С каждым годом мое богатство растет, мои владения увеличиваются. Там магазин, там склад, надстраиваем этаж. И ты знаешь, я решила построить часовню, молельню, как здесь говорят. Почему бы и нет? Ведь я такое же божье создание, как и другие. Я имею право славить моего Господа на мои деньги, если мне так хочется. Пойдем, я покажу тебе. Это будет красиво.

Она встала, но вернулась с полдороги, захватив с собой кувшин с превосходной водкой.

Усевшись рядом с Анжеликой перед камином, она до краев наполнила оловянные кубки.

— Представь себе, тут есть такие, кто поднимет целый скандал из-за моей молельни. Я ведь не такая уж добродетельная, и они это знают. Но покажи мне истинную добродетель. Разве в любом городе церковь не соседствует с борделем? Поверь мне, так было задумано, и в этом есть своя правда... Помнишь, я начинала свои первые шаги позади собора Парижской Богоматери. Если бы не это дело на ярмарке Сен-Жермен, уничтожившее всю нашу работенку... Что ж, прошлое не зачеркнешь, и я хотя бы могу сказать про себя, что хорошо пожила. Я не теряла времени зря. Сейчас уже не так весело, но во всем есть свой вкус. И потом, я люблю холода, это напоминает мне мое детство в Оверни.

Она задумчиво вспоминала прошлое.

— Нет, я ошиблась. Последний раз я видела тебя не на ярмарке Сен-Жермен, а тогда, когда мы отправились искать твоего малыша. Ты помнишь, совсем маленького,

его похитили цыгане. Да, именно тогда я видела тебя стриженую[1]. Значит, это было после потасовки на ярмарке Сен-Жермен после того, как по твоей голове прошлись ножницы полицейских. Ты помнишь?

— Я помню.

— Вчера я его видела, твоего Кантора. Как он красив, как греческий бог... Нам повезло, что этих цыган, укравших твоего ребенка, нашли возле Шарантона. Этот бег под дождем! Ты помнишь? Ах! Что нам стоило скакать галопом в те времена... Сейчас я бы так не смогла... Выпьем! Он здесь, твой Кантор, спасенный от всех этих прислужников дьявола, желавших нашей смерти. Да благословит Бог Канаду! А у меня тоже есть сын. Не такой красивый, как твой, но...

— Он великолепен, я его видела. Ему можно дать лет двенадцать.

— Ему только девять! Черт возьми, его отец крепкий малый. Гонфареля нынче нет дома, он отправился за сыром на Орлеанский остров. Но ты его увидишь, моего мужа. Именно ширина плеч его и спасла и позволила приехать в Канаду. Его выбрали палачом...

Жанин Гонфарель вновь понизила голос:

— Теперь это уже в прошлом. Но ты знаешь, я не отказываюсь от удачи, откуда бы она ни приходила. Удаче нельзя лгать. Эти господа не могли найти палача для колонии. Все отказывались. Быть палачом в Канаде никого не устраивало. Поэтому, когда им надо было привести приговор в исполнение, приходилось пользоваться услугами тщедушных, не имеющих достаточно сил, чтобы поднять топор или натянуть веревку виселицы. Чего тебе нужно, болван?! — вскричала она, заметив, что в комнату вошел слуга из трактира. — Ты что, не видишь, что я беседую с дамой из Верхнего города?

— Хозяйка, там их двое на улице, и они говорят, что замерзли.

— Он говорит о слугах мадам де Меркувиль, носильщиках моего портшеза, — вспомнила Анжелика.

— Но мы не имеем права впустить их без разрешения с подписью хозяина.

— Я плачу и распоряжаюсь, — решила Анжелика.

Но затем она все же решила отпустить слуг, так как неизвестно было, когда они закончат предаваться воспоминаниям.

Между тем мадам Гонфарель забыла о своих обязанностях трактирщицы и, когда ее помощник вышел, предложила Анжелике перебраться вместе с ней на ее «наблюдательный пост», где они могли продолжать болтать, есть и пить.

Они уселись на небольшом возвышении за перегородкой, в которой были два потайных окошка, через них можно было наблюдать за тем, что происходит в зале, оставаясь невидимыми.

Полька знала всех своих посетителей. Тех же, кого она видела впервые, ей удавалось очень быстро раскусить и определить, к какому сорту людей они относятся.

— Могу поспорить, что те люди, вон там в углу, приехали из Акадии. Почему я так решила? Они не похожи на наших, но они также и не из Европы.

Следя за ее взглядом, Анжелика в самом деле обнаружила в глубине зала сидящих отдельно ото всех и играющих в шашки барона де Вовенара, Гран-Буа и одного из братьев Иоланты, сына Марселины, Телефора, прибывшего вместе с ними.

— Они все немного пираты, эти ребята из Акадии, — заключила хозяйка «Корабля Франции». — А вон те, в голубых колпаках, — это люди из Виль-Мари, из Монреаля, как его называют теперь. Большие плуты, они ведут споры о том, что следует поклоняться лишь

Богу и Деве Марии. Они прибыли в Квебек с последними кораблями.

— А вон тот, в том углу? — спросила Анжелика, указывая на человека, пьющего в одиночестве возле камина.

— О, этот! Это Красный Плут.

— Какое отвратительное имя, — вздрогнув, сказала Анжелика.[2]

Полька понизила голос:

— Это он видел в небе процессию горящих охотничьих лодок. Незадолго до приезда ваших кораблей.

— Не он ли бросил камень в моего кота?

— Возможно. У нас тут полно колдунов и заклинателей. Он живет на скале в верхней части улицы Су-ле-Фор. Но самые лучшие колдуны на острове Орлеан. У меня есть подруга-колдунья, она научила меня всяким вещам. Поэтому я очень рада, что ты приехала в пятницу, в день Венеры, это хорошо для дружбы.

— Какая ты ученая, моя Полька!

— Да, я посвященная, — сказала важно Жанин Гонфарель.

Она взяла одну из книг, стоявших на полке.

— Слушай, посмотри-ка... это ученая книга.

— У тебя есть книги?

— Ну, конечно! Здесь у всех есть книги.

— Ты научилась читать?

— Да, меня выучил Иезуит. Ты понимаешь теперь, почему я ему так предана. Но больше всего книг и всяких колдовских рукописей у Красного Плута. Он знает магию, этот колдун, он дал мне зубы волка и кости совы, чтобы защититься от несчастий. В Канаде человек нуждается в защите. Здесь у каждого есть талисман против дьявола... или против полиции.

— А какова здесь полиция?

— Надоедливая, придирчивая. Впрочем, как и везде.

Начальника полиции звали Гарро д'Антремон. Полька называла его Ворчун. У него был нелегкий нрав, но он был незлой человек.

— Он честный полицейский. Ты же знаешь таких. На него невозможно повлиять ни улыбкой, ни подарком. Если ты ни в чем не виновен, все будет в порядке. Если же нет, то он тебя не выпустит. Но самый опасный здесь — это Ноэль Тардье де ла Водьер, королевский прокурор. Вчера ты его, должно быть, видела среди знатных господ. Высокий, с завитыми волосами, красивый парень с манерами фанфарона.

— Этот молодой человек? Но он очарователен!

— Остерегайся его очарования! Ты скоро узнаешь этого паразита, я тебя уверяю.

Она вновь посмотрела в потайное окошко и жестом поманила Анжелику.

— О! Посмотри, кто к нам пожаловал. Высший свет!

В дверь входили несколько превосходно одетых мужчин с видом гордым и пренебрежительным.

Но весь этот великолепный эффект потонул в табачном дыму уже на пороге харчевни.

Впереди них был господин де Бардане.

— Ведь это посланник короля, приехавший вчера с вами, — прошептала Полька. — Говорят, он приехал с очень важным известием, не то речь идет об объявлении войны Англии, не то об уничтожении фортов на Больших Озерах или запрещении продажи бобровых шкур, и даже о том, что всем придется отсюда уезжать, потому что будет война с Испанией и Голландией.

— Господин де Бардане действительно получил от короля большие полномочия, но не стоит впадать в панику. Это человек разумный и осторожный. Я его хорошо знаю.

— Меня удивило бы, если бы ты его не знала, — усмехнулась Полька. — Как ты думаешь, что привело такого знатного сеньора в таверну в Нижнем городе? Кажется, он кого-то ищет?

Анжелика вздохнула.

Она видела, что Никола де Бардане остался стоять, несмотря на то, что его спутники уселись за стол, и внимательно оглядывал все помещение. В выражении его лица было что-то драматическое, как бывало всегда, когда он думал об Анжелике. Видно, кто-то сказал ему, что Анжелика направилась в харчевню «Корабль Франции».

Полька все поняла.

— Эй! Уж не тебя ли он ищет?

— Боюсь, что так.

— А что я тебе говорила! Ты нисколько не изменилась, Маркиза Ангелов!

Когда речь заходила о власти Анжелики над мужскими сердцами, у Польки всегда портилось настроение.

Трактирщица резко захлопнула окошечко и уселась в свое кресло.

— Где же все-таки мой кот? — спросила Анжелика, вспомнив, зачем она сюда пришла.

— Ха! Откуда мне знать, — раздраженно ответила Полька. — Он там, где ему нравится. Он похож на тебя, этот маленький бродяга. Единственное, что могу тебе сказать, это то, что он не в моем котле, как ты только что заподозрила... Я тогда сразу поняла, о чем ты думаешь. За кого ты меня принимаешь? Ты вся в этом! Ты всегда была такая подозрительная, недоверчивая, да!

— Прости меня, Полька! — пыталась помириться Анжелика. — Эта наша суровая жизнь делает нас такими.

— Почему бы тебе не оставить твоего кота у меня? Он мне нравится. Что ему делать в Верхнем городе? Здесь, в порту, полно крыс и мышей.

— Нет, мы слишком с ним привязаны друг к другу.

— Везет же мне! Всегда мне нравится то же, что и тебе. И выигрываешь всегда ты, выбирают тебя. Еще в Нельской Башне ты украла у меня Николя. До твоего появления он был моим любовником, и я его крепко держала. Но, как только он привел тебя, я все сразу поняла. И так всегда.

В гневе она швырнула свой веер прямо в огонь. Это, кажется, ее слегка успокоило. С довольным видом она смотрела, как он горит. Анжелика с улыбкой узнавала в ней ту прежнюю Польку, вспыльчивую и неистовую, несмотря на ее внешность и одежду респектабельной хозяйки трактира, собирающейся строить молельню.

От сильных ударов в дверь мадам Гонфарель вскочила со своего места.

— Кто идет?

— Конная стража!

Что бы Полька ни говорила, не так уж она была теперь смела и независима. Как бы ни окружала она себя красивой мебелью, ценными вещами, тугими кошельками, есть вещи, от которых невозможно избавиться, если они прошли через всю твою жизнь. Среди них был и страх перед полицией, перед конной стражей.

Она подбежала к окну и выглянула наружу.

— Стражники! Я тебе говорила!

Но Анжелика узнала в людях, стоящих у входа в трактир, лейтенанта де Барсемпью, сопровождаемого тремя людьми с «Голдсборо». Они в самом деле были вооружены, но без каких-либо дурных намерений. Напротив, Барсемпью приветливо улыбался. Это была официальная делегация, и Анжелика не сомневалась, кто ее послал.

— Впусти их и ничего не бойся. Это посланники моего мужа. Должно быть, они принесли тебе подарок от него...

— Мне? — опросила Полька почти испуганно.

— Каждая влиятельная дама города получит подарок.

— Входи, — крикнула Полька мальчику, начавшему вновь стучать в дверь.

— Хозяйка, там господин спрашивает вас лично от имени мессира графа де Пейрака.

— Сколько раз я говорила тебе, олух ты эдакий! Когда ты стучишься в приличный дом, надо не барабанить, а легонько поскрестись, ты понял: поскрестись!

Анжелика, не желая встретиться с Николя де Барданем, осталась ее ждать. Вскоре Полька вернулась, растерянная, неся в вытянутых руках маленький ларчик красного бархата, с золотой монограммой Аньо Паскаля. Крышка ларчика была откинута, и можно было видеть золотой ковчег, в центре которого в шкатулке из стекла лежала восковая пластинка. Эти пластинки имели величайшую ценность. Они защищали от злых сил, так как были сделаны и освящены руками самого Папы римского на ежегодной пасхальной мессе.

— Агнус Деи, — изумленно шептала Полька, — но как он догадался, что я мечтала об этом?

— Он всегда угадывает.

— Этот Меченый, что за мужчина! — вздохнула она. Она упала на колени, как бы сраженная восторгом и почтением перед папским амулетом.

— Нет, это необыкновенный человек! Послушай меня, Маркиза Ангелов, ты достойна такого мужчины? Ты, такая дерзкая и безумная! Он знает, какой опасности подвергается, женившись на тебе?

— Не бойся! Мне с ним тоже не так уж легко.

Становилось уже темно.

— Тебе нужно возвращаться в Верхний город, — сказала Полька. — Теперь твое место там, среди таких же знатных дам.

Позади харчевни находился широкий двор с многочисленными постройками из камня и дерева, в которых хранились запасы продовольствия и напитков. С наступлением вечера от земли поднимался легкий туман.

Анжелика, не желавшая встречаться с Николя де Барданем, который, несомненно, начал бы ее расспрашивать о причинах посещения таверны «Корабль Франции», решила пройти через задний двор.

— Послушай, Маркиза Ангелов, — сказала мадам Гонфарель, — сохраним нашу тайну. Мужчину не интересует прошлое женщины, которую он любит. Они всегда хотят думать, что они были первыми и другие не в счет. Поверь мне, то, что мы пережили в те времена, принадлежит только нам. Священный союз женщин остается в силе.

Она скрестила два пальца и плюнула в очаг.

— А мой кот? — напомнила Анжелика.

— Выбор остается за ним, — важно произнесла Полька.

***

Анжелика вышла за ворота и очутилась в темноте. Она поплотнее закуталась в свой плащ и надвинула на лицо капюшон. Радостное чувство не покидало ее. Она сожалела, что не сможет рассказать Жоффрею о встрече с той, кто скрывался под именем мадам Гонфарель. Но Полька была права: рассказывать нужно было либо все, либо ничего.

Итак, она поднималась по склону де ла Монтань. Навстречу ей попадались редкие прохожие, не узнававшие ее. Она шла одна, и ее переполняло чувство новой, полной свободы.

Обернувшись, чтобы полюбоваться чудесным видом реки, она заметила своего кота, следовавшего за ней.

Глава 21

Вечером, во время ужина, кот прыгнул на стол и осторожно прошелся, между приборами.

— Господин Кот, как вас теперь зовут? — осведомился Жоффрей де Пейрак.

— Отец, ты уже дал ему имя, — вскричала Онорина. — Господин Кот! Какое красивое имя! Мы приветствуем вас, Господин Кот!

Серебряная посуда мерцала в блеске множества свечей. Как и вчера, стол был накрыт посреди большой залы.

Сидя за столом, Анжелика с удовольствием смотрела на своих сыновей Флоримона и Кантора.

Флоримон помогал метрдотелю, господину Тиссо, накрывать на стол. Он всегда был очень деятельный и серьезно относился к своим обязанностям, а его служба пажом при дворе развила его природные способности. Он любил самые различные занятия и всегда в них преуспевал. То, что он провел многие месяцы на Севере, научившись убивать медведя ударом ножа и бегать наравне с индейцами, не помешало ему с ловкостью выполнять все то, что требовал этикет. Он быстро поменял свою одежду траппера на костюм знатного сеньора.

Кантор был совсем другой.

«Неужели я никогда не рассказывала тебе, — говорила себе Анжелика, — как я бежала, босоногая, по дороге Шарантона, чтобы спасти тебя от цыган».

Пришел маркиз, сообщив, что он нашел себе пристанище в Нижнем городе и ходит обедать в «Корабль Франции», хозяйка которого прекрасно готовит. Он надеялся, что его служанка вернется и тогда он воспользуется ее услугами, но он рассчитывал

также и на приглашения своих дорогих друзей, графа и графини де Пейрак.

— Когда я закончу некоторые дела, я помогу вам устроиться. Я покажу вам дом и все его удобства.

— Он по-прежнему носит свою маленькую серебряную шпагу? — спросил Флоримон.

Эта таинственная фраза заинтересовала Анжелику, и она потребовала у сына объяснений.

— Как, матушка, разве вы не знаете, что господин Тиссо был офицером Королевского Рта в Версале? Третий подавальщик жаркого, мне часто приходилось присутствовать, когда он подавал соус. В Тадуссаке я его сразу же узнал. И иногда он сообщал мне новости из Версаля, откуда он так недавно прибыл. И среди прочего, я поинтересовался, носит ли Монсеньер Дофин слою маленькую серебряную шпагу, которую господин Кольбер при посредничестве своего брата интенданта Альзаса заказал у мастеров Огсбурга и Нюрнберга.

До сих пор господин Тиссо ничего не рассказывал о своем прошлом.

Анжелика жестом подозвала его к себе.

— Мессир, я уверена, что лишь большие неприятности заставили вас покинуть столь блестящий и завидный пост возле Его Величества.

— Вы правы, мадам.

— Что же это за неприятности?

— Те самые, мадам, которые и вас когда-то вынудили покинуть Версаль в то время, как ваша звезда была в зените...

— Яд? — наклонилась она к Тиссо.

— При дворе все пользуются ядом. С его помощью легко устраиваются многие дела, и это одна из дорог, среди прочих, к славе и успеху.

— Но вы не хотели следовать по этой дороге?

— Жизнь — драгоценный дар, — ответил он, — и я был слишком предан королю.

— Мадам де Монтеспан по-прежнему пользуется благосклонностью короля?

— Его благосклонность больше, чем когда-либо.

— А праздники?.. Скажите, господин Тиссо, праздники такие же красивые и пышные?

— Ни один двор Европы не знает равных. Его Величество со всей страстью посвящает себя устройству великолепных дворцов и парков, и это делает их самыми прекрасными и изысканными в мире. Празднества не уступают декору: великолепные и изящные.

«Итак, — думала Анжелика, машинально вертя в руках стакан малаги и наблюдая за нежными переливами то золотого, то пурпурного вина, — итак, ничего не изменилось при дворе. Там продолжали убивать и отравлять среди веселого шума очаровательных праздников».

***

Корабль под зимним небом на волнах океана. Одна за другой они несли его к берегам Европы.

Письмо, написанное Анжеликой в Тадуссаке полицейскому Дегре, которое слуга господина д'Арребуста увозил с собой на «Мирабеле», скоро прибудет в порт. Слуга постучится в дверь дома Дегре... Он передаст ему послание, прибывшее из такой далекой страны, и Дегре, взглянув на него, узнает почерк Маркизы Ангелов. Насмешливая улыбка появится на его губах... В который раз она снова с ним...

Анжелика посмотрела на свою руку, державшую предательское перо.

Языки пламени, весело пляшущие в большом камине, бросали отблески на оживленные лица ее родных, она слышала смех Онорины, шутки Флоримона, тихую музыку, звучащую под пальцами Кантора...

Она знала в этот момент, что написала это письмо, чтобы добраться до короля и чтобы добиться

справедливости.

Глава 22

Сон вновь стер все воспоминания, и звон колоколов прервал ночной покой. Шесть часов утра... начался их второй день в Квебеке.

Жоффрсй уже встал. Анжелика не слышала, как он ушел, таким глубоким и спокойным сном она спала. Пробудившись, она ощутила легкость тела и ясность мыслей. Она вспомнила о вчерашнем сюрпризе: Полька была в этом городе.

Она встала, преисполненная желания действовать. Сегодня она должна встретиться с епископом.

Анжелика слышала, как внизу в большой зале кто-то ходит. Слышен был треск сухих поленьев и запах дыма.

Одевшись, Анжелика спустилась вниз и увидела старого Маколле, который подвешивал на крюк котел с водой. Он был не один. Два малыша, босые, в ночных рубашках, растрепанные, с еще сонными глазами, с интересом наблюдали за ним. Он обещал им дать попробовать сушеного мяса, которое он достал у индейцев. Иоланта поднималась из погреба, неся ведро с молоком козы, которую она только что подоила.

Оказалось, что в этом маленьком домике гораздо больше народу, чем можно было предположить, судя по утренней тишине. Кантор, например, выскочивший неизвестно откуда своим неслышным шагом индейца, Адемар, производивший, правда, больше шума, так как он нес дрова. Нилъс Аббаль и негритенок Тимоти, с утра одетые в костюмы пажа, еще не совсем проснувшиеся, сидели на скамейке возле камина и болтали ногами, обутыми в башмаки с пряжками. Они еще не пришли в себя от усталости.

Жизнь начиналась так, как она когда-то мечтала.

Со двора постучали. Это был лейтенант Барсемпью с двумя помощниками, принесшие горячий паштет и бланманже, бисквиты и серебряный кувшин с кофе, восточным напитком, который Анжелика обожала. Онорина и Керубин не обращали никакого внимания на эти вкусные вещи. Они были заняты тем, что наблюдали, как Элуа Маколле растирает пальцем в ладони, наподобие индейцев, какой-то коричневый порошок, сильно пахнущий копченым мясом, и небольшое количество воды. Иоланта сказала, что не будет завтракать, так как, если мадам де Пейрак ей позволит, она хотела бы пойти к причастию.

Господин де Барсемпью спросил Анжелику, знает ли она о серебряных жетонах.

Анжелика удивленно вскинула ресницы.

— Серебряные жетоны? Нет... Объясните мне.

Ее непонимающий вид тронул молодого человека. «Она так еще красивее, — подумал он. — Казалось, ее все здесь радует». Он грустно и снисходительно улыбнулся, так как вновь вспомнил о Мари-ла-Дус, его недавно умершей невесте. Вздохнув, он вернулся к тому поручению, ради которого прибыл.

Он передал Анжелике от графа кошелек с серебряными жетонами, отчеканенными в Вапассу и поэтому не имевшими никакого клейма. Такими деньгами она не смогла бы расплачиваться в Квебеке. Верховный Совет города должен будет принять специальный указ, делающий хождение этих монет легальным на территории Новой Франции. А пока будет произведена оценка их достоинства.

У всех коммерсантов города были специальные весы, определяющие ценность монет, и Большой Совет торжественно уведомил их об одобрении принятия решения по выпуску новых монет из благородного металла, не имевших до сего времени хождения на рынках Квебека. Об этом решении будет специально

объявлено на всех перекрестках и площадях города. Кроме того, Барсемпью передал ей кредитный билет с подписью некоего Базиля, который предоставлял ей возможность тратить деньги в пределах пятисот ливров, что значительно превышало ту сумму расходов, которую она наметила на ближайшее время. Анжелика поблагодарила посланника.

С улицы постучали. Анжелика пошла открывать и обнаружила бородатого мужчину в меховой шапке, с топором на плече.

— Не нужно ли вам наколоть дров?

— Да это Никола Эртебиз, — воскликнул Элуа Маколле, появляясь на пороге, — ты что, уже начал свою торговлю водкой?

— Нет, я займусь этим не раньше, чем выпадет снег и замерзнет Святой Лаврентий.

Он занимался всем понемножку, и среди прочего — торговал водкой, ходя от двери к двери холодными зимними утрами и предлагая «бодрящий глоток» тем, кто собирался на тяжелую работу.

Этой ночью выпал снег, но это был тот ранний, легкий снег, который тает при первых лучах солнца. Белые крыши выделялись на фоне темной реки, которая все еще не замерзла и по-прежнему катила свои бурные воды.

Рассеянно слушая разговор обоих приятелей о достоинствах зимы и водки, Анжелика разглядывала окрестности того квартала, в котором ей предстояло жить. Их дом был последним на улице, ведущей к собору. За ним мощеная улица кончалась, и начиналась дорога, ведущая к поляне, на которой рос огромный вяз. У подножия этого вяза был разбит небольшой лагерь индейцев: два-три вигвама вокруг дерева, желтые собаки, полуголые малыши, возившиеся на сырой земле. Женщина, завернутая в одеяло, вышла из хижины, чтобы помешать угли почти погаснувшего костра.

Чуть подальше в том же направлении протянулась рощица, служившая изгородью довольно красивому дому, крыша которого, крытая шифером, с высокими основательными трубами, виднелась из-за верхушек деревьев.

Напротив дома маркиза де Виль д'Аврэя находился забор, отделяющий фруктовый сад мадемуазель д'Уредан и ее небольшой одноэтажный дом. В одном из чердачных окошек виден был свет. Кто-то ходил взад-вперед с подсвечником в руках. Анжелика видела чье-то лицо, приникшее к стеклу. Должно быть, это английская служанка наблюдала за ними. В другом окошке была видна собачка, которая также с любопытством смотрела в их сторону.

За домом м-ль д'Уредан улица, ведущая к собору, становилась настоящей, хорошо мощенной улицей, по обе стороны которой возвышались более или менее богатые дома и лавки.

Никола Эртебиз и Маколле продолжали беседовать об алкоголе.

— Самые лучшие дрожжи у Эфрозины Дельпеш, — говорил Эртебиз. — Сама-то она хуже отравы, согласен. Но она вам приготовит лучшую выпивку, и неважно из чего: из бузины, ячменя, выжимки из корней...

В то время как они разглагольствовали об изготовлении спиртного, появилась дрожащая фигура, укутанная с ног до головы так, что виден был лишь бледный нос. Для карибского пирата Аристида Бомаршана канадский климат был слишком суров. Но этот флибустьер быстро нашел общий язык с крестьянами и трапперами, жившими по колено в снегу на просторах от Сен-Мартина до Сен-Антуана. Их объединяла любовь к крепким напиткам.

— Не вздумай обменивать твой ром, — говорил ему Маколле, — для индейцев он слишком слаб, им подавай что-нибудь покрепче.

— Есть хороший способ придать крепость твоему рому, — уверял Эртебиз, — это древесная щелочь. Такой напиток даже индейца поднимет с земли. Но надо быть осторожным, две капли, не более. Третья — уже смертельна.

Он начал перечислять ингредиенты:

— Солома... древесный уголь или сожженная кожа... чистая вода.

Анжелика рассеянно смотрела на улицу. Человек, поднимавшийся по ней, казался ей знакомым.

— ...самое главное — это древесный уголь, лучше всего сосна или кедр.

Действительно, к дому подходил господин де Бардане.

Поздоровавшись с Анжеликой, он сообщил ей, что его, как нарочно, поселили на другом конце города.

Вчера ему не удалось ее увидеть, хотя он повсюду ее искал. И он сказал Анжелике, что его тревожило.

— В городе есть человек, который на Библии клянется, что он вас знает.

Анжелика рассмеялась.

— Кто бы он ни был, он хвастается.

— А в прошлом?

— В прошлом... все возможно... и тем не менее я не представляю, кто бы это мог быть...

В то время как де Бардане страдающими глазами смотрел на Анжелику, перед ее мысленным взором промелькнули лица любивших ее, и она решила, что они не настолько многочисленны, чтобы быть повсюду.

— Что он из себя представляет?

— Знатный сеньор.

Анжелика была искренне удивлена.

— Он, должно быть, был сильно пьян?

— Несомненно.

— И вы приняли его слова всерьез? Мой бедный друг, вы все время ищете повод разжечь вашу ревность.

— Мое страдание, вы хотите сказать.

— Пусть так. Но куда это вас приведет?

— Город очарован вами, — мрачно сказал де Бардане. — Только и слышно, что о вас и вашем супруге. Все, что вы сказали в тот памятный день прибытия, расположило к вам самых предубежденные и околдовало народ.

— А вы бы хотели, чтобы мы проиграли? Лицо королевского посланника приняло разочарованное выражение.

— Нет... Но я хотел бы вас защищать, вас охранять.

— Вы можете это и теперь. Ваше влияние, как королевского посланника, огромно. Вы можете добиться того, чтобы наши пэры нас признали, а позже повлиять на защиту нашего дела в Версале. Разве это не чудо, что именно вас назначили для выяснения обстоятельств, связанных с положением моего мужа?

Николя де Бардане не ответил. Все, что касалось де Пейрака, было для него крайне тяжко. В нем боролись неприязнь по отношению к мужу Анжелики и чувство справедливости.

— Я должен вам кое в чем признаться, — сказал он, — я воспользовался тем, что «Мирабель» проплывала через Тадуссак, чтобы направить экстренный рапорт Его Величеству.

Его слова были прерваны лаем собаки. Из небольшого парка, окружавшего дом их хозяина, появился человек, сопровождаемый огромным красавцем догом. Когда они проходили мимо вигвамов гуронов, мощное животное одним прыжком кинулось на одну из индейских собак, ударом челюстей перегрызло ей глотку, отбросило в кусты и, победоносно глядя на ее разбежавшихся желтых собратьев, неторопливо вернулось к своему хозяину.

Господин де Шамбли-Монтобан представился как главный дорожный смотритель Канады и их сосед.

Приветствуя компанию, он снял свою шапку из меха норки. Это был очень красивый мужчина, такой же красивый, как и его собака, во всяком случае, не уступающий ей в чувстве собственного достоинства и независимости. Его титул Главного дорожного смотрителя Канады был одним из самых почетных в этом краю.

Он обратился со множеством почтительных приветствий к господину де Барданю, но при этом он не отрываясь глядел на Анжелику.

Он был одет весьма элегантно, носил шпагу, и на ногах у него были кавалерийские сапоги из тонкой кожи. Ему было приблизительно сорок лет, его взгляд светился умом, чувственный рот в улыбке обнажал белые зубы.

— Хорошо ли вы устроились? — небрежно спросил он у де Барданя.

— Гораздо хуже, чем вы, — ответил тот, указывая на маленький замок, чьи каменные трубы виднелись из-за верхушек деревьев.

Этот дом представлял в его глазах неоспоримое преимущество, так как находился вблизи от дома маркиза де Видь д'Аврэя, а следовательно, от мадам де Пейрак. Господин де Шамбли бросил на него взгляд и подумал о той очевидной выгоде, которую он сможет извлечь из знакомства с посланником короля.

— В этом году король крайне несправедливо обошелся со мной, — пожаловался он. — Он заставил меня продать часть моих земель за ничтожную сумму. Я хотел бы сохранить хотя бы то, что у меня осталось. Не могли ли вы сделать что-нибудь для меня?

— Вы, несомненно, плохо обрабатывали принадлежащие вам владения. Но... согласен, я поговорю об этом с королем.

Вслед за господином де Шамбли явились две индианки, требовавшие водки за убитую собаку. Не

расставаясь со своей сияющей улыбкой, Главный дорожный смотритель ответил им на языке дикарей. Анжелика поняла, что он ругал их за пьянство, напомнил им о законах, запрещающих продавать спиртное индейцам, и посоветовал им вместо этого пойти на мессу. Что же касается собаки, им не остается ничего другого, как сварить из нее суп.

— Но ваш дог и в самом деле настоящий хищник, господин де Шамбли, — вмешался Элуа Маколле. — Не то что дог аббата Морийо, тот такой смирный и добродушный.

— Доги часто спасали наблюдательные посты, вынюхивая ирокезов, — заметил де Шамбли.

— А вот и индеец собственной персоной, — роковым тоном произнес де Бардане.

Величественный силуэт Пиксаретта появился на вершине холма. Он спускался к ним с гордым видом, с копьем в руках и одетый в зимнюю медвежью шкуру.

Он поддержал господина де Шамбли, упрекая индианок за пристрастие к спиртному, развращающему их души и разрушающему их тела.

На пороге появилась Иоланта, держа за руку Керубина. Она была одета в платье, подаренное ей матерью для торжественных случаев. Их сопровождал Адемар, держа в руке свою военную шляпу. Марселнна, мать Иоланты, дала своей дочери тысячи наставлений по поводу сомнительного климата Квебека. Это не то, что климат Французской бухты, где, конечно, бывали и бури, и разрушительные приливы, но где цвели повсюду розовые, голубые и белые люпинусы, и море никогда не замерзало.

Анжелика взяла за руку Онорину и Тимоти.

— Ты прав, великий сагамор, — сказала она, — напомнив нам о наших обязанностях перед Богом. Мы идем причащаться.

Глава 23

То, что в Квебеке носило название семинарии, было на самом деле резиденцией епископа. Здесь Монсеньер де Лаваль сгруппировал все подчинявшееся ему духовенство. В этих больших зданиях в два и даже три этажа священники из самых различных приходов находили приют и средства к существованию.

Здесь также располагалась школа для мальчиков, среди которых было немало пансионеров: несколько маленьких индейцев, дети из далеких поместий и концессий, сироты. Преподавали в ней как священники, так и иезуиты, обучающие детей математике, грамматике, естественным наукам.

Юноши, готовящиеся стать священниками, также обучались здесь, перед тем как получить назначение епископа.

Большой двор, выходящий на соборную площадь, был огорожен высокой чугунной оградой, на воротах которой красовался герб Монморанси-Лавалей из позолоченного металла, и герб, на котором переплелись буквы И. М. И. — Инсус-Мария-Иосиф.

Решительным шагом Анжелика пересекла двор. На звон колокольчика появился один из семинаристов.

Дамы представили ему Анжелику. Он провел ее сначала по длинному коридору, вымощенному плиткой, затем они поднялись по ступеням каменной лестницы.

Вдали слышны были детские голоса, распевавшие молитвы и псалмы, и звуки органа.

Поднявшись наверх, семинарист посторонился перед посетительницей и пропустил ее в дверь, которая вела в просторную приемную, где находилось большое количество ожидавших.

Эти господа из семинарии имели, должно быть, отменное здоровье, так как комната не только не отапливалась, но и одно из высоких окон было открыто, несомненно, для того, чтобы проникавшие лучи солнца нагрели помещение.

Достаточно было одного взгляда в распахнутое окно, чтобы увидеть прекрасное побережье Бопре, бледное от изморози.

Анжелика взглянула на рейд и заметила, что там остались лишь два корабля их флота: «Рошле» и «Мон-Дезер».

Когда ее глаза привыкли к полумраку, она узнала среди многочисленных посетителей Маргариту Буржуа и ее спутниц и, обрадованная, направилась к ним. Одна из девушек тотчас же встала, уступив ей свое кресло с высокой прямой спинкой, и уселась рядом на ковровом пуфе. Должно быть, те, кто здесь находился, привыкли к долгому ожиданию перед аудиенцией Монсеньера Епископа, так как почти у всех было какое-нибудь занятие: кто-то читал молитвенник, кто-то перебирал четки, некоторые вязали или плели кружева «фриволите».

М-ль Буржуа и ее девушки держали в руках маленькие деревянные инструменты, утыканные гвоздями, на которых они сплетали черные и коричневые нитки: «Мы делаем тесьму. Когда мы будем в Монреале, мы научим новообращенных плести на индейский манер разноцветные нитки, чтобы изготовлять потом очень удобные пояса, которые канадцы так любят обворачивать вокруг живота, чтобы защитить себя от сильных холодов».

— Послезавтра мы отплываем в Виль-Мари, — сообщила начальница общины. — Самое время. Большие осенние разливы уже прошли, скоро все покроется льдом.

Перед тем как покинуть Квебек, м-ль Буржуа хотела посоветоваться с Монсеньером.

— Он так ревностно относится к своей роли пастора в Новой Франции, что мы в Виль-Мари должны учитывать его щепетильность, хотя наш город с самого начала был независимым и свободным. Лишь господа из Сан-Сюльпис, владельцы острова Монреаль, имеют юридические права духовных лиц. Мы могли бы обойтись без одобрения епископа, но это вопрос вежливости.

Уточнив свою позицию в этом вопросе, она охотно признала Монсеньера де Лаваля человеком прямым, деятельным, преданным делу спасения души вверенной ему паствы, но затем м-ль Буржуа, потянув нить, вздохнула и сказала :

— В этих краях все не так просто. В мое отсутствие Монсеньор узнал о том, что уже три года я одеваю моих сподвижниц вопреки предписанию. Но на этот раз ему придется это одобрить.

Сложности возникли с тем, что м-ль Буржуа отказывалась строить монастырскую ограду, а также одевать своих монахинь в одеяния с покрывалами и нагрудниками, что слишком выделяло их среди других жителей. Она хотела, чтобы члены ее ордена были одеты, как скромные горожанки, в такие же черные платья с белыми воротничками и с черными косынками поверх обычных чепцов. «Мы такие же женщины, служащие людям», — говорила она.

Она рассказывала о знатных дамах из Франции, поддерживающих своей помощью религиозные общины в Канаде, такие, как мадам де ла Пелтри, которая сопровождала урсулинок до самого Квебека, или мадам де Гайон, помогавшая Жанне Мане основать госпиталь в Монреале.

Анжелика, мысленно включившая в эту когорту «благодетельниц» и герцогиню де Модрибур, без

особого восторга слушала этот панегирик. Она представила себе Амбруазину, высаживающуюся в Квебеке, нежнейшую, погруженную в благочестие, привлекающую своей набожностью самых лучших людей, с ее богатством и умением очаровывать. При единственной мысли о тех возможных тайных разрушениях, которые ее приезд мог спровоцировать в этом маленьком доверчивом городе, она вздрогнула, как бы предчувствуя, что Квебек вовсе не так уж защищен от ядовитой заразы Старого Света.

Дверь в глубине залы открылась, и оттуда вышел человек лет тридцати, горячо благодаря и все время кланяясь, прижимая к животу свою большую шляпу. Затем дверь снова закрылась.

Этот человек подошел поздороваться с м-ль Буржуа. Она была очень известна, и ее все любили. Он поделился своей радостью, так как, зная, что он собирается жениться на юной жительнице Шато-Рише, Монсеньер де Лаваль разрешил ему взять в аренду сроком на пять лет две мельницы, принадлежащие общине и находящиеся во владениях епископа. В обмен на это он должен будет ежегодно платить шестьсот ливров, а также подарить шесть каплунов и пирог.

— А какого размера должен быть пирог? — воскликнула Анжелика, которой этот новый вид налога показался очень забавным.

— О размерах мы еще договоримся, — ответил молодой человек, — но пирог должен быть преподнесен в мае, ко дню Святого Бонифация.

Он был очень доволен, так как перед тем как эмигрировать в Новую Францию, он был помощником пекаря. Какое-то время он работал в пекарнях на военных фортах. Теперь же он решил осесть и завести свое дело. Этот налог в виде пирога ему поможет.

Небольшая семья иммигрантов, ожидающая приема, внимательно слушала их беседу. Они подошли к ним

все вместе — родители и четверо детей.

Маргарита Буржуа их знала по плаванию на «Сан-Жан-Баптисте». То, что они иммигранты, можно было определить уже по их бледным лицам и поношенной одежде. Они были встревожены. Прибывшие накануне, они присутствовали на торжественной мессе, которая ошеломила их, хотя они ничего не поняли. Они переночевали на задворках бывшего магазина Компании Западной Индии. Во Франции они записались в число рекрутов для заселения земель между Квебеком и Монреалем, и они не очень хорошо помнили название этой территории.

Вчера по приезде никто их не встретил. В конце концов их направили к епископу. Они были в совершенной растерянности. Выехав из Гавра, они добирались до Квебека почти четыре месяца.

— В самом деле, это путешествие было одним из самых тяжелых, что я знала, — подтвердила м-ль Буржуа.

— Конечно, нам заранее было известно об опасностях, которые нас поджидали в плавании по этому громадному океану, одному из самых труднопроходимых, — не потому, что в нем гибнет много судов, но потому, что приходится сталкиваться со множеством неудобств, начинаются эпидемии тяжелых болезней, есть опасность повстречаться с англичанами, с турками... И кроме того, на «Сан-Жан-Баптисте» нам пришлось иметь дело с жульничеством капитана и экипажа.

Женщина достала из своего залатанного плаща маленький серебряный кубок.

— Мы продали кое-какие тряпки и вещи перед отъездом, и на эти деньги я купила вот этот кубок.

— Вы поступили мудро, дочь моя, — одобрила Маргарита Буржуа. — Имея эту небольшую гарантию,

вы сможете взять в долг какую-то сумму или же расплавить и сделать из него деньги.

Анжелика помнила, что за переплавку серебра и изготовление из него денег парижский суд приговаривал к каторге на галерах или же к смертной казни.

Но в колониях, кажется, никто об этом не вспоминал. Она узнала, что здесь этим занимался всякий, кто только мог. Серебряные изделия были единственной надежной валютой.

— Тот, кто имел серебро, имел доверие торговца, — заверила м-ль Буржуа.

Человек в грубых башмаках быстро вошел в зал, оставляя за собой грязные следы. Он огляделся и устремился к маленькой иммигрантской семье.

— А! Вот вы где! Я ваш сеньор, Арно де ла Портьер. Я смог приплыть лишь сегодня утром и уже два часа ищу вас по городу. Нам нужно быстро уладить все дела, так как большая баржа вскоре отплывает.

Он проверил список, который он извлек из кармана своего кожаного плаща.

— Вы действительно являетесь Гастоном Бернаром и его женой Изабель урожденной Кандель, оба уроженцы Шартра?

Стоя перед ним, они робко кивнули. Господин де ла Портьер глазами пересчитал их.

— Вас должно было быть семь…

— Во время плавания мы потеряли нашего малыша, — ответила женщина, поднося платок к глазам.

— Понятно, — сказал господин де ла Портьер, складывая свои бумаги.

Потом, поняв, что необходимо выразить сочувствие, он снял свою бобровую шляпу и торжественно произнес:

— Да успокойся с миром душа этого ребенка! Бог принял первые плоды, урожай будет хорошим. Да защитит нас Дева Мария!

— Аминь, — ответили все хором.

— Мы должны пойти в канцелярию Верховного Совета, — продолжал он, — чтобы подписать ваш акт о концессии. Вы получите три арпана в ширину на двадцать в длину. Этого будет достаточно, чтобы в этом году вы смогли там устроиться, иметь дом и очаг и внести арендную плату, а также двух живых каплунов в мой замок к празднику Святого Мартина зимой. Вы умеете обрабатывать землю? Ну, ничего, научитесь, — заключил он, видя их неопределенный жест.

Он посмотрел на их жалкие лохмотья.

— Для начала необходимо приобрести плащи и сапоги. У меня есть запас в моем магазине в Нижнем городе. Следуйте за мной.

— Позвольте им хотя бы поздороваться с епископом, — вмешалась м-ль д'Уредан.

— Зачем? Епископу некогда заниматься моими арендаторами. У него будет достаточно времени пообщаться с ними летом, во время его поездок по стране.

Они ушли, и м-ль Буржуа неодобрительно покачала головой.

— Господин де ла Портьер не имеет права держать склад товаров в городе. Сеньорам, владеющим землями, это запрещено. Но все здесь, за исключением духовенства, занимаются торговлей. И в самом деле, надо признать, что доходы с земли приносят ее владельцу так мало, что едва ли хватит на одну курицу в год. Арендная плата крайне мала, а сеньор ведь должен заниматься устройством тех, кто к нему приехал. Забот у него полно, а помощи от короля по заселению колонии очень мало. И сеньор может умереть разоренным, но его земля будет обрабатываться. И, возможно, лишь его сын получит хороший доход.

Слушая ее, Анжелика рассматривала убранство приемной. На стенах были красивые ковры, изображавшие сцены на библейские сюжеты. Потолки высокие, а полы блестели, как зеркало.

В нише напротив них стояла статуя младенца Иисуса в золотой короне, одетая в красный бархат и держащая в руке шар, увенчанный крестом. Картины на стенах также изображали младенца Иисуса, окруженного ангелами, а одна из них — ангела, протягивающего новорожденного Людовика XIV Богоматери из Лоретта.

Большая статуя Святого Иосифа, также держащего на руках божественного ребенка, возвышалась возле двери.

М-ль Буржуа сообщила Анжелике, что Святой Иосиф является покровителем Новой Франции, в то время как младенец Иисус — покровитель семинарии.

Анжелика могла бы часами слушать Маргариту Буржуа. Как и в Тадуссаке, она замечала, что в ее компании время лечит как ветер. Общаясь, м-ль Маргарита умела передавать собеседнику покой своей души, и сколько бы она ни рассказывала о своих злоключениях, на сердце у нее всегда было легко.

— Вы пройдете впереди нас на прием к епископу, — заявила она вдруг Анжелике. — Ведь вам очень важно увидеться с ним, а ваши светские обязанности, отнимающие столько времени, не позволяют вам долго ждать. Мы же никуда особенно не спешим.

Анжелика вспомнила, что действительно она должна была встретиться с Жоффреем в замке Святого Людовика на приеме у губернатора. Встреча назначена была на час дня.

Она горячо поблагодарила м-ль Буржуа.

Дверь кабинета вновь открылась, и оттуда, как черт из табакерки, появился маркиз Виль д'Аврэй. Стоя вполоборота, он говорил прелату, чья высокая фигура в

лиловом облачении виднелась позади него в дверном проеме:

— ...Таким образом, Монсеньер, вы видите, что вам нечего опасаться за верность наших вновь обращенных в Акадии. Доказательством служит то количество скальпов еретиков-англичан, которые я привез господину губернатору и которые свидетельствуют о преданности этих бедных дикарей Богу и истинной Церкви, о которой они узнали от нас, преданность, которую они выражают на свой манер привычными им способами, объявив войну нашим врагам в Новой Англии.

Он встал торжественно на одно колено, чтобы поцеловать перстень епископа, а затем уверенным шагом направился к выходу, не замечая Анжелику.

Она же бросилась вслед за ним и с высоты лестницы, по которой он уже почти спустился, окликнула его:

— Господин де Виль д'Аврэй!

Он обернулся и при виде ее радостно заулыбался.

— О! Моя дорогая!..

Однако она охладила его порыв.

— Что это вы тут рассказываете епископу? О скальпах англичан? Вы присваиваете себе тот ящик, который барон де Сан-Кастель отправил в Квебек, дабы засвидетельствовать свое усердие перед властями...

— А почему бы и нет? — спросил он с игривой улыбкой.

— Ну уж дудки! Этого я не допущу. Хоть все это мне отвратительно, но я позабочусь о том, чтобы стало известно о его истинном происхождении. Не хватало еще, чтобы наш бедный Сан-Кастель был наказан и, может быть, даже потерял свое место за то, что не поддержал воинственные кампании отца д'Оржеваля.

Видя, что она не шутит, маркиз рассердился.

— Все головы в Акадии принадлежат мне, — заявил он свысока.

— Ну это мы посмотрим. Я собираюсь предупредить людей с «Голдсборо», чтобы они не отдавали вам этот ящик, если вы потребуете.

— А он уже у меня...

Обменявшись с Анжеликой довольно горячими выражениями, маркиз, разозленный, ушел.

Вернувшись в приемную, Анжелика обнаружила, что за это время та очередь, которую ей любезно уступила м-ль Буржуа, уже прошла. Маргарита Буржуа и ее девушки уже были приглашены в кабинет епископа.

Пробило полдень.

Люди, ожидавшие приема, все вместе прочли молитву, славящую Деву Марию:

Ангел известил Марию,

И она понесла От святого Духа...

К Анжелике подошел семинарист и, принося ей извинения, сказал, что Монсеньер де Лаваль сможет принять ее лишь во второй половине дня, так как сейчас у него будет общая аудиенция для собравшихся во дворе, а затем легкий завтрак.

Анжелика ни в коем случае не хотела пропустить свидание с Жоффреем у губернатора.

Выйдя на площадь, она в нерешительности остановилась. Что предпочесть? Портшез? Карету?

Надежнее всего было идти пешком: почти бегом, она очень быстро добралась до замка Святого Людовика и уже в вестибюле заметила Жоффрея, увлеченно беседовавшего с очаровательной черноглазой брюнеткой, Беранжер-Эме де ла Водьер, супругой прокурора Ноэля Тардье. В ожидании губернатора разговор шел исключительно о той неслыханной щедрости, которую проявил господин де Пейрак, одаривая накануне всех дам различными драгоценными безделушками.

У Беранжер де ла Водьер даже слезы стояли на глазах, так она была растрогана. Но от этого ее прекрасные глаза казались еще ярче и чернее.

Все взгляды, обращенные на Жоффрея, выражали полный восторг. Он, улыбаясь, объяснял, что это всего-навсего естественный жест благодарности очаровательным дамам за столь любезный прием.

Анжелика, раскрасневшись от быстрой ходьбы, рассеянно ответила на приветствия и поспешила к Жоффрею. Ей казалось, что они не виделись уже очень давно.

— Ну, как вы проводили время? — спросила она, испытывая непреодолимое желание сжать его в своих объятиях.

— А вы, мадам?

— Я была с визитом у епископа.

— И как протекала ваша беседа?

Анжелика призналась, что она все утро с увлечением разговаривала с Маргаритой Буржуа, но что ей так и не удалось увидеться с епископом.

Прибывший господин де Фронтенак поцеловал одну за другой обе руки Анжелики, а затем усадил ее справа от себя. С левой стороны находилась мадам де Кастель-Моржа. Никто не осмеливался смотреть на ее опухшее лицо.

После обеда губернатор предложил собравшимся прогуляться по саду, но Анжелика, покинув компанию, поспешила в резиденцию епископа.

Монсеньер де Лаваль был похож на Босюэ. Пастор Новой Франции имел такую же статную фигуру, приветливое обхождение и быстрый ум, воспитанный обширным и разносторонним образованием.

Тонкие усики и едва заметная бородка подчеркивали его красивый властный рот. Нос с горбинкой, высокий лоб под величественным епископским убором придавали бы его облику

высокомерие, если бы не доброжелательный и даже несколько мечтательный взгляд, блестевший из-под слегка усталых век.

Так же, как и главный художник двора Его Величества, он являл собой одновременно простоту и величие.

Это сходство помогло Анжелике обрести некоторую уверенность перед ее августейшим собеседником.

Она уже собиралась начать первой, но в тот же самый момент заговорил епископ. Они оба улыбнулись.

Анжелика выразила то восхищение, которое произвели на нее сам собор и торжественная месса. Епископ не скрывал, что ее восторг ему приятен. Когда он впервые прибыл в Квебек, город насчитывал всего лишь двадцать четыре семейства, около шестисот человек. Но иезуиты уже и тогда заботились о том, чтобы придать богослужению возвышенный н торжественный характер, и с тех пор этим духом проникнуто состояние умов в этой стране.

Благодаря их заботам и стараниям урсулинок подрастающее поколение умело читать, писать, петь на латыни. Это побудило его основать малую и большую семинарии для подготовки молодых священнослужителей из детей, живущих в этом краю. Надо было отвлечь их от пагубной склонности болтаться по лесам с пятнадцатилетнего возраста.

Он дал понять, что считает необходимым для колонистов Новой Франция учреждение епископата, так как иезуиты, бывшие в первую очередь миссионерами, занимались обращением индейцев, и первые колонисты не чувствовали строгой руки. Иезуиты больше интересовались завоеванием душ дикарей, чем своих собственных сограждан. Они призывали всех участвовать в миссионерских экспедициях, в то время как истинный послушный христианин должен находиться под сенью своей колокольни и жезла своего

пастора, дабы принимать участие в таинствах и богослужениях, без которых он легко может впасть в соблазн, в том числе в соблазн язычества, подстерегающий его повсюду в этих краях.

Эта речь показалась Анжелике подходящим вступлением к ее разговору о матери Магдалине. Лицо епископа стало более суровым. Но Анжелика уже поняла, что он не на стороне отца д'Оржеваля, а следовательно, он может ей помочь.

— Дело очень серьезное. Оно всколыхнуло столько страстей.

— Тем более надо скорее с ним покончить. Матушка Магдалина должна убедить всех тех, кто еще сомневается на мой счет.

— Вы, кажется, совершенно уверены, что ваша встреча с ней будет для вас благоприятна?

— Вы хотите сказать, уверена, что она не примет меня за «демона»? Да, я уверена, если, конечно, это монахиня честная. И вы также в этом уверены, Монсеньер. Иначе вы не приняли бы меня.

Епископ слегка улыбнулся, но затем вновь нахмурился.

— Увы! — вздохнул он.

— Что вы хотите этим сказать? — встревожено спросила Анжелика.

— Вам придется подождать. По правде говоря, я хотел бы без промедления удовлетворить вашу просьбу. Ваша затея мне по душе. Но произошло неприятное, даже драматическое событие, из-за которого вам придется подождать. Позавчера, как раз в ночь после вашего приезда, из монастыря урсулинок была похищена коробка с облатками.

Вначале Анжелика не поняла, почему это событие мешает ее встрече с матерью Магдалиной и почему епископ произнес эти слова таким мрачным голосом. Затем интуитивно она вспомнила разговор, бывший у

нее накануне с метрдотелем Тиссо, и поняла причину глубокой тревоги епископа.

— Вы опасаетесь, Монсеньер, что эти облатки украдены для того, чтобы использовать их в магических обрядах?

— Облатки похищают всегда именно с этими целями, — сказал епископ с грустью.

— Но разве в Квебеке это возможно? Это же девственная земля, набожная, строгая... столь глубокое развращение нравов не могло еще здесь распространиться.

— Увы! — повторил епископ. — Времена изменились. Когда-то порок в этой стране был почти неизвестен. Повсюду царили набожность, благочестие, милосердие и согласие. Но коварство и обман торговцев противостояли искренности и прямоте миссионеров. К тому же за последнее время у нас здесь появилось слишком много заблудших овец, всяких скандальных личностей...

— Монсеньер, не для того ли, чтобы мне навредить, мешают моему свиданию с матерью Магдалиной?

Он покачал головой.

— Ваша встреча только перенесена. Обнаружив пропажу, сестры урсулинки сразу же начали девятидневный пост, чтобы таким образом защититься от зла, которое, по-видимому, должно совершиться с помощью украденных облаток. Нужно дождаться конца этого срока. И я не забуду о вашей просьбе.

Анжелика горячо поблагодарила его. Она была права, обратившись в первую очередь за помощью к нему. Он относился к ситуации справедливо и здравомысляще.

Епископ показался Анжелике интересной и необычной личностью. Честный, добродетельный, истинный человек Церкви, рожденный быть им. Говорили, что уже в девять лет у него была тонзура.

Анжелика вновь заговорила о том незабываемом впечатлении, которое произвела на нее церемония в соборе. Это тронуло епископа. Он говорил с ней теперь более откровенно. Одним из главных его огорчений было видеть, как скорняки носят спиртное индейцам в обмен на пушнину, а те смертельно напиваются.

— К сожалению, индейцы хотят обменивать шкурки только на алкоголь, — сказала Анжелика. — Они говорят, что с его помощью они общаются с потусторонним миром. Очень трудно объяснить им, какой вред они себе наносят.

Но епископ придерживался других взглядов. По его мнению, в этом деле и индейцы, и белые были в равной степени виновны и все должны были нести наказание.

— Самое простое было бы не носить им выпивку, — отрезал он.

Когда речь заходила об употреблении водки, он терял всякий юмор и готов был весь белый свет отлучить от Церкви.

— Но разве Новая Франция смогла бы существовать без пушнины? — спросила Анжелика.

— Вы, случайно, не последовательница молинистов? — подозрительно осведомился епископ.

Анжелика слегка смутилась. К счастью, некогда в парижских салонах она познакомилась с модными философскими и богословскими идеями, о которых она кстати вспомнила, и она ответила, что некоторое снисхождение к слабостям ближнего не означает безграничной свободы и, тем более, пренебрежения к спасению его души.

Такой ответ, видимо, очень понравился епископу, так как лицо Монсеньера де Лаваля прояснилось. Он казался удовлетворенным и даже обрадованным тем, что не смог привести ее в замешательство.

— У вас нет намерения вступить в братство «Святого Семейства»? — спросил он.

То, что такое предложение исходило от него, означало, что отныне он считал ее достойной быть членом этой организации.

Анжелика уклонилась от прямого ответа.

— Мадам де Меркувиль мне о нем рассказывала.

— Благочестию братства колония обязана многими божьими милостями.

Он пояснил, почему благочестие столь необходимо в Канаде.

— Со всех сторон нас подстерегают бесчисленные опасности, мы вынуждены тяжко трудиться в этой стране, где все предстоит делать заново и где само выживание под вопросом. Вот почему так важно получить помощь божественных сил при содействии святого покровителя, соединяющего нас, бедных смертных, со Всевышним, созерцающим нас в лучах своей славы.

Святое Семейство: Иисус, Мария, Иосиф — бедные труженики, являют собой идеальный образ для народа Канады, одинокого среди врагов и иноверцев.

Святой Иоахим и Святая Анна, дедушка и бабушка младенца Иисуса, также глубоко почитаемы в этом краю.

Монсеньер де Лаваль рассказал затем о культе младенца Иисуса, которого он называл Маленьким Королем Милосердия или Маленьким Королем Славы.

Братство «Святого Причастия» также имело своих приверженцев. Возможно, они были самыми многочисленными, но никто в точности не мог этого знать, так как это сообщество было тайным и очень влиятельным. Можно было предположить, что многие видные жители города входили в него, и все помнили, что душой этого братства был Гастон де Мери, один из первых колонистов Канады, прекрасно знающий ее таинственный климат.

— Посоветуйтесь с вашим духовником, — сказал епископ, вставая, — он вам подскажет. Мы все должны иметь заступника на небесах.

Анжелика встала на колени, чтобы поцеловать пасторское кольцо. Епископ, кажется, был доволен этой беседой. Ему нравились собеседники, не испытывавшие страха перед ним и свободно вступающие в спор Он проводил ее до двери.

Оказавшись на дворе семинарии, Анжелика наконец-то свободно вздохнула Воздух был холодным и бодрящим Она подумала, что если разговор с епископом до такой степени утомил ее, то что же с ней было бы, если бы ей пришлось встретиться с отцом д'Оржевалем. Слава Богу! Небеса посылают нам испытания по нашим силам. Принимая во внимание все затронутые темы и те, что удалось обойти: возникшие вопросы, расставленные ловушки, то, если не считать «молинизма», на котором она чуть было не споткнулась, можно было считать, что она справилась неплохо.

Нужно было «признать некоторые промахи», как говорила Маргарита Буржуа, и согласиться с тем, что скитания по лесам и морям не обогатили ее знания в области философии и риторики.

Дамы в Новой Франции в большинстве своем были очень образованны. Она попросит у них книги и узнает все, что нужно для того, чтобы посещать религиозные собрания и таинства.

Кроме того, ей надо как можно скорее выбрать духовника и братство.

Глава 24

Начинался третий день.

На это утро был назначен Большой Совет, на котором Анжелика должна была присутствовать.

Сегодня был рыночный день. На побережье Левиса зажигались первые огни в жилищах, и видно было, как крестьяне с зажженными фонарями в руках направлялись к причалу. Они переплывут реку и направятся в Квебек с овощами, яйцами, молоком, маслом, свежей и копченой рыбой, мясом и колбасами.

День обещал быть пасмурным. Никакого сияния солнца, как накануне. В сером утреннем свете город выглядел будничным и скучным.

Анжелика, обозрев с порога дома окрестности, спускалась по улице Птит-Шапель, сопровождаемая господином де Барсемпью и Пиксареттом. Она отправилась на Большой Совет, созванный в их честь.

Это было особое собрание, имеющее целью решить вопросы, связанные с их прибытием в город. Она и мадам де Меркувиль будут единственными женщинами на этом собрании. Компетенция мадам де Меркувиль в области благотворительности считалась весьма ценной, так как она являлась помощницей и заместительницей интенданта Карлона в его деятельности по развитию торговли и ремесел в колонии.

Прибыв на соборную площадь, Анжелика встретилась с Жоффреем де Пейраком, прибывшим из замка Монтиньи вместе с графом д'Урвилем, Куасси-Ба, четырьмя испанцами и его бретонским конюхом, Жаном Куеннаком, нагруженными сумками с бумагами и документами, которые, возможно, понадобятся сегодня.

Два факельщика и два молодых барабанщика шли впереди этой группы. Барабаны сопровождали

продвижение негромкими раскатами, но этого было достаточно, чтобы из всех окон высовывались люди уже в рабочей одежде, несмотря на очень ранний час. В Квебеке вставали рано.

Выйдя из ворот семинарии, маленькие мальчики и подростки в черных униформах строем и держась за руки перешли площадь, направляясь к иезуитам, где их ожидало изучение грамматики, математики, богословия и механики. Их сопровождал служитель семинарии и его подручный.

Все вместе, Анжелика, граф де Пейрак и их свита поднялись по улице Дю Фор и вышли на площадь Оружейников, за которой на берегу реки возвышался замок Святого Людовика, резиденция губернатора. Замок был построен на самом крутом участке горы, как раз над Нижним городом.

Это было большое двухэтажное здание, протянувшееся с севера на юг вдоль скалы, с высокими крышами, покрытыми привезенным из Франции шифером, и многочисленными трубами. Ворота были с западной стороны. За ними начинался просторный двор, с одной стороны которого была стена, с другой — казармы.

В центре площади Оружейников, обсаженной вязами и кленами, было свободное место, специально отведенное для солдатских учений. Со всех сторон на площадь прибывали люди. Их силуэты были пока едва различимы в утренней полутьме. Со стороны улицы, носящей название Большая Аллея, прибыли два всадника. Спешившись, они привязали своих коней на углу здания суда, откуда появилась коренастая фигура лейтенанта полиции господина Гарро д'Антремона. Обменявшись приветствиями, все трое направились в сторону замка Святого Людовика. По дороге их обогнала карета, прибывшая из города; она скрипела на рессорах, а копыта лошадей скользили по мостовой,

отполированной инеем. Это господин Фронтенак возвращался после утренней мессы. Поскольку он втайне враждовал с иезуитами и недолюбливал епископа, он ходил на исповедь и слушать мессу в маленький монастырь на окраине города на реке Сан-Шарль, возле Нотр-Дам-Дезанж.

Почти все уважаемые люди в Квебеке начинали свой день с посещения мессы и с причастия. Во всякое время года, даже холодными и темными зимними ночами, эти господа спешили к своим пастырям. У каждого был свой покровитель, которого они почитали верно и ревностно.

Интендант Карлон раз в неделю посещал маленькую часовню Святой Веры, стоящую в отдалении на пересечении нескольких улиц и тропинок, между монастырем урсулинок и церковью Святой Анны.

Гарро д'Антремон каждую вторую пятницу месяца посещал часовню, примыкающую к собору, посвященную Святому Михаилу Архангелу, и служил там торжественную мессу с помощью трех священников, неизвестно по какому поводу, но, по всей вероятности, очень важному, так как глава гражданской и уголовной полиции ни разу не пропустил ни одной службы.

Фронтенак выскочил из кареты и подошел к графу и графине де Пейрак.

Румяный от холодного воздуха, он поцеловал руку Анжелике.

— Мадам, простите за то, что я вынужден был назначить Совет на столь ранний час. Нам придется обсудить так много вопросов, что с трудом хватит целого дня. Но ваше присутствие необходимо... Ах! что я говорю? Я не искренен. Я настойчиво добивался вашего присутствия среди нас по многим причинам. Нам будет необходимо прибегнуть к вашей компетенции при определении дальнейшей участи этих молодых девушек с затонувшего корабля, которых вы

привезли с собой, и при решении многих других вопросов, но, по правде говоря, и такого же мнения придерживаются все остальные господа, я полагаю, что мы уже не можем больше обходиться без вас.

Его любезность вызвала у Анжелики улыбку. Она подтвердила, что будет очень рада принять участие в Совете, так как уже в течение многих месяцев Квебек был средоточием всех ее мыслей.

Они вошли во двор замка через большие ворота, увенчанные гербом и мальтийским крестом в каменном изгибе свода. По обе стороны ворот стояли часовые. Они приветственно обнажили шпаги. Пиксаретт ответил им, величественным жестом подняв руку. Он был одет в свой знаменитый красный камзол английского офицера, что не помешало ему в то же время обуться в мокасины. Его волосы были заботливо смазаны медвежьим жиром и заплетены в косы, убранные в чехлы из лапок лисы, а на голове красовалась бобровая шляпа с двумя черными страусовыми перьями — подарок губернатора. Он сам себя пригласил на Совет, и это никого не смущало. Он первым войдет в дом.

Носильщики факелов потушили свои светильники в бочках с песком. Стало уже совсем светло.

Господин де Фронтенак увлек Анжелику на террасу, выходящую На реку. Это была галерея, вымощенная плитками и огражденная чугунной балюстрадой, идущей вдоль всего восточного фасада.

Отсюда открывался великолепный вид на Святой Лаврентий и горы. Снизу поднимались и таяли в воздухе дымки из труб Нижнего города.

Фронтенак был счастлив. Встающее солнце затопило своими лучами террасу и освещало фасад замка Святого Людовика. Огромная темная туча повисла над ним, и оттого его лучи казались еще более ослепительными. Выглядывая из-за багровых облаков, солнце, казалось, смотрело прямо на них. Перед тем как

спрятаться под низким сводом бледно-серого неба, дневное светило блеснуло ярким пучком лучей и угасло.

— Я не удивлюсь, если пойдет снег, — сказал губернатор.

Он открыл двери террасы, выходящие прямо в зал Совета. Лакеи закрыли их за ними.

В конце громадного зала находился камин, пламя которого грело и освещало комнату. Над мраморной доской камина висело большое аллегорическое полотно, прославляющее подвиги короля Франции и принадлежащее, как говорили, перу ученика знаменитого ле Брюна. На другой стене, напротив, был портрет графини де Фронтенак в военном облачении и блестящей каске с перьями, при этом, однако, в ее ушах сверкали бриллиантовые серьги с жемчугом. В руках ее был лук, а за спиной угадывался колчан со стрелами. Общий темный фон картины выгодно оттенял перламутровый цвет ее лица и пухлых плеч. Анжелика, знавшая о красоте мадам де Фронтенак, подумала, что художник не льстил ей. Говорили, что к ней вожделел сам король, и это было одной из причин того, что граф Фронтенак получил пост губернатора Канады.

По обе стороны камина стояли знамена.

Этот большой зал выглядел очень торжественно. Конечно, это не был Версаль, но что-то напомнило о нем, когда губернатор величественным шагом приблизился к столу, стоящему посредине, за которым он должен был председательствовать.

Фронтенак усадил справа от себя Анжелику, слева — господина де Барданя.

Взгляд Анжелики встретился со взглядом посланника короля, и она не смогла сдержать улыбку.

Между тем господа все продолжали прибывать, иные, входя, звенели шпорами, другие — высокими каблуками своих туфель с пряжками. Наконец сопровождаемый шуршанием ткани величественного

облачения, появился епископ в придворной сутане и лиловой мантии.

Монсеньер де Лаваль занял место в центре стола, напротив интенданта Карлона. Другие члены Совета и приглашенные участвовать в этом чрезвычайном собрании уселись по своим местам. Большинство были одеты в шляпы и плащи и носили шпаги.

Небезызвестный господин Базиль явился в меховой шапке и широкой меховой накидке. Сняв их, он остался в жилете с роговыми пуговицами и в бриджах из простого полотна.

Маркиз де Виль д'Аврэй, напудренный и надушенный, усевшись справа от Анжелики, поведал ей о том, что господин Базиль в течение двадцати лет столько раз принимал участие в заседаниях Большого Совета, что ему прощали его пренебрежение к костюму и даже смирились с присутствием его приказчика, Поля-ле-Фолле, стоявшего всегда рядом с ним либо за спинкой его кресла . Писарь канцелярии Карбонель пытался записать его в свои списки под именем Лефоллс, но приказчик исправил на ле Фолле или ле Фу[3]. По истечении времени все смирились с его именем, присутствием в Совете и насмешливым видом.

Базиль один стоил всех письмоводителей, нотариусов, законодателей. У него была своя рука на рынках Верхнего и Нижнего города, на складах и причалах, он принимал участие в самых разнообразных невидимых операциях, которые благодаря его ловкости и знанию закона проходили всегда успешно.

Индеец Пиксаретт втиснулся между Анжеликой и Фронтенаком, который, видя это, предложил ему председательствовать вместе с ним. Пиксаретт считал, что его долг возглавлять Совет, на котором будет обсуждаться судьба Акадии. Он представлял объединенные племена абенаков — союзников

французов, и часть алгонкинов с юго-запада, с побережий океана и рек Пенобскот и Кеннебек, куда входили значительные этнические группы: мик-максы, этчемины, малеситы, песмакодиксы, пентагуеты... Он начал раскладывать на столе целую серию деревянных палочек.

Участники заседания, рассаживающиеся по местам, смотрели на него с беспокойством. Они уже были знакомы с индейским красноречием и знали, что те способны были говорить часами. Когда индейцы собирались произнести длинную речь, они пользовались специально заготовленными маленькими четырехугольными деревянными палочками, напоминавшими им об отдельных пунктах их речи. Каждая палочка представляла собой отдельный параграф их доклада. Они раскладывали их перед собой на столе и по мере надобности одни убирали, а другие добавляли. Судя по всему, Пиксаретт собирался говорить долго. И так как все остальные участники имели те же самые намерения, можно было предположить, что за право выступить развернется ожесточенная борьба.

Появилась мадам де Меркувиль, сопровождаемая рабом-индейцем, купленным у «путешественника», возвращающегося с Больших Озер. Его правая щека была обезображена ожогом недавнего клейма, изображающего цветок лилии. Но это не мешало ему с гордым видом нести сумку из ковровой ткани, куда деятельная дама поместила целую кипу бумаг.

— Мы не сможем решить все вопросы на этом Совете, — заявила она, приветствуя Анжелику, — но мы непременно должны прояснить ситуацию с вашими «дочерями короля». Вы уже внесли вашу долю милосердного участия в их судьбе. Теперь дело за нами. Прокурор и интендант затеют спор, когда встанет вопрос о кредитах, но интендант всегда бывает на моей

стороне, так как я оказала ему большую помощь в его торговле с Антильскими островами.

Она была креолка, рожденная на этих солнечных островах, где губернатором был ее отец. С детства она приобрела любовь и вкус к многочисленным торговым операциям, которыми так знамениты карибские порты: зерно меняли на сахар, лес — на изделия из шелка, рабов — на табак, военное снаряжение — на ром и т. д.

Перед началом заседания она успела шепнуть Анжелике, что у нее есть важные связи в Париже и что одна из них будет для Анжелики весьма ценной. Речь шла об одной даме, подруге детства, с которой они вместе росли под ярким небом Мартиники, а затем воспитывались в пансионе во Франции.

Вернувшись на Антилы, мадам де Меркувиль не прекратила переписываться со своей подругой, которая нынче находилась в Версале в окружении короля и сумела привлечь его внимание. Уже начинали произносить, ее имя как будущей фаворитки Его Величества.

— Как же зовут вашу подругу? — спросила Анжелика, любопытствуя узнать имя соперницы Атенаис де Монтеспан.

— Маркиза де Ментенон.

Анжелика порылась в памяти, но это имя ей ничего не говорило. Мадам де Меркувиль скромно уселась рядом с Пьером Голленом, который был самым незаметным из пяти членов Совета.

Она не хотела всем показывать, что занимает место среди них, но на нынешнем собрании было больше приглашенных, чем обычных заседателей.

Анжелика увидела господина ла Водьера, уверенным шагом вошедшего в зал. Молодой человек остановился возле господина Карлона и, обменявшись с ним несколькими фразами, уселся рядом, обведя медленным неприязненным взглядом всех собравшихся.

Непримиримое выражение его лица контрастировало с нежно-голубым цветом его глаз. Анжелика не могла не восхититься еще раз красотой этого молодого человека. Она вспомнила, что его жена — очаровательная Беранжер-Эме, чьи живость и любезность покорили ее накануне.

— Эта семейка с амбициями, — пробормотал Виль д'Аврэй едва слышно. — Жаль, что его жена так прелестна, а он — так красив...

Граф де Ломени-Шамбор был одет в скромный серый костюм военного покроя. В мягком свете, проникавшем сквозь стекла витражей, его лицо с тонкими чертами было задумчивым и, как показалось Анжелике, печальным.

Интендант Карлон, несмотря на то, что оживленно беседовал со всеми, также казался поглощенным какими-то мрачными раздумьями, и Анжелика, знавшая, что оба этих человека связаны узами дружбы, почувствовала, что они удручены каким-то личным горем. Ломени поймал на себе ее взгляд и, удостоверившись, что она смотрит на него, удивленно улыбнулся.

Интендант же, напротив, нахмурился. Он и Анжелика находились слишком далеко друг от друга, чтобы обмениваться словами, но одна и та же мысль пришла им в голову: история с приездом, а точнее — с неприездом герцогини де Модрнбур доставит им сегодня много неприятных моментов.

Жоффрей сидел в конце стола, одетый в камзол из красного бархата с серебряным шитьем. Его грудь украшала бриллиантовая звезда на муаровой ленте. Обводя взглядом всех присутствующих за столом, Анжелика пыталась угадать, был ли среди них «шпион» Жоффрея.

Пользуясь указаниями этого шпиона, Жоффрей выбирал подарки для знатных жителей Квебека. И, по

всей видимости, ему удалось угодить всем, так как восторженный шум по этому поводу до сих пор не утихал. Лишь мадам де Кастель-Моржа не получила предназначавшуюся ей безделушку из золота с изумрудами.

Где же была она сейчас, эта воинственная Сабина де Кастель-Моржа? Должно быть, она укрылась наверху в своей квартире в замке Святого Людовика, в отчаянии от того, что в ее собственном доме зияла дыра, а те, кого она так стремилась не допустить в Квебек, находились сейчас в зале заседания Большого Совета.

Перед тем как открыть заседание, губернатор попросил епископа благословить собравшихся и прочесть короткую молитву. После того, как трижды было произнесено: «Святой Иосиф, покровитель Новой Франции, молитесь за нас», — все уселись, и заседание началось.

Глава 25

Все знали, что главной темой собрания Большого Совета было рассмотрение всех тех вопросов, которые касались пребывания господина де Пейрака и его людей в городе. Следовало рассматривать это событие по всем аспектам; подвести итоги и сделать выводы, то есть проделать все то, что не успели во время экстренного ночного собрания в день прибытия. Каждый присутствующий, составил свой доклад или список вопросов по интересующим его проблемам. Но атака господина Тардье и те обвинения, которые он выдвигал, были настолько неожиданными, что если его целью было удивить всех собравшихся, то он в этом весьма преуспел.

Юный Тардье де ла Водьер со свойственной ему непреклонностью обвинил господина де Пейрака в незаконных действиях, заключавшихся в том, что он провез в Новую Францию иностранные товары без уплаты таможенной пошлины.

— Какие товары? — осведомился интендант.

— Самые всевозможные.

— Но какие же?

Ноэль Тардье сделал знак своему канцеляристу, и тот передал ему лист бумаги, исписанный сверху донизу.

— Картины религиозного содержания, имеющие большую ценность, церковные украшения, предметы культа, предметы ив золота, серебра, слоновой кости, драгоценные камни, ткани, шелка, бархат, ковры, эмали, изделия из перламутра, из черного и палиссандрового дерева, каррарский мрамор и так далее. Кроме того, парфюмерия, табак из Вирджинии и Мэриленда, вина и различные спиртные напитки и

прочее, и прочее. Все эти товары подлежат двойному налогообложению, так как они не только иностранного происхождения, но и являются предметами роскоши. Даже при приблизительной оценке эта сумма весьма значительна, и, не получив ее, колония потерпит ощутимый убыток. Некоторые же предметы требуют тщательной экспертизы, например рака с мощами, так как чтобы определить ее ценность, надо сначала убедиться в ее подлинности.

— Но ведь речь идет о подарках, — вскричал Монсеньер де Лаваль, оскорбленный всем услышанным.

— Нет, извините, о товарах, — смело возразил молодой прокурор.

— А военное снаряжение вы не посчитали? — насмешливо спросил Виль д'Аврэй. — Два иностранных ядра, пробившие дыру в стене дома господина де Кастель-Моржа?

— Я не считаю военное снаряжение, — возразил прокурор. — Но вот корабль, да... на него стоит обратить внимание... Я имею в виду ваш корабль, господин де Виль д'Аврэй.

И поскольку маркиз молчал от изумления, тот продолжал:

— Разве вы сами не говорили, что один из кораблей, стоящих в бухте, принадлежит вам и что это подарок господина де Пейрака?

Виль д'Аврэй побагровел от негодования. В течение некоторого времени Ноэль Тардье мог разглагольствовать в полной тишине, и его звучный и хорошо поставленный голос разносился эхом под сводами, большого зала замка Святого Людовика. Его речь повергла присутствующих в гробовое молчание.

Епископ, обескураженный, спрашивал себя, не является ли все сказанное нападками на церковь и лично на него.

Фронтенак не знал, что и сказать. С того самого времени, как в Канаду прибыл этот многообещающий юный администратор, он не переставал удивлять и тревожить губернатора.

Нахмурившись, купцы размышляли о тех трудностях, с которыми им пришлось столкнуться из-за фанатичного рвения прокурора, и о тех, которые им еще предстоит узнать.

— Но этот корабль я получил в обмен на моего несчастного «Асмодея», потопленного бандитами, — взорвался наконец Виль д'Аврэй, обретя дар речи. — Берегитесь! Если вы ищете со мной ссоры, я потребую возместить мне убытки, которые я понес на службе королю. И, поверьте, это вам обойдется гораздо дороже, чем тот налог, который вы пытаетесь с меня содрать, кровопийца...

— Не хотите ли вы сказать; что речь идет о военной добыче? — спросил прокурор, презрительно выпятив губы.

— Военная добыча! — воскликнул Базиль, ударив обеими ладонями по столу.

С самого начала всех этих пререканий он оставался спокойным, поглаживая подбородок и задумчиво рассматривая Ноэля Тардье, как некое неизвестное животное, причины поведения которого необходимо понять, чтобы сделать его как можно менее опасным.

— Военная добыча! Вот и решение, мой мальчик, — сказал он, похлопав по плечу прокурора, который явно не оценил этот фамильярный жест. — Я не ошибусь, предполагая, что вы не столь озабочены налогами для пополнения государственной казны, как юридическим обоснованием свободного хождения этих товаров, без которого вас могут обвинять в пренебрежении вашими обязанностями и даже в соучастии с нарушителями. Ваше положение не из легких, и мы на вас не в обиде. Мы знаем, что вы такой же, как мы все, и что вам не так

уж хочется платить налог за те восхитительные золотые часы, украшенные эмалью, которые так радуют вашу супругу со вчерашнего дня и ставят ее в ряды виновных. Ваше замечание относительно корабля господина де Виль д'Аврэя доказывает, что вы выбрали путь компромисса, устраивающий всех: «Военная добыча считается трофеем и не подлежит налогообложению».

И Виль д'Аврэй, поняв намерение делового человека, пустился в драматическое повествование, желая показать, сколько битв с пиратами пришлось выдержать его кораблю. Он говорил на редкость убедительно. Трагические события происходили этим летом и были еще свежи в памяти. «Еще немного, и это стоило бы мне жизни...» — что было правдой. Во всяком случае, он потерял свой корабль «Асмодей». Маркиз начал описывать мрачную картину ситуации во Французской бухте, осаждаемой со всех сторон англичанами и пиратами. Но дела Акадии мало интересовали Фронтенака...

— ...Что касается вашего губернаторства в Акадии, то у нас будет специальное заседание по этому поводу, — сказал он Виль д'Аврэю. — Сегодня же наша цель — начать переговоры с мессиром де Пейраком, а мы теряем время понапрасну. Господин де ла Водьер, я вас прошу и я вам советую согласиться с определением, данным господином Базилем, которое, насколько я понимаю, отвечает вашему стремлению снять с себя всякую ответственность и позволяет нам сохранить наши подарки: военную добычу.

— Значит, этот корабль, бесспорно, принадлежит мне? — осведомился Виль д'Аврэй.

— Он является вашей законной собственностью.

И в этой разрядившейся атмосфере интендант Карлон произнес вдруг злополучную фразу. В то время как маркиз начал перечислять те работы, которые он

намерен произвести, чтобы украсить свою «военную добычу», Карлон бросил насмешливо:

— Начните с изгнания злых духов с вашего корабля...

— При чем здесь изгнание злых духов? — заинтересовался удивленный Монсеньер де Лаваль.

Жан Карлон прикусил язык. Разговоры о корабле напомнили ему о тех дьявольских событиях, свидетелем которых он был помимо своей воли, и он произнес эти слова, не думая. Интендант выкрутился из положения, сказав, «что он пошутил», что еще более всех удивило, так как он был человеком суровым, и редко кому удавалось слышать, как он шутит. Маркиз выручил его, сказав, что экипаж корабля состоял из разбойников, бывших, несомненно, нечестивцами.

Епископ воспользовался случаем, чтобы сделать сообщение, которое со вчерашнего дня не давало ему покоя. Он заявил, что с каждым годом в Новую Францию приезжает все больше негодяев обоего пола, учиняющих многочисленные безобразия: разврат, насилие, кражи, убийства, занятия магией и колдовством. Крепкая вера являлась лучшей защитой от этой опасности. Тем не менее для большей надежности он решил в этом году прибегнуть к изгнанию бесов.

Трое членов Совета, бывших людьми набожными, отнеслись к этому одобрительно. Господин де Фронтенак, недовольный, заявил, что епископ мог бы дождаться воскресенья, чтобы сделать это заявление с кафедры. Но Монсеньер де Лаваль, предвидя это, объяснил, что он счел предпочтительным предупредить заранее Большой Совет о своих намерениях, Кроме того, он хотел заявить об этом в присутствии господина де Пейрака, чтобы тот знал, что его действия ни в коей мере не направлены ни против него, ни против его супруги, что это решение было уже давно принято

церковными властями. Зло, подобно проказе, распространялось в Квебеке с неслыханной быстротой. Мужество и стойкость не могли противостоять этой скорости. В последнее время в Квебек, прибыло немало людей, которые, несмотря на их достойное обличие, следовали вредной и извращенной моде и, насаждая ее в Квебеке, пагубно влияли на умы и души. Необходимо было противопоставить этому тлетворному влиянию то оружие, которое традиционно применялось для борьбы с ним.

Граф де Пейрак поблагодарил Монсеньера де Лаваля за его учтивость. Он же, в свою очередь, гарантировал, что все люди, находящиеся под его знаменами, соблюдали как гражданские, так и религиозные законы. Если же они их нарушат, они будут наказаны с той же строгостью, что и на борту корабля.

В заключение епископ сказал, что церемония изгнания бесов будет назначена на субботу, день, отведенный для посвящения в сан молодых семинаристов.

— Ну хорошо! Перейдем же наконец к делу мадам де Модрибур, — заявил Фронтенак, не подозревая, какое смятение вызвали его слова у некоторых присутствующих, заставив биться сильнее их сердца.

Он заговорил об этом непреднамеренно. Ход его мыслей вел от корабля маркиза де Виль д'Аврэя к тому кораблю, что затонул, а затем к мадам де Модрибур, также утонувшей и оставившей на его попечение этих девиц на выданье.

Не подозревая о тех эмоциях, которые он невольно вызвал, Фронтенак продолжал:

— Что же произошло? Когда потонул этот корабль? «Еди...»

— «Единорог», — сказал Гобер де ла Меллуаз.

— Вы в курсе этих событий? — спросил Фронтенак.

— Я в курсе постольку, поскольку мне было сообщено, что прибытие этого судна, зафрахтованного богатой дамой-благотворительницей, герцогиней де Модрибур, ожидается осенью, и члены общества «Святого Причастия» просили господ де Лонгшона, де Варанжа и меня заняться устройством этой дамы в Квебеке. Больше я не знаю ничего.

Итак, оказывается, Амбруазина предполагала отправиться в Квебек, завершив свою разрушительную миссию в Акадии. Она всегда находила людей, готовых предоставить в ее распоряжение деньги и корабли.

— Ну, и?.. — губернатор вопросительным взглядом обвел присутствующих.

Интендант Карлон хладнокровно начал. Он рассказал, как во время своей поездки по Акадии он встретился с графом в графиней де Пейрак, которые готовились к отплытию в Квебек. Они только что подобрали тех, кто уцелел после крушения «Единорога».

— Я был свидетелем тех лишений, которые терпели эти несчастные. Их участь всецело зависела от общества, учрежденного их благодетельницей, мадам де Модрибур. С ее исчезновением, с гибелью корабля, всех вещей и документов они оставались совершенно беспомощными. Они называли себя «дочери короля»...

— Должно быть, есть способ узнать, с кем мадам Модрибур была связана в Париже?

— Каким образом? Остается ждать прихода корабля из Франции весной...

— Одна из девушек, Дельфина, кажется очень разумной, я попытаюсь ее расспросить, — сказала госпожа де Меркувиль.

Господин Обур де Лонгшон взял свою табакерку и начал задумчиво забивать табак в ноздри. Он был так занят своими мыслями, что даже забыл извиниться за это перед губернатором. Действительно, он был крайне

озабочен. Имя де Модрибур не было ему незнакомо. Во время своей последней поездки во Францию он слышал кое-какие нелестные отзывы об этой даме, слывшей несколько экзальтированной и преследовавшей экстравагантные цели.

— Вы хотите сказать, что у мадам де Модрибур не хватало средств для поддержки своих начинаний? — обеспокоено спросил Тардье де ла Водьер.

— Однако граф де Варанж, немного знавший ее в Париже, уверял меня, что мадам де Модрибур унаследовала от своего мужа огромное состояние, — заверил Гобер де ла Меллуаз.

— Но, говорят, семья покойного хотела опротестовать завещание в пользу вдовы?

Гобер не мог ничего точно сказать. Он согласился предоставить свою помощь в устройстве этой дамы в Квебеке, потому что его попросил об этом господин ле Шарье, ведущий дела братства «Святого Причастия» в Париже, человек больших достоинств, член францисканского ордена, заверивший его, что мадам Модрибур поддерживают иезуиты. Не называя имен, он дал понять, что речь шла об очень влиятельных иезуитах, из окружения короля.

Анжелика, беря пример со своего мужа, держалась очень спокойно. Карлону было не по себе, но он старался этого не показывать.

— То, что произошло с мертвыми, нам уже неподвластно, — заключил он. — Нужно решать судьбу живых, то есть этих девушек, прибывших к нам без всяких средств к существованию, без контрактов, без приданого! И мы даже не можем отправить, их назад во Францию, так как время навигации закончилось, и, кроме того, у нас нет уверенности, что там, найдется общество, которое возместит наши расходы.

Последовало несколько весьма неопределенных предложений.

— А почему бы не выдать их замуж, как это было задумано?

— Но ведь у них нет теперь приданого! И где взять на него денег?

Мадам де Меркувиль взяла дело в свои руки. Она предложила выделить из бюджета колонии сто ливров на приданое каждой девушке, не внося этот расход в государственную смету.

Кроме того, необходимо было собрать вещи, необходимые для каждого приданого. Мадам де Меркувиль заявила, что она обратится за помощью к обществам милосердия и в конгрегации.

Канадские женщины не имели слишком много лишнего в своем гардеробе, но тем не менее, каждая могла бы найти какие-нибудь поношенные вещи.

Оставалось найти самое трудное: мужа.

Уроженцы Канады, жизнерадостные бездельники, предпочитали свободу. Чтобы помешать им уходить в леса на промысел пушнины и принудить их создавать семейный очаг, были приняты, суровые законы Если молодой человек, достигший возраста двадцати лет, и девушка — шестнадцати лет, не вступали в брак, их родители должны, были явиться с объяснениями к властям, и их строптивое потомство платило внушительный штраф. В то время, когда «дочери короля» начали прибывать многочисленными партиями, каждый холостяк, не женившийся в двухнедельный срок, лишался права на охоту и рыбную ловлю, а также права выменивать у индейцев бобровые шкуры. Короче говоря, они лишались средств к существованию...

Вспомнив об этих санкциях, мадам де Меркувиль, обладавшая быстрым и изобретательным умом, смекнула, что она может извлечь выгоду из этой ситуации и пополнить свадебную шкатулку каждой невесты, в которой должны быть в соответствии с правилами сотня иголок и тысяча булавок, за счет

скобяного товара, конфискованного у трапперов, нарушивших брачные указы. У них же они возьмут кухонную утварь, и другие предметы, необходимые для молодых супругов: котлы, котелки, ножницы, топоры для рубки дров, ножи, одеяла...

Господин Фронтенак из вежливости долго не перебивал мадам де Меркувиль, но когда та стала перечислять иголки и булавки, Анжелика почувствовала, что он вот-вот взорвется.

— Оставим все эти мелочи, которые так утомляют мужчин, — предложила она деятельной президентше, возглавлявшей дам из братства «Святого Семейства». — Я навещу вас, и мы вместе обсудим все детали. Сейчас самое главное, чтобы Большой Совет одобрил решение о поддержке этих девушек.

Казалось, Совет собирался одобрить постановление. Ноэль де ла Водьер внес последнюю поправку.

— А все ли они «барышни»? — осведомился он. — Приданое в сто ливров предусмотрено только для молодых особ из благородных семейств, бедных, но получивших хорошее воспитание, выдаваемых замуж за офицеров или служащих колонии. Для сирот и воспитанниц Главного госпиталя предусмотрена сумма лишь в пятьдесят ливров...

— Вы способны утонуть и в луже! — вскричал, потеряв терпение, Фронтенак. — Закончим же, наконец! Секретарь, пишите!

Секретарю начали диктовать условия контракта, обязывающего государство обеспечить приданым девушек на выданье.

Вдруг раздался голос:

— И все же нам необходимо знать больше подробностей о затонувшем «Единороге». Действительно ли эта дама умерла? Мы должны быть в этом абсолютно уверены, на тот случай, если ее

наследники или друзья явятся к нам, чтобы получить сведения о ней.

Это вмешался лейтенант полиции Гарро д'Антремон. Этот вопрос находился в его компетенции, и он хотел знать, какая ответственность на него возложена.

Воцарилось, тяжкое молчание.

— Кто был свидетелем смерти мадам де Модрибур? — спросил он.

— Я, — ответил Карлон.

И он продолжал, глядя своему собеседнику прямо в глаза:

— Я видел ее труп, и я могу указать вам ее могилу. Но это нисколько не влияет на то решение, которое мы должны принять относительно устройства ее несчастных спутниц.

Его заявление положило конец обсуждению этой проблемы. Лишь господин Гобер де ла Меллуаз несколько позднее вновь вернулся к этой теме, предложив своим слащавым голосом:

— Скоро мы будем праздновать день Святой Амбруазины. Я предлагаю по этому случаю отслужить мессу за упокой души этой благочестивой дамы, заплатившей столь дорогую цену за свое преданное служение Канаде.

— Алтарь может воспламениться, — шепнул Виль д'Аврэй Анжелике.

Предложение было принято. Члены общества «Святого Причастия» должны будут оплатить расходы на елей и лампады, а также внести свою лепту в приход и на помощь бедным. Никто, казалось, не знал, что герцогиня де Модрибур была связана с отцом д'Оржевалем. Он предоставил другим готовиться к приему той, которая была проклятием его души.

Анжелика вновь была охвачена дрожью, когда услышала, вопрос Гарро д'Антремона: «Действительно ли она умерла?»

Она вздохнула так глубоко, что это было слышно. Все повернулись к ней, и Фронтенак воскликнул:

— Мадам, мы вас утомили. Простите нам все эти пререкания. Но ваше присутствие было необходимо...

— Я ни о чем не сожалею. Я смогла оценить тот груз ответственности, который лежит на ваших плечах...

— О, вы понимаете? Эта ответственность неизмерима...

— Но, по правде говоря, я умираю от жажды...

Тотчас же лакеи принесли стаканы. Большинство членов Совета предпочли пиво, которое в большом количестве производилось на пивоварне с побережья Абрахама. Анжелика попросила лишь стакан воды.

Кто-то произнес: «Здесь можно задохнуться!», и слуги открыли окна, выходящие на террасу. За окном кружились редкие хлопья снега, но повсюду в небе, покрытом облаками, были видны синие просветы. И вдруг горизонт осветился.

Анжелика, пившая маленькими глотками ледяную воду, чувствовала, как силы возвращаются к ней. Индейцы научили ее ценить вкус воды — сока земли, эликсира жизни.

— Вода в Квебеке особенно хороша, — сказал мэтр Базиль, глядя, с каким наслаждением она пьет.

— Вот поэтому и пиво у нас отличное, — вставил Карлон. Он очень гордился своей пивоварней, которую он построил, чтобы не пропадали остатки зерна. Его бочки с пивом экспортировались до самых Антильских островов. Интендант Карлон повеселел, зная, что тяжкое испытание осталось позади. Он выдержал его превосходно.

Глава 26

Заседание Совета продолжалось в более спокойной обстановке. Принесли карты, и Фронтенак наметил ближайшие перспективы на будущее Канады и Акадии, объединенных под общим названием Новая Франция. Это были обширнейшие земли, на которых как бы затерялось то небольшое число французов, объединенных под знаменем с цветком липни. Шевалье де ла Саль продвигался в сторону Миссисипи. Граф де Пейрак поддержал эту экспедицию. Его флот у берегов Акадии служил охраной во Французской бухте, защищая ее от английских мародеров. Во владениях де Пейрака находились серебряные рудники. Ему достались сокровища с затонувших испанских кораблей. Его состояние было огромно.

— К тому же он гасконец, как и вы, — добавил Пьер Голэн ехидно.

Фронтенак не обратил на эту реплику никакого внимания.

В заключение он сказал, что каким-то чудом королевства Франции и Англии в настоящее время не находятся в состоянии войны. Существует опасность, что постоянные распри между французской колонией и государствами Новой Англии приведут к неминуемой войне.

— Подобными действиями мы как бы призываем наших принцев взяться за оружие, — сказал он.

Но члены Совета были гораздо менее заинтересованы этим аспектом проблемы. Их больше волновала опасность установить дипломатические отношения с авантюристом, который, возможно, считался врагом короля.

Господин Обур де Лонгшон, поддерживающий отца д'Оржеваля, взял слово:

— Вам, однако, небезызвестно, господа, что отец д'Оржеваль пользуется доверием короля. Во время своего последнего визита во Францию он имел с ним беседу, и ходят слухи, что он добился тайного согласия нашего монарха продолжать войну с английскими колониями...

— Несмотря на то, что Англия и Франция не воюют в данный момент...

— Возможно, но это не мешает сотням кораблей из Новой Англии мародерствовать во Французской бухте, угрожая благополучию Акадии, как вы сами недавно заметили, маркиз де Виль д'Аврэй.

— Это служит еще одним поводом для заключения отношений с господином де Пейраком, который решил помогать нам поддерживать порядок в этих краях.

— А если отец д'Оржеваль получил приказ короля вести там войну, как я слышал...

— Мессир, — перебил его епископ, — слухи являются слишком зыбкой почвой, чтобы основывать на них принятие наших решений. Излишне будет вам напоминать то, о чем вы знаете. Достопочтенный отец д'Оржеваль взял в свои руки не только Акадию, но и Канаду, то есть целиком всю Новую Францию. Его призыв к войне перешел границы того обычного совета или напутствия, которые вправе давать духовное лицо своим прихожанам. И я получил полномочия епископа именно для того, чтобы снять с господ иезуитов ту временную духовную ношу, которую они сами на себя нагрузили, и предоставить им более свободно заниматься их миссионерской деятельностью.

Сейчас все стало на свои места. Уже с давнего времени они не имеют права ни заседать в Совете, ни вмешиваться в политику правительства колонии.

Моего присутствия достаточно, чтобы представлять здесь Церковь и ее требования. Говоря все это, я ни в коей мере не пытаюсь умалить достоинство тех, кому я обязан своим воспитанием и образованием и с кем я нахожусь в прекрасных отношениях.

Столь четкая и ясная позиция, занятая епископом, заставила на некоторое время зал затихнуть. Никому не хотелось иметь его своим врагом, так как он был способен на самые коварные интриги, когда оспаривалась его абсолютная власть в делах Церкви. К тому же отсутствие отца д'Оржеваля делало его хозяином положения.

Пиксаретт счел момент подходящим, чтобы начать свою длинную торжественную речь, ради которой он, чтобы выказать уважение к губернатору, надел все эти европейские тряпки, нарядные и красивые, но, по его мнению, совершенно неудобные.

Но ради своих друзей он мог и пострадать. Он собирался сообщить им слова разума и мудрости. После всего, что он услышал здесь, они явно в них нуждались.

Именно это он и объявил присутствующим после того, как встал и поприветствовал всех собравшихся в зале в пышных и витиеватых выражениях, столь свойственных стилю индейцев.

Красноречие аборигенов весьма умиляло французов своей естественностью, патетикой и многочисленными образными выражениями. Отсутствие интонации делало их речь монотонной и в то же время звучащей подобно щебетанию птиц в глубине лесов; говоря по-французски, они употребляли множество индейских выражений, знакомых белым людям.

Вот в кратком изложении то, что он сказал:

— Солнце не перестает вращаться в небе. Наступил час, когда мудрые люди, взявшие на себя ответственность за свой народ, должны прекратить долгие разговоры и заняться воссоединением своих сил,

иначе они увязнут в своих собственных рассуждениях, как в тине на дне пруда, и не смогут никогда найти разумное решение.

Вы, белые люди, совершаете ошибку, не куря табак во время ваших собраний. Вы лишаете себя божественной помощи, которую оказывает табачный дым, проясняя ваши мысли и восстанавливая ваши силы, израсходованные в жарких спорах. Вы пренебрегаете отдыхом, который получаете, раскуривая трубку и передавая ее друг другу по кругу. То молчание, которое сопровождает эти две затяжки, можно использовать для внутренних размышлений, для подготовки к ответам на неожиданные вопросы, которые непременно должны возникнуть.

Вы не понимаете, какое состояние покоя и миролюбия охватывает вас, когда вы протягиваете трубку своему врагу, противнику или даже своему другу. Этот простой жест приносит вам облегчение и располагает к союзничеству. Вы не пользуетесь никакой поддержкой во время ваших советов, если не считать водку и вино, приводящих к безумию. Как же после этого не удивляться тому, что вы вскакиваете и начинаете говорить, хотя вам не предоставляли слова, что вы перебиваете друг друга, что вы излагаете свои мысли так, будто они единственно верные.

Я слышал сегодня много глупого и смешного, что заставило меня подумать о болтовне кумушек на городской площади. Но я слишком долго жил среди моих друзей-французов и знаю, что таким странным способом они приближаются к тому главному вопросу, ради которого собрались. Это напоминает тактику одного малочисленного племени индейцев, которые неизвестно почему, собираясь окружить вражескую деревню, начинают пятиться и даже поворачиваются спиной.

Итак, зная вас, я понимаю, что вы не забыли «деревню», которая занимает главное место в ваших мыслях, то есть что мы собрались здесь, чтобы заключить мирный договор с Тикондерогой[4] — человеком, взорвавшим гору, человеком, чья тень легла от океана до восточного побережья, куда ходят промышлять треску. Он встал между нами и англичанами, между нами и ирокезами. У нас впереди либо мир и процветание, либо новые войны.

Я не боюсь войны. Она уничтожит ирокезов, убивших многих моих соплеменников, или этих проклятых англичан, распявших Господа нашего, Иисуса Христа и замучивших столько моих братьев-французов.

Но я знаю, какие разрушения несет война, сколько храбрых воинов погибнет, какая угроза нависнет над нашими племенами из-за свирепой мстительности ирокезов. И еще одно страшное бедствие несет нам война — голод и холод, так как пока идут сражения, мы не можем засеять наши поля и собрать урожай, достаточный, чтобы перезимовать, а также запасти дров.

Поэтому те несчастья, которыми мы расплачиваемся за летние кампании, также побуждают меня содействовать тому, чтобы вы заключили союз с Тикондерогой.

Я не буду долго говорить. Я хотел бы предупредить вас еще только об одном.

Он и его жена обладают бесценными вампумами, которые гарантируют мир с ирокезами на долгие годы. Где бы они ни находились, они или их люди, даже самый свирепый из этих ирокезских собак, встретив их, запоет песнь мира.

Этот договор уже принес свои плоды. Разве хоть один француз, работающий на полях этим летом,

жаловался на нападение ирокезов? Этим летом вы могли спокойно трудиться. На улицах Квебека я слышал разговоры о том, что в этом году было такое милосердное лето, какое и не знали в Новой Франции, когда урожаи не были сожжены и ни один пленник не был угнан ирокезами в рабство.

И я хочу, чтобы вы поняли это. Уттаке, этот кровожадный койот, не отправился воевать, как он это делает каждый год, стремясь собрать урожай скальпов французов, гуронов или же наших абенаков, детей зари, только потому, что Тикондерога встал между ними и вами.

Я закончил.

Он уселся, очень довольный тем почтительным молчанием, которое вызвала его речь, собрал свои деревянные дощечки, порылся в карманах английского сюртука и вытащил оттуда маленькую копченую змею, которую принялся резать на кусочки на краю стола. Затем он покинул свое неудобное место — жесткий трон с прямой спинкой, называемый стулом, на котором он промучился так долго, не имея даже возможности согнуть ноги, чтобы отдохнуть.

Он подошел к камину и уселся возле него на каменном полу, скрестив ноги. После чего принялся есть кусочки змеи, наблюдая краем глаза за тем, какой эффект произвела его речь. Его хитрый взгляд пытался высмотреть того, кто начнет говорить первым, но по опыту он уже догадывался, что они начнут все разом.

Однако его заявление произвело сильное впечатление на собравшихся. Приведенные им факты вместе с тем, что уже было сказано в пользу мирного договора, явно перевесили чашу весов в пользу союза с Жоффреем.

— Твои слова подобны золоту, Сагамор, — начал губернатор, повернувшись к Пиксаретту. — Ты был прав, напомнив нам, зачем мы сюда собрались. Неужели

нам нужно было приглашать индейца, — обратился он к своим советникам, — чтобы подойти наконец к обсуждению главного вопроса?

Советники молчали, и губернатор счел момент благоприятным для того, чтобы начать наступление.

— Я написал королю, — объявил он, — и отправил корреспонденцию с кораблем, отплывшим во Францию в июле. Я постарался как можно яснее описать те события, которые происходят у нас, и те решения, которые я намерен принять. Я упомянул о господине де Пейраке, дабы не оставалось никаких неясностей, и чтобы Его Величество мог правильно все понять.

— Не преждевременно ли было упоминание имени господина де Пейрака? — возразил Обур де Лонгшоф.

Господин Мэгри де Сен-Шамон кашлянул и, не глядя на Пейрака, обратился к нему;

— Мы слышали, мессир, что вы были организатором восстания, в Аквитании приблизительно пятнадцать лет тому назад, и это причинило королю немало хлопот?

— Какая провинция не знала восстаний в те времена? — возразил граф.

Он встал, серьезно и внимательно вглядываясь в лица присутствующих:

— Не являемся ли мы все здесь, в той или иной мере, жертвами немилости короля? — спросил он. — Немилости, которую мало кто действительно заслужил. Но приходится терпеть, так как те смутные времена, так или иначе, всем нанесли урон, который нам не возместили. Король, окруженный меньшинством, тяжело страдал, видя, как против него поднимаются знатные сеньоры, и притом большинство из них — его родственники, такие, как его собственный дядя, Гастон Орлеанский, брат его отца Людовика XIII. Поэтому нас не должно удивлять то, что он затаил глубокое недоверие к могущественной знати из провинции и ко всем тем, кто по его мнений, угрожал трону и единству

Франции. Я, как и многие, испытал на себе тяжесть этого недоверия, хотя оно было абсолютно беспочвенно. Господа, хотел бы вам напомнить, что во времена Фронды я был еще слишком молод, чтобы принимать участие в заговорах. Лишь позже волнения в Аквитании действительно были связаны с моим именем. Я был отстранен от управления этой провинцией, и она, желая быть мне верной, поднялась на мятеж. Но оставим в стороне историю и не будем преувеличивать ее значение. Времена изменились. Кардинал Мазарини, бывший наставником короля в его молодые годы и помогший ему выйти победителем в борьбе с Фрондой, был последним первым министром. Ныне король правит один. Никто не оспаривает его власть. И мы видим, что в Версале он окружил себя теми, кто когда-то поднимал на него оружие. Сегодня же они осыпаны милостями и наградами, так как король забывает то, что он хочет забыть, и даже больше того, что можно было бы ожидать.

Анжелика была восхищена тем, как ловко Жоффрей представил свою защиту в таком свете, что обвинявшие его почувствовали себя в затруднительном положении.

Он подчеркивал очевидный факт: великодушие короля.

Всем было известно, что король столь же безгранично щедр, как и злопамятен. Если он хотел помиловать, то забывал все и осыпал своими щедротами тех, кого недавно принижал.

Глядя на этого дворянина в костюме из красного бархата с алмазной звездой, сверкавшей на его груди, который говорил с ними властно и в то же время сдержанно, все собравшиеся понимали, что Жоффрей де Пейрак оставался последним из тех знатных сеньоров, величие которых король хотел когда-то уничтожить.

Что ж, изгнанный и понесший суровое наказание когда-то, он был теперь более могуществен и свободен, чем другие, те, которые там, в Версале, окованные золотыми цепями, вдалеке от своих родовых поместий, существовали лишь за счет своих титулов и службы при блистательном дворе, где Людовик XIV собрал их, чтобы они были под его присмотром и зависели от его милости.

Господин Мэгри де Сен-Шамон подал голос:

— Ваше послание королю, господин губернатор, открывает совершенно новые перспективы. Увы! Мы узнаем мнение короля лишь по возвращении корабля.

— Мнение короля самое положительное.

Эти слова были произнесены королевским посланником Никола де Бардане, не проронившим до этого ни единого слова.

Собрание замерло. Господин де Фронтенак, казалось, был удивлен больше всех. В недоумении он крутил свои усы. Но он первый понял, что означало это заявление.

— Вы хотите сказать, что ваша миссия в Канаде имеет целью рассмотреть возможности того союза с господином де Пейраком, о котором мы только что говорили?

— В том числе и это, — несколько сухо ответил посланник короля.

Но Фронтенак настаивал:

— Его Величество просило вас информировать его об изменении ситуации в Акадии в связи с присутствием там господина де Пейрака?

— В том числе и это, — повторил де Бардане, который желал оставить некоторую неясность относительно целей своего визита. — По правде говоря, — продолжал он после короткой паузы, — Его Величество больше всего интересует, кто такой господин де Пейрак, короче, мне поручено собрать

точные сведения о нем, о его действиях и его намерениях.

— Ну что ж, — радостно воскликнул Фронтенак, — ну что ж... надо полагать, король уже ознакомился с моим письмом? Ваш отъезд в Новую Францию предопределен тем, что я изложил ему в моем послании?

Члены Совета лихорадочно подсчитывали про себя, сколько времени прошло с момента отправки письма и прибытием королевского посланника.

— ...Как бы то ни было, король в курсе дела. Та поспешность, с которой он ответил на мои письма, доказывает, насколько он в нем заинтересован. Господин посланник, что вам сказал король?

— Государственная тайна. Но тем не менее я могу вам сказать, что Его Величество с симпатией отнесся к вашему проекту. Уже из Тадуссака я написал ему письмо, где изложил мою точку зрения.

— Положительную, я надеюсь, — живо заметил Фронтенак.

Он ликовал.

— ...Вот видите, господа, больше нет сомнений. Его Величество одобряет ту дружественную политику, которую я провожу относительно господина де Пейрака.

— ...Одобрит, может быть... — поправил первый советник Мэгри де Сен-Шамон.

Но его пессимизм никто не поддержал.

Посланник короля дал понять, что монарх относится благосклонно к политике мирной экспансии. «Почему бы этому Никола де Бардане не сказать об этом раньше?» — думали члены Совета. Им бы не пришлось терять так много времени.

Господин де Шабли-Монтобан, чей изощренный нюх сразу же чувствовал малейшую любовную или чувственную подоплеку, подумал, что красота мадам де

Пейрак такова, что, увидев ее однажды, вряд ли любвеобильный Людовик XIV мог остаться безразличным.

Итак, они выиграли. Де Бардане почти невольно помог им в этом.

В том, что он сказал, прозвучала воля короля. А для этих людей это было единственное, что имело значение, — воля короля. Анжелика посмотрела на большую картину, висевшую над камином и изображавшую монарха.

Для нее он стал чем-то вроде мифа, каким-то смутным воспоминанием.

Постепенно она забыла его человеческую сущность. И здесь, в замке Святого Людовика, он вновь вернулся к ней, она вспомнила его темные глаза, которые по его желанию могли казаться тусклыми, но блеск которых был так красноречив, когда король сгорал от желания.

Когда-то он хотел сделать ее королевой Версаля. Мадам де Меркувиль, решив, что главные дебаты остались позади, сочла момент весьма благоприятным для того, чтобы поговорить о своих проектах развития ткацкого ремесла. В стране сеяли лен и выращивали овец. Женщины, не имеющие зимой никаких занятий, могли бы ткать простыни и одежду для семьи. У нее была просьба к Совету относительно двух пленных англичан, находящихся в деревне у гуронов. Ей сказали, что эти два пленника из Бостона знали секрет окраски ткани. Она хотела, чтобы интендант Карлон дал приказ, позволяющий этим людям прибыть в Квебек, чтобы научить своему искусству местных жительниц.

— Господин Гобер де ла Меллуаз, — сказала она, — часто пользуется их услугами.

Но Гобер де ла Меллуаз, скрестив свои пальцы, обтянутые на этот раз перчатками цвета зеленого миндаля, заметил, что эти люди весьма глупые и неразговорчивые, как и все представители низших

слоев англосаксонской расы, никогда не выдадут свой секрет и что она ничего не добьется.

— Они не знают ни слова по-французски.

— Но я знаю английский.

— Будьте уверены, что их хозяева индейцы добровольно не расстанутся с ними даже на неделю.

— Господин интендант Карлон пошлет им приказ.

Гобер де ла Меллуаз снисходительно улыбнулся. Он заверил, что ему одному известен способ уговорить индейцев и заставить время от времени их английских рабов изготовлять краску, состав которой они никому не откроют.

— Вы просто-напросто хотите оставить их для себя! — негодующе воскликнула мадам де Меркувиль.

Видя, какой оборот начинает принимать этот разговор, Фронтенак решил объявить заседание закрытым.

Сегодня они хорошо потрудились.

Он встал, и остальные последовали его примеру.

— А! Моя нога, — вскричал господин де Кастель-Моржа. Никто уже не обращал внимания на эти восклицания, которые время от времени боль вынуждала делать несчастного военного губернатора.

Он извинился перед дамами.

— Это ваши старые раны причиняют вам такие страдания? — спросила Анжелика.

— Нет, если бы так! Это было бы более почетно. Это болезнь, которую я нажил во время зимней кампании против ирокезов.

Анжелика уже собиралась посоветовать ему мазь, рецепт которой она знала — плоды рябины, ароматическая смола и козье масло смешиваются с настоем травы безвременника. Применяемое в правильных дозах, это лекарство было чудодейственным. Но Анжелика промолчала. Не без

сожаления оставила она бедного Кастель-Моржа с его страданиями.

Она дала себе слово из осторожности не обнаруживать свои знахарские способности. От знахарки до колдуньи один шаг.

Решив изображать в Квебеке знатную даму, модную и изысканную горожанку, она старательно стремилась стереть тот наивный и опасный образ, который помимо ее воли сложился в воображении людей и проявление которого могло ей дорого обойтись.

***

Пробило полдень. Монсеньер де Лаваль прочел молитву и на этом Большой Совет торжественно закрылся. Его участники небольшими группами направились в вестибюль.

Анжелика подошла к Никола де Бардане.

— Я хочу поблагодарить вас за ваше сегодняшнее выступление, — сказала она ему.

Он ответил ей долгим взглядом. Выражение его лица растрогало Анжелику, она поняла, что уже одной этой фразой она отблагодарила его стократ.

— Сколько в вас жизни! — сказал де Бардане. — Я смотрю на вас, и мне кажется, что это именно то качество, которое так понравилось мне еще в Ла Рошели. Ваш азарт, тот пыл, который сопровождает все, что бы вы ни делали, ваше умение найти правильное решение. В Ла Рошели я был поражен тем, с какой страстью и отвагой вы защищали гугенотов, не думая, какие это будет иметь для вас последствия.

В те времена мне очень хотелось знать, какого цвета ваши волосы, которые вы так тщательно прятали под чепцом служанки. Теперь я знаю, — сказал он, останавливаясь на пороге и глядя на нее. — Вы похожи на прекрасную фею...

Робким движением он слегка прикоснулся к ее светлым золотистым волосам. На какой-то момент ему

показалось, что они одни на всем белом свете. Но к ним приближался граф де Ломени, и де Бардане, поцеловав руку Анжелике, отошел в сторону.

Жоффрей де Пейрак задержался, беседуя с губернатором и с неким Морийоном, заместителем интенданта.

Виль д'Аврэй, покидая замок, рассказывал трем первым советникам о том, как он собирается обновить и украсить свой новый корабль.

— Я надеюсь, вы дадите ему не такое языческое название, как вашему первому кораблю, — вздохнул господин де Сен-Шамон.

— Я назову его «Афродита»... И я собираюсь попросить столяра ле Бассера сделать скульптуру для носовой части корабля: Афродиту, выходящую из пены морской... Это хоть немного отвлечет его от дарохранительницы.

Во дворе солдаты гвардейского корпуса, поставив в угол свои ружья, собрались вокруг костра, над которым висел котелок. Его содержимое распространяло аппетитный запах. В этот час из всех домов вкусно пахло приготавливаемым обедом. К запаху жаркого из дичи, рагу или свежевыпеченного хлеба примешивался запах горящих дров, и хотя все двери и окна были наглухо закрыты, звук оловянных ложек проникал на улицу.

Члены Большого Совета торопливо расходились по домам, так как после долгих дискуссий у них пробудился отменный аппетит.

Мадам де Меркувиль по дороге продолжала спорить с господином Робером де Меллуазом, решив во что бы то ни стало заполучить этих двух пленных англичан.

Шедшая позади нее Анжелика услышала, как Жоффрей говорил господину Базилю: «Я вам очень признателен. Мне известно, что ничего не происходит без вашего участия».

Купец обогнал их, приветственно приподняв свою меховую шапку, и удалился, держа руки в карманах сюртука из тяжелого коричневого драпа, отделанного по воротнику, манжетам и краям карманов мехом норки. Обутый в индейские сапоги, он шел, ступая одновременно тяжело и быстро, походкой, характерной для жителей этого края. Выходя за ворота, его приказчик обернулся и заговорщицки им подмигнул.

Жоффрей взял Анжелику под руку. Испанцы, ожидавшие их во дворе, пошли впереди них.

Монсеньер де Лаваль, чья величественная фигура в лиловом облачении возвышалась среди окруживших его черных сутан, поглядывал в сторону семинарии, где его ждал вкусный обед.

Во время сегодняшнего заседания Анжелика была поражена одним обстоятельством, показавшимся ей весьма примечательным, а именно: каждый из этих господ претендовал на абсолютную власть в Квебеке.

Губернатор? Интендант? Епископ? Базиль, тайный советник? Иезуиты, державшиеся в тени? Королевский прокурор? Приказчик?

— Кто же правит здесь? — спросила она Жоффрея.

— Они правят все... — ответил он.

Глава 27

Анжелике надо было выбрать по совету епископа святого покровителя. Она отправилась в «Корабль Франции» и рассказала Польке о своем визите к Монсеньеру де Лавалю.

— Выбери Всевышнего, — посоветовала та. — Помнишь, как наши в Париже молились той статуе Всевышнего, что стояла на углу улицы Пьер-о-Беф, в предместье Сен-Дени? Ха-ха-ха! Проклятия и богохульства...

Но тотчас же после этой вспышки грубоватого веселья она перекрестилась и вновь стала серьезной.

— Над такими вещами не смеются! Нет, с этим покончено! Да простит меня Бог! Прошлое забыто. Теперь я часто хожу на исповедь. Ведь я не хочу гореть в аду.

Иногда Анжелика с изумлением глядела на свою бывшую подругу, ей казалось, что это не та Полька, с которой они пережили вместе так много ужасного.

Анжелика поинтересовалась, когда же она сможет познакомиться с господином Гонфарелем, чье имя она так часто повсюду слышала.

В это время какой-то неожиданный шум в порту привлек их внимание, и они вышли на порог.

На улице мало-помалу собиралась толпа. Люди смотрели в сторону реки, где две огромные баржи тащили за собой корабль, который был без мачт и накренился в сторону так, что казалось, вот-вот его поглотят воды реки.

— Но это же «Сан-Жан-Баптист»! — вскричала Жанин Гонфарель.

— Его собираются потопить, — сказал кто-то из толпы. Ужасная мысль, как молния, пронзила Анжелику

— медведь, мистер Виллагби, бывший на борту!

В недрах корабля ученый медведь Элии Кемптона устроил себе берлогу для зимней спячки, и вот теперь эту негодную посудину отправляли в открытое море, чтобы там потопить.

Так же, как и Полька, но по совсем другой причине она застыла в молчании.

Затем хозяйка «Корабля Франции» начала призывать собравшихся людей помешать происходящему. Из ее возмущенных слов, сопровождавшихся потоком ругательств, становилось понятно, что ока и ее муж были частично владельцами «Сан-Жан-Баптиста», что для них это было целое состояние и теперь они будут разорены...

Жанин Гонфарель сорвала с себя чепец и, размахивая им, побежала по набережной, подавая сигналы кораблю. Среди любопытных, собравшихся на площади, одни усмехались, другие не слишком сочувственно покачивали головами.

— Это чума, а не корабль, — говорили одни.

— Но он принадлежал мне, — возражала Жанин Гонфарель.

— Его решили потопить.

— Кто это решил? Какой еще ублюдок сыграл со мной такую дурную шутку? Это прокурор, я уверена... Или майор. Нет, это ле Башуа, очень на него похоже... Если бы иезуит был здесь... Маркиза, сделай же что-нибудь, прошу тебя, — сказала она вполголоса, подходя к подруге. — Я не могу пойти к губернатору, но, может быть, твой Меченый вмешается? Они все у него в руках. Это нельзя так оставить.

— Да, ты права. Это нельзя так оставить, — повторила Анжелика в полном отчаянии.

Она огляделась, ища кого-нибудь, кто мог бы ей помочь. К счастью, она заметила, как к берегу причалила большая лодка с «Голдсборо» с людьми под

командованием старшего матроса Ванно. Анжелика поспешила им навстречу. Ванно сообщил ей, что граф де Пейрак должен был находиться в городе.

— Я попробую его найти, — сказала она матросу, — но пока что сделайте все, что в ваших силах, чтобы не допустить затопления «Сан-Жан-Баптиста». Выиграйте время! Кто бы ни дал приказ потопить корабль, будь то хоть сам губернатор, я беру ответственность на себя. Я уверена, что это недоразумение.

И она побежала по направлению к замку Монтиньи, теперь расстояние до него казалось ей далеким, к тому же Анжелика вовсе не была уверена, что найдет там своего мужа. Поднимаясь по улице Склон Горы, она смотрела во все стороны, пытаясь увидеть Пиксаретта, быстрые ноги которого ей бы так пригодились сейчас.

Карета, не без труда взбиравшаяся позади нее по улице, поравнялась с Анжеликой. Это был очень нарядный экипаж. На дверце кареты красовался вензель, а на окнах были атласные занавески с золотой бахромой.

Когда экипаж обогнал ее, очаровательное личико Беранжер-Эме Тардье де ла Водьер показалось из-за бахромы занавесок.

— Мадам, что случилось? Отчего вы так встревожены?

— Я разыскиваю моего мужа, — ответила Анжелика, упрекнув себя за то, что выглядит озабоченной, так как это делало ее смешной. Ей все время казалось, что в глазах мадам де ла Водьер она видит какой-то насмешливый блеск.

— Господина де Пейрака? Я думаю, что знаю, где его можно найти, — сказала она со значительным видом.

Лакей, соскочивший на землю, уже открывал перед Анжеликой дверцу кареты. Анжелика уселась, и

экипаж, скрипя всеми рессорами, продолжил свой путь. Копыта лошадей скользили по булыжной мостовой.

***

Мадам де ла Водьер краем глаза рассматривала Анжелику, не скрывая того удовольствия, которое она испытывала, находясь с ней рядом. Беранжер-Эме была в самом деле очаровательная женщина, скорее хорошенькая, чем красивая. Ее манера держаться с некоторым вызовом позволяла предполагать, что она была не робкого десятка и что жизнь не пугала ее своими трудностями.

Она приложила известное старание, добиваясь того, чтобы ее называли ее полным именем: Беранжер-Эме. У нее был серебристый смех, которым она смеялась часто невпопад. Это была ее манера обезоруживать собеседника. С ней не осмеливались разговаривать о серьезных вещах из боязни, что неожиданный смех превратит все сказанное в нелепость. Но в то же время это создавало вокруг нее атмосферу легкости и непринужденности. Зато она была мастерицей задавать вопросы. Они еще не успели проехать и полпути, как Анжелика рассказала ей, зачем она так срочно разыскивает своего мужа.

— Но почему вас так беспокоит судьба этого корабля? — удивилась Беранжер.

— Ведь он принадлежит Жанин Гонфарель, — ответила Анжелика. Этот ответ еще больше удивил мадам де ла Водьер.

— Но какое вам дело до этой вульгарной женщины?

Она так наивно поднимала свои тонкие брови и округляла темные простодушные глаза, что тут же хотелось дать ей подробные объяснения.

Анжелике с великим трудом удалось сдержаться и не раскрыть ей свою тайну, а также тот страх, который внушала ей участь мистера Виллагби. Она сумела

ограничиться тем, что повторила о необходимости поставить в известность господина де Пейрака.

— Не беспокойтесь, он будет поставлен в известность, — заявила Беранжер покровительственным тоном. — Но нужно признать, что наш граф не из тех, кого можно легко застать дома. Чтобы встретиться с ним, мне приходится вертеться, как флюгер. Мне говорят: «Он там». Я бегу туда — его и след простыл.

Анжелика отметила про себя, что менее чем за три дня Жоффрей стал уже для этих дам «нашим дорогим графом» и что по наивности или преднамеренно мадам прокурорша не скрывала, что она бегает за ним.

— ...Ваш супруг так любезен! Посмотрите, вот часы, которые он мне подарил.

Кончиками пальцев она указала на драгоценную безделушку, висевшую у нее на шее на черной бархотке и лежащую как раз между приподнятыми очень высоким корсажем округлостями ее груди. Тонкий прозрачный шарф, накинутый сверху, не скрывал ее прелестной полноты.

Разговаривая, молодая женщина не переставала внимательно разглядывать встречающихся им прохожих. Вдруг она воскликнула:

— Ах! Вот кто наверняка сможет нам помочь.

Она позвала, и перед окошком кареты возникло лицо раба-индейца мадам де Меркувиль. Шрам, оставленный цветком лилии, идущий от угла рта, придавал его лицу постоянно улыбающееся выражение.

— Этот мальчик знает все о каждом, — сказала мадам де ла Водьер. — Но он очень своенравный. Надо знать, как к нему подойти.

Последовал обмен вопросами и ответами, из которых Анжелика ничего не поняла. Затем мальчик прыгнул на козлы рядом с кучером. Мадам де ла Водьер

с решительным видом приказала трогать и ободряюще кивнула Анжелике.

По дороге она рассказывала Анжелике о племени панисов, единственном среди индейцев Новой Франции, которых брали в рабство. Они жили в очень дальних, труднодоступных районах, и индейцы, захватив их в плен, продавали затем белым людям.

Анжелика, рассеянно слушая ее, думала о мистере Виллагби, с трудом сдерживая нетерпение.

Через Фабричную улицу карета выехала на Соборную площадь.

Индеец спрыгнул на землю, убежал и вскоре появился, подпрыгивая в военном танце. Таким образом он давал понять, что они нашли то, что искали. Мадам де ла Водьер ликовала:

— Все именно так, как я и думала! Господин де Пейрак у иезуитов.

— У иезуитов!

Но Беранжер-Эме уже выходила из кареты.

Чтобы подойти к зданиям, где размещались отцы иезуиты, находившимся напротив собора, но с другой стороны площади, необходимо было перейти ручей.

Таким образом, попадая во владения иезуитов, вы будто переходили границу иностранного государства. Большие красивые деревья охраняли вход на территорию, где находились каменные строения, принадлежащие обществу иезуитов: церковь, колледж, монастырь, дом для гостей, фермы, коровники и конюшни. Только что было закончено строительства новой церкви, примыкающей к колледжу.

Епископ давно хотел увеличить собор, красивый и просторный, но имеющий лишь одну башню, в то время как новая церковь иезуитов, с двумя замечательными по своей архитектуре башнями, гордо возвышалась над деревьями, окружавшими ручей, и как бы бросала

вызов, глядя на собор стрельчатыми окнами, похожими на широка распахнутые спокойные глаза.

Мадам де ла Водьер быстро вела за собой Анжелику и предпочла войти не через главные ворота, а через маленькую боковую дверь, ведущую во внутренний двор.

— Мы ищем господина де Пейрака, — бросила она на ходу одному из братьев, вышедшему из коровника с двумя ведрами молока. Из-под его длинной черной монашеской одежды виднелись деревянные башмаки.

Это «мы» раздражало Анжелику.

Мадам да ла Вольер, казалось, хорошо знакома с этими местами. Она не испытывала ни малейшей робости. В отличие от нее, Анжелика с некоторой неуверенностью переступила порог вестибюля, вымощенного плитами, в котором находилось лишь одно большое распятие у стены и кропильница у входа.

Беранжер окунула в нее кончики пальцев с тем покаянным и одновременно игривым видом, который был верхом женской грации и лицемерия. Она обладала бесспорным очарованием, в котором сочетались набожность и шаловливость. Такими изображали некоторых ангелов, окружающих трон Всевышнего.

Глядя на нее, Анжелика вспомнили, что мадам де ла Водьер тоже была гасконского происхождения, родом из Окситании, той части Аквитании, солнечной и мятежной, где люди часто имеют свое представление о религии и относятся совсем иначе к обрядам и верованиям.

Когда-то, когда Анжелика впервые приехала в Тулузу из своего родного Пуату, она была ошеломлена пылким нравом этих людей, чьи характерные черты так ярко воплотились в благородной натуре Жоффрея де Пейрака: изящество, ум, независимость, страстность. И в то же время вспыльчивость сочеталась в них с нежностью и тонкой иронией.

В то время ей показалось, что прекрасные дамы Лангедока, с черными глазами, дерзким смехом и огненными страстями, насмехаются над ней — белокурой и сдержанной. Ей стоило немалого труда завоевать свое место среди них.

И вот, не смешно ли, эта сумасбродная Беранжер пробудила в ней те давние и полузабытые ощущения.

Ученик, одетый в черное, проводил обеих дам в просторную приемную. Зная о цели их визита, он удалился, чтобы узнать, действительно ли господин де Пейрак находился здесь.

Комнату согревала печь, привезенная из Англии. На стенах висело множество картин, и среди прочих — портрет Игнатия Лойолы, испанского офицера, который почти столетие тому назад основал свое знаменитое воинство Христовых солдат. В нише, где мерцала лампада, находилась его посмертная маска.

Беранжер расхаживала по комнате и с интересом рассматривала картины, написанные с религиозным вдохновением и большим талантом.

На одной из них была изображена смерть Георгия Ваза, проповедника из Африки, в тот момент, когда, собрав последние силы, он благословляет негров из Конго, собравшихся у его смертного одра. Другая изображала отца Франсуа-Ксавье, стоящего среди китайцев в Сан-Шеу и оживляющего утонувшего ребенка. Этот священник был одним из первых шести иезуитов, сподвижников Лойолы, и так же, как и он, канонизирован Папой Грегуаром XV. Его праздник недавно отмечался, и потому перед картиной стояли серебряные вазы с большими букетами бумажных цветов. В комнате царила особенная тишина. Атмосфера была здесь совсем иная, чем в семинарии. Более углубленная. Удивительный покой, несмотря на присутствие детей в классных комнатах. Закрыв двери, вы ощущали себя будто в крепости. Здесь

странствующие миссионеры находили отдых, вернувшись после опасных и утомительных экспедиций. После бесконечного путешествия в лодках-каноэ, дыма и насекомых в индейских хижинах, они обретали покой в своих побеленных известью кельях, наслаждались общением со своими братьями по вере. Здесь они писали свои знаменитые донесения, столь ожидаемые во Франции.

Здесь бывали неординарные личности, способные к левитации, передаче мыслей на расстоянии, обладающие даром предвидения.

Анжелике пришло в голову, что отец д'Оржеваль вполне мог бы спрятаться в этих стенах, выжидая, когда наступит его час.

Именно в этот момент она услышала тихие шаги за спиной и, обернувшись, увидела, что в дверь, скрытую ковром, вошел иезуит.

Несмотря на полумрак, она сразу же узнала его светлую бороду и слишком белую кожу.

Поскольку он стоял неподвижно и молча, Анжелика обратилась к нему с приветствием:

— Я полагаю, что мы уже встречались в Акадии? Вы — отец Филипп де Геранд, не так ли? Коадъютер отца д'Оржеваля?

Он утвердительно кивнул в ответ. Взгляд его слишком светлых глаз стал жестким. Наконец его губы зашевелились, и он как бы выдохнул:

— Из-за вас он должен умереть.

Он отступил назад и, будто призрак, растаял в полутьме.

Вернулся семинарист, сказав им, что действительно господин де Пейрак находится здесь.

Они прошли по длинному коридору, и их провожатый постучал в самую последнюю дверь из массивного дерева. Они очутились в просторной комнате, которая, судя по обилию книг, была

библиотекой. Повсюду стояли сотни книг самой разной величины. Некоторые из них были высотой с пятилетнего ребенка. В тот момент, когда они вошли, один из этих гигантских томов в кожаном переплете был только что возложен на деревянную подставку, и над ним склонились граф де Пейрак и несколько отцов иезуитов.

Они взглянули на вошедших, и Анжелика узнала в одном из них отца Мобежа.

Комната поражала обилием находившихся в ней научных приборов и инструментов большой ценности. Медные астролябии и астрономические циферблаты, небесные и земные глобусы, тригонометрии... На маленьком столике среди луп и компасов стоял раскрытый астрономический несессер, представляющий собой восьмиугольную шкатулку из дерева, инкрустированного позолоченным серебром.

На его откинутой крышке была изображена миниатюрная географическая карта, выполненная яркими красками по эмали. Множество различных предметов: маленькие солнечные часы и лунный циферблат, таблица широты и долготы и так далее находились вокруг несессера. Анжелика вспомнила его среди подарков, которые граф де Пейрак привез в Квебек.

Только в Квебеке можно было допустить вторжение двух дам в этот храм науки: но, вдали от метрополии, дистанция между отдельными классами и слоями общества соблюдалась не так строго.

— Простите мне, достопочтенные отцы, — весело заговорила мадам де ла Водьер, — но я вынуждена прервать ваши ученые беседы, так как моя подруга, мадам де Пейрак, разыскивала своего супруга по всему городу...

Выразив свое сожаление по поводу причиненного беспокойства, Анжелика быстро изложила суть

происшедшего, объяснив, что требуется вмешательство графа де Пейрака, чтобы спасти корабль от затопления. Жоффрей был слегка удивлен.

— Эту дырявую калошу? — спросил он. — Но какое это имеет значение, ведь она мне не принадлежит.

— Но там медведь, — воскликнула Анжелика. — О! Жоффрей, нужно спасти мистера Виллагби.

***

И медведь был спасен!

«Сан-Жан-Баптист» пригнали к берегу, и он нашел свое пристанище в заброшенной гавани.

Несчастный Элие Кемптон, прятавшийся в замке Монтиньи, испугался, решив, что его, пуританина из Коннектикута, заменили в ловушку в этом папистском городе, когда люди с «Голдсборо» повели его навестить его незадачливого друга.

Медведь спал непробудным сном, и его нисколько не потревожила прогулка по реке. Элие Кемптон оставил для него коренья и клубни, чтобы он мог подкрепиться, когда проснется.

Этим вечером в дверь дома маркиза де Виль д'Аврэя постучался широкоплечий, крепко сбитый человек. В одной руке он держал свою шапку, в другой — плетеную корзинку с тремя головками сыра.

Ужин подходил к концу, и Господин Кот, как всегда, устроился среди блюд с остатками кушаний.

Анжелика уселась на том знаменитом канапе, все секреты которого ей еще не были известны. Рядом с ней находился граф де Пейрак.

Этот вечер напоминал Анжелике то, как они собирались прошлой зимой в форте Вапассу. Жоффрей был рядом, их окружали друзья, зимовавшие вместе с ними, — граф де Ломени и господин д'Арребуст; звонкие голоса детей врывались временами в шум их беседы. Пиксаретт курил свою трубку, усевшись на полу на расстеленной возле камина шкуре.

Человек, стоявший на пороге, представился как Бонифас Гонфарель.

Большинство присутствующих его давно знали, но Анжелика с интересом рассматривала человека, связавшего свою судьбу с Полькой и помогшего ей выбраться из нищеты.

Если когда-то он и сидел в тюрьмах Руана и какое-то время выполнял позорные обязанности палача, то теперь благодаря воздуху Канады и своему общественному благополучию он приобрел вид наичестнейшего человека в мире.

Он был одет как зажиточный горожанин, но его грубые башмаки и колпак, который он держал в руке, выдавали его простую душу, не испорченную нажитыми деньгами.

— Мессир, — сказал он, обращаясь к де Пейраку почтительно, но с достоинством. — Я пришел поблагодарить вас за то, что вы спасли мое имущество. Без вас я понес бы ощутимые убытки. Я и так потерял уже часть тех товаров, что были на том несчастном корабле. Однако те, кто хочет меня разорить, решили довести это дело до конца и потопить его, даже меня не предупредив. Вы помешали им сыграть со мной эту злую шутку. Смею вас уверить, я никогда этого не забуду. Мессир, отныне я — ваш преданный слуга, так же как и все мои друзья и родные. Я буду счастлив, если представится возможность доказать вам мою преданность.

Пейрак поблагодарил его. Он был рад, что обстоятельства позволили ему оказать услугу одному из самых уважаемых граждан города.

— Ну что ж, в конце концов «Сан-Жан-Баптист» вполне может обрести вторую молодость. Если вы согласны, мы поступим следующим образом. Завтра я пошлю туда насосы, и, откачав воду, мы отбуксируем его с помощью моих двух яхт «Рошле» и «Мон-Дезер»

вверх по течению реки до Силлери, где я начал строительство сухого дока и помещения для экипажа охраны тех судов, что будут там зимовать. Пока что он продержится во льду, а весной мы посмотрим, что с ним можно сделать...

Анжелика рассеянно слушала эту беседу, подводя итог прошедшего дня. Большой Совет утром, затем визит к Польке, поездка к иезуитам с Беранжер, спасение медведя — все это заканчивалось тремя головками сыра с Орлеанских островов, принесенных в подарок бывшим палачом.

Глава 28

Последние отъезжающие из Квебека в Монреаль собирались в бухте Со-О-Матело у подножия высокой горы на улице, носящей то же имя. Уже скоро лед сжует реки и сделает невозможным плавание по водному пути, соединяющему три города Новой Франции: Три-Реки, Монреаль и Квебек. Река Святой Лаврентий — единственная дорога, пролегающая между ними.

Итак, жители Канады прощались друг с другом на долгие месяцы.

Путешественники группами собирались на набережной. Ярко светило солнце, и сильный ветер гнал по небу свинцовые тучи. Святой Лаврентий, отражая переливы облаков, все еще свободный, упрямо катил свои воды на юго-запад.

«Дорога, которая идет сама» — называли индейцы эту реку-море.

Бурная, с подводными течениями, с коварными скалами, погубившая множество кораблей и унесшая несчетное количество человеческих жизней, она была тем не менее любима всеми, и путешественники, ожидающие отплытия, радостно и оживленно переговаривались на набережной.

Анжелика, сопровождаемая господином Тиссо и его помощниками, несшими корзины с провизией, пришла сюда, чтобы попрощаться с м-ль Буржуа и ее девушками.

Дети также пришли с ней, как и Иоланта с Адемаром, оба юных пажа, Элуа Маколле и Пиксаретт, вновь одетый в свою медвежью шкуру, с томагавком и луком. В толпе провожающих, как всегда, было много индейцев.

Здесь был и маркиз Виль д'Аврэй, которого всегда можно было увидеть там, где происходило что-либо интересное. Он подошел к Анжелике, показывая ей тех, с кем она еще не была знакома. Маркиз указал ей на мадам ле Башуа, о которой ей приходилось слышать как о женщине, замечательной со всех точек зрения. Она пришла в сопровождении обеих дочерей и зятьев, а также их детей. Рядом с ними стояли господа де Шабли-Монтобан и Ромэн де Лобиньер, первый, имевший виды на старшую, почти достигшую возраста старой девы, что было редкостью в Канаде, второй, ухаживающий за младшей — очаровательной брюнеткой лет восемнадцати. Мадам ле Башуа смеялась, отпускала остроты, и вокруг нее сразу же собралась толпа поклонников.

Господин д'Арребуст пробрался к м-ль Буржуа, чтобы вручить ей письма для его жены, Камиллы д'Арребуст, посвятившей свою жизнь Богу, ушедшей в монастырь и жившей в затворничестве в Виль-Мари, проводя все свои дни в молитвах и умерщвлении плоти.

Две большие лодки подошли к набережной. На корме каждой из них был натянут тент, защищающий детей и женщин в случае плохой погоды.

Анжелика увидела семью новых иммигрантов, с которыми она вместе дожидалась аудиенции в приемной епископа. Одетые в удобные плащи и сапоги, они имели уже более жизнерадостный вид. Они высадятся на берег, недалеко от того прихода, где находится поместье их сеньора. Зиму они проведут в доме какого-нибудь местного жителя, осваиваясь с трудностями канадского быта, а с приходом весны начнут обрабатывать землю и строить свой собственный дом.

Возвращался в свое поместье на берегу реки и молодой сеньор, лет двадцати на вид, в сопровождении своей супруги, которой едва ли минуло семнадцать. Они

горячо благодарили господина де Берньер, бывшего директором семинарии и кюре в Квебеке, который удостоил их чести, крестив их новорожденную дочь.

Молодая женщина приезжала летом рожать в Отель-Дье в Квебеке.

В течение всего времени, пока на лодки грузили всевозможные ящики, сундуки, бочки, этот симпатичный сорокалетний священник держал с материнской заботой младенца на руках.

Нежно глядя на дитя, он давал его молодой матери многочисленные советы. Молодая чета приходилась ему дальней родней — они были потомками одной из самых известных семей в Нормандии. Он хотел, чтобы дитя назвали Журдэной, как одну из его тетушек, сестру его дяди, Жана де Берньера, друга мадам де ла Петри, одной из основательниц Канады.

Виль д'Аврэй долго не отпускал м-ль Буржуа. Анжелика уже решила, что ей не удастся сказать ей хоть несколько слов на прощание. Держа за руку Керубина, маркиз болтал без умолку, не обращая внимания на остальных .

— Я не хочу отдавать его на воспитание ни к иезуитам, — говорил он, — ни даже к этим господам из семинарии...

— В любом случае он еще слишком мал, чтобы браться за учебу, — отвечала м-ль Буржуа.

— Это правда. Я хотел бы отдать его такой воспитательнице, как вы, матушка Буржуа, ведь ему нужно сделать карьеру.

— Что значит «нужно»? И какую карьеру? — прямо спросила м-ль Буржуа.

— Королевского пажа. Ни о какой другой не может быть и речи. Но я хотел бы отправить его во Францию, когда ему исполнится восемь-девять лет. А до того времени предоставить его Марселине, его матери? Ни за что! Она прекрасная женщина, я ее обожаю, но ведь

она не имеет никакого понятия о воспитании, живя в глуши Французской бухты. Я не могу допустить, чтобы из него вырос такой же неотесанный олух, как все остальные братья Дефур... Ни за что!

Барон Вовенар, житель Акадии, так же как и Гран Буа, также находились здесь. Оба воспользовались своим пребыванием в Квебеке, чтобы найти себе жен.

Вовенар ухаживал за богатой и привлекательной вдовой, прозванной Кружевницей, так как она была из Фландрии и занималась этим тонким ремеслом. Она жила на той же улице, что и маркиз де Виль д'Аврэй, и Анжелике часто приходилось видеть ее за плетением кружев, когда она проходила мимо ее окна.

— Итак, вы перед всем миром объявили Керубина вашим сыном? — спросила Анжелика маркиза, когда тот подошел к ней.

— Ну, с матушкой Буржуа бесполезно притворяться. Она с первого взгляда все поняла... И он ведь в самом деле так на меня похож... — сказал он, разглядывая Керубина.

— Ну и что она вам посоветовала, чтобы успокоить вашу отцовскую тревогу?

— Предоставить его вашим заботам... что я и собираюсь сделать.

Теперь с Маргаритой Буржуа разговаривал Элуа Маколле. Видно было, как она его наставляла вполголоса, а он покорно кивал своей красной шапкой.

Затем господин д'Арребуст вручил м-ль Буржуа приготовленное письмо. Анжелика слышала, как он попросил:

— Скажите ей, что я ее люблю...

— А почему бы вам самому не поехать и сказать ей это? — возразила монахиня.

Из-за шума Анжелика не расслышала его ответа, но вдруг она увидела, как д'Арребуст возвращается, крича: «Я уезжаю!»

Он отправил своих слуг за несколькими самыми необходимыми вещами, и те побежали к его дому.

Начался прилив, и было объявлено о начале посадки. Толпа оживленно задвигалась, зашумела.

В это время две кареты, украшенные бахромой и перьями, скрипя и раскачиваясь после спуска из Верхнего города, подъехали к набережной. Их прибытие привлекло всеобщее внимание. Вышедшие оттуда люди держались в стороне, не смешиваясь с толпой. Среди них были ярко накрашенные и разряженные дамы и не менее пестро наряженные мужчины. Их костюмы были безвкусны и кричащи.

Дамы играли веерами, мужчины опирались на высокие трости с рукоятями из золота и слоновой кости. Вся эта группа проследовала в самый конец набережной, пристально глядя в направлении Орлеанского острова, словно ожидая оттуда чьего-то прибытия.

Впереди всех стояла немолодая женщина, весьма элегантная и говорящая очень громко. Виль д'Аврэй и Шабли-Монтобан были единственными, кто подошел поздороваться с ними и обменяться несколькими словами.

— Это мадам де Кампвер, — сообщил маркиз Анжелике, вернувшись. — Король отправил ее в изгнание за то, что она слишком часто плутовала во время игры. Она последовала за своим молодым любовником, офицером из Канады, возглавлявшим одну из военных кампаний. Она постоянно играет, она играет столько, что от этого у нее уже стерлись пальцы. Но она устраивает иногда прекрасные приемы.

— О! Могли ли мы встретить кого-нибудь из этих людей в день нашего прибытия?

— Некоторых... Я не со всеми знаком. У мадам де Кампвер свое общество, и они держатся особняком, предпочитая таким образом забывать, что они и в самом

деле находятся в изгнании. Кое-кто из них приехал в мое отсутствие. Но вскоре я все о них разузнаю.

Парусник, шедший с Орлеанского острова, причалил к берегу. Пожилой мужчина, закутанный в плащ, полы которого тащились по земле, так как он шел согнувшись, вышел на набережную. Его тут же окружила пестрая толпа ожидавших, похожая на стаю попугаев.

Виль д'Аврэй пошел разузнать о прибывшем.

— Это некий граф де Сент-Эдм, один из сопровождающих герцога де ла Ферте. Говорят, что этот старик занимается магией и что он ездил на Орлеанский остров, чтобы встретиться там с одной колдуньей. Вот уж действительно странная компания. Надеюсь, они не испортят нам нашу зиму.

Светское общество возвращалось, демонстративно не замечая толпу канадцев, занятых посадкой.

Один из этих господ, проходя мимо Анжелики, повернулся к ней и поздоровался, приветственно приподняв свою шляпу с перьями. Она не ответила, делая вид, что не заметила его жеста. Она была счастлива и почти гордилась тем, что находится рядом с такими людьми, как м-ль Буржуа, Ломени или Вовенар, среди всех этих красных, голубых и белых колпаков канадской толпы.

Пока ожидали прибытия багажа господина д'Арребуста, Анжелика смогла наконец подойти к Маргарите Буржуа, чтобы передать ей корзинку с пирожными, приготовленными метрдотелем «Голдсборо» специально для них.

— Спасибо, моя дорогая, вы нас так балуете. Мы не едим сладкого, но эти лакомства порадуют детей и женщин во время нашего долгого путешествия. Вы так любезны!

Несмотря на то, что объявили об отправлении, она не торопилась. М-ль Буржуа продолжала рассматривать

Анжелику тем долгим испытующим взглядом, который Анжелика помнила еще по их встречам в Тадуссаке. Не выдержав, она шутливо спросила:

— Вы смотрите так, будто хотите узнать, как устроена женщина-демон?

Монахиня вздрогнула, но тут же добродушно рассмеялась:

— Нет, это не совсем то, что меня интересует. Еще с нашей первой встречи я пытаюсь понять, кого вы мне напоминаете. И знаете, что любопытно? То ли это случайное сверхъестественное совпадение, то ли предупреждение на будущее, откуда мне знать? Но вы невероятно напоминаете мне одну девочку, которая воспитывалась у нас в нашей школе в Виль-Мари и которую прозвали «маленькая чертовка»... Ну и перец была она! За все те годы, пока мы бились с этим ребенком, мы так ничего и не достигли.

— Она была индианка?

— Вовсе нет! Дочь одного из наших колонистов. Ее старшие сестры также прошли нашу школу, но это были совсем другие дети — добрые, послушные, но она... Как бы вам ее описать? Бесенок! Эльф! И иногда, когда я смотрю на вас, иные ваши жесты, ваша речь мгновенно напоминают мне эту девочку. Это, несомненно, из-за ваших глаз. У нее были такие же зеленые глаза, а это не совсем обычный цвет...

— А звали ее также Анжеликой?

— Нет!

— Ну, хоть это...

— Но...

М-ль Буржуа хитро посмотрела на нее.

— ...Ее звали Мари-Анж.

Анжелика рассмеялась.

— Это действительно интересно.

— Вы считаете нас тут слишком суеверными, не так ли? Всюду мы видим приметы, предзнаменования. Не

скрою, я верю в них. Вероятно, это объясняется тем, что мы живем в постоянной опасности и порой чудом выживаем. Вы сами это заметите, пожив хоть немного в Канаде... Малейшее событие может ничего и не означать, но в то же время указывать на что-то важное, на предупреждение свыше, иметь тайный смысл...

Приезжайте к нам в Виль-Мари осенью, на пушную ярмарку, я вас познакомлю с исключительными личностями... Ах, да! Я разговаривала о ваших «дочерях короля» с дамами из «Святого Семейства»... Они займутся ими.

— Да, я виделась с мадам де Меркувиль вчера на Большом Совете: Я вам очень благодарна.

— Матушка Буржуа! Матушка Буржуа!

Все хотели с ней проститься. Ей с трудом удалось вырваться из объятий, напутствий, пожеланий. Она поднялась на борт. Выделяясь на фоне серой воды, ее строгий черный силуэт, казалось, неразделимо слит с самой природой. — Она была частью Канады. И прощаясь с ней, многие чувствовали себя осиротевшими.

Подняли паруса, и лодки отплыли от берега. Какое-то время они лавировали между Квебеком и Левисом, ища попутного ветра, и, наконец, стали удаляться. Люди на набережной кричали им вслед и махали платками. Со всех соседних пляжей индейские каноэ устремились за ними вслед по оставляемым на воде бороздам. Оставшиеся на берегу грустно расходились.

— Они вовремя подняли парус, — заметил господин де Верньер, священник. — Посмотрите!

Он указал пальцем в направлении острова на нечто, очень напоминавшее белую пену. Но она не рассыпалась, а оставалась неподвижной.

— Это льдины... — сказал он. — Скоро зима!

Глава 29

На вопрос, который Анжелика постоянно задавала себе: кто был тот человек, поздоровавшийся с ней на набережной и кто отпустил замечание относительно Рескатора в день их прибытия, она получила ответ неожиданно быстро, и принес ей его Виль д'Аврэй.

После полудня он пришел, как и обещал, чтобы ближе познакомить Анжелику со своим домом, в который он вложил столько денег и забот.

Шифер для кровли его возлюбленного жилища ему доставили из Анжу — превосходный черный шифер, наилучшего качества, из Италии — все необходимые скобяные изделия, мраморные плиты, а также стекла — роскошь, которую могли себе позволить лишь самые знатные господа.

— Если бы вы знали, как я горжусь тем, что вы поселились в стенах моего дома. Моя репутация человека со вкусом от этого сильно укрепится. Идемте, присядем на это канапе, — говорил он, обняв Анжелику за талию, изо всех сил стараясь отвлечь ее от разговора о присвоенных им скальпах. Анжелика возразила:

— Но вы же собирались показать мне дом. Сейчас не время отдыхать.

— Пусть будет так.

Маркиз бросил томный взгляд на канапе, затем, все так же обнимая ее за талию, легким поцелуем коснулся ее виска.

— Я люблю женщин, — сказал он мечтательно. — Я слишком влюблен в красоту, чтобы не любить женщин, когда они поистине красивы. И вообразите себе, я очень хорошо умею целовать. Я хотел бы, чтобы вы об этом узнали.

И, поскольку она засмеялась, продолжал:

— ...Ах! Это именно то, чего я добивался! Ваш смех... Я всегда умел обращаться с женщинами. Они меня любят, потому что я их люблю. Они умны и интересуются жизнью, не то что мужчины. Боже!.. Мужчины — как это скучно!

И с этим восклицанием, довольно неожиданным с его стороны, он увлек ее в погреба, показывая множество всяческих припасов, заготовленных «для нее». Тут были и бочки с бургундским вином, и бисквиты из Италии, горох, бобы, сахарный тростник, не говоря уже о многочисленных соленьях и банках с пряностями.

Благодаря овцам и козам в доме всегда имелось свежее молоко.

Под сводами, беленными известью, глиняный пол был устлан соломой и царила приятная сухая прохлада, предохраняющая продукты от порчи и плесени. В других подземных помещениях, менее проветриваемых и более холодных, хранились вина.

Виль д'Аврэй устроил также ледник, позволяющий во время летней жары охлаждать напитки.

— Что бы мы делали без наших погребов и наших запасов? Это наши наилучшие союзники, в этом суровом климате. Зимой благодаря запасам мороженого мяса мы можем не ходить в лес на охоту. Наши погреба защищают провизию и от жары, и от холода. А вы знаете, что по большей части — это естественные гроты, только лишь обустроенные. У нас тут в Верхнем городе существует целый подземный город, в котором мы могли бы жить, подобно кротам. Вот было бы забавно!

Он подмигнул.

— В наших подвалах существуют тайные ходы. Они повсюду, и некоторые из них сообщаются между собой. Они хранят множество секретов... Знаете ли вы, что существует подземный ход, ведущий от иезуитов к

подвалам под монастырем урсулинок? Таким образом, эти благочестивые господа могут наносить друг другу визиты. Хе-хе! Так, что никто об этом и не узнает!

Он не мог не позлословить.

Из подвалов они поднялись на чердак. Маркиз взял свой лорнет. Глядя из чердачного окошка, он сказал:

— Вот что! Я устрою комнату на чердаке, как Клео д'Уредан, так как вы считаете, что мой дом слишком мал.

— Вовсе нет! Я же сказала вам, что он мне очень нравится и вполне подходит.

Лорнет маркиза был направлен вовсе не на чудесную панораму, открывающуюся с чердака его дома, а на убогую хижину с соломенной крышей, которая как гриб торчала у подножия другого дома, стоявшего несколько левее. В этой лачуге проживал его сосед, Юсташ Банистер. С горестной гримасой маркиз объяснил Анжелике, что этот невзрачный домишко был позором всего квартала и занозой лично для него, Виль д'Аврэя.

Стремясь расширить свои владения, построить конюшни, коровники, пекарню, он сталкивался с препятствием, заключавшимся в нежелании хозяина этой развалюхи продать ему хоть клочок земли. По наследству Банистеру досталась большая часть холма, на котором находились оба их дома. Но на территории Банистера не было ничего, кроме полусгнившей хижины, построенной еще его родителями, приехавшими в Канаду из Нормандии в 1635 году. Юсташ Банистер, по прозвищу «стукач», в ней родился и, возвращаясь после путешествий на Большие Озера, недолгое время жил в ней.

Он был переводчиком у индейцев, траппером. Соседи видели его очень редко. Но после того, как епископ отлучил его от церкви за продажу спиртного индейцам и он потерял дворянский титул, так как

вовремя не зарегистрировал бумаги в Высшем Совете, он начал бесконечные тяжбы со всеми и уже два года жил в Квебеке в своем доме с крышей из гнилой соломы.

Он жил не один, а с вялой белокурой женщиной, носившей странное имя Немецкая Жанна, и с четырьмя детьми, дикими, как койоты.

По истечении двух лет жители улицы Клозери готовы были подать прошение об отмене «отлучения от церкви» и о том, чтобы ему вернули его право на охоту, лишь бы только как-нибудь от него избавиться.

Но этот сорокалетний молчаливый гигант, пьяница и грубиян, решив отомстить всему городу, прекрасно понимал, что наилучшей местью будет то, что он откажется продавать свой участок и останется жить в жалкой хижине, недостойной даже угольщика, которую все достопочтенные жители Верхнего города мечтали снести. Его двор, заваленный всяческими отбросами и рухлядью, был подобен бельму в этом респектабельном и живописном районе. В дальнем конце его участка рос красивый красный дуб, поднимающий свои узловатые ветки наподобие канделябра. У его подножия был привязан тощий пес.

Виль д'Аврэй горестно поведал Анжелике, что это единственное пятно на этой идиллической картине, единственный штрих, нарушавший гармонию этого красивейшего квартала в Квебеке, в котором он построил свой дом. Живя в городе, невозможно чувствовать себя хозяином, так как всегда зависишь от соседей!

Анжелика возразила, что до сих пор это соседство не доставляло ей никаких неприятностей, за исключением двух-трех случаев, когда дети Банистера запрягали в деревянную тележку свою несчастную собаку и мчались вниз по улице с адским грохотом. В

страшном негодовании, Онорина вопила от возмущения...

— Настоящие койоты, я же ваш говорил, ~ вздохнул Виль д'Аврэй. — И это только начало.

— А ведь вашей соседкой могла стать мадам де Модрибур! Вы обратили внимание на Большом Совете, какого сорта «друзья» ожидали герцогиню в Квебеке?.. Этот граф де Варанж, о котором они упоминали...

Маркиз Виль д'Аврэй понизил голос и огляделся по сторонам, как будто в его доме мог прятаться шпион.

— ...Это член очень влиятельного общества «Святого Причастия», но, несмотря на это, он был отправлен в Канаду из-за одной безнравственной истории.

Когда Виль д'Аврэй рассказывал что-нибудь скандальное, у него всегда был такой вид, будто он и сам принимал в том участие. Так уж он был воспитан, и такова была его натура — непосредственная и жизнерадостная. На самом деле, что бы он ни делал, его совесть всегда была чиста. Но, следуя светским привычкам, он, рассказывая о чем-нибудь непристойном, всегда многозначительно улыбался и опускал глаза.

— Мне рассказали, что этот престарелый ханжа был опекуном одного мальчика, наследника громадного состояния. Говорят, что он обманул его, сумев перевести на свое имя все его имущество, затем удавил мальчика и бросил его тело в колодец... В Париже он был любовником герцогини де Модрибур. Вы представляете себе этого потасканного подонка рядом с изысканной, подобной танагрской статуэтке, красавицей? Она любила развратных стариков, наша женщина-демон!

Они вернулись в большую залу и уселись на канапе.

Сгущались сумерки, и на улице заметно похолодало. Виль д'Аврэй подкинул в огонь охапку дрока.

— Ах! Как чудесно! — воскликнула Анжелика, поудобнее устраиваясь на канапе. — Я все никак не могу насладиться теплом. На корабле бывало так холодно.

Маркиз пододвинул к ней маленький шкафчик с ликерами.

Они были одни в доме.

— А в самом деле, вы никогда не рассказывали мне, что вас заставило перебраться в Новую Францию? — заинтересовалась Анжелика. — Вас, истинного придворного, окруженного влиятельными друзьями и знакомого со всеми великими мира сего... Я не могу понять... Вам это так не подходит. Даже если вы будете уверять меня в обратном, я все же буду считать, что ваше назначение на пост губернатора Акадии явилось лишь предлогом. За этим скрывается нечто другое. Так в чем же дело? Что же вы натворили?

— То же, что и все остальные, — отвечал Виль д'Аврэй. — Я разонравился. А когда ты берешь на себя смелость разонравиться Его Величеству королю Франции, это Может иметь далекие последствия, такие далекие... что доведут даже до Канады.

Он пододвинул поближе столик с ликерами, налил Анжелике немного малаги в бокал из богемского хрусталя и придвинулся к ней поближе.

Затем маркиз поведал, что когда-то давно он был смотрителем художественной коллекции Монсеньера, брата короля, в его дворце в Сен-Клу.

— Мне удалось отыскать для Монсеньера редчайший китайский фарфор. Вы же знаете, он любит роскошь не менее своего брата.

Виль д'Аврэй вздохнул, пригубил свой бокал россоли, и рука его обвилась вокруг талии Анжелики.

— Король никогда не отказывал своему брату в средствах, необходимых для его пышного образа жизни, — продолжал маркиз. — Но за этой щедростью

скрывалась ловушка. Вовлеченный в значительные расходы, Монсеньер становился все более и более зависимым от короля. Кроме того, и об этом я не раз предупреждал Его Высочество, король был озабочен тем, чтобы его не превзошли в роскоши и элегантности и чтобы празднества в Сен-Клу не были более пышными и веселыми, чем в Версале. Этот китайский фарфор, привезенный с Востока одним венецианским купцом, вызвал у короля жгучую ревность. Он пригласил меня в Версаль, похвалил за проявленную ловкость и подарил мне землю и аббатство, что меня весьма обрадовало, так как они приносили прекрасные доходы. Затем же он назначил меня на должность губернатора Акадии в Новой Франции с приказанием отправляться туда немедленно. Я даже не знал, где это находится, но почтительно его поблагодарил. Я все понял.

Таков наш монарх, моя дорогая.

Анжелика проглотила налитую ей малагу, даже того не заметив. Воспоминания о королевском дворе вскружили ей голову. Сияющий летний день во дворце Сен-Клу, очаровательный беспорядок его английских парков возникли перед ней в этой комнате, освещенной последними лучами низкого северного солнца. Внезапно она вскрикнула, так как ей показалось, что не то она теряет сознание, не то земля дрогнула под ней. Ее качнуло назад, и она очутилась лежащей навзничь, а на ней, обнимая ее, лежал Виль д'Аврэй, радостно смеясь.

— Вот он, секрет моего канапе, — воскликнул он, довольный своей шуткой. — Я ведь говорил вам, что покажу все его маленькие хитрости. В нужный момент вы нажимаете на рычаг, скрытый в подлокотниках, и спинка, откидываясь назад, превращает это канапе в прекрасное ложе.

Анжелика находилась в таком положении, из которого ей было весьма трудно выбраться. Для этого

ей нужно было обхватить маркиза за шею, что еще больше усугубляло, сложность ситуации.

— Не сердитесь, сказал ей маркиз, — я сообщу вам сейчас имя того господина, который обратился к вам с приветствиями и который, будучи пьяным, рассказывал, что пользовался вашей благосклонностью.

Анжелика замерла, сраженная любопытством.

— Кто же он?

Виль д'Аврэй краем глаза рассматривал лежащую Анжелику, чьи волосы разметались на фоне ковра с мифологическим сюжетом. У него был вид кота, только что поймавшего мышь.

— Вы не станете на меня сердиться?

— Нет, но говорите же.

— Этот господин принадлежит к королевскому окружению.

— Ну, в этом я сомневаюсь... Что еще?

— Он находится здесь под фальшивым именем. Он хочет дать понять, что его инкогнито вызвано порученной ему важной миссией, но держу пари, он был скомпрометирован в результате каких-то шалостей, и теперь у него есть основания держаться подальше от интриг и не участвовать в их развязке. Но я тем не менее его узнал.

— Кто он?

Виль д'Аврэй, воспользовавшись важностью того, что он собирался ей сообщить, привлек Анжелику к себе и между двумя поцелуями прошептал:

— Это брат фаворитки!

— Какой фаворитки?

— Но существует всего лишь одна, — вскричал маркиз слегка обиженно. — Несмотря на все королевские капризы, это все та же самая, наш общий враг, Атенаис, маркиза де Монтеспан.

Целая вереница лиц промелькнула в памяти Анжелики, будто она торопливо перелистала книгу.

— Брат Атенаис... герцог, де Вивонн...

И перед ней возникло четкое воспоминание: синее море, галера, где на носу, среди разбросанных шелковых подушек двое, сжимающие друг друга в страстных объятиях. Это было не в Версале. Это было в Марселе! На Средиземном море! И красавец адмирал флотилии королевских галер, брат любовницы короля, держал ее в своих объятиях.

«Боже! Ведь... я была его любовницей», — подумала Анжелика.

Тут она обнаружила, что маркиз, воспользовавшись тем, что она погрузилась в воспоминания, завладел ее губами и целовал их с большим знанием дела. Он и в самом деле умел целоваться, этот сибарит!

— Пре... прекратите, — сумела пробормотать она, вырываясь на этот раз достаточно энергично, — я вам запрещаю.

— Но вы мне только что казались такой доступной...

— Это вовсе не так... — протестовала Анжелика, пытаясь выбраться с этого канапе-ловушки. — Вы меня так поразили вашим открытием, что я думала совсем о другом.

— Как же умеют женщины разочаровывать! — жаловался маркиз. — А вы, Анжелика, умеете это лучше всех! Я от вас такого не ожидал.

— Но я же вам ничего не обещала.

— Разве вы приехали в Квебек не для того, чтобы...

— Чтобы грызть карамель и есть яблоки, сидя с вами у камина... ничего другого.

— Я вам в тягость?

— Иногда, — подтвердила она.

Она выпрямилась и села, приводя в порядок прическу и разглаживая складки платья. Герцог де Вивонн... Ей было крайне неприятно узнать, что где-то рядом находится тот, кто знал так много о ее прошлом. Без сомнения, это он бросил те слова в день их приезда,

когда Жоффрей выходил на площадь со своими знаменами... «На Средиземном море его серебряный щит был на красном фоне».

«Какое невезение! Это катастрофа! — говорила она себе в отчаянии. — Он нас узнал... Он может нам навредить...» Но затем она подумала, что если он скрывается под фальшивым именем, он не хочет, чтобы о нем самом узнали в Канаде. Однако то, что он так уверенно поздоровался с ней, было очень тревожно.

— Вы меня так огорчаете, — вздыхал Виль д'Аврэй.

— Ах! уж вы-то, по крайней мере, не теряйте голову, — отмахнулась от него Анжелика.

Но, видя, как он расстроен, и подумав, что благодаря ему она живет в этом замечательном месте, она запечатлела на его щеке братский поцелуй.

— ...Перестаньте же дуться, мой дорогой, вы ведь знаете, как я вас люблю, и предпочитаю вас всем остальным. Зима еще только начинается. Если мы поссоримся с самого начала, то что же будет дальше. Ну, будьте же благоразумны, маркиз!

Виль д'Аврэй заявил, что, искренне обожая ее, он не хотел причинять ей никаких неприятностей, что ему просто хотелось внести некоторую легкость в ее жизнь, а его поцелуи должны были излечить ее от излишней серьезности и дать ей почувствовать, что жизнь прекрасна и не стоит все превращать в трагедию. Ведь все эти любезности не ведут ни к каким последствиям, не так ли? Анжелика согласилась. Они рассмеялись, по-родственному поцеловали друг друга и оба поклялись в верности и поддержке, как в те славные времена, когда они вместе были против Амбруазины-демона.

Анжелика охотно признала, что без помощи Виль д'Аврэя она не смогла бы узнать о скрытой стороне жизни в Квебеке, о тех тайных делах, которые ее пугали. Но он знал все, и это помогало ей избавиться от страха.

Детские голоса и смех вернули ее к реальности. Онорина и Керубин вошли во двор и приближались к дому. Анжелика попросила Виль д'Аврэя возвратить канапе его приличный вид.

— Покажите мне все-таки, как действует эта ваша дьявольская система?

Но маркиз отказался.

— Чтобы вы потом могли им пользоваться с кем-нибудь другим? Ни за что.

Глава 30

«Я постараюсь избежать встречи с ним», — решила Анжелика. Она думала о герцоге де Вивонне, брате Атенаис де Монтеспан, которого, к несчастью, судьба привела в Квебек именно тогда, когда в нем находилась Анжелика.

Но последние дни этой первой недели принесли ей столько различных дел и хлопот, что она на какое-то время перестала об этом думать.

Можно было подумать, что она всегда жила в Квебеке, так быстро она освоилась с тем образом жизни, которому всегда отдавала предпочтение. Так, например, что могло быть приятнее, чем начинать день с утренней мессы, вставая каждый день на заре и встречая восход солнца.

Она выходила на порог своего дома, чтобы идти на службу в церковь, сопровождаемая, как обычно, Пиксареттом и Адемаром, которого она спасла, обратившись за помощью к Кастель-Моржа, и несчастный солдат был восстановлен в армии. В качестве часового ему было поручено охранять дом мадам де Пейрак и, следуя за ней повсюду, обеспечивать ее личную охрану.

М-ль д'Уредан, ее соседка напротив, все еще отказывалась ее принять. Когда Анжелика появлялась на пороге ее дома, английская служанка тут же захлопывала дверь перед ее носом.

Зато индейцы из маленького лагеря всякий раз окружали ее, когда она выходила на улицу, и вместе со своими собаками провожали Анжелику до самой церкви. Анжелика навещала нуждающихся бедняков, и среди них старого папашу Лубетта, жившего в конце их улицы, о котором ей рассказал Виль д'Аврэй.

— Представьте себе, что в день вашего приезда о нем все забыли. А ведь он немощен и одинок, и если бы не я, он бы умер. Я вспомнил о нем утром и поспешил ему на помощь. Это старый медведь, очень вспыльчивый, но интересный. У него есть прекрасная индейская трубка и восхитительный дубовый буфет.

Мадам де Меркувиль предложила Анжелике для грязной работы своего раба-индейца из племени панисов — единственного из индейских племен, дающего рабов для их же собратьев-индейцев. Но затем она внезапно передумала.

— Нет! С тех пор, как его клеймили цветком лилии, я не могу с ним управиться. Я боюсь, что он вас разочарует...

Она объяснила, что вначале она не могла нахвалиться на этого прекрасного мальчика, купленного ею у «путешественника», возвращающегося с Больших Озер, за пятнадцать ливров и затем крещенного ею.

Но однажды он украл во время пожара топор, и за эту кражу, считавшуюся очень тяжким преступлением, его клеймили в соответствии с французским законом. Но в результате он лишь возгордился этим, говоря, что теперь он не принадлежит никому иному, как королю Франции, и будет выполнять только его приказания.

— Логика этих индейцев зачастую нам недоступна! Вы это скоро сами увидите, моя дорогая.

Многие разговаривали с Анжеликой так, будто она только что приехала из Франции и впервые ступила на землю Канады.

Анжелика наняла одну молодую женщину в помощь Иоланте, так как той приходилось большую часть времени находиться с детьми.

Этой женщине было двадцать три года, и звали ее Сюзанна Легань. Она была высокая, крепкого сложения, проворная и довольно разбитная — истинная дочь своей

страны. Четырнадцати лет она вышла замуж за солдата из кариньянского полка. По окончании военной кампании он остался в Канаде и взял землю в аренду. У них уже было четверо детей, все мальчики, и они жили недалеко от города со стороны побережья Сент-Женевьев. Сюзанна рассказала, что в этом году ее муж ходил в леса в сторону Больших Озер, был там ранен, в результате чего вынужден был остаться на зимовку в форте Фортенак, вблизи озера Онтарио. Ранение не было опасным, но поскольку он не привез в Квебек шкуры, то ничего не заработал. Вот почему она с большой охотой взялась подзаработать несколько экю.

Их дела на ферме шли хорошо. Они наняли работников, мужа и жену, делавших тяжелую работу, и еще одну женщину для присмотра за младшими детьми.

Рассказывая обо всем этом, Сюзанна давала понять, что она очень рада была выбраться в город и устроиться на работу в доме у тех, о ком только и говорили повсюду.

По утрам она приносила со своей фермы молоко, масло, яйца. Она сразу же подружилась с Иолантой, которая хоть и жила в Акадии, но была также уроженка этой страны.

В пятницу их сосед из хижины объявил войну, вывалив, навоз из своего коровника прямо перед дверью дома маркиза, так что даже невозможно было ее открыть, чтобы выйти на улицу.

Виль д'Аврэй был взбешен. Тем более, что когда он пришел за Анжеликой, чтобы сопровождать ее в церковь, возле дома его поджидал сержант канцелярии королевского суда, весьма решительно настроенный, который потребовал от него уплаты штрафа за «нарушение указа, провозглашенного господином смотрителем дорог Канады и утвержденного прокурором Высшего Совета от 6 мая 1640 года,

предусматривающего наказание в виде штрафа за загрязнение отходами и нечистотами общественных дорог, а особенно улиц перед частными владениями граждан».

— Но это не мой навоз! — вскричал Виль д'Аврэй. — Я не буду платить.

Анжелика, видя, что он отказывается платить штраф, предложила пойти к самому Главному смотрителю, господину де Шамбли-Монтобану, жившему, в двух шагах от них.

Сопровождаемые уже довольно многочисленной толпой, они подошли к дому хозяина дога. Этот дом вызывал зависть у многих. Спрятанный от посторонних взглядов за высокими деревьями с легкими кронами, такими, как береза, вяз, бук с небольшими вкраплениями черной ели, его дом был идеальным местом для устройства веселых и галантных приемов.

Каково же было удивление Анжелики и маркиза, обнаруживших там Никола де Барданя и офицеров его свиты, а также его слуг, повара и конюшего. Господин де Шамбли-Монтобан, имевший не столь многочисленное окружение, перебрался жить в другое место, с радостью оказав услугу королевскому посланнику, вынужденному жить в отдаленном месте возле равнин Абрахама.

— Дорогая моя! Вот и вы!.. Как я счастлив!.. Теперь я ваш сосед.

— Вы неисправимы, — прошептала Анжелика.

— Красавица моя, — возразил Никола де Бардане также шепотом, — разве смог бы я вынести это зимнее заточение в Квебеке, если бы жил вдали от вас? Господин де Шамбли-Монтобан оказал мне великую услугу, и я сумею ему быть признательным.

В неожиданном визите Анжелики он видел счастливое предзнаменование для развития их любовных отношений.

— На самом деле мы пришли к господину Главному смотрителю дорог, — поспешила его разуверить Анжелика.

— Он здесь больше не живет. Конечно, я предоставлю ему угол в его собственном жилище. Но в Квебеке повсюду можно себя чувствовать, как дома. Анжелика, милая моя соседка, отныне я каждое утро буду иметь счастье видеть, как вы появляетесь на пороге вашего дома. Я еще не закончил перевозить и расставлять мои вещи и должен сейчас идти помогать моему секретарю распаковывать ящики с книгами для библиотеки. Но вы ведь вернетесь ко мне с визитом, не правда ли? Теперь, когда мы так близки друг от друга.

Рассерженный, Виль д'Аврэй увел Анжелику. Он предпочел теперь заплатить штраф.

И вот среди всей этой суеты мысль о герцоге де Вивонне постепенно выветрилась у нее из головы. К тому же вдруг Виль д'Аврэй все же ошибся?

Каждой день она посещала Польку. Если верить той, то Анжелика все эти годы была средоточием ее мыслей.

— Ты всегда как бы была у меня перед глазами, — уверяла она, несомненно, слегка преувеличивая, — так как именно ты научила меня стольким полезным вещам, Маркиза. Ты и иезуит.

Анжелика не ожидала очутиться в одной компании с иезуитом в таком деле, как воспитание.

Слыша то там, то здесь обрывки разговоров об отце д'Оржевале, она должна была признать, что этот опасный иезуит был любим простыми людьми и именно поэтому имел над ними власть.

В большинстве своем все же жители Квебека восприняли его исчезновение с облегчением. Но его участь вызывала искреннюю тревогу. Казалось, в самом деле никто не знал, что с ним приключилось. И так как никто не мог предположить, что он исчез по своей доброй воле, стали распространяться самые

невероятные слухи. Говорили, что при виде приближающихся кораблей де Пейрака он вознесся в небо и исчез в облаках или же что он, подобно пророку Илие, мчащемуся на огненной колеснице, унесся на одной из лодок из «пылающей вереницы охотничьих каноэ». Другие намекали на то, что его убили. Говорили, что он был убит с помощью магии и что именно его тень встречалась иногда в верховьях реки возле города Трех-Рек.

Анжелика уже сомневалась, действительно ли она слышала, как отец Геранд прошептал ей: «Из-за вас он умрет!»

Не был ли он сам призраком? Нет! Однажды она увидела его в соборе среди других иезуитов...

Она встретила мадам де Меркувиль, которая начала жаловаться ей на «дочерей короля».

— С ними совсем не легко.

Анжелика обеспокоилась, думая, что они слишком много болтают о том, что приключилось с ними у берегов Голдсборо. Но оказалось, что мадам де Меркувиль имеет в виду их претенциозность.

— Они уже заранее капризничают в выборе своих будущих супругов и делают недовольные гримасы, когда я им предлагаю ту или иную работу. Одна из них — мулатка из Мавритании. Я думала, что оказываю ей честь, предложив помогать Перрине, моей кормилице-негритянке. Но эта девушка мне возразила, что ее крестная была знатного происхождения, что она получила прекрасное воспитание не для того, чтобы приехать в Канаду в качестве рабыни, а чтобы выйти замуж за офицера. Единственная из этих девушек, кто мне нравится, — это Дельфина де Розуа. Но вот она-то как раз и не хочет выходить замуж.

Анжелика решила навестить мадам де Меркувиль, дом которой всегда был полон детей и разных посетителей.

Уже в вестибюле маленькая Эрмелина кинулась ей навстречу. Ее няня пожаловалась Анжелике, что девочка все время стремится убежать к ней. Ее чудесное исцеление дало даже чуть-чуть излишние результаты: если раньше боялись, что она не будет ходить, то теперь приходилось весь день за ней бегать.

Поцеловав девочку, Анжелика принялась слегка журить «дочерей короля»:

— Вы должны соглашаться на ту работу, которую вам предлагают, пока Большой Совет занят утверждением вашего вопроса. Мы восстановим ваше приданое, но вы должны показать также, на что вы способны, продемонстрировать ваши таланты, ваш добрый нрав, хорошее воспитание, если вы хотите понравиться молодым людям из этой страны и выйти за них замуж.

Скоро Рождество, и многие молодые люди, одиноко живущие на дальних фермах, съедутся в Квебек, чтобы присутствовать на праздничных службах в церкви.

Мы воспользуемся этими торжественными днями, чтобы дать большой бал. Господин губернатор предоставит для этого свои гостиные в замке Святого Людовика. Вы прибудете туда и сможете познакомиться с вашими будущими женихами.

Сироты и воспитанницы Главного госпиталя с широко раскрытыми от восторга глазами захлопали в ладоши. Они, видевшие в своей жизни лишь толстые монастырские стены и суровых воспитательниц, не верили своим ушам.

— Мы поедем на бал? Во дворец губернатора? Даже мы, мадам?..

— Да, даже вы! Мы находимся в Канаде, и не забывайте, здесь людей оценивают не по титулам и званиям, а по их истинным качествам и достоинствам... Я позабочусь о том, чтобы вы были хорошо одеты и

причесаны, но вы, со своей стороны, должны будете вспомнить все, чему вас учили.

Вы явитесь на бал красивыми, скромными, любезными, и, смею вас уверить, вы не останетесь без внимания.

Она оставила их погруженными в розовые мечты. Дельфина де Розуа имела с ней отдельную беседу:

— Мадам, если бы я знала, что не останусь при вас, я бы не уехала из Акадии. Я так жалею, что не осталась в Голдсборо, как некоторые из наших товарок, сумевших скрыться в момент отъезда мадам де Модрибур.

Господин Патюрель обещал им позаботиться об их судьбе. Конечно, Акадия — немного страшное место, там столько еретиков и пиратов, но теплота ее жителей покоряет очень быстро. Мадам, могу ли я обратиться к вам с просьбой взять меня с собой, когда вы будете возвращаться в Голдсборо?

— Но пока мы об этом и не думаем... — возразила Анжелика. — Святой Лаврентий скоро оденется льдом, и мы не сможем покинуть Квебек раньше, чем весной. За это время ваши желания могут измениться.

Про себя она думала: «Кто знает, вернемся ли мы когда-нибудь в Голдсборо? И куда повлечет нас судьба будущей весной?»

Уже начинало смеркаться, когда она покинула дом мадам де Меркувиль.

В темном небе кружились легкие, маленькие снежинки и, не ложась на землю, исчезали в легкомысленном, танце.

Анжелика чувствовала себя подавленной, как бывало всякий раз, когда ей приходилось вспоминать события минувшего лета: Амбруазину-демона, ее давнюю связь с отцом д'Оржевалем. «Нас было трое детей, несущих на себе проклятие: он, Залил и я.

Невозможно разорвать тот магический круг, куда ты попадаешь в детстве».

Неяркое пламя свечей горело за окнами часовни урсулинок. Оттуда доносилось тихое пение женских голосов. Монахини замаливали грех, совершенный при похищении облаток.

Покой вновь вернулся в душу Анжелики. Звон колоколов над Квебеком, казалось, уносил все тревожные и мрачные мысли, а на их место возвращались обычные повседневные думы и заботы: о спасении души, о церкви, о светских обязанностях, о приближающейся зиме, о заготовке продуктов в погребе и на чердаке и вновь о молитвах, о церкви и т. д.

Когда пришло воскресенье и Анжелика отправилась в церковь, она вдруг вспомнила, что прошла всего лишь неделя с того дня, когда она слушала торжественную мессу в этом самом соборе.

Глава 31

«Вот уже неделя, как чужеземцы с «Голдсборо» приехали в Квебек, — писала м-ль д'Уредан, опершись на свои кружевные подушки и бросая время от времени взгляд в сторону дома, стоящего напротив. — И я могу сказать вам без обиняков: эти люди взволновали весь город, как и ожидалось, но совсем не так, как того опасались, и я это прекрасно ощущаю, хотя не имею даже возможности поговорить с кем-нибудь об этом, так как мои друзья меня, в некотором роде, покинули, переметнувшись на сторону мсье и мадам де Пейрак, пользующихся всеобщим вниманием.

Интендант Карлон навестил меня всего лишь раз после своего приезда. ОН явился крайне возбужденный после экстренного заседания Большого Совета и сообщил мне, что они с господином де Пейраком собираются обмениваться поставками свиного сала, изготавливать поташ и производить шерстяные ткани... Вы ведь его знаете, ему не надо ничего иного, чтобы чувствовать себя счастливым... Но вам известно также, что я питаю к нему слабость, и поэтому вы догадываетесь, как я страдаю от его невнимательности.

Зато соседство с этой очень красивой дамой, о которой многие говорят как о колдунье, привело в мой дом людей, без которых я прекрасно бы обошлась. Эти люди хотят удовлетворить свое любопытство, следя за ней из моего окна, которое, как я вам уже говорила, является прекрасным наблюдательным постом. Напрасно эти несносные люди делают вид, что пришли ко мне из-за дружеского расположения. Я себе не льщу.

Среди прочих меня посетила мадам де Кампвер... Мадам де Кампвер я вижу не чаще одного раза в году, когда она не может найти партнеров, помогающих ей

разориться в игре, и тогда она приходит ко мне сразиться в «тридцать один» — игра, в которую я достаточно ловко играю. Вчера она явилась ко мне, всячески демонстрируя свои дружеские чувства, в сопровождении четырех мужчин из своего окружения, которые, спешу вам сообщить, мне сразу же не понравились. Речь идет о господах де ла Ферте, Бессаре, де Сент-Эдме и д'Аржантейле. По тому, как они уселись, уставившись в окно на дом Виль д'Аврэя, я поняла, что они пришли подсматривать за нашими гостями. Стараясь что-нибудь увидеть, они чуть не свернули себе шеи, и все это время выспрашивали у меня множество деталей, касающихся прекрасной мадам де Пейрак. Эти четверо имеют вид негодяев, у каждого из них своя роль в этой банде разбойников.

Тот, которого зовут Бессар, распоряжается деньгами. Это финансист. По-видимому, он ограбил множество людей, потому и сбежал в Канаду.

Самого молодого из них зовут Мартен д'Аржантейль. По всей вероятности, он сопровождает господина де ла Ферте, который, несомненно, высокого происхождения. У этого д'Аржантейля красивое лицо, но какой-то мутный взгляд. Он носит красные перчатки, заказанные для него де ла Мелуазом, и у него привычка то и дело сгибать и разгибать пальцы так, как будто он собирается кого-нибудь задушить. Я слышала, что у него было звание «главного игрока в лапту», что когда-то он был компаньоном Его Величества. Но вот уже несколько лет, как король предпочитает охоту, как пожаловался мне он. Д'Аржантейль также увлечен магией и алхимией. Он был влюблен в эту Бренвильер, отравительницу, которую недавно обезглавили на Гревской площади. Он ее оплакивал и называл «святой». Лучше бы уж он поменьше об этом рассказывал. Это, без сомнения, причина его пребывания вдали от Парижа.

Если уж говорить откровенно, я боюсь, что тот или иной из этих месье, а может быть, и все четверо, страдают «венецианской болезнью», этой страшной гангреной, происходящей из-за плотской любви, которую войска короля Карла VIII принесли во Францию после слишком галантной войны в Италии, куда ее занесли испанцы, побывавшие в Америке.

Эта страшная болезнь, которая приводит к тому, что у мужчин может отвалиться как сгнивший плод их мужской орган, а женщина становится отвратительной из-за проказы, разъедающей все самое сокровенное, драгоценное, самое вожделенное и очаровательное.

Я не переставала думать об этом на протяжении всего их визита, и вы меня поймете, когда я скажу, что вовсе не была обрадована, видя их сидящими на моих креслах, обитых вышитым шелком.

Господин де Сент-Эдм спросил меня, считаю ли я, что мадам де Пейрак колдунья, как об этом говорят. Именно в этот момент мы увидели, как она вышла из дома в сопровождении господина де Барданя, посланника короля, который также все время бродит в наших краях.

Эти господа замолкли, а господин де ла Ферте высунулся из окна. Я видела, как заблестели его глаза, и хотя они голубого цвета, мне они совсем не понравились...»

Глава 32

Вторая неделя началась плохо. Хотя можно было бы ожидать обратного, так как, открыв рано утром в понедельник дверь своего дома, Анжелика увидела на пороге красивого молодого человека. В лучах восходящего солнца его мужественная и элегантная фигура, столь неожиданно возникшая, приобретала сходство с явлением архангела.

Из-за этого солнечного сияния Анжелике понадобилось несколько секунд, чтобы узнать прокурора Большого Совета, Ноэля Тардье де ла Водьера, своей собственной персоной.

Она улыбнулась ему, приглашая войти, и осведомилась о здоровье его очаровательной жены. Но он отверг приглашение, сразу же дав понять, что он явился не для того, чтобы болтать, а с жалобой по поводу одного англичанина, взятого господином де Пейраком к себе на службу. Эта жалоба была подана семью городскими сапожниками.

Кроме того, этого приспешника извращенной религии, именуемой протестантизмом, видели идущим по городу в его высокой черной шляпе с металлической пряжкой спереди — головном уборе, который носили эти слуги дьявола, называющие себя пуритане, дошедшие у себя в Англии до такого святотатства, что отрубили голову своему законному королю.

Без всякого стыда, не заботясь о том, какой ужас вызывает у населения его фигура в женевской накидке, подобной той, которую носил этот отвратительный Кальвин, мэтр-реформатор с берегов Лемана, он спустился в порт, прогуливаясь, как у себя дома, и поднялся на борт корабля, поставленного на ремонт в доке.

Анжелика объяснила, что этот англичанин был их другом, а вовсе не состоял на службе у Пейрака, и что не по своей воле он попал в Квебек.

И она рассказала историю Элие Кемптона, бродячего торговца из штата Коннектикут в Новой Англии, которого его коммерция привела к берегам залива Святого Лаврентия, где его лодка была подвергнута досмотру экипажем корабля «Сан-Жан-Баптист», которые — и господину де ла Водьер это небезызвестно — были настоящими разбойниками. Они захватили его в плен для того, чтобы завладеть принадлежащими ему товарами.

— А что делал этот враг в заливе Святого Лаврентия? Берега Акадии находятся во владении Новой Франции, а следовательно, там могут находиться лишь лодки нормандцев, бретонцев или басков. Всякое же английское судно должно быть незамедлительно потоплено. Вашему коннектикутскому торговцу еще сильно повезло.

К тому же он сильно сомневается, что этот Элие Кемптон не находится на службе у Пейрака, так как он шел по городу в окружении матросов с «Голдсборо», которых все без труда узнают по их форме. И что он собирался делать в доке?

— Он принес корм для своего ученого медведя, заснувшего на зиму в трюме «Сан-Жан-Баптиста».

— Для медведя?

Господин де ла Водьер скривил свои красивые губы, которые, казалось, были созданы для поцелуев, а не для презрительных гримас. Медведь? Это не давало ему никакой стоящей информации. Но Анжелика так горячо защищала Элие Кемптона, говоря о нем как о самом безобидном существе, которое когда-либо жило на свете, что прокурор, принимая во внимание тот факт, что он стал жертвой капитана Фелона, находящегося в данный момент в тюрьме, позволил англичанину

оставаться на свободе. Он мог бы даже разрешить ему заниматься его ремеслом при условии, что он будет заниматься только торговлей высококачественной обувью, которая еще не производилась в Канаде.

— И ему необходимо будет заплатить за патент.

— Он за него заплатит.

— И пускай не выходит за пределы Верхнего города, чтобы его не видели разгуливающим по городу, особенно в этой омерзительной шляпе.

— Его не увидят!

Она уже готова была горячо поблагодарить господина де ла Водьера, но тот остановил ее:

— Да, вот еще что... Существует специальный указ, касающийся содержания английских пленных в Новой Франции. Я вам его сейчас прочту, чтобы вы знали, за что вы беретесь.

Королевский прокурор пришел в сопровождении маленького барабанщика и городского глашатая, держащего железное копье, украшенное у основания лентами, повторяющими цвета городского флага. На плече у него была сумка, в которой находились свитки пергамента с объявлениями.

Развернув свиток и дав знак барабанщику выбить первую дробь, муниципальный служащий начал монотонно читать красивым низким голосом:

«Доводим до вашего сведения, что полицейским указом от 26 марта 1673 года, касающегося скопления пленных англичан, предусматриваются правила, несоблюдение которых влечет за собой наказание в виде штрафа...»

— Что вы называете «скоплением»? спросила Анжелика у прокурора.

— Два, три человека и более...

— Разве в Квебеке найдется столько англичан? Если не считать нашего пуританина из Коннектикута?

— Найдется, — подтвердил он. — Взять хотя бы служанку м-ль д'Уредан, — сказал он, показывая в сторону дома, стоящего на другой стороне улицы, — именуемую Джесси, эту ненормальную, которая отказывается обратиться в истинную веру и которую мы вынуждены терпеть в нашем городе вместо того, чтобы отправить ее назад к абенакам, которыми она была захвачена в плен.

Анжелика начинала понимать, что Полька была права, когда сказала о нем: «Это зараза!»

Кроткого в нем было лишь одно его имя: Ноэль[5].

— Кроме того, еще имеются два англичанина, плененных гуронами, которых ежедневно навещает мадам де Меркувиль, пытаясь выведать у них секрет окраски шерсти и льна... Итак, я вас предупреждаю...

— Я уже поняла, — перебила его Анжелика.

Но он еще не закончил. Отодвинувшись немного назад, он оглядел критическим взглядом кровлю дома маркиза де Виль д'Аврэя. Его навязчивой идеей были пожары, которые в несколько минут могли бы посреди зимы разрушить часть города, особенно кварталы Нижнего города, так как дома там стояли крайне тесно и были по большей части деревянными с соломенными крышами. Он издал драконовские правила противопожарной безопасности, но здесь как раз его уже нельзя было упрекнуть.

— На крыше нет противопожарной полосы.

Речь шла о небольших перегородках, отделяющих крыши соседствующих домов и препятствующих распространению пламени во время пожара.

— Но дом не соприкасается ни с каким другим зданием и стоит даже в стороне от других домов.

— Какое это имеет значение? Закон существует для всех. Предписания должны выполняться, и каждый новый дом должен иметь противопожарную полосу.

Господин де Виль д'Аврэй заплатит штраф размером в пять ливров за допущенное нарушение.

Он приказал глашатаю и барабанщику идти на перекресток и объявить об указах, касающихся англичан, и о многочисленных мерах противопожарной безопасности.

Все же это было так досадно! Он был так хорош собой! И чем выше поднималось солнце, тем красивее он становился, и тем отвратительнее, по контрасту, он казался Анжелике.

Ей вдруг захотелось шутливо ущипнуть его за кончик носа и сказать: «Вы, сударь, грубиян».

Чтобы он понял, наконец, что, даже находясь при исполнении своих служебных обязанностей, красивый молодой человек не должен до такой степени забывать о вежливости, не говоря уже о снисходительности, которую женщина вправе от него ждать. Увы! Он, казалось, забыл правила игры... если когда-нибудь и знал их. Пытаясь понять причину его поведения, Анжелика задавала себе вопрос: злодей он или просто-напросто дурак?

С претензиями, это уж точно. Он продержал ее просто так на пороге дома, даже не извинившись. Прибежавшие Онорина и Керубин стояли рядом, подняв на господина Тардье свои недовольные мордочки. Анжелика уже предвидела тот момент, когда Онорина убежит, чтобы вернуться с палкой в руках и с криком: «Я его сейчас убью».

— Не впутывайте в это дело господина де Виль д'Аврэя, — попросила Анжелика. — Он так великодушно отдал в мое распоряжение свой дом, что мне не хотелось бы его беспокоить по пустякам. Куда я должна заплатить?

— А, так вы заплатите? За противопожарную полосу?

— Да, это вам я должна заплатить эти пять ливров, господин судебный исполнитель?

— Нет! Господину Карбонелю. Он должен зарегистрировать вашу уплату.

— А где мне его найти?

— В канцелярии суда Большого Совета.

— Я сейчас же туда отправлюсь... Вам теперь придется искупить тяжкую вину. Вы явились препятствием на пути моей вечной души.

— Что... что вы хотите этим сказать? — пробормотал он, заикаясь, ошеломленный и на этот раз потерявший свою самоуверенность.

— Из-за вас я пропустила утреннюю службу. В соборе.

— Мадам, не могли бы мы быть вам полезны? — услышала она позади себя голос господина де Барданя. Вместе с господином де Шамбли-Монтобаном они только что вышли из своего особняка, где накануне пировали до глубокой ночи.

— Нет, нет, прошу вас... Пойдите лучше в церковь, замаливать ваши грехи. А я иду платить пять ливров штрафа, к великой радости господина Тардье.

И она побежала вниз по улице, держа за руку Онорину, которая не пожелала остаться дома.

Ее сопровождал лишь Пиксаретт в своей шкуре черного медведя, и на некотором расстоянии индейцы из лагеря со своими собаками, которые, едва завидев дога господина де Шамбли-Монтобана, как блохи прыгали в разные стороны. По правде говоря, Анжелика радовалась любой возможности познакомиться с неизвестными ей сторонами жизни в Квебеке.

Здание канцелярии королевского суда находилось позади собора, на полдороги от площади Оружейников и резиденции губернатора. Окна канцелярии выходили на реку и находились как раз над расположившимся внизу лагерем гуронов. Лет десять-двенадцать тому

назад в этом месте был устроен постоянный лагерь, где собрались те индейцы-гуроны, которым удалось спастись от постоянных кровавых расправ, учиняемых ирокезами. В этом лагере остатки племени гуронов находились под защитой Ононцио — так они называли всех губернаторов, являющихся представителями французского короля.

На этом клочке земли, находившемся одновременно вблизи и от резиденции епископа, и от собора, и от замка Святого Людовика, они чувствовали себя под защитой и молитв, и пушек.

Вот почему внутри помещения канцелярии стоял странный запах, состоящий из запаха костра, медвежьего жира и кукурузной похлебки и в то же время привычного для этих мест запаха чернил и бумажной пыли. И лишь благодаря этому аромату индейского лагеря, проникавшему через окна внутрь помещения, сразу становилось ясно, что вы находитесь в Канаде, а не во Франции. Во всем остальном обстановка в точности воспроизводила ту мрачную казенную атмосферу, которая царила в подобных канцеляриях, расположенных вокруг Дворца Правосудия на берегах Сены.

Никола Карбонель, секретарь канцелярии, с глубочайшим уважением относился к той должности, которую он занимал, и с почти религиозным рвением выполнял все распоряжения королевского прокурора Ноэля Тардье, как то: собирал налоги, штрафы и прочие денежные сборы, пополняя тем самым государственную казну и способствуя строгой финансовой дисциплине, необходимой в каждом респектабельном и процветающем обществе.

Его деятельность наложила на его поведение и внешность особый отпечаток: он носил всегда строгий темный костюм, несмотря на то, что он и не начинал лысеть, его голову прикрывала ермолка, он всегда

сутулился, как бы согнувшись под тяжестью, и, наконец, в зависимости от того разговора, который он вел, он мог то казаться глуховатым, то вдруг начинал все хорошо слышать.

Жесты его были медлительны, и он казался рассеянным, но очень быстро обнаруживалось, что он мгновенно становился весьма ловким и расторопным, как только необходимо было составить протокол или подписать разрешение на обыск.

— Итак, вы платите? — осведомился он, принимаясь затачивать одно из десяти гусиных перьев, лежащих перед ним на столе.

— Да, — сказала Анжелика, доставая кошелек. Но внимательно ознакомившись с делом, мэтр Карбонель заявил, что так просто все не получится, что она должна заплатить только два с половиной ливра, а Виль д'Аврэй, будучи владельцем дома, остальную сумму и, кроме того, дать письменное объяснение по поводу отсутствия противопожарной полосы.

Анжелика вышла на Соборную площадь как раз в то время, когда кончилась утренняя месса. Подошедший к ней Виль д'Аврэй был уже, конечно, в курсе всех событий и, разумеется, вне себя от возмущения.

— Я ничего не заплачу и ничего не поставлю на крыше. Пойдемте к Базилю, он нам посоветует, что делать. Лишь он один может образумить этих хищников.

Видя, что все собираются отправляться в Нижний город, маленькая Онорина начала внезапно плакать и цепляться за платье Анжелики.

— Хватит с меня, я тебя больше совсем не вижу, — кричала она. — Ты все время куда-то уходишь. Ты больше не играешь ни со мной, ни с Керубином. Ты занимаешься только этой маленькой сладкоежкой... Я хочу вернуться в Вапассу.

Все недовольство, накопившееся за это время в ее душе, внезапно прорвалось наружу. Последней каплей, переполнившей ее терпение, было то, что сегодня с самого утра ей пообещали к обеду напечь блины, и теперь, видя, что этот момент все отдаляется, она пришла в страшное негодование.

К тому же они находились рядом с домом Меркувилей, из распахнутых ворот которого в любой момент могла выскочить эта крошечная Эрмелина, этот гномик, которого никогда не наказывали, постоянно ищущая конфеты и сладости и особенно Анжелику.

И в самом деле, она появилась, приближаясь стремительно, как маленький эльф, не касаясь земли своими крошечными ножками, крича и смеясь, как ликующая птица.

Это уже было слишком!

Онорина завопила еще сильнее, закрыв глаза, широко разинув рот. Слезы рекой струились по ее щекам. На этот раз она, по-видимому, решила покорить Квебек, так же, как и ее мать в день приезда, но несколько иными средствами.

Ее отчаянные вопли заставили наконец взрослых замолчать.

— Я тебя теперь совсем не вижу, — повторяла Онорина сквозь слезы и начала ни с того ни с сего шепелявить, как в раннем детстве. — Ты плиходись, ты уходись! Ты все влемя в длугих домах, а я? Сто мне делить одной с этим Келубином?.. Я хотю велнуться в Вапассу. Я хотю к Балтоломью и к Тому! Посему они не плиехали с нами?

— Ты же прекрасно знаешь, что мы не могли их взять с собой сюда. Они ведь протестанты.

— Я хотю велнуться к плотестантам! — что было сил закричала Онорина.

Кричать подобное в самом центре этого папистского города было, по крайней мере, неосторожно. Они

поскорее вернулись домой, закрыли все окна и двери на задвижки и засовы и, наконец успокоившись, достали большую, сковороду для блинов, смазали ее жиром и поставили на угли очага.

Чтобы, как-то развлечь свою дочь, Анжелика поднялась с ней на чердак, под самую крышу, куда вела короткая лестница. Из чердачного окошка открывалась очень далекая перспектива.

Прямо под ними находился монастырь урсулинок. Окруженный высоким забором, теперь он был у них как на ладони. Обозревая двор монастыря, где жили эти трудолюбивые женщины, проводящие все свои дни в молитвах и в работе, Анжелика и Онорина видели маленьких воспитанниц монастыря, водящих хоровод. Анжелика заметила, что танцы, по-видимому, были любимым развлечением этих детей. По большей части это были крестьянские танцы, привезенные из их родных мест: бурре, ригодон.

Держась за руки, девочки водили хоровод сначала в одну сторону, затем в другую, вставали друг против друга, то сближаясь, то расходясь, приседая, хлопая в ладоши... Их детские голоса, звенящие в морозном воздухе, повторяли простые слова припева.

На мосту в Нанте
Танцует Марион.
На мосту в Нанте
Марион танцует.
Пастухи, танцуйте
Вместе с Марион,
Прыгайте, танцуйте,
Тех, кто нравится,
Целуйте!

Среди танцующих было несколько индейских девочек, которым позволили сохранить их одежду с бахромой, мокасины и единственное маленькое перышко, красующееся на вышитой жемчугом ленте,

которой были схвачены их длинные черные волосы. Они выглядели такими же веселыми и шаловливыми, как и другие воспитанницы, и вместе со всеми пели и танцевали.

В одном из углов двора находилось несколько индейских хижин, расположенных вокруг постоянно горящего костра. Этот маленький лагерь нашел убежище под благословенной сенью смиренных урсулинок. Возле очага весь день сидела старая индианка, следящая за котелком; она то поднимала крышку, то убавляла огонь, подливала кружку воды и бросала горсть кукурузы или кусочек сала. Как стайки воробьев, время от времени к ней подбегали девочки и, усаживаясь вокруг, слушали какую-нибудь историю, не забывая полакомиться кусочками сагамита, вытаскивая его двумя пальцами прямо из котла.

Затем они вновь разбегались, гонялись друг за другом, карабкались на деревья, на те приземистые яблони, чьи корявые стволы с обрубленными ветвями свидетельствовали о том, как тяжело им было прививаться и расти.

Девочки, забравшись в своих цветастых юбочках на ветви деревьев, были похожи на птиц в ярком оперении.

— Как они весело играют! — заметила Анжелика. — Тебе не хотелось бы поиграть вместе с ними?

Онорина, с интересом наблюдавшая за девочками, тем не менее ответила: «Нет».

«А ведь ей уже пора учиться читать», — подумала Анжелика.

Но она знала, что не отважится оставить Онорину на пороге школы, если та сама не изъявит желания. Онорина все время проводила одна. Одна со своей матерью. Она испытывала страх и недоверие перед обществом, будто инстинктивно чувствовала, что это общество отвергло ее с самого момента ее рождения.

День, когда она станет играть с маленькими веселыми жительницами Канады, станет переломным в ее судьбе.

— Но пока что Онорина говорила: «Нет».

— А маленькие мальчики из семинарии так же весело играют, как девочки из монастыря урсулинок? — спрашивала она.

Анжелике рассказывали, что мальчики особенно любили играть с клюшками в игру, придуманную ирокезами.

Как и все мальчишки, они с удовольствием играли в снежки. Эти маленькие канадцы были шумливы и непоседливы, однако более смышленые и любознательные, чем их сверстники во Франции. Они также любили танцевать, но это опять-таки были танцы индейцев, которым они обучались у своих друзей — мальчиков из индейских племен. Но танцевать им было запрещено, так как после этого дети-индейцы начинали тосковать и пытались убежать из стен семинарии в лес к своим родным племенам.

Однажды Анжелика решила провести небольшое расследование по поводу того, что ей сообщил Виль д'Аврэй. Разговаривая как-то с метрдотелем Тиссо, она неожиданно спросила его напрямик:

— Вы ведь служили при дворе. Скажите, не узнали ли вы того, кто скрывается под именем де ла Ферте?

Он мельком взглянул на нее и утвердительно кивнул головой.

— Но ведь это так странно! — сказала Анжелика. — Что могло вынудить этого молодого человека, занимающего благодаря своей сестре столь высокое положение, бежать и скрываться...

— Причин, по которым знатный дворянин, служащий при дворе, хотел бы на какое-то время исчезнуть, предостаточно. В отношении некоторых преступлений правосудие столь же беспощадно, как и в былые времена.

Он понизил голос.

— ...Его Величество был серьезно болен в прошлом году, до такой степени, что уже боялись, что он не выздоровеет. Врачи в конце концов начали подозревать, что его отравили. Нас, служащих на кухне, долго допрашивали. Нам-то ведь все было ясно: мадам де Монтеспан немного переусердствовала, подсыпая королю порошок, который должен был воспламенить его угасающую любовь к ней. Очень может быть, что герцог... де ла Ферте ей в этом помогал. Заметив, что следствие им заинтересовалось, что начали допрашивать его слуг, он, вероятно, решил, что ему лучше избежать их нездорового любопытства, и как можно скорее. Если бы король умер, его могли бы обвинить в покушении на Его королевское Величество.

— И именно из-за этой самой истории вам также пришлось покинуть королевство.

— Офицер Рта Его Величества, сам того не желая, знает слишком много. И вследствие этого попадает как бы меж двух огней: ему угрожают и те, и другие. Одни заинтересованы в том, чтобы он молчал, другие — в том, чтобы он говорил.

— А вы не боитесь, что «он» вас узнает здесь, в Квебеке? Что он может испугаться и попытаться вас убрать?

— Не более чем вы, мадам. Вы ведь не ожидали встретить «его» здесь. Но не стоит этому удивляться, удивительно, если было бы наоборот. Ведь что бы там ни говорили, мир тесен. В определенных местах вы встречаетесь всегда с определенным сортом людей. Я нахожусь на службе у господина де Пейрака и стараюсь по мере возможности не выходить за пределы замка Монтиньи, стоящего несколько в стороне от города. Проявляя разумную осторожность, я могу и не встретиться с этим господином.

— Вашими устами да мед бы пить! Что ж, я от души желаю вам этого. Но придется быть очень осмотрительным. Мы ведь заперты в этом маленьком городе, где все друг друга знают и откуда невозможно убежать.

— Но поверьте мне, мадам, в Версале приходится быть в такой же степени осмотрительным, там вас подстерегают не меньшие опасности. Размышлять и действовать надо только тогда, когда для этого есть достаточные основания. Оставьте ваши опасения — теперешняя ситуация их не заслуживает. Чуть-чуть беспечности и побольше философии — так можно все преодолеть. Держу пари, мадам, вы это и сами прекрасно знаете...

Глава 33

Дикие гуси улетали. Это означало, что зима приближается неминуемо.

Пока их стаи, насчитывающие более двухсот тысяч птиц, паслись у подножия мыса Бури, осень, казалось, будет длиться еще долго.

Вот уже почти два месяца, прилетев из Арктики, где они гнездились летом, большие белые гуси посещали заболоченные «пастбища», протянувшиеся вдоль побережья Бопре. Всю осень их оживленные крики раздавались в скалах.

И вот теперь, когда всем уже казалось, что хорошая, погода будет стоять вечно, они вдруг собрались улетать.

Глядя в небо, люди наблюдали, как они пролетают над городом, вытянув шеи, широко взмахивая крыльями, и в их криках слышалось веселье отваги, страстная любовь к путешествиям, которая без остановки поведет их на юг, до самых Каролинских островов.

Они покидали людей, оставляя им непогоду, реку, покрытую льдом, бесплодную, занесенную снегом землю. Многим становилось грустно, и они говорили печально:

— Гуси улетают!

Но когда они вернутся, все будут радостно восклицать:

— Гуси прилетели!

Ведь вместе с ними вернется весна.

***

Преодолев отвращение и страх, внушаемые ей жилищем, которое было приготовлено для Амбруазины, Анжелика решила посетить замок, находившийся за

холмом. Она была движима некоторым любопытством и необходимостью сообщить де Пейраку о деле Элие Кемптона.

Подойдя к замку, Анжелика увидела, что это было действительно весьма просторное здание. Восемь окон второго этажа выходили во двор. На первом этаже Жоффрей разместил свой генеральный штаб. Здесь решались все насущные проблемы, принимались безотлагательные решения. Де Пейраку надо было срочно разместить на зиму пять кораблей своего флота, а это требовало много усилий и забот.

Часть имущества с корабля «Голдсборо» была перенесена в замок, и среди прочего — пушечное снаряжение и оружие. Поэтому здесь царила атмосфера, напоминающая скорее казарму, чем дом хозяина.

— Нет, — сказал Жоффрей, глядя на Анжелику, — тень Амбруазины не посещает меня в этих стенах...

— А чем вы занимаетесь днем? — спросила Анжелика, осознав, что она не имеет ни малейшего представления о его делах и заботах.

— Как и вы, моя дорогая, я посещаю моих друзей.

— Вашего «тайного союзника»?

— Почему бы и нет?

Она озадаченно посмотрела на него. И внезапно смутная догадка промелькнула у нее в голове. Еще чуть-чуть, и она бы догадалась, кто был этот таинственный шпион Жоффрея. Анжелика была уверена, что среди того множества людей, с которыми ей пришлось встречаться, она видела и этого человека. Но чувство было слишком неопределенным.

А Жоффрей все еще молчал.

— Вы мне не доверяете, — сказала она.

Смеясь, он покачал головой.

— Всему свое время. Не будьте так ревнивы.

Он взял ее за руку и повел через березовую рощу. Деревья стояли уже обнаженные, лишь несколько темных елей зеленели среди них. Эти небольшие островки леса отделяли различные кварталы города. Вначале на их месте были изолированные друг от друга концессии. Квебек не был окружен городской стеной, и никакая граница не отделяла город от дикой природы.

Теперь эти небольшие леса и опушки внутри города превратились в подобие парков, превращающихся по вечерам в удобное убежище для влюбленных.

По дороге Жоффрей пытался успокоить Анжелику, объясняя, что весь день он занят множеством мелких и незначительных дел, без которых не обходится жизнь в городе.

— Действительно, я ведь по-настоящему никогда и нежила в городе, — согласилась Анжелика. — Я всегда вела бродячую жизнь. Жоффрей, первый раз за всю нашу жизнь мы вместе живем в городе.

И она снова посмотрела на него, будто боясь поверить в чудо. Так, шагая бок о бок, они пересекли Главную аллею и пошли в сторону обширных прерий, именуемых долинами Абрахама.

Таких естественных пространств, не покрытых лесами, в Канаде было очень мало. Обычно здесь проводили военные учения, а летом пасли скот. На отдельных холмах стояли несколько домов, окруженных небольшими рощицами, и Анжелика, вспомнив, что в одном таком доме поселили господина де Барданя, подумала, что он был прав, жалуясь на отдаленность своего жилища.

Увидев своими глазами тот шумный беспорядок, который царил в замке Монтиньи, Анжелика обрадовалась тому, что она и Жоффрей решили разделить свои «командные посты».

Никогда бы она не смогла почувствовать себя как дома в этом слишком большом поместье, приютившем

на зиму всех членов экипажей и флота. В этой казарменной обстановке она не смогла бы должным образом подготовиться к встрече с матерью Магдалиной. А ведь девятидневный пост уже подходил к концу.

Анжелика и Жоффрей стояли у края плато над скалистым обрывом. У их ног Святой Лаврентий нес свои воды к городу Трех-рек и Монреалю. Стаи диких гусей, летевших на юг, оглашали белесое небо пронзительными криками: «Прощайте! Прощайте!»

И в том же направлении, на юг, указал Жоффрей. В полулье отсюда с южной стороны открывается устье реки Ла Шодьер. Поднимаясь по ней, можно достичь озера Мигантик, а из него вытекает Кеннебек. Именно этим путем канадцы попадают в Новую Англию.

— И откуда можно также попасть в Катарунк, в Вапассу...

Жоффрей согласно кивнул. Обняв Анжелику за талию, он привлек ее еще ближе к краю скалы.

— Мы стоим на Красном Мысе. У подножия скалы находится Силлери, заброшенная миссия иезуитов, покинутая ими несколько лет тому назад, после того как ее разрушили ирокезы. Я начал здесь восстановительные работы и собираюсь построить небольшой форт, в котором перезимуют часть моих людей и три корабля.

Не хотел ли он дать понять, что строит этот пост в Силлери, потому что он находится почти напротив устья Ла Шодьер, откуда прямая дорога на юг в их владения в Вапассу и Голдсборо?

Сложный, почти непроходимый, но все же это был единственный путь, по которому они могли ускользнуть из ловушки, если им придется спасаться бегством.

Жоффрей добавил, что, кроме того, чтобы занять людей, он приказал строить маленькие деревянные бастионы у впадения реки Сен-Шарль.

Она слушала, всматриваясь в его энергичное лицо, обрамленное высоким меховым воротником плаща.

Она слушала его голос, звук которого всегда волновал ее.

И в его словах, уносимых временами порывами ветра, она чувствовала ту кипучую энергию мыслей и страстей, которая постоянно переполняла его ; желание жить, творить, строить — вот что было главным в натуре великого Жоффрея де Пейрака и что побуждало его оставить свой след на земле — не из гордости и тщеславия, а потому, что он обладал тем высоким духом созидания, который сама жизнь сеет в сердце каждого мужчины.

— Итак, если я правильно поняла, — вздохнула Анжелика, когда он кончил говорить, — вы продолжаете окружать город?

Жоффрей улыбнулся, но не стал отрицать.

— ...Почему?

Обернувшись, он бросил взгляд на город, на его высокие колокольни, видневшиеся за краем плато на фоне розовеющих сумерек.

— Потому что никогда нельзя быть полностью уверенным, — ответил он.

Затем, обнявшись, они отправились назад через долины Абрахама.

Жоффрей поднял голову и посмотрел на небосвод, от прозрачности которого кружилась голова.

— Посмотри-ка на луну! Она в красном сиянии, — сказал он.

***

Когда на следующее утро Анжелика вышла на порог своего дома, она не узнала привычный пейзаж. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла: Святой Лаврентий исчез.

Вместо темно-зеленой, черной, серой, временами желтой воды, сверкающей и бегущей, с островками

пены, простиралась бесконечная белая равнина, как бы покрытая алебастром.

Всякое движение замерло. Святой Лаврентий оделся льдом.

Холод железными тисками сдавил лицо Анжелики. Она поняла, что теперь они отрезаны от всего остального мира.

Она вернулась в дом, и ей показалось, что за то короткое время, пока она стояла на пороге, кровь застыла у нее в жилах.

В доме все только и говорили, что о холоде. Холод казался тем, кто явился внезапно, когда его уже перестали ждать. Явился, со своими стальными зубами и глазами из льда.

Из всех высоких труб города яростно валил дым. Он был таким плотным, что, раздуваемый холодным ветром, налетавшим на него подобно ледяному дыханию, свивал свои серые и черные клубы, как гигантский шарф, накинутый на город. Клубящееся облако все разрасталось, и к середине дня многие уже забеспокоились и заговорили о пожаре.

Пожары и эпидемии были страшными бедствиями для горожан, отрезанных от всего мира ледяной пустыней. В несколько мгновений огонь мог уничтожить целый квартал, оставив людей без жилья, без продовольствия, без всего, что они накопили на всю свою жизнь.

Прокурор Тардье, воспользовавшись паникой, направил своих инспекторов проверить, есть ли в каждом доме багры и крюки, а также железные тараны на чердаках и шесты, с помощью которых сбивали языки пламени на крышах. В домах, не имевших чердачного окна, должны были быть установлены постоянные лестницы, ведущие на крышу. Отсутствие снега позволяло легко осуществить эту проверку.

Глава 34

Анжелика стояла, оперевшись на шелковый полог алькова. Перед ней на кровати среди кружевных подушек лежало маленькое хрупкое создание, которое смотрело на нее поверх больших круглых очков в металлической оправе.

— Итак, это вы! — сказала маленькая женщина.

— Это я, — ответила Анжелика, — ваша соседка, так как мне выпало счастье жить в доме господина де Виль д'Аврэя, почти напротив вас. И мне так хотелось поскорее познакомиться с вами, дорогая Клео д'Уредан.

— А мне нет.

Дама сняла очки, отчего стала казаться еще более беззащитной.

Анжелика улыбнулась. Виль д'Аврэй ее предупредил, что у м-ль Клео д'Уредан нелегкий характер.

Пожилая дама прищурилась и долго разглядывала Анжелику, стоявшую в нескольких шагах от нее у подножия ее кровати. Та, которую она столько раз видела в окно, стояла наконец перед ней.

— Вы совсем не так красивы, как я думала, видя вас издали, — сказала она.

— Расстояние часто создает иллюзии. Мне очень жаль, что я вас разочаровала. Что касается меня, то я счастлива, найдя вас столь похожей на то восторженное описание, которое мне дали ваши друзья.

— Какие друзья? Вы имеете в виду вашего воздыхателя?

— Моего воздыхателя? Кого же?

М-ль д'Уредан рассмеялась.

— Действительно, ведь у вас большой выбор! Но мне нравится ваша откровенность, и то, как смело вы

отвечаете.

Слегка вздернутый нос, брови, поднятые в виде запятых, делали ее похожей на наивную юную девушку. У нее была удивительно белая, полупрозрачная кожа. Гладкий лоб оттеняли кружева маленькой наколки, кокетливо прикрепленной к ее седым волосам. Лишь морщинистые руки выдавали ее возраст.

Анжелика слышала, что она была когда-то замужем, однако ее по-прежнему называли «мадемуазель». Может быть, из-за ее юного вида. Но довольно часто так принято было обращаться к вдовам и женщинам, не имеющим детей.

Она отбросила свои очки подальше, на столик, стоящий у кровати.

— Чтобы видеть вас, я в них не нуждаюсь. Я надеваю очки, только когда пишу. Мне приходится очень много писать.

— Я знаю.

Кровать была завалена бумагами, рукописями, раскрытыми книгами.

На коленях у нее стоял маленький письменный прибор на коротких ножках с наклонной доской и углублением для чернильницы. В полураскрытой шкатулке виднелись пачки писем, перевязанных разноцветными лентами.

Онорина, пришедшая вместе с матерью, спряталась в складках ее юбки и, робко оттуда выглядывая, не отрываясь, рассматривала м-ль д'Уредан.

Ей казалось, что эта шестидесятилетняя дама похожа на птицу, сидящую в гнезде. В гнезде из бумаги, ловко и добротно устроенном, как и все птичьи гнезда. Она спрашивала себя, почему эта дама предпочла укрыться бумагой, а не теплым каталонским одеялом, которое Онорине нынешней холодной ночью принес Элуа Маколле. Разве все эти бумаги защищают ее от холода?

Непредвиденное обстоятельство привело сегодня Анжелику и Онорину в эту обитую коврами комнату, украшенную красивой мебелью и картинами, где протекала жизнь невидимой квебекской писательницы.

Из глубины комнаты сквозь большое окно был виден сад, и вдали, среди яблоневых деревьев, бегущие со всех сторон и размахивающие руками люди.

Ручная росомаха Кантора, вернувшись, забралась к соседям, и теперь ее пытались поймать.

Английская служанка, неторопливо ощипывающая в кухне каплуна, увидев что-то среди деревьев, открыла дверь, ведущую в сад. Собака, только того и ждущая, выскочила, громко лая.

Видя из своего окна весь этот переполох, Анжелика решила воспользоваться случаем, чтобы, придя с объяснениями и извинениями, познакомиться наконец с соседкой.

Англичанка, совершенно потерявшая голову в этой суматохе, позволила ей войти.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Анжелика. — Господин де Виль д'Аврэй сказал мне, что вы страдаете от ревматизма!

М-ль д'Уредан держалась не слишком приветливо, но вполне возможно, что это была защитная реакция пожилой женщины, ревновавшей своих друзей и вынужденной из-за болезни проводить жизнь вдали от светского общества.

— Господин де Виль д'Аврэй ничего не знает ни обо мне, ни о моих болезнях. Он слишком занят своими делами. Со времени вашего приезда он не часто бывал у меня. Вы стали причиной множества событий, мадам...

Анжелика рассказала о том, что привело ее в дом соседки.

— Рысь! — воскликнула м-ль д'Уредан. — Кар-ка-фу!.. И так уже моя собака стала нервной из-за вашего кота. Да ведь дог господина де Шамбли-Монтобана

проглотит ее. — Именно этого я и боюсь. Вот почему я позволила себе...

Как и большинство людей, которым приходится много времени молчать, обретя собеседника, м-ль д'Уредан продолжала произносить вслух свои внутренние монологи.

За несколько минут она успела узнать мнение Анжелики и высказать свое по поводу множества людей, посетовала на характер Сабины де Кастель-Моржа, чьи роскошные формы так не соответствовали ее враждебному отношению ко всему, что касалось любви; м-ль д'Уредан сожалела также, что дам, объединившихся в братстве «Святого Семейства», возглавляла мадам де Меркувиль, а не мадам де Бомон, бывшая более набожной.

— Вы были у урсулинок? Виделись с матушкой Магдалиной?

— Пока еще нет!

— Девятидневный пост закончился. Скоро вас позовут.

— Я надеюсь.

Из глубины сада выскочил темный шар и, как снаряд, полетел к дому. Анжелика кинулась ему навстречу, чтобы загородить вход, испугавшись, что рысь ворвется в этот дом, заполненный изящной мебелью и хрупкими безделушками.

Зверь остановился в нескольких шагах от нее.

Это в самом деле был Вольверин.

Он узнал Анжелику, его круглые черные глаза внимательно ее разглядывали «Как он умен, — подумала Анжелика, — почти как человеческое существо».

Можно было понять, почему рысь внушает такой суеверный ужас индейцам. Этот опасный враг обходит их ловушки, расхищает их запасы и мстит им с поразительной хитростью. Это странное животное,

похожее одновременно на медведя и на огромного барсука, с очень темным животом, головой, лапами и мордой. У него маленькая, по сравнению с туловищем, голова, маленькие глаза и уши, толстый и пушистый хвост. Его мех темно-коричневого цвета и зимой, и летом, и лишь на спине и у основания хвоста шерсть светлее. Такого же светло-каштанового оттенка его лоб и щеки, контрастирующие с темной маской вокруг глаз, что придает ему вид столь свирепый и дикий, что наводит ужас. Под коротким носом с широкими ноздрями маленький рот показывает в приоткрытом оскале четыре острых и белых клыка.

Не этот ли демонический оскал видела та проклятая женщина перед смертью?

Не он ли разодрал ее красивое лицо своими острыми зубами и когтями?

«...И я увидел, как мохнатое чудовище выскочило из кустов, набросилось на женщину-демона и сожрало ее...»

— Вольверин... Что ты делал? — прошептала Анжелика.

Одним прыжком ловкий зверь вскочил на стену и с гибкостью ужа соскользнул вниз по другую сторону ограды. С перекрестка раздались крики индейцев.

В саду было пусто.

Анжелика закрыла дверь, через которую проникала стужа. В это самое время прибежала собака, успевшая нарезвиться в самых дальних уголках участка. Пришлось вновь открыть дверь, чтобы впустить ее.

— Эта собака принадлежит к той породе, которая еще во времена древних римлян была приручена людьми. Мне ее привезла одна моя подруга. Мы ее повязали с догом господина де Шамбли-Монтобана. У нее были превосходные щенки.

Она вздохнула, перебирая связки писем.

— Ваш наглый кот... свирепый Кар-ка-фу... все эти создания будут, гулять по моей изгороди... Лучше бы я оставила тот забор из острых кольев, который тут был раньше.

Служанка в съехавшем набок чепце, громко ругаясь по-английски, вернулась на кухню. Чуть позже она вошла в комнату, неся на серебряном подносе мисочку овсяной каши. Должно быть, ее стряпня, брошенная на плите, пока повариха бегала за рысью, сильно пострадала, так как в комнате отчетливо запахло горелым. Однако ни служанка, ни хозяйка не придали этому никакого значения.

— Поставьте сюда, — сказала м-ль д'Уредан, указывая на столик у изголовья. — А, вот то, что я ищу!

И, очень довольная, она показала Анжелике перевязанную лентой рукопись.

— Если бы вы знали, о каком сокровище идет речь. Это роман, чести напечатать который был удостоен издатель Барден в прошлом году. Но он пока еще не опубликован, и по рукам ходят несколько копий. «Принцесса Клевская». Его написала мадам де ла Файетт.

Она замолчала и внимательно посмотрела на Анжелику.

— А вы бы заинтересовали мадам де ла Фаветт... Ваша любовная жизнь, должно быть, была очень бурной?

— Я не совсем понимаю, что вы в точности имеете в виду под словом «бурная», — сказала Анжелика, смеясь.

Она напомнила м-ль д'Уредан, что ее ужин совсем остынет. Анжелике так хотелось немного навести порядок в этой кровати заваленной бумагами, и она предпочла бы напоить эту хрупкую женщину хорошим гоголем-моголем.

Анжелика подошла к камину, кочергой помешала угли и подбросила еще несколько поленьев. Огонь

весело затрещал.

— Я принимала некоего господина де ла Ферте, который вами очень интересуется, — продолжала старая мадемуазель. — Он приходил лишь затем, чтобы наблюдать за вами из моего дома.

Анжелика вздрогнула. Ей и в самом деле показалось, что Вивонн и его приятели бродили в окрестностях.

— Он и его спутники мне крайне неприятны. Я опасаюсь, нет ли у них неаполитанской болезни, как почти у всех этих придворных. Говорят, что очень хорошим средством против этой заразы, разносимой отравленными стрелами Венеры, является перец. Но от него чихают...

И она настойчиво попросила Анжелику найти ей лекарство от этой ужасной болезни.

Анжелика не могла понять, почему старая мадемуазель так опасается неаполитанской болезни — ведь она не покидала своей постели, вела жизнь затворницы, и сам возраст уже должен был защищать ее от пагубных страстей.

Но Анжелика все же обещала ей принести всевозможные целебные травы.

— Хорошо, договорились, вы придете! И когда все покроется глубоким снегом, однажды вечером вы выйдете из дома, пересечете улицу, войдете ко мне, и я вам прочту эту чудесную историю — роман «Принцесса Клевская». Мадам де ла Файетт пишет божественно. Ее стиль — это подлинное наслаждение. Вы будете довольны.

И она добавила.

— ...Я читала самой королеве.

«Это произошло! Я видела обольстительницу, — писала м-ль д'Уредан. — Она стояла в двух шагах от меня.

Наш разговор начался довольно бессвязно. Мне хотелось заставить ее обнаружить те недостатки, которые должны быть свойственны такой опасной женщине, какой мне ее описали. Я пыталась уличить ее, заставить хмуриться, злиться, быть заносчивой, эгоистичной, властной. Я потерпела полный провал. Весь мой сарказм был растрачен впустую.

Короче, она меня очаровала. И даже не могу понять, в чем заключается ее шарм. Красота ее волнующа, это правда. Мы всегда чувствуем себя безоружными перед неким совершенством лица и тела, перед гармонией жестов, движений Красота нас утешает и утоляет нашу тоску по земному раю. Но одной красоты было бы недостаточно. Может быть, ее взгляд? Мне не удалось определить оттенок ее глаз, о которых столько говорят. Она смотрела на меня так внимательно, и я почувствовала, что она действительно рада со мной познакомиться, и не только для того, чтобы завоевать мое расположение.

Я почувствовала, что она озабочена моим здоровьем, и это меня тронуло.

Это так не похоже на то, что мне приходится слышать от моих друзей, которые слишком легко воспринимают мои болезни и от которых я постоянно слышу: «Вставайте! Вставайте!» Как будто есть необходимость в том, чтобы на улицах Квебека стало одной болтливой женщиной больше.

Ребенок, ее дочь, мне не понравился. Она слишком над ней дрожит, слишком для женщины, которая не должна была бы иметь слабости такого сорта.

Девочка тоже к ней очень привязана, но она совсем иная.

Можно подумать, что это не их дочь.

Боже! Как я люблю философствовать и рассуждать о сложностях и противоречиях человеческой натуры.

Как мадам де ла Файетт в своем прекрасном повествовании, рукопись которого вы мне прислали.

Мы скоро погрузимся во льды и тьму. Погода испортилась. Вот почему я не покидаю моей постели. На улице сверкает иней, скоро начнутся зимние бури.

Внезапно я подумала о мадам де Пейрак, и меня охватило беспокойство. Лишь бы мать Магдалина не узнала в ней ту зловещую женщину из своего видения!

Мадам де Пейрак сильная. Но, может быть, иезуиты еще сильнее?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. МОНАСТЫРЬ УРСУЛИНОК

Глава 35

Дул сильный ветер, и Анжелике по пути к монастырю урсулинок, куда она шла на встречу с матерью Магдалиной, приходилось нагибаться, вцепившись в полы своего плаща, он вздувался как парус. Небо, однако, казалось совсем чистым, почти безоблачным, хотя спокойствия не было; угадывалось, что там, в недоступных взору заоблачных высях, происходят какие-то стихийные бедствия. Прозрачный, тронутый золотом небосвод напоминал о недоступных человеку пространствах, где царит ад, худший, чем описанный теологами, ад ледяного холода.

Анжелика быстро шла по опустевшим улицам. Она торопилась, подгоняемая ветром и внутренней лихорадкой, успокаивая себя мыслью, что она в силах разрушить все обвинения матери Магдалины.

Извещение ей принес епископский писец. Монсеньер де Лаваль извещал, что встреча для расследования состоится после окончания девятидневного поста. Монахини сообщили, что они в этот день охотно примут у себя мадам де Пейрак в удобное для нее время, желательно между обедней и вечерней службой.

Анжелика была у себя, обучая Сюзанну работам по дому, чистке медных, оловянных и хрупких ценных предметов.

Даже если мать Магдалина начнет ее обвинять, падать в конвульсиях в обморок, Анжелика будет сохранять хладнокровие, и это будет наилучшим ответом на всю эту комедию. Она внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале, изучая свое лицо, которое будет видеть ясновидящая — глаза, пожалуй, чересчур сильно блестели, — и поправила

кружевной воротник. Потом, под влиянием импульса, она выбрала пару сережек — золотые шарики с жемчужинами — и вдела их в уши.

Она не хотела выглядеть ни чересчур смиренной, ни легкомысленной. Выглядеть собой. Женщиной. Знатной дамой.

На туалетном столике у нее была коробочка с украшениями и косметикой. Она слегка подрумянилась и подкрасила губы.

Сюзанна, молодая канадка, стояла в нескольким шагах от нее, не сводя темных глаз с этого лица, на котором была видна внутренняя борьба.

Когда мадам де Пейрак повернулась, Сюзанна протянула ей плащ, помогла его надеть и опустить капюшон.

Анжелика ушла быстрым шагом, не дожидаясь епископского писца. Будет ли Монсеньер де Лаваль присутствовать при встрече? Ей не хотелось этого, она предпочитала быть наедине с монахиней. Она не пошла Соборной площадью, а прошла немощеной дорожкой, которая шла мимо мельницы Иезуитов, вышла на Оружейную площадь, на другом конце которой высились укрепления замка Св. Людовика. Ветер превращался в колючий вихрь.

Анжелика увидела солдат, которые бегали, окликая друг друга. Обернувшись на повороте, она чуть не вскрикнула. Гигантское лиловое облако двигалось с невероятной скоростью. Казалось, что армия Бога Мрака устремилась на землю.

Но после поворота за угол стены здания суда все изменилось. Можно было подумать, что ей приснилась эта туча. Ветер стих, и в конце застроенной домами улицы, которая по старой памяти с времен первой дороги, проложенной в канадском лесу, по-прежнему называлась Большой Аллеей, на западе слабо сияло

солнце, в бледном свете которого сверкали мокрые черепичные крыши.

Когда она приближалась к монастырю урсулинок, навстречу ей из тени стены появился силуэт иезуита. Анжелика узнала монаха, который в день благодарственного молебна привлек ее внимание своими искалеченными руками и выражением высокомерной невинности.

— Я — отец Жоррас, — представился он, — духовник монастыря урсулинок и исповедник матери Магдалины де ля Круа, которая пожелала сегодня встретиться с вами, мадам.

Очевидно, он будет присутствовать при беседе. Иезуит обменялся несколькими словами приветствия с семинаристом, который присоединился к ним. Она поняла, что он также по просьбе епископа будет присутствовать при беседе, которую вежливые и осторожные священнослужители не называли очной ставкой. По его имени она поняла о причинах, по которым епископ прислал его. Его имя было Дидас Морильо Он был не семинаристом, а молодым священником, которого Монсеньер определил как будущего экзорциста (изгоняющего бесов) епископата.

«Встреча» с матерью Магдалиной впервые давала ему возможность провести исследование этого сомнительного случая демонологии. Дидас Морильо объяснил: «Монсеньер просил меня находиться здесь, чтобы дать ему отчет о беседе. Я должен составить протокол», — добавил он, указывая на пакет, в котором, очевидно, находились бумага и перья.

Мысль о навязанных свидетелях начала беспокоить Анжелику.

— Кого мы ожидаем? — спросила она.

— Настоятеля де Мобежа.

В этот момент из-за угла здания появился и сам настоятель, придерживая рукой свою широкополую

шляпу. Ветер внезапно стих, шляпа и священнические облачения, не раздуваемые ветром, приобрели более торжественный вид, и взаимные приветствия прошли с подобающим достоинством.

Видя себя окруженной черными сутанами, Анжелика начала опасаться, что внезапно появится отец д'Оржеваль. Она не переставала ожидать этого со времени своего прибытия. Она пожалела, что не попросила Жоффрея сопровождать ее, — ведь, в конце концов, отец д'Оржеваль был их общим противником. До того, как он объявил ее приспешницей дьявола, он уже обнажил свою шлагу и поднял свое знамя против Жоффрея де Пейрака, которого считал узурпатором Акадии.

Несмотря на всю ее решимость, когда она посмотрела на высокие стены монастыря, ее охватила тревога.

Но в Квебеке из-за вмешательства пронырливых, веселых, надоедливых, важничающих индейцев ничто не могло быть полностью торжественным и трагическим.

В момент, когда отец де Мобеж собирался поднять бронзовый дверной молоток главных ворот, появился вождь алгонкинов из племени горных индейцев со своей маленькой дочерью. Он пришел передать ребенка монахиням-урсулинкам, чтобы они воспитали ее истинной христианкой. Их сопровождал месье Луи Жолье, который знал их язык.

Жолье представил вождя, которого звали Мистангуш и который носил титул сагамора. Маленькой индианке было пять лет. В глубине лесов ее окрестил миссионер и дал ей красивое имя Жаклина. Ее, похожую на маленькую белочку с черными, как ночь глазами, вел за руку ее отец, татуированный гигант с луком и колчаном за плечами. На, лохматую шевелюру, тщательно смазанную медвежьим жиром, была надета

повязка, вышитая жемчугом и щетиной кабана. Края его кожаной туники были вышиты тем же любимым дикарями рисунком, а тонкие ноги были одеты в мокасины с бахромой.

На Большой Аллее появился всадник. Месье де Ломени-Шамбор сошел с лошади и направился к ним. Его прибытие не было случайным. Он просил иезуитов известить его о дне, когда мадам де Пейрак будет в монастыре урсулинок.

— Я был послан в Вапассу, чтобы прояснить данное предсказание и судить о его достоверности. Я хочу сегодня быть рядом с вами, — сказал он.

Он привязал поводья своего коня к одному из колец в стене. Она отвела его в сторону.

— Вы пришли, чтобы мне помочь? — спросила она.

Мальтийский рыцарь улыбнулся.

— Нет! У вас нет нужды в моей помощи, дорогой друг. Но я пришел потому, что, может быть, вам нужен друг? Войдем.

В толстой стене открылась дверь. Все вошли и спустились вниз по нескольким каменным ступеням, которые вели в вымощенный плитами вестибюль. Неожиданно там оказался интендант Карлон, который иногда навещал монахиню, с которой вел оживленную переписку, даже когда находился в Квебеке. Все обменялись приветствиями. Из-за решетки слева голос невидимой сестры осведомился об имени монахини, которую хотели видеть. Затем через другую дверь, механически открываемую изнутри, их ввели в приемную с хорошо натертым паркетом.

Господина Карлона повели в маленькую приемную, где он, сидя перед закрытым решеткой окошком, мог обсуждать со своей благочестивой наставницей вопросы спасения души. Мать Магдалина была оповещена, но предварительно надо было заняться

дикарем и его ребенком, из-за чего начало беседы задерживалось.

На вождя произвела впечатление эта обстановка, новая ему и странная. Он смотрел вокруг с робкими жестами и заискивающей улыбкой, странными при его гигантском росте. Горные индейцы обитали от окрестностей Сагена до Лабрадора. Мистангуш проделал длительное путешествие, чтобы добраться до этого монастыря, где обитали белые. Восхищенный, рассматривал он развешанные по стенам картины, на которых были изображены сердца, пронзенные мечами, увенчанные терниями, окруженные языками пламени.

Направо от двери находилась фаянсовая кропильница, из которой каждый брал кончиками пальцев немного святой воды и крестился.

В глубине монастыря прозвенел колокол. Вошла молодая монахиня, послушница, которая приняла неполные обеты, благодаря чему имела возможность принимать у порога учеников. Она нежно обняла ребенка, прижала к сердцу, заговорила с ней на языке индейцев гуронов, который маленькая горянка не очень хорошо понимала, но который был ей знаком. Монахиня целовала и гладила ее грязные щечки, ласкала, чтобы преодолеть ее страх. Она показала ей сушеные сливы и красный мяч.

Пламенное призвание, которое подвигнуло эту девушку знатной фамилии пересечь моря для спасения душ этих бедных дикарей, сияло на лице молодой сестры, и она вела себя как мать, обретшая свое дитя.

Она уверила отца Жаклины, что монахини будут заботиться о ней, любить ее, что у нее не отнимут ее амулета, который она носила на шее для охраны от злых духов, что не забудут смазывать ее каждый день жиром, чтобы предохранить ее от холода зимой и от мошкары летом, хотя часть последних утверждений была, возможно, благочестивой не правдой.

Во всяком случае, Жаклина не будет ни в чем нуждаться и будет всегда сыта.

Господин Жолье переводил.

Послушница удалилась с прижавшейся к ней девочкой, продолжая разговаривать с ней, чтобы отвлечь ее от разлуки с отцом. Он, который был на голову выше всех окружающих, обратился к каждому с небольшой, очевидно, вежливой речью. Встав на колени, он вынул из своего вещевого мешка две шкурки выдры и куски лисьей шкуры, положил их на пол и попросил водки. Лица иезуитов стали суровыми. Луи Жолье резко ответил дикарю.

— Они неисправимы, — сказал граф де Ломени. — В прошлом году сагаморы горных индейцев пришли делегацией в Квебек, прося прекратить продажу водки, которая делает их убийцами: они, в помрачении рассудка, убивают собственных жен и детей. Но смотрите, этот уже позабыл собственные жалобы и клятвы.

Сагамор обратился к Анжелике и возобновил с помощью жестов свою просьбу. Только четверть кружки, казалось, умолял он, показывая мерку в помощью большого и указательного пальцев.

— Он знает, что мы ему не дадим. Он пробует уговорить вас, новенькую в Квебеке.

Дневной свет убывал. Появилось темное облако, и в полутьме вырисовывались только неясные силуэты лиц и рук. Луи Жолье вышел, говоря, что он попросит светильники.

Индеец тихо положил в угол свой лук, колчан и деревянный щит. Он не отчаялся и надеялся в конце концов получить немного алкоголя в обмен на свои меха и за дочь, которую он привел в дар монахиням.

В глубине монастыря колокол продолжал призывно звонить короткими тихими ударами.

Переводчик вернулся с двумя серебряными трехсвечными подсвечниками. Он хотел уйти и забрать с собой своего дикаря. Но Мистангуш надеялся смягчить Анжелику и пытался своей мимикой позабавить ее и внушить ей жалость. Но она не поддавалась этому, зная, сколько скрывается упорства, наглости и хитрости за любезными улыбками туземцев, когда дело касается получения водки.

В конце концов месье Жолье ушел, он торопился на репетицию рождественских песнопений в хором маленьких учеников.

Сагамор уселся на пол, спиной к стене, под большим распятием. Он был неподвижен, как статуя, — и ждал. Светлело. Между туч прорезался луч солнца. Оба иезуита и священник беседовали в углу комнаты.

Анжелика слишком горела нетерпением, чтобы спокойно занять место на одном из стульев, расположенных вдоль стен. Она ходила взад и вперед, рассматривая картины.

Дверь тихо приотворилась, и в дверях появился похожий на ласку профиль Пиксаретта. Он широко улыбался, показывая все свои острые зубы, восхищенный, что ему удалось ее удивить. Осмотревшись кругом, с отвращением посмотрев на горного, индейца, он вошел в комнату и, взяв святой воды, перекрестился.

— Привет, Сагамор, почему ты пришел? — спросила Анжелика.

— Надо торопиться, — ответил загадочно Пиксаретт.

Так же благоговейно, как перед этим Мистангуш, он положил свое оружие, свой длинноствольный мушкет в угол и снял свой меховой плащ из черного медведя. Обнаженный, без всякой одежды, кроме кожаной набедренной повязки, медальонов и бус на шее, он никогда еще не казался таким нескладным со своими

длинными, как ходули, тонкими ногами. Он вынул из-за пояса свою трубку, набил ее черным табаком, закурил и после нескольких затяжек передал ее горцу, который поторопился последовать его примеру. Они курили каждый трубку другого, знак мира. Пиксаретт, абенак наррангассет, сын прекрасных высоких лесов Юга, глубоко презирал эти северные племена, которые блуждают среди чахлых деревьев, но правила индейского гостеприимства и христианского милосердия принуждали его быть вежливым. Раз дело не касалось врага Бога...

Выполнив свой долг, он вернулся на свое место и уселся на медвежьей шкуре с другой стороны двери.

Становилось все темнее, только золотистые блики освещали предметы и блестящий паркет.

Анжелика, которую отвлекло от ожидания появление новообращенного, снова начала ходить взад и вперед по приемной.

— Почему ты мечешься, как худой волк в западне? — спросил Пиксаретт, который провожал ее насмешливым взглядом.

— Потому что я жду с нетерпением. Я хочу, чтобы все скорее кончилось. Ты сам сказал, что надо торопиться.

— Кого ты ждешь?

— Мать Магдалину.

— Она здесь.

Анжелика вздрогнула. Сколько же времени был отдернут занавес у деревянной решетки, и монахиня, которая была за ней, могла незаметно наблюдать за той, которую ей представили как Анжелику де Пейрак, Даму Серебристого Озера?

Анжелика удивилась, что не почувствовала на себе этого угрожающего взгляда. Приблизившись к решетке, она подумала, что стала жертвой ошибки, настолько

внешность маленькой урсулинки показалась ей безобидной и неподходящей для ясновидящей.

У матери Магдалины была детская физиономия, которую белый чепец, обрамляющий, ее лицо, делал немного кукольной. Посты, которыми она себя изнуряла, казалось, не отразились на ее внешности, хотя были дни, когда она питалась только воздухом. У нее был матово-белый цвет лица, как у людей, которые редко бывают на солнце. Цветок в тени. Она носила круглые очки в металлической оправе, и если бы не это, она походила бы на прелестную Царицу Небесную с фарфоровым цветом лица в изображении фламандских художников.

В глубине кельи, рядом со столом, где горела масляная лампа, был виден силуэт другой монахини под черной вуалью, видимо настоятельницы.

Анжелика приблизилась на расстояние шага от решетки, из-за которой на нее смотрела мать Магдалина.

— Что же, — спросила Анжелика, — разве я — женщина-демон?

Неожиданно молодая монахиня рассмеялась.

— Нет! — воскликнула она, — и вы это отлично знаете!

Тогда присутствующие придвинули стулья и расположились перед решеткой.

Анжелика села посередине, напротив матери Магдалины, отец Жоррас справа от нее, отец Мобеж слева, а Ломени позади. Аббат Морильо сел на табурет и положил принадлежности для письма на колени. Вверху страницы он нарисовал крест, а затем написал имена присутствующих.

Протокол этой беседы, который он составил для епископата и иезуитов, начинался следующими словами:

Первая заговорила представшая перед обществом вышеназванная дама де Пейрак, обратившись к нашей сестре урсулинке матери Магдалине де ля Круа.

Вопрос: Что же? Разве я — женщина-демон?

Ответ: Нет! И вы это отлично знаете!

Молодая монахиня говорила тихим голосом. Она казалась удивленной, и по мере того, как она изучала лицо Анжелики, счастливой, даже восхищенной и испытывающей чувство облегчения. То же чувствовала и Анжелика. Таким образом, с первых минут дело было улажено. К несчастью, им не дали закончить на этом.

Настоятель де Мобеж продолжил то, что аббат Морильо назвал в протоколе допросом. Своим спокойным глуховатым голосом он предложил изложить все факты в хронологическом порядке. Он перечислил даты, когда молодая монахиня рассказала настоятельнице о своем видении, которое случилось два года тому назад, дату, когда она снова рассказала об этом своему исповеднику, затем — различные даты прослушивания ее в разных духовных судах, в которых принимали участие епископ, отец д'Оржеваль, настоятель семинарии месье де Берньер и он сам, настоятель иезуитов.

Он прочел, что это было за видение. Анжелике еще раз пришлось выслушать этот текст, который первый раз показался ей странным, затем оскорбительным, когда она поняла, что в описываемом пейзаже стремились узнать «Голдсборо» и ее самое в появившемся демоне-суккубе. Теперь она слушала с безразличием привычки.

«Я была на берегу моря. Деревья доходили до самого песчаного берега. Песок имел розоватый оттенок... Слева был построен деревянный мост с высоким забором и башней, на которой развевалось знамя... Повсюду в бухте много островов, похожих на лежащие чудовища. В глубине пляжа под обрывистым

берегом дома из светлого дерева. В бухте стоят на якоре два корабля. На другой стороне пляжа на расстоянии примерно одной-двух миль стоял еще один поселок с хижинами, увитыми розами. Я слышала крики чаек и бакланов...

...Внезапно из воды поднялась прекрасная женщина, и я поняла, что это женщина-демон. Она стояла над водой, в которой отражалось ее тело, и мне был непереносим ее вид, ибо она была женщиной... и я видела в ней символ моего греха. Внезапно из-за горизонта появилось существо, которое показалось мне крылатым демоном, оно приблизилось быстрым галопом — и я увидела, что это — единорог, длинный рог которого сверкал в лучах заходящего солнца, как хрусталь. Женщина-демон села на него верхом и помчалась в пространство...

...Тогда, как с высоты небес, я увидела Акадию, ее необозримую равнину. Я знала, что это Акадия. С четырех сторон демоны держали ее как покрывало и сотрясали. Женщина-демон промчалась по ней в крылатых сандалиях и зажгла ее. Все время, пока продолжалось видение, я чувствовала, что в углу этой картины находится черный, гримасничающий демон, который смотрел на это сверкающее демоническое существо, и иногда мне в ужасе казалось, что это — сам Люцифер... Я приходила в отчаяние, потому что я видела, что это гибель для этой милой страны, которую мы взяли под свое покровительство, когда внезапно показалось, что все успокоилось. Другая женщина появилась на небе. Не знаю, была ли это Дева Мария или какая-нибудь святая покровительница наших общин. Однако показалось, что ее появление усмирило демона. Она отступала в ужасе. И я увидела, как из лесной чащи вышло какое-то мохнатое чудовище, которое растерзало ее, а из облаков появился молодой архангел со сверкающим мечом...»

После того, как было изложено содержание видения, допрос снова возобновился, а перо экзорциста аббата Морильо заскрипело по бумаге.

Настоятель де Мобеж начал с того, что монахиня много раз утверждала — в своем видении она не могла ясно видеть лицо демона, а лишь его обнаженный силуэт, освещенный сзади солнцем. Как могла она утверждать, видя перед собой мадам де Пейрак одетую и узнать которую можно только по лицу, что не она являлась ей в видении?

Вопрос действительно мог ввести в смущение с различных точек зрения.

Этот вопрос, видимо, занимал всех духовных лиц, которые принимали участие в обсуждении истинности и значения этого видения.

Попросят ли Анжелику раздеться, как Сусанну в купальне?

Совсем несвоевременный приступ веселья охватил Анжелику, она закусила губы и втихомолку посмотрела на шевалье де Ломени. Угадал ли он ее святотатственные мысли?

Однако мать Магдалина, которая сначала казалась обескураженной этой придиркой, покачала головой.

— Какое это имеет значение? Это была не она, — сказала она кротко, но тоном, не допускающим возражения.

Вопрос монахине настоятеля де Мобеж:

— Вы уверены в деталях вашего видения? Вы считаете, что четко видели указанные детали?

Ответ: Да.

Вопрос: При разговоре с матерью-настоятельницей вам не внушили добавить какие-нибудь детали для того, чтобы яснее толковать видение?

Ответ: Нет.

Вопрос: А при ваших беседах с отцом Жоррасом?

Ответ: Нет.

Вопрос: А при беседах с отцом д'Оржевалем?

Ответ: Нет! Нет! — энергично отвечала маленькая монахиня. — Я ничего не добавила, ничего не убавила. В ту ночь я видела эту местность так ясно, как на картине брата Луки. Мне очень понравился розовый цвет песка на этом берегу — я никогда не видела такого цвета.

Вопрос: Вы узнали поселение Голдсборо?

Ответ: Я не знаю поселения Голдсборо. Я не знаю, где оно находится.

Вопрос: Уверены ли вы, что не называли Голдсборо?

Ответ: Я в этом уверена.

Вопрос: Какое же название вы произносили?

Ответ: Я говорила об Акадии. Я была уверена только в том, что это место находилось в Акадии и что Акадии угрожает опасность.

Отец де Мобеж повернулся к Анжелике. При свете масляной лампы в этом полумраке его лицо еще больше напоминало старого китайского ученого.

— А вам, мадам, описание этой местности не кажется ли описанием вашего поселка Голдсборо?

— По правде говоря, это может быть описанием любого поселка во Французской Бухте, — ответила она безразличным тоном.

— Но это могло быть Голдсборо?

— Могло быть, — согласилась она, — а могло и не быть.

— Нет ли какой-нибудь детали в этом описании, по которой вы по совести могли бы сказать, что это было именно Голдсборо?

В этот момент Анжелика встретилась взглядом с маленькой. монахиней.

«Я сказала правду, — говорил этот взгляд, — теперь и ты должна сказать правду»!

И внезапно она поняла смысл этого придирчивого допроса. Она поняла, какую цель преследовали иезуиты

и другие духовные лица, устраивая эту очную ставку ее с матерью Магдалиной.

Целью была истина.

Иезуиты не были инквизиторами. Их орден не стремился уподобиться доминиканцам с их мрачными трибуналами. Они были здесь не для того, чтобы, как в страшные времена инквизиции, вырвать ложное признание в колдовстве и отправить жертву на костер...

Они были здесь, чтобы добиться правды. Им надо было определить, истинными ли были эти сверхъестественные явления, и исследовать их в свете их глубоких эзотерических познаний.

Она вспомнила, что главный, экзорцист Парижа, который обследовал Жоффрея, когда его обвиняли в колдовстве, был иезуитом и был убит, чтобы он не мог свидетельствовать на суде о его невинности.

А ее брат Раймонд, иезуит, сделал все, что было в его силах, чтобы спасти Жоффрея от костра.

Все это промелькнуло в ее уме за те несколько мгновений, когда она переводила взгляд с двух суровых лиц монахов на лицо монахини за решеткой.

«Скажи правду», — умоляли глаза. Смолчать — это значило подписать приговор матери Магдалине. Ее уже много раз допрашивали, долго терзали. В конце концов ее могли счесть симулянткой, истеричкой, которая недостойным образом стремилась привлечь к себе внимание.

Итак, могла ли Анжелика отрицать существование Амбруазины? Теперь перед ней была эта ни в чем не повинная монахиня, которая таинственным, пока необъяснимом образом первая «увидела» ее и с трепетом рассказала об этом.

Могла ли Анжелика отрицать эти страшные сцены, ужасные преступления, свидетелями которых она была жарким летом на каменистом побережье залива Святого Лаврентия?

Могла ли она отрицать, что был единорог из позолоченного дерева, выброшенный волнами на розовые пески Голдсборо, и его рог, который блестел «как хрусталь»?

Она признала поражение.

— Да, это правда: было в Голдсборо время, когда все было как в видении. Дома светлого дерева под обрывом, которые были еще недостроены, когда было пророчество... Два корабля в порту. Я должна признать, что картина точная, и что мать Магдалина не могла ее заранее придумать. Но это вовсе не означает, что я обязательно являюсь демоном в обличье женщины только потому, что я жила там и находилась там в это время...

Отец де Мобеж прервал ее резким жестом, который оэначал, что от нее не требовалось ни более полной информации, ни даже ее мнения по этому вопросу.

Но, начиная с этого заявления, допрос принял форму... сотрудничества, которое Анжелика приняла из чувства лояльности по отношению к матери Магдалине. Выдержки из допроса:

Вопрос: К какому периоду времени может относиться вид местности, описанный в «видении»?

Ответ: К началу прошедшего лета.

Вопрос: Были ли вы в это время свидетельницей демонологических явлений, которые происходили в этих местах?

Ответ: Вышеназванная дама де Пейрак отвечает, что она не может ответить на этот вопрос, она не считает себя способной отличить демонические явления от каких-либо дурных явлений, которые могли случиться.

На это настоятель де Мобеж возразил, что, наоборот, он уверен, что у нее есть некие способности увидеть то, что недоступно взору, о чем ему сообщили лица понимающие и достойные доверия, а именно, отец

Массера, отец де Вернон в предсмертном письме, а также отец Жанрусс, один из иезуитов Акадии.

При этом перечислении Анжелика почувствовала себя загнанной, как лань, в кругу этих черных сутан. Они кончат тем, что узнают все о ней и Амбруазине, если уже не знают все.

Она признала, что действительно в это время в Голдсборо происходили явления, которые можно признать «демоническими», но затем она сжала губы и решила про себя, что им не удастся больше ничего у нее вырвать. Нет, она никогда не расскажет об Амбруазнне, воплощенном демоне, она слишком хорошо и близко «видела», она не будет говорить ни о ее преступлениях, ни о ее смерти. Есть вещи, о которых лучше не говорить после того, как их пережили, и они в прошедшем. Не нужно их увековечивать ни в камне, ни на бумаге. Это сказал ей эпикуреец Виль д'Аврэй. Давно уже на песках побережья Акадии не сохранилось никаких следов. Она считала, что сказала достаточно, чтобы подтвердить утверждения матери Магдалины и даже отца д'Оржеваля, когда он указал на Голдсборо. Дальше она не пойдет.

Возможно, отец де Мобеж прочел на ее лице эту решимость, и он не настаивал. Повернувшись к матери Магдалине, он спросил таким тоном, как будто речь идет о дополнительном вопросе.

— Сестра, вы говорили недавно настоятельнице о другом сне, в котором вам явился отец Бребеф, заклиная вас молиться об обращении колдуна. Существует ли связь между этим новым сверхъестественным посланцем и не касается ли это того, чем мы занимаемся сейчас — Голдсборо, мадам де Пейрак и ее супруга?

— Нет! Нет! — поспешно сказала мать Магдалина. — Этот сон был послан мне в ночь их приезда, но они были ни при чем. Отец Бребеф известил меня, что будет

вызван колдун, чтобы совершить святотатство, и что надо обязательно помешать этой гнусности. Я бросилась на пол у постели и долго молилась...

«Бедная мать Магдалина», — думала Анжелика. И дни ее, и особенно ее ночи не соответствовали представлению Анжелики о мирной, ангельской жизни монахини-затворницы.

Настоятель де Мобеж спросил:

— Значит, это не был колдун из вашего видения?

— Какой колдун? — спросила монахиня растерянно.

— Это темное существо, которое было рядом с дьявольской женщиной, и вы боялись что это сам сатана.

— Нет! Нет! Это был не сатана, я потом это отрицала.

— В самом деле. Значит, это был колдун?

— Нет, это был не колдун.

— Так кто же это был?

— Черный человек, — прошептала она дрожащим голосом.

— Вы не думаете, что это мог быть господин де Пейрак?

Анжелика слегка вскрикнула, протестуя, и ей ответил такой же вскрик матери Магдалины.

На отца де Мобежа не произвела впечатления эта реакция слишком чувствительных женщин, и он повторил свой вопрос.

— Я не знаю господина де Пейрака, — сказала маленькая монахиня с несчастным видом.

— Желаете ли вы удостовериться в этом в его присутствии?

— Нет, это не нужно. Бесполезно беспокоить этого знатного господина. Это не он.

— Почему вы уверены, что это не он?

Она не отвечала.

— Значит ли это, сестра, что вы знаете, кто этот черный человек?

— Сестра, можете ли вы назвать нам его?

— Нет! Нет! Я не могу! — вскрикнула мать Магдалина и закрыла руками свое измученное лицо.

— Но оставьте наконец ее в покое, бедняжку! — вмешалась Анжелика. — Достаточно ей, да и всем нам этих историй. К чему нужны все эти детали, которые вы выпытываете у нее? Почему не ограничиться только тем, что может причинить зло? Разве обязательно записывать все свидетельства слабостей, падений, разрушений? Буря должна пройти, ее не нужно силой удерживать, иначе она разрушит все. Поверьте мне, есть вещи, которые должны пронестись как ветер... Но что это? — вздрогнула она, когда раздался с грозной силой один из глухих ударов, которые были слышны все это время.

— Это приближается буря, — ответил отец де Мобеж. — Бушует ветер. Что вы говорили, мадам?

— Что не надо вызывать дух зла, имена и знаки могут дать ему власть...

Она вздрогнула, вспомнив почерк записки, которую нашли в плаще человека, убитого Пиксареттом.

«Я приду сегодня, если ты будешь послушна». При виде этого почерка ужас охватил ее. Почерк Амбруазины...

— Перо иногда может передать яд, — сказала она. В ответ на свое вмешательство она ожидала новых вопросов. К ее удивлению, отец де Мобеж, как китаец, покачал головой и, не настаивая более, поднялся, за ним отец Жоррас, затем аббат Морильо.

— Я должен закончить этими последними словами? — спросил аббат.

— Какими?

— Перо иногда может передать яд, — медленно прочел он.

Настоятель иезуитов улыбнулся.

— Мне кажется, это совершенно правильно.

На его лице появилось выражение удовлетворения.

— Прочесть протокол? — спросил аббат Морильо.

— Нет, потому что буря приближается. Будем подписывать.

Передавали из рук в руки, матери Магдалине передали его для подписи за решетку.

Потом аббат Морильо взял все и спрятал в свой кожаный мешочек.

«Сестра, я вернусь навестить вас!» — закричала Анжелика до того, как на решетку опустилась черная завеса, скрывшая мать Магдалину. Анжелике пришлось кричать из-за шума ветра, который сотрясал двери и продолжал усиливаться.

— Да, возвращайтесь навестить нас, милая дама, — ответил кроткий голос из-за занавеса. — Мы вам покажем наши семь алтарей.

Подошли Пиксаретт и вождь горцев. О них забыли.

Граф де Ломени взял Анжелику под руку:

— Я провожу вас, мадам.

Теперь, когда все было кончено, все они Анжелике показались очень приятными.

— Признаюсь вам, отец мой, я чувствую себя очищенной, как водой нового крещения.

— Вам нечего было бояться, мадам, — ответил отец де Мобеж. — Эта очная ставка, как вы это заметили сами, имела целью только подтвердить то, что мы все уже знали.

Однако, несмотря на необходимость всем скорее вернуться по домам, отец де Мобеж хотел еще сделать важное сообщение. Он обратился к графу де Ломени:

— Я обращаюсь к вам, рыцарю Мальтийского ордена, и знаю, что вы давно питаете чувство дружбы к отцу Себастьяну д'Оржевалю. Я знаю также, что вы спрашивали о нем и беспокоитесь о его участи. До этого

дня, пока в свете Святого Духа не был разъяснен вопрос, которым мы занимались сегодня, я говорить не мог. Теперь я могу вас успокоить насчет участи вашего друга. Я разрешаю вам, брат мои, если ваши сограждане будут спрашивать о нем, сообщить о тех решениях, которые были приняты нами совместно с отцом д'Оржевалем. Вы знаете, что наши миссии, заброшенные после великого побоища ирокезами пяти племен гуронов и наших миссионеров, в настоящее время поднимаются из пепла. Уже несколько лет окрещенные катешумены, племена, родственные ирокезам, просят о возвращении Черных Сутан, чтобы поддержать их в вере, в которую они были крещены. Я счел, что пришло время прислать в эту лишенную пастыря страну самого влиятельного, самого храброго из наших миссионеров; я назвал Себастьяна д'Оржеваля. Разве не сумел он почти в одиночку обратить в истинную веру огромную территорию западной Акадии, граничащую с еретиками Новой Англии? В области ирокезов он сумел поддержать и защитить эти заброшенные народности, которым непрерывно угрожают окружающие их язычники. Все указывало на него, ибо он знает много абенакских наречий, он бегло говорит на языке гуронов и ирокезов. Он отправился в путь, когда ваш флот приближался к Квебеку, мадам. Вот почему вы и ваш супруг не нашли его здесь. Он сам понимал, что это — к лучшему. Он не остановится ни в Трехречье, ни в Виль-Мари. Если он не сможет до наступления снежных бурь достигнуть территории ирокезов, он перезимует в форте Катарак на озере Фронтенак.

Настоятель говорил спокойно, не спеша, а ему вторили все более сильные порывы ветра. Анжелика чувствовала, как напряжены ее нервы.

— Как вы видите, нет ничего таинственного в этом решении. Желательно было только подождать, пока

успокоятся страсти, перед тем как сообщить об этом в нашем городе, болтливом и склонном к преувеличениям, о шаге, который совершенно сознательно совершил отец д'Оржеваль. Он удалился, понимая, что так он идет по пути исполнения Божьей Воли и верности своим обетам.

В этот момент страшный шум, производимый порывами ветра, усилился, казалось, двери не выдержат напора, и своды рухнут.

Анжелике показалось, что она жертва галлюцинации.

— Что это такое? — вскричала она, хватаясь за руку де Ломени.

— Это буря, — ответили ей спокойно.

Дверь с грохотом открылась, и вошел интендант Карлон, подгоняемый в спину сквозняком. Позади него виднелись силуэт послушницы с подсвечником и старика с факелом. Завывания ветра оглушали.

— Это ничего, — прокричал Карлон, — это только небольшая буря. Мы сможем вовремя добраться до наших домов. Но вас нужно сопровождать, мадам, и уходить надо сейчас же.

— Оставьте ваших лошадей в конюшне, господа, — посоветовала послушница, — снег уже слишком глубок, они будут падать.

При выходе, хотя дверь была закрыта, приходилось двигаться согнувшись. Через все щели задувало снег, двери сотрясались как от кулаков безумца. Послушница настояла, и Анжелика повязала шарф, чтобы не спадал капюшон.

Когда открыли дверь на улицу, перед ними возникло серое пространство, клокочущее, разрываемое горизонтальными полосами крутящегося мелкого колючего снега. Свечу послушницы и факел старого служителя задуло. Он нашел лошадей, когда снег уже достигал колен их ног, и повел их в монастырский двор.

Странно, но снаружи, в сердце самой бури, ее шум казался менее ужасающим, чем внутри монастыря, потому что он усиливался так, что его уже не замечали.

С первых же шагов им пришлось бороться со стеной северного ветра, казалось, что они имеют дело с невидимым силачом, который яростно сопротивляется их продвижению.

Не видно было уже ничего — ни зданий, ни улицы, ни дороги.

Вцепившись в своих спутников, которые поддерживали ее, Анжелика продвигалась вперед, надеясь на их знание города и северных бурь. В Вапассу она не помнила подобных бурь. Правда, когда была плохая погода, из дома не выходили. Никогда ярость северного ветра не казалась ей такой свирепой.

Они шли, низко согнувшись. Ветер бил по ногам, по лицу. Время от времени все успокаивалось, и снег начинал падать мягким, обильным водопадом, казалось, он тут же совсем все заметет. Они споткнулись и упали в сугроб. Потребовалась помощь двух индейцев, которые следовали за ними, чтобы вытащить их. Ее спутники с трудом находили дорогу. Внезапно впереди замаячил мерцающий огонек. К ним приближался человек с потайным фонарем в руке и лопатой на плече. Это был слуга иезуитов, который шел остановить ветряную мельницу. Он предложил свою помощь, благодаря которой остальной путь они прошли без особых трудностей. Около двора соседей, у дерева, они увидели движущийся темный сугроб.

— Это собака, — сказал Ломени.

Анжелика хотела сказать «бедное животное», но ее лицо и губы застыли и не двигались.

Ей показалось, что она падает в колодец, где снег достигал ей до пояса. Но они подошли уже к дому Виль д'Аврэя. Дверь широко открылась, за ней были лица, смех, радостные восклицания.

Был виден огонь очага.

— Мама, мама!

Дети приветствовали ее с восторгом. Иоланта, Адемар, старый Элуа, Кантор.

— Матушка! Я хотел пойти вас встречать. Мессир кот, благоразумно свернувшийся клубком возле очага, казалось, тоже был доволен ее приходом.

Клод де Ломени и Жак Карлон отказались войти.

— Не из-за чего волноваться, — говорили они. — Это еще не «большая» буря, при которой приходится сидеть три дня там, где она вас застанет.

Превращенные волшебством бури в подвыпивших гуляк, мальтийский рыцарь и важный интендант Новой Франции пустились в путь, спотыкаясь и держась друг за друга.

Глава 36

Она сидела одна среди ночи с горящим перед ней очагом и держала на своем плече кота, его тепло помогало ей размышлять; кот смотрел на нее своими большими, внимательными глазами и как свидетель помогал понять все до конца.

— Теперь я уверена, что знаю, кто был тайным союзником Жоффрея. Ты-то это знал, месье Кот, с самого начала. Я могла бы давно догадаться об этом. Это был вопрос логики.

Она дожидалась Жоффрея.

Буря продолжала свирепствовать, и дорога между жилищами стала почти непроходимой, но Анжелика надеялась, что он воспользуется малейшим затишьем, чтобы пересечь расстояние от усадьбы Монтиньи до дома Виль д'Аврэя. Если только в этот вечер он не находился в Силлери или на борту «Святого Карла», в тех местах, где он начал воздвигать свои форты, чтобы окружать города. Анжелика понимающе улыбнулась себе и коту.

Все же она его ожидала, радуясь заранее возможности воспользоваться бурей, которая изолирует их в этих стенах, чтобы заставить его «признаться». Она отправила спать весь дом, сказав, что она сама присмотрит за огнем.

— Он признается, ему придется признаться.

В полумраке маленький огонек свечи, которую Сюзанна зажгла перед тем, как уйти на ферму, напоминал, что Бог бодрствует над людьми, которых застигла непогода. Существовал обычай зажигать свечу в каждом доме во время бури. Сюзанна, которая помнила обо всем, чувствовала, что буря приближается. Она нашла время добежать до церкви, достать свечу,

даже освятить ее и принести для охраны дома мадам де Пейрак. Это не была свеча, специально предназначенная для этой цели и освященная в соборе Сретения, но это было лучше, чем ничего. Сюзанна также позаботилась о том, чтобы принести продукты старому Лубетту. Потом, борясь с первыми порывами ветра, она добралась до своей фермы и тоже зажгла освященную свечу для своих.

Снаружи продолжала свирепствовать буря, сгибая деревья, она нападала на дома. Но дома Квебека сопротивлялись ярости врага рода человеческого, жестокого ветра норд-оста. Они стояли на прочных фундаментах, их невозможно было разрушить; уничтожить их мог только пожар.

В Вапассу, где низкий деревянный форт был почти доверху засыпан снегом, у Анжелики во время урагана не было такого ощущения поединка, яростной борьбы за выживание с жестокой и беспощадной природой. Здесь же был недалеко Северный полюс.

Вечером все в доме были веселы, с примесью легкого волнения. Все с аппетитом поели. Потом пошли спать, захватив с собой в постели медные грелки, больше по привычке, так как печи топились вовсю, и было очень жарко. Когда все разбрелись по своим углам и заснули, ей захотелось обойти весь этот уютный дом.

Обходя дом со следующим за ней по пятам котом, она вновь вспоминала встречу с матерью Магдалиной. На душе у Анжелики стало легче после того, как была установлена ее невиновность, но это чувство заслонялось тем, что последовало далее — сообщением о том, что отец д'Оржеваль покинул город и отправился в миссию к ирокезам. Она заметила, что, когда заговорил отец де Мобеж, Ломени вздрогнул и на лице его появилось выражение ужаса. Она поняла, что отец д'Оржеваль покинул город не по своей воле. Его

заставили поехать к ирокезам. Этим объяснялось обвинение отца Геранда: «Он умрет по вашей вине».

Бесшумно она обходила дом из кухни в салон, в будуар, в библиотеку. Дом Виль д'Аврэя был полон сокровищ, как пещера Али-Бабы.

Анжелика приоткрыла дверь комнаты, где спали Онорина и Керубин под охраной Иоланты, комнаты, где в одной постели спали Онорина и Тимоти. Пиксаретт и Мистангуш выбрали себе пристанище в уголке за кухней, где хранились кастрюли и инструменты. Завтра или позже горец, надев свои снегоступы, пойдет в свой фиорд Саген, высокие берега которого достигают облаков.

Он посасывал свою, наконец полученную «четвертушку» алкоголя, а Пиксаретт между двумя затяжками табака отчитывал его за пьянство. Их не было видно. В темноте слышны были только их голоса, да дымок их трубок поднимался к потолку как туман.

Анжелика спустилась в погреб. Она чувствовала запах фруктов: яблок, груш, различных видов орехов, запах сидра и вина, связок лука и чеснока, заплетенных как косы флорентийской принцессы.

Запах хорошо устроенного любимого дома. В погребах овечки посмотрели на нее своими кроткими глазами. Лежа на сене, они ожидали ночи, спокойные, уверенные в своем теплом убежище. Коза стоя жевала с храбрым и веселым видом.

Поднявшись наверх, Анжелика остановилась у комнаты Кантора. Он спал. Ей нравилось со времени, когда он был совсем ребенком, садиться на край его постели и смотреть, как он спит.

Как когда-то, она думала, глядя на него: «чудный маленький Кантор».

Ей хотелось прикоснуться кончиками пальцев к его тонкий бровям, к его губам, над которыми

вырисовывался светлый пушок. Кантор такой красивый… и его росомаха со страшным оскалом.

Настанет день, когда она вновь навестит мать Магдалину и спросит ее: «Какое лицо было у архангела? Как выглядело мохнатое чудовище?» Но сейчас летопись женщины-демона была закрыта.

Потом она вернулась к камину и села с котом на плече.

Она вспоминала день, когда она вошла в большую комнату, заставленную научными приборами.

Отец де Мобеж, настоятель иезуитов в Канаде, и граф де Пейрак вместе наклонились над страницами толстой книги, лежащей на конторке.

Смех этой светской идиотки Беранжер прогнал впечатление, которое возникло тогда у нее — они беседовали как люди, которые давно знакомы.

Должна ли она предполагать, что отец де Мобеж и Жоффрей де Пейрак уже когда-то встречались?

В то время, когда Жоффрей, совсем молодой, блуждал по азиатским морям или позднее в Европе, в Средиземноморье, в Палермо или Кандии? В Египте или в Персии? Иезуиты были повсюду, пересекая пути всех авантюристов мира.

И встреча их продолжилась здесь, в Канаде?

Тогда все делалось понятным, даже внезапное загадочное исчезновение отца д'Оржеваля. Ему нанесли удар, когда он торжествовал. И кто мог нанести этот удар? Только тот, кто имел над ним власть. Только отец де Мобеж, настоятель иезуитов в Канаде, его настоятель, имел власть подчинить себе Себастьяна д'Оржеваля, так как отцу де Мобежу не уступавший никому миссионер был обязан послушанием. Только он мог его заставить, дать ему приказание, которого он не мог ослушаться. У иезуитов больше, чем где бы то ни было, строгая дисциплина. Это — армия. Разве глава ордена в Риме не имеет звание генерала?

Анжелике казалось, что она без труда может вообразить себе следующую картину:

Через дверь кельи с белыми стенами, на которых выделяется суровый крест ордена иезуитов, входит миссионер. На груди его крест с рубином, символизирующим кровь, пролитую во славу Господа.

У того, кто его призвал, загадочный взгляд азиата. Между ними мало сходства, нет близости.

«На колени, сын мой! Завтра вы покинете Квебек и отправитесь в миссию к ирокезам».

Связанный своим обетом, иезуит д'Оржеваль должен выполнить приказ без возражений, без отсрочки. Он бессилен против этого внезапного распоряжения, которое вынуждает его покинуть город, удалиться в эти бесплодные пространства, где его, быть может, ожидает смерть.

Чем больше она размышляла, тем более она была уверена, что дело происходило именно таким образом. За два дня до прибытия флота де Пейрака, отец де Мобеж приказал удалиться своему чересчур могущественному подчиненному. И дал он это приказание потому, что был тайным союзником Жоффрея де Пейрака.

Со стороны двора послышался шум бури, раздались глухие удары в дверь.

— Я не мог провести нашу первую снежную бурю в Квебеке вдали от своей дамы, — сказал Жоффрей, когда Анжелике удалось открыть дверь, уже засыпанную снегом, с помощью Маколле, который покинул свою, похожую на гроб постель.

Дверь хлопнула, как будто ее сорвали с петель, в нее ворвался снежный вихрь и вместе с ним граф де Пейрак и его конюший Жан ле Куеннак. Они поставили свои снегоступы к стене. Преодолеть путь от усадьбы до дома в эту бурю было опасной экспедицией.

С их одежды сыпались комья снега. Им пришлось согнуться, чтобы закрыть дверь и запереть ее на деревянный засов.

Жан ле Куеннак пошел спать на чердак, где были постели с занавесками против сквозняков.

Элуа Маколле подбросил в очаг огромные поленья и сказал, что он будет стеречь огонь, как в Вапассу.

Вокруг дома, защищенного от всякого вторжения, гигантский орган ветра звучал все сильнее. В комнате с просторной кроватью было уютно.

«Он признается в своем предательстве, — думала Анжелика, глядя на Жоффрея де Пейрака, — но не сейчас», — уточнила она, покоренная его улыбкой, когда он наклонился к ней. В этой улыбке для нее заключалось все счастье мира.

Ночь будет долгой, такой же долгой, как буря. И когда буря стихнет, они проснутся в белом, бархатном молчании. Они обнялись и с восторгом прижались друг к другу...

Долгая ночь Любви — долгая, как жизнь. Кажется, в ней все заканчивается, всему подводится итог, она является концом всего, хотя она — начало всего, она затмевает все, что было до этого и может быть потом.

Все кажется не имеющим значения: слава, опасности, богатство, зависть, опасения, страх перед нищетой и страх унижений, подъем или падение, болезнь или смерть. Торжествует тело. Бьется сердце.

Все исчезает, и «нездешнее» принимает вас в тайном святилище любви.

Их «нездешнее» в эту ночь была тесная комната и буря снаружи, в диком месте, в городе, более похожем на росток потерянного семени, городе, который этот адский ветер мог ежеминутно смести со скалы.

Вселенная, в которую они были перенесены, была — кольцо их объятий и земной огонь, сжигавший их.

Они долго стояли не раздеваясь в этой темной комнате, и светильник освещал только звездный блеск их глаз, когда они, счастливые, смотрели друг на друга.

Все ушло, любимое, лицо заслоняло все. Они молча обнимали и целовали друг друга.

Наконец холод вернул их к реальной жизни, и в лихорадке желания они, обнаженные, укрылись под одеялом большой теплой постели, отгороженной от окружающей тьмы.

Их тела искали друг друга, стараясь вновь найти себя, вновь постичь невыразимое. Это был призыв плоти. Дар, против которого не устоит ничто. Взаимное влечение одной плоти к другой. Это то, что дарит блаженство. У них это влечение было всегда и сметало взаимный гнев, ссоры и разлуку.

«В твоих объятиях я счастлива, — думала она, — из всех моих любовников ты — самый незабываемый. И это будет продолжаться всю нашу жизнь. Всегда, пока мы живы и можем касаться друг друга, встретиться глазами и губами. Поэтому мы свободны. Потому что связаны единственной связью, которую мы не смогли разорвать, — взаимным влечением. Где бы мы ни были, это всегда с нами».

И это волшебство плоти всегда помогало сблизиться их противоположным сущностям — мужчины и женщины.

Начиная с их первой встречи в Тулузе, они понимали, что одинаково смотрят на жизнь.

Они любили любовь, они любили жизнь, они любили смеяться, они не страшились Божьего гнева, они любили гармонию и созидание, они стремились к торжеству всего этого на земле, и они жили полным счастьем любви в эту ночь, когда кругом бушевала буря.

В вое ветра исчезали все мелкие шорохи обычного домашнего существования. Его порывы, которые, казалось, с яростью стремились прервать волшебство

этой ночи, только добавляли чувство исчезновения всего, кроме них самих. Они чувствовали только свое наслаждение, свою радость, которые выражались короткими словами, нежными жестами.

Счастье, получаемое и даваемое, освобождение от всего в жизни, забвение всего, потому что Он — здесь, потому что Она — здесь. Час любви, украденный у времени, у ночи, у зла. Это — право, и это — всегда чудо.

Такие мысли пролетали в голове у Анжелики среди восторгов этой ночи.

И, как каждый раз, ей казалось, что они никогда не были так счастливы, как в этот раз. Она говорила себе, что никогда губы Жоффрея не были такими нежными, его руки такими ласковыми, его объятия такими властными.

Что он никогда не был так смугл, так силен, так жесток, его зубы никогда не были такими белыми, когда он улыбался своей улыбкой фавна, его лицо, покрытое шрамами, не было таким устрашающим и чарующим, его взгляд таким насмешливым, что она никогда не была так околдована запахом его волос, его гладкой кожей, телом, которое казалось таким смуглым по контрасту с ее белой кожей и белизной простыней.

Ей нравилась его смелость в любви, его горячая жадность.

Он предавался любви, не допуская, что может быть предел разнообразию разделяемого желания. Он стремился достичь источника жизни, он искал ее, то, что было самым неуловимым в ней, как терпеливый алхимик — неизвестный металл.

Ей нравился также его эгоизм, когда он переживал собственное удовлетворение. Любовь была для него земным наслаждением, и он погружался в нее с полной отдачей сил своего тела и ума. В этом был он весь.

Он владел любовью. Он был сам собой в полноте эротических ощущений, которым он предавался весь, иногда — радостный, иногда — мрачный, но всегда умелый и страстный. Женщина увлекала и покоряла его, а потом все же исчезала. Он оставался наедине с любовью. И тогда благодаря его свободе она тоже оказывалась свободной. Свободной, без стеснения, подчиняясь всем безумствам, увлекаемая к звездам и его присутствием и его отсутствием. Присутствие, которое зажигало ее, и отсутствие, которое ее освобождало.

Руки Жоффрея, его ласки, его дыхание, нежные и страстные проявления его любви давали жизнь ее телу. Иногда он так владел ею, что ей казалось, что это тело ей не принадлежит. Потом он возвращал ей это тело, оставаясь сам с собой. Тогда она чувствовала себя обновленной, освещенной нездешним светом.

Она избавлялась от слабостей женского тела, более слабого, чем мужское, тела, которое желали и отталкивали, обожали и оскверняли. Она находила истинное могущество в теле женщины, нежного и лучезарного, как в первые дни творения, могущество Евы.

Она была свободна и могущественна. Следуя за ним, она разделяла его порывы, давала увлечь себя этому ветру свободы и торжества, который увлекал ее и внезапно опрокидывал в одинокий и чудесный мир экстаза.

В полутьме Анжелика грезила. Она думала, что неистовство бури только удлиняло ночь наслаждения. Свет зари не прервет счастливого сна и объятий, и Анжелике казалось, что наступила пора лени и беззаботности, которая бывает так нужна и о чем иногда напрасно мечтаешь.

В полутьме она чувствовала, что покой ее души уже никогда не будет нарушен. Это чувство появилось не

только из-за, этих блаженных часов, но и благодаря признанию ее невиновности в глазах общества и уверенности, что отец де Мобеж был «шпионом» Жоффрея.

Она спросила себя, не было ли это нелепой идеей, но затем подробности вчерашней, казалось, уже такой далекой сцены под звуки органа снежной бури стали вновь возвращаться к ней.

Она была уверена: он признается.

Она смотрела на него, спящего. Зная, что он легко просыпается, как все люди, привыкшие к опасностям, удержалась от стремления погладить его темные брови, шрамы на его лице.

Почему он был таким скрытным, если они так хорошо понимали друг друга?

Он открыл глаза, обернулся к ней, зажег свечу у изголовья и опершись, на локоть, посмотрел вопросительно.

— О чем вы думаете? Или о ком?

— Об отце де Мобеже.

— И что нужно этому достойному иезуиту на нашем грешном ложе?

— Он для меня загадка.

Она коротко рассказала ему о допросе в монастыре и о последнем сообщении настоятеля иезуитов.

В том, что он удалил отца д'Оржеваля в миссию к ирокезам, она увидела знак союза, более того, сотрудничества с ним, Жоффреем, графом де Пейраком. Сотрудничества, которое казалось необъяснимым. Он не был гасконцем и был духовным лицом, а южане, к которым, принадлежал Жоффрей, не любили тех, кто напоминал им об ужасах инквизиции. И все же, когда она первый раз вошла в библиотеку иезуитов, она почувствовала, что между аквитанским графом и иезуитом существует глубинная связь.

Тогда она спросила себя: что это за сотрудничество? Что могло внезапно сблизить вас с человеком, таким, казалось, далеким от вас?

Он слушал ее сначала невозмутимо. Потом он улыбнулся, и она поняла, что ее догадка была правильной.

Теперь ему придется признать, что именно отец де Мобеж был тем неизвестным сообщником, который помог подготовить их прибытие в Квебек.

Однако то, как он сделал это признание, привело ее в смущение.

— Что нас сближает? Скажем, это очень напоминает то, что сближает вас с мадам Гонфарель, не скрою, женщиной очень приятной, но от которой, казалось бы, вы должны быть очень далеки... если бы между вами не существовали узы прошедшего, узы, которые ничто не может разорвать, ни время, ни разлука, — узы старой дружбы.

Анжелика сначала была озадачена, услышав имя Польки Жанины Гонфарель. Потом она поняла. Ее тоже разгадали. Она расхохоталась и обняла его.

— О, месье де Пейрак, месье де Пейрак! Ненавижу вас! Вы всегда берете верх надо мной!

Она спрятала лицо у него на плече. Но когда она подняла голову, он увидел, что ее глаза полны слез.

Он обнял ее.

— Храните ваш секрет, — сказал он. — Я расскажу вам о своем.

***

Назавтра по-прежнему нельзя было высунуть нос на улицу, и они провели день, сидя рядом на уютном диване около красивой фаянсовой печки.

Под рев этой свирепой бури они разговаривали вполголоса.

— Я познакомился с отцом де Мобежем уже очень давно, когда был совсем молодым человеком и ездил по

свету по следам Марко Поло. Мать моя была еще жива и управляла нашими поместьями под Тулузой, а я, ее наследник, мог быть покорителем земель; мне хотелось все видеть, все знать, хотелось наверстать все, что я не мог видеть в детстве, когда был болен. Был я и в Китае. Отец де Мобеж приехал туда как помощник достопочтенных отцов иезуитов, которых Великий Могол призвал для устройства в Пекине астрономической обсерватории. Несмотря на молодость, де Мобежу благодаря его учености и знанию языков — он знал китайский — этот пост был доверен.

Иезуиты, в соответствии со своим методом, для того чтобы понять тех людей, которых они были призваны обратить в христианскую веру, жили как китайцы, одевались как мандарины. Когда первый раз я заговорил с ним на пыльной улице Пекина, он восседал в паланкине, на голове его была красная квадратная шапочка, и он был одет в белое, вышитое драконами одеяние. На его необычайно длинных ногтях были надеты золотые футляры. Я с трудом обратился к нему с несколькими китайскими словами. К моему удивлению, он рассмеялся и ответил мне по-французски.

С этой первой встречи мы подружились и продолжали переписываться, даже когда я вернулся в Тулузу. В продолжение долгих лет мы сообщали друг другу о результатах наших научных исследований.

Но Папа посчитал, что католические догмы будут искажены из-за контактов с буддийской религией и могут стараниями иезуитов, смешать христианство с восточными верованиями.

Ведь орден иезуитов был создан для защиты католической апостольской римской церкви от ересей. На обете покорности Папе держалось все здание ордена, потому что армия эта была в распоряжении наследника святого Петра, наместника Христа на земле.

Папа вызвал иезуитов из Китая и разослал их по разным странам.

— Это была опала.

— Это был конец великой мечты иезуитов обратить Китай в христианскую веру.

— На отца де Мобежа это очень подействовало?

— Иезуиты — большие философы, — сказал де Пейрак с улыбкой. — Прежде всего — воля Божья, следование своим обетам.

В это же время графа де Пейрака постигла собственная катастрофа: он был приговорен к казни за колдовство.

Только позже, когда он плавал по Средиземному морю под именем Рескатора, де Пейрак вновь услышал об отце де Мобеже от иезуитов в Палермо в Сицилии и узнал, что он послан настоятелем иезуитов в Канаде. Это назначение, как всем было ясно, было понижением для блестящего мандарина и ученого астронома в Пекине.

Когда граф де Пейрак прибыл в Америку, он тайно отправил ему послание. Обмен письмами был не частым, но достаточным для установления контакта. Оба поняли, что доверяют друг другу.

— Чтобы быть действенным, этот союз должен был оставаться тайной. Приближаясь к Квебеку, я не знал, что он предпримет и как он мне поможет. Но я знал, что он сделает все возможное, чтобы поддержать нашу политику. Мы обязаны ему удалением отца д'Оржеваля, который стал в конце концов считать себя настоятелем иезуитов Канады.

Со своей стороны Анжелика не стала скрывать, что ее дружба с Жаниной Гонфарель была давней и относилась ко времени их расставания после его приговора.

Она не вдавалась в подробности и он не настаивал. Он сказал только, что его изумила столь тесная дружба

между хозяйкой таверны и Анжеликой. Их почти сестринские и откровенные взаимоотношения сразу же его поразили.

— Это только доказывает, что мы не умели так притворяться, как вы и ваш иезуит.

— Становишься чутким ко всему, что касается любимого существа, — сказал де Пейрак.

— Однако мне кажется, что я вас люблю, но мне понадобилось больше времени, чтобы обнаружить связь между вами и этим невозмутимым китайцем.

Они рассмеялись.

«Боже, как я его люблю», — повторила себе Анжелика.

И она чувствовала себя счастливой, что может сидеть рядом с ним, слушать его рассказы, чувствовать его тело рядом со своим, обмениваться с ним нежными, влюбленными взглядами.

День тихо прошел под аккомпанемент снежной бури, при радостном потрескивании огня, под тикание часов, и незаметно этот день перешел в ночь.

Глава 37

Буря продолжалась два дня и три ночи. «Это были пустяки» — так говорил Элуа Маколле, единственный, кто выходил из дома и был хранителем огня. Огонь горел день и ночь в комнате и в кухне, где пекли хлеб и готовили пищу. Ставни приходилось держать закрытыми, снег и ветер с яростью пытались ворваться в окна.

Норд-ост выл, свистел, превращался в снежный вихрь, яростно бросался на стены дома.

Анжелика и ее муж долго разговаривали, сидя в удобных креслах в маленьком салоне-будуаре, где Виль д'Аврэй расположил все свои самые ценные вещи и безделушки. Месье Кот составлял им компанию, по достоинству оценив мягкую, покрытую шелком мебель. Из этой комнаты был виден освещенный большой зал, где дети, индейцы Пиксаретт и Мистангуш, друзья и слуги собирались около очага или большого стола, ели, смеялись и беседовали. Кантор играл в триктрак с Адемаром. Вечером он брал свою гитару.

Иногда ветру удавалось найти маленькую щель, и тогда пламя ламп и свечей начинало колебаться. Вода, которую поднимали из внутреннего колодца рядом с камином, казалась живым другом по сравнению со льдом, царящим снаружи.

Под крышами, покрытыми дранкой или черепицей, за прочными стенами продолжалась обычная жизнь города под охраной собора Сретения.

Без сомнения, у урсулинок маленькие пансионерки продолжали вышивать. В больнице сестра-аптекарь приготавливала свои лекарства. В Нижнем городе Жанина Гонфарель царствовала среди своих веселых клиентов, довольная, что находится в таком

гостеприимном месте. По кругу шли напитки, а на вертелах жарилось мясо.

Но добрая Онорина беспокоилась об участи собачки Банистеров, сидящей на цепи у дерева в погоду, когда «хозяин на двор собаку не выгонит».

Чтобы утешить ее, Элуа Маколле уверил ее, что эти собаки могут зимовать под снегом, выкапывая себе в снегу пещеру, согревая ее своим дыханием и выходя из нее, когда утихнет буря и вернется солнце. Собаки эскимосов могут выдерживать самые низкие температуры. Но собаки эскимосов очень умны. Собаки местных индейцев выродились, а помесь их с европейскими собаками была еще хуже. «Они не лают... они не годятся ни для чего... ни для охоты, ни для охраны. Эта просто собака, которую держат при доме. Может тянуть сани, но даже не сможет найти дорогу домой. В доме они полезны только для одного: они чуют пожар. Стоит вылететь искре или зажженная свеча подожжет кусочек материала, эта собака начинает метаться как безумная. Она бросается на стены, на двери. Когда увидят или услышат, что глупая собака мечется, надо тут же искать, где горит».

— Но это же очень ценная собака! — заметила Анжелика. — Если бы у нас была такая в Вапассу, мы бы меньше тревожились, не боялись бы заснуть ночью из страха перед пожаром, когда мы были все больны и такие усталые в конце зимовки...

Ее мысли вернулись в Вапассу. Тогда, как и в эту зиму, рассказам старого Маколле аккомпанировал свист ветра.

На третий день воцарилась тишина. Открыли ставни. Перед глазами предстал белоснежный хаос. Домов, улиц, деревьев не было, только крыши выглядывали из снежных холмов.

Над всей этой белизной из плотного тумана медленно выплывала небесная лазурь. \

Квебек казался покрытым бархатным покровом, колокольни высились над крышами. Он походил на гигантскую кадильницу при богослужении благодаря многочисленным струйкам дыма, поднимавшимся вертикально к небу и окрашенным лучами солнца в золотистые и серебристые тона.

Первым знаком возвращения к жизни этого квартала Верхнего города был бульдог де Шамбли-Монтобана, резвившийся, как дельфин в волнах. В вихре снежной пыли росомаха кинулась к дому, в котором находились Анжелика и Кантор, и животные подняли веселую возню.

С радостными криками вышли дети, и, катаясь в пушистом снегу, они стали возиться вместе с животными. Первым убежал бульдог. Мадемуазель д'Уредан, погребенная в полумраке своего дома, слышала все, но не могла ничего видеть. Ее служанка, закутанная в шаль, вышла через окошко мансарды с лопатой в руках и стала разгребать снег перед окном. Это было самой срочной работой. С дверью можно справиться потом.

Из сугроба, как из пены морской, появилась глупая собака на цепи. Она взгромоздилась на опрокинутую бочку и смотрела на дом Виль д'Аврэя, как утопающий смотрит на корабль.

Жизнь возобновлялась.

Индейцы из маленького лагеря проделали себе выход и вышли, как кроты, один за другим из своих вигвамов, грибообразные формы которых едва угадывались под сенью вяза, засыпанного до ветвей.

Во время бури одна из индейских женщин родила ребенка. Она пришла в дом Виль д'Аврэя попросить белого хлеба и немного водки для себя и корпии для новорожденного.

Она несла его за спиной на маленькой доске, пестро разрисованной, запеленутого в красные и лиловые

ленты, вышитые жемчугом и щетиной кабана. Он походил на кокон, откуда едва виднелась его круглая, цвета красного дерева мордочка. Он спокойно спал.

Бардане из своего дома проделал траншею по самому короткому пути к дому мадам де Пейрак. Он пришел сразу же за рабочими с лопатами. Обеспокоенный, он хотел ее навестить, справиться о ее здоровье. Его пригласили обедать. Во время бури он все время играл в карты с де Шамбли-Монтобаном.

Анжелика увидела, что Онорина, пробравшись по пояс в снегу, беседует со служанкой-англичанкой, которая энергично работала перед дверью с лопатой и веником. Маленькая Онорина знала несколько слов по-английски и успешно разговаривала.

— Чего ты хочешь от Джесси? — спросила Анжелика.

— Она сказала, что, когда будет большой снег, она нам прочтет историю одной принцессы. Все скоро будут справлять Рождество.

В городе одновременно распространились два известия. Мать Магдалина встретилась с мадам де Пейрак и решительно отмела все сомнения по поводу ее. Все были очень этим довольны. Но известие об отъезде отца д'Оржеваля к ирокезам было принято не без волнения. Мадам де Кастель-Моржа говорила об этом в драматических тонах. Она не скрывала своего отчаяния и заявляла, что была допущена преступная несправедливость. Отец д'Оржеваль уже был однажды в плену у ирокезов, и его пытали. Если он опять попадется им в руки, то на этот раз ему не будет пощады.

«У нас будет новый Бребеф», — говорил месье де Лаваль, возможно, с легким оттенком удовлетворения в голосе.

Чтобы напомнить верующим, в тени каких великих мучеников возникала Канада, он прочел с кафедры

свидетельство Кристофера Маньо, первого канадца, которому показали тело известного иезуита, свидетельство ужасной казни, которая остается одной из самых страшных во всех анналах христианской мартирологии.

«Прибыв в миссию Святого Игнатия, откуда ушли ирокезы, я нашел тела мучеников.

У отца Бребефа ноги, ляжка и руки были все ободраны до костей. Ему вырезали мускулы, чтобы их зажарить и съесть.

Я видел и трогал на его теле большое количество пузырей от ожогов от кипящей воды, которой эти варвары поливали его в насмешку над святым крещением.

Я видел и трогал раны от горячей смолы по всему его телу.

Я видел и трогал ожоги от раскаленных топоров на его плечах и животе.

Я видел и трогал его губы, которые ему обрезали, потому что во время своих страданий он говорил о Боге.

Я видел и трогал все части его тела, по которым было нанесено палками более двухсот ударов.

Я видел и трогал верх его головы, с которой была содрана кожа и на которую сыпали горячий песок, также в насмешку над святым крещением.

Я видел и трогал раны его отрезанного носа и отрезанного языка.

Я видел и трогал его рот, который ему разрезали до ушей, и видел рану в его горле от раскаленного железа, которое ему вонзили.

Я видел и трогал его глазницы, из которых вырвали глаза и вставили горящие угли.

Я видел и трогал отверстие, которое вождь варваров проделал, чтобы вырвать и пожрать его сердце, в то время как остальные индейцы пили кровь, текшую из этой раны.

Итак, я видел и трогал все раны на его теле, о которых нам рассказали индейцы».

Затем епископ напомнил одиссею гуронов и нескольких французов, которые, несмотря на тысячи опасностей, перенесли тело мученика в миссию Святой Марии, а затем его голову в Квебек.

«Я перенес его голову в Квебек, держа во время пути ее обеими руками у сердца, как дорогого малого ребенка.

В настоящее время голова отца де Бребефа хранится у сестер в монастырской больнице в серебряной раке с его изображением, установленной на восьмиугольной подставке из эбена. Туда ежедневно приходят ему поклоняться».

После этой впечатляющей проповеди Анжелика захотела поговорить с графом де Ломени-Шамбером, другом отца д'Оржеваля. Она знала, что он живет в Верхнем городе. Она узнала, где его дом. Она не видела его с того вечера, когда поднялась буря и произошла ее встреча с матерью Магдалиной, при которой он присутствовал.

Он жил около здания суда, занимая скромную комнату, которую предоставил в его распоряжение его друг д'Арребуст, который уехал в Монреаль, и де Ломени мог пользоваться его гостиной и библиотекой. Но он довольствовался своей маленькой, как монастырская келья, комнатой и принимал помощь слуги только для ухода за этой комнатой и одеждой. Когда он не был приглашен к друзьям, он обедал в маленьком кафе, рядом с Плас д'Арм, которое держал старый солдат, бывший когда-то пленником у турок. Это было единственное место в городе, где бывшие средиземноморцы могли иногда выпить турецкого кофе, напитка, который большинство людей не ценило и считало за лекарство.

Он привел туда Анжелику. Пришлось спуститься на несколько ступенек. Было довольно темно, так как толстые и зеленоватые стекла пропускали мало света. Эта полутемнота и приятный запах кофе ободрили Анжелику.

— Мы не встречались с вами после дня начала бури. Теперь мадам де Кастель-Моржа пытается поднять общественное мнение против меня. Говорят, что отцу д'Оржевалю грозит большая опасность, — и это из-за меня. Мне хотелось бы знать, де Ломени, считаете ли вы меня виновной? Если это так, я буду очень огорчена. В чем я виновата?

Шевалье положил свою руку на ее руку. Он ласково посмотрел и покачал головой.

— Вы повинны только в том, что вы — женщина и кажетесь ему привлекательной. Вы рассказали сами: он видел вас выходящей из воды. Он вам никогда этого не простит, — добавил он с запинкой, — потому что, возможно, в это мгновение он понял, что у него есть слабость, из-за которой он рискует стать беззащитным и даже потерять веру.

— Поколебать веру иезуита? Мой дорогой друг, ваш пессимизм вводит вас в заблуждение. Есть выбор, который изменить нельзя.

— Увы, но не у него, — вздохнул де Ломени. — Я знаю его со школы. У него всегда был страх, даже, я бы сказал, ненависть. Страх, ненависть к женщине. Не знаю почему. Но, возможно, что ваша встреча открыла ему глаза на некоторые вещи. Например, что его влечение к духовному званию и то, что он захотел стать иезуитом, было стремлением найти убежище от зла. От женщины, воплощенного зла, пришедшего, чтобы развратить мужчину, Лилит каббалы, женского демона — суккуба, более способного похитить душу человеческую, чем инкуб — демон мужской, ибо суккуб более хитер.

Анжелика побледнела, слушая его. Она понимала, что Ломени-Шамбор не знал о существовании в жизни Себастьяна д'Оржеваля с раннего детства этого адского существа, Амбруазины. «Как демон, идущий следом», — подумала она. Но он был близок к истине. Он изобразил силуэт ребенка-убийцы, который беспрестанно колебался на грани добра и зла и который всю жизнь пытался определить эту грань. Это соответствовало бредовым воплям женщины-демона.

«О, мое прекрасное детство! Он, Себастьян, его голубые глаза и руки в крови. Он и Залил, обагренные человеческой кровью... Мы были трое проклятых детей в руках Сатаны!..

Никогда не было таких исполненных силы детей... там в Дофине. Мы были вместилищем тысяч пламенных духов... Почему он предал нас? Почему он присоединился к этой армии черных людей с крестом на сердце?»

Анжелика схватила де Ломени-Шамбора за руку.

— Но это же не я, Клод, это не я, Лилит.

— Я это знаю.

— Вы слышали, что тогда сказала мать Магдалина?

— Мне не нужно было ее слушать, чтобы знать это.

И он добавил с нежностью, стараясь успокоить ее:

— Как только я увидел вас в Катарунке, я понял, что предубеждение против вас было нелепым. Помните, что между нами сразу установилась симпатия.

— Это правда.

Она хотела сказать ему: «Вы мне всегда нравились», но, найдя это выражение суховатым, сказала: «Вы мне понравились с первого взгляда, де Ломени-Шамбор».

Что было не лучше. Слова выдавали их намерение оставаться в рамках простой дружбы, и они оба рассмеялись.

Ей хотелось облегчить его горе. Она сказала, чтобы его ободрить:

— Раз он так силен, он сможет справиться с Уттаке, вождем ирокезов.

— Уттаке тоже очень силен, и он — ваш союзник.

Она была в сомнении. Могла ли она сказать ему, что «черный человек», просматривавшийся за женщиной-демоном, был отец д'Оржеваль, что мать Магдалина это знала, что отец де Мобеж также это знал?

Решение настоятеля иезуитов спасло город от большой беды.

Глава 38

Человек уходит в ледяную пустыню, хотя начинаются недели рождественского поста.

Приближается Рождество.

Рождество! Рождество!

И в то время, как звонят колокола, из всех труб возносится, как ладан, дым, всюду праздник, радость богослужения и зажженных свечей, напоминающих Создателю, что здесь люди, в это время, в этой бесчеловечной пустыне, человек, связанный обетом послушания, тяжелыми шагами уходит от своих друзей, от любящих его, от святилища его дела, его работ.

И в нем самом ледяная пустыня, а не огонь жизни. Все разрушено...

Дыхание бури роздало кругом смерть. Он идет, зная эти места, но ему тревожно, он насторожен, как если бы пришел на неизвестную ему землю. Потому что его лишили всего. И это чувство так давит на него, что он вынужден остановиться.

Он отчаянно взывает к небу: «Отец мой! Почему ты оставил меня?» И лес, белая тюрьма, где виднеются скрюченные, измученные деревья, отзываются эхом в бесконечном пространстве.

Над вершинами Аппалачей клубится, как пучки перьев, морозный туман. Его дыхание замерзает. Он вновь кричит:

«Если ты — истина, почему ты меня оставил?»

Они привяжут его к пыточному столбу.

Ему кажется, это раскаленный топор, красный как рубин, приближается к нему, и виднеется лицо Уттаке, вождя могауков, который его ненавидит.

О, милые индейцы абенаки, его набожные дети! Пиксаретт и его пылкое стремление новообращенного

истребить врага Бога, Уттаке, предназначенного быть великим вождем. Хатскон Онтси — вот имя, которое они ему дали, — и первый раз он воспринимает это имя не так, как раньше, и оно звучит обвинением. Хатскон Онтси: Черный Человек.

Вокруг него все всегда было черным, и он едва может вспомнить, что он долгие годы жил в свете духовного мира человека, преданного своему делу. Он вспоминает свое темное детство. Эти темные ночи в Дофине, освещенные только факелами в руках всадников, и крики убиваемых гугенотов, насилуемых женщин... Удовлетворение от пролитой крови. Крови, которая искупает. Красные отсветы пожаров, горящие деревни, огонь, подложенный под соломенные крыши, огонь, который очищает.

Наставления его отца, сильного и справедливого гиганта, когда они скакали ночью, чтобы исполнить Божью справедливость над теми, кто присоединился к еретической доктрине Реформы.

Черными были те ущелья, где он занимался темными играми, где речь шла о колдовстве и демонах, с Амбруазиной, золотоглазой девочкой из соседнего замка. Говорили, что хозяйка замка прижила ее со своим духовником. В этих странных играх участвовал Залил, молочный брат Амбруазины.

Амбруазина, ставшая мадам де Модрибур, приходила к нему исповедоваться. Ему нравилось, что благодаря своему высокому посту исповедника он мог унизить ее, подчинить себе, хотя она и пыталась соблазнить его, как в прежние времена; она продолжала грешить с Залйлом, со всеми мужчинами и даже женщинами.

В детстве он был окружен красивыми и порочными женщинами. Самой худшей, хуже чем дочь, была мать Амбруазины, великолепная высокая блестящая колдунья, которая пыталась соблазнить его, совсем

юного. Он убежал в духовное училище. Даже там, в этом убежище, появились женщины-искусительницы. Красивые благотворительницы, соблазненные прелестью юности.

Он победил в битве со своей плотью. Покаяние, дисциплина, умерщвление плоти. Его тело стало послушным инструментом, нечувствительным к холоду, жаре, усталости, вожделению. Господней силой он научился подчинять себе все свои страхи, свою плоть, человеческие существа и даже самую неуловимую, самую ловкую дочь колдуньи и проклятого священника. Ей не удавалось поймать его в свои сети. И все те же лица возвращаются и кружатся, как в застывшем аду.

Он знал Амбруазину, он укрощал ее, как дикого зверя.

Странно, почему он никогда ее не боялся, хоть и знал глубину ее коварства и ее порочность. Он всегда чувствовал, что они наделены силами противоположными, но равными. Белая магия и магия черная.

Та, которая оказалась между ними, не принадлежала ни белой, ни черной магии. Она появилась одинокая и лучезарная, — такой он видел ее, выходящей из озера среди красноватых осенних листьев.

Предчувствовал ли он, что эта магия носила другое имя и была сильнее, чем их магии: Любовь. Разве в ней тоже — магическая сила? Он решил бороться с ней без пощады, ибо это преступно — разрушать установленный порядок, зародить сомнение.

Он противопоставил друг другу этих двух женщин. Только зло может обмануть зло. «В их столкновении никто не может одержать победу, — думал он. — Они нанесут друг другу смертельные раны, ибо обе нечисты. Они уничтожат друг друга. Их красота, которая скрывает порочную душу, не спасет их. Они окажутся

побежденными, проявят свою истинную сущность, мелкую, эгоистичную и жестокую». Но какое-то предчувствие подсказало ему, что он опоздал, что Амбруазина была побеждена. Произошло нечто, разрушившее его планы. Он вернулся в Квебек и узнал, что «они» приближаются — мужчина и женщина, вместе, как и ранее. И он вступил в борьбу — проповедями и заклинаниями.

Войдя в белую келью отца де Мобежа, он понял, что его жизнь опять перевернется и что он напрасно боролся с властью Ночи. И больше всего его мучило, что проницательный де Мобеж разгадал его скрытую слабость.

«Вы согрешили против Господнего творения. Вы согрешили против Женщины. Из духа гордости и стремления подчинить себе. Из-за Мстительности. Против Женщины...»

Женщина — неискоренимое бедствие, о котором говорил его отец. Всегда! Всегда! Между ним и жизнью, между ним и покоем! Между ним и Богом!

Он начинает размышлять и успокаивается. Есть еще возможность прояснить умы — это если Жоссеран, его посланец, который приехал на юг, в гавань Пенобекот дожидаться корабля, вернется с распоряжением отвергнуть территориальные претензии Жоффрея де Пейрака. Но не будет ли слишком поздно? И эти ослепленные люди не испугаются?

Во всякой случае, слишком поздно для него, Себастьяна д'Оржеваля, идущего в страну ирокезов.

Одиночество, окружающее его, предвосхищает одиночество смерти и мученичества.

А там, в Квебеке, женщина, которую он видел выходящей из воды, и рядом с ней победитель, который ее любит, говорит это, держит ее в алькове в объятиях, оба презирают его и насмехаются над ним!

Ненависть овладевает путешественником, он скрежещет зубами и вспоминает то нечистое наслаждение, которое он некогда испытывал, поражая еретиков своим карающим мечом!

«Пусть она умрет! Пусть она тоже умрет!»

Его борода покрылась инеем. Холод пронизывает его, как ледяное лезвие клинка. Он отдал бы все золото мира, чтобы почувствовать запах горящего дерева, дыма, выдающего присутствие человека. Но страх перед ирокезами уже овладел им. В своих толстых перчатках он чувствует свои изуродованные, бесформенные пальцы.

Он думает: «Только не второй раз! Только не второй раз!» Его наполняет страх перед ирокезами, перед мученичеством. Он думает с ужасом, что это из-за нее, женщины, которую он увидел в тот осенний день, его сила оставила его.

«Пусть умрет, пусть умрет», — повторял он.

Пылающая ненависть клокочет в нем. Ведь через эту открытую брешь уходят его силы, его могущество.

Его наполняет ужас перед предстоящим мученичеством. Воспоминания о пережитых муках преследуют его.

В ужасе он умоляет: «Только не второй раз, только не второй раз».

Глава 39

В Квебеке без перерыва продолжались религиозные торжества. В первый вторник декабря ежегодная месса иезуитов.

3 декабря — месса в честь святого Франциска, второго покровителя страны.

6 декабря — праздник святого Николая.

Во вторую субботу — торжественная служба. В этот день производилось посвящение в сан священников.

В эти дни на улицах не было видно играющих юных канадцев. Они участвовали в богослужениях, репетировали рождественские песнопения.

Горожане, хотя и часто посещали церковь, находили время готовить припасы для рождественского ужина; этот семейный праздник справлялся в полночь, после богослужения.

Незадолго до рождества священник пришел за маленьким шведом Нильсом Аббалем. Иезуиты, которые знали, что его усыновил отец Вернон, умерший в Акадии, попросили его отправить в свой пансион.

Анжелика помогала Иоланте сложить в маленький сундучок одежду ребенка, его костюм пажа. Но аббат отказался взять его вещи, которые не подходили для семинарии. Детей там обували и одевали.

Нильс Аббаль послушно покинул дом, несмотря на отчаянные крики Онорины и Керубина, которые не хотели его отпускать.

Мадемуазель д'Уредан следила из окна за этой маленькой драмой.

Анжелика поцеловала ребенка, шепнула ему на ухо по-английски слова одобрения. Он казался равнодушным.

Он вернулся в тот же вечер, одетый в свою старую рубашку и штаны, с флейтой под мышкой. Он вошел и занял свое место у очага как ни в чем не бывало.

Немного погодя прибежал, задыхаясь, старший семинарист. Он сделал ему выговор. Мальчик согласился с ним пойти.

Он вернулся на следующий день вечером, но на этот раз вместе с Марселэном, племянником Ромэна де Лобиньера, который воспитывался у ирокезов.

В этот раз была темная ночь, и шел густой снег.

— Малыши, что я буду с вами делать? — спросила Анжелика, глядя на них, сидящих бок о бок у очага в компании с негритенком Тимоти, который, одетый в свой красный кафтан, дополнял этот образ странствующего детства.

Вечером, несмотря на то, что снег продолжал идти и улицы были почти непроходимы, семинария послала молодого шестнадцатилетнего парня по имени Эммануил Лабор.

Анжелика его видела, когда он ежедневно сопровождал юных семинаристов через Соборную площадь к иезуитам. Он был по происхождению нормандец, блондин с располагающей физиономией, всегда улыбающийся. Он собирался стать священником и оплачивал свои уроки, занимаясь с детьми. В возрасте от восьми до десяти лет он был пленником ирокезов. Поэтому он понимал бунт Марселэна, ребенка, который страдал от того, что его запирали.

Его питомец сидел у очага с книгой на коленях и читал вслух «Мученичество святых Туниса: святого Сатурнина, святой Перепетуи и святой Фелиции».

Он не только говорил, не только читал, но он читал даже по-латыни.

— Этот малыш всех обманул, — сказал Элуа Маколле. — Господа в семинарии не могут справиться с частичкой ирокеза в этом блондинчике.

Тут опять постучали в двери, и входящий снежный ком оказался Ромэном де Лобиньером, которого духовные отцы заставили проявить родственные обязанности и отправиться на поиски племянника.

На следующее утро под эскортом трех энергичных людей, яростно работавших лопатами, Анжелика вместе с Ромэном де Лобиньером, Марселэном и Нильсом Аббалем отправились в монастырь иезуитов, куда их призвали.

Она не была там после столкновения по поводу медведя Виллобая. Она возвращалась как друг. Ее предубеждение против отца де Мобежа рассеялось.

При встрече присутствовал Ломени-Шамбор. Отец де Мобеж изложил суть дела. По всей вероятности, отец де Вернон окрестил маленького шведа, когда усыновил его, но, поскольку это не было твердо установлено, решили повторить над ним этот обряд и дать ему христианское имя. Шевалье де Ломени предложил быть крестным отцом. Если мадам де Пейрак согласится стать крестной матерью, она может принять участие в судьбе мальчика. Ребенок уже относился к ней, как к матери. Если он не будет чувствовать себя брошенным, он легче согласится остаться в семинарии и стать набожным Божьим слугой.

Что касается молодого Марселэна, поскольку мадам де Пейрак сказала, что она охотно возьмет его к себе, он может зимой приходить к ней ночевать, как другие дети, родители которых живут в городе; у него не будет тогда чувства, что он безвыходно заперт в четырех стенах. В конце мая все семинаристы переедут в Бопре, где находится летняя резиденция епископа, названная Большой Фермой. Вокруг нее расположены строения, где содержатся животные.

До осени дети будут жить на свежем воздухе, совершая прогулки, занимаясь сельскохозяйственными работами, а также ремеслами — работами по металлу и

дереву, скульптурой и рисованием. Епископ основал там, настоящую академию художеств, и все воспитанники ожидали с нетерпением отъезда на Большую Ферму у подножия Скалы Мучеников.

Обратившись к Нильсу и Марселэну, отец де Мобеж прочел им краткое наставление. Он пояснил, какие решения были приняты на их счет, рассказал, как о них позаботились и как им будет хорошо и привольно на Большой Ферме, и попросил их быть послушными и хорошо учиться.

Они ушли вместе с де Ломени и де Лобиньером. Настоятель иезуитов хотел сказать мадам де Пейрак несколько слов наедине.

Она спросила себя, не будет ли он говорить о своей прошлой дружбе с графом де Пейраком.

Но это было не в характере иезуитов, их усилия были в основном направлены на спасение душ.

— Во время Рождества, — сказал он, — мы часто молимся у алтарей. Не хотите ли вы получить отпущение грехов, чтобы вы могли присутствовать при богослужении с миром в душе.

Анжелика, сначала изумленная этим предложением, поспешила принять его с благодарностью.

Она опустилась на колени и прочла покаянную молитву, а отец де Мобеж перекрестил ее и дал ей отпущение грехов.

— Это — до начала поста, — уточнил он.

Анжелика была благодарна отцу де Мобежу. Если бы были только такие пастыри, как он, наверно, весь Китай признал бы Христа, его проповедь любви, терпимости и высшей мудрости.

— Отец мой, — попросила она, — Монсеньер епископ советовал мне найти себе исповедника. Мне бы хотелось ему сказать, что я ваша кающаяся.

— Скажите это Монсеньеру, мадам, — ответил настоятель иезуитов, кивнув по-китайски головой, — я в

вашем распоряжении.

Глава 40

Пришло Рождество. Закат этого святого дня угасал в голубоватой морозной дымке. Во всех окнах зажигались свечи, а над дверями заканчивали приколачивать в форме звезды еловые ветви.

На улице стояли запахи рождественского ужина. Десять часов вечера. В храмы идут семьями, неся с собой фонари. Скорее по традиции, чем по необходимости. Эта зимняя ночь в Канаде сияла. Серебряный диск луны посылал свои лучи на чистейший снежный покров, на котором чернели островерхие крыши домов и храмов.

Из освещенного собора доносились звуки органа. Казалось, они доносились из молчаливых просторов, стремящихся соединиться с людьми во всемирном ликовании. Казалось, что светлые ангелы поют небесными голосами.

Весь город и все поселения вдоль по реке были на улицах.

На санях, на снегоступах, пешком — все обитатели поселений выходили из лесов и прибывали либо по Большой Аллее, либо по улице Святого Иоанна или Святого Людовика.

Они шли в сопровождении музыкантов, которые, войдя в город, начали играть на различных народных бретанских инструментах. Прийти послушать торжественную рождественскую мессу в соборе Нотр-Дам Квебека — это был праздник, который могла отменить только снежная буря.

Пришли и обитатели Орлеанского острова. Обычно они мало общались с «континентом». Они неохотно покидали свой остров, даже свои жилища, где они жили семейными кланами. Их остров был их королевством. У

них была репутация колдунов, потому что в разных сторонах острова люди сообщались между собой при помощи индейских дымов и потому что летом на берегу виднелись блуждающие огни. Их главной представительницей была Элеонора де Сан-Дамьен, владетельная дама, у которой был уже четвертый муж. Очень красивая, черноглазая, говорили, что она происходит из Аквитании, и гасконцы, которые не были еще с ней знакомы, пришли ей представиться, в том числе и граф де Пейрак, которого представил де Фронтенак.

В эту рождественскую ночь жители, приехавшие из разных провинций Франции, показывали свои традиционные наряды. Многие женщины надели костюмы местности, из которой они происходили, — самые красивые наряды своих бабушек и матерей — их свадебные вещи, вышитые передники, броши, юбки и кофты. И Сюзанна, молодая женщина, родившаяся в Канаде, была одета в плащ из красного сукна толщиной в экю, традиционный подарок для новобрачной со времени средневековья, для приобретения которого иногда разорялись. Ее муж, эмигрировавший из Франции, когда он был молодым холостяком, привез для своей будущей жены это красивое старинное одеяние. Много поколений оно переходило к старшему сыну в роду.

Не сговариваясь, люди собирались «землячествами», узнавая друг друга по говору, по акценту. Аквитанцы, нормандцы, бретонцы, вандейцы и жители других прибрежных областей, из которых вышло много иммигрантов, а также и парижане, очень различные по характеру, но сближенные большим городом — Парижем, в тени которого они родились.

Рыцари Мальтийского ордена, четыре или пять его собратьев, которые жили в Квебеке, собрали вокруг себя военных и старых солдат, которые воевали в

Средиземноморье. После третьей мессы они собирались пойти выпить турецкого кофе в заведении Левантинца. Члены знатных семей, происходивших от первых поселенцев, из которых многие еще были живы, с важностью патриархов заняли свои скамьи.

Так, лицом к алтарю, расположилось общество Квебека. Восковые ангелы в шелковых одеяниях и больших завитых париках парили на концах нитей над младенцем Иисусом в колыбели, над одетыми в великолепные облачения Девой Марией и Святым Иосифом. На шесть дней позже туда поместят царей волхвов. Осел и бык были вырезаны из дерева и покрашены один в серый, другой в рыже-коричневый цвет. Это были произведения столяра ле Бассера и художника брата Луки.

Две скрипки и флейта играли менуэты в то время, когда не звучали орган и хор.

В полночь красивый голос городского геральда пропел: «Родился божественный младенец, играйте, гобои, пойте, волынки», и всем этот голос понравился больше, чем когда он оглашал приказы, стоя на своем перевернутом бочонке.

С подобающей торжественностью отслужили три мессы.

Однако несколько раз участникам мессы приходилось греть руки у маленькой жаровни, выполненной в форме кадильницы и расположенной сбоку от алтаря.

Холод был жесток, но благочестие его превозмогало. На последнюю мессу мадемуазель д'Уредан принесли в портшезе. Мадам де Меркувиль прислала его ей со своими лакеями. Она оставалась в портшезе, который поставили слева перед статуей Св. Иосифа. Ей завидовали, она поставила туда грелку с кипятком, что спасало ее от ледяного холода церкви, с которым напрасно боролись несколько печей и

множество горящих свечей. Мадемуазель д'Уредан видела всех, весь спектакль. Она собирала воспоминания на целый год.

После последнего благословения верующие, замерзшие, усталые, жаждущие обрести теплые дома и полные столы, бросились к выходу. Вскоре стало невозможно пройти.

Над толпой было слышно ржанье лошадей, которые ожидали на площади.

Анжелика потеряла из виду своих спутников. Онорина и Керубин, которых несли Иоланта и Адемар, уже спускались по лестнице и шли домой.

Анжелику оттеснили к боковой двери. Духовенство, сняв облачения, также, вышло.

Епископ хотел пройти до семинарии вместе с толпой верующих. Анжелика терпеливо ждала, опершись о косяк двери, разглядывая при свете фонарей лица знакомых, красные и закутанные. Они весело переговаривались.

В этот момент она почувствовала, что ее крепко обняли за талию. Она подняла глаза, готовая наказать наглеца, и узнала взгляд голубых глаз герцога де Вивонна.

— Соизволите ли вы наконец узнать меня, прекрасная богиня Средиземноморья?

Он наклонился к ней с улыбкой, наполовину вкрадчивой; наполовину насмешливой.

Он воспользовался толчеей этой ночи, толпой, подгоняв. мой холодом и увлеченной другими развлечениями, чтобы подойти к ней, что он не решался ранее сделать публично.

Она молчала, он настаивал.

— Я знаю, вы меня узнали. Я был бы в отчаянии, если бы нет.

Анжелика была недовольна тем, что она сначала застыла и онемела.

Крики и смех вокруг заглушали слова, которые шептал герцог.

— Кажется, вы боитесь меня, — сказал он, — вы дрожите.

— Это от неожиданности.

— Может быть, от волнения?

— Вы очень самоуверенны.

— А вы очень забывчивы. Вы не вспоминаете наши милые забавы, когда мы были вместе в Средиземноморье?

— С трудом!

— Значит, вы неблагодарны? Исполняя ваш каприз, я взял вас на борт своей галеры, и мне это обошлось очень дорого у короля. Без вмешательства Атенаис мне не удалось бы избежать последствий этой оплошности. Его Величество продержал меня больше часа в своем кабинете, жестоко упрекая меня за участие в вашем бегстве.

— Это был хороший поступок, герцог.

Но внезапно Анжелику охватило волнение. За этим знакомым красивым, немного отекшим лицом, освещенным неверным светом факелов, был Версаль, был король, такие близкие, что, казалось, обернувшись, она увидит не маленькую площадь, уставленную санями, а аллеи королевских садов, где бежали курьеры, оповещая о прибытии короля.

Заметил ли герцог это смятение, которое Анжелика не могла скрыть? Он сильнее обнял ее, и она поняла, что красивый адмирал по-прежнему полон сил.

Толпа прижала их к дверям, и Анжелика чувствовала, как углы каменного косяка впиваются ей в плечо. Когда, наконец, люди кончат выходить?..

— Чем вы заплатите мне за ценное сообщение, касающееся двора Его Величества? Поцелуем?

— Сударь, эта просьба не соответствует ни месту, ни времени.

— Я все же выдам вам этот секрет.

Он прошептал ей на ухо, эта поза была предлогом для того, чтобы почти коснуться ее щеки.

— Король еще не выздоровел от мадам Плесси-Бельер...

Последовало небольшое молчание, он по-прежнему оставался склоненным к ней, как будто вдыхал ее аромат.

Но Анжелика оставалась равнодушной. Ей хотелось, чтобы он перестал так сильно ее обнимать. Прикосновение его руки, одетой в кожаную перчатку, к ее талии было ей неприятно. Были ли это рассуждения мадемуазель д'Уредан по поводу неаполитанской болезни, но у нее от этого прикосновения на теле выступила «гусиная кожа».

Анжелика попыталась освободиться.

— Герцог, будьте любезны отпустить меня. Вы слишком сильно меня обнимаете.

Он нахмурился.

— Вы явно холодны со мной. Это — не правильная политика.

В его раздраженном тоне чувствовалась угроза.

— Я мог бы вам помочь.

— Чем именно?

Герцог де ла Ферте подбородком показал на Жоффрея де Пейрака.

— Это с ним вы пытались встретиться в Средиземноморье? Я узнал его по той дерзости, с которой он пристал к этому берегу с развевающимся французским знаменем. Он не боится попасть в ловушку? Ведь есть много причин, чтобы его поймать. Если будут знать об его прошлом.

— Каком прошлом?

— Пиратском прошлом. Он стрелял по галерам короля. Я могу засвидетельствовать это — или нет — перед Его Величеством.

— И что вы хотите в обмен на ваше любезное молчание?

— Иметь иногда удовольствие встречать вас в Квебеке, чтобы вы не бежали от меня, как от зачумленного... по непонятным для меня причинам. Мы ведь нравились друг другу. Ваше пышное появление показалось мне благоприятным знамением, посланным небом. Так скучно... в этой провинции.

— Однако вы предпочли эту провинцию Бастилии.

— Бастилии!

Он вздрогнул от неожиданности, широко открыв глаза.

— Откуда у вас такая мысль?

— Изгнание в Канаду заменяет иногда ордер на арест, и ваше стремление сохранить инкогнито...

— Но я не хотел, чтобы мне докучали, — вскричал он, — и это только временная отлучка. Да, у меня были некоторые неприятности из-за интриг завистников. Секретарь министра ревновал меня к своей любовнице, которую я у него отбил. Он сообщил о незаконной торговой сделке, в которой я имел глупость участвовать. Это не имело большого значения, но разгневанный министр хотел донести на меня, хотя я и шеф-адмирал, и составить на меня обвинительное заключение. Надо затруднить его задачу — не являться по его вызову, не отвечать на вопросы. Меня будут искать — а я буду в Турции, в Алжире — да мало ли где. Дело затянется. Для того чтобы оправдать мое отсутствие после всего случившегося, я получил от Кольбера распоряжение о тайном расследовании в Канаде: выяснить возможность защиты ее морскими силами. Весной я могу возвратиться.

— Вы считаете, министр будет меньше разгневан?

— Нет, но, возможно, он забудет... или умрет.

Он расхохотался.

— Мне показалось, — сказала Анжелика, — что вас подозревали в намерении отравить короля.

Герцог изменился в лице, глаза его вылезли из орбит.

— Что вы говорите? — прошептал он сдавленным голосом. — Вы с ума сошли. Откуда дошли до вас такие слухи?

— Сударь, вы мне не даете дышать.

— Я хотел бы помешать вам дышать совсем.

Но он отпустил ее, и она наконец получила свободу.

— Как вы дерзнули высказать такое подозрение? Я, который так предан королю, и моя сестра...

— Я сказала это, чтобы вы меня отпустили, — сказала она, весело рассмеявшись. — Почему такая ярость? Разве есть доля истины в моей шутке?

— Нет. Но вы говорите необдуманно. Подобными словами, легкомысленно сказанными, вы можете причинить мне большой вред.

— Не больший, чем тот, которым вы мне только что угрожали.

Он, еще задыхаясь, пристально посмотрел на нее. Потом рассмеялся несколько деланно, но недоверчиво. Его самоуверенность придворного не была еще подорвана за несколько месяцев пребывания в Канаде. Он продолжал считать себя слишком высокопоставленным, чтобы бояться кого бы то ни было, в особенности женщины, они всегда были рады привлечь его внимание.

— Вы не изменились, — сказал он льстивым тоном.

— Я должна была?

Однако, к его большому удивлению, когда он довольно робко попросил ее встретиться с ним в более подходящем для беседы месте и предложил ей увидеться утром, в трактире «Восходящее солнце», она согласилась.

Анжелика догнала своих, которые уже ушли. Она подняла глаза, любуясь невероятной чистотой этой морозной ночи.

Мальчики из хора бегали взад и вперед, вынося остатки освященных хлебов от мессы.

«Родился божественный младенец», — продолжали петь маленькие семинаристы, возвращаясь в свое большое здание в тени собора, где их ждал праздничный ужин.

За железными решетками в глубине двора все здание семинарии было ярко освещено.

Слуги и писцы бегали взад и вперед по зданию, где в комнатах были накрыты вышитыми скатертями большие столы с букетами бумажных цветов радостных расцветок, изготовленных монахинями. На десерт были приготовлены тартинки со свежими ягодами земляники, которые были вынуты из ледников и наполняли воздух благоуханиями свежих ягод, и большие блюда со сладким кремом, который дети обожали.

Во главе стола, счастливый и улыбающийся, сидел епископ, окруженный духовенством.

Губернатор де Фронтенак пригласил всех видных лиц города в замок Св. Людовика отдохнуть и выпить горячего вина со специями, закусить пирогами, орехами, яблоками и сладостями.

В каждом доме были накрыты большие столы с горячими и холодными блюдами и лакомствами.

Анжелика не смогла поговорить со своими друзьями. Ей делала знаки Полька, но она уже ушла. Завтра она будет, без сомнения, сердиться.

Встреча с Вивонном испортила ей рождественскую ночь. Но она довольно быстро утешилась.

— Что ж! Что было, то было!

Поскольку их встреча с самого начала была неизбежной, Анжелика могла поздравить себя с тем, что начало дуэли состоялось. Они разошлись на равных.

Она боялась не того, чем он ей угрожал. Единственно, чего она боялась, это чтобы Жоффрей не рассердился на нее за это старое приключение, если он, уже насторожившийся после излияний подвыпившего дворянина, узнает о нем. По зрелому размышлению можно было об этом не беспокоиться. Всегда можно будет с этим справиться — объяснить, солгать или рассмеяться.

Прошлое, такое прошлое, было сейчас так несущественно!

Зато за герцогом де Вивонном были двор, король: двор, где решалась их участь, король, который решал ее. Король, против которого она взбунтовалась, король, которого Дегре уже, наверно, оповестил о ее присутствии в Канаде.

Вивонн в Квебеке не был опасен. Его теперешнее изгнание пообломало ему когти. Когда-то она заставила склониться гордячку Атенаис, она видела, как эта женщина раздирала зубами свой платок и проливала слезы ярости. И не ее братцу напугать Анжелику.

Напротив, она считала полезным вдохнуть воздух двора... Может быть, она сможет подготовить их возвращение, маловероятно, но кто знает?

Глава 41

На Антонэна Буавита произвело сильное впечатление ее появление у него. Ему не нравилось, что она часто заходила в гостиницу «Корабль Франции» в Нижнем городе, в то время как «Восходящее солнце» в Верхнем городе, на ее улице, не удостоилось этой чести.

Герцог был в сопровождении троих спутников, и Анжелика поняла, почему мадемуазель д'Уредан так сдержанно о них говорила. Вивонн привел их, чтобы противопоставить их ей. Они составляли в Квебеке его двор, старые товарищи по разврату, если не почему-нибудь худшему. Изгнание и общая опасность сближали их еще больше. Они были спаяны общими интересами, страхом, общим отношением к жизни.

Анжелика почти забыла этот тип. Она села за стол в этой компании с мыслью, что она бы чувствовала себя непринужденнее на пиру у индейцев. Глаза дохлой рыбы у накрашенного старика, одновременно вкрадчивые и недоверчивые манеры барона Бессара, оживленные и слишком блестящие глаза Мартена д'Аржантейля показались ей достойными какой-то фальшивой комедии. Среди людей королевского двора они выглядели бы просто очень оживленными. Здесь, изолированные, они выглядели просто опасными.

Они начали с комплиментов и пустых фраз, от которых она отвыкла. Но довольно скоро она вновь обрела дар ядовитых ответов, скрытых за очаровательной улыбкой.

— Я надеюсь, что вы не очень запомнили то, что я рассказал вам о секретаре министра, — сказал Вивонн.

— Ровно столько, сколько нужно.

— Неважно, если вы сумеете держать это про себя и не пользоваться этим.

— Кому нужны эти сведения?

Он говорил языком интригана, и под небом Канады в маленьком городке, застывшем в зимнем холоде, в этом было что-то смешное.

— Сударь, мы все здесь — пленники ледяной зимы.

Жена владельца таверны принесла им воды, почерпнутой из внутреннего колодца. Возможно, от индейцев перешел обычай начинать еду со стакана воды. Это было необходимо в этом сухом климате. Здесь во рту всегда было ощущение сухости. После стакана воды ей стало легче. Затем они заказали сливовую водку.

Анжелика похвалила красные перчатки Мартена д'Аржантейля. Он постарался показать свои руки в выгодном свете и стал говорить о своих талантах в игре в мяч и о привязанности к нему короля. Перчатки были из птичьей кожи, Гобер де ла Меллуаз порекомендовал ему опытного в этом деле эскимоса, колдуна, обитающего в Нижнем городе.

— Но этот колдун ничего не стоит, — заметил де Сент-Эдм.

— Вы заказали ему яд, как в Париже? — осведомилась Анжелика.

Было хорошим тоном отрицать:

— Но в наше время в Париже уже не отравляют! Теперь используют заклинания и дурной глаз.

Мартен д'Аржантейль, который казался наиболее недовольным своим пребыванием в Канаде, оживился, видя, что Анжелика обращает на него внимание.

Он признал, что ему очень скучно в Квебеке. Его сжигали тоска и меланхолия. Нашлись несколько молодых людей для игры в мяч, и Виль д'Аврэй устроил у себя площадку.

— Но я слишком хорошо играю для них. Только король был для меня достойным противником.

Он предпочитал алхимию. В особенности его преследовали воспоминания о Марии-Мадлене де Бринвильер. Поэтому, когда Анжелика упомянула, что у нее был дом в квартале Марэ, он осведомился с лихорадочным оживлением.

— Вы должны быть соседями с маркизой де Бринвильер?

— Да, действительно. И, во всяком случае, я уверена, что она-то пользовалась ядами. Она отравила больных в больнице. Это я знаю из достоверных источников.

Они стали смеяться, подняв глаза к небу.

— Все знают об этом и о многом другом. Вы отстаете, дорогая! Ее недавно казнили. Ее признания пришлось читать по латыни, так отвратительны были ее преступления.

— Исповедник, который сопровождал ее до эшафота, говорил, что она святая, — запротестовал королевский игрок в мяч.

Этот недавний процесс волновал умы. Если бы Анжелика поинтересовалась, она могла бы уже знать о нем, так как известие о казни мадам де Бринвильер и о деталях процесса были привезены на кораблях, пришедших летом. — Над миром властвуют немнбгие, — говорила Амбруазина-демон, — остальные — только серая масса, только пыль.

Анжелика посмотрела в окно.

Как из всех домов Верхнего города, из таверны «Восходящее солнце» открывался великолепный вид на дальние просторы в ясном голубом и белом утре.

У соседнего столика три пары среднего возраста оживленно и весело беседовали. Это были здоровые, краснощекие люди, удобно одетые, которые смеялись,

показывая белые зубы. Они казались членами одной семьи, братьями и сестрами, нашедшими друг друга.

Когда-то они приехали в эту страну без гроша, сыновья разоренных крестьян, нищих рабочих, неудачливых ремесленников, но здесь, дав им право охоты и рыбной ловли, старые привилегии дворянства, из них сделали господ, и теперь они были господами.

Герцог де Вивонн, который попросил Мартена д'Аржантейля перестать вспоминать о маркизе де Бринвильер и поменьше пить, заметил рассеянность Анжелики, и это рассердило его. Он сделался агрессивным, насмешливым.

— Решительно, чем больше я вас наблюдаю, тем более я понимаю, что Атенаис была не права, беспокоясь из-за вас тогда и теперь. Я оповещу ее об этом, как только смогу. Я не понимаю, почему она опасается вас даже на расстоянии, даже когда вы исчезли. Она считала вас очень ловкой, а я понимаю, что только случай вам помог. Случай, который покровительствует простакам. Ибо, в самом деле, это чудо, что вы, наивная простушка, вы сейчас живы и в Канаде, куда вы никогда не должны были попасть. Моя сестра в сто раз сильнее вас, вы даже не можете знать, до какой степени. Ха, ха, ха, она приготовила вам рубашку. Хо, хо, хо. Когда я об этом думаю...

Он злобствовал, видя, что она его почти не слушала, а обращала внимание только на соседний столик, где говорили о свином рагу и приготовлении окорока.

— ...Ха, ха, ха. В Версале очень бы посмеялись над позорной смертью мадам дю Плесси-Бельер, умершей от венерической болезни. Ха, ха, ха, — никто бы не подумал... поносив рубашку...

Анжелика повернулась к нему.

— Вы думаете, я этого не знала?

Она посмотрела своими зелеными глазами в его глаза. Наклонившись к нему над столом, она сказала

вполголоса:

— Эта рубашка уже много лет в руках де ла Рейни, главы полиции Королевства. Ее исследовали, черное мыло и мышьяк. Это — исчерпывающее доказательство преступлений, которые часто повторяются в Версале. Он знает, для чего она была предназначена: умертвить меня. В запечатанном письме, которое я ему передала, я открыла имена тех, кто работал над этим, и в особенности — имя той, которая была подстрекательницей преступления. Имя, которое он жаждал узнать, о котором и он подозревает. Но он должен вскрыть это письмо только в случае, если со мной произойдет несчастье или если я сама попрошу об этом лично или письмом за моей подписью.

— И... он вскрыл его...

Вивонн был смертельно бледен. Анжелика заметно замялась.

— Нет, пока нет.

— Не хотите ли вы колбасы?

Это вмешался Антонэн Буавит. Стоя над их столом, он предлагал блюдо с великолепной колбасой и гарниром из яблочного и тыквенного пюре.

Хозяину совсем не нравилось, чтобы кто-нибудь приходил в его святилище для зловещих ссор. В особенности в праздничный и торжественный день, когда знаменитая мадам де Пейрак, которая каждое утро проходила мимо, наконец переступила его порог. Он сожалел, что она пришла в обществе этих «придворных», к манерам которых он не мог привыкнуть, и беспокоился за нее, видя, что беседа была не слишком приятной.

— Мадам и вы, месье, сейчас Рождество. Вы должны попробовать эту колбасу, которую я сам приготовил, с соком ароматических трав, молотым перцем и кусочками самого белого сала. Я поджарил ее с луком.

Вивонн грубо взмахнул ладонью и чуть не опрокинул блюдо на пол. Но Буавит был начеку и, подняв руки, вовремя убрал его вне пределов досягаемости.

Анжелика обратилась к хозяину с самой благосклонной улыбкой.

— Как вы любезны, уважаемый Буавит! Ваша колбаса так чудесно пахнет! Я с удовольствием возьму порцию.

Хозяин поторопился подать ей блюдо на своей самой красивой тарелке, предложил яблочной водки, которая обязательно должна сопутствовать этой колбасе.

Он не стал настаивать, угощая «придворных», у которых, видимо, не было аппетита. Де ла Ферте был по-прежнему бледен, остальные тоже неважно выглядели.

«Нет, она не так уж глупа, — подумал обеспокоенный герцог, — я теперь понимаю страх и злобу Атенаис».

Сидя против него, Анжелика с явным удовольствием занялась своей колбасой. Смесь сливовой и яблочной водки способствовала тому, что она довольно легко относилась ко всему происходящему.

— Я сама отнесла эту рубашку де ла Рейни, — объясняла она между двумя глотками. — Конечно, я держала ее с необходимыми предосторожностями...

Она думала про себя, не поступила ли она неосторожно, но потом, посмотрев в окно на окружающий огромный неподвижный пейзаж, она сказала себе, что не стоило уезжать так далеко, чтобы продолжать трепетать перед этими марионетками, которые сами скомпрометированы до ушей. Может быть, они перестанут считать себя самыми сильными и безнаказанными.

В то время, как она ела с прекрасным аппетитом, старый граф де Сент-Эдм не спускал с нее глаз, и уголки его накрашенного рта опускались в гримасе горечи. Он говорил себе, что, возможно, эта женщина убила Варанжа, и он вспоминал слова Красного Плута: «Не нападайте на нее».

Анжелика же думала о Версале. Это было единственным, что привлекало ее сердце в этих малоприятных воспоминаниях. В разговорах этих людей чувствовался воздух Версаля и его красота, которые издалека казались ослепительным сном. Она вспомнила короля в великолепной одежде, идущего вместе с дамами и остановившегося у верхней ступени бассейна Латоны...

— О, я думаю, вы сможете мне нечто сообщить... мессир де ла Ферте. Вы много раз повторяли, что у вашей дорогой сестры нет соперниц в сердце короля. Однако, приехав в Квебек, я много раз от разных людей слышала одно имя. Это имя новой звезды, восходящей на небосклоне Версаля, — маркизы де Ментенон. Кто эта дама и как к ней относится король? Можете ли вы удовлетворить мое любопытство и сказать, что нужно думать об этом?

Румянец вернулся на лицо Вивонна, и он стал смеяться как безумный: «О, это прекрасная шутка». Он видел, что она заинтригована, и почувствовал нелепое удовлетворение тем, что может ее заинтересовать.

«Женское любопытство, — сказал он себе, — это один из уязвимых пунктов их защиты. Кокетка даст многое в благодарность за какие-нибудь сплетни, и их легче соблазнить светскими слухами, чем прекрасными речами».

— Маркиза де Ментенон! О, это слишком забавно.

— Почему? Кто она такая?

— Да вы с ней знакомы.

— В самом деле? Я не помню.

— Это одна из ваших старых приятельниц — вас и Атенаис. Она родом из нашей провинции, Пуату.

Ему пришлось вытереть глаза, так он смеялся. Потом он объяснил, что речь идет о Франсуазе д'Обинье, которую называют обычно «вдова Скаррон», почти нищей. В память об их старинной дружбе мадам де Монтеспан дала ей место воспитательницы незаконных детей ее и короля. Это было не так легко бедной женщине — рождение этих детей должно было сохраняться в тайне, и несколько лет ей пришлось вести существование тайной заговорщицы.

Анжелика слушала с открытым ртом. Вдова Скаррон! Вечная просительница, которая ежедневно подавала королю петиции, чтобы получить какое-либо вспомоществование. Это место гувернантки было для нее удачей.

— И вы говорите, что она теперь маркиза? Маркиза де Ментанон?

— Король дал ей в подарок поместье с титулом. Земли Ментенон в окрестностях Версаля. Его Величество хотел наградить Франсуазу Скаррон за ее преданность его детям, которых он очень любит, и за то, что она умела соблюдать тайну. Теперь этот невыносимый Монтеспан, муж Атенаис, прекратил свои дрязги. Король смог признать своих детей и, назвать их принцами крови. Но думать, что он сделает из этой чопорной и набожной вдовы свою любовницу... — Вивонн рассмеялся.

— Нет, конечно, нет. Атенаис никогда не будет считать ее возможной соперницей в сердце короля.

— Тем лучше для Франсуазы. Это спасает ее от «бульона в одиннадцать часов», приготовленного ручками дорогой Атенаис.

Глава 42

По возвращении к себе у герцога де Вивонна произошла стычка с его наемниками.

В крайнем возбуждении он начал разговор с того, что он видит в этой неожиданной находке самую главную удачу своей жизни. Если он вернет королю мадам дю Плесси-Бельер, его карьера будет сделана и его положение упрочено навсегда.

— Вы меня удивляете, — заметил барон Бессар, — вы хотите привезти королю соперницу вашей сестры, мадам де Монтеспан? Разве мало у нее хлопот с теми, кто сам предлагает себя, разве ее родной брат должен вмешиваться в это? Значит, вы хотите ее падения?

— Вы ничего не понимаете. Речь идет только о том, чтобы исполнить каприз короля. С другой стороны, эта женщина, находясь в изгнании, стремится вернуться ко двору, получить прощение короля. Под моим покровительством она сможет, по крайней мере, добраться до Версаля. В конце концов, я же шеф-адмирал. Мне ясно одно: король будет мне благодарен.

— Король может быть, но не она, — сказал Сент-Эдм своим скрипучим голосом. — Я понял ее лучше, чем вы. Она не из тех, кто готов из-за благодарности пожертвовать своей выгодой. Она воспользуется вами и выкинет вас за борт, как только вы станете ей мешать.

— О ком вы говорите?

— Об этой мадам де Пейрак или дю Плесси-Бельер. Вас обманул ее невинный вид и наивный взгляд зеленых глаз.

— Да нет! Вы это вообразили. Она — только наивная простушка, которая болтает, как все женщины.

— Д эта история с рубашкой?

— Это правда! Но когда она говорит, что передала ее де ла Рейни с письмом... — это не правда. Для этих слабых мозгов такое предвидение невероятно. Она это тут же придумала, чтобы взбесить меня. Если бы она была действительно хитра, она никогда не раскрыла бы таким образом свои карты. Нет! Это только красивая женщина, очень честолюбивая. Она любит любовь, красивые туалеты, поклонников, блистать, заставлять своих соперниц бледнеть от зависти. Она такая же, как все женщины, а король от нее без ума.

И только это важно.

Вошел лакей, чтобы поправить огонь в камине. Барон де Бессар сделал ему неприметный знак, и, поправив огонь, лакей не ушел, а уселся в дальнем углу.

Барон использовал его иногда для грязных дел, из таких, которые пачкают руки. Он был похож на носильщика, у него было грубое лицо, но он не был глуп, и Бессар не боялся посвящать его в некоторые спорные дела, для разрешения которых могут понадобиться его услуги. У него иногда возникали планы, и неплохие планы. Это был подходящий головорез.

— У нее, кажется, есть одна слабость, — продолжал де Вивонн. — Она хочет, чтобы было оказано правосудие ее неудобному супругу. Что ж, она это получит.

— А затем известно, что нужно делать с неудобными мужьями, — насмешливо сказал Мартен д'Аржантейль.

— Ну, нет. Он не из тех, кого можно захватить врасплох. Это — лиса морей.

— Вы его хорошо знаете?

— Да, я его знаю! Я знаю их обоих! Нужно отдать ему справедливость.

Он перевел дыхание.

— ...Пить... пить... Что за страна! Чем холоднее, тем больше хочется пить!

Он зашептал:

— ...Наивная — нет. Но менее ловкая, чем это можно подумать, видя ее чертовскую дерзость. Правда, когда рассматриваешь преимущества и недостатки общения с ней, приходишь в изумление. Что касается меня, я ей обязан королевской немилостью после этого дела в Марселе, и я знаю других, которые были обязаны ей изгнанием и смертью, но в то же время...

— Неизгладимыми воспоминаниями, — пробормотал Бессар.

«Которые время сделало еще более незабываемыми и мучительными», — подумал Вивонн.

— Занимается ли она колдовством? — спросил Сент-Эдм.

— Ничего об этом не знаю, — сказал герцог, который ходил по комнате, как зверь в клетке.

У свидетелей его волнения были довольно кислые физиономии. Они все замолчали. Они зависели от карьеры герцога, но еще более — от его сестры АтенаиС де Монтеспан. Его влияние основывалось только на том, что он был братом королевской любовницы, дядей этих маленьких незаконных детей, которых воспитывала мадам де Ментенон и которых король признал и сделал принцами крови. Теперь, когда и гувернантка стала заметной фигурой, положение королевской любовницы казалось совершенно упроченным.

— Вы должны, герцог, помогать только вашей сестре, ей одной. Король никогда ее не оставит. Он привязан к ней чувственностью, воспоминаниями и любовью к детям. И потом — она очаровательна, и он никогда не скучает в ее обществе. Это — ее козырь. Она одна может нас спасти. Она сделает для этого все, так как она спасает себя вместе с нами. Вспомните, как

ловко она объяснила королю причину вашего отъезда — маленькое неважное лихоимство, — но он понял, что для того, чтобы ему не докучали чиновники этими мелочными дрязгами, ваше небольшое временное исчезновение было бы разумным. Самый лучший способ покончить с этим делом. Самое важное, чтобы он знал о вашем отъезде и не удивлялся...

— Что она говорила, чего она достигла? По крайней мере, мы смогли покинуть землю Франции вовремя. Когда мы отплывали, полицейские уже шли по нашим следам. Нет, герцог, не планируйте ничего, что может угрожать ее положению — пока оно незыблемо. Вы обольщаетесь относительно влияния этой женщины — мадам де Пейрак или дю Плесси-Бельер, и не видите тяжести обвинений против нее.

С высоты башен замка Святого Людовика прозвучал сигнал времени. На улицах запах жаркого в обеденное время был так силен, что проникал во все дома.

— Пойдем, поедим, — сказал Вивонн. — В какой трактир?

— Говорят, что в замке Монтиньи кормят очень изысканно. Вам следовало бы получить приглашение от де Пейрака.

— Чего вы боитесь? Что он вас узнает? Вы же нам говорили, что, когда вы сражались в Средиземноморье, вы никогда не встречались лицом к лицу... И теперь он уже не Рескатор.

— А я — не адмирал галер... до нового приказа. Но в настоящий момент я никто. И они, быть может, сильнее меня.

— Только что вы говорили, что она — безобидная женщина.

— Я не знаю. Я уже не знаю. Вот вы, предсказатель, колдун, — сказал он, обращаясь к Сент-Эдму, — можете вы мне сказать, кто она?

— Колдун из Нижнего города сказал, что это она убила Варанжа.

— Она! — вскричал Вивонн, вытаращив глаза. Глаза у него были ярко-голубые, но несколько навыкате, поэтому в гневе или в изумлении они, казалось, вылезали из орбит. — Откуда он взял подобную ерунду? Она же мухи не обидит?

— Вы только что говорили другое. Во всяком случае, Красный Плут утверждал это категорически и проявлял к ней большую осторожность.

— Кто ему это сообщил?

— Он увидел это в колдовской книге, или в телепатическом видении, или при гадании. Он рекомендовал даже не произносить имя этой женщины.

— Ба! Вы мне говорили, что канадские колдуны гроша ломаного не стоят.

— Этот представлял бы интерес, если бы не был таким упрямым. Из-за нее он отказывается говорить. Таким образом, вы видите, герцог, что ореол света и тени, окружающий эту женщину, должен заставить вас остерегаться. Но вы предпочитаете доверять ее невинному виду и взгляду ее зеленых глаз.

Вивонн пожал плечами. Зачем он имеет дело с этим противным стариком? Но он устроил со своим другом графом де Варанжем их отступление и сносную жизнь в Канаде, и следует признать, что благодаря его магическим сеансам можно было узнать много маленьких, полезных тайн.

— Вы напрасно тревожитесь, — сказал он. — Истина где-то посередине. Она не так мрачна, как вы это говорите, но я должен признать, что эта женщина совсем не так проста и способна на многое. Но она у меня в руках, потому что я знаю о ней многое, что может ей повредить — даже здесь.

— К несчастью, кажется, она также многое знает о вас, — возразили они.

Вивонн пытался восстановить в памяти детали своего короткого приключения с Анжеликой. Он был тогда в Марселе, чрезвычайно занятый отплытием королевского флота, и внезапно только эта женщина заняла все его мысли. Он знал, что она готова на все, чтобы оказаться на борту галеры и ускользнуть от полицейского, который ее разыскивал в городе. Но она, в отплату за оказанную помощь, подарила ему несколько великолепных ночей. Он спрятал ее на королевской галере.

Д'Аржантейль, выйдя из своего уныния, подумал, что это не было таким уж подвигом, — теперь, когда он подумал, он был уверен, что этот, теперь знаменитый Дегре, намеренно позволил ей бежать.

— Зато, — сказал он, — она может оказаться опасной, потому что слишком связана с полицией. Но в настоящий момент она далеко от своих друзей в Париже.

— Тогда правда эта история с Рейни?

— Боюсь, что да. Но, главное, она была любовницей этого Франсуа Дегре, имя которого делается столь известным.

— Дегре! — воскликнул Мартен д'Аржантейль, — но это же полицейский, который арестовал Марию-Мадлену де Бривильер. Он действовал с максимальным коварством. В монастырь в Льеже, где она скрывалась, он явился переодетый аббатом. Для него не существовало понятия святотатства, и он разыграл перед ней пылкую страсть. Уже пять лет она была заперта среди этих женщин, и как она, тело которой беспрерывно горело желанием, могла этому противиться? Он внушил ей пагубное для нее доверие и уговорил ее бежать с ним. Как только они оказались за границами монастыря, он ее арестовал. И вы говорите, что эта женщина связана с этой отвратительной личностью? Может быть, это она выдала ему маркизу?

— Ах, оставьте нас в покое с этой отвратительной историей! Известно, что женщины попадаются потому, что они ставят сердечные дела выше своей выгоды... Сердечные дела... — прошептал Вивонн задумчиво.

Он с досадой повернулся к ним спиной. Позади него Сент-Эдм и Бессар обменялись взглядами. Это была обычная для них мимика, так они спрашивали совета друг друга, соглашаясь или выражая несогласие.

На этот раз они обменялись понимающими улыбками. Герцог де Вивонн будет поступать по-своему, но они-то понимали опасность. Не было пока надобности спешить, но все же следовало пустить все в ход, чтобы уменьшить влияние этой женщины и любыми средствами помешать ей вернуться во Францию, противопоставить себя мадам де Монтеспан и, быть может, победить ее.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. БАЛ В ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНИЯ

Глава 43

Вивонн очень ошибался, думая, что если у них было любовное приключение, он мог позволять себе с ней вольности. Плохо было то, что он в зависимости от того, трезв был или пьян, был либо предприимчивым и хвастливым, либо, наоборот, вполне приличным знакомым, не желающим привлекать внимание окружающих.

Никола де Бардане заявил, что он доволен своим переездом с «Фермы». Он не мог никуда пойти в городе, не пройдя мимо дома Виль д'Аврэя, и он пользовался любым предлогом, чтобы подождать Анжелику и затем сопутствовать ей в городе.

— Прошу вас, — сказала она ему однажды, — не стойте на часах перед моим домом. Это меня смущает и приведет к сплетням.

— Но разве я не имею права прогуливаться в квартале, где я теперь живу? Кроме того, я не считаю, что я более назойлив, чем этот индеец, который ежедневно, по несколько раз в день, крутится возле вашего дома, входит и выходит оттуда без доклада, сидит на вашем пороге, покуривая свою трубку, и, как только вас видит, начинает с вами беседовать. Не вижу, почему вы не разрешаете мне то, что разрешаете этому дикарю?

— Но именно поэтому. Мой бедный друг, вы же не дикарь!

Она отказалась от мысли заставить его внять голосу рассудка. Он сопровождал ее, когда она делала покупки.

У портного с Королевской площади они встретили Элуа Маколле, который примерял кафтан из сиреневого шелка поверх жилетки в цветах, которую он любил.

Вместе с ним был его сын — толстый, важный и трусливый парень, что было редкостью в Канаде. И надо же было, что это случилось с Маколле — иметь сына, который с детства не горел желанием отправиться в леса и боялся, вплоть до ночных кошмаров, той «прически», которую делают ирокезы. «Моя скальпированная голова пугала его!..»

— Ну и что? Ты либо канадец, либо нет.

Следует сказать, что Элуа Маколле был из поколения закоренелых холостяков, которых женили под страхом штрафа, отлучения от церкви и других наказаний.

Как только он сочетался законным браком с «дочерью короля», присланной в Канаду Кольбером среди сотни других, сделал ей ребенка, ибо он подвергся бы наказанию, если бы она пожаловалась, что брак не был завершен, он исчез на несколько лет на Большие Озера, оставив молодую иммигрантку выпутываться из положения, когда нужно воспитывать сына и обрабатывать ферму на берегу реки Святого Лаврентия. Хотя он время от времени и возвращался, жена и сын остались для него посторонними.

Жена умерла, успев женить своего единственного сына.

С этого времени судьба жизнерадостного Маколле изменилась к худшему. Из-за тяжелой раны, полученной в войне под Монреалем, когда матушка Буржуа едва спасла ему жизнь, Маколле пришлось вернуться к себе, а его невестка Сидония оказалась гарпией и создала ему адскую жизнь. Она не знала, что изобрести, чтобы отравить ему существование и помешать вернуться в леса, даже донесла, что он продает индейцам водку, и у него отняли разрешение на охоту. В конце концов он вернул себе свободу, но оказался вне закона, и только поручительство Пейрака, которого он нашел в

Тадуссаке, позволило ему беспрепятственно вернуться в свой город.

Он проявлял добрую волю, совершая этот дружественный шаг по отношению к этой мало родственной паре.

— Кроме того, — сказал он Анжелике, — у них есть соседка, вдова, которая мне очень нравилась, мне сказали, что она не вышла повторно замуж. Я воспользуюсь этим и зайду к ней, чтобы осуществить мои желания.

— Не уверена, что это входило в наставления матушки Буржуа, — заметила Анжелика.

Все рассмеялись. Над юношеской силой старого Маколле частенько подсмеивались. Он пользовался большим успехом у дам.

Его оставили примерять туалеты.

У женщины, прозванной Кружевницей, было много народа. Все покупали воротнички, манжеты, гарнитуры. Де Бардань сделал гримасу и стал осуждать это стремление украсить себя кружевами — не из стремления к экономии, но потому, сказал он, что в Париже мода становится более простой. Это изобилие кружев у шеи и запястьев, у талии, у колен выглядело уже буржуазно-провинциальным.

Слова дворянина смутили покупательниц, его выслушали с почтением. Некоторые строгие дамы, которые стремились показать, что они не отстают от парижской моды, несколько уменьшили свои покупки, правда, опасаясь, не покажутся ли они своим соотечественницам мелочными и безденежными. Другие продолжали широко покупать блонды и венецианские кружева.

В преддверии праздников все отправляли головные уборы, воротнички и кружева к урсулинкам — гладить, крахмалить и гофрировать.

Бардане, несмотря на то, что его прибытие не было блестящим и было затенено прибытием де Пейраков, всем нравился. Он был прекрасно одет, свободно держался и был всегда в хорошем настроении.

К Виль д'Аврэю вернулась его веселость, Баннистер не появлялся, Ле Бассер затягивал процесс. Это было время праздников, и в это время не велись процессы, не взыскивались подати, не требовали возвращения кредитов, — это было время отдыха от всяких юридических дел.

Онорина и Керубин пытались подкормить бедную собаку, сидящую на цепи у дерева, но четыре сорванца Банистера половину у нее утаскивали.

В рождественскую ночь Анжелика хотела, в знак примирения, послать пирог этим сердитым соседям, но с тем же успехом можно было пытаться проникнуть в волчье логово. Несмотря на святую ночь, Банистер угрожал подстрелить каждого, кто посмеет приблизиться к его хижине.

Его дети, маленькие чудовища, одетые в мешковатые серые и коричневые одежды, продолжали время от времени свирепствовать, спускаясь на ящике с коньками по углам по улице Клозери, сшибая по пути всех прохожих.

— Это — несговорчивые, такие есть во всех городах, — комментировала Сюзанна.

Эту городскую философию она, возможно, унаследовала от своего предка-парижанина.

В этот период Анжелика ежедневно навещала мадемуазель д'Уредан. Выход в собор ее совершенно измучил. У нее от этого были, как она говорила, «головокружения», и она жалела людей, принужденных постоянно жить в такой суете. Кроме того, ее совсем забросила служанка, она целыми днями сидела в своей мансарде, читая библию на английском языке. Эту

библию она спасла, так как она была у нее в кармане, когда их взяли в плен абенаки.

Джесси была пуританкой из окрестностей Бостона в Массачусетсе, городе, на окрестности которого канадцы шесть лет назад совершили опустошительный рейд. Она упорно держалась за свою еретическую религию, и семья из Монреаля, которая выкупила ее у абенаков, отчаялась обратить ее в католичество. Ее уже собирались отправить назад к дикарям, но ее хозяин-француз сжалился над ней и отправил ее в Квебек к мадемуазель д'Уредан.

Он знал, что она не выставляла напоказ чрезмерного стремления к обращению в католицизм. Она сможет спокойно примириться со служанкой, которая не хочет стать католичкой и которой не нужно платить, так как она пленная.

Поэтому каждый год окружающие изумлялись, видя, что Джесси-еретичка тоже готовится праздновать Рождество. Было трудно согласиться с тем, что она празднует рождение того же Младенца Иисуса, фигура которого из розового воска будет положена на солому в соборе. Поэтому в течение всего этого мессианского времени на Джесси-англичанку смотрели как на воровку ребенка и, что еще усугубляло вину, воровку божественного младенца.

Наутро Нового года в городе закричали: «Да здравствует король!», и военные отвечали салютами из мушкетов.

Был обычай в этот день дарить подарки друзьям и супругам.

Анжелика нашла в своем алькове у изголовья широкой постели нагреватель из голландского фарфора, имитирующий китайский, украшенный изображениями фруктов и цветов в синих и оранжевых тонах Внутри находилась плоская толстая свеча, которая могла служить ночником и в то же время

подогревать напиток, ром или теплое вино, который приятно выпить перед сном или перед вставанием в холодное утро. Чашка была сделана из серебра, у нее были две ручки и крышка, она была украшена рельефными цветочными мотивами.

Сюзанна принесла окорок, который был закопчен в дыму кленового сока. Она привела своих детей: Пакана, Жан-Луи, Марию-Клариссу и совсем маленького, носящего громкое имя Анри-Август.

Всю неделю между Новым годом и Богоявлением все, кто был приглашен и собирался присутствовать на большом балу в день Богоявления, лихорадочно готовились к нему. Бал должен был состояться на следующий день после праздника.

Епископ хмурил брови.

Граф де Пейрак и его жена лично явились в Большую семинарию, чтобы пригласить монсеньера епископа. Его присутствие обеспечит достойный стиль развлечений. Монсеньер согласился.

Полька, или мадам Гонфарель, содержательница преуспевающей гостиницы «Корабль Франции», решительно отказалась. Ничто не могло заставить ее изменить решение, ни уговоры Анжелики, ни личный визит, который ей нанес Жоффрей де Пейрак.

Знатный вельможа и игривая дама прекрасно поняли друг друга, но Полька решения не изменила.

«Это — не мое место», — говорила она.

— Твое место в Квебеке — где угодно, и ты это прекрасно знаешь, — сказала ей Анжелика.

Но бывшая героиня Двора Чудес покачала головой. Ее место было в Париже, на другом берегу Сены, не на том, где Лувр. Это — старая Нельская башня, где скрывались бандиты и крысы.

Она осталась тверда, несмотря на все просьбы.

Явление, которое не замечал никто, кроме мадемуазель д'Уредан, а она замечала неуловимые для

других глаз факты, распространялось в квебекском обществе. Это тем более трудно было заметить, что Канада не привыкла к подобным вещам, люди там были по натуре недоверчивы и мало расположены восхищаться своими соседями.

Распространилась мода быть замеченными графом де Пейраком и, в меньшей степени, графиней де Пейрак. Вызвать улыбку одного, обменяться словами с другой было достаточно для того, чтобы привести в восхищение самых пресыщенных особ.

В дамском обществе возникло соперничество — кто может привести слова или фразы, которыми обменивались в течение дня с графом де Пейраком, и самый незначительный знак внимания с его стороны давал повод для длительных дискуссий. Почему он смеялся вместе с мадам де Башуа, а не с мадам де Меркувиль и не обращал внимания на хорошенькую Беранжер-Эме, которая так старалась, чтобы он ее заметил? И, наконец, почему он наносил визиты с пышностью посланника дому Гонфарель из «Корабля Франции», в то время как столько изысканных дам готовы были принимать его в своих будуарах? Это принимало характер, который напоминал минуты напряжения среди придворных в Версале, когда король жаловал право «табурета» какой-нибудь даме, которая после этого имела честь сидеть среди избранных, в то время как остальные стояли, или знаменитое «для», написанное над дверью для приглашенных королем, когда они жили в Версале. Вся разница была в этом «для». «Для маркиза» такого-то — словечко, которое приводило в восторг самых пресыщенных дворян! Быть замеченным! Замеченным королем!

Или принцем!

Парикмахеры были довольно бездарные. Среди них не было такого, как Бине, парикмахера короля, который мог сделать дамам новые, идущие к лицу прически. В

Квебеке, как и в других местах, дамы помогали друг другу, и среди них или их камеристок можно было найти мастерицу, которую, когда придет великий день, все будут вырывать друг у друга. Дельфина и Генриетта, которые причесывали Анжелику для ее въезда в Квебек, были нарасхват. По крайней мере, им осталось что-то полезное от их службы у Амбруазины. Но особой, которая имела самую громкую репутацию в этом деле, оказалась Беранжер-Эме де ла Водьер. Она любила, чтобы ее ценили и считали незаменимой, и у нее был для бала настоящий список «клиентов», которые должны были, начиная с раннего утра, пройти через ее руки. Она хотела начать с Анжелики и явилась с утра со щипцами для завивки, лентами, палочками для накручивания локонов и целым набором гребенок, щеток и шпилек.

— Боже, как я завидую вашей красоте! — вздыхала она, поправляя ей прическу. — Как я завидую также тому, что у вас такой обворожительный муж! Какой великолепный мужчина!

— Поверьте, что я разделяю ваше мнение и очень рада, что он вам нравится. Но, дорогая моя, мне кажется, что в том, что касается супруга, вам некому завидовать. Де ла Водьер, безусловно, самый красивый мужчина в городе.

— Он? — сказала Беранжер с видом сомнения, как будто она в первый раз слышала о бросающейся в глаза красоте своего молодого мужа.

— Ну, что ж, будьте уверены, я с удовольствием поменяю его на вашего.

Была ли наивность или хитрость с ее стороны, что она приходила в замок Монтиньи под вечер, так что Жоффрею приходилось ее потом сопровождать? На этот раз она не приехала в карете, и был ли это действительно случай, который постоянно приводил ее в дома, где он бывал, и почему она так часто

оказывалась на улицах, где он ходил? Правда, этот город был такой тесный, такой скученный.

До этого времени она избегала дома Виль д'Аврэя, и Анжелика ее туда не приглашала.

Только стечение обстоятельств, связанных с этим балом, объединило их. Хотя Анжелика и была довольна тем, что ее хорошо причесали, она не была уверена, что Беранжер пришла, не имея никаких намерений. С первого взгляда это было трогательно — такое восхищение их супружеской парой. Все же Анжелика предпочла, чтобы она поменьше восхищалась и была более умеренна в своем восторженном поклонении графу де Пейраку.

Разве она сама была равнодушна ко вниманию, доходящему до почти религиозного любования, которое их окружало и было для них привычной средой? Потому что они были рождены не для того, чтобы идти в толпе, но для того, чтобы на них смотрели, за ними следовали.

У жителей Новой Франции были горячие сердца. Жоффрей и Анжелика де Пейрак сами были такими. Прошедшие тысячу жестоких испытаний, они любили нравиться и возбуждать любовь и не пренебрегали такой возможностью.

В начале этого года можно было даже сказать, что у них было слишком много друзей. И Анжелика начинала сожалеть, что не может поддерживать отношения со всеми.

Хотя враги, казалось, были обезоружены, это не означало, что они все прекратили борьбу. Мадам де Кастель-Моржа открыто показывала свою неприязнь. Но она была противником, к которому Анжелика чувствовала сострадание. Ее не любили. Канадцы, родившиеся здесь, упрекали ее в том, что она вмешивается в дела колонии, в которых она ничего не понимает даже после нескольких лет пребывания в Канаде. В ней была какая-то прирожденная

неуклюжесть, она всегда действовала невпопад. А ее муж Кастель-Моржа не отличался святостью. Он утешался тем, что был одним из самых постоянных клиентов отдельных кабинетов, созданных для любви, которые мадам Гонфарель содержала в здании позади своей гостиницы. Это был настоящий караван-сарай, куда с трудом смогли бы проникнуть люди строгих нравов и полиция. Общественное мнение оправдывало поведение Кастель-Моржа. настолько поведение его супруги вызывало осуждение.

Чрезмерное усердие, с которым она защищала своего исповедника, отца д'Оржеваля, превратило ее в посмешище. Все знали, что у нее есть единственная настоящая привязанность — ее любимый сын, красавец Анн-Франсуа. Но и здесь ей не повезло. Возвращение из лесов молодого авантюриста, которого она так ожидала, сопровождалось самыми несчастными последствиями, и сын обвинял в этом мать.

В довершение всех неприятностей он во время своего путешествия подружился с Флоримоном де Пейраком и жил у него в замке Монтиньи. Там оба храбрых путешественника, поощряемые графом де Пейраком, работали вместе с д'Урвилем и геометром Фальером над картами и описанием путешествия к Великим Озерам, которое они вместе совершили.

Наконец, самым страшным для Сабины Кастель-Моржа было то, что ее обожаемый сын питал самое пылкое восхищение, а по правде сказать, самые нежные чувства к Анжелике, которую его мать считала своей ненавистной соперницей.

Анжелика улыбалась, видя это увлечение молодого человека, и не обращала на это внимания, пока изъявления этой любви, живущей в сердце и воображении Анн-Франсуа, ограничивались стремлением всячески услужить ей, когда к этому представлялся случай, и красноречивыми взглядами его

красивых черных глаз. Однако она понимала, что это не способствовало налаживанию отношений с Сабиной де Кастель-Моржа.

Дамы-благотворительницы старались не иметь дела с Сабиной после ее выстрела из пушки. После обсуждения ее не исключили полностью из святого сообщества. Мадам де Меркувиль сказала Анжелике, что ей оставили возможность навещать своих «стыдливых бедняков» — то есть бедняков или бедствующих, о которых забывают или которые остаются без помощи потому, что они из робости или из гордости не жалуются. У мадам де Кастель-Моржа было несколько подопечных людей и семей, которым она втайне помогала. Ей не решились запретить продолжать заниматься ими, так как она стремилась совершать эти добрые дела, хотя больше из гордости и упрямства, чем из чувства милосердия.

— И кроме того, она такая нетактичная и такая нелюбезная, что даже те, кому она помогает, ее боятся, — вздохнула мадам де Меркувиль.

Анжелика обладала чувством справедливости, которое побудило ее встать на защиту Кастель-Моржа. По ее мнению, эта женщина становилась неприятной потому, что в семейной жизни она была не понята и несчастна. Никто не ценил ее привязанности. Кроме того, Анжелика не разделяла мнения канадских дам, что Сабина некрасива. В Версале она привыкла с первого взгляда оценивать внешность женщины и ее возможности. Она думала, что при дворе мадам де Кастель-Моржа, при ее красивом очертании рта, груди, скульптурные формы которой угадывались несмотря на стягивающие ее безобразные приспособления, при ее одновременно трагических и томных черных глазах, могла бы не только привлечь к себе внимание. Она бы нравилась. Но она была не на своем месте в Квебеке, она не сумела заставить оценить себя.

В день Богоявления солдаты, изготавливающие священный хлеб, двигались к церкви под звуки флейт и барабанов и таким же образом вернулись после мессы.

После полудня в семинарии было театральное представление. Участвовали учащиеся различных школ, молодые девушки и молодые люди общины.

Чтобы ободрить детей и молодых артистов, Анжелика пошла аплодировать спектаклю, несмотря на приближение вечернего бала. Все высшее общество тоже было там. Зал был переполнен. Спектакль был очень оживленным. Один из актеров, который изображал Христа, привлек к себе внимание. Все повторяли его имя и его историю. Это был знаменосец местного гарнизона, младший сын в семье, которого безденежье семьи заставило пойти на военную службу. Но он получил хорошее образование и сохранил в этой суровой солдатской жизни стремление к добрым делам. Он предложил семинарии давать детям уроки механики, а в обмен иметь возможность прослушать курс теологии и философии. Худой, с бородой, он играл роль Христа так убедительно, с такой добротой, что когда на сцене появился страшный, вооруженный вилами дьявол, индейцы, находившиеся в первом ряду, с криками бросились к молодому знаменосцу, прося защиты. Анжелика с удовольствием отметила, что Дельфина де Розуа приложила много усилий и умения в постановке этого спектакля. Она играла роль святой женщины и произносила свои реплики молодому знаменосцу четким, хорошо поставленным голосом, что вызывало аплодисменты.

В антракте Анжелика встретила Генриетту, одну из «дочерей короля», приятельницу Дельфины. Она служила компаньонкой у мадам де Бомон. Они обменялись несколькими словами.

— Я довольна, — сказала Анжелика, — что Дельфина, кажется, с удовольствием участвует в делах

церковного прихода.

— Она воспряла духом после разговора с вами, — согласилась Генриетта.

— Может быть, она и этот молодой знаменосец, который кажется хорошим человеком, хорошо относится к дикарям, хочет получить образование и сделать карьеру, смогут понять друг друга? Мне кажется, они очень подходят по вкусам и возрасту.

Генриетта покачала головой со знающим видом.

— Нет... это невозможно. Дельфина не захочет... У нее есть тайна.

Поняв, что она уже сказала слишком много, она решила сообщить эту тайну мадам де Пейрак, которая сможет понять. Наклонившись к ней, Генриетта прошептала:

— Она влюблена в губернатора.

— В губернатора? — сказала Анжелика, повернувшись в сторону де Фронтенака. — Да она с ума сошла!

— Почему? Я ее понимаю. Он очень красивый мужчина и был очень добр к нам, беднягам, потерпевшим кораблекрушение.

— О ком же ты говоришь?

— О нашем губернаторе Патюреле. Губернаторе Голдсборо. Поэтому она тогда так обрадовалась. Она надеется, что вы ей поможете вернуться в Голдсборо.

— Но это невозможно! Это глупое намерение!

— Почему же? Губернатор холост и не так уж стар! Она будет ему хорошей женой...

Захлопали, и свечи погасли, кроме тех, что были у рампы. Актеры вернулись на сцену.

«Колен! — думала Анжелика. — Никогда!»

Она была права, не доверяя Дельфине, этому тихому омуту. Колен, женатый на молодой женщине, которая будет готовить ему вкусные блюда, окружит его заботами и будет полна гордости, что она — супруга

этого великолепного, предприимчивого губернатора! Невообразимо! Но почему же нет, в конце концов? Нет, это никогда!

Она не могла продолжить свои размышления. По ошибке в темноте она села рядом с мадам де Кастель-Моржа, и когда эта женщина увидела Анжелику, она вскочила, растолкала всех окружающих и убежала.

Таково было положение вещей.

Но оно изменится. И в этот же вечер, неожиданно для всех. В особенности после этой сцены в театре семинарии. Ожидали худшего. Во всяком случае, не того, что мадам Кастель-Моржа сдастся. Большинство заинтересованных лиц обладало достаточной светской выдержкой и могло при неприятной встрече вести себя спокойно. Все знали, что когда дело коснется Сабины Кастель-Моржа, надежды на это не было. Даже когда она была в хорошем настроении, она вносила в общество ощущение напряжения, и это сковывало самое веселое общество.

Все знали, что в этот вечер она была более чем всегда вне себя. Во время бала общество могло ожидать, что она будет ходить от одной группы к другой, отпуская по пути неприятные шуточки, и что она будет видеть в самой невинной высказанной мысли нечто для себя обидное.

Приглашенные опасались неприятностей. С присутствием Сабины приходилось мириться, потому что она жила в замке Святого Людовика, но все заранее строили планы, как бы ограничить ее вмешательство во всеобщее веселье. Веселый Виль д'Аврэй и любезный Гобер де ла Меллуаз обещали «заняться ею», если увидят, что она становится раздраженной. «Я заставлю ее напиться, — заявил Виль д'Аврэй, который любил рискованные положения. — Со мной она будет сама кротость».

Но это было очень проблематично.

Она также была родом из Аквитании. На нее тоже нелегко было надеть узду.

Таковы были прогнозы и предположения за несколько часов до открытия бала по поводу малой войны между мадам де Пейрак и мадам де Кастель-Моржа.

Поэтому с крайним недоверием и восторженным недоумением на этом вечере увидят, как мадам де Пейрак и мадам де Кастель-Моржа держат друг друга за руки с достойными, но явными проявлениями дружеских чувств, отходят в сторону и беседуют настолько серьезно, что это выглядит как искреннее объяснение. Наконец, де Кастель-Моржа внезапно изменится до неузнаваемости и будет ходить по салону такая оживленная, игривая и остроумная, что после крайнего изумления бал в ночь Богоявления останется незабываемым вечером. Но никто не узнает, что же произошло.

Кто будет принимать приглашенных на пороге замка Святого Людовика? Этот вопрос долго обсуждался в дни, предшествующие балу. Были разные предложения: губернатор де Фронтенак с мадам де Кастель-Моржа? Де Фронтенак с мадам де Пейрак? Или де Фронтенак и сам Кастель-Моржа в компании с интендантом? Придя в отчаяние, де Фронтенак позвал на совет маркиза Виль д'Аврэя, чтобы урегулировать этот вопрос. Гобер де ла Меллуаз обиделся. Они были соперниками в вопросах этикета. Анжелика вздохнула с облегчением, узнав, что решение было таково, что, поскольку был заключен договор о союзе, встречать приглашенных будут представители этого договора губернатор де Фронтенак и граф де Пейрак.

Все особы, прибывшие в замок, будут приняты этими двумя представителями, могут поздороваться с ними и не искать их в толпе. Затем камергеры проводят гостей к столам, где накрыт ужин.

Анжелика могла в этот вечер играть роль приглашенной. Она возблагодарила за это небо. Она не знала, какое выбрать платье. Она не хотела надеть тканное золотом платье, которое Жоффрей предложил ей для въезда в Квебек. Это было неуместно. Слишком роскошно. В таком платье можно... идти перед королем. Может быть, когда-нибудь? Но теперь оно не соответствовало случаю, оно было как кусок солнца.

Она было хотела надеть красное бархатное платье, но не нашла брильянтовых булавок для корсажа, это нарушало стиль платья. В нем было что-то испанское, что ей не шло, особенно в этот вечер, когда у нее были круги под глазами и утомленное лицо. Потом она узнала, что Жоффрей наденет свой красный костюм, в котором при его темных волосах и глазах у него был вид Мефистофеля. Поэтому она твердо решила не надевать платье другого красного оттенка, более яркого красного цвета, подходящего для блондинок. Эти оттенки рядом будут убивать друг друга.

Тем хуже! У нее больше не было времени заниматься своими туалетами, и она решила надеть бледно-голубое платье, в котором она приехала. Его нашли красивым, и, таким образом, она никого не затмит, оставит другим женщинам удовольствие продемонстрировать новые туалеты. Она поворчала еще раз по поводу трудности одеваться только с помощью Иоланты, прокляла еще раз короля Франции. Из-за него у нее был шрам, который мешал ей показывать спину, а эта спина была очень красива и создана для того, чтобы привлекать горящие и затуманенные взоры ее поклонников и влюбленных. В конце концов она уехала с головной болью.

Чтобы придать себе храбрости, она стала думать о тех, кого она встретит и, конечно, о самых преданных: Ломени, Виль д'Аврэе, Карлоне, Фронтенаке... да и сам

епископ не без удовольствия обменивался с ней мыслями.

И Жоффрей там будет! Когда она перестанет смотреть на него, стремиться видеть его как будто в первые дни? Он превосходил всех благодаря силе своей личности еще более, чем своей красивой фигурой и своей элегантностью. Это было окрашено легкой досадой из-за успеха, который он имел у дам, а они не всегда щадили чувства законной супруги. Было ли в нем что-то, допускавшее возможность достижения у него успеха? Этот вельможа из Тулузы сохранил стремление соблазнять.

Она укололась булавкой и подумала, что ее нервозность предвещала неприятности. Что-то должно было произойти на этом балу.

Де Бардане вызовет на дуэль де ла Ферте, или Беранжер-Эме будет так непристойно кокетничать с графом де Пейраком, что Анжелике придется поставить ее на место, и тогда она будет выглядеть ревнивой и сварливой женой, злобно взирающей на торжество более молодой соперницы. Это все удручало.

Тут же произошло недоразумение, которое всегда случается, когда все идет неудачно. Сани, которые должны были везти ее в замок Монтиньи, перевернулись в ручей, полный снега, она напрасно ждала их и поняла, что опаздывает.

К ней послали портшез и сообщение о случившемся.

Жоффрей де Пейрак отправился со своим эскортом в замок Святого Людовика, считая, что она уже уехала туда. Это окончательно привело ее в раздражение. Она нашла, что ее драгоценности ей не идут, вернулась к себе и сменила их перед зеркалом, повторяя себе, что предпочла бы остаться дома, и на этот раз она не ошиблась, это было предчувствие, что-то должно было произойти — либо какая-то ужасная катастрофа, либо какой-нибудь природный катаклизм, свойственный этой

неустойчивой стране: землетрясение, буря, появление северного сияния, или пожар, атака ирокезов, способных залить кровью христианский праздник, или какое-нибудь преступление.

Она прибыла в портшезе к иллюминированной резиденции губернатора.

Проходя через двор между шеренгами солдат, которые, несмотря на холод, отдавали честь, она ответила им и вспомнила, что в Версале светская выдержка была частью требований, необходимых для сохранения милости короля. Его любовницы час спустя после родов считали себя обязанными появиться перед ним с улыбкой на губах.

Анжелика перестала вспоминать прошлое, выпрямила плечи под тяжестью своего великолепного манто, подняла подбородок, чтобы не казалось, что она прячет от взглядов лицо, которым она в этот вечер совсем не восхищалась, — но показать это было бы еще хуже, — и сумела переступить порог салона сияя.

Фронтенак пошел ей навстречу. Музыканты на маленькой эстраде заиграли громче, как будто хотели привлечь внимание к ее приходу.

Анжелика живо улыбалась и весело отвечала на приветствия и комплименты окруживших ее многочисленных гостей.

Она не видела графа де Пейрака. Было уже много гостей. Дамы-благотворительницы представляли кое-кого из молодых девушек офицерам и унтер-офицерам в форме, а также нескольким хорошо одетым молодым людям, загорелые лица которых контрастировали с их париками и кружевными жабо, одетыми по случаю бала.

Анжелика хотела пойти в этом направлении, но ее мигрень резко усилилась, у нее закружилась голова и ее затошнило. Ей пришлось остановиться, у нее подкосились ноги. С застывшей на губах улыбкой она

спрашивала себя, что же ей теперь делать? Подумав о Версале, она испугалась: «А если я отравлена?»

Но внезапно по некоторым интимным признакам она поняла простою причину ее плохого самочувствия и нервного состояния последних часов. Это был ее плохой день.

Анжелика от всей души прокляла и первородный грех праматери Евы, его последствия для существ ее пола и собственную беспечность. За всеми своими делами и подготовкой к праздникам она забыла о возможных неприятностях.

Это была катастрофа, которую часто приходится переживать женщинам и последствия которой они привыкли героически скрывать.

Оказавшись в плену окружающей ее толпы в роли королевы празднества в своем тонком бледно-голубом платье, Анжелика стала быстро придумывать план, как ей выйти из этого положения, не привлекая к себе внимания.

Осмотревшись кругом, не видя никого из женской прислуги, а только лакеев, она заметила мадам де Кастель-Моржа, которая в этот момент показалась ей спасительницей. Она подумала, что мадам Кастель-Моржа может ей помочь, ведь она жила в этом замке и могла незаметно оказать ей помощь.

Видя, что Анжелика пробирается к ней, Сабина де Кастель-Моржа отвернулась и хотела отойти, но Анжелика быстро подошла и взяла ее под руку.

— Мадам, — тихо прошептала она, — не могу ли я сказать вам два слова?

— Нет! — ответила Сабина и резко выдернула свою руку. Она была возмущена. До этого ей удавалось избегать встречи с Анжеликой, и эта внезапная атака застала ее врасплох.

Она дрожала, так как была очень впечатлительна.

— Как вы смели заговорить со мной?

— Сабина, только вы можете мне помочь. Я в страшном затруднении. Я не вижу больше никого, кто может вывести меня из этого положения.

Мадам де Кастель-Моржа пришла в еще большее негодование, видя, что Анжелика пытается подействовать кротостью.

— Вы хотите провести меня вашим дружелюбием? Не рассчитывайте на это. Я не принадлежу к вашим друзьям и не разрешаю вам называть меня до имени.

— Не будьте такой сердитой, Сабина! Повторяю, только вы можете мне помочь.

— Не хотите ли вы заставить меня поверить, что у вас нет друзей? Обратитесь к кому-нибудь из этих господ, которые все в вас влюблены, или даже к епископу, который питает к вам дружеские чувства, несмотря на ваше неверие.

Анжелика рассмеялась, сделав Сабине знак, чтобы она говорила потише. С трудом Анжелике удалось объяснить ей в чем дело, что только женщина может оказать ей здесь помощь, и только Кастель-Моржа, которая живет в этом доме.

— Пожалуйста, отведите меня к вашей камеристке или покажите мне какую-нибудь из ваших служанок...

Ее собеседница, которая чуть не устроила скандал, успокоилась. Она покраснела, побледнела, у нее был очень смущенный вид, когда она поняла свою оплошность. Опять она зря вспылила. Но, правда, никогда понапрасну к ее помощи не обращались, хотя она и была иногда неловкой...

— Следуйте за мной в мои комнаты, — сказала она. — Праздник еще не начинался. Сейчас только подают напитки. Вы сможете быть готовы до того, как все сядут за столы.

На лестнице она объяснила:

— Служанки на кухне или у входа, к тому же они бестолковы. Нет смысла кого-нибудь звать. Я дам вам

все необходимое.

— Спасибо. Ах, дорогая моя, я счастлива, что вы живете в замке Святого Людовика!

— Ваши пушки снесли мой дом! — возразила с горечью Сабина де Кастель-Моржа.

Тем не менее она открыла Анжелике двери своих комнат и быстро снабдила ее всем необходимым. Ее агрессивность ушла, и враждебность, которая была между ними, испарилась как по волшебству. Их женская солидарность в отношении к общим неприятностям преодолела существовавшие барьеры.

Когда Анжелика присоединилась к ней в ее гостиной, у Сабины де Кастель-Моржа исчезло с лица мрачное выражение, и на губах у нее даже была улыбка, которая делала более мягкими очертания ее красивого рта, слегка подкрашенного в этот вечер.

— Вы сделали это нарочно! — сказала она.

— Сабина, вы хорошо знаете, что подобные вещи не могут быть заранее включены в план примирения.

— Да, но случай всегда вам благоприятствует. Самая незначительная случайность служит вам на пользу. Вот теперь я обезоружена.

Анжелика порывисто подошла к ней, протянув руки.

— Сабина, мы сможем быть друзьями?

Сабина де Кастель-Моржа пожала плечами с печальной и смиренной улыбкой, но она разрешила взять свои руки, и они посмотрели друг на друга с выражением искренности.

— Я никогда не чувствовала к вам антипатии, несмотря на то, что вы сделали против нас в наш приезд, — сказала Анжелика.

Жена военного коменданта покраснела.

— Я была как сумасшедшая, я вас ненавидела... Но я... Я не ожидала, что пушка выстрелит... Еще одна неловкость с моей стороны.

— Хорошо, что она не была осуществлена полностью, — не удержалась Анжелика. — Но почему вы меня так ненавидите? Может показаться, что ваша ненависть больше относится ко мне лично, чем к тому, что мы можем явиться возможными соперниками в части территории Нового Света, или к тому, что, как опасались перед нашим прибытием сюда, мы являемся сообщниками англичан и стремимся повредить Новой Франции.

— Это правда, я ненавижу именно вас, — сказала Сабина де Кастель-Моржа, отводя взгляд.

Но ома вцепилась в руки Анжелики, казалось, в ней происходит тяжелая внутренняя борьба.

— Почему? Что я вам сделала?

— У вас всегда было все. Все, чего нет у меня. Вы нравитесь, вас любят... тогда как когда появляюсь я, я чувствую, что все порчу. Все замолкают. Мужчины отворачиваются... Мадам де Меркувиль мне это говорила — и с лучшими намерениями. Добрая душа, советовала мне сделать усилия... Но какие усилия? Я некрасива...

— Да нет! Какая глупость!

— Я знаю, что я говорю... Мне достаточно это давали понять.

Она вырвала свои руки из рук Анжелики и взволнованно стала ходить по комнате. Она провела рукой по лбу с блуждающим взглядом.

— Нет! Слишком многое разделяет нас, Анжелика! Я не могу забыть! Вы разбили мне жизнь!

— Я? До такой степени? Сабина, вы все драматизируете!

— Вы отняли у меня мужчину моей жизни! — вскричала она.

Анжелика открыла рот и глаза одновременно. Увы! Опять проявилось воспаленное воображение Сабины де

Кастель-Моржа. О ком она говорила? Об отце д'Оржевале?

— Мужчина вашей жизни? Сабина, кто это?

— Да, в самом деле! — воскликнула мадам де Кастель-Моржа со своим прежним саркастическим смехом. — Существует ли мужчина, который может меня любить? И я забыла, что у вас-то есть выбор! Кто из тех, кто сегодня ухаживает за вами, мог раньше питать ко мне какие-то чувства, которые, естественно, исчезли, как только появились вы?

Она выпрямилась, потрясаемая и негодованием и страданием, ее черные глаза заблестели, как два карбункула. Властным жестом она показала на дверь, которая вела на галерею и на большую каменную лестницу.

— Спустимся! Я вам его покажу!

В своем черном платье с длинным шлейфом она выглядела королевой в трагическом спектакле.

— Сабина, как вы красивы! — вскричала Анжелика. — Если бы вы сейчас видели себя в зеркале, вы бы мне поверили!

Мадам де Кастель-Моржа вздрогнула, как пораженная молнией, и взглянула на нее расширенными глазами.

— И это вы говорите мне это... Вы, моя соперница! Ах, это уж слишком!

Она согнулась, как от удара, затем выпрямилась. Блеск ее глаз напоминал блеск глаз воинов, идущих на давно желанную битву.

— Идем! — повторила она.

Анжелика последовала за ней, очень заинтересованная. В шуме, доносившемся из вестибюля и гостиных, были слышны голоса мужчин, приветствующих друг друга и мирно беседующих.

«Которого же мужчину я у нее украла? — спрашивала она себя. — Кто бы он ни был, я смогу ее

быстро разубедить. Ее муж? Конечно, нет. Фронтенак? Он очень привлекателен, я согласна, но он любезен со всеми дамами и со мной не более, чем с другими. Интендант? Он не очень-то хорош, но следует признать, что когда его получше узнаешь, у него есть свое обаяние, и он имеет успех. Мадемуазель д'Уредан без ума от него, а мадам д'Обрен внимает ему, затаив дыхание».

Они остановились у порога большой гостиной, совершенно равнодушные к интересу, который они вызвали, появившись вместе.

— Ну что ж! Сабина, покажите мне его! — сказала Анжелика. Мадам де Кастель-Моржа колебалась.

— ...Сабина, вы уже слишком много сказали! Теперь говорите? Что означает это обвинение?.. Я разбила вашу жизнь? Как я это могла?

Сабина побледнела. Чувствовалось, что она на пороге того, чтобы выдать страшный секрет, о котором она никогда не говорила.

— Вы отняли его у меня, — простонала она.

— Но кого же?

— Его! — Она произнесла это слово со страстью и страданием. — Его! — повторила она, показав рукой.

Анжелика посмотрела по направлению этой руки и увидела только Жоффрея де Пейрака, своего мужа, который отвечал что-то Фронтенаку в окружении уже очень веселых мужчин и женщин.

Она посмотрела на Сабину де Кастель-Моржа непонимающим взглядом. Тогда Сабина решилась.

— Я — племянница Карменситы, — объявила она таким тоном, как будто это объясняло все.

Глава 44

Заявив: «Я племянница Карменситы», — Сабина де Кастель-Моржа остановилась в ожидании, неподвижная и немая, как соляной столп. Анжелика подумала было, что она настоящая сумасшедшая, но имя «Карменсита» что-то ей напомнило. В этом имени был ключ к разгадке.

— Вы не помните? — настаивала Сабина де Кастель-Моржа. — Постарайтесь вспомнить. Карменсита де Мордорес, которая была любовницей того, за кого вы вышли замуж в Тулузе.

— Тулуза! — повторила Анжелика, — значит, это началось так давно...

— Не для меня. Это — совсем близко. Это — вчера. Вот почему ваше присутствие мне невыносимо, я слишком страдала это время.

— Пойдемте сядем, — сказала Анжелика, — объясните мне все.

Они прошли через салон, машинально раскланиваясь и улыбаясь, и никто не пытался их остановить, все были ошеломлены, видя их вместе.

Они нашли укромный угол в одном из будуаров, где уже сидели несколько пар за интимной беседой, наблюдая через широко открытую дверь за приездом приглашенных и ходом церемонии, чтобы не пропустить сигнал начала банкета.

— Теперь говорите, — сказала Анжелика. — Если я вас правильно поняла, вы были в Тулузе, когда меня привезли туда для замужества с графом де Пейраком.

— Да. Мне было двадцать лет. Моя тетя Карменсита де Мордорес привезла меня с собой. Я впервые покинула мой старый замок в Беарне. До этого меня воспитывали в большой строгости. Но внезапно,

приехав в Тулузу, я открыла для себя все светские удовольствия, невообразимую роскошь, очарование ума, поэзии, богатую интеллектуальную культуру моей страны, легкость любовных нравов, которая казалась даже добродетелью, ибо все это соответствовало воле Творца, стремившегося сделать человечество счастливым. Как не быть очарованной этим? В особенности тем, кто командовал этим вечным праздником — Жоффреем де Пейраком де Моренн д'Иристрю, который царствовал в Тулузе. Он и тогда был похож на теперешнего, но в нем было больше от Мефистофеля, было что-то пугающее. Он подчеркивал это, потому что он был рожден быть первым человеком своей провинции, и все это чувствовали.

Моя тетя Карменсита была без ума от него. Ей было тридцать лет, и она всегда вела распущенную жизнь. Поэтому она смотрела на меня свысока. Нужно признать, что она была умной и образованной женщиной. Однако мне кажется, что она быстро ему надоела, два раза она уезжала в Испанию, потом возвращалась. Я оставалась в Тулузе.

— Теперь я ее вспоминаю. Карменсита, эта сумасшедшая, которая, переодетая в истеричную монахиню, свидетельствовала позже на процессе Жоффрея, обвиняя его в том, что он ее околдовал.

— Чтобы отомстить ему за пренебрежение. Теперь вы понимаете, почему я так плохо к вам отношусь.

— Неужели вы до такой степени принимаете сторону вашей тети?

— Нет, речь идет обо мне самой. Я тоже была в него влюблена, — сказала Сабина со страстью в голосе. Она пожала плечами и глубоко вздохнула.

— А кто тогда не был в него влюблен?

— Как я могла не влюбиться безумно в него, — продолжала Сабина. — Я, молодая двадцатилетняя девушка, которая впервые открыла это чувство —

любовь. В Тулузе тетя беспрерывно говорила мне о нем... В обществе он говорил о любви. Он умел петь, как некогда трубадуры. Его называли волшебником.

Мадам де Кастель-Моржа говорила как во сне, она возвращалась в эти старые счастливые времена, в воспоминания, которые давали пищу мечтам, уводившим ее от тусклого существования.

Анжелика была не в состоянии ее прервать. У нее опять начала болеть голова, и она не могла собраться с мыслями.

— Как гром среди ясного неба, — заговорила опять Сабина, — было известие, что волшебник, у которого было множество побед над женщинами, решил жениться. Он! Он! Который не стеснялся говорить, что он принадлежит всем и все принадлежат ему! Сначала говорили, что он женится на очень молодой девушке знатной фамилии, и я вообразила, что это — обо мне, я знала, что он меня заметил и проявлял ко мне интерес. Я не говорила об этом моей тете, которая, как вы понимаете, была смертельно обеспокоена. Он не потрудился сообщить ей причины своего поступка. Она боялась, что ее владычеству придет конец. А я несколько дней жила безумной надеждой. Затем все рухнуло. Оказалось, что речь идет о посторонней, уроженке Пуату. Он даже не выбрал девушку из своей провинции. И наш кортеж встречал вас...

Анжелика смотрела на Куасси-Ба, который, одетый в свой восточный костюм с тюрбаном на голове, стоял перед ней и протягивал ей чашечку кофе на серебряном подносе.

В ее затуманенном взоре он был тем гигантским рабом, которого она впервые увидела в Тулузе и которого слова Сабины вновь вызвали в памяти.

— Вы можете улыбнуться тому, — заметила горько Сабина, — сколько сердец потеряли всякую надежду при виде вас. А я тут же поняла, что он страстно

полюбит вас. Вы были так очаровательны! Так очаровательны! И в самом деле, после вашего приезда все изменилось... Я была свидетельницей бессильного гнева моей брошенной тети. Она была без ума от ярости. И если она потеряла все, на что могла надеяться я! Что он на вас женился — это было неважно. Но очень скоро все поняли, что он вас полюбил...

Она опустила глаза, подавленная.

Куасси-Ба вернулся к ним с маленьким китайским железным треножником, на который он поставил подносик с дамасским кофейником и двумя чашками. Но Сабина отказалась.

— Нет! Это вызовет слишком сладкие и жестокие воспоминания.

Анжелика, не настаивая, выпила свою вторую чашку кофе и почувствовала прилив сил. Куасси-Ба приготовил напиток так, как она любила, очень сладкий и с несколькими зернышками кориандра.

— Куасси-Ба, спасибо тебе, друг мой! Ты меня воскресил!

— Господин стал беспокоиться, — сказал слуга, — он послал меня принести тебе кофе.

Подняв глаза, Анжелика увидела вдалеке Жоффрея де Пейрака, который смотрел в их сторону. В своей темно-красной одежде с огненными оттенками, которая блестела при каждом его движении, высокий, он, быть может, все же меньше был похож на Мефистофеля, чем говорила Сабина, но по-прежнему был привлекателен и казался немного опасным, хотя и имел менее вызывающий вид, чем раньше, — теперь он стал более, хитрым и осторожным. «Он не изменился».

— Он не изменился, — прозвучал, как эхо, голос Сабины де Кастель-Моржа. — Он такой, как прежде, особенно когда дело идет о женщине, как ее соблазнить, как ее удержать... И эта женщина — вы.

Когда дело касается вас, ничто от него не ускользает, он все угадывает... Видите... Мы разговаривали... Но он издали заметил, что вы взволнованы, может быть, смущены. И он послал Куасси-Ба принести вам кофе. Где бы он ни был, если вы присутствуете, он беспрерывно за вами наблюдает. Никто этого не замечает. Даже вы. Но я это вижу. И выражение его глаз, когда он смотрит на вас, пронзает мне сердце. После стольких лет! Я надеялась, что, по крайней мере, время отомстит за меня. Вам всегда везло.

— Да, видимо, везло.

Дверь в прошлое захлопнулась, и они опять оказались в Канаде.

— Он узнал вас? — спросила Анжелика. Жоффрей ничего не говорил ей об этом.

Мадам де Кастель-Моржа рассмеялась, в ее неприятном смехе слышалось разочарование.

— Конечно, нет. Я ничего не говорила, и он не мог меня узнать. В прежние времена он меня замечал, я знаю. Я была тогда высокая и красивая. Теперь я старая и опустившаяся. А он остался таким же, как был — великолепным. И вы тоже. Ваше прибытие в Квебек было равноценным вашему прибытию в Тулузу.

— За исключением того, что нам, как и вам, на двадцать лет больше, чем тогда.

— Не вам! Вы — существо, созданное для жизни и счастья! В то время как я стала женщиной без обаяния.

— Ах, не начинайте снова, Сабина, прошу вас...

В этот момент герцог Вивонн вышел из толпы и направился к ним. Это было уж слишком.

— Знаете, что вы сделаете, Сабина, — сказала она, поворачиваясь к мадам де Кастель-Моржа. — У вас будет о этот вечер возможность отомстить мне, затмить меня, отодвинуть меня в тень, так что обо мне забудут и будут замечать только вас. В этот вечер я не буду блистать. Вы знаете причину моего плохого

самочувствия и то, что вы мне рассказали, не способствует веселому настроению. Воспользуйтесь случаем и окажите мне одновременно услугу . Избавьте меня от этого герцога де ла Форте, который меня преследует. У меня есть свои причины не любить его. Удалите его. Привлеките его внимание. Ловкая женщина должна уметь добиться этого. Кто знает? Может быть, мой муж узнает вас, когда увидит, что вы — истинная женщина из Аквитании.

— Вам можно только удивляться! — сказала Сабина. Но она была задета за живое и послушно поднялась, слегка покраснев. Она посмотрела на Анжелику все еще в нерешительности.

— Устройте им сюрприз! — вскричала Анжелика. — Удивите их всех!

Мадам де Кастель-Моржа отважно пошла навстречу де ла Форте и графу де Сент-Эдм. Она тут же увлекла их к буфету — они не могли отказаться от ее общества без риска показаться грубыми.

Анжелика вздохнула с облегчением.

Рядом с ней сел Бардане. Уже почти все пришли, и ее отсутствие в салоне начало вызывать изумление.

— По договору, который я заключила с мадам де Кастель-Моржа, я должна была на некоторое время скрыться от общества. Вы, мужчины, теряете больше времени на заключение договоров, и эта работа приносит меньше результатов. У нас, женщин, есть свои методы. Жизнь забавна, — вы не находите?

— Что в ней забавного?

— Как что? Вы — здесь, я — здесь. Перемешаны прошлое и настоящее!

Она встала, взяла его под руку, и они оба вернулись в салон. Бардане не жалел больше, что оказался в Квебеке. Его жизнь, его мир, все было здесь.

Неожиданное для всех хорошее настроение мадам де Кастель-Моржа, ее оживление увлекало

окружающих. Все, и пожилые и молодые, весело разговаривали, улыбались, представляли друг друга. Начались танцы.

Красивая вдова, по прозвищу Кружевница, за которой ухаживал барон де Вовенар, присоединилась к нескольким дамам, принадлежавшим, как и она, к первым семьям колонии. К тем, кто поделил между собой первый хлеб первого урожая. Эти семьи, в большинстве теперь уже богатые, составляли аристократию, не смешивающуюся с недавними иммигрантами.

Вовенар, затянутый в бархатный камзол цвета сливы, со шпагой на боку, усердно за ней ухаживал. У него был совершенно удовлетворенный вид.

Во время празднества все много выпили. Маркиз д'Аврэй, сделав гримасу, сказал Вовенару:

— Кружевница! Вы могли бы выбрать получше.

С акадийским вельможей чуть не случился припадок.

— Что вы говорите? — пробормотал он, — Она — удивительная женщина!

— Но она же мать Никола Карбонеля, секретаря суда. Вы что, этого не знали?

В самом деле, это было для многих сюрпризом. Никто не представлял себе, что у секретаря суда Верховного Совета есть мать, и в особенности, мать — Кружевница.

Но Карбонель также был здесь с женой, у него была супруга, он оказался очень красноречивым, рассказывал забавные истории, и к концу вечера все забыли, что он — мрачный судейский, налагающий штрафы.

После Кружевницы пришла мадам ле Башуа. Полька говорила, что мадам ле Башуа — «чудачка». Худшего о ней ничего не говорили — мадам ле Башуа обладала даром внушать всем уважение и даже снисходительную

привязанность. Ее называли «утешением страждущих» или «постоялый двор». Насмешки не шли дальше.

Она одевалась вопреки здравому смыслу. Она говорила, что в любовных делах одежды следует снимать, и ей было непонятно, почему нужно предварительно придавать им такую важность.

Она переделывала туалеты, которые ей привозили из Франции. Можно было подумать, что она всеми силами стремилась приблизиться к моде времен Генриха IV. Она говорила, что прекрасно чувствовала себя в туалетах, которые бабушка, воспитавшая ее, одевала на нее в юности. Начиная с шестнадцати лет у нее было более чем достаточно поклонников, и она не видела никакой необходимости в том, чтобы изменить эту удачную для нее моду.

Она явилась на бал в день Богоявления со своим веером из перьев дикой индейки, с которым она никогда не расставалась, в блузе земляничного цвета и фиолетовой юбке, обшитой галунами.

Все это было бы не так страшно — цвет ей шел, — если бы она не раскрасила свое полное лицо яркой косметикой.

Среди этих румян ее красивые голубые глаза, нежные и смеющиеся, казались еще более ласковыми и милыми, она вызывала умиление и стремление ее обнять.

Мадам де Меркувиль напрасно пыталась увлечь ее в угол, чтобы посоветовать ей слегка смягчить цвет лица с помощью носового платка.

У нее не было на это времени, так как мадам ле Башуа тут же пригласили на танец. Танцевала она прекрасно. Молодые люди Квебека потихоньку стали смеяться, но, видя ее успех, довольно быстро убавили свою спесь.

Несмотря на достойные похвалы усилия мадам де Кастель-Моржа, Анжелике не удалось избежать встречи

с де Вивонном. Он пришел на бал с целью встретиться с ней. Из приличия ей пришлось по его приглашению закусить и выпить бокал шампанского в его компании. Казалось, он совершенно не помнил о не слишком любезных словах, которыми они обменялись в рождественское утро. Это было вполне в нравах Двора, где один день смертельно ненавидели друг друга, а на следующий день расточали любезные слова.

Он сумел задержать ее одну.

— Я не мог говорить перед своими спутниками, но я хочу, чтобы вы знали... Я не смог вас забыть.

— Но я — да!

Он не был обескуражен. Она нравилась ему, когда принимала такой высокомерный вид. Презрение идет красивым женщинам.

Она смотрела на него свысока.

Вдали от блестящего общества, окружающего короля-солнце, с этих придворных спадала фальшивая мишура, создававшая их отраженный блеск. Их надушенные мускусом и фиалками одежды, казалось, хранили затхлый запах грязных скандалов, мелких интриг.

— Я не понимаю вас, герцог де Вивонн. Вы же признали, что вашей сестре будет очень неприятно вновь меня увидеть.

— К счастью, моя сестра достаточно изобретательна.

— Я знаю.

— Вы слишком много знаете. Атенаис говорила, что вы были связаны с полицией и с опасными людьми.

— Она также.

— Но не с полицией.

— Тогда признайте, что я вооружена вдвойне. Муж мой также, хотя и по-другому. Вы говорили, что он стрелял по галерам короля. Но это — в прошлом. Мадам де Монпансье тоже стреляла в короля, своего кузена.

Теперь это — принцесса, перед которой все низко склоняются. Никто не может предугадать поворот мыслей короля. В конце концов, что вы от меня хотите?

— Чтобы вы не были бы слишком жестоки со мной, — сказал герцог, который чувствовал себя сломленным, как деревянная кукла. — Будем время от времени встречаться. Я буду рассказывать вам, что нового при Дворе.

Но она покинула его с выражением лица, которое не означало ни да, ни нет.

С тех пор, как он заговорил с ней при выходе из церкви, он колебался и не мог составить о ней определенного мнения.

То это была прежняя Анжелика, пламенная и обещающая. То это была не она... То он говорил себе, что ее будет легко вновь завоевать, то — что это не стоит труда, и, наконец, что он совсем сошел с ума.

Праздничный ужин был сервирован за тремя длинными столами. За столом «властей» господа ужинали в полной форме, в шляпах, плащах и при шпагах.

Запеченный в пироге боб, определивший королеву бала, достался мадам ле Башуа. Королем оказался Флоримон де Пейрак.

— Все это было подстроено... — комментировала Беранжер-Эме, раздосадованная, что жребий выпал не ей.

Ей заметили, что мадам ле Башуа была канадка, зрелых лет, из буржуазии, и не было никаких причин, чтобы ей специально подстроили это эфемерное королевское достоинство.

Если бы этот выбор был подстроен с целью польстить кому-то, то уж скорее выбрали бы королевой мадам де Пейрак, а королем — губернатора Фронтенака.

Но все же судьба, выбрав Флоримона де Пейрака, поступила тактично. Все были довольны, когда был коронован сын гостей, которые устроили в столице столько развлечений.

Флоримон к тому же прекрасно справился со своей ролью. Никогда в день Богоявления не видели такой неподходящей и в то же время такой согласованной пары. Флоримон и мадам ле Башуа с увлечением протанцевали павану, затем менуэт и, наконец, увлекли все общество в лихую сарабанду.

К концу банкета Флоримон скрылся, чтобы руководить фейерверком, передав на бегу свою корону лакею.

Все общество перешло на террасу замка Святого Людовика, откуда открывался вид на реку.

Красота освещенного фейерверком пейзажа, силуэты крыш и церквей, мягкий свет луны, белые снега на далеких горах и широкой равнине Святого Лаврентия создавали незабываемое зрелище.

Среди фонтанов разноцветных огней была видна высокая фигура Флоримона, так похожая на фигуру его отца.

Анжелика вспомнила развлечения в Версале и как Сент-Эньян, руководивший королевскими празднествами в парке, часто прибегал к услугам маленького пажа.

Чтобы Квебек участвовал в праздничной иллюминации, жителям было приказано поместить в каждом окне зажженную свечу. Бедные могли ограничиться лампадой.

У города появилось множество светлых и блестящих глаз от свечей за прозрачными стеклами, или желтоватых, когда лампады бедняков светились через промасленную бумагу.

Ноэль Тардье де ла Водьер кусал себе губы от волнения. При таком разгуле огней, фейерверка,

свечей, факелов, лампад неминуем пожар, предсказывал он.

— Жаль что такой красивый молодой человек волнуется из-за такой ерунды, — сказала мадам ле Башуа. — Он зря растрачивает свою молодость. Не лучше ли радоваться, как всем в эту ночь, и воспользоваться ею, чтобы поухаживать за кем-то... или, по крайней мере, наблюдать за своей женой которая, кажется, более легко смотрит на жизнь?

Каждый раз, когда Анжелика смотрела в сторону Жоффрея де Пейрака, она видела порхающую вокруг него Беранжер-Эме. Она начала думать, что то, что она приняла за кокетство молодой женщины, пробующей свои чары на признанном соблазнителе, скрывало более сильное чувство. Светские манеры и галантность Жоффрея могли ее обнадежить. Не следовало забывать, что Беранжер была очаровательна, умна и родом из Гаскони. Эта мысль была мимолетной, но очень неприятной. В этот момент она почувствовала руку Жоффрея на своей талии и услышала сквозь шум фейерверка его голос. Он спрашивал, довольна ли она приемом. У нее сразу возникло ощущение безопасности и счастья, которое создавало его присутствие. Все трудности исчезали. Оставалась уверенность в их сообщничестве, которая только крепла от того, что делалась более тайной и меньше выражалась вовне.

Анжелика решила, что все вопросы она задаст ему позже. Узнал ли он в мадам де Кастель-Моржа племянницу Карменситы, своей бывшей страстной любовницы? Она думала, что скорее — нет. Но иногда ее охватывало сомнение. Потом она об этом забывала. Празднество было очень удачным.

Вивонн продолжал находиться поблизости от нее. Его насмешливые голубые глаза все время обращались в ее сторону. Но Анжелика никогда не чувствовала себя такой далекой от соблазна.

После фейерверка замерзшие гости вернулись в салон и выпили в последний раз подогретого вина.

Глава 45

— Вы помните племянницу Карменситы?

Анжелика не могла удержаться и задала этот вопрос, хотя ранее она подумала, что лучше оставить в прошлом эти воспоминания. Потом у нее возникла мысль, что Жоффрей уже давно это обнаружил и не сказал ей об этом. Он знал все знатные дома Гаскони, и здесь, в Квебеке, все, кто имел отношение к Аквитании, группировались вокруг него.

Граф де Пейрак повернулся к Анжелике с недоумением:

— Какая племянница? И какая Карменсита?

Немного ироничное вежливое изумление, которое проявляют мужчины, когда очаровательные женщины задают им нелогичные, нелепые вопросы. Такая его реакция принесла Анжелике облегчение большее, чем она ожидала. Она позволила себе рассмеяться.

— О, мессир, мне кажется, что вы проявляете известную неблагодарность. Вы не помните Карменситу де Мордорес, вашу пылкую любовницу, вашу владычицу, когда я приехала в Тулузу, чтобы выйти за вас замуж?

Анжелика обрадовалась, так как по выражению лица де Пейрака было видно, что он равнодушен к этим вопросам, хотя и стремится удовлетворить ее любопытство. Ои не стал бы так лицемерить, даже если хотел что-нибудь от нее скрыть.

— По крайней мере, вспоминаете ли вы об этой мстительной женщине, которая явилась на ваш процесс и утверждала, что вы ее околдовали.

— О, в самом деле! Карменсита! — сказал он. Видимо, он больше помнил полную ненависти женщину, чем любовницу, с которой он проводил безумные ночи. У

него было столько страстных любовниц среди аквитанских женщин, украшавших блестящие празднества «Веселых познаний».

— И ее племянницу?

— Какую племянницу?

Вот этого вопроса Жоффрей вполне искренне не понимал. Анжелика напомнила ему и, скорее, рассказала, что у Карменситы жила в Тулузе ее юная племянница, что она сохранила о дворце «Веселых познаний» незабываемые воспоминания, и что она находится в настоящее время в Квебеке, и это — мадам де Кастель-Моржа.

Это позабавило его.

— Если она сохранила о моем дворце такие воспоминания, она плохо это проявила, стреляя по моим кораблям.

Но, несмотря на все эти сведения и его старания, он не мог вызвать в памяти ничего о племяннице Карменситы — ни ее имени, ни фамилии. Он не знал, что у Карменситы была племянница — незаметная девушка из многих, посещавших его дворец. О них он так же мало знал, как король о своих подданных.

Бедная Сабина, воображавшая, что он ее «заметил» настолько, что собирался на ней жениться! Анжелика, правда, и раньше думала, что Сабина тешила себя иллюзиями, но теперь она получила этому полное подтверждение.

— И когда вы решили жениться, почему вы не выбрали одну из наследниц в Гаскони, а меня, чужую в вашей провинции?

— Но, моя дорогая, я и не собирался жениться. Я вел свободную жизнь, которая вполне соответствовала моим вкусам. Поскольку я был наследником нашего рода в Тулузе, я иногда подумывал, что мне придется жениться для продолжения рода, и собирался как можно позже заключить союз с пользой для моей

провинции. Помните, ведь таким же образом все произошло и у нас? Это была коммерческая сделка — слово, ненавистное для знати, но я был заинтересован в этом, я мог так обеспечить свое положение во главе моей провинции, не прибегая к милостям короля. Свободу, которую дает золото и серебро, но за которую мне пришлось дорого заплатить. Благодаря выгодным торговым сделкам я мог продолжать свои работы в науке. Одним из моих самых деятельных посредников был Молинес, протестантский управляющий вашего отца, барона де Сансе. Молинес, как все гугеноты, вел разностороннюю финансовую деятельность. Я мог стать владельцем серебряных рудников в ваших землях в Пуату, только женившись на одной из дочерей-бесприданниц барона де Сансе де Монтелу.

— Молинес вмешивался в то, что его не касалось! — вскричала Анжелика. В ней ожил прошлый гнев, когда она боролась со своим отцом и управляющим, чтобы избегнуть этого ненавистного брака. — В конце концов, я была, как и многие другие, проданной невестой. И вас не заботило мое грустное положение. Вы купили меня, как покупают скотину, и были готовы, после совершения брака, оставить меня и насмехаться надо мной с вашими красивыми аквитанскими женщинами!

— Это действительно правда!

Граф де Пейрак встал. Он, смеясь, обнял ее и прижал к себе жестом собственника.

— Но с того дня, когда увидел зеленые глаза феи Мелузины, я забыл о других женщинах.

— И что бы случилось, если...

— Если бы маленькую девушку из Пуату не привезли бы мне в Тулузу в обмен на несколько серебряных рудников? Я не знал бы, что такое страсть. Я не узнал бы, что такое любовь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. БЛИНЫ НА СРЕТЕНИЕ

Глава 46

Возможность поговорить о тайне, которая лежала у нее на сердце в течение стольких лет, и грузе, который стал еще тяжелее в последние месяцы, преобразила мадам де Кастель-Моржа.

Эта счастливая перемена и важность этой победы, приписываемые Анжелике, добавили ей всеобщего уважения и привязанности.

Анжелика не жалела о том, что она помогла женщине, менее удачливой в любви. Но вмешательство Сабины в картину, где до сих пор она видела себя наедине с Жоффреем — его, идущего ей навстречу, чтобы сделать ее своей супругой, — нарушало идеальное изображение прошлого. Сабина искала ее общества, ведь только с ней она могла поговорить о прошлом. Анжелике даже нравилось возвращаться памятью к этим прекрасным солнечным дням во дворце в Тулузе, нравилось то, что Сабина дополняла разными мелочами эти незабываемые дни, но делалось привычным: посторонняя женщина, до этого считавшаяся их врагом, говорила о Жоффрее с энтузиазмом, как о близком человеке, как будто то, что она была влюблена в него до Анжелики, давало ей какое-то право собственности. Она создавала его портрет, в котором Анжелика не всегда узнавала того, кем он ей представлялся, как будто до того, как она переехала в Тулузу, Жоффрей де Пейрак был другим человеком, которого брак «заковал в цепи». Когда Сабина произнесла эти слова, Анжелика воспротивилась.

— Эти цепи — увы!.. он носил их не слишком долго. Цепи на галерах заменили цепи брака.

— Простите меня, — прошептала жена военного коменданта. — Я говорю об этом, как о чем-то призрачном. Вы не можете понять...

— Нет, я могу вас понять. Я знаю, что это человек, которого забыть нельзя, и какой тоской может наполнить воспоминание о нем. Я считала его мертвым, и я была в течение долгих лет с ним разлучена.

— Но вы были в лучшем положении. Вы были его любовью и вы остались его любовью. А я не могла даже плакать, и я не знала, была ли я достойна хоть какой-то его мысли...

Анжелика удержалась от того, чтобы сказать ей, что действительно Жоффрей совершенно не помнил племянницу Карменситы. Но сейчас не было смысла грубо пробуждать ее от мечтаний.

Сабина продолжала утверждать, что она ни в коем случае не захочет признаться Жоффрею де Пейраку, кто она такая. Она боялась его разочарования, когда он узнает ее, так изменившуюся после стольких лет. Анжелика теперь не предлагала ей менять это разумное решение. Что бы она выиграла, узнав, что ее идол не сохранил ни малейшего воспоминания о ней? Анжелика предоставила Сабине думать, что не ей, жене графа де Пейрака, говорить с ним о прошлом, исчезнувшем за трагедиями и несправедливостями, о которых не хотелось вспоминать. Ее совесть была спокойна. Жоффрей противопоставил ее рассказам о любви, которую он внушил юной девице, ставшей мадам де Кастель-Моржа, типично мужское равнодушие, которое распространялось даже на замечательную красавицу Карменситу. Он не питал к ней злобных чувств за ее свидетельство на суде, которое подтвердило возведенные на него обвинения. «В любом случае я был бы приговорен, — говорил он, — потому что король хотел меня устранить и отнять мое имущество, и не ее вопли бесноватой решили мою

судьбу. И она прекрасно справилась со своей ролью. Следует признать, что она была очень красива в своей ненависти, Карменсита».

— Мне также кажется, что вы очень плохо поступали с ней в Тулузе, когда она цеплялась за вас, не выдержав того, что потеряла вас после вашего брака. Чтобы прекратить ее крики, вы однажды вылили ей на голову целый таз воды. Я помню это.

— Возможно. Мужчина жесток, когда он не любит больше. В особенности, если он любит другую.

Этот разговор напомнил Анжелике, что она когда-то опасалась соблазна красивых женщин Аквитании. Если бы они остались жить в Тулузе, а не были разделены катастрофой, было ли бы их счастье настолько прочным, чтобы устоять против победительной красоты этих женщин с молочно-белым цветом лица, бархатными глазами с пряным ароматом брюнеток? Она тогда боялась их власти над чувственным тулузским графом. Эти беседы пробуждали в ней, в забытых уголках ее ума прошлые опасения и сожаление, что она не знала в Жоффрее де Пейраке человека, каким он был до встречи с ней, хотя она понимала, что в настоящем положении и после всего, что они пережили вместе, это было совершенно ни к чему. Она постаралась не пойти на несколько приемов, где она могла встретить Сабину де Кастель-Моржа. Она не хотела, чтобы заметили, что ее победа, так таинственно достигнутая, становилась ей тяжела. Тем более, что при каждом удобном случае ее с этим поздравляли.

— Как вы этого достигли? — не переставал спрашивать заинтригованный Виль д'Аврэй.

— Женский секрет, — отвечала насмешливо Анжелика.

***

Перед утренним вставанием Анжелика иногда открывала рано ставни, и перед ней открывалась заря,

а небо было покрыто звездами. Холод был недвижен, звеняще чист. Молчание природы было таким глубоким, что даже был слышен далекий гул водопада, находящегося в двух лье от Квебека и называвшегося водопадом Монморанси. Потом занималась заря. Небо приобретало лиловатый оттенок, красные отсветы появлялись на горах, колокольни и крыши окрашивались в рубиновый цвет, и склоны полей блестели под лаской восходящего солнца, как драгоценный хрусталь. Леса на берегу казались ярко-синими, сливались с небом.

Но иногда все было бело и на небе, и на земле. И со стороны Бопре признаком жизни был только колеблемый ветром дым от печей. Под островерхими, как в Нормандии, крышами хозяин, окруженный своей семьей и наемными работниками, усаживался перед своим первым стаканчиком водки и большой миской молока с хлебом, поставленной на середину стола.

В течение января жизнь города была очень оживленной. Говорили, что скоро начнется Великий пост и впереди — сорок дней покаяния, поста, когда все мясные и кондитерские магазины будут закрыты.

Старались вдвойне во всем — пище, удовольствиях, развлечениях. Устраивалось много «церковных ужинов», — когда под снисходительным взглядом святого патрона собирались члены благочестивого или благотворительного общества.

Предлог выпить больше разумного. Дамы передавали друг другу свои кулинарные рецепты или рецепты напитков, которые делали рекламу их домам, и все охотно к ним приходили.

Мадемуазель Ефрозина Дельпеш, о которой все самогонщики говорили с почтением, потому что у нее были наилучшие дрожжи для приготовления алкоголя, готовила ликер из смеси четырех трав: укропа, дягиля, кориандра и сельдерея. Все делали вид, что принимают

его как лекарство, а на самом деле его следовало пить перед тем, как отправиться в постель в обществе любимого человека. За эти качества ее напитка Ефрозине прощали даже то, что она была самой большой сплетницей в городе.

Читали, делали приемы, пользовались успехом красноречие, красивые проповеди, грандиозные богослужения.

Мадам Ле Кампвер дала большой бал. Все на него пошли, так как хозяйка была очень мила, когда старалась, остроумна, и все было роскошно обставлено. Только мадам ле Башуа не пустила туда своих дочерей и своих любовников. «Это порочная женщина, — говорила она, — и любовь не должна носить маску разврата».

Танцевали, играли азартно в карты и завязывали любовные интриги. Конечно, были клевета, сплетни и соперничество, но в этом обществе никого не упрекали за низкое рождение, потому что все в Канаде работали или были на королевской службе.

Мадемуазель д'Уредан начала читать «Принцессу Клевскую» — любовную историю, написанную одной из ее парижских приятельниц, мадам де ла Файетт, которая имела претензию быть писательницей.

В эти вечера к ее постели приходили, кроме мадам де Пейрак и ее дочери, маркиз де Виль д'Аврэй, интендант Карлон, де Бардане, де Шабли-Монтобаль, мадам Обур де Лоншан, ее камеристка и десятилетняя дочь, мадам де Меркувиль и ее две старших дочери, ле Башуа, который специально приходил из Нижнего города, и другие.

Вечера любезной чтицы, были очень популярны.

Мессир Кот упорно прокрадывался по следам Анжелики и Онорины, привлеченный этим таинственным домом. Тогда собачку мадемуазель д'Уредан отправляли на кухню вместе со служанкой-

англичанкой. Но англичанке хотелось присутствовать при чтении, и она усаживалась в углу комнаты с руками, сложенными на коленях, как будто она собиралась слушать проповедь по Библии в молитвенном доме в Бостоне...

Собака на кухне завывала, ей тоже нравилось быть в обществе, убаюкиваемой тихим голосом своей хозяйки. Приходилось ее тоже возвращать в круг семьи. Собака и кот в конце концов примирились друг с другом.

Забавно было видеть, как мессир Кот, забравшись на верхушку балдахина, щурит глаза с проникновенным видом, когда в некоторых местах книги голос чтицы трепетал от волнения, а собака с мечтательным видом лежала у ног англичанки — и они обе иногда глубоко вздыхали.

Все спрашивали себя, что пленница из Новой Англии могла понимать в любовных интригах и витиеватых речах этих герцогов и принцесс Франции, которые не переставали задавать вопросы, стонать, плакать и умирать и проходили как тени в своих великолепных нарядах по апартаментам Лувра на берегу Сены и замков на Луаре, где был Двор одного из последних королей из рода Валуа, Генриха II.

Беранжер-Эме де ла Водьер с самого начала усердно посещала вечера чтения у мадемуазель д'Уредан. Надеялась ли она встретить там де Пейрака? Иметь возможность как бы случайно встретить его там? Думала ли она, что когда-нибудь Анжелика пригласит ее к себе, и она сможет войти в этот дом, порхать там, наблюдая за всем — и все это с какой целью? Общество не знало, что и думать об этом. Некоторые утверждали, что она — ребенок, не отдающий себе отчета в своих действиях, другие — что она очень хитра.

Анжелике было неприятно думать, что за ее спиной многие кумушки шептались, что на ее месте они бы

поопасались.

Присутствие этой женщины портило ей эти приятные вечера, когда продолжался рассказ о роковой любви мадам де Клев к герцогу де Немуру. При описании смерти мадам де Шартр, матери мадам де Клев, Беранжер разрыдалась.

— О, как я тоскую по моей матери! — простонала она. — Это изгнание продолжается слишком долго... Больше девяти месяцев без писем, я не знаю, что с ней, и не могу ей доверить свои огорчения.

— Делайте как я, — пишите, — посоветовала ей Клео.

— Нет, нет! Какой смысл писать призраку? Может быть, и она уже умерла! О, я не могу это вынести! Я хочу увидеть мою мать, ах, ах.

Слезы полились потоком и перешли в рыдания. Ее окружили, пытались успокоить. Мадам де Меллуаз уговаривала Анжелику отвести Беранжер в свой дом напротив и дать ей что-нибудь выпить.

Анжелика не стала разыгрывать сестру милосердия. Она сделала вид, что не понимает. Слезы Беранжер ее не растрогали. Эта женщина пользовалась каждым случаем, чтобы разыграть комедию. «Лучше всего мадам де ла Водьер утешит ее красивый и очаровательный муж, — объявила она, упирая на слово «очаровательный». Ее надо проводить в Нижний город, где их дом».

— Я провожу ее, — решил Виль д'Аврэй.

Гости мадемуазель д'Уредан после того, как Беранжер ушла, согбенная под тяжестью своей печали, а маркиз нежно ее поддерживал, решили, что он будет значительно более действенным утешителем, чем ее муж.

В начале года, кроме непрерывных визитов, которые все наносили друг другу, в замке Монтиньи задавали

балы, музицировали, давали театральные представления с последующим ужином.

Сохранялась парижская привычка выходить вечером на улицу в маске. Поскольку маски были из шелка или бархата, это имело то преимущество, что предохраняло лицо от частых сильных холодов.

Несмотря на празднества, много работали. Два английских пленных ежедневно приходили из становища гуронов к мадам де Меркувиль обучать ее, как окрашивать шелк и лен. Но вдова-индианка, которая была хозяйкой и любовницей одного из них — на что она имела полное право, ибо он заменял ей слугу, сына и мужа, погибших в бою, стала опасаться этих визитов, на которые она согласилась по просьбе интенданта и губернатора.

Она явилась сама, торжественно, чтобы посмотреть, как выглядит мадам де Меркувиль, и, найдя ее привлекательной, устроила целую историю. Она очень держалась за своего Джона, эта вдова! Ей нравился этот пуританский земледелец из Массачусетса, он упорно работал и не избегал любовных утех. Хотя и менее предприимчивый в этом отношении, чем французы, он все же проявлял, как и все европейцы, интерес к этому, что нравилось индейским женщинам, в то время как их воины слишком часто берегли свои силы для того, чтобы быстрее бегать, лучше сражаться, более мужественно выносить пытку, если им придется попасть в руки врагов.

Она поспешно увела назад своего английского пленника в Лоретту, и мадам де Меркувиль пришлось удовольствоваться другим, молодым рыжим парнем, почти превратившимся в индейца, но который помнил то, чему учил его отец, ремесленник из Салага.

Интендант Карлон мобилизовывал людей, чтобы отнести ткацкие станки в различные дома, где женщины должны были начать работать. Это были

тяжелые, легко ломающиеся, громоздкие приспособления, но колония должна была сама себя снабжать. Очень важно иметь холсты, материи. Ввозить их стоило очень дорого. И, кроме того, женщины не должны были оставаться без работы.

Хотя Анжелика очень любила свой Верхний город, его салоны, церкви, монастыри, тем не менее она ежедневно спускалась в Нижний город, в «Корабль Франции», туда, где воспоминания не были такими утонченными, как о дворце «Веселого познания», но принадлежали только ей.

Было замечено следующее. Молодой Кантор де Пейрак, этот серьезный юноша, красивый как ангел, но выражение лица которого напоминало иногда Анжелике несколько мрачные лица молодых людей Сансе де Монтелу, ее братьев: Жоселина, Гонтрана и Дениса, смеялся и весело разговаривал только с мадам Гонфарель, хозяйкой «Корабля Франции».

Однажды, когда он пришел в гостиницу с несколькими друзьями и офицерами из рекрутов де Пейрака, любезная хозяйка, слегка пьяная, сказала ему:

— Привет, малыш. Вы меня не знаете, а я вас знаю и очень давно. Я почти что кормила вас грудью.

Кантор расхохотался. Он встал со скамьи с восхищенным видом и, обняв ее, расцеловал в обе щеки.

— Он меня узнал! — сообщила взволнованная Полька Анжелике, когда ее увидела. — Думай, что хочешь! Он меня узнал! Он вспомнил меня, как я бежала до Шарантона, чтобы отнять его у цыган. Ты знаешь, малыши смотрят и ничего не говорят. Но они помнят.

В самом деле, Кантор часто возвращался в «Корабль Франции» и всегда был весел и любезен с Жаниной Гонфарель. Эта веселость, ему несвойственная,

преображала его, придавала блеск его зеленым глазам, сообщала ему такую живую красоту его матери.

— А я бы много дала за этого красивого малыша! — признавалась Полька Анжелике, находясь под влиянием вина.

— Знаешь что, я чувствую такую кровосмесительную любовь кормилицы...

— Но ты никогда не была его кормилицей! — протестовала Анжелика. — Никто не выкармливал Кантора. Даже я. Он был вскормлен из соски.

Теперь Флоримону и Кантору де Пейракам было — одному девятнадцать, а другому семнадцать лет. Они были поселенцами Канады, красивые, сильные, здоровые и, по-видимому, счастливые, хотя и прошли столько, по слухам, «случайностей».

Внимание, которое члены семьи де Пейрак оказывали гостинице «Корабль Франции», привлекло туда цвет дворянства и богатой буржуазии.

Там видели даже интенданта Карлона. Никола де Бардань был завсегдатаем.

Посланец короля приобрел много друзей благодаря своим светским и вежливым манерам и способности порядочно выпить в компании, что говорило о его здоровом стремлении ценить жизненные удовольствия. Офицеры его отряда и даже его управляющий, его секретарь и первый камердинер происходили из хороших буржуазных семей или из мелкого дворянства.

Их любили в «Корабле Франции».

Напротив, появление герцога де ла Ферте и его спутников охлаждало всеобщее веселье. Они приобрели много врагов из-за своей «надменности»; они обращались с канадцами как с «деревенщиной» и «бродягами».

Полька каждый раз говорила, что она как-нибудь даст им понять, чтобы они у нее не показывались, но не

делала этого, потому что у них были туго набитые кошельки.

Для Никола де Барданя было испытанием встречаться с герцогом де ла Ферте, когда при этом присутствовала Анжелика.

— Итак, он был вашим любовником. Может быть, и теперь также? — сказал он ей однажды.

— Сударь, вы оскорбляете меня и задеваете честь моего мужа, находящегося в этом городе. Я совершенно не вспоминаю о де ла Ферте и не скрою, что его присутствие мне неприятно, но с этим ничего нельзя поделать!

— Итак, вы признаетесь, — сказал Бардане, побледнев, — значит, это правда. Он был вашим любовником?

— Но поскольку вы себя в этом убедили, к чему отрицать, — сказала Анжелика с раздражением. — Признайте раз и навсегда, что у меня было прошлое, и не устраивайте из этого трагедии, лишенной всякого смысла в теперешних условиях. Теперь не может быть ничего общего между этим дворянином и мной.

— Мне кажется, что он очень к этому расположен.

— Но в подобных случаях главное значение имеет мое мнение, вы должны это понимать, вы достаточно меня знаете.

— Увы, я считал, что знаю вас. Но неожиданные стороны вашего характера заставили меня усомниться в этом. В Ла Рошели кто был вашим любовником?

— Вы!

Эти беседы, которые Бардане вел в драматических тонах, а Анжелика делала вид, что это ничего не значит, стали какой-то игрой. Споры велись на все те же темы.

Страсть де Барданя окружила ее неким чувственным стремлением. Оно было сдержанным, но постоянно выражалось взглядами и вздохами, намеками

услужить, ласковыми жестами. Это создавало вокруг нее атмосферу, которая ей нравилась, способствовала тому, что она оставалась веселой и терпимой по отношению к своему воздыхателю. Его постоянное желание ее не возбуждало в ней такого раздражения, как объяснения де Вивонна, наполовину дерзкие, наполовину льстивые. Де Вивонн, когда был пьян, казалось, считал само собой разумеющимся, что если они были некогда любовниками, то она и теперь должна дарить ему свои милости.

Бардане отпустил себе усы и носил их, как у короля, тонкой линией над верхней губой.

Сначала, когда он встречал ее в «Корабле Франции», он упрекал ее в том, что она посещает малопочтенные заведения. Она возразила, что не ему читать ей мораль, так как она узнала, что, возможно, чтобы найти утешения от печали своей неизлечимой любви, он организовал, благодаря укромному положению своего дома, веселые сборища, куда он приглашал своих приятелей по играм и попойкам с сопровождением женщин с хорошим характером и не слишком набожных.

Никола де Бардане обеспокоился:

— Мои приглашенные не слишком шумят? Не мешают ли они вам спать и не нарушают ли покой вашей улицы?

— Ни в малейшей степени.

Положение специального посланника короля давало возможность де Барданю держаться вне светского и религиозного кругов, его считали далеким от жизни страны, и поэтому никому не было дела до его хорошего или плохого поведения.

Многие завидовали его свободе.

Анжелика знала, что в Тадуссаке он написал королю письмо, которое увез командир «Мирабеллы».

Она хотела выяснить один вопрос: Никола де Бардане сообщил ли о ней королю? Король действительно поручил ему узнать, не была ли женщина, сопровождавшая графа де Пейрака, той, которую разыскивала вся полиция — бунтовщица из Пуату?

Однажды днем, находясь с ним в «Корабле Франции», она рискнула.

— Мой дорогой Никола, у нас не было времени увидеться после Большого Совета, на котором я имела честь присутствовать. У меня осталось впечатление, что мы должны вас поблагодарить за благоприятный о нас отзыв, который вы послали королю.

Никола де Бардане, не подозревая ничего и довольный тем, что он доставил Анжелике удовольствие своим выступлением на Большом Совете, торжественно изложил ей содержание послания, которое он написал королю в Тадуссаке и послал с командиром «Мирабеллы» — последним кораблем, покинувшим Канаду и направлявшимся во Францию.

— На Его Величество, наверно, произвела впечатление та быстрота, с которой я мог дать ответ на различные вопросы, касающиеся моей миссии. Должен признать, что это произошло благодаря вам, дорогой друг, потому что, благодаря нашей встрече, я сразу же по прибытии в Канаду узнал все, что мне нужно было узнать о том, кто, увы, стал вашим супругом.

Я не скрыл от короля, — даже если вы будете за это на меня в претензии, — что тот, кто называл себя обладателем земель Мэн и занимал незаконно некоторые территории и берета французской Акадии, был тот самый Рескатор, пират-авантюрист, который некогда сражался с его галерами в Средиземном море. Зато, — подчеркнул он, понимая, как его слова были неприятны Анжелике, — зато я уверил его, что вы не та

мятежная женщина, которую прозвали «бунтовщицей из Пуату» и которую он повелел обязательно разыскать.

Я мог утверждать, что спутница пирата не имеет ничего общего с этой презренной женщиной. У меня ведь была возможность знать это, — добавил он с легкой улыбкой сообщника, — ведь я вас знал, и вы были для меня старым другом из Ла Рошели. Но это я ему не сообщил. Это — личное дело. Я удовлетворился сообщением, что знаю это из достоверных источников, и он может полагаться на мои утверждения.

Анжелика, слушая его, несколько раз открывала рот с намерением его прервать. Но она не решилась на это, выпила воды, чтобы собраться с мыслями. Зачем разъяснять его ошибку? Слава Богу, он не знал, что она — бунтовщица из Пуату, что было, в общем, естественно. Но она опять оказывалась перед выбором: оставить его в заблуждении или посвятить его во все и поднять запутанные проблемы, которые могли только увеличить путаницу и вызвать бесплодные бессмысленные противоречия, драматизировать ситуацию.

Это письмо королю ушло в ноябре, и просто не было возможности вернуть его и исправить до таяния льдов и возвращения кораблей. Возможно, Людовик XIV вскоре узнает, что интуиция его не обманула, через Дегре, который, вероятно, получил ее письмо, отправленное также из Тадуссака с «Мирабеллой». Написав ему, она хотела дать в руки полицейскому оружие, которое он использует наилучшим образом.

Она хорошо представляла себе его в Версале, почтительно склонившегося и докладывающего безразличным голосом:

«Государь, дело сделано. Мы напали на след мадам дю Плесси-Бельер. Она в Канаде».

Чтобы оправдаться перед собой в том, что она хранила молчание, которое в один прекрасный день

окажется причиной неприятностей для преданного друга, Анжелика очень мило улыбнулась де Барданю. Улыбка Анжелики, даже безразличная, обладала даром радовать тех, кому она предназначалась. Когда же она стремилась вложить в улыбку нечто, то собеседнику было трудно не испытывать чувство эйфории, которое могло продолжаться несколько часов, а то и весь день и более, и могло сопровождаться самыми безумными снами.

Бардане был беззащитен перед этим даром. Ничто не казалось ему более чудесным, более опьяняющим, чем это женское лицо, его гармоническая и трогательная красота, возникавшее перед ним как сон, окруженное светлым нимбом от масляных ламп лицо, еле видимое через туманную дымку в этой чересчур натопленной комнате.

В этой гостинице, расположенной на берегу реки, ледяное молчание реки Святого Лаврентия было еще более ощутимо, чем в Верхнем городе.

В нескольких шагах снаружи низкий берег, закованный во льды, сливался со снежной равниной, тонущей в темноте. Это давящее молчание и свирепое воздействие холода, сковавшее воды, землю и скалу, создавало впечатление более сильного одиночества, чем в любом другом месте в мире.

При мысли, что здесь перед ним мечта его жизни, встреченная в Ла Рошели, волна счастья нахлынула на графа де Барданя. Он протянул через стол руку и положил ее на руку Анжелики. Эта рука рядом с его рукой показалась ему такой маленькой и такой хрупкой. Он подумал, что никогда не замечал красоты пальчиков Анжелики, и это его испугало. Значит, он ее совершенно не знал, хотя не переставал ее с жадностью рассматривать? Сколько ему еще предстояло открыть в ней, — ее ножки, ее колени, грудь, ее таинственный, влекущий пол.

Он задрожал от волнения.

Он прошептал: «Я счастлив».

Герцог де Вивонн был недоволен ухаживанием Барданя. Он редко видел Анжелику.

Он пил. Он скучал. С горечью он размышлял, что общества де Пейраков все искали, в то время, как его бойкотировали — его, блестящего придворного, всегда имевшего успех в свете. У него было несколько интрижек с женами чиновников, считавшими, что, ведя несколько легкомысленное существование, они убедят людей, что жили при дворе.

Он говорил себе, что ему никогда не удастся ее получить. Он видел ее, она была здесь и никогда не казалась ему такой недоступной.

Она была недоступна, ибо она думала о других вещах, и это доводило его до безумия. Потому что было непонятно, кем она была, было непонятно, как ее удержать, как ее соблазнить. Это была ненавистная тайна.

И король, как простой поселянин, разбил об нее свое сердце.

Он подчеркивал перед Сент-Эдмом и Бессаром любую мелочь, которая напоминала об этом.

— Вы заметили поведение короля, когда он прогуливается в своих садах? Он иногда останавливается наверху бассейна Латони. И моя сестра приходит в ярость, потому что она знает, что он думает о ней.

Вивонн прерывал свою речь, видя мрачные лица своих компаньонов. Он отворачивался, озлобленный. Это было — как метать бисер перед свиньями, разговаривать с этими постными физиономиями!

Они же обменивались понимающими взглядами. У них было еще время, но надо было следить уже сейчас, чтобы мадам де Монтеспан не получила такую опасную соперницу.

Было бы катастрофой, если бы ей удалось вернуться ко двору или даже во Францию. Нельзя, чтобы у нее появилась возможность встретиться с этим Дегре, беззаветно преданным де ла Рейни, начальнику полиции королевства. Они обсуждали де ла Рейни. Честный человек, очень ловкий, который меняет всю систему. Он осветил все улицы, разогнал «двор чудес», запер бедняков. Король хочет, чтобы преступления были наказуемы. Париж и Версаль станут очень скучными.

Говоря с Мартеном д'Аржантейлем, они подстрекали его, напоминая, что мадам де Пейрак была любовницей полицейского Франсуа Дегре, который так подло предал мадам де Бринвильер и привел ее на эшафот, так что в затуманенном мозгу чемпиона игры в мяч возникло представление, что она выдала маркизу и явилась причиной их теперешних неприятностей, из-за которых де Вивонн был вынужден скрыться. Это, несколькими месяцами ранее, могло быть и правдой.

С даром предвидения, которым обладают существа, находящиеся на грани безумия, Мартен д'Аржантейль говорил, что он чувствует тень полицейского за спиной Анжелики. Если бы она об этом узнала, это произвело бы на нее впечатление, ибо она часто думала о Дегре. Как он использует сведения, которые она ему дала. Будет ли он говорить в их пользу?

Граф Сент-Эдм, несмотря на свои магические силы, понял то, что он не может произнести имени мадам де Пейрак, а д'Аржантеяль, будучи в плохом настроении, вспоминал, что «Красный Плут» видел его на борту одной из лодок в «веренице охотничьих лодок», и это не предвещало ничего хорошего.

Красные перчатки Мартена д'Аржантвйля и его руки, которые он с хвастливым удовлетворением сжимал и разжимал, показывая игру мускулов, также внушали подозрения.

В Нижнем городе нашли подростка-девочку двенадцати лет, изнасилованную и задушенную, и в этом произвольно стали обвинять «человека в красных перчатках». Девочка была из семьи бедняков и нищих, которые населяли квартал «под фортом», безвестных иммигрантов, неудачливых и ленивых. Были подозрения, что ее мать была женщиной легкого поведения, посещала тайные кабинеты «Корабля Франции». Слухи о причастности Мартена д'Аржантейля распространялись только втайне.

Мартен д'Аржантейль с несколькими молодыми людьми устроил площадку для игры в мяч на старом складе в Нижнем городе. Туда ходили как на спектакль, это было необыкновенное зрелище, когда он играл в своих красных перчатках, его мускулистые руки хватали кожаный мяч, летящий как снаряд, и он тут же кидал его движением кисти обратно с необычайной силой.

— Я не хотела бы, чтобы вы кидали в меня камни, — сказала мадам де Башуа, дрожа.

— Вам нечего бояться, дорогая мадам, — довольно глупо ответил он со смесью льстивости и грубости, — вы же не неверная жена.

Одна мадам ле Башуа долго смеялась этому ответу, который он считал любезным.

Его сочли идиотом и неуклюжим. Он ничего не знал об этом.

Глава 47

Однажды утром юнга с «Голдсборо» прибежал из поместья Монтиньи и известил мадам де Пейрак, что у Аристида Бомаршана начались страшные боли в животе, и его срочно отправили в монастырскую больницу.

Анжелика, накинув на плечи только свой плащ и надев ботинки, немедленно побежала в монастырскую больницу. Она пришла туда в первый раз, хотя часто видела из своих окон это большое высокое здание.

Анжелику привели в мужскую палату; не найдя там своего Аристида, она уже стала опасаться, не умер ли он, но потом обнаружила его в палате для «знатных особ». Его положили туда, так как, прибыв в больницу, он объявил о своих тесных связях с семейством де Пейрак. Значит, он не был в безнадежном состоянии, когда его доставили.

Постели в этом зале отгораживались зелеными занавесками и были застелены белыми простынями. На фоне белого белья выделялась голова тщедушного пирата со спутанными жирными волосами. Его кормила бульоном с ложечки, сидя у его изголовья, маленькая хорошенькая сестра.

— Он отравился, — сообщила ей маленькая монахиня. Закончив кормить его бульоном, она поднялась и уступила свое место Анжелике. Ее звали, представилась она, мать Франсуаза Марио де Шарль Борроме.

Монахинь в Канаде часто называли по фамилии с последующим именем отца.

После сурового допроса Аристид признался Анжелике во всем. Он отравился «лесным эликсиром», рецепт которого ему дали Элуа Маколле и Никола

Эртебиз. Он хотел изготовить «хорошее питье», чтобы торговать с индейцами. Достаточно прибавить несколько капель в разбавленную водой водку, как она превращалась в алкогольный напиток, который мог заставить прыгать до небес всех вождей и воинов, начиная с севера и кончая южным Иллинойсом. По этому рецепту Аристид изготовил эликсир чернее, чем чернила, и когда его процеживали через солому, можно было только удивляться, что она не загорелась, казалось, что это капал живой огонь. Но мадам де Пейрак хорошо помнила, что рекомендовал Эртебиз. Она присутствовала, когда он сказал: «Эту смесь можно добавлять по две капли на пинту, а три могут быть уже смертельной дозой». Но он, Аристид Бомаршан, по прозвищу «дырявое пузо», старый береговой брат-пират, любил торговать качественным товаром и прибавил четыре капли. Попробовав эту смесь, он почувствовал, что в его бедных кишках образовались сплошные дыры. Он упал, катаясь и корчась от боли, и тогда его отвезли в больницу.

Когда Анжелика с трудом вспомнила, что было в этом рецепте — смола, древесный уголь, пепел, — то поняла, что полученный эликсир может быть так же опасен, как каустическая сода или скипидар, поэтому он и был назван «лесная стирка».

— Вы совсем неблагоразумны, Аристид Бомаршан, — рассердилась она. — Из-за вас мне нет покоя.

— Вы видите, Господь вас покарал, Бомаршан, — добавила мать Сент Шарль Борроме, грозя ему пальчиком. Отравленный уже быстро поправлялся.

— Он живуч, как кошка, — сказала Анжелика. Монахини спросили, в каких обстоятельствах и каким оружием была нанесена ему ужасная рана, которую когда-то вылечила Анжелика.

Анжелика и пациент обменялись взглядами.

— Тогда его тоже покарал Господь, — сказала она. Аристид был в восторге от больничного ухода и примирился с Квебеком. На пиратских кораблях так не обхаживали больных и лекари больше походили на мясников, чем на монахинь с пальчиками фей.

При следующем визите Анжелика обнаружила, что он уже ходит и находится в сильном волнении.

— Я надеюсь, что это получится, — доверительно сказал он, — монахини хорошо ко мне относятся и хотят взять меня, как подручного, для тяжелых работ.

— Каких тяжелых работ? Вы такой тщедушный тип, и я не представляю, как вы можете поднять даже полено?

— Не бойтесь! Я сумею быть полезным... и потом, пойдемте, я кое-что вам покажу.

Тощий, слабый, закрывающий живот руками, чтобы не задеть его чем-нибудь, он увлек ее внутрь монастыря, который он, видимо, уже изучил, до дверей аптекарской.

От порога он попросил ее посмотреть на соблазнительное зрелище, которое представляло собрание многочисленных колб и реторт и медных перегонных аппаратов.

— Они прекрасно разбираются в алхимии, эти монашенки! Они умеют даже приготовлять «живую воду».

В этой комнате он считал себя на передовой линии своей битвы. Он мог даже мечтать когда-нибудь работать в ней. Все устраивалось к лучшему. Жюльена будет помогать монахиням ухаживать за больными. Она была предана делу, сильная, и при взгляде на нее даже умирающим хотелось выздороветь. В распоряжение этой пары будет предоставлено небольшое жилище недалеко от места, где семьи заболевших индейцев строили свое жилье из шкур. Около больницы всегда было много вигвамов. Аристиду будет поручено

наблюдать за этим лагерем и за поведением индейцев, часто ссорившихся, вороватых и причиняющих беспокойство окружающим.

— Правда, это лучше, чем бордель Гонфарель?

На следующий день он с торжеством показал Анжелике свое имя в списке обслуживающего персонала больницы. Напротив него было написано по-латыни «подручный», чем он очень гордился.

Квебек оставался городом фантастических и парадоксальных решений возникающих вопросов. Мать Мария из монастыря Рождества с радостью показывала свою мастерскую искусственных цветов, которая возникла из-за необходимости добавить какие-то доходы обители. Ей всегда не хватало денег для помощи бедным. Кроме того, первое время ими привлекали дикарей, которые радовались этим букетикам, напоминавшим их собственные украшения из железа и цветного волоса лосей.

Но можно было догадаться, что тайным мотивом начала этого ремесла, привезенного из Франции, было то, что монахини были лишены радости украшать свою часовню живыми цветами — ведь зима здесь длилась восемь месяцев из двенадцати.

То, что они не могли выразить свое поклонение, почитание и хвалу Богу, украшая цветами его святилище, было для них тяжким лишением.

В это столетие контрреформации существовала мания украшения алтарей. Ничто не было слишком красивым, богатым и пышным для культа Всевышнего.

Когда они уступили часть своей территории одному из соседей, то поставили в контракте следующее условие: «он будет поставлять монахиням больницы города Квебека ежегодно букет цветов в их часовню в праздники Рождества Богородицы и в день Святого Реми, первого октября».

Кроме этих двух ежегодных букетов естественных цветов, всюду были букеты искусственных, созданных их руками настолько искусно, что их даже посылали во Францию.

Везде: в домах, в часовнях, у подножий статуй, — монахини ставили маленькие медные вазы с лепестками сушеных роз, гвоздик, других цветов, которые, казалось, сохраняли свой запах. Ароматы, самое невинное из посвящений, посланных Богом своим созданиям, делали благочестие более усердным, а мольбы более горячими.

Глава 48

Анжелика уселась в маленькой комнате, превращенной в лабораторию. Сегодня она разбирала свои травы.

Из погреба были слышны глухие равномерные удары. Это Сюзанна взбивала овечье масло. Уже некоторое время Анжелике приходилось изготавливать новую порцию своих лекарств, которые, как говорили, творили чудеса. Из этого овечьего масла, смешанного со смолистым бальзамом и вытяжкой из трав, она сделает несколько горшочков мази по рецепту колдуньи Мелузины. Эта мазь успокаивала боли в мускулах, нервах и костях. В городе все у нее просили эту мазь.

Не по собственной воле, и упрекая себя за это, Анжелика стала лечить окружающих. Она считала, что совершает неосторожность.

Все началось с мадам Кампвер. Анжелика всегда старалась не принимать ее приглашения. Она была слишком уверена, что встретит в ее салоне кого-нибудь нежелательного — например, герцога де ла Ферте. Но однажды лакей, принес ей записочку от этой дамы. Она умоляла прийти к ней как можно скорее. Тон записки был необычен. Анжелике пришлось, по крайней мере, справиться, в чем дело.

Мадам де Кампвер приняла ее без своей обычной насмешливой и высокомерной манеры знатной дамы, привыкшей плутовать за карточными столами короля.

Она была в халате и не нанесла еще на свое лицо белила и румяна, с помощью которых делала маску цветущего здоровья, если не молодости. Она была теперь только старой, растерявшейся женщиной. Она схватила Анжелику в объятия и вскричала:

— Я знала, по крайней мере, вы не откажете мне в этом!

Она подвела ее к утепленной корзинке, в которой умирала маленькая обезьянка. Доктор Рагно отказался прийти, в негодовании, что прибегают к его науке по поводу животного.

— Я подумала о вас, дорогая графиня. Ни у кого в этой стране нет жалости. Не будьте скрытной. За два года моего пребывания в Канаде я много слышала о ваших познаниях в медицине, вас даже считали колдуньей.

— Но именно поэтому, мадам, я не хочу проявлять свои познания в медицине. Меня даже обвиняли в том, что я могу сглазить.

— Но это же все забыто, — воскликнула мадам де Кампвер. — Иезуит далеко, вам нечего бояться его недоверия, ревности и нетерпимости. Прошу вас. Вы — единственный человек, с которым можно иметь дело в этом несчастном месте, где я умираю от скуки и холода. Не разочаровывайте меня!

Эти мольбы не заставили бы Анжелику приняться за лечение, если бы ее не взволновали большие, горящие глаза обезьянки. Когда она подняла ее, почти невесомую, как сухой корешок, обезьянка обняла ее за шею своими длинными, тощими, черными лапками и дрожа прижалась к ней. Это напомнило Анжелике обезьянку Пикколо со «Двора Чудес», которая прибежала звать ее на помощь в тот вечер, когда компания знати убила мэтра Бурьюса, хозяина харчевни «Красная Маска».

У маленького зверька было свистящее дыхание. Он горел в лихорадке.

— В самом деле, для него слишком холодно в этой стране, — сказала Анжелика. — Привезти сюда его было легкомысленно.

— Я столько оставила в своей жизни, когда уезжала в это изгнание, — вскричала мадам де Кампвер и стала плакать, — мне остался только мой маленький компаньон.

Несмотря на жаркий огонь, который мадам де Кампвер поддерживала в своем доме, казалось, что попытка вырвать у смерти бедное животное обречена на неудачу.

Однако она ее вылечила. После того как она справилась с воспалением, которое не давало обезьянке дышать, она долго откармливала ее тресковым жиром, которого она много привезла с восточного берега. Бретонские моряки продавали и расхваливали его как средство от зимней простуды. У него был неприятный запах, но результаты — удивительные, так что мадам де Кампвер даже запах находила прекрасным.

Начиная с этого времени, Анжелику все время звали в безнадежных случаях, иногда раньше, чем священника, из-за чего духовные лица хмурили брови.

Как могла она отказать, когда к ней прибежала серая от тревоги антильская кормилица Перрина и Анжелика узнала, что маленькая Эрмелина, ею чудом исцеленная, увязла в сугробе мягкого снега, когда убежала из дома.

Надо сказать, что ангелы-хранители сделали все, что могли. С этим нельзя не согласиться, ибо именно их умению сделать стрелу из самого гнилого дерева, когда им нужно выполнить свою миссию, можно приписать то, что прохожий, мертвецки пьяный, свалился именно в этот сугроб и, несмотря на туман, который затмевал его зрение, увидел маленький белый башмачок, торчащий из неподвижного сугроба свежевыпавшего снега. В результате он протрезвел и кинулся на помощь ребенку. Она еще дышала. Ее привели в чувство. Но, несмотря на принятые меры, ребенок заболел. Было

ясно, что на этот раз ангелы-хранители не могли помочь. Только мадам де Пейрак могла еще спасти хрупкую девочку. Только она могла отогнать страшную тень, бродившую рядом с этой веселой, смеющейся птичкой, маленькой девочкой, так любившей сласти. Негритянка стонала, умоляла, ломая руки.

Анжелика последовала за ней в большой дом де Меркувилей.

Она сидела возле кроватки, держа ее маленькую ручку в своей руке, напротив нее негритянка бормотала какие-то непонятные африканские заклинания, и в двух шагах на своем насесте молчаливый попугай, переступая с лапки на лапку, таращил глаза, растерянные, как у отца у постели своей жены-роженицы. Анжелика боролась несколько дней.

Она вновь нашла свое место, которое было ей предназначено. Это началось еще в детстве, когда крестьяне со своего убогого ложа умоляли, чтобы прислали ее, маленькую фею из замка.

Она любила находиться там, любила чувствовать, как благодать, исходящая от нее, приносила помощь, разглаживала лица, искаженные страданием, ее радовало облегчение, которое она читала в глазах ребенка или взрослого.

К маленькой девочке вернулась ее улыбка, ее любовь к сладкому. Она значительно меньше любила рыбий жир, чем сладкие ментоловые пастилки, но одно помогало перенести другое.

***

Полька была связана с женщиной Орлеанского острова, которая занималась магией. Эта колдунья научила ее читать книгу Большого и Малого Альберта. Она также была целительницей. Однажды, в феврале, в послеполуденное время Полька призвала Анжелику в Нижний город.

— Она придет, — сообщила она Анжелике, — и она хочет тебя видеть. Она очень редко решается выехать «на континент». Значит, ей действительно любопытно встретиться с тобой.

— Она останется у тебя ночевать?

— Нет. Она никогда не остается на ночь.

— Почему?

— Она боится.

Колдунья выехала по отмеченной вехами дороге по заливу Святого Лаврентия. Она была видна издали в вихре снежной пыли, дыхание коней окружало ее экипаж нимбом морозного тумана. Чем ближе она приближалась, тем явственнее слышался ее крик «Й-йе и-и» и хлопание ее кнута, подгонявшего бегущих галопом коней.

В этот день все было синим и белым, как будто вычеканенным холодом. Каждый звук многократно повторялся эхом.

Толпа на площади, переходившая из одной лавки в другую, незаметно приблизилась к берегу.

Когда сани появились среди вмерзших в лед барж и кораблей, люди отодвинулись и две лошади, запряженные цугом, вскочили на берег. Они проехали очень быстро, стуча копытами, до гостиницы «Корабль Франции», на пороге которой стояли Анжелика и Полька.

В последний раз хлопнул, как ружейный салют, длинный кнут. Несколько мужчин и молодых людей кинулись к коням, которые храпели с выпученными глазами, все в испарине. Их успокоили, набросили на них попоны.

Высокая женщина, стоявшая на передке саней, бросила вожжи парню и соскочила на землю.

Она пошла к гостинице крупным мужским шагом, по-прежнему с кнутом в руке, и стала снимать с себя меховые одежды.

— Поди сюда, — сказала Полька. — Мы сядем в уголке галереи, так что ты сможешь видеть твой остров, а на другой стороне площадь, где будет проезжать конная стража.

Три женщины прошли через большой зал между столами выпивающих и играющих в карты людей, которые замолчали, но никто из них не поднял взгляда на колдунью.

В уединенном углу, где они устроились, женщина окончила снимать с себя меха.

Она сняла шапку и пригладила короткие и совсем седые волосы своими тонкими, длинными пальцами.

Анжелика ожидала увидеть колдунью горбатую, грубую, грязную и беззубую, подобную Мелузине из лесов ее детства.

Женщина, которую она видела перед собой, была, конечно, пожилой, но прямой, высокой, с прекрасными зубами. На ее пергаментной коже было совсем мало морщин. У нее были необыкновенные голубые глаза — очень светлые и смеющиеся, и она была одета очень удобно и красиво. Ее вторая юбка из коричневого шерстяного драпа, обшитая черным шнуром, была приподнята над местными сапожками, полукавалерийскими, полуиндейскимн, подбитыми мехом, украшенными индейскими узорами. Они были сшиты из тонкой кожи. Она напомнила Анжелике мистрис Вильяме, старую даму из Новой Англии, убитую стрелой абенака на глазах Анжелики, которая позволила себе роскошь кружевных головных уборов.

Роскошью колдуньи с Орлеанского острова были ее одежда, ее сапоги, ее кнут. Прическа меньше ее заботила, но этот ореол белых всклокоченных волос ей очень шел. Она представилась без предисловий.

— Я — Гильомета де Монсарра-Беар, владетельница поместья де Ла Живопдери на Орлеанском острове.

Она опиралась обеими локтями на стол, и Полька поторопилась поставить перед ней рюмку и графинчик водки.

— Ну, и что происходит в этом городе обманщиков? — спросила Гильомета. Она вынула из-за пояса трубку и стала набивать ее табаком.

Она рассматривала Анжелику, которая сидела напротив нее. В ее глазах был огонек благосклонности и интереса. После нескольких затяжек она молча положила на, стол открытую ладонь и жестом подбородка показала Анжелике, чтобы она дала ей свою правую руку. Она хотела прочесть судьбу Анжелики по линиям ее руки. Анжелика подала руку.

Гильомета наклонилась, но на лице ее выразилось недовольство. Она отложила свою трубку, вынула из кармана очки и надела их, чтобы рассмотреть поближе предложенную руку.

— Но это совсем не то! — воскликнула она. — Это не удастся!

— Что именно?

— То, чего ты желаешь.

— Но что ты знаешь о том, чего я желаю? — вскричала Анжелика. Знала ли это она сама?

— Во всяком случае, это не удастся, — повторила колдунья с разочарованным видом.

— Какая разница, раз ты не знаешь, о чем идет речь.

Анжелика спрашивала себя, не было ли это тем, чего она тайно желала — возможностью вернуться во Францию, вновь увидеть Версаль, и сердце ее сжалось.

В глубине души она понимала, что хотела сказать Гильомета. Это ее и разочаровывало и успокаивало одновременно, как будто колдунья своими длинными, аристократическими пальцами коснулась в ней такого, в чем она сама себе не признавалась.

«То, что мне нужно, удастся», — думала она, чтобы защититься от чувства разочарования. «Ну, может быть,

не удастся то, что другие воображают, чего я ожидаю». Лучше было не знать... или наоборот... лучше знать, чтобы не убаюкивать себя иллюзиями.

Рука Польки обняла плечи своей подруги по «Двору Чудес».

— Почему ты предсказываешь ей плохое, Гильомета? — упрекнула она колдунью.

— Это — не плохое предсказание, — возразила Гильомета де Монсарра. Но она, видимо, недоумевала.

— И все же ты будешь торжествовать! — сказала она внезапно.

— Да, — согласилась Анжелика, — я буду торжествовать...

Гильомета была, казалось, изумлена и даже неприятно поражена тем, что она увидела в этой открытой перед ней руке, как будто Анжелика, которую она никогда не видела, сознательно ее обманывала.

— А! Ты требовательна к своим друзьям, — вздохнула она, — ты любишь властвовать.

Анжелика не отвечала ничего.

В словах Гильометы была и правда и ложь. Она в ней что-то поняла, но не смогла это объяснить. Она пришла в раздражение.

— Слова теряют смысл, когда дело касается тебя. Ты требовательна — это правда, но ничего не требуешь. Ты властолюбива, но только потому, что другие стремятся оказаться в твоей власти. Ты приносишь горе своим любовникам, потому что они не могут тебя забыть.

— Значит, ты не считаешь меня ответственной за их несчастья? — спросила Анжелика, смеясь.

— Нет... Но ты не делаешь ничего, чтобы помешать им попасть в твои сети. И, в конце концов, ты права.

Она подмигнула с понимающим видом и снова стала веселой.

— Прости меня, — сказала она, — я тебя встревожила.

— Это неважно.

— В самом деле, это неважно. Ты очень сильная. Ты восторжествуешь.

Но она не была в хорошем настроении и курила с озабоченным видом. Она подозрительно смотрела на двух женщин, сидящих напротив нее.

— Что общего у вас? Тебе совсем не идет, Жанина, быть в дружеских отношениях со знатной дамой! Что вас объединяет?

— Вот это, — сказала Полька, скрестив по-особому пальцы.

— Клубочек!

Появившийся позади колдуньи тщедушный парень с хитрым и насмешливым выражением лица сложил пальцы таким же образом.

— Это — посланный от господина Базиля, — прошептала Полька на ухо Анжелике, — он из наших.

«Наши» — это для Жанины Гонфарель были люди из «Двора Чудес» в Париже. Поль ле Фолле в самом деле был явно из «наших», он сунул колдунье кошелек с несколькими экю и получил взамен маленький матерчатый мешочек, который она вынула из-за пояса.

После полудня несколько человек подходили в уголок, где беседовали три женщины. Каждому колдунья передавала маленький пакетик и давала какие-то советы.

Человек, которого прозвали «Красный Плут», потому что его тоже считали предсказателем и волшебником, показался, но не подошел. Он боялся Анжелики. Она подозревала, что это он бросил камень в кота в день ее приезда. Говорили, что он видел в воздухе объятые пламенем лодки из вереницы «охотничьих лодок», когда флот графа де Пейрака приближался к Квебеку. Потом его дар предвидения проявился еще более. С ним

многие советовались, и его клиенты с опасностью для жизни добирались до его лачуги, прилепившейся с несколькими другими к обрыву под фортом. По деревянным лестницам добирались до его логова, наполовину закрытого ледяными сталактитами. Он обитал там со своим индейцем-эскимосом, окруженный книгами и рукописями, которые колдунья Гильомета очень почитала.

Откуда к нему попали эти книги? Он мог их достать из-под земли только милостью сатаны... или он их украл.

— У него есть Великий Альберт и Малый Альберт.

— И копия Книги Тота.

— Что удивительно — это то, что при наличии таких книг квартал еще не сожгли, — сказала Полька, с почтением глядя на обледенелую высоту, где жил колдун. Если бы это знал прокурор Тардье, он заставил бы снести все эти дома. Он уже запретил строить по обрыву из-за обвалов.

Они пили водку и поэтому легкомысленно говорили о важных вещах.

— «Они» убьют нас всех, «они» убьют нас всех! — говорила Гильомета.

— О чем она говорила?

— Говори! Скажи, что тебя мучает! — попросила ее торжественно Полька. — Потом можно будет поболтать более откровенно.

Но женщина оставалась неподвижной, как будто ушедшей в себя от ужасных видений. Наконец она очнулась, снова начала курить. И Анжелика чувствовала, не зная почему, сострадание и угрызения совести.

Колдунья пригладила свою белую шевелюру. Бессознательным жестом она поправила челку над своими яркими, беспокойными голубыми глазами.

— Ба! — сказала она. — То, что происходило на Гревской площади в вашем Париже, — это были пустяки. В провинций было хуже.

— Хуже! Это еще надо посмотреть! — запротестовала Жанина Гонфарель, задетая в своей привязанности к столице Франции.

Она считала, что Париж был велик во всем, в хорошем и в плохом.

Гильомета короткими фразами со скрытыми намеками вспоминала о длившемся уже три столетия «крестовом походе» против женщин — колдуний, опасных, так как они обладали силой, которой их не учили и которую церковь не одобряла.[6]

— Моя мать была мудрой женщиной в большом поселке в Лотарингии, — рассказала она. — Она бывала и в деревнях. «Они» возвели ее на костер. И когда огонь трещал и пожирал ее тело, «они» держали меня за волосы, чтобы заставить меня поднять голову, и кричали в уши: «Смотри! Смотри на свою горящую мать, маленькая колдунья!»

Она подняла свой оловянный кубок к губам, выпила и пришла в себя.

— Ты понимаешь, — продолжала она, — «они» не хотели ничего оставить нам, даже эту власть. «Они» не могут вынести, что мы можем быть сильнее «их».

— Кто это — «они»? — спросила Анжелика.

— Мужчины!

Гильомета бросила это слово со злобой.

— Как они могли допустить, чтобы женщины, невежественные женщины, которые не прошли их университетов и их экзаменов по теологии, обладали бы такой властью над жизнью и смертью, над любовью и деторождением? Власть слишком большая, и ее стремились отнять у женщин.

— А потому их сжигали, беспрерывно сжигали колдуний, даже тех, и в особенности тех, которые делали добро, которые вылечивали, облегчали страдания, но которые осмеливались это делать «помимо» власти мужчин и церкви.

За ее озлобленностью чувствовалось нечеловеческое грызущее страдание, которое заставляло ее обличать это зло, ставшее привычным и обыденным, — костры ведьм.

Ей все казались жертвами.

— Но есть колдуньи, которые отравляют, — сказала Анжелика, вспомнив о Вуазен.

— Конечно. Нам ничего не остается, кроме яда. Нам запретили делать добро. Знаешь ли ты, что написано в «Книге инквизиторов»?

Она прочла, выделяя слова:

— «Мы должны напомнить, что под колдуньями мы подразумеваем не только тех, которые делают зло и убивают, но и всех прорицателей, обольстителей, магов, обычно называемых мудрыми мужчинами и женщинами... тех, которых считают хорошими колдунами и колдуньями, которые не причиняют никакого зла...»

— Ты слышишь — никакого зла!

— ...«которые не разрушают, не оскверняют, но которые знают зло и избавляют от него... Для всех нас будет лучше, если земля будет избавлена от всех этих колдуний и в особенности тех, которые приносят пользу...»

— Однако нашим монахиням разрешают лечить больных...

— Только потому, что они — монахини, и то под руководством глупых врачей, более невежественных, чем они, но которые присвоили себе «власть».

— Успокойся, — сказала Полька, — а то ты кончишь тем, что получишь право на свои триста вязанок

хвороста для костра.

Гильомета курила, выпуская дым уголками губ.

— Скажи, в чем было зло? Женщины всегда были целительницами. Потому что у них есть чувство земли, тайн земли. Потому что они дают жизнь. Они стремятся сохранить тело, они чувствуют в нем не только добычу смерти и ада. Не так, как «они». «Они» оставляют бедных людей умирать в страданиях. «Вы пойдете на небо», — говорят они. Они не хотят, чтобы от их власти избавлялись. Женщины исцеляют, лечат, облегчают страдания. Поэтому они поклялись нас погубить.

Она посмотрела на руки Анжелики.

— У тебя тоже ручка целительницы... Но ты более хитрая и ловкая, чем я. Ты от них ускользнешь...

Она поднялась, сделала несколько шагов и быстро повернулась. Ее лицо смягчилось, и ее голубые глаза вновь блестели, живые и веселые.

— ...Поедешь со мной на остров, красивая малышка?

Ее освещал розовый отсвет неба от окна.

— Нет, ты приедешь попозже... в сезон сбора сахара... Когда течет сок клена... Ты увидишь, остров весь напоен ароматом...

Она стала надевать свои меха, лежавшие на скамье. Она смотрела вдаль.

— Весь напоен ароматом, немного горьковатым и резким внутри острова, — как сущность красивой женщины. Аромат от варки кленового сахара и резкий запах от сыра, который готовят в глубине острова на фермах весной. Ты приедешь! Я поговорю с тобой. Я должна рассказать тебе многое, чего ты не знаешь и за что, однако, тебя преследовали. Нужно, чтобы ты знала о заговоре мужчин против женщин и все, что они сделали, чтобы отнять у женщин власть, которую они получили от Бога. Власть исцелять.

А они сжигали и сжигали и мудрых женщин, и мудрых мужчин, которых посвятили в свою науку. И

сколько костров еще, сколько костров! Боже мой!

Выражение острого страдания исказило ее лицо.

— Но не думай об этом, — умоляла ее Полька, — не думай об этом и уезжай быстрее. Солнце садится.

Перед тем как пустить свою упряжку по заливу Святого Лаврентия, Гильомета де Монсарра опять обернулась к Анжелике.

— Ты мне нравишься. Я приготовлю тебе охранный амулет. Если тебе будет грозить опасность, я тебя предупрежу.

Покрытый лесом Орлеанский остров был еле виден вдали среди лиловых и розовых облаков, отражавших солнце, заходившее за долину Абрахама.

Полька осуждала неистовство островитянки: «Ее несчастья подействовали на нее. Но если она будет продолжать так болтать, дело кончится тем, что ее сожгут или повесят».

По ее мнению, Гильомета слишком смело обличала человеческую несправедливость, никак не пытаясь ее оправдать.

Она жила в своем поместье у бухты Святой Петронилы, откуда ей был виден издали Квебек, окруженная людьми, животными, индейцами, детьми. Она собирала соседей на праздники и попойки, свободу нравов на которых молва преувеличивала. Она походила на пылкую Элеонору Аквитанскую, свою бывшую соседку. А при такой властительнице-колдунье многое происходило на этом острове!

Неизвестно было — вдова она или замужняя. Она выбирала любовников среди красивых молодых людей, парней, которые годились ей в сыновья, и может быть, и были ее сыновьями.

Про эту колдунью рассказывали вещи и похуже.

Однажды в приходе Сен-Марсель, когда старались изгнать дьявола из одержимой шестнадцатилетней девушки со светлыми волосами, которая своим

колдовством погубила урожай льна, она внезапно появилась на пороге церкви, щелкая своим кнутом. Никто не двинулся с места, зная, что она прекрасно умела им пользоваться. Она вошла в церковь, протянула руки бедной одержимой и сказала со странной нежностью:

— Пойдем! Пойдем, дитя мое.

Успокоенная одержимая, которая кричала и вырывалась, поднялась и последовала за ней. С девушки лилась вода, которой ее обливали, и кровь от уколов булавок, когда в ней искали «места дьявола».

Через пять минут сани колдуньи галопом мчались по реке Святого Лаврентия, увозя молодую девушку.

«Она пришла схватить свою добычу, проклятая», — сказали добрые люди. Теперь говорили, что она лечит девушку на острове успокоительными настоями. Но многие говорили, что она забрала ее на шабаш.

Возвратясь к себе, Анжелика стала убирать сухие цветы и травы, которые она вынимала по мере надобности, когда к ней обращались за лекарствами. Однако же она делала все, что бы ее ни просили.

Зная больше, чем Полька, она не считала, что Гильомета преувеличивает. Ибо знание трав привело тысячи женщин на костер.

«Столько безумия — почему?» — говорила она себе, закрывая сундучок с лекарствами. Но Святой Козьма и Святой Дамиак бодрствовали. Они являлись свидетельством того, что все на земле соединено друг с другом и даже безумие имеет противовес — здравый смысл.

У своих трав и настоек она чувствовала свою близость к Жоффрею, который со своими ретортами и перегонными кубами также вызывал подозрительность и стал жертвой преследования. Вот почему они были схожи друг с другом и между ними могла родиться такая чудесная любовь.

В ледяных сумерках, синих, как глубокая вода, свет отдаленных ферм в стороне берега Бопре казался сверкающими волчьими глазами.

Иногда появлялся дрожащий огонек на берегу реки или на опушке леса. Маленький огонек перемещался, как светлячок, по необозримому синему пространству замерзшей реки, и Анжелика догадалась, что это Гильомета, колдунья, мчится галопом на свой остров, в свое поместье, полное жизни, не следующей общим законам.

Анжелика знала, что придет день, и она захочет посетить большой зал поместья Гильометы, и та расскажет свою тайну. Она навестит ее на Орлеанском острове, когда придет предвесеннее время, которое в Канаде называют «время сахара».

Глава 49

Анжелика выискивала различные предлоги, чтобы вновь увидеть мать Магдалину.

Немного спустя после дня Богоявления Анжелика принесла ей для позолоты два деревянных подсвечника, выполненных на религиозные сюжеты. Она заказала их ле Васеру с намерением подарить их Польке для ее молельни.

Мать Магдалина, которая была начальницей мастерских, сама занялась этим заказом.

Прилежание и видимое удовольствие, с которым монахини делали свою работу, вызывали у Анжелики чувство покоя и безмятежности. Когда она приходила в мастерские навещать мать Магдалину, она с трудом вспоминала, какая темная, демоническая история предшествовала их встрече.

Две другие монахини и их подручные работали в мастерской, каждая занятая своим делом. Можно было обменяться несколькими словами.

Внезапно Анжелика задала матери Магдалине вопрос, который ее давно занимал:

— Скажите мне, матушка, какое лицо было у Архангела?

Монахиня быстро искоса на нее посмотрела, но сделала вид, что не понимает.

Мать Магдалина положила рядом с собой тряпочку с которой она работала. Кистью руки, так как пальцы ее были запачканы, она отвела со лба прядь, выбившуюся из прически.

— Он был похож на вас, — сказала она наконец. — Да, таким я его видела... в особенности после того, как узнала вас. Сначала это был только светлый силуэт с пылающим мечом. Очень юный, очень гордый. Очень

чистый, но очень беспощадный. Архангел-мститель. У него были светлые глаза, как у вас, мадам, и в чертах лица что-то от вашей красоты. Но это были не вы. Спутать было невозможно. Это был даже не отблеск ваш. У него был мужественный вид, как у ангелов, которые охраняют Божий трон, несмотря на то, что из-за его молодости в нем была почти женская грация. У него были длинные вьющиеся волосы... золотистые... Он был чудесен... — вздохнула она. — Это был Архангел... — заключила она со своей милой, обезоруживающей улыбкой.

— А чудовище? Этот мохнатый зверь, который набросился на женщину-демона и растерзал ее своими зубами и когтями?

— Я вижу его тоже, — сказала она, задрожав. — Это был ужасный зверь. Его глаза блестели свирепым огнем. Его зубы, острые, как у вампира, были оскалены в жестокой ухмылке. Его когти показались мне острыми, как кинжалы.

Она посмотрела на Анжелику испытующим взглядом, слегка улыбнувшись.

— Почему вы задаете мне эти вопросы, милая дама? Что вы хотите еще вынести из моего бедного ясновидения? Кем будет Архангел, который поднимется и прикажет жуткой твари уничтожить женщину-демона? В самом деле, может быть, вы знаете это лучше, чем я?

— ... Да... Может быть... в самом деле... — пробормотала Анжелика.

Она вспомнила Кантора и его росомаху, но милый Вольверин совсем не был «жуткой тварью».

Потом внезапно она почувствовала, что бледнеет. Почему мать Магдалина говорила в будущем времени? «Архангел, который поднимется...»

— Но она мертва! — вскричала она. Работницы, которые трудились в полном молчании, подняли головы

и посмотрели на них. Анжелика постаралась успокоиться.

— Почему вы так говорите? — спросила она потихоньку у матери Магдалины. — Вы говорите так, как будто эти события еще произойдут? Но ведь это не так! Архангел уже нанес удар! Зверь уже убил! Почему вы говорите так, будто женщина-демон еще блуждает по земле и еще не закончила среди нас свою адскую миссию?

— ... Я... я не знаю, — пробормотала маленькая монахиня.

Явное волнение Анжелики привело ее в замешательство.

— ... Я сказала так потому... может быть, потому, что я чувствую, что Акадия еще не спасена.

Анжелика упрекнула себя за свою импульсивность. Она была так чувствительна во всем, что касалось этой ужасающей истории. Да, рассуждения матери Магдалины были правильными. Даже после смерти Амбруазины Акадия не была еще спасена. Даже если отец д'Оржеваль был далеко, последствия их дел, их заговоров, западней, которые они поставили, могли еще сказаться.

Анжелика хотела бы подтолкнуть дальше молодую ясновидящую, заставить ее яснее выразить то, что она интуитивно чувствовала, но монахиня сделала ей знак, чтобы она замолчала, едва дышала и не делала бы никаких жестов, вызывающих движение воздуха. Перед ней послушница положила подушечку, на которой находилась тончайшая золотая фольга. Листок пергамента закрывал ее, чтобы ветер не унес золотые листы. Даже собственное дыхание могло унести их.

Осторожно и ловко, как индеец на тропе войны, Анжелика поднялась, отодвинулась от рабочего стола и ушла.

Мягкий, ватный снег сыпался с ночного неба. Прозвонили к вечерне. Но на улице еще виднелись прохожие, силуэты которых, а также ныряющих в ухабах экипажей, угадывались за белой пеленой снега. На Оружейной площади команда солдат с лопатами на плечах вышла из форта и стала расчищать подходы к замку Святого Людовика, задача, подобная вычерпыванию бездонной бочки Дананд. Снежные насыпи делались все выше, проходы между ними все уже, лабиринты между ледяными стенами все извилистей.

Идя по улице, изолированная от всего в этом снежном молчании, с руками в муфте, Анжелика пыталась развеять в себе эти новые беспредметные опасения. Но, употребив будущее время, говоря: «Каким будет Архангел, который придет», — мать Магдалина произвела на нее неприятное впечатление. И Анжелика начала рассуждать. А если Амбруазина не умерла, если она опять возникнет перед ней здесь, в Квебеке? Со своей улыбкой, под которой скрыта злоба и мерзость? Разве суккубы не способны на все? Но нет! Она была мертва! Ее очаровательное тело было найдено растерзанным, «ужасающая смесь костей и плоти, которую волочили в грязи» — как некогда они декламировали в трагедии Расина.

Для того, чтобы вновь их мучить, Амбруазина должна найти другое тело... Невозможно. С исчезновением этого тела прекратится и колдовство, она знала это. «Я просто брежу. Она мертва, совсем мертва».

До нее донесся приглушенный звук органа. Освещенное овальное окно виднелось на фоне стены. Она находилась позади собора. В башне здания, которое соединяло собор с семинарией, под колокольней имелся орган. На нем приходили

упражняться ученики. Она догадалась, кто мог играть в этот час: Кантор.

Чтобы найти Жоффрея де Пейрака, надо было посетить монастырь иезуитов, а чтобы найти Кантора — надо было начать с семинарии.

Анжелика подняла засов маленькой деревянной двери и, пройдя через ризницу, поднялась по крутой лестнице до помещения под крышей, приспособленного под музыкальный класс. Орган был более скромный, чем в соборе, но с хорошим звуком.

Кантор был там, освещенный двумя факелами, укрепленными на стене с помощью специальных железных колец. Копоть от факелов уходила в щели в крыше. Ледяной холод этого места, казалось, не мешал молодому музыканту. Он играл порывисто, иногда — величественно. Его лицо разрумянилось от воодушевления и усилий, которые он должен был делать, чтобы преодолеть трудные упражнения. Временами, когда он опускал свои руки на клавиши, решительно ударяя по ним пальцами, казалось, что он вонзал их в податливый, как гончарная глина, материал, чтобы извлечь из него звук, мощный, подземный, скрытый в этом инертном смешении дерева, слоновой кости, кожи, обработанного металла, через которое проходил воздух, и извлекал из них этот необъяснимый крик души, который земля и небо, вода и деревья заключили в хаосе Творения, во всех своих фибрах, во всех своих порах навечно и который высвобождает среди прочих чудес чудо искусства.

Кантор увидел ее, стоящую возле органа. Он продолжал играть. Он был не здесь. Он мчался в прибое нот и звуков, как он мчался под деревьями Нового Света с быстротой индейца, как он мчался на волне прибоя в пещерах берегов Мэна.

Флоримон видел его во сне на вершине пенистого гребня волны, зовущего его: «Иди, иди, Флоримон, иди

сюда, делай, как я!»

Временами его глаза прозрачной воды останавливались на ней. Она чувствовала, что, когда он видит в полутьме ее лицо, это добавляет ему вдохновения.

«Какая у него сила и какая виртуозность!»

Она была захвачена, задыхалась как от шока, от удара в грудь, который перехватил ей дыхание, а широта звука парящей музыки, беспредельной и грандиозной, казалось, приходила откуда-то, полностью покрывала их обоих, почти раздавливала. Но Архангел поднимался ввысь. Он тоже парил среди этой бури, которую он вызвал и господином которой он оставался. Он улыбнулся. Затаенная светлая улыбка, порозовевшее лицо, сияние его зеленых глаз, золотистый отсвет его локонов, все излучало этот внутренний свет; это было преображение.

Он смотрел на нее с выражением ребенка, восхищенного своей силой, предлагал ей самое прекрасное дело своих рук.

Маленькая квадратная сильная ручка Кантора в ее руке, когда он семенил рядом с ней по улицам Парижа. Везде в ее руках — ручки ее малышей, всегда идти, бежать, увлекать их в жизнь.

Величественные звуки последнего аккорда удалялись, и он посмотрел на нее. Лицо его светилось.

Она подумала: «Как он молод! Какой он невинный!». Казалось, он ожидал чего-то от нее — слова, жеста, но на самом деле он видел ее как сквозь сон. Он понемногу возвращался к реальности. Все слова будут казаться бедными. Она дарила ему свое присутствие, это — чувство, от которого сжималось сердце.

Звуки затихали, умирали. Было слышно потрескивание смоляных факелов. Кантор поднял руки. Когда он заговорил, его голос показался слабым после этого бушующего грома.

Серьезный и нежный голос молодого человека:

— Вы пришли, мать моя.

Она сказала, что, проходя по улице, услышала звуки органа и поняла, что он находится здесь.

— Вы слышали? Вы слышали, как проносятся адские духи?

Он посмотрел на музыкальную партитуру.

— Здесь есть пассаж, где автор хотел представить демонов, рыскающих по земле среди людей. Играя, я невольно вызвал в памяти ужасное создание, которое хотело нашей гибели в это лето, на западном берегу, огонь взглядов этой женщины...

Какое облегчение, когда при звуке труб появляются небесные воины, бросаются на помощь человечеству...

Он прошептал, помолчав:

— Она мертва! Она мертва!

Анжелика не удивилась тому, что он отвечал на ее мысли. Она спросила его вполголоса:

— Это ты, Кантор, первый нашел ее мертвую?

— Да.

— Вольверин был с тобой?

— Да.

Он поднял на нее спокойный взгляд зеленых глаз.

— Но ее убил не он. Ее раны не были свежими. Облако мух поднялось с ее изуродованного лица, когда я подошел.

— Ты ее нашел только на рассвете. Не могла ли росомаха ее убить ночью, побежав по ее следу, когда она убежала?

Он сделал знак, что нет.

— В этом случае она оторвала бы ей голову от туловища. Ее голову пришлось бы искать далеко, в деревьях. Действовать так в обычае у росомах.

Они шептались, так как эхо под сводами повторяло малейший шум.

— Нельзя вообразить силу росомахи, одержимой яростью убийцы. Она может перенести голову лося со всеми его рогами на вершину клена или вяза. А Вольверин ненавидел мадам де Модрибур.

— Может быть, это сделали волки?

— Не знаю.

Кантор приблизил свое лице к лицу матери, чтобы говорить еще тише.

— В настоящий момент она мертва, мать моя. Вот что я знаю. В настоящий момент она мертва. Она ничего больше вам не может сделать.

В ледяном холоде, который царил в церкви, их дыхание выходило облачками пара. Пальцы Кантора, теперь неподвижные, застыли. Он поднес их к губам, чтобы попытаться согреть.

Совсем рядом, на колокольне, заскрежетал механизм часов и раздался звук боя, спокойный, суровый, медленно затухающий. Анжелике показалось, что это призыв к порядку. Часы были правы, этот мрачный диалог не соответствовал этому святому месту, где только что звучала небесная гармония.

Кантор свернул свою музыкальную партитуру как прилежный ученик.

В Квебеке он вновь получил удовольствие исполнять религиозную музыку и заниматься пением. При возмужании он сохранил дар, полученный при рождении. Сделавшись более низким, его голос остался верным и красивым.

Снаружи они оказались закрыты снегом. Он падал спокойно, мягкий, как падающие лепестки.

Они шли по молчаливым улицам Квебека. Анжелика не предполагала, что когда-нибудь она будет шагать рядом со своим вновь обретенным сыном. Это было неожиданно. Сегодня он брал ее за руку, так как он был выше ее.

Завтра будут праздновать праздник Сретения, и она вспомнила, как второго февраля она несла его, как маленького Иисуса, по заснеженному Парижу, убегая из грязной больницы, где он родился. Он был пухленький, беленький, с золотистым пушком и фарфоровыми щечками, и она держала его как сокровище под своим плащом, теплого у ее теплого тела.

— Завтра — Сретение, — сказал он внезапно. — Мы наделаем блинов, и вы нам расскажете сказку.

Они зашли в замок Монтиньи, чтобы пригласить на завтра Флоримона. В этот день, по традиции, устраивали «прыгающие блины». Флоримон жил в поместье. Его видели редко, он все время был занят тысячами дел.

Между другими делами он работал над картами и отчетами об экспедиции по Миссисипи на юге, которая закончилась на заливе Гудзон на севере.

Анжелика удивилась, застав в рабочем кабинете мадам де Кастель-Моржа. Флоримон и Анн-Франсуа рассказывали ей историю их первой встречи на реке Майами, когда Анн-Франсуа, пленник индейцев, должен был подвергнуться страшной участи. Ему несколько раз с понимающим видом поднимали шевелюру, когда вмешался Флоримон. Рассказ об их битве и бегстве включал в себя несколько эпизодов. Их дружба началась с этого дня. Присутствие жены генерал-лейтенанта могло объясняться присутствием Анн-Франсуа, который совсем не покидал своего приятеля, но Анжелика подозревала, что Сабина использовала любые предлоги, чтобы пытаться увидеть свою первую любовь, графа де Пейрака.

Сабина смотрела на Флоримона так, как будто она видела в нем сына, о котором она мечтала, рожденного от любимого человека.

«Она должна походить на женщину, которая была матерью Жоффрея», — думала Анжелика позже, когда

все уже спали, а она задержалась в уютном салоне рядом с фаянсовой печью.

И она чувствовала себя задетой за живое, как будто другая женщина, имеющая права на Жоффрея, пришла требовать у нее отчета.

Жоффрей редко говорил о своей матери. Однажды, вспоминая путешествия, во время которых он познакомился с отцом де Мобежем, он сказал: «Я путешествовал. Моя мать в это время управляла моими поместьями под Тулузой».

Ребенком Жоффрея доверили протестантской кормилице. Это было время религиозных войн. Во время резни, учиненной католиками в протестантской деревне, маленький трехлетний мальчик был выброшен из окна и ранен в лицо. Крестьянин привез его в своей корзине. Он вспомнил свой приезд в Тулузу и рассказывал: «Моя мать взяла меня на руки и отнесла на террасу дворца, на солнце. Я лежал там несколько дней. И постепенно ко мне возвращались силы и здоровье». Маленький мальчик, похожий на Флоримона, лежащий на постели наверху розового дворца, и рядом с ним высокая черноглазая женщина, которая постоянно своим присутствием, своими руками, своим взглядом возвращает его к жизни с помощью солнца.

Солнце! Солнце!

Снаружи — очень темная ночь и треск мороза.

***

В праздник Сретения, с которым совпадал языческий праздник зимнего солнцестояния, пекли блины, круглые, золотистые Они символизировали удачу и солнце, призывали его возвращение.

Их подбрасывали, держа в руке золотой луидор, и если удавалось забросить его на шкаф, это значило, что семья будет этот год богатой.

Говорили также: «В Сретенье, если медведь выходит и видит свою тень, сорок дней будет идти

снег»

По этой пословице солнце в этот день было плохим знаком, оно обманывало спящего медведя и вызывало его из берлоги. Но это возрождение было преждевременным и обманным.

Наоборот, если буря гасила свечи, принесенные из церкви, то это давало надежду, что зима, исчерпав мстительные чувства, уйдет раньше.

В этот год день второго февраля задал загадку. Утром солнце сняло, но после полудня пошел обильный снег.

Зима будет долгой или короткой.

Во всяком случае, говорили люди, не тешившие себя иллюзиями, между короткой и длинной зимой разницы нет. Как обычно, придется шлепать по грязи до конца мая, а корабли придут в начале июня.

В доме к Флоримону, Кантору и «обычным» детям — Нильсу, Марселену, Тимоти — добавился еще армейский барабанщик, которого Анжелика пригласила, так как он был сиротой. Солнце еще сияло, когда они затопили печь. Когда два часа спустя они, красные и потные, подняли головы, чтобы полюбоваться стопками блинов на столе, они увидели, что молчаливый снег почти достигает окон. Его уровень повышался с необыкновенной скоростью, как в переполненном резервуаре. Они заметили большого белого зайца, прибежавшего из леса. Стоя на задних лапках, он глодал кору дерева в месте, где начинают расти ветви.

На белых, покрытых снегом деревьях съежившиеся птички с красными, оранжевыми, зелеными и желтыми грудками сидели рядом, как гирлянды в Рождество. От белизны окружающего снега в доме было светло и празднично.

Анжелика рассказывала о празднике Сретения в Париже, когда «красные дети» и «голубые дети»,

сироты, одетые в цвета города, продавали весь день засахаренные пирожки.

Вспоминая, Анжелика рассказала, как она разыскивала своих детей у фермерши в Нельи и как ей пришлось угрожать фермерше своим египетским кинжалом, чтобы их забрать.

Малютка Кантор лежал в хлеве на соломе между быком и ослом.

— И, несмотря на это, ты был, как всегда, толстенький и пухленький и довольствовался тем, что сосал тряпку. Ты был ужасающе грязен.

Маленькая служанка Жавотта кое-как кормила тебя молоком, украденным во время дойки, но тебя никто не мыл.

— Подумаешь, большое дело! — сказал Кантор.

Флоримон не помнил, как его скрывали в собачьей будке, чтобы спасти от побоев хозяйки, ни о Нельской башне или Новом мосте. Только о доме «зеленой мельницы». Испытания его детства оставили у него совсем неясные воспоминания.

Наоборот, когда несколько лет позднее он был представлен ко двору, он начал свою жизнь, и, начиная с этого времени, у него были только хорошие воспоминания, даже о последующих годах в училищах.

При дворе он обучался быть пажом, обучился фехтованию. Потом, когда ему пришлось перестать быть мотыльком в Версале, а начать обучение в мрачном училище, он не страдал, науки заменяли ему все.

Когда ему пришлось драться на дуэли, привлечь к себе внимание принцев и короля, заняться химией, для него открылась дверь в ослепительный мир, и это заставило забыть испытания, из-за которых он, будучи ребенком, не мог раскрыть свои способности.

Играть важную роль, проявить себя наилучшим образом, общаясь с видными людьми, — это

соответствовало его неутолимой активности и чувству собственного достоинства. Свойственное ему стремление узнать как можно больше, совершенствоваться во всем позволило ему принять без огорчения резкий контраст между жизнью двора и сурового училища.

У Кантора было иначе и все происходило наоборот. Мечтатель, артист, стремящийся к спокойствию и жизненным удобствам, он любил медленно есть вкусные вещи, жизнь двора ему совсем не нравилась. Конечно, болтливые знатные дамы пичкали его конфетами, которые он не мог даже спокойно съесть. Конечно, они с Флоримоном могли устроить несколько хороших проказ, например, когда они связали вместе ленты с правого и левого ботинка де Ронзобеля перед тем, как он должен был поклониться королю. Конечно, он очень любил аббата Ледигьера, своего воспитателя, любил петь перед королевой, но надо было непрерывно торопиться, бежать, нести шлейфы тяжелых плащей, украшенных вышивками, которые для восьмилетнего мальчика были достаточно тяжелыми. Кроме того, в большинстве случаев в Версале никогда не было известно, где будут спать и где будут обедать. Наконец, мэтр Люлли, главный музыкант короля, несколько раз заговаривал с ним по поводу довольно неприятной операции для сохранения его «ангельского голоса».

— Я знал, что я ничего не могу поделать со всеми этими неприятными вещами, — объяснял Кантор, — мне только нужно было быть терпеливым и ждать случае сыграть свою партию — соединиться с отцом. Я всегда так считал, кажется, даже ребенком, лежа в детской колыбели.

Флоримон и Кантор охотно признались, что они страдали от ревности из-за матери. Она принадлежала другим. Они ее никогда не видели. При ближайшем

рассмотрении это чувство происходило от ощущения непоправимой потери, когда ее лицо исчезло с их глаз — исчезло, как солнце. Это их снова погружало в темноту, и начиналось то, что Кантор называл «неприятности». Непонятные страдания и страсти грозили их хрупкому существованию. И когда они жили в маленьком домике кучера и Анжелика работала в гостинице «Красная Маска» или в шоколадной, их служанка Барб испытывала такой же страх, как они.

Скрытые угрозы, тени которых исчезали как по волшебству, когда их мама вновь появлялась.

Разговаривая, молодые люди вспоминали, что это красивое женское лицо было связано с их самыми первыми счастливыми воспоминаниями. Они вспомнили деревянную лошадку Флоримона, шкатулку с сокровищами, куда их мать складывала вещи из ее прошлой жизни и которую она открывала с таинственным видом.

Онорина слушала внимательно, широко открыв глаза.

— Мама, а что было в твоей шкатулке с сокровищами?

Анжелика постаралась вспомнить. Конечно, там был острый кинжал Родогона-египтянина, тот кинжал, которым она угрожала фермерше. Там было перо нераскаявшегося памфлетиста, которого называли грязным поэтом и который кончил тем, что был повешен за то, что слишком много написал песенок о скандалах двора.

Позднее там лежал изумруд персидского принца Бахтиара-Бея.

— Мама, а что ты сделала со своей шкатулкой с сокровищами?

Этого Анжелика не могла припомнить.

Наступали сумерки. Снег продолжал идти. В доме только отсвет огня освещал молодые лица, и в углу

комнаты огонек — свеча Сретения, которая должна была гореть в этот день, свеча, которую будут весь год зажигать в случае бури, чтобы отвратить опасность ирокезов, чтобы бодрствовать над мертвыми и умирающими.

Анжелика спросила Флоримона о его путешествии за море, которое он предпринял, следуя своей «идее», уверенности, что там он найдет своего отца и Кантора, что спасло ему жизнь. Они говорили о Натаниэле де Камбур, который уехал вместе с ним.

Но эта близкая часть их существования нравилась им меньше, чем другая, «время шоколада», и они возвращались к нему, создавая мало-помалу из этого периода их раннего детства незабываемую волшебную сказку, наполненную игрушками, сладостями, горячими пирожками, прогулками летом вдоль Сены, чтобы поехать в Версаль и увидеть короля, танцами обезьянки Пикколо, смехом и песнями, присутствием доброй Барб, которая целовала их, прижимая к своей мощной груди.

Они восстанавливали в памяти эти дни, наполненные дыханием их матери, освещенные присутствием ее красоты. Они превращали это время в своих воспоминаниях в райское детство, в котором она их никогда не покидала.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. САД ГУБЕРНАТОРА

Глава 50

Вскоре после Сретения по окончании большой мессы господин губернатор решил отправиться в свой сад. «Со всеми женщинами» — как говорится в песне. Стояла чудная ясная погода. Был именно тот период зимы, когда дни становились настолько светлыми и безмятежными, что ни одно облачко не омрачило их за три недели. Свита, поднимавшаяся от собора, прошла мимо замка Святого Людовика и пересекла Оружейную площадь, чуть выше она достигла сада, изображенного г-ном Монмани, вторым губернатором Новой Франции, и в аллеях которого любил гулять г-н де Фронтенак, представляя себя Людовиком XIV в Версале. При всем различии...

Однако что касается красоты и изящества дам, статности к живости кавалеров, богатства их одеяний, их плащей, накидок и шуб, их муфт и шапок, украшенных перьями, их сапог, выполненных по индейским образцам и придававших им роскошный вид, то двор губернатора стоил двора самого Короля-Солнца. Мужчины благородного происхождения носили шпаги. Некоторые, как Виль д'Аврэй, рукой в перчатке на меху опирались на трость с набалдашником из золота или слоновой кости.

Дорога вилась между двумя небольшими смежными стенами и была не столь величественна, как посыпанные песком аллеи между королевскими клумбами, что придавало меньше уверенности благородному шествию, но не умаляло избранной им цели и приподнятого настроения.

Таков был канадский двор.

Также и сад губернатора, который был разбит по французскому плану и сохранил известную строгость

форм благодаря лабиринту из подстриженного мха. Лабиринт этот должен был придавать саду облик Версаля в миниатюре, но вся торжественность улетучивалась при приближении к гордости Фронтенака — грядке с капустой. Фронтенак утверждал, что запасов капусты хватает на всю зиму, ведь он приказал посадить не одну межу. С первыми морозами капусту срезали, переворачивали и укладывали в борозды, так она и хранилась под снегом. Время от времени повар посылал своих помощников пополнить запасы.

В этот февральский день почти все высшее общество Квебека сопровождало губернатора на прогулке: офицеры, советники, дворяне и торговцы, молодые юноши и девушки, а также их родственники и даже несколько детей.

Сначала все восхищались прелестным мхом, припорошенным снегом, затем размерами капустной грядки.

— Горизонты Версаля более возбуждающи, не правда ли? — за спиной Анжелики послышался голос де ла Ферте. Мороз сделал немного ярче красные прожилки на его носу. Воистину резкое северное солнце только вредило заядлым пьяницам, выставляя напоказ склонность их кожи к покраснению.

— Горизонты Версаля очень красивы, но и эти очаровательны, — возразила Анжелика, показывая на бескрайнюю белую пустыню, открывавшуюся с высоты утеса.

— Фу! Дикость! Настоящее изгнание для женщины, с которой весь Версаль не спускал глаз.

— Для вас это тоже изгнание, господин де ла Ферте. Ведь вы вынуждены скрывать свою гордыню под бесцветной маской.

— Это временные трудности, вы это знаете. А пока суд да дело, вы могли бы поразмышлять над моими

предложениями.

— Какими же?

— Мы могли бы развлекаться вместе.

— Но мне кажется, что мы уже обсудили этот вопрос.

— Лично меня он волнует по-прежнему.

— Вы повторяетесь, — она отошла в сторону.

Спесь Вивонна была не способна сопротивляться атмосфере Канады. Она намного уменьшилась и потускнела; так неблагородный металл не способен противостоять воздействию природных сил. Лишенный почестей, лести, интриг, того ореола, которым окружала его слава сестры и дружеское расположение короля, отстраненный от обязанностей адмирала королевских галер, которые он выполнял не без успеха, оставшись не у дел, перебирая в уме свои тревоги и тщетно пытаясь найти в себе силы, чтобы бороться, он старел. Он знал с самого начала, что он будет скучать, но чтобы он страдал! И ведь ничего бы не произошло, если бы не этот печальный сюрприз» появление Анжелики!

Без нее жизнь была бы сносной. Но она мешала ему забыть. Она пробуждала в нем угрызения совести, и его снова начали мучить сновидения.

Просыпаясь каждое утро, он говорил себе: «Она здесь, в городе. Самая красивая женщина». И этого было достаточно, чтобы маленький, скучный городок стал средоточием любовных похождении, заставлявших его дрожать от нетерпения и ожидания, тем сильнее выводивших его из себя, чем яснее он понимал, что ничего не произойдет между ними, ничего и никогда. Ее присутствие было для него столь же бессмысленно, как вид привидения, отгороженного стеклом. После каждой встречи с ней у него оставалось тягостное, раздражающее чувство. Он повторял себе, что при

следующей встрече он скажет ей то и это, что, конечно, ранит ее, и он будет отомщен.

Группки рассеялись по аллеям, многие отправились осматривать лабиринт из мха, который по указанию Фронтенака солдаты расчищали так часто, как это было необходимо. Будучи осторожным и держась в стороне от ханжеских и набожных ушей, Виль д'Аврэй рассказывал легкомысленные истории. Рядом с ним г-жа де Меркувиль сообщала друзьям о своей победе: г-н Гобер уступил ей и назвал имена пленных англичан, знавших секрет растительных красителей для шерсти. Сейчас эти пленные работали в деревне Юран, но если бы можно было привезти их в город и использовать их труд и знания, то Канада больше не нуждалась бы в тканях, импортируемых из Франции. Ну а пока можно ткать лен, ведь уже собран первый урожай на берегах Святого Лаврентия. Столяры уже работали над ткацкими станками по образцу, привезенному из Ониса. Куй железо, пока горячо... Г-н де Пейрак, г-н де Фронтенак и интендант Карлон беседовали о залежах смолы и поташа. Беранжер Тардье де ла Водьер с присущей ей наивностью не пыталась скрыть, что она сделает все возможное, чтобы покорить сердце графа де Пейрака. Ее детская мордашка выглядывала из-под большого, отделанного мехом капюшона, но Анжелика с удовлетворением отметила, что носик очаровательной дамы слегка покраснел. Пожалуй, не стоит пока сообщать ей рецепт компрессов из лимонной мяты и померанца, решила Анжелика. Сама же она делала эти компрессы после каждой прогулки.

Г-н де Бардань сопровождал г-жу Обур де Лонгшон, женщину с мягким характером, воспитанную и прекрасно эрудированную. Она была правой рукой г-жи де Меркувиль в церковном братстве «Святого Семейства». В ее обществе посланник короля, по-видимому, искал утешения, успокоительного лекарства

от незаживающей любовной раны. Он издали холодно поприветствовал Анжелику, но не подошел к ней. Шевалье де Ломени, казалось, тоже умышленно увильнул от встречи с ней, что ее немного огорчило. Поскольку все ее галантные кавалеры были с ней холодны, Анжелика оказалась в обществе г-на Гобер де ла Меллуаз. Она относилась к нему предвзято, так как знала, что перчатки, которые он носит, выделывает из птичьей кожи знахарь из Нижнего города. Но благодаря ему она была избавлена от присутствия Вивонна.

Два капитана-индейца, Юрон и Альгонкен, присоединились к свите, покуривая и разглагольствуя на своем языке с г-ном де Лабиньером и бароном Модрей.

Пиксаретт щеголял в своем красном английском одеянии с золотым шитьем, в шляпе с полями, украшенной плетеной тесьмой и перьями; мокасины, дополняющие его наряд, не мешали ему вышагивать с гордым видом. Никогда еще его пребывание в Квебеке не было столь долгим, а прекрасные леса в Нарангасетте оставлены им без внимания.

Здесь же были и старшие дочери г-жи де Меркувиль и г-жи ле Башуа. Молодые люди — Флоримон, Анн-Франсуа, Кантор и их друзья — забавлялись тем, что пытались отвлечь юных дев от ухаживаний попутчиков герцога де ла Ферте, Мартена д'Аржантейля и барона Бессара. Со стороны последнего попытки ухаживать и завладеть вниманием молоденьких канадских барышень были всего лишь привычной галантностью.

Затем пришлось вмешаться и разнять двух собак: агрессивного дога г-на де Шамбли-Монтобана и смирного пса аббата Дорена.

Преподобный отец Мобеж и священник г-н Дажне были поглощены дискуссией об ирокезских миссиях. Там же присутствовал вдовствующий доктор и торговец Базиль со своими двумя дочерьми и приказчиком.

Г-жа ле Башуа многих одаривала своей милостью, во сейчас, похоже, титул штатного любовника получил г-н Герен, один из первых городских советников, именно ему досталась пальма первенства. Он же не мог прийти в себя от изумления. Поддерживая г-жу ле Башуа одной рукой, другую он чуть приподнял, как бы желая представить свою даму всей честной компании со словами: «Не правда ли, она восхитительна!» Его жена, г-жа Герен, была увлечена беседой с г-жой де Меркувиль. Они говорили о ткацких станках и о необходимости заставлять работать женщин, от работы отлынивающих. Г-жа Герен, женщина приветливая и доброжелательная, не казалась озабоченной сверх меры по поводу того, что ей так открыто «наставили рога». В силу привычки или же устоявшегося мнения, но в Квебеке адюльтер с г-жой Башуа не ставил под угрозу честь дамы и мир в ее семье. Гораздо больше беспокойства вызывало ее пренебрежение к вам. Понравиться госпоже Башуа значило заручиться свидетельством в своей неотразимой мужской силе. У нее всегда был постоянный круг поклонников, и даже сейчас несколько молодых и не очень молодых мужчин смеялись ее шуткам, грелись в лучистом сиянии, исходившем от ее веселого и румяного личика.

Анжелика не могла помешать себе издали наблюдать за уловками Беранжер-Эме де ла Водьер; в то же время она отдавала должное Жоффрею, который оказывал ветреной молодой женщине ровно столько внимания, сколько и остальным особам, пытавшимся добиться его расположения. Она не упрекала его за то, что он галантен в обращении с изящными молодыми дамами. Он всегда был таким. Он был таким даже с Амбруазиной, но только до того дня, когда он нанес ей удар своими ужасными словами и она была обречена.

Он был любезен со всеми женщинами, молодыми и старыми, красавицами и дурнушками, но сам выбор

объектов внимания и поклонения ослаблял опасения недоверчивого сердца.

Например, он не отходил от г-жи Башуа, ухаживал за г-жой де Бомон и в то же время внимательно прислушивался к рассуждениям г-жи де Меркувиль о ткацких станках. Г-жа Беранжер, похоже, забавляла его, но он не проявлял к ней чрезмерной снисходительности.

Скорее, она могла бы упрекнуть его за прилив нежности по отношению к восхитительной г-же де Бомон, но ведь ей уже за пятьдесят...

Даже с Сабиной де Кастель-Моржа его отношения зашли не дальше обычной вежливости, и ничего не изменилось в его поведении после того, как он узнал, что она была племянницей его бывшей любовницы Карменситы. Было ли разумно со стороны Анжелики ревновать его? Было очевидно, что г-жа де Кастель-Моржа пожирает его своими черными глазами. После того, как она перестала краситься кстати и некстати, стало ясно, что она умеет быть красивой. Ее белая кожа с удивительным золотистым оттенком компенсировала некоторую ассиметричность ее лица. Казалось, граф уделял ей не больше внимания, чем г-же де Беранжер. Кто же действительно причинял иногда беспокойство Анжелике, так это краснолицая г-жа ле Башуа, которую Полька называла пройдохой. Но у нее был свой неповторимый шарм. Над ее выходками можно было смеяться, осуждать их или не обращать на них внимания, но совершенно очевидно, что ее темперамент возбуждал любовный аппетит, что не могло не нравиться опытным мужчинам. Был ли Жоффрей щепетилен в любви? Он любил женщин, которые заставляли его смеяться.

В один прекрасный день г-жа де Башуа и Полька предстали перед Анжеликой. С другой стороны, в отношении себя Анжелика не сомневалась в

порядочности этих двух женщин и доверяла им. Хотя любящему сердцу свойственно ошибаться. Когда Анжелика закончила свою «опись» возможных соперниц, то оказалось, что по той или иной причине не заслуживает доверия ни одна из дам в Квебеке. Она оказалась в глупом положении.

В Квебеке можно было шутить, ухаживать, любезничать, но все время оставаться в рамках благоразумия. С другой стороны, Виль д'Аврэй говорил, что Квебек — город, созданный для восхитительных адюльтеров. Тем более восхитительных, что сотни глаз упорно следили за ними.

Но, были ли они, эти любовные интрижки? Вопрос этот витал в воздухе, кружился легким флером между гуляющими по саду парами. С этими французами никогда нельзя быть уверенным в том, что улыбка, пожатие руки, нежный взгляд — всего лишь учтивые знаки внимания, а не скрытый и многообещающий предлог к любовному свиданию.

Так ли уж был не прав преподобный Коттон Матте де Бостон, этот пуританин, которого неотступно преследовал дьявол, рыщущий в его пастве? Во время их первой встречи в Голдсборо Анжелика осудила его за чрезмерную фанатичность, за пренебрежительное непонимание всех тонкостей французского характера, гораздо более доброжелательного, чем может представить себе иностранец. Теперь же она сама сомневалась во всем. Овеваемый легким, девственным ветерком, Мон-Кармель купался в лучах небесного сияния. Сияние это навевало мысли о вратах небесных и, казалось, отпускало все грехи и делала добродетельным и невинным желание счастья.

Но какого счастья?

Как бы там ни было, в это февральское утро милое квебекское общество, любуясь садом, клумбами и капустными грядками г-на губернатора,

воодушевлялось мыслями о возвышенной и непорочной любви.

Розовато-голубое небо было подернуто светло-сиреневой пеленой, а причудливое переплетение веток, тонких, как паутина, искрилось на солнце тысячами алмазных огоньков.

Стволы вязов и кленов в саду были серебристо-фиолетовыми и прекрасно сочетались с более насыщенными по цвету тенями на снегу. На противоположном берегу Святого Лаврентия просматривался новый купол приходской церкви Леви и другой, поменьше, на склоне горы Лозон, задевающий за небо своими металлическими крестами.

Пройдя весь сад, компания распределилась вдоль дорожки, огибающей Алмазный мыс и проходящей рядом с деревянным редутом, сооруженным на повороте реки вверх по течению и охраняющим пороховой склад, построенный на склоне горы. В свое время губернаторы решили удалить склад от города и наполовину запрятать его в землю.

Эта прогулка по окрестностям возбуждала кровь. Алмазный Мыс откликался эхом голосов и смеха.

Невдалеке слышался плач ручейка в футляре из ледышек, а склоненные над ним ветки плакучей ивы отливали бледным золотом и коралловым светом.

Направо возвышался огромный крест, рядом с виселицей для осужденных, что придавало Мон-Кармелю вид Голгофы. Полет черных птиц в холодном небе только усилил бы мрачное впечатление, если бы не мельница, мирно вращающая своими Крыльями. Милое простодушие природы искупало следы зловещего присутствия человека.

Когда все дошли до конца Алмазного мыса, граф де Ломени взял Онорину под руку и отвел ее на край прибрежной скалы. Склонившись к ней, он рассказывал, что там, вверх по течению Святого Лаврентия, в

нескольких лье отсюда, есть маленькая речушка, называемая Ла Шодьер. В прошлом году, покидая Квебек, г-н де Ломени пригласил м-ль Онорину посетить его порт Вапассу. Помнит ли она еще об этом? Маленькие глазки Онорины обозревали бесконечную белую пустыню; от острова Орлеан, прикрывавшего узкое ущелье на севере, вдоль горизонта и вновь к раскинувшемуся пейзажу на юге. Было видно, что она изо всех сил старается скрыть свое удовлетворение. Благодаря географическим познаниям г-на Ломени с ее души свалился тяжелый камень. Так, значит, думала она, можно найти дорогу и добраться до Вапассу. После возвращения этого обжоры Вольверина ее охватила ностальгия при мысли о ее медвежонке Ланселоте. Корабли ее отца были пленниками в застывших водах Святого Лаврентия, и, подняв голову, она в который раз позавидовала птицам, кружащимся в небе. Какой же способ найти, чтобы скрыться из Квебека?

— А нельзя ли поехать на санях по Шодьер? — спросила она. — Уже сейчас?

— Можно, — ответил он, — но в разгар зимы это тяжелая экспедиция. Вы, как опытная путешественница, должны это понимать. Помните, в каком плачевном виде был я и мои попутчики, когда наконец-то добрались до форта. К счастью, вы прекрасно за нами ухаживали.

— Да, да, — кивнула головой Онорина.

— Лучше дождаться прихода весны и отправиться в путь, — заверил г-н де Ломени. — Зима не любит нетерпеливых. И потом, вы прекрасно себя чувствуете в нашем обществе, не правда ли? — Мальтийский рыцарь казался счастлив тем, что вызвал у своей дамы улыбку, немного снисходительную, но в целом одобряющую. С высоты просматривалась вся река со следами саней между маяками. Столпотворение людей и повозок на обоих берегах напоминало муравейник. Прокурор

Тардье де ла Водьер нахмурил свои красивые брови молодого греческого бога.

— Насколько я знаю, сегодня не рыночный день. Откуда это оживление? Весь город собрался. Когда же эти люди работают?

— Сегодня день Святой Агаты, — ответил ему Виль д'Аврэй. — По праздникам все гуляют.

От одного вида этой веселой ярмарки у прокурора разыгралась изжога. Затем он взял под руку г-на де Фронтенака и заставил его выслушивать свои рассуждения по поводу того невыносимого скандала, этих домишек, этой кучи грязных лачуг, примостившихся на прибрежной скале. Эта свалка, по его словам, скоро распространится до самого форта! Колченогие, деревянные, насквозь прогнившие сооружения, а над ними — логово колдуна, да, да, ему рассказывали, оно и так-то еле держится, а под тяжестью льда оно обрушится в один прекрасный день.

— Неужели вас не беспокоят ни дым, ни тошнотворные запахи, которые поднимаются от этой клоаки?

— Нет, — ответил Фронтенак.

— Но г-жа де Кастель-Моржа, которая живет под вашей крышей, жаловалась мне, что она этого не может вынести.

— Она всегда жалуется.

По возвращении в саду там и здесь образовались новые группы. За небольшой рощицей решили немного согреться а выпить по глоточку водки, скрытно, прямо из фляги.

В аллеях лабиринта, между двумя сугробами Виль д'Аврэй уединился для беседы со своим другом, г-ном Гарро д'Антремоном, лейтенантом полиции. Вскоре он покинул его и подошел к Анжелике с загадочным видом.

— Г-н Гарро д'Антремон хотел бы поговорить с вами наедине.

— Со мной?

— Да. Только не отказывайтесь, прошу вас. Вы же знаете, как он мне дорог.

Виль д'Аврэй любил напустить тумана в свои «дружеские отношения» с мужчинами или женщинами. Это была его мания.

Он предоставлял своим смущенным собеседникам самим разобраться в причинах. В данном случае Гарро д'Антремон, которого Полька называла «Ворчун», строгий буржуа, приземистый, всегда одетый в темных тонах, в общении с людьми непринужденный, не должен был давать повод заподозрить его в идиллических отношениях с элегантным маркизом. Но тот настаивал, ему хотелось, чтобы Анжелика уступила просьбе д'Антремона.

— Это очаровательный человек, эрудит.

Видя ее колебания, он уверял ее, что поводов для беспокойства нет. Она должна это понять.

— Он, конечно, робок и долго колебался, прежде чем заговорить с вами, ведь по роду своей профессии он должен являться в ваш дом неожиданно, средь бела дня, — говорил Виль д'Аврэй. — Поэтому он обратился к помощи опытного соблазнителя.

— Но что он от меня хочет, этот лейтенант?

— Он вам сам об этом скажет. — Делая вид, что он не понимает истинных причин ее колебаний, он воскликнул:

— Речь идет не об ухаживании, он не из таких. Просто он хочет получить от вас некоторые сведения.

— По какому вопросу?

— Я не знаю. Но я уверен, что это простая формальность.

— Не лучше ли будет, если он поговорит с моим мужем?

— Да нет же! С вами! С вами! Что происходит, Анжелика? Я не узнаю вас. Чего вы боитесь?

Анжелике было трудно объяснить ему, что за годы своего существования ее отношения с полицией и ее представителями приобрели уклончивый характер.

Этот вызов по повестке — именно так она расценила просьбу Гарро д'Антремона — не сулил ей ничего хорошего. Она сделала еще несколько шагов, чтобы дать себе время на размышление.

Природа вдруг поменялась в лице. Черная пелена затянула яркий и чистый свет. Что происходит? Анжелика задыхалась. Все было так хорошо, все были милы и приветливы, во всем царила гармония. То, что могло принести огорчения, повернулось к лучшему. Зима раскрылась в роли очаровательного союзника, преподносящего счастливые сюрпризы. И та особая задушевная дрожь, предвестник любви, потихоньку завладевала всеми существами и преобразовывала их без их ведома. И вот... Все очарование разбилось как хрупкий бокал. Никогда нельзя быть спокойной.

— Почему ты так сильно сжимаешь мою руку, мама? — спросила Онорнна.

Виль д'Аврэй шел вслед за ними. Он был огорчен. Он не понимал, почему Анжелика не столь предупредительна и не хочет доставить ему удовольствие. Подорвать уважение к нему в глазах Гарро д'Антремона. Доказать, как мало у него, Виль д'Аврэя, друзей в Квебеке, как мало он значит в обществе! После всего, что он перенес, его ждало еще одно разочарование! Что ее пугает в этом милом человеке?

— О чем идет речь?

— Я не знаю, — простонал он.

Но она заметила холодный проблеск в его испытующем взгляде и поняла, что он догадывался,

хотя и не знал наверняка, о чем будет с ней беседовать лейтенант полиции.

«Смотри, дружище, если ты впутаешь меня в неприятную историю, ты мне за это заплатишь», — подумала она.

— Я уверен, тут ничего серьезного, — заявил он, пошире открыв свои наивные глаза.

— Хорошо, — решилась она. — Предупредите господина Гарро, что я увижусь с ним, когда ему будет угодно. Но запомните, что я делаю это исключительно из расположения к вам.

Виль д'Аврэй, слишком дороживший успехом своей дипломатической миссии, искренне поцеловал ее руку.

Он ушел, петляя по лабиринту в поисках Гарро. Немного погодя он вернулся совершенно счастливый, чтобы сообщить ей время и место встречи. Чтобы не отвлекать г-жу де Пейрак от ее дневных забот и развлечений, г-н д'Антремон предлагал встретиться через час после прогулки в своем кабинете на улице Превоте. Он сейчас же отправляется туда и будет ждать ее. Это в двух шагах отсюда. Лучше побыстрее закончить с этим.

Г-жа де Меркувиль пригласила Онорину поиграть до вечерни вместе со своими девочками. Чтобы согреться, детям додадут горячий шоколад, а потом они поиграют около огня под присмотром Перрины. У одного из мальчиков Меркувиль была деревянная лошадь-качалка, которую Онорина очень любила. И она с радостью отправилась вместе с детьми.

Глава 51

Путь от Оружейной площади не был долгим. Слева открывалась Большая Аллея, а напротив старинного дома г-жи де ла Пелтри возвышались здания Сенешальства. Там часто заседали члены Независимого Совета. И именно здесь вершили правосудие лейтенант гражданской и криминальной полиции и прокурор. Г-н Массе, королевский дворецкий, бывал здесь редко, он предпочитал свое поместье в Сен-Сирилл. Свои апартаменты во Дворце правосудия он уступил г-ну д'Антремону.

Стражник провел Анжелику в кабинет, затянутый темным гобеленом. Окна выходили на улицу, и в этот послеполуденный час только задние стены домов были освещены солнцем.

Часть комнаты была занята полками с переплетенными книгами. Ни одной картины, за исключением портрета короля, почти такого же темного, как и гобелен. Над большим письменным столом в орнаменте из позолоченной бронзы — гербовый щит с изображением фамильного герба семьи лейтенанта гражданской и криминальной полиции: серебристый кабан, под ним — жерла орудий и три скрещенных меча зеленого цвета.

Ожидая лейтенанта полиции, Анжелика предавалась размышлениям о сходствах между гербовой символикой и характером и внешностью человека: «Черный кабан среди зеленых наконечников». Это бы тоже подошло.

Анжелике совсем не улыбалось очутиться в подобном месте. Она села спиной к окну в кресло с жесткой спинкой и подлокотниками с завитками. Кресло, по-видимому, должно было служить

расслабляющим фактором во время допросов. Устраиваясь поудобнее, она заметила на столе лейтенанта полиции два толстых тома, и, как только она их узнала, она поняла, почему глава юстиции Канады захотел поговорить с ней наедине. Предостережения колдуньи Гильометы должны бы были помочь ей предвидеть затруднения подобного толка. Одним из томов был «Трактат о ведьмах» Жана Бодена. Вторым была эта страшная книга «Молот ведьм». Вот уже почти два столетия эти книги верно служили инквизиторам, католикам и протестантам, помогая им подкреплять свои обвинения против колдунов. Написанный в 1484 году «возлюбленными сыновьями» Папы Иннокентия преподобными Шпренгером и Крамером, один из которых был доминиканцем, второй труд представлял собой кодекс для судей, дававший возможность распознать магов и демонов.

Там были записаны не только способы изгнания ведьм и колдунов, но и лучшие практические методы, как заставить их признать свои преступления. В действительности же это было собрание жестоких бессмыслиц, которое, однако, служило руководством по «борьбе с ведьмами».

Все, кого клевета или доносы вынудили предстать перед Святым судом, чувствовали себя пропащими, как только судьи погружались в изучение этих трудов. В их репутации было больше от козней дьявола, чем от благословения Церкви.

Однако Анжелика успокоилась, узнав тему беседы. По-видимому, г-н д'Антремон от кого-нибудь слышал о ее деятельности по уходу за больными.

Закладка подчеркивала фразу на открытой странице «Молота ведьм», она наклонилась и прочитала: «Когда женщина размышляет в одиночестве, она имеет злой умысел...» Подобная

аксиома заставила ее улыбнуться, и этой улыбкой был любезнейшим образом встречен лейтенант полиции, появившийся через дверь, скрытую в стене. Сразу же бросилось в глаза его смущение. Он попросил ее сесть и сел сам, затем начал уверять, что не знает, как отблагодарить ее за отзывчивость. Тем более что речь-то идет о пустяках. Но он подумал, что она могла бы оказать ему большую услугу в том деликатном расследовании, которое он ведет.

— Я вас слушаю. — Она была удивлена.

Поколебавшись и бросив взгляд на сатанинские книги, как бы подчеркнув в них одобрение, отложив в сторону отточенное перо, лейтенант полиции наконец решился;

— Мадам, не будете ли вы так любезны рассказать мне все, что вы знаете о графе де Варанже?

Анжелика пребывала в нерешительности. Это имя ей ничего не сказало, хотя показалось ей знакомым.

— Граф де Варанж, — повторила она задумчиво. — А я знала этого господина?

— Без сомнения, — заключил он.

— Простите меня, я не понимаю, о ком идет речь. В Квебеке меня представили большому количеству людей.

— Вы встречались с ним не в Квебеке.

— А где же?

— В Тадуссаке.

— Тадуссак!

Она ничего не понимала.

— Во время нашего приезда в ноябре?

И вдруг всплыло воспоминание, как труп всплывает из темной воды. И речь шла действительно о трупе с камнем на шее, которого люди графа де Пейрака под неистовые крики морских птиц бросили в воду темной туманной ночью.

Граф де Варанж! Человек, который заманил их в ловушку и которого она убила одним выстрелом в тот момент, когда он бросился на Жоффрея.

Анжелика бросила на г-на д'Антремона неуверенный взгляд.

— Тадуссак! Это было так давно, что я успела забыть.

Г-н д'Антремон откинулся на спинку своего кресла. Было видно, что он относился к обсуждаемому вопросу гораздо спокойнее. Он объяснил ей, что граф де Варанж прибыл в Квебек четыре или пять лет тому назад, чтобы принять дела у интенданта Карлона и заняться казначейством. По правде говоря, он был ссыльным, одним из тех, кому удается избежать Бастилии и более позорных приговоров благодаря своим связям и укрыться в Канаде. Что нисколько не упрощало работу лейтенанта полиции.

— Я вас понимаю.

До недавнего времени г-н де Варанж, человек скрытный, но имевший покровителей в высших сферах, не доставлял ему неприятностей. Его так мало видели в Квебеке, что с ноября никто не обратил внимания на его исчезновение.

— Исчезновение?

Лишь в середине января благодаря г-же де Кастель-Моржа он был предупрежден об этом. У Анжелики промелькнула веселая мысль: «Ну уж эта-то опять попала в историю!». Г-н де Варанж жил немного в стороне, за Большой Аллеей, вместе с конюхом, лакеем и двумя маленькими савоярами, которых он привез с собой из Франции. Они помогали ему в конюшне и на кухне.

— Господин и госпожа де Кастель-Моржа были его самыми близкими соседями. После... обстрела, — д'Антремон стыдливо опустил глаза, — они уехали в свой замок Сен-Луи. Однако г-жа де Кастель-Моржа

часто приезжала в свой старый дом, чтобы проследить, как идут работы по ремонту и защите от снега уцелевшей части дома. Именно в один из своих приездов она обнаружила двух заброшенных лакеев-савояров. Со дня исчезновения своего хозяина и слуг дети скитались, живя мелкими кражами и милостынями. Покинутые всеми, они спали в доме, на кухне, прижавшись друг к другу, разводя огонь в очаге.

— Госпожа де Кастель-Моржа занялась судьбой этих детей и предупредила о случившемся прокурора Тардье де ла Водьера, который передал дело мне. После расследования я установил, что в Квебеке никто не видел пропавшего с середины ноября.

Лейтенант полиции умолк, ожидая от Анжелики размышления по данному вопросу, но она не произнесла ни слова. Тогда он продолжил:

— Я установил, что его видели на борту большой лодки, которая отправлялась в Тадуссак. Далее след его и его слуги пропадает.

— Быть может, он утонул по дороге?

— Но тогда после того, как он достиг Тадуссака, так как господин де Виль д'Аврэй рассказал мне, что встретился с ним во время вашей остановки в Тадуссаке.

«Это не правда!» — чуть было не возразила Анжелика. Она-то знала, что, когда их корабль бросил свой якорь на рейде первого французского поста на Святом Лаврентии, Де Варанж был уже мертв. Она сдержалась в надежде, что ее порыв не был замечен полицейским. — Вы уверены, что его не было на вашем корабле? — настаивал он.

— Насколько мне известно — нет.

Немного помолчав, она решила повернуть его мысль в другом направлении:

— А вы не разговаривали с моим мужем? Возможно, он будет вам более полезен, если только этот

пресловутый граф де Варанж встречался с ним.

— Я это сделаю. Но сначала я хотел поговорить с вами.

— Но почему?

Обдумывая свой очередной ход, он состроил гримасу, которая не украсила его и без того невыразительное лицо.

— Очень уж это странное дело. Представьте себе, мадам, что во время расследования некто приходит ко мне и открыто заявляет:

«Графа де Варанжа убила госпожа де Пейрак, я это знаю из надежного источника».

— Кто? — воскликнула Анжелика. — Кто вам мог это сказать? — Ее бледность и гнев могли быть отнесены на счет благородного возмущения.

— Граф де Сент-Эдм.

— Граф де Сент-Эдм! Но как...

Она чуть было не сказала: «Но как он узнал?», — но вовремя спохватилась.

— ...Граф де Сент-Эдм! Но кто это? Ах да, этот старик, который сопровождает г-на де ла Ферте. Какая муха его укусила, почему он клевещет на людей? Я едва с ним знакома, мы обменялись фразами, и только. Он сошел с ума.

Гарро смотрел на нее, но взгляд его решительно ничего не выражал. «Несчастья — вечные гримасы судьбы», — в ярости подумала она. Взяв себя в руки, она решила, что никто не сможет сломить Жоффрея. Его верные друзья были ему надежной защитой, они, конечно, будут молчать. Один за всех, все за одного. Гарро д'Антремон ничего не сможет доказать, как бы ловко он ни действовал.

Может, он уже понял это?

Внезапно он поблагодарил ее, извинился, что задержал из-за таких грустных разговоров, но уж очень странное это дело.

— Г-н де Сент-Эдм рассказал вам, откуда у него столь странные сведения?

Лейтенант признал, что нет, и еще раз извинился перед ней. Анжелика не доверяла его извинениям. Красноватое непривлекательное лицо не могло сочетаться с утонченным умом, но Анжелика никогда не принимала желаемое за действительное. Тусклые взгляды, леность мысли, внезапные отказы не убеждали ее. Г-н Гарро д'Антремон шел по следу, чутье его не обманывало.

Оба они попытались разрушить возникшее напряжение, тем более что для него не было больше оснований. Уходя, Анжелика еще раз бросила взгляд на два толстых трактата о ведьмах на письменном столе. Разговор даже не коснулся этой темы.

— Г-н д'Антремон, вы настолько увлекаетесь магией, что тратите свое время на чтение подобных произведений?

Лейтенант полиции как раз огибал стол, чтобы проводить Анжелику, и был немного смущен тем, на что она ему указала.

— По правде говоря — нет! Я слишком мало искушен в этом виде наук. Но я вынужден заняться ими: из Парижа меня уведомили, что такие преступления, как колдовство и волшебство, участились и необходимо обратить на них внимание здесь, в Новой Франции. Г-н де ла Рейни прислал мне эти книги, чтобы я изучил их и смог более четко судить о тех случаях, которые будут предоставлены мне на рассмотрение. Признаюсь, что я бы предпочел, чтобы делами подобного рода занимался епископ, но церковные трибуналы больше не правомочны. Инквизиция слишком злоупотребляла своей властью, следствием этого явилось большое число убитых и отравленных, сейчас же правосудие в мирских руках.

Он взял со стола исписанный лист.

— Посмотрите! Это доклад, который я получил летом. В Париже более трехсот аптек находятся на подозрении в колдовстве, их деятельность влечет за собой смерть. Туда обращаются разные люди, чтобы получить орудие убийства. И убивают, перерезают горло, отравляют, приносят в жертву, просто безумие! И как раз к делу об исчезновении г-на де Варанжа добавилось ужасное преступление, связанное с магией. Серьезность этого преступления не идет ни в какое сравнение с обвинениями в колдовстве, наводящем порчу на животных, время от времени такое еще случается в деревнях. Я не хотел бы вдаваться в детали, я и так уже вам надоел, но поскольку вы заговорили об этом первой, я хочу, чтобы вы поняли, почему в этой истории с исчезновением все мне кажется странным. Чем больше я тяну за ниточку, тем ужаснее разоблачения и открытия. По-видимому, граф де Варанж занимался черной магией. Незадолго до своего отъезда в своем доме, в двух шагах от резиденции судьи, он занимался тем, что призывал к помощи дьяволов, устроив ужасное представление. Маленькие савояры ничего толком не смогли рассказать, они что-то лепетали и показались мне совершенно дебильными. А вот кучер, сбежавший и укрывшийся у дикарей, поведал одному из посетителей приходской церкви, что он удрал от страха. Он рассказал, что в одну из ночей граф заколдовал магическое зеркало и беседовал со жрицей дьявола, которую он к осени ждал в Квебеке. Он хотел знать о ее местонахождении и о совместных планах. Для успеха этой магической операции была принесена в жертву собака. Ее распяли живой, вспороли ей живот, вынули желчь и, — Гарро бросил взгляд на листок бумаги, — кровь ее текла на распятие. Вот так! Мне удалось задержать мальчика, который доставал собаку. Соседи слышали завывание и видели жуткий разгром, но

поскольку жилище находится в отдалении от других домов...

— Но это ужасно! — сказала Анжелика и спросила себя: «Не Амбруазину ли он видел в магическом зеркале? Ту самую Амбруазину, которая должна была встретиться с ним в Квебеке после того, как с нами будет покончено».

— Что же еще он увидел в этом зеркале, что подтолкнуло его к поездке в Тадуссак? — продолжал лейтенант. — Вот почему он хотел поговорить с госпожой де Пейрак: вдруг, будучи в Тадуссаке, она видела или слышала что-либо.

Анжелика содрогнулась, услышав это «что-либо».

— Господь хранит меня от подобных мерзких людишек, — с жаром ответила она. — Не понимаю, почему вы так огорчены его исчезновением. Напротив, вы должны бы были поздравить себя, что он испарился, как ядовитый дурман.

— Я нисколько не огорчен...

Гарро д'Антремон принял высокомерный вид.

— Я нисколько не огорчен, мадам, но я являюсь лейтенантом полиции. Этот человек исчез. Мой долг — узнать, что с ним произошло, раскрыть преступление и наказать виновных. Хотя исчезновение г-на де Варанжа носит сомнительный характер, каким бы приспешником дьявола он ни оказался, я должен найти убийц, если он был убит.

Эти последние слова он произнес с особой решительностью. Анжелике сразу вспомнилось мнение Польки: «Он неплохой малый, этот ворчун! Но он человек принципов, а такие очень опасны».

Несмотря на заключительную «перепалку», они расстались почти хорошими друзьями.

Глава 52

Черный раб Куасси-Ба ждал ее, сидя на ступеньках. Он поднял к ней свое закутанное лицо, она посмотрела на него, на залитые светом горы вдали и снова ощутила всю красоту, окружавшую ее: Новый Свет, свобода... Она вздохнула.

— Ничего серьезного, — ответила она на молчаливый вопрос верного друга. — Но мне хотелось бы немного прогуляться. Возвращайся в Монтиньи, к графу.

Успокоенный, черный великан покинул ее.

Повернув за угол дома г-жи де Пельтри, Анжелика вышла на улицу Парлуа и направилась по дорожке, огибавшей монастырский парк. Своей юбкой она поднимала пушистый снег, и, кружась в воздухе, золотые снежинки медленно опускались на землю. Все вокруг сверкало, кусты и деревья вдоль дороги казались стеклянными. Вдали звонил колокол. Снег поскрипывал под ногами. Временами она останавливалась. Сейчас ее не волновало то, что Гарро узнает правду, он ничего не сможет доказать. Самым ужасным в этой истории была судьба двух маленьких савояров, слуг этого отвратительного г-на де Варанжа. Анжелике приходилось сталкиваться с так называемыми «отбросами парижского общества», и она прекрасно представляла себе этих двух детишек. Маленькие трубочисты со своими щетками и лестницами, они появлялись в столице осенью, убегая от суровой зимы своей родной обездоленной Савойи. Одетые в черное и измазанные сажей, они привозили с собой маленьких зверушек, сурков, которых заставляли плясать в угоду публике; они бегали по парижским улицам и кричали на своем местном говоре. Случалось,

что, окоченев от холода и заснув под дверью, они становились легкой добычей торговцев детьми, и тогда их продавали богатым сеньорам для их прихотей. Так не лучше ли им было умереть от холода морозной ночью, обнявшись со своим сурком?

Примерно такой, должно быть, была судьба двух маленьких лакеев графа де Варанжа, оказавшихся в Канаде вслед за своим хозяином. Корабли привозят из Старого Света не только товары, но и извращенцев. В один прекрасный день в Квебеке появляется падший человек в сопровождении слуги с лицом, не внушающим доверия, и двух маленьких лакеев, и никто еще не знает, что само Зло вступило в город. И если бы маленькая ножка Амбруазины не шагнула на берег, догадался бы хоть кто-нибудь?

«Да ведь он поверил, этот Гарро! Он смотрел на меня так, как будто это я убила де Варанжа».

И в действительности, это была именно она. Но опасаться совершенно нечего. Гарро наткнется на молчание Жоффрея и его людей. Единственное, что она не могла объяснить и что ее беспокоило, так это донос г-на де Сент-Эдм, заявившего, что «госпожа де Пейрак убила моего друга». Почему и как он, этот старик с накрашенным лицом, скрытым слишком пышным париком, с испуганными манерами роскошного пугала, как он оказался замешанным в эту галиматью?

Почему он разыскал лейтенанта полиции, чтобы заявить ему: «Это г-жа де Пейрак убила графа де Варанжа...»? И откуда он это узнал? Анжелика ощутила прилив страха, потому что было только одно объяснение: граф де Сент-Эдм, как и де Варанж, занимался колдовством. Он тоже ждал приезда Амбруазины в Квебек. Участвовал ли он в дьявольском заклинании? Видел ли он в магическом зеркале окровавленное лицо Демона? Этот магический ужас! Могущественный Царь тьмы прокладывает себе путь на

земле по узкому проходу извращений и крови. Опороченное распятие, растерзанная собака...

Одинокая часовня на пересечении дорог как бы утопала в снежном букете запорошенных деревьев. Деревянная колокольня укрывала маленький колокол, в центре фасада была Дверь с полукруглыми сводами, а наверху два окна.

Анжелика подняла щеколду и вошла. После яркого света, режущего глаза, ее окружили сумерки. Мало-помалу глаза ее привыкали к этой мягкой темноте, и она различала, как струится золото дарохранительницы и как дрожат огоньки свечей в стеклянной купели. Она перекрестилась, прошла немного вперед и только сейчас увидела человека, который молился, стоя на коленях перед алтарем. Это был шевалье де Ломени-Шамбор. В растерянности Анжелика осталась стоять около дверей. Она не хотела помешать его разговору с богом. Но он повернулся и заметил ее. Она увидела, как он перекрестился и, поспешно приклонив колено, направился к ней тихим гибким шагом, свойственным всем французским воинам в индейских прериях. Обеспокоенное выражение появилось на его лице, он наклонился к ней и прошептал:

— Что происходит, мой друг? Что-нибудь случилось? Вы так взволнованны!

Она утонула в сиянии его глаз.

— Что случилось? — настаивал он. — Вам причинили зло? Расскажите мне, моя дорогая...

— Ничего особенного.

Ей хотелось крикнуть ему: «Да, случилось, и это ужасно!»

Она вздохнула:

— Ничего особенного... Но в то же время нечто кошмарное!

Инстинктивно он привлек ее к себе, как бы желая защитить, и она, утомленная, положила голову на его

плечо.

«Да, обнимите меня, — думала она. — Обнимите и не выпускайте меня, мой нежный, мой чистый, мой Бог, и искупите людские грехи». Его легкое дыхание едва касалось ее лица, и он утешал ее тихо, почти шепотом:

— Не надо... Ничего не бойтесь... Вы такая красивая, вы несете с собой радость и надежду. Бог хранит вас... Бог вас любит.

Это прозвучало как «Я вас люблю». Луч света упал на его лицо, и уверенное кольцо его рук рассеяло в ней все страхи и сомнения. Она видела, как сияли его губы под тонкой ленточкой темно-русых усов, потом они приблизились как во сне и встретились с ее губами.

Как только они оказались на пороге часовни, они тут же разжали руки. Возникло чувство, подобное тому, когда покидаешь освещенную комнату и оказываешься в холодных сумерках.

Однако солнце еще сияло в небе, и лишь по некоторым признакам можно было определить, что день клонился к закату. Они постояли молча и окинули взором окружавший их пейзаж: снежные сугробы, сверкающие долины, отблеск сосулек на ветках деревьев, дым из труб, похожий на длинные белые ленты.

— В конце концов я ей это отдам, — внезапно произнес Ломени с решительным видом.

— Что и кому?

— Нож... Онорине. Я вскользь пообещал ей, что подарю ей то, что она захочет. И я чувствую, что она не считает меня расквитавшимся. Она не согласится ни на перочинный ножик, ни на складной. Нет, она хочет настоящий нож. Это опасное оружие. Но смогу ли я договориться с ней? О чем она мечтает? Быть похожей на непобедимого Ирокеза? Но для такой воинственной личности вполне достаточно лука и колчана стрел из бузины! Что вы об этом думаете?

Анжелика рассмеялась.

— Вы очаровательны, но слишком снисходительны к этой маленькой девочке.

— Она сама невинность, — нежно произнес он. — Только она и заслуживает, чтобы ее осыпали подарками.

И почтительно склонившись, он поцеловал ей руку.

— Подумайте над этим, мадам, и если вы захотите, не откладывая в долгий ящик, дать мне ответ, мы сможем встретиться завтра в аллеях губернаторского сада. Завтра там никого не будет, мы сможем немного погулять. Это прекрасное место для серьезных разговоров.

Глава 53

Любовь Ломени подарила ей крылья и вернула способность спокойно рассуждать.

Нет, это скорее не любовь, а восхитительное утешающее чувство заслонило собой мрачное видение лейтенанта полиции, рассказывающего об отвратительных преступлениях и гнусных людишках. Действительно ли Ломени любил ее? Его поцелуй напоминал скорее утешение, поддержку. Снег заскрипел под ногами человека за ее спиной, г-н де Бардань догонял ее.

— На этот раз ваши заверения, что с господином де Ломени-Шамбор вас связывает только дружба, бессмысленны, — возбужденно заявил он. — Когда я только подумаю, что вы назначили ему свидание в часовне...

— Вы сошли с ума, я не назначала ему никакого свидания.

— Как я могу вам верить? Я видел, как вы вошли в часовню несколько минут спустя после него.

— Я повторяю, это всего лишь случайность. Я возвращалась к себе, проходила мимо и зашла помолиться.

— А шевалье де Ломени случайно уже был там?

— Да, он там был. Храм — это то место, куда каждый имеет право войти.

— Почему же вы разговаривали шепотом?

— Пред телом и кровью господня...

— И тем не менее вам это не помешало шутить с Мальтийским рыцарем! В вас нет никакого почтения!

— Пожалуйста, дорогой Никола, умерьте вашу ревность!

С помощью сплетен и подозрений вы хотите бросить меня в объятия этого человека.

— Но вы и были в его объятиях! — возмущенно воскликнул он. — Я вас видел.

В ее взгляде мелькнуло беспокойство. Неужели он осмелился подсматривать через окно часовни? Посланник короля, это немыслимо! Но от него можно было всего ожидать.

— А когда вы вместе вышли из часовни, вы держались за руки.

Анжелика пожала плечами. Она совершенно не помнила, чтобы она держала руку г-на Ломени. Она рассмеялась.

— Это прекрасно — быть любимой. Господин де Ломени, господин де Виль д'Аврэй, — продолжил он, — господин де ла Ферте, молодой сумасшедший Анн-Франсуа де Кастель-Моржа и старый, но не менее безумный Бертран де Кастель-Моржа, его отец, Базиль, господин де Шамбли-Монтобан...

— Вы преувеличиваете. Бедный Никола, ваше болезненное воображение сбивает вас с толку. Однако вы мне доставили удовольствие. Как это приятно чувствовать себя любимой, в то время, как миром правит ненависть... Благодарю вас, мой милый возлюбленный!

— Не смотрите на меня так, — с дрожью в голосе произнес он. — Ваши сияющие глаза так волнуют меня.

Увидев их вместе, смеющихся, мадемуазель д'Уредан отметила, что они не распрощались у дома Виль д'Аврэя, а пошли дальше по направлению к рощице, за которой скрывалась резиденция г-на де Барданя.

— Вы еще ни разу не заглянули ко мне, — сказал он Анжелике, когда они поднялись вверх по улице.

— Это потому, что все свое время вы проводите около моего дома. И потом я бы не хотела встретить у

вас некоторых ваших друзей.

— Сегодня я никого не жду.

Их взгляду открылась аллея, в конце которой стоял симпатичный двухэтажный домик с шиферной крышей и квадратными печными трубами по бокам. Солнце еще освещало фасад дома, но в подлеске уже царил холодный полумрак, усеянный пятнышками света. Подул ледяной северный ветер. Никола де Бардань привлек Анжелику в свои объятия, укутав ее плащом, и было непонятно, хотел ли он защитить ее от холода иди же просто поддержать на скользкой дороге.

— Это безысходная ситуация, — бормотал он, — гибельная, и все же я ничего не могу поделать. Видеть вас, слышать ваш смех, идти рядом с вами, как сейчас, — вот самое большое счастье и самые страшные муки для меня. Надеяться не на что... Иногда я решаюсь не видеться с вами целый день. Я прихожу в себя, я свободен и спокоен. Я погружаюсь в чтение, работу, развлекаюсь. И вдруг понимаю, что это безумие: вы здесь, вы в городе, в двух шагах от меня; сколько слез пролито мной, сколько раз я пытался бежать от этой призрачной действительности. Пусть мне остаются лишь крохи, но я вас так любил и желал, чтобы вы хоть чуть-чуть принадлежали мне. И я бросаюсь искать вас. Когда я вас вижу, сердце останавливается и наступает миг счастья и наслаждения. За этот миг я заплатил ценой горьких страданий, но не жалею о них.

— Г-н де Бардань, я оценила пыл вашего красноречия, и я тронута, но мне кажется, что мы рискуем споткнуться, в прямом смысле этого слова...

Чтобы не упасть, она схватилась за него.

— Как я люблю вас! Как люблю вас! — шептал он.

— Эта аллея слишком скользкая, мы никогда не доберемся до дома.

— Ну и пусть. Нам так хорошо здесь, идите сюда.

Он увлек ее под сень деревьев, в холодный голубоватый сумрак, таинственный и бездонный, и, властно заключив ее в объятия, набросился на ее губы. Поцелуй длился долго, потом они отстранились, и с новым алчным порывом их губы встретились. Уже не первый раз страсть Никола де Барданя пробуждала страсть Анжелики, увлекая ее за собой, как морской прилив.

Тогда, в Тадуссаке, он подчинил ее себе своим страстным поцелуем. Чувственное волнение увлекало их, сметая все на своем пути; так мощная волна, перехлестнувшая через поручни корабля, берет в плен экипаж, а затем, отхлынув с мягким притворством, оставляет после себя следы разгрома. Анжелика вновь почувствовала, как бьется ее сердце, и ощутила так знакомое ей желание.

Задохнувшись от поцелуя, они вернулись на аллею, не в силах произнести ни одного слова. На пороге дома они расстались.

После погружения в подводные глубины желания, непостижимые, со вспышками молний, Анжелика с удивлением обнаружила, что день ясен и светел; оказывается, было не так поздно. Лишь на западе голубое небо приобрело фарфоровый оттенок.

Анжелика дошла до пересечения дорог, где начинался лагерь индейцев с их хижинами, кострами и кудрявыми собаками.

Вместо того, чтобы повернуть к дому, она пошла по тропинке, бегущей через поле к загородному замку де Монтиньи. Идея немедленно рассказать все мужу была ею отброшена как неуместная. Сам факт, что она целовалась с продрогшим возлюбленным, не играл для нее никакой роли и не имел далеко идущих последствий. Она не испытывала ни угрызений совести, ни страха.

Напротив, она поздравляла себя с этой милой интермедией, с восхитительным развлечением, которое хоть немного отвлекло ее от невыносимых страданий. Теперь она могла противостоять им, она вновь обрела легкость и силу; теперь она могла рассказать Жоффрею о допросе у лейтенанта полиции и угрозах, с этим допросом связанных. Она ощутила желание погрузиться в ребяческое чувство беспечности, пьянящее и наивное. Раскинув руки, как крылья, она побежала вверх по холму, ветер раздувал полы ее пальто, а индейские собаки бежали вслед за ней, вырванные из своего апатичного мирка ее внезапной эскападой. Они догнали и окружили ее, виляя хвостами, удивленные тем, что она вдруг остановилась, а она разглядывала внизу загородный замок де Монтиньи. Непонятно почему, но подступы к замку, обычно шумные и людные, показались ей неестественно спокойными. Ее возбуждение сменилось необъяснимой тревогой. Тишина царила кругом, изредка нарушаемая порывом ветра.

Анжелика начала спускаться к замку. Собаки покинули ее и вернулись в лагерь.

Дом казался почти пустым, лишь в кухне наблюдалось небольшое, движение, да из трубы поднимался дым. В комнатах первого этажа, где обычно к концу дня собирались офицеры, она не встретила ни одной живой души.

В учебном классе она увидела разбросанные по столу перья, карты, свернутые в трубки, бумаги и измерительные приборы, которыми Флоримон пользовался для своих «изысканий», но его самого там не было.

— Куда же они все подевались?

Она поднялась на второй этаж, надеясь найти Жоффрея в комнате, которую он называл «командным пунктом» и в которую не допускал никого. Она была там

лишь раз. Там он спал, когда работа или собрания задерживали его далеко за полночь. Увидев изысканную мебель этой комнаты, Анжелика спросила себя, не было ли это специально устроено для герцогини де Модрибур.

Сейчас эта мысль, вновь пришла ей в голову, как только она переступила порог комнаты и почувствовала легкий, едва уловимый аромат духов. Она не смогла определить, были ли то духи Беранжер-Эме. Обойдя комнату несколько раз и принюхиваясь как кошка, она наконец решила, что это запах нескольких женских духов, что вернуло ей хорошее настроение. По-видимому, недавно здесь были гости, часть из них — женщины.

— Но куда они ушли?

Она снова спустилась на первый этаж и в одной из столовых обнаружила накрытый стол и следы оставшегося ужина, говорившие о том, что гости лишь недавно поднялись из-за стола. Наконец, поваренок, которого она встретила в саду, объяснил ей, что для гостей приготовили легкую закуску, а затем все ушли. И он показал ей тропинку, ведущую в лес.

Анжелика углубилась в заросли кустарника и берез, на которые еще падал свет, но вечерний сумрак уже начал удлинять тени на розовом снегу. Немного погодя она оказалась перед большой поляной, на которой собралось много людей, и все смотрели на Жоффрея де Пейрака. Он же стоял на небольшом возвышении лицом к ним и что-то говорил.

Среди присутствующих Анжелика узнала г-на и г-жу де Кастель-Моржа, Беранжер-Эме де ла Водьер, которая была без мужа. С удивлением она отметила присутствие этой женщины с острова Орлеан, с пышной черной шевелюрой: Элеонора де Сен-Дамьен, по слухам имевшая трех мужей. Было много офицеров и солдат.

Инстинктивно Анжелика осталась на месте, не спустившись со склона в ряды собрания, где было много ее друзей, а председательствовал ее супруг. Она почувствовала, что будет там лишней. Она напрягла слух и попыталась понять, что говорит Жоффрей. Она слышала его довольно четко, но не понимала значения слов. Внезапно ее осенило, он говорил не по-французски. Он говорил на лангедокском наречии, языке южных районов Франции. Ее больше не удивляло присутствие Элеоноры де Сен-Дамьен, теперь она не сомневалась в том, что здесь происходило собрание гасконцев. Но открытие было подобно удару молнии. Анжелика окаменела, мозг ее обледенел, так же как и конечности. Выходит, м-зель д'Уредан была права, когда говорила: «С тех пор, как среди нас присутствует г-н де Пейрак, гасконцы так и лезут из всех щелей. Кто бы мог подумать, что их здесь так много!»

Это объясняло и присутствие солдат и офицеров, большая часть которых была завербована на службу в Аквитании и Южном Провансе. Вдруг вся толпа с веселыми возгласами рассеялась, и Анжелике с трудом удалось избежать столкновения с кем-либо из присутствующих. Она сделала большой крюк, прежде чем снова подошла к дому.

Снег фосфоресцировал под лунным светом. Ночь обещала быть морозной. Анжелика дотронулась до своих губ, успевших забыть поцелуй де Барданя.

Подняв глаза к небесному своду, она сказала себе, что это ночь сожженных кораблей, предвестников сейсмических явлений, безумств и душевных потрясений. Она услышала бряцание собачьей цепи и увидела грустный тощий силуэт приближающегося пса.

Бедное невинное животное!

Что ждало ее в доме, все тот же кошмар? Там по-прежнему было пусто. Сюзанна только что ушла к себе, оставив на углях кипящий котелок и накрыв стол к

ужину. Часть домочадцев ушли, должно быть, к м-зель д'Уредан, послушать чтение «Клевской принцессы», другие занимались своими делами в городе.

Стоя в одиночестве посреди большого зала, который она так любила, Анжелика искала и не находила признаки своего счастья.

Она была во власти смятения, которому было множество причин, но одна из них — физическое истощение, так как она умирала от голода и жажды.

В течение этого дня и накануне она ничего не ела, так как утром пошла на мессу Святой Агаты, затем г-н губернатор увлек всех на прогулку в свой сад, по возвращении с прогулки г-н Гарро д'Антремон около двух часов держал ее в своем кабинете. Расставшись с ней, он, должно быть, немедленно отправился в столовую, чтобы отведать отменную пищу. А она, размышляя об ужасных историях, прогуливалась, целуясь то с одним, то с другим, пытаясь обрести душевный покой, и в вечерних сумерках наткнулась на Жоффрея де Пейрака, окруженного гасконцами и красивыми женщинами и говорившего на лангедокском наречии.

А теперь уже солнце село и наступила ночь. У нее были ледяные ноги и пустой желудок.

Ее движения были резкими, так она пыталась выплеснуть хотя бы часть своего гнева и возмущения. Она сняла с плиты ведерко, в котором причудливо отсвечивала свежая вода, и с наслаждением долго пила. Затем отрезала себе большой кусок коричневого хлеба и положила на него кусок сыра, добавила ломоть ветчины и с тарелкой в руке села на край стола. Не утолив жажду, она поднялась, чтобы налить воды в кувшин, покрытый глазурью, и поставила его около себя. Она подавила в .себе желание пойти в погреб и налить чашку молока, слишком она устала. Набросившись на свой бутерброд, она стала перебирать

в уме события сегодняшнего дня. Она очень хотела бы поговорить с Жоффреем о беседе с лейтенантом полиции, зная, что он успокоит ее, ведь он ничего не боялся. Гарро мог бы бросить к его ногам разложившийся труп де Варанжа, но выдержка и хладнокровие графа де Пейрака все равно одержат верх. Он был уверен в молчании своих людей.

Анжелика терялась в догадках по поводу этого собрания гасконцев в лесу, куда их позвал граф де Пейрак, чтобы говорить с ними на языке их родины, мятежной провинции, которая уже более двух столетий находится под игом «этих варваров северян». Неужели он говорил им о свободе, об отмщении? Но это безумие!

Но ей он ничего не скажет, он все скрывает от нее. Бесполезно даже начинать этот разговор, да она и не осмелится это сделать. Он был всегда сильнее, чем она, даже тогда, когда отказывал себе в удовольствиях. Он никому не подчинялся, а всегда подчинял себе, и она была в его власти. «Рабыня! Я его рабыня. И он это знает...»

Как и большинство жизнелюбивых натур, Анжелика жила сегодняшним днем, а день этот преподнес ей Жоффрея взволнованного, необъяснимого и недоступного.

В тайне от нее он собрал своих друзей и говорил с ними на лангедокском диалекте, а она тем временем противостояла лейтенанту полиции. Его же никто не осмелился вызвать для встречи подобным образом. Решено! Она сама уладит это дело. Для начала она займется графом де Сент-Эдмом.

С первыми колоколами утренней мессы она отправилась в город на поиски графа де Сент-Эдма.

Анжелика плохо спала. Граф де Пейрак не вернулся домой, и она вообразила себе худшее: ликующую Беранжер в его объятиях. Затем она успокоилась и поздравила себя с его отсутствием. Если бы он был

дома в этот вечер, она могла бы выдать себя каким-нибудь непоследовательным поступком или фразой. Но он не пришел...

«Тем лучше», — сказала она, глядя на себя в зеркало. Откуда это покраснение по краям губ, возможно, от жестких усов Барданя?

В данных обстоятельствах большим преимуществом было то, что они с мужем никогда не следили друг за другом, а предпочтение отдавали взглядам — влюбленным, а не подозрительным. Никто не превращал в трагедию легкомысленные поступки, подобные тем, что она совершила вчера. Поцелуи Барданя не имели никакого значения, совесть была не потревожена, а отсутствие Жоффрея позволило быстрее обо всем забыть.

***

Сегодня она должна была найти Вивонна и его сообщников, но никто не знал, где они.

В конце концов, она пошла к г-же де Кампвер, готовой оказать ей любую услугу в знак признательности за спасение своей маленькой обезьянки. Г-жа де Кампвер указала ей на «Собаку в колесе», заведение на полдороги к дворцу; небольшая таверна, которая, судя по тому, что там часто собирались азартные игроки, могла бы быть и игорным домом. Г-н де ла Ферте и его приятели частенько там бывали . Спускаясь вниз по улице, Анжелика встретила Виль д'Аврэя, возможно, он возвращался из «Собаки...», ведь там играли с раннего утра.

— Ну как вчера все прошло? — спросил он. — У Гарро?

— Он был невыносим... Никогда еще в жизни я не оказывалась в более жестоком положении. Речь шла исключительно о сплетнях и клевете.

— А именно?

— Вы это прекрасно знаете. И почему вы не предупредили меня, что разговор пойдет об этом графе де Варанже? Он был одним из тех, кто поджидал здесь г-жу де Модрибур.

— Но не я же сообщил о его исчезновении, а г-жа де Кастель-Моржа.

— Ей бы лучше не вмешиваться в чужие дела... Так скучно, что опять ворошат это дело. Вроде бы он уехал на север, но одни говорят, что навстречу герцогине, другие — нашему флоту... Потом он исчез, и никому до этого не было дела, пока не вмешалась Сабина. Ей было просто необходимо заняться этим распущенным субъектом, который призывал дьявола.

— В образе нашей дорогой герцогини! Два сапога пара... Но вы, по крайней мере, защитились?

— От чего я должна была защищаться? И почему именно со мной Гарро хотел беседовать, а не с кем-либо из находившихся на нашем корабле? Вот о чем я себя спрашиваю.

— Для меня это тоже загадка, — признался Виль д'Аврэй, и на этот раз он был действительно заинтригован.

***

Таверна «Собака в колесе» была неважнецким заведением, не обладавшим ни престижем «Восходящего солнца», ни благожелательной и веселой атмосферой «Корабля Франции». Ее хозяин был выходцем из Марселя и прекрасно умел готовить кофе по-турецки. Однажды Анжелика побывала здесь вместе с г-ном де Ломени.

Ей не понравился темный, прокуренный зал, окна которого выходили на узкую улочку, с двух сторон застроенную высокими домами, отчего улица эта становилась еще более узкой и темной, как расщелина. Вина в таверне были плохого качества, вертел жаровни вращался собакой, на манер «белки в колесе», она весь

день бегала в клетке, по форме напоминавшей бочку, клетка была соединена с вертелом, отчего и происходило круговое вращение. Полька говорила, что это не лучшее изобретение, но что поделаешь, ведь хозяева таверны — марсельцы, а они никогда не отличались смекалкой. Она-то сама была из Оверни. Подобные рассуждения часто служили поводом для негодования со стороны южан, посещавших это заведение. «Зачем же вы ходите сюда? Идите к Лавердюру!» — кричала возмущенная публика.

Собака, вращающая вертел, и дала имя этому полупритону, полукабачку.

Войдя в зал, Анжелика сразу заметила за одним из столов герцога Вивонна и графа де Сент-Эдма. Разбойники играли в карты. Анжелика взяла стул и села напротив, отвергнув предложенный хозяином бокал вина. Он довольствовался тем, что налил ей свежей воды, что было очень кстати, жара была невыносимая. Огонь в печке пылал, рискуя сжечь вертел с каплунами. Машинально отметив эту деталь, Анжелика заговорила:

— Я искала не вас, герцог, я хочу поговорить с господином де Сент-Эдмом.

Не обращая внимания на галантные возражения старика, Анжелика в двух словах изложила причины своего прихода. Г-н лейтенант полиции сообщил ей, что г-н де Сент-Эдм заявил ему: «Госпожа де Пейрак убила графа де Варанжа». Это неслыханное высказывание требует объяснения. Прежде всего, она не понимает, о ком идет речь, кто этот граф де Варанж, которого она убила; лейтенант полиции обвинил ее в этом, хотя производит впечатление человека серьезного и не склонного к пьянству. Во-вторых, она желала бы знать, почему граф де Сент-Эдм, которого она так мало знает, воспользовался ее именем, чтобы втянуть ее в столь низкопробные развлечения; может быть, он сошел с ума, или же у него есть причина для столь открытой

враждебности по отношению к ней; в любом случае она ждет объяснений. Короче говоря, какая муха его укусила?

Глаза г-на де Сент-Эдма приобрели холодный змеиный оттенок, и легкая дрожь ликования пробежала по его морщинистому лицу. Он ответил своим противным голоском, шевеля тонкими губами:

— А разве не вы его убили?

Несмотря на отвращение, зеленые глаза Анжелики попытались перехватить движение его мертвых зрачков. Между ними состоялся напряженный диалог.

— Кто вам это сказал?

— Колдун из Нижнего города, Красный Плут.

— Откуда узнал он?

— Благодаря магии.

— Это вы настаивали на проведении магической процедуры?

— Да.

— Почему?

— Наш друг граф де Варанж исчез, мы хотели знать, что с ним случилось.

Чтобы прийти в себя, Анжелика отпила глоток воды.

— Не от вас ли я слышала много раз, что колдуны Новой Франции ничего не стоят? Это ваши слова. Тем более странно, что вы, имея подобное мнение, доверились рассказам одного из них.

— Он доказал мне свою опытность своим разоблачением.

— Я бы не доверилась ему. Что же касается фактов, изложенных лейтенантом полиции — а он, на мой взгляд, нисколько не сомневается в источнике ваших сведений, — в то время, как ваш Варанж исчез, наш флот еще не прибыл в Квебек.

— Совершенно точно!

Глаза Сент-Эдма сияли, а голос перешел в свистящий шепот:

— ...Он отправился навстречу вашему флоту... Без ума от горя...

— От горя? — изумленно повторила она.

— Он увидел в магическом зеркале лицо той, которую он ждал, окровавленное, раненое... Она произнесла только два слова: Пейрак, Анжелика. Теперь вы понимаете, мадам, что для нас все стало ясно, как только колдун произнес ваше имя.

Анжелика откинулась на спинку своего стула.

— Я вижу, что епископ недаром предупреждал о необходимости изгнания подобных типов из своей епархии, — произнесла Анжелика после небольшой паузы, — работы ему хватает.

Вид графа де Сент-Эдма поразил ее как кошмарный сон: он предстал перед ней на фоне язычков пламени в очаге, мелькания нанизанных на вертел цыплят, а рядом сквозь отсвет решетки крутящейся клетки бежала тень собаки.

— Рассудок вам изменил, — сказала она. — Будет лучше, если вы прекратите ваши игры с магами и колдунами, иначе в один прекрасный день все всплывет наружу, и вас осудят.

Они обменялись веселыми взглядами.

— Мое дорогое дитя, — вкрадчиво произнес Сент-Эдм, — вы что, с Луны свалились? Вы не в курсе последних событий. В наше время за колдовство или магию уже не осуждают. Время Инквизиции прошло, а новая полиция уже не занимается темными развлечениями, к которым иногда прибегают возвышенные умы. У нее и так хватает работы в Париже и на больших дорогах, кишащих бандитами.

— Но если за вашими темными развлечениями для избранных стоит убийство, то полиция вмешается.

Граф де Сент-Эдм раздвинул свои накрашенные губы в гримасе, напоминавшей скорее не улыбку, а звериный оскал.

— Кто говорит о убийстве, кроме вас? Господин де Варанж никого не убивал, он в стороне от подобных подозрений. А вот с вами будет иначе, если поверят колдуну, ха, ха!

— Но и вам в таком случае нужно остерегаться, господин де Сент-Эдм. Скольких людей вы обрекли на смерть своими заклятиями, черной магией и отравой? Я этого не знаю, но мне будет очень легко это узнать, выяснить, например, число детей, которых вы принесли в жертву Дьяволу. И для этого мне не понадобится магия или колдовство, у меня тысячи источников информации, которые дадут мне пищу для размышления, что касается ваших дел. Мне будет чем порадовать господина де ла Рейни и господина Франсуа Дегре. Это касается и вас, дорогой герцог, и вас, господин д'Аржантейль. Именно от полиции я узнала, в какие эксперименты пускалась ваша дорогая маркиза де Бринвильер. В Париже ее схватили нищие из Отель-Дье, когда она подсыпала ядовитый порошок в пищу и напитки для бедных больных... Это настоящее преступление, убийство, разве не так?

— Так, значит, это вы выдали ее полиции? — его глаза гневно сверкали. — А я сомневался... А знаете ли вы, что они подвергли ее допросу с пристрастием, несмотря на то, что она созналась?

Она пожала плечами. Он был просто сумасшедшим. Повернувшись к Вивонну, она сказала:

— Неужели вы настолько развращены, что посвятили себя Злу? Вы, герцог, которому король даровал высшие посты в управлении государством, и он страстно любит вашу сестру. Как же вы могли запятнать себя столь низкими поступками. Что вас толкнуло, господин адмирал, на столь тяжкие преступления: необходимость сохранить ваше положение, почести, милость короля? Неужели

спасение можно обрести лишь в отравах, колдовстве или преступлении? Почему вы этим занимаетесь?

Вивонн слушал ее с равнодушным видом, тасуя карты, и ответ был для нее неожиданностью:

— Все этим занимаются.

Такова была мода, а светский человек должен следовать моде. И он добавил:

— При дворе тот отравлен, кто не отравляет сам. Кто не устраняет соперника, погибает сам. Такова игра.

— Нет! Только не король! Насколько я знаю, король никогда сам не был отравителем и не потворствовал другим. И в этом его заслуга, чего нельзя сказать о его предшественниках. Он внук Генриха IV, тоже очень честного человека. Эта новая ветвь наших королей порвала с извращенными нравами других династий. Почему же вы, гранды королевства, не следуете их примеру?

Красиво очерченный рот Атенаис скривился.

— Король может позволить себе быть честным, — с горечью произнес он. — В его королевстве добродетелью отмечены лишь буржуа... Мы же всегда зависели от его капризов, он отомстил нам, создав Фронду, он нас кастрировал... Мы были лишены наших вотчин, наших провинций, власти, он оставил нам только оружие!

***

Выйдя на улицу, она с облегчением обнаружила золотые и бледно-розовые отблески на белом снежном покрывале, вдохнула чистый морозный воздух и как по мановению волшебной палочки мысленно перенеслась из Франции в Канаду... «Стоило ли так далеко ехать, чтобы снова оказаться лицом к лицу с опасениями и страхами...»

Она почти бежала к саду губернатора, сгорая от нетерпения увидеть серый силуэт Ломени,

прогуливающегося между светло-сиреневыми клумбами.

Он был там. ОН ждал ее. Он посмотрел на нее, и она почувствовала удовольствие от встречи с ним.

Она шла рядом с ним, и в душе ее воцарились мир и счастье. Время от времени она смотрела на него, на его приятное лицо и почти не слышала, что он говорил, так ей хотелось поцеловать его. Ей было приятно чувствовать на себе его взгляд, ждать пожатия его руки, просто идти рядом.

— У вашей любви такое переменчивое лицо, — сказал он.

— О, я отнюдь не ангел!

Она еще чувствовала на своих губах безумные поцелуи Барданя, и это сковывало ее.

«Что знает о желании этот красивый мужчина с нежными глазами?»

Обнимали ли когда-нибудь женщину эти руки, привыкшие держать саблю, шпагу или мушкет? Она предполагала, что нет, так как в кодекс Мальтийского ордена входит обет целомудрия.

— Мой дорогой рыцарь, вы боитесь женщин?

— Похожих на вас — нет, — рассмеялся он. Он умел быть остроумным.

Порыв ветра припудрил их лица снегом, это было похоже на ледяной поцелуй.

Они засмеялись. Ломени смахнул снег с ресниц Анжелики, красиво изогнутых, с шелковым отливом. Он с трудом оторвал от них взгляд. Как только они заговорили об Онорине, он признался, что очень любит детей. В Виль-Мари он преподавал им и следил за их воспитанием. В походах или боях с ирокезами он всегда думал о детях, доверчивых и беспомощных, ожидающих исход битвы. Мысль о них придавала ему силы.

Он уважал эти маленькие существа, он восхищался их мужеством и невинностью, он завидовал их

незамысловатым радостям. Воспоминания о детстве звучали для него гимном жизнелюбию. Ее покорили его рассказы о матери и сестрах, с которыми он был связан самыми тесными узами дружбы.

Это была восхитительная, райская прогулка. Маленькая мельница вращала крыльями на вершине Мон-Кармель. Даже распятие и виселица казались сошедшими с простодушной божественной картинки. Вдали остров Орлеан, весь в голубых пастельных тонах, вел немой диалог с Квебеком. Следы от саней сплетали причудливую сеть. Прохладные солнечные лучи были для них как лекарство для выздоравливающих. Анжелика призналась ему, что она боялась поспешных решений с его стороны, что он не осмелится продолжить их дружбу. А она так в ней нуждалась! Даже случайные встречи, просто сознание, что он живет в этом городе, благотворно действовали на нее; ее страхи и душевные муки утихали, исчезали навеки. Благодаря ему она очищалась.

Глава 55

Возвратившись с прогулки, Анжелика застала у ворот своего дома лейтенанта де Барсемпью. Он ждал ее, чтобы передать письмо от графа де Пейрака, и уже собрался уходить. Анжелика сразу же вскрыла конверт и с разочарованием прочитала, что Жоффрей отправился в небольшое путешествие вдоль Святого Лаврентия вместе с г-ном де Фронтенаком. Погода стояла отличная, что позволило предпринять безопасный поход по реке. Они посетят некоторые графства, г-н губернатор представит де Пейраку их предприимчивых хозяев. Они осмотрят также несколько заброшенных деревянных редутов, которые граф де Пейрак предложил восстановить ввиду недостатка караульных башен вдоль реки. Это было тем более необходимо, что они позволят вовремя заметить передвижения ирокезов или других тайных врагов.

Все это детально и в галантных выражениях Жоффрей изложил в своем послании. Он сожалел, что не увидел ее перед отъездом, нужно было торопиться, дни еще были короткими, а во многих графствах на реке не были поставлены вехи. Несмотря на любезные фразы, в которые он облек свое прощание, Анжелика почувствовала обиду, сюда же примешалась и необъяснимая тревога по поводу собрания гасконцев. В последнее время они вообще редко виделись. Говорят, что настоящее счастье — это избавление от страданий. От каких же страданий избавляла ее эта свобода? Пока она не знала, но чувствовала ее благотворное действие. Однако сейчас она эту свободу оплакивала.

Но она не хотела показать Барсемпью свою досаду и, воспользовавшись случаем, расспросила его о его жизни. Она сочувствовала этому молодому человеку,

зная, как он страдал после смерти своей возлюбленной. Она улыбнулась ему и спросила, как его здоровье, успехи в сердечных делах, надеясь, что его изболевшееся сердце нашло свой приют. Ей рассказывали об одной очаровательной девушке, проявлявшей к нему интерес. Все это она сделала очень мило, очаровательно, в ее голосе звучали материнские нотки, а выражение лица было одобрительным. По этому поводу как-то высказалась м-зель д'Уредан: «Наблюдая за госпожой де Пейрак, я заметила, насколько она владеет даром общения с людьми, будь то придворные или попрошайки, мужчины или женщины, дети или старики, богатые или бедные. Это настоящее искусство! Если бы я воспользовалась правилами этого искусства в дни моей молодости, они были бы освящены нежностью, любовью и амурными приключениями; и я бы никогда не превратилась в старую женщину, которую никто не любит и у которой нет даже воспоминаний о восхитительных прошедших временах».

Барсемпью поблагодарил Анжелику, у него все шло хорошо, и в личной жизни тоже... хотя... Слезы блеснули в глубине его глаз, но он был солдат. «Те, кто повинен в ее смерти, заслужили большего наказания. Но Господь призвал меня к смирению». Да и военная служба отнимала у него слишком много времени, притупляя его сердечную боль.

Взяв себя в руки — а это было основное правило для женщины в высшем обществе, умение «взять себя в руки» и не показать никому своего плохого настроения, — Анжелика вошла в дом с письмом в руке, не уверенная в том, что она не расплачется в следующую минуту.

Г-н де Виль д'Аврэй и г-жа де Кастель-Моржа ждали ее в маленькой гостиной, сидя на канапе. При ее появлении оба встали.

— Сабина была так взволнована, когда узнала, что невольно вовлекла вас в дело графа де Варанжа, — сказал Маркиз. — Она хочет объясниться, поэтому мы и пришли.

Во взгляде Анжелики сверкнули молнии. Увидев это, маркиз предпочел улизнуть, улыбнувшись на прощание:

— Я вас оставляю!

Подкладка пальто г-жи де Кастель-Моржа была цвета сливы. В полуденном освещении она была решительно красива.

— Г-н де Виль д'Аврэй принес мне известие, что я разозлила вас, приняв участие в судьбе двух маленьких савояров, — андалузские глаза Сабины расширились, в них сквозило беспокойство. — Анжелика, я так огорчена. Вы вправе предъявить мне обвинения.

— Какие обвинения?

— Что я умышленно вмешалась в дело маленьких савояров, чтобы вами заинтересовался лейтенант полиции.

— Ах, не воспринимайте все как трагедию!

— Вся моя жизнь — трагедия! — воскликнула Сабина.

— Что же тогда говорить о моей! Садитесь!

Г-жа де Кастель-Моржа снова села на канапе, а Анжелика устроилась на другом его конце. Жена военного губернатора успокоилась, прежде чем объяснила, что никоим образом не желала причинить неприятности г-же де Пейрак. Просто она первая заметила исчезновение г-на де Варанжа.

— Он был нашим ближайшим соседом. Мы редко бывали у него, я могла лишь наблюдать, как приходят и уходят его слуги. Одно время я советовала ему отправить его маленьких лакеев на чтение Катехизиса. Он мне сказал, что сделает это, но не знаю, задумывался ли он об этом впоследствии. Дети родились в Савойе и с трудом говорили по-французски.

Совсем недавно она заметила, что в пустом доме нет никого, кроме двух слуг. Их скитания и ужасный нищенский вид привлекли ее внимание. Она сообщила об этом странном факте прокурору, а тот, в свою очередь, поставил в известность Гарро д'Антремона. Выяснилось, что граф отсутствовал уже несколько месяцев. Детей она забрала в замок Святого Людовика, где они могли жить и питаться на кухне. А потом г-ну Гардье пришла в голову замечательная мысль: он их взял с собой в канцелярию суда, чтобы они прочистили дымоходы. Ведь это обычная работа маленьких савойцев.

Худенькие и пронырливые, они пробирались во все отверстия, им сразу было видно, в каком состоянии были все проходы, ведь их должны были чистить каждые два месяца за счет хозяев; уклонявшихся же ждал суровый штраф. Итак, дети проводили время в канцелярии, между эталонами мер и весов. Сторож канцелярии приютил их у себя. Карбонель, секретарь суда, давал им мелкие поручения. Он собирался им выдать небольшое пособие, как государственным служащим. Анжелика сознавала, что вряд ли она сможет объяснить Сабине настоящие причины ее досады.

— Вы, конечно, правы, — громко сказала она. — Я никогда не сомневалась в вашем милосердии, Сабина, в вашей доброте.

— Но моя неловкость сводит на нет всю мою доОроту...

Анжелика не знала, что и сказать.

— Мне кажется, — пробормотала Сабина, — что мои добрые поступки вызывают больше претензий, чем мой гнев. Моя доброта как бы противостоит размеренному ходу жизни.

— Да нет же! Что за странные мысли!

— Ах, могла ли я бросить этих несчастных созданий, — оживилась Сабина. — Они были такие худые! В соседних домах живут в основном старые путешественники или торговцы мехом, это жестокие люди. Они довольствовались тем, что бросали детям горбушки или же били их, когда те лазили в курятники. Даже на Рождество никто не поинтересовался, как живут бедные крошки... Как только я узнала обо всем, я не могла не вмешаться. Как вы думаете?

— Ну конечно же! Вы безусловно правы! — повторила Анжелика таким раздраженным голосом, что Сабина была ошеломлена и готова разрыдаться.

— Они не могли более оставаться в этом мрачном зловещем доме, холодном и сыром, — продолжала Сабина, — они разжигали огонь только на кухне, спали перед очагом на полу, подложив немного соломы. Господин Карбонель человек добрый, по воскресеньям он будет водить их к себе на семейный обед. Я считала, что я правильно сделала...

— Да, да, конечно, вы все сделали правильно. Но, ради Бога, замолчите! — воскликнула Анжелика.

В волнении она чересчур сильно нажала на подлокотник канапе, послышался скрип. При мысли, что они могли опрокинуться вместе с г-жой де Кастель-Моржа, Анжелика расхохоталась, что в данную минуту было явно не к месту. Сабина вскочила, побледнев, и заявила:

— Вы смеетесь надо мной!

— Даю слово, что нет.

Лицо посетительницы смягчилось, она тоже улыбнулась, глядя на Анжелику.

— Я наблюдаю за вами... Вы всегда улыбаетесь. У вас всегда хорошее настроение, как у женщины, которая знает, что с приходом ночи ее ждет любовь, а утром она проснется с сознанием своей красоты, женственности. Она любит и любима. Вам незнакомы

эти томительные вечера и пробуждения, лишенные самого главного райского чувства на земле — Любви!

— Что же вам мешает прийти в этот рай?

— Я не умею привлекать к себе любовь.

— Это все потому, что вы не любите себя и не увлекаетесь. Что заставляет вас так пренебрегать прелестями жизни и вашими собственными прелестями? Вы думаете, что моя внешность — дар доброй феи, а я завидую вашей талии, форме вашей груди, вашим черным волосам. Вы очень привлекательны, Сабина. Неужели ваши любовники никогда вам этого не говорили?

— Любовники! — возмущенно вскрикнула она. — Как вы осмелились говорить об этом! Да, узнаю ваше легкомыслие!

— Ну что ж, тем хуже для вас. Встречая вас, я спрашиваю себя: что же такое настоящая добродетель? По-моему, она заключается в том, чтобы быть счастливой, радоваться жизни, брать от нее все удовольствия. Вы поглощены своей разбитой любовью как болезнью... Вы решили своим отречением отомстить любви, но сейчас она мстит вам.

Сабина чувствовала себя как прокаженная. Она всегда теряла хладнокровие, когда говорила с Анжеликой, завидовала ей и страдала от этого.

— Я бы хотела ненавидеть вас, — прошептала она.

— Мне кажется, в этом вы себе не отказываете, — парировала Анжелика. — И все это из-за того, что я якобы украла у вас человека, которого вы любили! А что вы знаете о любви?

— Как только я увидела вас, я сразу поняла, что проиграла, он не мог сопротивляться вашему очарованию. Вы жестокая женщина. Вы сделали его своим рабом, его, человека с достоинством, который любил женщин как прекрасные образцы искусства, но ни одной не принадлежал. А достался он вам,

провинциалке, это так несправедливо, вы слишком далеки от нашей культуры!

— Ах, от вашей культуры! — воскликнула Анжелика, все больше распаляясь. — Вот уж это действительно глупости, стоившие ему так дорого. Я бы предпочла, чтобы он забыл о них.

Убедившись, что поблизости никого нет, она продолжила?

— После нашего приезда в Квебек мой муж слишком интересуется вашей культурой...

— Вы не вправе просить его отречься от культуры трубадуров.

— Трубадуров больше нет! Вполне достаточно того, что он был осужден, проклят, а теперь, когда он спустя много лет реабилитирован и признан при дворе, вы пытаетесь подвергнуть его опасности.

— Опасности? — повторила Сабина. — Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что мы приехали в Квебек не для того, чтобы граф де Пейрак участвовал в заговоре против короля, — быстро произнесла Анжелика и сразу пожалела о сказанном. — Выходит, он не без оснований впал в немилость у нашего государя?

— Что за чушь? Вы сошли с ума! Анжелика, что вы себе вообразили? Мы все являемся преданными слугами нашего короля.

— Я видела ваше сборище в лесу, вы говорили на лангедокском диалекте.

Г-жа де Кастель-Моржа улыбнулась, и эта улыбка вызвала еще большее раздражение у Анжелики.

— Мы часто собираемся, чтобы поговорить на нашем родном языке, это язык нашего детства. Г-н де Фронтенак тоже гасконец и любит присоединяться к нашим встречам. Г-н де Пейрак проявил любезность и принял нас. Он так добр.

— Это не правда. Он совсем не так добр, как вы думаете. Он скорее жестокий человек.

— Решительно вы его плохо знаете.

— Мне кажется, я его знаю лучше, чем вы. Он мой муж! А я его жена, и ваши воспоминания о нем ничего не изменят! Это я страдала вместе с ним, когда он впал в немилость, я разделяла с ним его участь отверженного, потому что я носила его имя. Вы же любили его, потому что он был богат и великолепен, вы считали себя королевой Тулузы. А смогли бы вы пережить вместе с ним крушение его карьеры? Куда девалось его величие, друзья отвернулись от него: смогли бы вы разделить с ним его бедность?

— А вы? Вы поддержали его? Вы ведь тоже любили его за его богатство и великолепие? А когда вы увидели, как его сбросили с пьедестала, смогли ли вы пережить это? Вот, что прячется за вашими словами. Вы не смогли ему простить того низкого положения, на которое он вас обрек... Вы были не способны ради него и для него пережить его падение.

Анжелика вскочила.

— Идиотка! Вы ничего не понимаете и никогда не поймете! Вы не вправе судить о моей любви к нему... Его сожгли на Гревской площади, и лишь позже я узнала, что сожгли лишь изображение, манекен. Я любила, я обожала его, а он исчез навсегда. Как легко вы говорите о переживаниях. Вы качали в колыбели своего маленького Анн-Франсуа в тени замка господина де Кастель-Моржа, а я шлепала по грязи, нищая, в лохмотьях, с двумя детьми...

— Кто вам сказал, что моя жизнь была легкой? Мой муж выступил на стороне графа де Пейрака, и в качестве наказания нас выслали в Канаду. Вас же ждала лучшая участь. Вы любили и были любимой. А быть связанной с человеком, которого не любишь,

который вызывает отвращение, — это страшнее, чем бедность.

— Кто же заставлял вас поступаться вашим сердцем и чувствами? Вы идиотка! Идиотка! Господин де Кастель-Моржа обладает всеми качествами, чтобы быть любимым, и не одной, а многими женщинами.

— Это не мешает ему бегать за проститутками.

— Вы сами его подталкиваете к этому, отвергая его. Вы выставляете его на посмешище своей злобой и неоправданными обидами. Я же считаю его обаятельным, смелым, приятным в общении. Я испытываю к нему огромное уважение.

— Вы расцениваете его как очередную жертву, вы, соблазнительница! Оставьте моего мужа в покое!

— А вы моего!

— Вам мало моего сына, который мучается от любви к вам? Вам нужен еще и отец?

— Я не способна на безумства, которые дают ростки в уме вашего сына. Я ничего, кроме скуки, к нему не испытываю. А вот ваш интерес к работам моего сына кажется мне неискренним. Вы льстите ему, интересуясь его картами, путешествиями, а видите в нем его отца!

— Вы бредите! В отличие от вас я не распутница...

— Вы обвиняете меня в том, что я соблазняю вашего сына! А на самом деле вы просто злитесь на него и на меня, потому что, влюбившись, он ускользает от вас.

— Да! — взорвалась Сабина. — У меня никого нет, кроме него. Когда он вернулся, я не узнала его. В Тадуссаке он встретил вас, и он совершенно изменился. Мне показалось, что он возненавидит меня. Он стал тенью Флоримона, потому что это еще один способ быть рядом с вами. Разве я совершила что-то ужасное, заинтересовавшись путешествием Флоримона и моего сына, я просто хотела быть к нему поближе... И мальчики были довольны, в их возрасте любят поговорить о подвигах, о своих увлечениях. Вы слишком

многого от меня требуете, я не хочу терять своего сына. Без него моя жизнь бессмысленна, можете вы это понять?

— Я понимаю лишь то, что вы очень завистливы и хотите завладеть всем миром.

— Возвращаю вам ваш комплимент. Вам не стоило упрекать меня, в то время как вы привлекаете к себе любовь всех мужчин, даже служителей церкви, таких, как господин де Ломени, Мальтийский рыцарь.

— Вы тоже недалеко ушли. Ваше увлечение духовником всем известно.

— Мой духовник! — воскликнула г-жа де Кастель-Моржа, прижав руку к груди, казалось, она потеряет сознание. — Вы клевещете! О каком духовнике вы говорите?

— Естественно, о пресвятом отце Себастьяне д'Оржевале.

— Он мой духовный наставник! Как вы могли вообразить!

— Я ничего не воображала! Проявления вашей привязанности никого не могут обмануть. Весь город насмехается над вами...

— Вы змея!

— Я просто откровенна. Я не отказываюсь по моральным принципам от привязанностей моего сердца и моего тела и считаю это более нравственным, чем ваше лицемерие. Вы разрушаете свою жизнь, Сабина, считая, что наши любовные порывы ниспосланы нам Дьяволом. Вы тоже влюблены, страстно влюблены...

На этот раз г-жа де Кастель-Моржа и де Пейрак расстались смертельными врагами. Не могло быть и речи о примирении. После такой внезапной и яростной ссоры остался горький осадок, Сабина была в отчаянии, а Анжелику мучили угрызения совести.

В тот же вечер Анжелика получила письмо от рыцаря Ломени, что немного развеяло ее огорчения. Он

приглашал ее на санную прогулку с пикником в следующее воскресенье, к водопадам Монморанси. Организовали эту загородную прогулку г-жа де Меркувиль и г-жа де ла Водьер. Соберется почти половина города. Г-н д'Арребуст оставил свои сани в полном распоряжении г-на де Ломени, а тот, в свою очередь, просит разрешения Анжелики сопровождать ее, как верный рыцарь. Она сразу же согласилась, о чем и сообщила в письме, отправленном немедленно. Г-н де Бардань, г-н де Виль д'Аврэй и г-н де Шамбли-Монтобан, также решившие предложить ей место в своих экипажах, опоздали.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ВОДОПАДЫ МОНМОРАНСИ

Глава 56

Яркое солнце освещало дорогу, проложенную по Святому Лаврентию, и сани, летящие мимо елок и кедров; мелодичный звон колокольцев в упряжке из двух лошадей раздавался ритмично, в такт их хода. У канадцев вошло в привычку подвешивать бубенцы лошадям, впряженным в сани. Во время сильных снегопадов этот звон позволял услышать приближение упряжки и избежать несчастного случая.

Анжелика сидела рядом с рыцарем де Ломени, закутавшись в меха. Как только сани покинули Квебек и устремились по бескрайней белой равнине, она вся отдалась блаженному чувству пьянящей радости от этой прогулки, напоминавшей побег с графом де Ломени, рассудительным и внушающим доверие. «Внушающим доверие» — вряд ли это выражение отражало его суть. Как иначе могла она выразить то удовольствие, которое она испытывала в его присутствии, это легкое и безоблачное чувство, похожее на небо не правдоподобной голубизны в сочетании с победным сиянием солнца.

Запрокинув голову, Анжелика вдыхала морозный воздух. Ее капюшон, отороченный густым белым мехом, защищал ее лицо от ледяных укусов. Ее рука под меховым покрывалом нашла руку Ломени, и сердце ее задрожало от нежности, когда она ощутила спокойное и решительное пожатие его руки.

Все дышало спокойствием и красотой. Щурясь от солнечных лучей, она рассказывала рыцарю о своих ощущениях, о недовольстве собой, о стремлении сохранить душевное равновесие, насколько это было возможно; в своем сердце она носила горькое чувство

обиды, пережитых страданий, хотя она чувствовала радость от того, что страдала.

Она пыталась объяснить ему, но не сочла необходимым сказать, что в основе этого «экзамена совести» лежит фраза, брошенная Сабиной де Кастель-Моржа: «А вы? Вы поддержали его?» Она вспомнила о жутком падении с вершин любви и богатства на черное дно нищеты и отчаяния.

— ...Вы чем вы себя упрекаете? — спросил он. Он был внимателен к ее рассказу, полностью погружен в него. Анжелика могла исповедоваться ему часами, лишь бы утонуть в сиянии его глаз, где перемешались восхищение и нежность.

— Я была так молода. Слишком молода... Мне не было и двадцати... Сейчас мне кажется, что то, что я перенесла, было выше моих сил... От тех лет я сохранила в себе что-то плохое, чему трудно найти объяснение.

В этой битве жизни она сражалась яростно, и, сжимая зубы, она не один раз повторяла — «Вы мне заплатите за это».

— Даже лицом к лицу с человеком, которого я обожаю и который принес мне столько несчастий, я иногда теряюсь при мысли, что есть вещи, которые я не могу простить.

Он слушал ее с серьезным видом, грусть и сострадание пробегали по его чувствительному лицу, но во взгляде она уловила легкий оттенок осуждения.

— Вы хотите мстить людям, — сказал он, — но вряд ли это хорошо, это даже отвратительно. Она положила голову ему на плечо.

— Да, ругайте меня, господин де Ломени. Я нуждаюсь в том, чтобы меня ругали...

Она закрыла глаза, солнечные лучи с нежностью ласкали ее веки.

— Я кажусь себе эгоистичной, жестокой, непримиримой...

— Ну уж это слишком!

Открыв глаза, она заметила в его взгляде проблеск юмора, он как будто дразнил ее.

— Эгоистичная, жестокая, непримиримая, как сама молодость, — сказал он. — Увы, молодость часто бывает такой, это жажда жизни вынуждает ее к этому. В чем мужество двадцатилетних? В поступках молодой женщины, ставшей добычей мужчин, или же молодого военного, рвущегося в бой, чтобы отдать свою жизнь? Но, несмотря на любые испытания, мы должны сохранить нежное и любящее сердце раба божьего. Не будьте так строги к себе и вашему прежнему облику. Он был, должно быть, очарователен.

Он улыбнулся, и она поняла, что он сейчас поцелует ее. Она не убрала голову с его плеча. Время от времени сани трясло, она бросала внимательный взгляд на кучера, невозмутимого, в дубленой накидке с меховой подкладкой и в остроконечной красной канадской шапочке. Он курил, и дым от его трубки сливался с его дыханием. Он был совершенно равнодушен к происходящему за его спиной. Сани летели вперед, в золотой дымке вырастала тень острова Орлеан, а слева виднелись первые отроги Бопре. Уже была видна колокольня церкви Бопор, царапающая своим куполом сиреневатое небо.

— Наблюдая за вами, — продолжал Ломени, — я часто с волнением замечал, как вы стараетесь не причинить никому вреда, подбадриваете людей, берете на себя их заботы.

Возможно, ваше милосердие — следствие пережитых вами душевных ран и невзгод. Что же привело вас к мысли о мщении, особенно тому человеку, которого вы более всего любите и с которым связаны долгими годами и взаимным чувством? И это несмотря

на то, что судьба, как вы мне рассказали, множество раз разлучала вас.

Анжелика спросила свою совесть. По приезде в Квебек у нее возникло желание уединиться в своем мире, отделить свою жизнь от жизни мужа. Что это, предзнаменование?

Ломени улыбнулся.

— Дитя мое, вот с чем я хотел бы вас поздравить. Долгие годы в Монреале я занимался тем, что пытался сохранить гармонию супружеских союзов, когда жизнь становится пыткой, но души еще надеются и тянутся друг к другу. И часто я сожалел о том, что не могу посоветовать ни тому, ни другому то, что мы в мирской или монашеской жизни называем «отступиться». Молчание, одиночество, размышления о себе самом, о нашем отношении к Богу, к тем, кто нас окружает, кого мы любим. В светской круговерти два существа, слитых друг с другом днем и ночью, чувствуют желание отстраниться, чтобы потом их единение было более прочным. Предчувствия подсказывают мне, что вы пошли по этому пути, а господин де Пейрак принял это как должное. Редкое благоразумие! Я успел заметить, что не жестокость семейных законов удерживает супругов вместе, а ревность, безрассудная ревность и чувство собственности, доходящее до крайности.

Рыцарь внезапно замолчал, как если бы он счел свое высказывание преувеличением.

— По правде говоря, не так-то просто отделаться от существа, принадлежащего вам безраздельно, — вздохнул он.

«Он прав... Это именно то, что я чувствую...» Ей хотелось почувствовать себя свободной, жить свободной жизнью, беря от нее все удовольствия, будь то поклонение воздыхателя или нежность, рожденная страстью; эти быстротечные любовные мгновения были так же естественны, как принятие пищи. Она никогда

не чувствовала себя виноватой в этом легкомыслии, таким образом она мстила: с одной стороны, за причиненный ей вред, с другой стороны, за ту безграничную власть, что имел над ней Жоффрей, власть гнетущую, от которой у нее сжималось сердце.

«Счастливая женщина, свободная женщина, бесстрашная женщина, что лучше могла она предложить ему?»

И сейчас она нисколько не чувствовала своей вины, находясь в санях рядом с Ломени; она была счастлива этим чистым зимним днем. Посмотрев на тонкий профиль рыцаря и на его губы, она подумала: а был ли в его жизни поцелуй, кроме того, что он подарил ей недавно в церкви?

— Скажите мне, мой дорогой Клод... Как другу... Но не отвечайте на вопрос, если он вам покажется неуместным. Вы говорили о любви как истинный знаток, следовательно... до того как вы вступили в орден... вы приобрели достаточные знания в области...

Клод де Ломени улыбнулся.

— Вы спрашиваете, девственник ли я? Право, что вам ответить? И да, и нет...

— Что вы хотите этим сказать?

— Целомудрие — это состояние души. Отдавая себя служению Господа, принимаешь обет целомудрия. Однако, прежде чем вступить в ряды Мальтийского ордена, незадолго до своего экзамена по теологии в Сорбонне, меня начали одолевать сомнения. Я убеждал себя, что отрекаюсь от женщин из чувства страха, который нам внушали. Мой духовный наставник, иезуит, опасаясь, что подобные мысли будут меня преследовать и дальше, разрешил мне посетить один из борделей на улице Глатини.

— Рядом с Нотр-Дам!

— Именно! Большая тень собора на маленькой грустной улочке...

— Какие чувства вынесли вы из этого похода в низы сладострастия? Отвращение?

— Совсем нет! Мое любопытство было удовлетворено множеством открытий, благотворно повлиявших на меня. Женщина предстала передо мной в самом ужасном своем положении, и я одновременно наблюдал нищету, хрупкость, очарование этих созданий, и тогда я понял, что прячется за этим словом «женщина»: совращение, слабость, осуждение. Из этого урока я вынес сочувствие и понимание по отношению к женщине. В этом же мрачном притоне я узнал цену любезности, помогающей нам в затруднительных ситуациях. Как видите, из единственного воспоминания я извлек много полезных сведений.

Анжелика находила его восхитительным. Он говорил с ней легко и с улыбкой, но взгляд его серых глаз волновал ее каждый раз, как он поворачивал к ней голову; ей хотелось, чтобы он положил ей руку на грудь.

«В любви он будет прекрасен», — подумала она. Сани тряхнуло, и она немного отстранилась.

— Таким образом, ваше постижение любви не помешало вашему призванию?

— Речь идет не о постижении любви, — возразил он, — а только о постижении плоти. И он тихо прошептал:

— Только сейчас я постигаю любовь.

Анжелика вполне могла сделать вид, что не расслышала его последних слов, тем более что за поворотом их взору открылись водопады Монморанси, рев воды делался все громче и громче, сливаясь с радостными детскими криками.

Вереницы саней выстраивались в ряд, полгорода уже кишело у подножия утеса.

Ржание лошадей, веселые возгласы друзей и смех молоденьких барышень — все сливалось в одну неповторимую мелодию.

Граф де Ломени соскочил на землю и подошел к дверце, чтобы помочь Анжелике выйти. Она вспомнила, что шагает по водам Святого Лаврентия, этой огромной реки с глубокими океанскими впадинами. С первых же шагов лед провалился, и нога ее увязла по колено. Она вскрикнула.

Ломени поддержал ее и помог ей выбраться, он смеялся.

— В реке очень много подводных течений, — объяснял он, — и замерзает она неравномерно, но лед сковывает ее намертво. В это время года по меньшей мере три слоя льда покрывают реку. Иногда лед ломается, но это просто пустоты, этого не нужно бояться.

— Три слоя! Слава богу!

Прежде чем их окружили друзья и знакомые, спешащие им навстречу, они с восхищением любовались красотой зимнего пейзажа.

Поток воды в проеме темного леса, устремлявшийся с высоты трехсот шагов, создавал впечатление высокой хрустальной башни, возвышающейся над долиной. У подножия скалы водопад распадался на мириады капелек, образующих пышное облако, похожее на сверкающую пену. Застывая на холоде, капельки хрустальным дождем опадали на берег и оседали там в форме конуса. Местные жители дали ему название — Сахарная Голова. Он был достаточно высоким, так что силуэты тех, кто достигал его верхушки, казались крошечными. Его твердая ледяная поверхность была припорошена блестящей снежной пудрой, мягкой, как бархат. Местами лед был пористым, что опять же наводило на сравнение с сахаром. Забраться на верхушку было не так-то просто, зато спуск совершался с головокружительной быстротой. Смельчаки садились на корточки по пять или шесть человек в сани и как вихрь неслись с горы.

Проворные коммерсанты никогда не упускали случая открыть торговлю в дни пикников. Им пришла в голову идея поставить прямо на льду небольшие постройки-закусочные. Гуляющим были предложены поджаренные колбаски, пиво, лимонад и более крепкие напитки.

Одна из площадок была тщательно выровнена и очищена от снега, там было раздолье для любителей катания на коньках. Некоторые, надев сабо и взявшись за руки, скользили по льду длинной вереницей.

Г-н де Виль д'Аврэй с помощью Шамбли-Монтобана, имевшего большой опыт в искусстве катания на коньках, учил двигаться Онорину и Керубина, которые смеялись от всей души. Как было приятно встретить своих знакомых не на Соборной площади в Верхнем городе или же на Торговой площади в Нижнем городе, а на загородной прогулке, у водопадов, прогуливаясь и беседуя под зимним солнцем.

По склону Сахарной Головы были вырублены ступеньки «специально для дам». Анжелика незаметно ускользнула от слишком многочисленной компании, чтобы совершить восхождение по ледяному конусу одной.

Поднимаясь в одиночестве к этой ослепительно белой вершине, сокрытой туманом, она испытала смутное чувство причастности к библейским сюжетам, ей вспомнилось восхождение на Синаи.

Добравшись до цели, она оказалась на плоской широкой площадке, на которой могло уместиться человек двенадцать, но сейчас Анжелика была здесь одна. Ее удивило, что верхушка конуса была совсем не узкой и закругленной, как она виделась снизу, сейчас она мало напоминала сахарную голову. Пропасть отделяла Анжелику от водопада, из глубины ее поднимались переливающиеся завитки пара.

Плотнее запахнув пальто, Анжелика погрузилась в созерцание этой водяной рокочущей стены, разбивающейся о скалы. Шум водопада царил вокруг, поглощая все остальные звуки.

Однако она скорее ощутила, чем услышала легкий толчок в двух шагах от нее. Повернув голову, она увидела индейскую стрелу, вонзившуюся в снег в двух шагах от нее.

На склоне отвесной скалы она заметила движущийся силуэт, это был индеец с луком в руках. И в то же мгновенье случилось нечто омерзительное. Из украшенного блестками тумана, окружавшего ее, появились две мощные руки в красных перчатках, затем отвратительное лицо с безумными глазами и большим квадратным открытым ртом, похожее на античную маску. Она услышала звуки, похожие на завывание дикого зверя.

— Вы ее выдали... выдали полиции... Вы... вы сейчас умрете...

Мартен д'Аржантейль, покачиваясь, приближался к ней. Он хотел задушить ее. Ей показалось, что гораздо проще ему было бы сбросить ее в бездну одним толчком. Никто ничего не увидит. Кричать? Бесполезно, крик утонет в этом бесконечном грохоте воды. Все эти мысли быстро промелькнули в ее голове. Дальше события разворачивались так быстро, что она не успела даже пошевелиться. Она увидела, как человек всхлипнул, рухнул, как подкошенный, к ее ногам, потом заскользил по склону и растворился в сверкающей дымке. Она успела лишь заметить еще одну стрелу между его лопатками. Туман затянулся плотной пеленой, пронзаемой солнечными лучами.

Среди чахлых черных елей, росших на склоне скалы, появилась медвежья шкура Пиксаретта. Из своего укрытия индеец сделал ей знак, чтобы она спускалась вниз. Она и сама не собиралась здесь задерживаться.

Почему он оказался там? Что привело его, дурные предчувствия, вещий сон?

Она начала спускаться по ледяным ступенькам, и по мере того, как шум водопада стихал, она попыталась проанализировать, что же произошло. Первой стрелой Пиксаретт предупредил ее об опасности, второй пресек преступление. Должно быть, он следил за ней со скалы и видел, как разворачиваются события.

Спустившись с горы, она увидела рыцаря де Ломени и с удовольствием оперлась на его руку.

— Приближается буря, — сказал он, — все собираются уезжать.

Анжелика посмотрела на небо, но не увидела ничего, кроме нескольких перистых облаков. Но опытные путешественники по всем приметам определили приближение бури. Торговцы начали складывать свои постройки, люди садились в сани. Тех, кто пришел пешком, забирали с собой, и, один за другим, экипажи устремлялись к городу.

— Я уже отправил ваших детей и прислугу, — сообщил ей Ломени.

Она поблагодарила его и попросила немного подождать, ей необходимо сказать пару слов г-ну де ла Ферте. Она увидела его в тот момент, когда он садился в сани, и отвела в сторону.

— Разве я вас не предупредила? — сказала она, дрожа от гнева и пережитого страха. — Это вы послали его убить меня?

— Что? О ком вы говорите?

— Об этом безумце, вашем Мартене д'Аржантейле! Он пытался задушить меня! Уж не по вашему ли приказу?

— Идиотка! — На мгновенье граф вышел из себя, но потом сдержался. — Что вы вообразили себе, моя дорогая? Я живу надеждой вернуть себе ваше

расположение, разве стал бы я давать ему подобные указания?

— Шутки в сторону! На этот раз я могу предупредить о ваших действиях господина де Фронтенака. Не забывайте, что король наделил губернатора широкими полномочиями, а о его решениях будет сообщено лично Его Величеству, в Версаль.

— Успокойтесь, — попросил граф. — Вы же знаете, что Мартен безумен, а климат усугубил состояние его нервной системы.

— Пусть будет так. Я соглашусь с тем, что его действия были вызваны припадком безумия. Но не старайтесь более угрожать моей жизни, ни вы, господин де Вивонн, ни ваши друзья, ни ваша сестра.

В ее изумрудных глазах он прочел вызов.

— Неужели вы не понимаете, что вы не сможете причинить мне вреда? Я сильнее вас! Если вы предпримете еще одну попытку, я уничтожу вас всех!

— Говорите тише! — сказал граф, с волнением оглядываясь по сторонам, ведь она уже несколько раз назвала его «господин де Вивонн»... Он добавил:

— Где он?

— Кто?

— Мартен д'Аржантейль.

Только сейчас до Анжелики дошел смысл той драматической пантомимы, разыгравшейся у нее на глазах, на вершине Сахарной Головы: Мартен д'Аржантейль, сраженный стрелой, падает в пропасть.

— Он мертв, — ответила она, — но я не убивала его... Он поскользнулся и упал со скал.

Она ушла, оставив его в растерянности.

Де Ломени помог ей сесть в сани. Он видел, что она побледнела, чувствовал ее волнение, но не знал причины. Он заботливо укутал ее в меха, затем сел рядом. Всю обратную дорогу они молчали. Для других участников прогулки веселье не прекращалось. Смех и

радостные возгласы раздавались по всей прибрежной долине; тени удлинялись и в новом освещении казались серо-зелеными. Узники Нового Света возвращались в порт своей приписки, Квебек, разогретые джином и водкой, распевая песни и веселясь напропалую.

Когда сани огибали левый выступ Орлеанского острова, Анжелика вдруг подумала о колдунье Гильомете: «Почему она не предупредила, что мне угрожает опасность?»

В том, что произошло, ее больше всего потрясло равнодушие, с которым она наблюдала за человеком, поглощенным ледяным дьявольским котлом. Было ли это влияние королевского двора, где положить яд в напиток было так же естественно, как добавить сахар, и, улыбаясь, вновь появиться перед всеми, поправляя манжеты... «Все этим занимаются». Она наткнулась на то, что не понимает себя. Расскажет ли она об этих событиях Жоффрею? Едва лишь подумав об этом, тысячи препятствий возникли в ее мыслях, отягощенные чувством, что он отдаляется от нее, его мысли и поступки непредсказуемы.

Возможно, она уже не любила его? Ее тело пронзили тысячи иголочек и заставили содрогнуться и тут же отречься от этой ереси. Их связывала страсть, и таинство этой любовной страсти было именно в ее теле. Это было очевидно, и не так-то легко через это перешагнуть.

Уже показался Квебек, и Анжелика улыбнулась Ломени, как бы прося у него прощения.

В его ответной улыбке было столько нежности, что она сразу утешилась. Он прощал ей все и ничего не требовал от нее.

Буря приближалась. Об этом говорили и черные облака, подсвеченные рубиновыми лучами заходящего солнца. Заметное оживление наблюдалось на подходах к берегу, где сани, натыкаясь на неподвижные корабли,

выстраивались в ряд и поднимались на берег по самой наезженной дороге.

Как оказалось, экспедиция, отправившаяся к истокам Шодьер, вернулась, даже не дойдя до реки. Поэтому у берегов царило такое столпотворение.

Узнав об этом, Анжелика оживилась, ее глаза радостно засверкали.

— А господин де Пейрак? — окликнула она. Он был где-то здесь, его только что видели с испанцами. Она заметила его. Первые порывы снежной бури ослепили город, когда она бросилась в его объятия.

***

Они укрылись в своем алькове, их поцелуи отдавали легкой горечью невысказанных секретов. В этом слиянии губ они пытались о многом рассказать друг другу. Вряд ли можно было выразить словами все тайны, выстраданные ими: в этих поцелуях было все: пыл страсти, тревожные вопросы, успокаивающие обещания, необратимые обязательства, глубокая сладострастная нежность. Их тела, как и их губы, слились в бесконечном поцелуе, любовь пьянила их и не отпускала от себя. Весь мир перестал существовать для них, только эта ночь и всепоглощающая любовь.

Анжелика спала, и ей приснилось, что она тонет. Вместе с Полькой они купались в Сене, в одной из купален, в разгар лета. По берегу рыскал полицейский Дегре. Испугавшись, она нырнула и почувствовала, как вода заливает ей рот и душит ее. «Я ведь умею плавать», — подумала она. Жоффрей был неподалеку, но он не протянул ей руку. Нечеловеческим усилием она вынырнула из воды и проснулась. Ей потребовалось некоторое время, чтобы восстановить дыхание и понять, где он находится. Она обняла Жоффрея, ее пальцы ласкали его затылок, гладили его густые волосы. Она давно не испытывала к нему такой нежности.

— Как я тебя люблю! Как я люблю тебя!

— Любовь моя, что с тобой? Вы счастливы в вашем маленьком доме?

— О да! Я счастлива, очень счастлива!

Она заснула, и снова ей приснилась река, на этот раз Святой Лаврентий. Она сидела на скале на ледяной плите. Она звала Жоффрея, но он не слышал ее. «Мне придется выбираться самой», — сказала она себе.

Она хотела бы поплыть, но знала, что это запрещено. Вдруг она увидела себя ребенком, в короткой юбочке, с голыми ногами, свободной и спокойной, и страхи ее отступили.

Ее разбудил свет, она решила, что это солнечный луч, но еще была глубокая ночь, весь дом спал. Жоффрей зажег фарфоровую плитку, и опьяняющий запах рома с корицей витал в воздухе.

— Вам нужно согреться.

Смеясь, они пили божественный горячий настой из серебряных с позолотой чашек, зелье для поддержания сил у влюбленных.

Вспоминая свои сны, в которых Жоффрей ускользал от нее, Анжелика утвердилась в одной мысли: «Мне придется выбираться самой». К ней вернулась спокойная уверенность ее детства. Она сумеет выпутаться сама, для этого она и приехала в Квебек, бросив вызов своей судьбе. Время битвы пришло, и она сумеет постоять за себя. Она не совсем четко понимала, за что же она будет сражаться, но страха уже как не бывало. Она вдруг поняла, что все события этой благословенной зимы лишь подталкивали их навстречу друг к другу, помогали понять друг друга и полюбить еще сильнее.

Исчезновение Мартена д'Аржантейля вряд ли в ближайшее время привлечет к себе внимание или взволнует кого-либо, как и в случае с де Варанжем. Вивонн забьется в нору вместе со своим сообщником,

проводя время за карточным столом и проклиная тот час, когда ему в голову пришла мысль «забыться», путешествуя по Канаде.

Анжелика не осмеливалась говорить о нем с Жоффреем, но она решила рассказать ему о своей беседе с лейтенантом полиции. Однако г-н де Пейрак уже встречался с г-ном Гарро.

Как и ожидала Анжелика, его нисколько не взволновало подозрение лейтенанта полиции об их причастности к исчезновению графа де Варанжа. Уверенный в том, что тайна не будет раскрыта, он противопоставил вопросам Гарро спокойное равнодушие. Он знал, что граф де Варанж был связан с маркизой де Модрибур. Гарро попытался выудить у него какие-либо сведения по поводу кораблекрушения «Единорога», но чересчур не настаивал и в конце концов дал понять, что в деле маркизы не все так гладко. Летом он получил досье на нее, касавшееся смерти ее старого мужа и слухов, бродивших вокруг этой истории. Ничего более. Многие члены Братства «Святого Причастия» искренне поддерживали ее. Но другие, такого же пошиба, как и граф де Варанж, подпортили репутацию соблазнительной маркизы.

Намек на магические манипуляции графа де Варанжа также не взволновал де Пейрака в отличие от Анжелики. Но она решила не говорить ему об этом, боясь, что он обвинит ее в суеверии, свойственном жителям кельтских дремучих лесов. «Действительно, как они не похожи на нас, выходцы из Аквитании», — подумала она, глядя на Жоффрея. Только в Квебеке она ясно поняла, в чем их отличие: не столько в манере поведения, сколько в складе ума, в их жизненной позиции. Северная цивилизация, к которой она принадлежала, во главу угла ставила подчинение силам всевышнего, отсюда — беспрекословное следование религии. Что же касается древнейшей южной

цивилизации, что управляло ими, что послужило основой их скандальному легкомыслию: любовь и великолепие жизни, свободомыслие в вопросах добра и зла, ада и рая?

— Этот де Варанж представляется мне грустным персонажем. — сказал Жоффрей, — но благодаря ему мне открылись таинственные нити, связывающие наши сердца. Ваш инстинкт предупредил вас, что я в опасности.

— Разве могло быть иначе? Вы — моя жизнь, и я живу вами... хотя я всего лишь маленькая северянка, чужая вашей провинции, вашему народу и вашей культуре, — со вздохом закончила она.

Удивленный последним высказыванием, он взял ее за подбородок и спросил:

— Это что еще за настроение?

Но она чувствовала, что не в состоянии объяснить или требовать объяснений... Все так запуталось. Она боялась, что слова лишь ускорят события и сделают реальным то, что пока существует в ее воображении.

Нужно ли говорить о Беранжер-Эме? О собрании гасконцев в лесу? Не приведут ли ее сомнения к новым разногласиям между ними? Лучше молчать и любить друг друга.

***

Как только установилась хорошая погода, Анжелика решила навестить г-на де Ломени. Она отправилась к его дому, предоставленному в распоряжение высланному марсельцу г-ном д'Арребустом. Она подняла деревянный молоток и постучала.

Дверь открыл слуга и сообщил ей, что г-н де Ломени уехал.

— Уехал? — повторила Анжелика. — Но куда? Куда можно уехать из этих суровых диких северных мест, куда вас забросила судьба?

Слуга сделал неопределенный жест в направлении золотисто-розового горизонта.

— За пределы этих стен.

— Каких стен? — воскликнула она раздраженно. Куда можно уехать за пределы ледяных стен, окружавших город? Только если в белую пустыню? На поиски смерти или нескончаемых мук, затерявшись в снежной буре?

Она направилась к иезуитам.

— Итак, его вы тоже отправили к ирокезам? — лихорадочно спросила она у отца Мобежа.

Глава иезуитов усадил ее, спокойно расспросил, после чего сообщил ей следующее:

— Мальтийские рыцари не относятся к нашей ветви. Их передвижения и предназначения находятся в ведении повелителя Ордена, его резиденцией является Мальта, а часть его полномочий распределена между восемью повелителями территорий, обозначенных по языковому признаку. Сюда входят Прованс, Овернь, Франция, Италия, Германия, Кастиллия и Англия. Здесь, в, Квебеке, г-н де Ломени выполняет указания повелителя — главы Французского отделения, а в отсутствии оных он единственный судья своих поступков и своих решений. Иногда он советуется со мной, но я никогда не вмешиваюсь в его действия. Я не видел его уже несколько недель и не знаю, где он находится.

Видя, что Анжелика встает, собираясь уходить и кусая губы от отчаяния, он добавил:

— Обратитесь к господину Фронтенаку. Он, может быть, в курсе...

Губернатор рассказал ей следующее:

— Г-н де Ломени в монастыре. Он готовится к Великому Посту. По его словам, он решил избавиться от искушений и распутства, в которые вовлекает его светская жизнь. Узнав, что я, как член Большого Совета,

не прибегну к его помощи в ближайшие две недели, он сообщил мне о своем решении и уехал... Счастливчик, — вздохнул Фронтенак, увидев, как сияет лицо Анжелики, — как бы мне хотелось привлечь ваше внимание к своей персоне...

— Вы это уже сделали, — заверила она, — но вы не причиняете мне подобных беспокойств, потому что я знаю, где вы находитесь.

***

Дорога к устью Святого Шарля, на берегах которого и был сооружен монастырь, проходила вдоль фруктовых садов. Зима одела их в белый наряд, и лучи солнца переливались на хрустальных ветках. Ослепительной красоты пейзаж как бы бросал вызов беспокойству Анжелики.

Остроконечные шпили часовенок, казалось, были украшены рождественскими звездочками, но в ее глазах они были так же эфемерны, как и эти маленькие католические церквушки в Новом Свете.

Во дворе монастыря она увидела еще один экипаж. Она узнала сани Виль д'Аврэя. Без сомнения, маркиз решил лично познакомиться с работами своего дорогого брата Луки.

Ее провели в приемную, куда доносились звуки его голоса, маркиз разглагольствовал и чем-то восторгался. Тут же к ней подошел монах в серой робе из грубой шерстяной ткани и проводил ее в другую приемную, поменьше, где ее ждал г-н де Ломени-Шамбор.

Это была молельня, скромная и невыразимо строгая. Стул, стол, молитвенник, распятие на стене, а на столе около окна-чернильница и бумага для письма.

Через окно можно было наблюдать стадо коров, пересекавшее реку в некотором отдалении от монастыря. Мычание животных время от времени нарушало кристальную тишину, царившую вокруг.

Дверь кельи захлопнулась за ней. Она оказалась перед рыцарем де Ломени, стоявшим около стола. Она почувствовала его нежный и пылкий взгляд и поняла, что он счастлив, он рад ее приезду. Она прервала затянувшееся молчание:

— Почему вы уехали?

— Вы прекрасно знаете, почему.

Голос его был спокойным и уверенным. Она начала бояться, что духовные силы этого светлого человека увлекли его туда, куда ей доступ был закрыт.

— Вы могли бы написать мне.

— Решение, которое я принял, касалось только меня. Я не предупредил вас, так как считаю себя виноватым перед вами, своими признаниями я достаточно смутил вашу совесть.

Анжелика нетерпеливо покачала головой, голос ее дрожал, как будто слезы подступали к горлу.

— Не правда! На самом деле вы просто покинули меня, бросили меня!

— Вы достаточно сильная женщина, а я... Я слаб. Слаб, как Адам в первые дни своей жизни, когда он впервые открыл для себя женщину, посланную ему Богом в утешение и в радость.

— Это лишь предлог, чтобы отречься от нашей дружбы. А вы помните, как она родилась, внезапно, с первой же встречи в Катарунке.

— Да, там я впервые увидел вас. И лишь сегодня я нашел объяснение тому, что произошло. Не видеться с вами для меня было мукой, и я не понимал, почему. Дорогая моя, вина моя в том, что я так привязан к вам, чувствуя к вам столько нежности, я предан вам без остатка. Но я не чувствую этой вины и благодарю Господа, что он и мне подарил маленький праздник жизни. Благодаря вам я познал истинную цену тому, что положил на алтарь целомудрия. Цена этой жертвы огромна! Я не знал этого ранее...

— Я понимаю, — сказала Анжелика. — Вы тоже сожалеете, что я существую.

Он улыбнулся ей.

— Конечно! Без вас жизнь была бы проще, но и менее чудесной! Жизнь! Рано или поздно хочется вкусить все ее плоды, ты познаешь ее великолепие и спрашиваешь себя: если Бог окружил нас такой красотой и наделил способностью любить, не лучше ли будет вкусить все радости жизни, чем отречься от них? Я не отрекаюсь. Я склоняюсь перед вами, безрассудное счастье овладевает мной при мысли, что я был причиной ваших волнений, что вы грустили в разлуке со мной. Но мы должны быть скромны, скромны и непритязательны! Что я буду для вас значить как человек, как любовник, как просто друг, когда рядом с вами тот, кого вы любите, кто владеет вашим сердцем, вашим телом, даже если вы разлучены с ним. Он живет в вас, он непоколебим и неразрушим как гора!

Он взял ее руку и поднес к губам ее пальцы.

— Все это жалко... жалко и невыразительно, — прошептал он.

Анжелике хотелось умолять его быть менее строгим, остаться его другом, не отвергать ту нежность, что помогает им жить. Но она поняла, что сейчас это невозможно... Может быть, потом...

Он отпустил ее руку и замер, опустив глаза.

— ...Наши встречи помогли мне понять, ясно представить себе наши судьбы, наши чувства... Дальше я идти не могу. Моя жизнь, все мое существо принадлежит тому, кто отдал свою кровь ради человечества. Я должен служить Господу и моему королю... но я любил вас...

— Посмотрите! — в келью вихрем ворвался Виль д'Аврэй. — Посмотрите на эти чудесные картины, которые нарисовал для меня брат Лука!

В своей мастерской монах работал над гербом г-на Виль д'Аврэя. Все увидели кусок деревянной доски, на которой вчерне был сделан набросок будущей живописной композиции; уже угадывалось море, тритоны, персонажи в одеждах, раздуваемых ветром. Когда работа будет закончена, доску отнесут на корабль Виль д'Аврэя и установят на видном месте, таким образом им можно будет любоваться издалека.

— Брат Лука, посмотрите внимательно на г-жу де Пейрак, — попросил Виль д'Аврэй, представляя Анжелику художнику. — Мне бы хотелось, чтобы вы использовали черты ее лица для центральной женской фигуры вашей картины.

— Ах нет, прошу вас! — воспротивилась она. — С меня достаточно того, что мои черты представлены на «Сердце Марии». Я знаю, вы завидуете Колену за столь прекрасную живопись. Если бы вам удалось вырвать у него корабль и унести его под мышкой, вы бы это сделали.

— Безусловно, — согласился Виль д'Аврэй. С видом притворного недоумения он заявил; — «Так, значит, это вы изображены на «Марии»? Мои чувства меня не обманули. Но как же это могло быть? Выходит, вы знали его раньше, этого широкоплечего пирата Колена Патюреля, вы встречались с ним до Голдсборо? Вы мне расскажете об этом, не так ли?

— Я увожу г-жу де Пейрак, — сказал он, обращаясь к графу де Ломени. — Вы не сердитесь, граф? Вы и так достаточно владели ее вниманием во время пикника... Прекрасная была прогулка, не правда ли?

Он ликовал, помогая ей сесть в сани.

— Чем больше я вас знаю, чем более таинственной мне кажется ваша жизнь, тем сильнее разгорается моя страсть к вам. Я хочу, чтобы вы мне принадлежали... Да, это очень точное выражение, чтобы вы мне принадлежали.

— Как ваши картины или венецианский корабль?

— Да, только вы были бы самым фантастическим и самым дорогим из моих произведений искусства. Диковинный автомат, привезенный из Германии. Самая красивая женщина в мире. Почти как живая. Она улыбается... а когда вы вдоволь налюбовались на нее, поверните ключ, крак, и она расскажет вам свои секреты...

Он был невыносим, но иногда забавен.

Глава 57

На следующий день г-н Ломени отправил подарок м-зель Онорине де Пейрак. Развернув пакет из расшитой кожи, все увидели маленький лук в чехле, расшитом бусинками и иголками дикобраза, а к нему стрелы с яркими перьями. Такой неожиданный и роскошный подарок лишил ее речи. Она положила лук и стрелы на стул и стала их разглядывать, а Маколле и Пиксаретт предлагали ей тут же начать уроки стрельбы. Керубин отчаянно завидовал и осмелился лишь пальцем прикоснуться к красивой игрушке.

Все отправились к вязам, где и состоялся первый выстрел под взглядами любопытных индейцев.

Благодаря Ломени у Онорины появилось оружие против ее врагов, но чувствовала ли она себя защищенной лицом к лицу с тем огромным миром, открывшимся ей, за пределами семьи и родного дома?

На следующий день весь Верхний город был потрясен важным известием.

В сопровождении своей матери, братьев, слуг, больших и маленьких друзей, а также таких личностей, как Пиксаретт и г-н де Бардань, не говоря уже об индейцах и их собаках, барышня Онорина де Пейрак отправилась к урсулинкам, чтобы учиться читать.

Одна ее рука была в руке матери, другой она держала лук и стрелы. Ее закутали в шерстяные одежды и меха, так что видны были только ее раскосые глаза и красный носик, и в сопровождении столь богатого эскорта она покинула свой дом, прошла по городу мимо кузницы, таверны «Восходящее солнце», пересекла Соборную площадь и ручеек, всхлипывающий под коркой льда. Со всех сторон бежали дети, идущие в

школу, одетые в теплые пальто и шапки, так как мороз был очень сильный.

Онорина де Пейрак идет к урсулинкам. Не хватало только звона колоколов.

Толпа подошла к монастырю, где уже ждали дамы из секты.

Онорина отпустила руку Анжелики и с гордым и непреклонным видом, ни разу не оглянувшись, переступила порог монастыря и вошла внутрь. Приветливо встреченная, она тут же растворилась среди черных мантий, тяжелых юбок, белых у послушниц и черных у наставниц; глубины монастыря поглотили ее под звуки самшитовых четок.

С тяжелыми мыслями и разбитым сердцем, как будто ей предстояла долгая разлука с дочерью, Анжелика все утро провела в верхних комнатах. Из слухового окна она наблюдала за монастырским двором, где на переменах резвились дети. Она различила силуэт своей дочери: та стояла в углу, а вокруг нее на некотором расстоянии собрались несколько девочек. Может быть, они мучили ее? Или отталкивали? За новостями отправили Сюзанну. Немного погодя Анжелика увидела, как она вошла в сад монастыря вместе с наставницей, провела переговоры и удалилась. Все идет хорошо, заявила она по возвращении. Онорина бесспорно царила в своем новом мире. Девочки были с ней очень милы, им хотелось получить разрешение выстрелить из лука. Онорина раздавала разрешения, но очень расчетливо.

Преодолев первые муки, Анжелика утешилась тем, что Онорина находится под покровительством божьим, в то время как она сама заинтригована и взволнована различными событиями.

Она упрекала себя за то, что не могла объяснить де Ломени, каким опасностям подвергает свою жизнь Она должна была рассказать ему о покушении со стороны

Мартена д'Аржантейля, жертвой которого она чуть было не стала. Если бы он знал об этом, он бы не оставил ее, он приехал бы в Квебек, чтобы следить за ней, хотя бы издали, охраняя ее безопасность. Правда, у нее был еще Пиксаретт, затянутый в красный сюртук английского офицера или же в шкуру черного медведя, в зависимости от настроения. Он всегда был поблизости: иногда шел рядом и разговаривал с ней, иногда невидимой тенью появлялся у нее за спиной так неожиданно, что она вздрагивала.

Самоустранение Ломени-Шамбора, его нежелание встречаться с ней задели ее самолюбие. Сознавая, что «так будет лучше», в мечтах она вместе с ним познавала восторг любви. В его неожиданной капитуляции было свое очарование. Этот целомудренный и нежный мужчина не вынес груза навалившегося на него счастья.

***

Спустя несколько дней после прогулки к водопадам Анжелику навестил Гарро д'Антремон. Она решила и довольно глупо, что он будет говорить с ней о Мартене д'Аржантейле. Но ничего подобного, чутье ее подвело. Его все еще интересовало досье де Варанжа. Он решил держать ее в курсе событий. Он рассказал, что напал на след солдата, который участвовал в магических заклинаниях над распятием. То, что в деле был замешан солдат, его не удивляло. Вояки бродяжничали повсюду, отличались хвастовством и хитростью. Они забавлялись тем, что обманывали крестьян, у которых останавливались на постой. Не гнушались они и преступлениями. По мнению лейтенанта полиции, от этого контингента можно было всего ожидать.

***

Стояли трескучие морозы, и в домах сильно топили. Обычно в такое время Ноэль Тардье де ла Водьер был озабочен мыслями о предотвращении пожаров.

«Достаточно малейшей искры, и мы погибли все!»... Он без устали пересчитывал ведра, заставлял заточить топоры, проверял наличие лестниц на крышах. Каждый день маленькие савояры проверяли дымоходы, а люди жаловались, что их выгоняют на мороз, ведь во время чистки дымоходов приходилось гасить печи и ждать на улице, где зуб на зуб не попадает. Жители роптали. «Так и окочуриться недолго!»

Маленькие савояры знали свое дело. Они были не дебильными, как сказал Гарро, но весьма туповатыми. Да и что можно было ожидать от этих малышей? Их продавали, эксплуатировали, увезли на край света. У них отобрали все, даже их сурков. Их заставляли теперь чистить флюгера и даже кресты на верхушках церквей, куда они с удовольствием и легко забирались.

Наступил Великий Пост, которому предшествовали три карнавальных дня. Латинское слово « carnelevare», означавшее «лишать мяса», давно потеряло свой первоначальный смысл. Наоборот, эти три дня отличались «кощунственным беспорядком» в еде, как говорил епископ; все набивали животы мясом и колбасами перед сорокадневным воздержанием.

В среду весь Квебек возвращался из церкви с черным пятном на лбу, напоминанием о священном афоризме «...из праха во прах». Во время Великого Поста есть полагалось лишь раз в день, желательно в полдень... Молочные и мясные блюда были исключены, что же оставалось? Хлеб, рыба, овощи и, к счастью, напитки, употребление которых заметно возрастало.

Три дня спустя Великий Пост был омрачен первым крупным спором, имевшем, однако, большое значение для Квебека. Спор разразился на приеме у г-на Обура де Лонгшон, первого консула.

Г-жа Обур де Лонгшон была женщиной невзрачной и не любила принимать гостей. В противоположность ей г-н Обур, член товарищества «Святого Причастия»,

всегда пользовался возможностью в период Великого покаяния собрать у себя изысканное общество интеллектуалов и побеседовать о теологии, морали, назначении человека. Естественно, приглашали и дам. Прошли те времена, когда грубое мужское общество изгоняло женщину из своего фривольного круга, считая ее глупой служанкой, необходимой лишь для продолжения рода.

За последние два столетия нравы изменились. Во всем мире, а особенно во Франции, мужчины оценили общество женщин не только за красоту тела, но и ума. Эпоха Ренессанса и ее утонченные короли воздали должное женщине образованной и незаурядно мыслящей. Именно эта тема и послужила причиной спора. Кто-то высказал мнение, что подобные преобразования в Северных областях были возможны лишь благодаря усилиям провансальской культуры вообще и школ любви в Лангедоке в частности. Тут же все общество решило высказаться. Разнообразие мнений и широкая эрудиция присутствующих ярко демонстрировали уверенность каждого в том, что он говорил. Высказанное мнение подвергалось жесточайшему обстрелу историческими, политическими или теологическими фактами. Вскоре разговор коснулся времен Шарлеманя, затем римской эпохи, когда римляне облюбовали себе земли южной Галии, где долго царила «prima lingua oceitana».

Разделение Аквитании и Лангедока ничего не изменило, нравы и язык, слишком долго находившиеся под влиянием латыни, остались прежними. В десятом веке арабы привнесли в культуру юго-западного Прованса свои утонченные развлечения, науки, поэзию. На этой почве и родилась богатая культура, нашедшая свое воплощение в школах любви трубадуров, великих мыслителей и поэтов. В те времена конфликты разрешались с необычной учтивостью.

— На свой лад, — г-н Обур решил прервать майора Сабанака, слишком увлеченного живописным рассказом об истории своей провинции. — Но вы не станете утверждать, что в этих школах, где, кажется, учили грамматическим правилам, мистика...

— Там обучали галантному обхождению с дамами, умению «ухаживать»... Даже низшие классы были не так грубы. Простой труженик — крестьянин из Аквитании был более искушен в литературе и в языке, чем нормандский или бургундский барон, — ответил г-н де Дорилак.

Нахмурившись, присутствующие попытались восстановить справедливость. Беседа протекала в рамках приличия. Предпочтение отдавалось южанам, так как многие из «выходцев с Севера» вовремя вспомнили, что их губернатор тоже был гасконцем. Лучше уж закусить удила, чем вызвать раздражение обидчивого правителя.

— Элегическая земля, — сказал Карлон, — но ее чрезмерная учтивость повлекла за собой злоупотребления... Что это, равнодушие или уважение к другому? Были разрешены еретические секты, они все увеличивались, издеваясь над учением Церкви. Все это продолжалось до эпохи катаров, которые возомнили себя выходцами из другой цивилизации. Они утверждали, что материальный мир есть порождение зла, а сама жизнь и продолжение рода являются тяжким грехом. Церковь считала своим долгом уничтожить эту отвратительную ересь.

Гасконцы возразили, что катары были чисты в своих помыслах и делах и никому не причинили зла, для ненасытных северян это был лишь повод.

В качестве аргументов был приведен ряд фактов. Ужасные рассказы о войне, развернутой против альбигойцев Симоном де Монфортом и преподобным Домиником, белобородым монахом, основателем

инквизиции, наводили страх; и даже спустя четыре столетия в деревнях Лангедока расшалившихся детей пугали, по старинке: «Вот придет Симон де Монфорт и заберет тебя!» По правде говоря, это была не война, а резня, вплоть до полного истребления; никому не удалось избежать костра или меча, уничтожали всех — мужчин, женщин, детей, стариков и даже новорожденных. Кровавый крестовый поход разрушил не только еретические секты, он разрушил всю южную культуру.

Эти будоражащие воспоминания о запахе крови и пылающих кострах послужили преградой для возможного примирения между присутствующими, хотя они были одинаково причесаны и одеты, одинаково любезны и все находились в ссылке, в плену у канадской зимы.

— Однако невозможно было терпеть... — пробормотал г-н Гарро д'Антремон. Ему ответил чистый женский голос:

— Можно все стерпеть, кроме жестокости.

Это была г-жа де ла Водьер: Беранжер-Эме решила выступить в защиту, ее реплика попала в цель и вызвала одобрительную улыбку графа де Пейрака. Она покраснела от удовольствия.

— Да признайтесь же, что вы странный народец, вы, южане, — вступил г-н де Башуа. — Победитель оставил вам ваши формы правления, ваши обычаи, ваш язык, а вы злоупотребляете всем этим, желая сохранить вашу свободу скандальных нравов. И сегодня вы действуете, не думая о грехе, как будто его и нет.

— Почему же... он существует... Но то, что вы, северяне, заклеймили, не является грехом...

— Святотатство! — проворчал г-н Мэгри де Сен-Шамон, — сразу видно, что ваша культура взяла начало в испорченных источниках: языческий Рим,

непристойный Ислам. Ваши корни питались из разных почв...

— Кто вам позволил!.. — закричали гасконцы. Борьба аргументов продолжалась.

— А ваши войны?.. Ваши предки?

— Мои предки принадлежали к роду Александра IV, — сказал граф де Пейрак.

— Мои тоже, — закричал Кастель-Моржа. Воспользовавшись тем, что соперники переводили дыхание, г-н Обур решил положить конец спору.

— Наши мнения ни к чему не приведут, это безвыходная ситуация, которая продлится еще несколько столетий. Тема эта неисчерпаемая, ведь предмет спора — различная концепция греха.

— Действительно, — одобрил г-н д'Авренсон, — наша культура призывала прийти к богу через плотскую любовь в самых совершенных ее формах, а не через отречение от нее.

— Что бы произошло, если бы северная цивилизация потерпела поражение? — спросила Беранжер де ла Водьер, повернувшись к графу де Пейраку с выражением восторженной невинности.

Эта перебранка взволновала Анжелику: она заметила, что вокруг Жоффрея собрался кружок женщин, они следили за каждым его словом и бросали на него такие влюбленные взгляды, на которые только она имела право. Среди этих дам она узнала г-жу де Сен-Дамьен, прекрасную Элеонору с острова Орлеан этой зимой ее слишком часто видели в Квебеке.

«Да, все эти женщины без ума от него и непонятно почему. Хотя нет, мне-то как раз понятно...» Ближе всех к нему стояла Сабина де Кастель-Моржа, очень прямая и величественная, готовая до последнего дыхания защищать своего повелителя. Хотя место это принадлежало Анжелике, сейчас она лишилась его, и

никто, казалось, не обратил на это внимание. Это было верхом бесцеремонности.

— Вы сможете дать нам ответ, дорогой Сюзерен? — спросила Элеонора де Сен-Дамьен, женщина с пылающим взором. Со всех сторон послышались нетерпеливые голоса:

— Да, ответьте, если бы короли Прованса победили королей Севера и разрушили их культуру, что бы произошло?

В течение вечера Анжелика заметила, что, хотя реплики Жоффрея были довольно опасны, но все же они носили несколько легкомысленный характер. Теперь же он задумался и совершенно серьезно заявил:

— Быть может, мы стали бы свидетелями примирения Любви и Церкви!

— Приятно слышать! — сказал Виль д'Аврэй.

— Вы богохульствуете! Наше королевство погрязло бы в ереси, как это случилось с англичанами...

Анжелика не могла больше слушать разбушевавшихся спорщиков и решила удалиться в соседний будуар. Она почувствовала облегчение, оставшись одна. К счастью, подумала она, ни г-на де Барданя, ни герцога Вивонна здесь нет. Анжелика была слишком взволнована и разгневана не только неосторожными высказываниями Жоффрея в защиту своей мятежной провинции, но и отношением к нему аквитанских дам. Возможно, этот легкомысленный гасконец уже давно обманывал ее? При мысли об изящной Беранжер-Эме в объятиях своего мужа она ощутила холодную дрожь в затылке. Как он улыбался ей! Анжелика не могла перенести того, что Жоффрей раздаривал свои улыбки другим женщинам.

Между тем в гостиной продолжалась баталия. С дрожью в голосе, Виль д'Аврэй кричал:

— Чего же они добились, эти веселые провансальцы со своим девизом: Delectus coitus?

— Маркие ведите себя приличнее, ведь сейчас Великий Пост, — урезонил его хозяин дома.

***

Разъезд по домам был бурным. Лишь небольшая полоска земли отделяла порог особняка первого консула от небольшой расщелины в горе, и частенько один или два гостя, будучи навеселе, попадали в нее. Таким образом, перспектива возвращаться одному после бурно проведенного вечера была довольно рискованной.

Луна освещала беспорядочное скопление карет, кучеров и лакеев, раздавались возгласы, смех и ржание лошадей. Весь этот гвалт, не совсем уместный во время Великого Поста, послужил поводом г-ну де Берньеру, живущему по соседству, написать на следующий день рапорт епископу.

Подхваченная людским потоком, Анжелика внезапно оказалась перед графом де Пейраком. Гнев ее еще не утих, и она довольно резко бросила ему:

— Вы сумасшедший! Своими высказываниями вы добьетесь того, что Церковь отречется от вас! Разве вам не достаточно того, что Король не на вашей стороне?

Он удивленно поднял брови, казалось, что ее гнев забавляет его, но его колючая улыбка говорила о другом.

— А вы стали агентом короля, госпожа Плесси-Бельер, вы тоже против мятежных южан?

Она не смогла вымолвить ни слова.

***

Анжелика попросила Виль д'Аврэя проводить ее до дома. Она решила дождаться Жоффрея и поговорить с ним, объясниться. На этот раз не понадобятся ни ее ласка, ни нежные слова. Как он посмеялся над ней! Но он не пришел. Анжелика всю ночь не сомкнула глаз. Ей трудно было поверить, что ее муж говорил с ней в

таком тоне. У нее до сих пор стояло в ушах его язвительное: госпожа Плесси-Бельер.

Теперь она уже не сомневалась в том, что он знает все о герцоге де Вивонне, о его присутствии в Квебеке. Она ничего не говорила ему, рискуя своей жизнью, но он узнал сам, что она встретила здесь тех, кто был рядом с ней в той, другой жизни, когда она царила при дворе. Возможно, это пробудило в нем горькое чувство ревности...

Утром она все еще думала о примирении поспешила в особняк Монтиньи. Там она узнала, что г-н де Пейрак уехал из Квебека инспектировать форты на Красном Мысе.

Ситуация показалась ей катастрофической, хотя для этого не было никакого повода. Она побежала в монастырь иезуитов.

Г-жа де Пейрак часто приходила на исповедь к отцу Мобежу, и всегда церемония протекала в соответствии с установившимся ритуалом, который, однако, нельзя было назвать традиционным.

Анжелику провожали в библиотеку, она садилась в кресло с высокой спинкой, а его святейшество устраивался рядом на скромном табурете. Они крестились, отец произносил молитву на латинском языке, а затем начиналась бессвязная беседа. Они говорили о способности передавать мысли на расстоянии и о женьшене, чудодейственном корне, найденном в Азии и обладавшем целебными свойствами. Корень этот произрастал и в Америке, но необходимо было тщательно изучить его свойства, возможно, это всего лишь разновидность настоящего женьшеня. Затем отец Мобеж вставал, просил ее встать на колени и прочесть покаянную молитву и давал ей отпущение грехов.

На этот раз она не знала, с чего начать, какие доводы привести в оправдание своих слез. Наконец она

решилась... Она в опасности. Один человек попытался убить ее, не имея на это никаких причин. В этом ей виделась рука судьбы и происки ее старых врагов, которые не сложили оружия и по-прежнему преследуют ее. Особенно она волнуется за своего мужа, они ведь из разных провинций, и отсюда все зло... Когда она замолчала, последовала долгая пауза, святой отец размышлял, прежде чем высказать свое суждение.

— Женщины, которых постигла участь быть красивыми, представляют для нас некоторую загадку. Их образ жизни отличен от нашего, хотя подчас это трудно объяснить, с одной стороны — он более труден, с другой — более легок. Они избежали того, что мы называем повседневностью, их судьбы во многом своеобразны. Они — посланцы волшебства, очарования и поклонения совершенству, а ведь именно эти чувства храним мы в тайниках нашей души; но и они испытывают подчас жестокое разочарование, когда их чувства забыты, растоптаны, унижены. Очень часто мы видим подобных женщин рядом с принцами или королями, они отдают этим людям, наделенным безграничной властью, всю нежность своего сердца и трогательный хрупкий ум. Опьяненные почестями и лестью, которые лишь слабым отблеском коснулись их самих, эти женщины тонут в бескрайней глупости, их сердца черствеют.

— Если ваши речи обращены ко мне, — сказала Анжелика, удивленная подобным высказыванием, — и если вы и меня считаете одной из тех, кого, по вашим словам, постигла «участь быть красивой», то хочу возразить вам, отец мой, что я всегда боролась за право быть личностью, жить по велению своего сердца и думать по велению своего разума. Но вы должны знать, я счастлива быть красивой, — добавила она, посмотрев на него с вызовом.

— И правильно делаете, — заверил отец Мобеж, — но вы не дослушали меня, мадам... Очень красивые женщины при любых обстоятельствах совершенно уверены в своем обаянии, они считают, что нравятся всем, кому они представлены! И именно в этом их отличие. Согласитесь, гораздо приятнее, когда при вашем появлении вы встречаете радостное оживление, всеобщее очарование, а не холодное равнодушие, отталкивающую антипатию или же пренебрежение вами. Красивые женщины счастливы тем, что могут нравиться, не прилагая к этому никаких усилий. Мир улыбается им. А другие женщины, обладающие не меньшими душевными качествами, вызывают лишь скуку, ведь они некрасивы. Подумайте над этим, мадам, небо щедро одарило вас, и возможно, справедливо иногда... заплатить за ваши бесценные преимущества... — Он помолчал, затем продолжил:

— Теперь, что касается ваших страхов попасть в ловушки ваших врагов, которые своей жестокостью или с помощью магии покушаются на вашу жизнь... Чистое сияние вашей ауры подсказывает мне, что вы их победите. И более того, — в его глазах мелькнула ироническая улыбка, — я склонен пожалеть их, так как они слишком рискуют потерять свою жизнь, если будут упорствовать в своем желании нападать на вас. Я бы не советовал вам спешить и ставить все точки над «и» в вашей ссоре с супругом по интересующему вас вопросу. Как часто бывает в супружеских перепалках, другому приписываешь то, что даже в мыслях у него не было. Я уверен, вы преувеличиваете важность подобных дебатов для господина де Пейрака. Он просто любит бывать в окружении своих друзей, а вы приписываете данным собраниям несуществующие цели. Ему же и в голову не придет, что это могло задеть ваше самолюбие. Поэтому вам лучше открыто поговорить друг с другом, не откладывая.

— Его нет в Квебеке, — в голосе Анжелики послышались плачевные нотки, — он уехал.

— Он вернется... сегодня вечером... или завтра... В такое время года далеко не уедешь... не далее двух лье отсюда...

Отец Мобеж не принял всерьез ее жалобы. Это успокоило ее, и она ушла от него, уверенная в себе.

Глава 58

В тех краях, откуда была родом Анжелика, верили в оборотней и фей, в колдунов и ведьм; сгорбленные тени нечистой силы заманивали людей в болота и дремучие леса. Там не говорили о куртуазной любви, но часто вспоминали Жиля де Реца, отдавшего душу Дьяволу и подвергавшего пыткам сотни маленьких мальчиков. Знания Анжелики в области литературы, искусства или наук были неглубоки, но в этом ей некого было винить, кроме самой, себя, своей лени. Да, она всего лишь чужестранка, уроженка Пуату. Но... Она любила его. Она любила его больше всего на свете! Он должен это знать, он должен верить ей! Даже если она из Пуату.

Жоффрей де Пейрак хохотал взахлеб. День близился к полудню, и оба они находились в замке Монтиньи, в кабинете Жоффрея. Ему стоило большого труда снова стать серьезным, и теперь он хотел знать, откуда у нее в голове столь бредовые мысли.

Она рассказала ему о собраниях, на которые он приглашал своих соотечественников, а ее никогда. Эти коллоквиумы внушали ей страх. Наблюдая за ними, выслушивая колкости и обвинения, которыми они обменивались, она всякий раз вспоминала диспуты в Тулузе и как бы заново переживала последствия этих опасных бесед. Но сегодня ей показалось, что он забыл опыт, извлеченный из тех далеких тревожных лет.

— Я хочу вас успокоить и попытаюсь свести на нет все ваши тревоги, — заявил он. — Меня так мало волнует господство северян в Аквитании! Мои предки передали мне по наследству определенное отношение к этой проблеме, но я не собираюсь брать на себя миссию мстителя. И я даже не буду спорить, хорошо это или плохо. Человечество давно играет в эту игру, тасует

карты и снова раздает их... И все это называется История... Она довольно норовистая лошадка, и не каждому дано оседлать ее и нестись по тем дорогам, которые она выбирает.

Мне же доставляет огромное удовольствие здесь, в Квебеке, встречаться со своими единомышленниками, разделяющими мои литературные и поэтические настроения. Если бы я только мог подумать, что вы с радостью приняли бы мое приглашение, любовь моя! Но мне показалось, что ваша жизнь в Квебеке довольно насыщена развлечениями, я был рад тому, что вы чувствуете себя свободной. Вы как ребенок, которому разрешили делать все, что он хочет. Дорогая моя, я люблю вас больше жизни, я счастлив тем, что вижу ваше счастливое лицо, чувствую, как вы понемногу освобождаетесь от тяжкого груза переживаний, обретаете свою прежнюю жизнерадостность, становитесь самой собой. Я испытываю ревностное стремление лучше узнать вас, постичь ваши тайны. Счастливая женщина раскрывается лучше, чем та, которая по той или иной причине чувствует себя пленницей. Часто я ловлю себя на мысли, что бессмысленно трачу свое время вдали от вас. Блаженны те минуты, когда я пробираюсь в ваш маленький домик, опьяненный одной только мыслью, что увижу вас; на всем, что вас окружает, и на всех, кого вы допускаете в ваш интимный мир, лежит отпечаток вашего присутствия. Я изучаю вас, как книгу, каждый день перелистывая страницы. Когда мы рядом, я чувствую, что вы принадлежите только мне, мы отгорожены от суетного мира и бремени наших забот. Даже наш эгоизм не повредит нам. Два любовника, благоразумно относящиеся к совместной жизни, — в этом, возможно, и заключен секрет счастья.

— Да, но при мысли, что все это может быть разрушено в один миг, меня кидает в дрожь, — сказала

Анжелика.

— Я появляюсь в городе и обнаруживаю, что вы подвергаетесь опасности, либо, как вы это утверждаете, я представляю себе, что вы ей подвергаетесь. Испытания, выпавшие на нашу долю, и события, их спровоцировавшие, еще слишком живы в моей памяти. Что бы вы ни говорили, я еще болен ими, и я никогда не забуду, что я был первым вельможей Аквитании, когда французский король захотел меня уничтожить...

Обняв ее, он спокойно беседовал с ней. Как и в тот вечер у г-на Обур де Лонгшона, он шутками отвечал на серьезные вещи, которые в действительности и не были серьезными. Это всего лишь забавные интеллектуальные поединки, дабы избежать лености ума на протяжении нескончаемой зимы. Она должна была заметить, что это только словесная чехарда, которая привела к тому, что в конце вечера галликанцы защищали Папу, янсенисты — иезуитов, циники — добродетель, а г-жа де Плесси-Бельер, мятежница из Пуату, перешла на сторону короля.

— Действительно, — сказала она, — но это еще раз напоминает нам, что годы проходят, мятежи рассеиваются, как дым, а раны заживают. Жизнь заставляет нас бросить взгляд на окружающий мир, и мы замечаем, что он не стоит на месте, он так переменчив... Мы думали, что неизменна наша душа, наши чувства, но, увы, идеи, которыми мы жили, кажутся нам легкомысленными, а дорогие нам существа умерли, и их уже не воскресить.

— Дорогая, уж не думаете ли вы, что я это отрицаю, что я обманываюсь в своих взглядах на происходящее? — Он обнял ее за талию и нежно притянул к себе.

— Я все прекрасно понимаю... Времена трубадуров прошли... И нет больше сказочных фей...

Его пылкие темные глаза утопали в ее изумрудно-зеленых. Она тихо произнесла:

— Но есть мы...

Как это было прекрасно, любить друг друга при свете зимнего солнца, жемчужно-розового, временами золотистого, проникавшего в комнату через ромбовидные окна. Свет вплетался в косы балдахина на их кровати. Его тело на фоне белого покрывала казалось темным, и она вдруг почувствовала себя светлой, гладкой и невесомой в его объятиях. Она любила эту тихую комнату и могла бы каждый день проводить здесь, вместе с ним. Ей пришла в голову мысль поселиться в замке Монтиньи... но она быстро отогнала ее. Жоффрей прав. Лучше жить отдельно, чувствовать себя свободными. Они и так могут встречаться хоть каждый день, разговаривать, любить друг друга, строить планы на будущее и обсуждать прошедшее. Жоффрею нравился ее маленький домик, где она всегда принадлежала только ему, вдали от людских взглядов. А она любила приходить к нему иногда... как к любовнику.

«Я никогда не была так счастлива, как в его объятиях», — признавалась она себе.

Тем не менее ей показалось, что после этой аквитанской ссоры что-то переменилось в их отношениях, а ослепительное полуденное сияние высветило в тайниках ее души то, что она называла «пресыщением». Первый раз в жизни она почувствовала это сегодня, когда они ласкали друг друга... пресыщение... Да было ли оно? Нет... Скорее это был лишь намек на подобное чувство, едва уловимый...

Она снова и снова спрашивала себя, не ошиблась ли она, искала мотивы, размышляла... Эти несколько часов любви окутали ее сладострастным туманом, она затерялась в нем, и все же в какой-то момент она вспомнила этот миг... Мало-помалу он обретал форму и

смысл, и вдруг она прозрела. Это произошло так неожиданно, и в то же время иначе не могло быть. Как будто опустошительная волна вынесла ее из океана чувств, выбросила ее тело на землю и широко раскрыла ей глаза, и она увидела себя, она устремила на себя свой взор, она погружалась в этот бездонный взор, в черную воду и красный огонь... И там, в бездне, она увидела незнакомца, он смотрел на нее, она не знала его имени, но чувствовала, что он самый близкий ей человек...

Теперь, вспоминая об этом, она призналась себе, что в тот миг испытала священный ужас. Она услышала свой голос, неузнаваемый, удивленный:

— Ты! Ты!

Может быть, именно в этот момент она почувствовала пресыщение, хотя это вовсе не было пресыщением. Она потеряла сознание, но пришла в себя, как после полета с небесного светила на землю. И все же она убеждала себя, что произошло нечто необычное. Ее сердце билось от сожаления и разочарования, что она не может понять себя. Но к этому беспокойству не примешивалось чувство страха, боязнь потерять его или разонравиться ему. Она сознавала, что сейчас она особенно красива. И ее зеркало подтверждало это. Она как бы излучала свет, и отблески его она замечала в восхищенных глазах тех, кто окружал ее. Она провела пальцем по ресницам, по линии своих губ.

Нет, она нисколько не жалела о том, что ее постигла участь быть красивой. Отец Мобеж совершенно справедливо ей напомнил об этом. Благодаря этому чудесному дару она никогда не сомневалась в себе, а ведь так много женщин страдают от равнодушных или пренебрежительных взглядов.

Вся услада ее жизни заключалась в том, что она обладает самым действенным оружием в борьбе за

любовь Жоффрея и что в тот день, когда она вновь предстанет при дворе, она без боязни сможет покорить своей внешностью всех алчных и завистливых воздыхателей; да и государь вряд ли будет разочарован, за что она благодарила небо.

Сознание собственной красоты наполнило ее счастьем. Ее жизнь не была спокойной, но она не променяла бы ее на судьбу Сабины де Кастель-Моржа, никогда не знавшей удовольствий любви, ее безумных порывов...

Размышляя о Сабине, она почувствовала запоздалые угрызения совести, вспомнив все свои слова, брошенные ей в лицо и так больно ранившие ее.

Глава 59

В душе г-жи де Кастель-Моржа царило опустошение, причиной которому была последняя ссора Сабины и Анжелики на вечере у Лонгшона. Состояние, в котором она сейчас находилась, было куда более худшим, чем вся ее прежняя жизнь, полная разочарований. Судьбе было угодно, чтобы эти двое снова встали на ее пути. Они появились, чтобы сорвать с нее маску и выставить напоказ ее прокаженное лицо. Это был конец.

Вот почему все избегали ее, никто не проявлял к ней симпатии, а в ответ на свое дружеское расположение она встречала лишь холодное равнодушие.

Анжелика была права, когда утверждала, что она больна любовью, зародившейся в ней в юности. Эта разбитая любовь поселилась в ее сердце и обрекла ее на вечные муки. И она же сама убила любовь, убила тем, что избегала ее, отталкивала, стыдилась ее. Она надела на любовь маску греха и обманывала себя, свою невыразимую тоску темными ночами, она ненавидела свои желания, возвела в добродетель свое бесстрастное тело. Она сама виновата во всем. Ей казалось, что судьба несправедлива к ней, потому что другая владела предметом ее чаяний и надежд, но на самом деле она своими руками сделала из себя калеку.

А сейчас любовь проснулась в ней, пробудилась с приходом того, кто неотступно преследовал ее в снах и мечтах; так медленно занимается заря, а потом пронзает солнечными лучами горизонт. Ее кумир, которого она считала исчезнувшим навсегда, восстал из пепла, и она увидела его, узнала его. Его появление в реальной жизни было так непохоже на ее сны, которые

она до сих пор приукрашивала и населяла химерами. Она очутилась под игом своей страсти к этому господину, страсти сумасшедшей и совершенно напрасной. Сабина понимала, что теперь уже слишком поздно предаваться этой страсти, и дело не только в посеребренных висках, знаке пережитых испытаний, и не в том, что годы не прошли бесследно, наложив отпечаток на ее душу и тело. Она сама уродовала себя и отдаляла от себя все знаки внимания. Она окружила себя неприступной крепостной стеной. Теперь, когда он был рядом, в ней самой не было жизни, она стала призраком. А что он, Жоффрей де Пейрак, будет делать с призраком, он, такой пылкий, страстный, алчный до жизни? Ее крепостная стена надежно защищала ее. Да и он не вспоминал о ней, если верить словам Анжелики. Он и раньше не замечал ее, хотя она была красива, очень красива. Нет, Анжелика солгала. Он не мог не заметить ее, он так чутко реагирует на появление очаровательных женщин. А может быть, уже тогда она носила в себе этот порок, это свойство отталкивать любовь, сохраняя лишь дружеские отношения? Какая пытка! Именно теперь, когда беспокойными ночами ее изголодавшееся тело металось на постели, именно теперь было слишком поздно... Только с ним... Только с ним любовь могла бы быть такой прекрасной... Он мог бы обнимать ее. Но он принадлежал Анжелике. Чувствовалось, что другие женщины мало для него значат, когда она рядом. Сколько раз, провожая их взглядом, когда они вместе уходили с приема, ее сердце разрывалось от боли: «Сегодня ночью они будут любить друг друга».

Часто она смотрелась в зеркало, касалась пальцами лица, как бы желая почувствовать нежность своей кожи, проводила ими по морщинкам в уголках глаз.

Напрасно Анжелика говорила ей, что она красива, что в ней есть очарование и статность, она-то знала,

что уже поздно. Она никогда не вылечится от своей любви, никогда не освободится от молчаливого разочарования.

Она сделала так, что мужчины не переносят ее. Она перешла в категорию женщин, которых они избегают, как чумы. И никакое чудо не способно разрушить или подорвать мощную крепость, сооруженную ее усилиями, и каждый день она добавляла по кирпичику в стены на глазах у всех. Ее жесты, слова и поступки были подчинены этой крепости и не выходили за ее пределы.

Анжелика! Вот ей выпала счастливая судьба. Белокурая, она была похожа на фею. А Сабина уже вырывала первые серебряные нити из своей темной шевелюры, некогда черной как смоль. Ее не покидала надежда на дружеское расположение графа. Посещая собрания гасконцев в замке Монтиньи, она почувствовала, что приобщилась к атмосфере теплоты и взаимопонимания, созданной графом де Пейраком. Иногда он разговаривал с ней, и в этих беседах она не чувствовала затруднений. В его взгляде она читала одобрение своим высказываниям, и жизнь вновь обретала форму и краски...

Жоффрей де Пейрак и Анжелика нарушили и без того непрочное равновесие ее жизни. Даже у этих неблагодарных индейцев Анжелика пользовалась успехом, возможно, благодаря ее бесценному дару очаровывать, не прилагая к этому никаких усилий. Сабина таким даром не обладала. Каким образом Анжелика добилась привязанности этих дикарей? Напрасно Сабина снова и снова задавала себе этот вопрос. Ее очарование не поддавалось анализу, с этим нужно было просто смириться и преклоняться перед ним. Было время, когда Сабина занималась с Пиксареттом катехизисом и готовила его к крещению. Сегодня он не замечал ее, он стал защитником и

телохранителем этой интриганки, при появлении которой все сердца тянулись к ней. Появление Сабины приводило всех в отчаяние. Либо ее затмевали другие. Тем не менее она полюбила эту северную страну, полюбила ее достоинства и недостатки, хотя чувствовала себя здесь иностранкой. Те несколько друзей, еще недавно общавшихся с ней, г-жа де Меркувиль, г-н Гобер де ла Меллуаз и другие, воспользовавшись предлогом, повернулись к ней спиной. Прокурор Тардье единственный относился к ней с уважением. Но она быстро поняла, что он просто нуждался в ее пособничестве при реализации своего проекта, он решил снести дома, нагроможденные рядом с фортом. Желая доставить ему удовольствие или попросту отделаться от него, она пожаловалась Фронтенаку на дым и неприятные запахи, поднимавшиеся от подгнивших домиков Нижнего города; губернатор рассердился и ответил ей, что она может вернуться в свой дом, открытый всем ветрам, если замок Сен-Луи кажется ей не совсем комфортабельным.

К ней обращались лишь за услугой или когда хотели переложить на нее неприятную обязанность.

Г-жа Фавро и две жительницы предместья отказались поставить ткацкие станки на своих чердаках. Так как никто не знал, куда их пристроить, то попросили г-жу де Кастель-Моржа поместить их в маленькой комнатке в замке Сен-Луи, в которой она хотела сделать молельню. Никто не поблагодарил ее за это. Сабина больше не существовала. Даже ее сын не простил ей выстрела по флоту де Пейрака, он стыдился ее. Он ускользал от нее. И в этом была и их вина, особенно ее, Анжелики. Она дошла до края... Ее неотступно преследовала мысль о самоубийстве. Может быть, броситься со скалы, там, где первооткрыватель Картье поставил во время своего путешествия

гигантский крест с изображением герба короля Франции? Она представила, как она стоит у подножия этого креста, собирая остатки мужества перед тем, как броситься в бездну. Трудность была в том, чтобы найти лучшее место, так как, падая, все равно оказываешься на крышах Нижнего города.

Из канцелярии суда она напорется на стволы деревьев, окружавших лагерь индейцев, с террасы замка Сен-Луи ее тело бросится на отлогие склоны гор и, чего доброго, пробьет крыши лачуг знаменитого квартала развалюх.

Мрачные видения довели ее до изнеможения, Сабина в мыслях уже была на своих похоронах, на кладбище Кот де ла Монтань. Все говорили о ее неловкости при жизни и при выборе смерти. Священник, возможно, откажет ей в ритуале христианского погребения, и все вздохнут, что даже мертвая она создает столько же затруднений, как и при жизни. С каждым днем темные круги под глазами все ярче выделялись на ее бледном лице.

Ей не удалось постичь любви, она никогда не знала любви... Однажды, когда она в одиночестве сидела у себя в комнате, она разделась и подошла к зеркалу. Она была поражена округлостью бедер, плавным изгибом талии, пышной грудью. Она покраснела, заметив небольшую повязку из белого полотна, которую она постоянно носила. На ее взгляд, соски ее грудей были слишком широкими и темными, но разве не это привлекает похотливых мужчин? Она поняла, что обманывалась.

«Я красива, — думала она, — однако ни один мужчина не говорил мне этого...»

Это была ложь.

Мужчины ухаживали за ней и говорили ей об этом, восхищались ее красотой. Но она хотела слышать

подобные признания только от одного человека, из одних уст.

Не в силах более сопротивляться этому дурману, она восприняла бурную страсть де Кастель-Моржа скорее как оскорбление, нежели честь; он любил женщин, но его поспешные ухаживания она расценила как похоть. Своими отказами разделить супружеское ложе она вынудила его смиряться с подобным положением, хотя теперь, разглядывая себя в зеркале, она поняла, что этот распутник согласился с ней не без сожаления. Слезы выступили у нее на глазах. «Ненужное тело! Тело, которым пренебрегли!» — в ее словах была жалость к самой себе.

«Один лишь раз... — подумала она, — я хочу узнать любовь хотя бы раз в жизни! Прежде, чем я умру! Прежде, чем состарюсь!» И она сорвала повязку со своей шеи.

Глава 60

В начале марта ударили сильные морозы. «Нужно обладать обжигающей кровью, бронзовым телом и стеклянными глазами, чтобы сопротивляться таким холодам, — писала м-зель д'Уредан, — а жестокие правила Великого поста только усугубляют наши страдания».

Посреди ослепительно белого пейзажа Святой Лаврентий под гнетом снежных заносов, изборожденный следами от саней, казалось, забыл, что когда-то он был рекой.

Нет, зима не собиралась уходить. Ясные и морозные дни чередовались со снежными бурями, бросавшими вам в лицо колючую и сухую снежную пудру, а северный ветер продувал вас насквозь.

К 12 марта, середине Великого поста, было решено поставить небольшую пьесу, подготовка проходила в лихорадочном темпе.

Г-жа де Кастель-Моржа довольно агрессивно высказалась по поводу выбора пьесы. «Тартюф», предложенный просвещенными умами, был отклонен. Всем известно, что король поддерживал Мольера, но и он вынужден был отступить перед набожной кликой. Ни к чему в Квебеке сеять смуту. Казалось, что г-же де Кастель-Моржа не нравится ни одно из предложенных произведений. Она считала, что отец д'Оржеваль никогда не одобрит их.

И зачем она заговорила об отце д'Оржевале? Всем и так достаточно испытаний Великого поста.

Она предложила «Кастора и Поллюкса», пьесу малоизвестного автора. Эту пьесу ей рекомендовал секретарь г-на де Фронтенака, г-н Берино, который сам написал несколько незатейливых литературных опусов.

Собравшиеся у интенданта участники представления обсуждали театральные пристрастия г-на Берино и решили сделать его постановщиком, затем перешли к требованиям г-жи де Кастель-Моржа, которая, к счастью, отсутствовала.

«Кастор и Поллюкс»?

— А не попросить ли нам г-на Берино написать пьеску в три акта, с одним или двумя танцами, — предложила г-жа ле Башуа.

— И назвать эту пьесу «Сабина и Себастьян», — сказал интендант.

Его немилосердная шутка спровоцировала такое безграничное веселье, которое можно было объяснить лишь тем, что у людей сдали нервы. День представления приближался, а репетиции еще не начинали. К этому добавлялся еще жуткий холод и пустые желудки. Опоздавшие г-н и г-жа Голлен обнаружили полную гостиную людей, корчившихся от смеха, по щекам текли слезы, а некоторые даже задыхались.

— О, если бы вы слышали, — воскликнула Анжелика, — господин интендант уморит нас со смеху...

Это высказывание вызвало новый прилив безудержного хохота, так как ранее интендант никогда не удостаивался подобной похвалы, а ошеломленные лица Голленов лишь подзадорили присутствующих. Наконец, всхлипывая и икая, им рассказали шутку интенданта, и остаток вечера все хохотали до упаду.

***

Нельзя сказать, что Анжелику не мучили угрызения совести. Вот уже несколько дней она была недовольна собой, когда вспоминала Сабину де Кастель-Моржа.

— Сабина меня беспокоит, — сказала ей при встрече г-жа де Меркувиль. — Мне казалось, что ей стало лучше, она даже похорошела, и вдруг! Она опять во власти своего дурного настроения, у нее ужасное лицо,

я уверена, что она не спит по ночам. Не могли бы вы посоветовать ей какое-либо лекарственное средство?

— Увы, нет! Я меньше, чем кто-либо, могу ей помочь.

— Я хочу послать за Гильометой де Монсарра-Беар, на остров Орлеан. Говорят, она прекрасно разбирается в травах.

— Только, ради Бога, не сталкивайте этих двух женщин. Все закончится тем, что они обе сойдут с ума. Не лучше ли мне самой повидать Гильомету?

— Прекрасно! Если вы ее увидите, передайте ей эту повязку, которую Сабина мне вчера бросила в лицо. Говорят, что эти целители и колдуны используют в своих магических таинствах какие-либо предметы, до которых дотрагивался больной человек.

На следующий день Анжелика отправилась в «Корабль Франции», и вдруг ее окликнула Элеонора де Сен-Дамьен. Очень красивая и соблазнительная женщина, она сидела в своих санях, остановившихся около старого магазина.

— Гильомета передает вам привет и ждет вас, — сказала она Анжелике.

— Вы возвращаетесь на остров? — внезапная мысль осенила Анжелику.

— Я рассчитывала провести здесь весь день у моего сына, майора Фабриса, — ответила она, — но если вы решились сопровождать меня, то я уезжаю через час. Мне нужно сделать кое-какие покупки, а вечером мы вместе вернемся в Квебек.

В большом зале трактира Анжелика нацарапала записку, сидя на углу стола. На этот раз она предупреждала Жоффрея, что ее не будет в Квебеке целый день. Поездка не была дальней, но оставляла пьянящее чувство свободы и бескрайнего простора снежной долины. Более того, Анжелика была уверена в том, что прекрасная Элеонора не посетит замок

Монтиньи в ее отсутствие, чтобы поприветствовать своего «господина».

Замок Гильометы производил впечатление густонаселенного жилища. Больные, индейцы, соседи, дети без конца входили и выходили из него.

Она принимала своих посетителей не как целительница, но как госпожа, сидя во главе стола в кресле с высокой резной спинкой, беседуя с ними и улыбаясь им. Иногда она уводила их в свою аптеку, чтобы раздавать им лечебные травы и советы.

Она тотчас же увлекла Анжелику за собой в другую комнату, прекрасно обставленную гостиную.

— Оставайся до завтра или же обещай мне снова приехать. Нам о многом нужно поговорить.

Анжелика поведала ей, что в последние дни она была в опасности, на «Сахарной голове» ее попытались убить, а Гильомета, несмотря на свои обещания, не предупредила ее.

— Разве ты умерла? — осведомилась колдунья. — Нет! Так на что же ты жалуешься? Ты самая сильная, и ты защищена…

Часы пролетели быстро и, когда подошло время возвращаться в Квебек, Анжелика решила остаться на ночь из-за быстро приближающейся бури.

Гильомета прибыла в Канаду тридцать лет назад в сопровождении человека, за которого она вышла замуж еще в Европе и которого осудили вскоре после их приезда. Ее жизнь была неотделима от жизни острова. Когда она построила свою первую хижину, это был пустынный остров, который Картье называл островом Бахуса за его прекрасные вина. Постепенно остров заселялся.

Одиннадцать лет назад Гильомете удалось избежать преступной бойни, развернутой ирокезами, в момент нападения она с несколькими маленькими детьми собирала тимьян на склонах гор. Впоследствии

она их усыновила, так как родители их погибли, а также ее второй муж — Жиль де Монсарра-Беар. Жизнь колдуньи на острове показалась Анжелике более размеренной и мудрой, нежели об этом рассказывали в Квебеке. Она долго удерживала при себе своих любовников, а они покидали ее не без сожаления. Она рассказала, что учила их в любви таким вещам, которые были неведомы лесным дикаркам.

Ее нынешний любовник, молодой и сильный мечтатель, занимался работами в поместье со знанием дела. Он выполнял простые обязанности, кторые он любил: ухаживал за животными, косил сено, разжигал костер. Он был связан с женщиной, которую любил и которая была добра к нему, он создал свой собственный рай и не интересовался, как живут другие. Он входил, выходил, садился за стол, где его ждала тарелка с изысканной пищей, и все это под нежным взглядом Гильометы, он был похож на счастливого, избалованного ребенка, который, однако, отдавал себе отчет в своем положении. Девочка-подросток со светлыми, почти белыми волосами и пустым взглядом старательно прислуживала у стола. После трапезы она села у ног госпожи и положила голову ей на колени.

— Невинное дитя, — сказала Гильомета, гладя ее волосы, — она больна эпилепсией.

Девочка была из церковного прихода, расположенного на южном берегу, там образовалась колония крестьян, выходцев из восточных и северных районов Франции. Для этих темных людей болезнь девочки была проявлением высшего зла, как проклятие богов. Девочку обвинили в том, что она заколдовала новый урожай льна и он порыжел, из Квебека должен был приехать священник, чтобы изгнать дьявола.

В почве было много соли, поэтому лен и порыжел. В верхнем течении этой реки морские воды через подземные каналы насыщают почву, местами она

насквозь пропитана солью. Но эти невежды не смогли до этого додуматься и потащили бесноватую девочку в церковь. Гильомета вырвала бедняжку из их лап. Теперь ребенок живет здесь, на острове, в тиши и покое. Гильомета лечит ее отварами из лечебных трав, настойками шиповника, и сейчас припадки стали гораздо реже.

— Я думаю, это принесло ей больше пользы, чем если бы в нее втыкали иголки по всему телу, «изгоняя» дьявола.

Этот рассказ напомнил Анжелике о Сабине де Кастель-Моржа, ради которой она я приехала. Она постаралась нарисовать довольно точный портрет этой дамы из высшего общества, которая казалась в добром здравии, но ее мучил душевный разлад. Ее близкие и люди, дружески расположенные к ней, казались ей противниками, добивающимися ее гибели. Анжелика сомневалась, стоит ли говорить о подлинных причинах волнений жены военного наместника Новой Франции, ведь это означало пуститься в длинные объяснения, а она предпочитала довериться нечеловеческим способностям Гильометы распознать истину.

Слушая Анжелику, Гильомета лишь изредка бросала на нее взгляд, в котором можно было прочесть то, о чем не говорилось вслух, затем она привычным жестом надела свои очки, взяла повязку г-жи де Кастель-Моржа своими тонкими пальцами, потрогала ее и поднесла к носу.

— ..Красивая женщина, пылкая и благородная, — прошептала она.

— Да, это так, — согласилась Анжелика, стараясь сохранить душевное равновесие, — и именно поэтому ее друзья так волнуются... Они опасаются, что она дойдет до крайностей, до последней черты... Очень часто, когда сходят снега, вместе с ними уходят и люди, пораженные чрезмерным напряжением или же крайне

подавленные... Это не может так продолжаться... Ее необходимо спасти...

Закончив рассказ, Анжелика заметила, что колдунья уже несколько минут внимательно смотрит на нее. Неясное выражение ее лица породило в ее душе необъяснимую тревогу. Неужели Сабина де Кастель-Моржа обречена?

Колдунья отвела взгляд и произнесла загадочным тоном:

— Не волнуйся! Она будет спасена!..

Глава 61

Судьба распорядилась так, что шутка Жана Карлона о «Сабине и Себастьяне» быстро достигла ушей г-жи де Кастель-Моржа, но ей передали, что исходила она из уст Анжелики; новость эта, как яд, проникла в душу Сабины и причинила ей нестерпимую боль.

Ослепнув от ярости, она схватила свое пальто и бросилась из дома.

Она добежала до двери, охраняемой двумя атлантами, поддерживающими глобус, и начала стучать в нее кулаками.

— Пройдите через двор, — крикнула ей Сюзанна из окна первого этажа, на подоконнике которого она проветривала соломенные тюфяки.

Сабина де Кастель-Моржа, спотыкаясь, поднялась по лестнице, огибавшей дом, чуть было не упала посреди мусора на заднем дворе. Сюзанна проводила ее в большой зал и объяснила, что они никогда не пользуются дверью, выходящей на улицу, лишь иногда г-жа де Пейр.ак утром выходит на ее порог и смотрит на горизонт.

— Где она? — воскликнула растерянная посетительница.

— Она уехала.

— Куда еще?

— На остров Орлеан, к колдунье.

— Она сама колдунья, — выкрикнула Сабина и бросилась вон.

Она бродила по городу, похожая на грозную черную птицу, от ее беспорядочных жестов полы пальто разлетались в разные стороны, ее бессмысленное блуждание по улицам напоминало танец, и это не

замедлила занести в свой дневник м-ль д'Уредан, наблюдавшая за ней из своего окна.

Наконец Сабина пошла по тропинке, ведущей мимо вязовой аллеи к замку Монтиньи. Она часто приходила на эти собрания гасконцев, из-за которых на нее сердилась Анжелика, там ее успокаивала звучная напевность родного языка, старинные поэмы, которые так любил рассказывать г-н де Пейрак... Она вошла, бегом поднялась по лестнице, прошла по коридору второго этажа и открыла дверь.

Увидев ее на пороге своей комнаты, Жоффрей де Пейрак подумал, что у нее трагический вид вдовы, она была смертельно бледной и одета в темное. Стоя перед открытым окном, он устанавливал на треножник подзорную трубу. Сабина полностью потеряла над собой контроль. — У вашей Анжелики столько злобы, что в это трудно поверить! — бросила она. — Если бы вы только знали, как она со мной обращается!

Дрожащим голосом она поведала ему об инциденте, протестуя против оскорблений и травли, предметом которой она стала, и все это по вине женщины, которая считает, что ей все позволено, потому что она красива, потому что все мужчины преклоняются перед ней, а она не прилагает никаких усилий, чтобы понравиться им, и она считает себя снисходительной, хотя она...

Она повторила шутку, благодаря которой она стала посмешищем всего города, это бросило тень на ее доброе имя и на имя Себастьяна д'Оржеваля.

Граф слушал ее, слегка нахмурив брови, ее сбивчивый рассказ требовал от него неослабного внимания. В мыслях Сабины царил беспорядок, она уже не сдерживала свой голос. Он закрыл дверь, которую она оставила распахнутой, потом улыбнулся, что еще больше разъярило посетительницу.

— Ах, так вас это забавляет! — воскликнула она. — Ее злоба мало для вас значит!

— Я считаю, что ей это больше к лицу, нежели роль жертвы. Я люблю наблюдать за тем, как ее маленькие белые зубки вонзаются в тех, кто завидует ей и стремится нанести ей вред.

Острый удар пронзил сердце Сабины де Кастель-Моржа, и последняя ниточка, на которой держалась ее жизнь, оборвалась.

— Вы любите только ее! — Она испустила звуки, больше похожие на предсмертные хрипы. — Только ее! А я… Со мной все кончено.

В каком-то безнадежном пароксизме она устремилась к открытому окну и бросилась бы вниз на мостовую, если бы не две сильные руки, обхватившие ее за талию и удержавшие ее.

Она с криками отбивалась, она хотела ускользнуть из его объятий, разбить голову о стену. Волосы рассыпались у нее по плечам. Сквозь прядки, упавшие на глаза, она увидела, что прибежали какие-то люди и с осуждением смотрят на нее, и это парализовало ее, страшная мысль, что она, Сабина де Кастель-Моржа, является героиней такого низкопробного спектакля, при свидетелях. Но затем она поняла, что увидела лишь их собственные силуэты, отраженные в большом зеркале, стоящем у стены.

Лишь теперь она поняла, с какой силой он сжимал ее в объятиях, чтобы удержать. От его мужественных решительных рук исходило необычайное тепло. Она дышала с трудом.

— Какая муха вас укусила? — спросил он, увидев, что она немного успокоилась.

— Дайте мне умереть!

— Я не могу этого сделать. Не хватало еще, чтобы пошли разговоры, что граф де Пейрак выбросил из окна г-жу де Кастель-Моржа, не простив ей того, что она стреляла по его кораблям!

Сабине и в голову не приходило, что ее безумный поступок может быть расценен подобным образом. Ее возбуждение спало, и она почувствовала горечь разочарований... Да, он имел все основания упрекать ее в том, что она причиняет ему одни неприятности.

— Простите меня, — пробормотала она.

— Я вас прощаю. Но при условии, что вы мне поведаете истинные причины вашего неслыханного поведения.

Опустошенная, она застыла, не в силах произнести ни слова. Наконец она прошептала:

— Я вам неприятна.

Его лицо смягчилось, и он улыбнулся, глядя на нее в зеркало. Измученное выражение ее лица и рассыпавшиеся волосы выставляли напоказ то, что пряталось в глубине ее одеревенелой души: красивая женщина, сбившаяся с пути.

— Почему это вы мне неприятны, прекрасная тулузка?

У Сабины не было больше сил, чтобы бороться.

— Я безобразна...

— Да нет же. Вы очень красивая женщина.

— Однако вчера в кафе вы даже не обратили на меня внимание.

— Возможно, вы были менее красивы!

— Вы действительно не вспоминаете обо мне?

Он покачал головой и мило улыбнулся, желая этой улыбкой смягчить ее разочарование.

В ярости она кусала себе губы, слезы потоком лились из ее глаз, и она не могла их сдержать.

— Как я глупа! На протяжении долгих лет я представляла себе, что вы думаете обо мне... Я жила воспоминаниями.

— Все женщины — мечтательницы, — сказал он. — В этом их самый малый недостаток. Не издевайтесь так над своими красивыми губами.

В его голосе послышались новые интонации. Она была взволнована, перехватив его взгляд в зеркале.

— К чему говорить о прошлом, ведь сейчас я вижу вас.

— Нет, — воскликнула она в отчаянии. — Сейчас уже слишком поздно. Я перестала существовать. Мое тело перестало существовать.

Он расхохотался.

— Позвольте, мадам, как человеку со вкусом, поспорить со столь нелепым утверждением. Мне трудно поверить вам, ведь я держу вас в объятиях. Я вижу огромные черные глаза, волосы испанской кобылицы, нежную талию, красивую грудь.

Свою речь он сопровождал смелыми жестами, и она ослабела.

— О чем бы я еще хотел сказать, мадам, чего вы, по вашим утверждениям, лишены? Вы говорите, у вас больше нет тела? Я бы хотел убедиться в этом...

Она боролась изо всех сил, чтобы не поддаться искушению.

— Вы боитесь любви, мадам?

— Да, я боюсь ее и ненавижу ее, — ответила она, задыхаясь.

Настоящее пыталось украсть у нее прошлое, которым она прикрывалась, как блестящей накидкой, и ей не хотелось, чтобы ее отняли. Ей ничего больше не останется. Она снова увидела себя молодой и красивой, в ожидании счастливой жизни и всеобщего восхищения. Она дрожала и боялась разрыдаться снова. Он обнял ее за плечи и, наклонившись, прижался виском к ее виску.

— Сестра моя, землячка, — нежно сказал он, — чем я могу помочь вам?

Она опустила голову, чтобы он не увидел, как напряжено ее лицо, на затылке она почувствовала прикосновение его рукава.

Потом он повернул ее к себе. Он сжал в ладонях ее лицо, запрокинул ей голову и завладел ее губами. Она задохнулась, как от сильного удара, и замерла, не ощущая ничего, кроме его губ, властных и незнакомых. Чтобы восстановить дыхание, она должна была в естественном порыве ответить на его поцелуй, идти навстречу его губам, его языку. Они слились в едином поцелуе. Попав в ловушку, она закрыла глаза, она знала, что именно так мужчина должен целовать женщину. Всю свою жизнь она мечтала о таком поцелуе, поцелуе страсти, всепоглощающем и жестоком: мужчина, который целовал ее сейчас, своим поцелуем превращал ее в женщину, в желанную женщину.

В ее сознании вспышками мелькали мысли, как растревоженные птицы: «Этого не может быть! Это ужасно! Необходимо вырваться из этих гнусных объятий!» Но она не могла ничего поделать. Ее судьба была определена... Она не умрет и не состарится прежде, чем узнает тайну всех женщин, то, что знает Анжелика, что она несет в себе на протяжении всей жизни. Эта тайна делает ее счастливой и заставляет светиться ее кожу, она вся пропитана любовью, все ее жесты, ее одежда. Тайна! Она, как обжигающий напиток, течет по ее венам, по всему телу. «Желанна ли я? Желанна?» — в голове ее стучала одна и та же мысль.

Она вынуждена ответить на свой вопрос, и она ослабела перед надвигавшейся определенностью. Сладострастная боль выворачивала наизнанку ее внутренности, заставляла ее стонать, вызывала приступ тошноты. Она чувствовала на своем теле обжигающую и властную мужскую руку, ее плечи, спина, талия горели от его прикосновений. Его влажная ладонь скользила везде, подчиняла ее себе, и она опять подумала, что всегда ждала именно такой ласки, она хотела, чтобы

так ласкали ее обнаженное тело. Она почувствовала неудержимое желание сбросить с себя одежды, иначе она умрет. Только соприкосновение этой руки с ее кожей успокоит ее, возродит ее, вырвет ее из лап смерти. «Один лишь раз... Один раз в жизни... чтобы знать, что я живая... Живая ли я?»

— Да, конечно, маленькая глупышка! — произнес мужской голос как бы издалека, сквозь завесу тумана.

Она не знала, что говорила вслух. Она стиснула зубы, сдерживая тошноту, отбиравшую у нее все силы. Кровь стучала в висках, губы болели, язык стал твердым, как камень. Страх и желание, как два мощных потока, захватили ее. Когда она поняла, что лежит на кровати, совершенно голая, она испытала благодарность за то чудо, которое мощной волной захлестнуло ее, унося с собой все сомнения. Ловкие руки, ласкавшие ее, не оставляли ей ничего, кроме огромного наслаждения, к которому примешивалось удовольствие одержанной победы. Это случилось! Наконец-то она совершила этот ужасный грех, сладострастный грех! Она шагнула в огонь, разрушила мощную стену, о которую билась долгие годы. И все это произошло так легко, как будто море унесло ее на своих волнах и растворило в себе тяжесть ее тела.

Как все просто! Как будто солнце засияло в ее сердце, душе, во всем теле.

Она была свободна.

Она стала женщиной, настоящей женщиной, чья красота зовет к радостям любви. Невозможно было не поверить в это, она красива и желанна, ведь он любит ее, находит в этом удовольствие, он, обладатель стольких женщин и самой красивой среди них. Она плакала и смеялась, цепляясь руками за что-то твердое и влажное, и понимала, что это его тело, слитое с ней, его мощные плечи, его затылок, его мускулистые руки; увидев совсем близко его лицо, его блестящие

насмешливые глаза, она совсем потеряла голову. Он же внимательно и настойчиво ласкал ее, усиливал ее исступление и свое собственное наслаждение. Он целовал ее набухшие груди, и она почувствовала, что ее тело взорвется от восторга. Он вошел в нее и заполнил ее всю, так, что ей трудно было дышать. Ее тело сотрясалось беспорядочными движениями, как земля сотрясается в конвульсиях от подземных толчков. Это было прекрасно и ужасно одновременно! Теперь она может умирать!

«Господи, благодарю тебя! Благодарю тебя за то, что такой мужчина живет на этой земле!» Замирая, она почувствовала, как ею завладела страсть, она почти закричала. Ослепительный свет заполнил все вокруг, она изогнулась, дрожа, едва не потеряв сознание; ее не покидало ощущение счастья, у которого не было имени, счастья, которого она была лишена. Но теперь она познала его вкус, оно ворвалось в ее жизнь, как праздничный салют, чьи сверкающие огненные букеты вновь и вновь взмывают в небо и падают блестящим дождем на землю. Неудержимая дрожь охватила все ее существо и внезапно с яростью отбросила ее назад. Ее висок наткнулся на лепнину кровати, и она потеряла сознание.

Придя в себя, она почувствовала на своих плечах шелковое покрывало своих волос. Она была наполовину одета и лежала на кровати, в изголовье которой она увидела графа де Пейрака, одетого с ног до головы. На секунду ей показалось, что все ей приснилось, страх охватил ее при мысли, что нечего не произошло между ними. Но наслаждение, разлившееся по ее телу, доказывало ей, что пережитое в объятиях этого мужчины не было сном. Она подняла руку и потрогала рану на виске, она причиняла ей боль.

— Как вы себя чувствуете, моя дорогая? — спросил он. — Я должен был исполнять обязанности брата

милосердия.

Он объяснил ей, что приложил к ране холодный компресс, чтобы остановить кровь, затем дал ей нюхательные соли, чтобы она пришла в себя.

— Вот видите... — грустно сказала она, — я такая неловкая, даже в любви.

Он смеялся и не спускал с нее глаз.

— В вас слишком много страсти, моя дорогая. Вам нужно научиться сдерживать пылких лошадей вашего наслаждения.

— Вы думаете, что я настоящая женщина? — смиренно спросила она.

Он снова расхохотался.

— Слово чести, вы привели мне вес возможные доказательства этого факта.

Она посмотрела на него, потом окинула взором комнату. Сумерки уже прокрались в нее, на мебели отражались отблески заходящего солнца. Пришло время уходить. Он помог ей одеться. Теперь она стояла рядом с ним удивленная, что их тела были слиты друг с другом так недолго. «Слияние кожи, дыхания, его властные руки, никогда больше это не повторится», — сказала она себе.

Но, уходя, она унесет с собой несметное богатство. Целый мир отделял ее от запутавшейся женщины, которая появилась в этой комнате вскоре после полудня. Она обожала этого мужчину. И он спас ее: от нее самой, от безумия, от самоубийства и от падения в собственных глазах. Но он больше не принадлежит ей. И то, что она пережила с ним, никогда не повторится.

— Нужно забыть, — сказала она, сжимая руки. — Вы забудете, не правда ли?

— Ни в коем случае! Забыть это — значит проявить неблагодарность к небесам и к вашему очарованию.

Сабина рассмеялась. Ответ доставил ей удовольствие и пробудил в ней легкость и веселье,

свойственные провансальцам. Он улыбался. Как он улыбался!

Она опустилась перед ним на колени. Она взяла его руки и начала страстно целовать их, прижимая к своим щекам, своим губам.

— Благодарю, благодарю вас! Благодарю вас за то, что вы не похожи на других. У вас пылкое сердце, отзывчивое тело, вы не боитесь греха. Господь вас благословит за это. Я знаю, без вас все для меня было кончено. Вы спасли меня! Благодарю вас за то, что вы есть, за то, что в вас нет страха ни перед чем.

— Мне кажется, мадам, что вы пренебрегаете моим избавлением.

Его это забавляло.

Но она почувствовала его снисходительность и то, что их объединяло: своеобразный сговор, их секрет. Никогда она не забудет. Вставая, она подарила ему благодарный взгляд своих влажных черных глаз. Она никогда не забудет, как он сказал ей сегодня: «Вы очень красивая женщина!»

Не в силах более добавить ни слова, она направилась к двери. Щеколда была задвинута. Когда граф де Пейрак сделал это? Эта деталь доказала ей, что он действительно хотел завладеть ею, сделать ее своей любовницей. Все ее сомнения рассеялись окончательно.

— Мадам!

Сабина обернулась, в ее взгляде был вопрос.

— Не забудьте сходить на исповедь.

— Вы просто дьявол! — воскликнула она, Она открыла дверь и удалилась. В глубине души она смеялась, ведь впереди была целая жизнь и череда счастливых дней.

Не обращая внимания на порывы ветра, Сабина вернулась к себе в замок Сен-Луи, сбросила с себя все

одежды, спрятала свое разгоряченное тело в одеяла и погрузилась в сладострастные мечты.

— Что я наделала? Анжелика мне этого не простит. Неожиданная победа ошеломила и опьянила ее, отбросив все пережитые неудачи. Она восторжествовала над этой ослепительной блондинкой, которая вонзилась в ее жизнь как меч и лишила ее земного рая... «Я была несправедлива! Как я была глупа!» Ее безумная злопамятность крошилась, превращалась в пыль. Лед ее сердца растаял под победными лучами ее триумфа. Правда, у ее триумфа не было будущего, она это знала. Но ей уже было достаточно того, что колдовской круг, в который она себя упрятала, разбился на части...

Ее одолела дремота, но внезапно она пробудилась при мысли, что эти неповторимо прекрасные часы, увы, слишком короткие, были лишь сном, и ничего не произошло, и она снова замурована в холодной могиле, в плену своих демонов. Потом ее тело напомнило ей о себе: легкий жар и сладостная боль, едва уловимый стон жили в ней, шептали ей, что у страсти есть тысяча оттенков и что только от нее самой, от податливости желаниям мужчины зависит рождение страсти. Неважно, какого мужчины, с мукой сказала она себе, ведь о нем она не должна больше думать.

Глава 62

То, что г-жа де Кастель-Моржа выходила из апартаментов графа де Пейрака со словами «Вы просто дьявол!», не осталось незамеченным. Более того, рана на ее виске породила в городе слух, что на этот раз граф дал отпор несносной бой-бабе и ударил ее. Новость приобрела такой размах, что даже приближающаяся буря не могла остановить ее, она быстро достигла Нижнего города, поползла по маленьким кафе, появилась среди гуляк «Корабля Франции» и добралась до ушей г-на де Кастель-Моржа в тот момент, когда он, разгоряченный многочисленными возлияниями и прелестями доброжелательной кумушки, собирался продолжить свои амурные похождения и забрел в трактир.

Ему даже не дали опомниться, друзья окружили его, разделившись на два лагеря: одни сочувствовали, что его жена своими действиями вредит его карьере, другие предлагали вызвать графа де Пейрака, осмелившегося поднять руку на его жену, на дуэль.

Раздираемый желаниями отколотить свою супругу и отомстить за свою честь, Кастель-Моржа бросился вон из таверны, пьяный от вина и от гнева. Ночь встретила его сверкающим снежным хороводом. Он выбрал самую короткую дорогу к замку Сен-Луи, ту, которая шла в гору, и, взобравшись на вершину, сломав ограду и крышу соседки колдуна, он прошел мимо его логова и бросился на скалы, в заросли колючего кустарника и карликовых деревьев; посыпался град булыжников и сломанных сосулек, лавина снега и грязи. Уносимый каким-то дьявольским потоком, без шляпы, в разодранных ботинках и пальто, он достиг наконец дома губернатора.

Два солдата несли караул на подступах к форту, и его появление было воспринято ими как привидение.

— Ты видел то, что я видел, Ла Флер? — спросил один из стражников.

— Конечно, видел, — ответил другой, тараща глаза.

— А что ты видел, Ла Флер?

— Я видел нашего генерал-лейтенанта, он парил в небесах...

Г-н де Кастель-Моржа ощупывал пораненными руками шершавые камни рядом с террасой замка, затем он нашел маленькую дверь, проник в замок, пробрался в комнату, где начиналась лестница, ведущая в их апартаменты, в обход центрального вестибюля. Его окружила кромешная тьма, он с трудом выбрался из нагромождения досок, снастей, каких-то деталей, споткнулся и сильно ушиб ногу, ругая на чем свет стоит всех гасконцев и их безумных самок, а также эти дурацкие станки, которые бог знает для чего поставили именно сюда. Когда он наконец добрался до спальни г-жи де Кастель-Моржа, он с трудом сдерживал ярость. Свет ночника освещал альков.

В изумлении он остановился. На широкой кровати спала полуобнаженная женщина, поразительная в своей красоте. Ритмичное дыхание плавно вздымало ее грудь. Он не поверил своим глазам.

Сначала он с ужасом решил, что сошел с ума, потом понял, что это его собственная жена, и тут же в нем проснулись все его обиды и страдания, которые она ему причинила.

В чем его вина, в том, что он всегда любил и желал эту женщину? Она обрекла его на страдания, она оттолкнула его, он вынужден был прибегать к услугам проституток, хотя его вполне удовлетворило бы это прекрасное тело. Она почувствовала его взгляд и открыла глаза. Сначала она не узнала его, в лохмотьях, взъерошенного; он стоял у ее кровати и тяжело дышал.

Затем она вспомнила о чуде — когда оно было, вчера или сегодня? Жизнь наградила ее, научив ее простым радостям любви и наслаждения. Все в ней преобразилось, она была вновь готова открыться любви по первому ее зову. И она уже не испытывала ненависти к тому, кто стоял сейчас рядом с ней. Это был мужчина, Мужчина, и его безумный взгляд больше не раздражал ее. Она поняла, что нужно просто отдаться ему, ведь он здесь и он хотел ее.

Она протянула к нему руки, и Кастель-Моржа, даже не сняв ботинки, бросился на кровать. «Ай, моя нога!»

Обнимая ее, он с удивлением обнаруживал в этой соблазнительной женщине новые прелести; он решил, что это неслыханное везение. Уж теперь-то ему не понадобится больше по вечерам ходить в Нижний город.

***

Вскоре все заметили, что Сабина де Кастель-Моржа обрела счастливое равновесие и спокойствие. В ее отношениях с людьми царило терпение и легкость, заменившие ее обычную нервозность. Приступы гнева исчезли вовсе. Г-жа де Меркувиль подозревала, что между супругами произошло примирение, и более благородное поведение мужа доказывало это. Фронтенак скептически высказывался: «Посмотрим, посмотрим! Чего только не бывает!»

Сабина не обращала внимания на подобные разговоры.

Она жила как растение, дождавшееся весны. Ночи дарили ей радость, а днем она щедро делилась своей нежностью с окружающими. Кастель-Моржа оказался искушенным любовником, и ей так много нужно было наверстать.

Иногда на ее шелковые ресницы набегала слеза, как высшее проявление испытанных наслаждений и как тоска о потерянном счастье, ушедших годах и мечте,

слишком прекрасной и принадлежащей другой. Но жизнь обошлась с ней не как мачеха, она оградила ее от бедствий и наградила любовью. Иногда она размышляла о той цепи таинственных событии, которые сделали ее счастливой, и она благодарила за это Небеса.

А когда она испытала некоторые угрызения совести, она пошла в храм и поставила свечку Господу, дабы искупить свои грех.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ПРОГУЛКА К БЕРРИШОНАМ

Глава 63

На следующее утро опять похолодало, мороз пощипывал кожу, а лошади в нетерпении ржали в ожидании поездки по бескрайней белой равнине, припорошенной только что выпавшим снегом. Анжелика возвращалась в Квебек, который спал вдали, как алмаз на вершине скалы.

Анжелика и Гильомета проговорили почти всю ночь. Гильомета курила свою трубку, набитую каким-то особым табаком, от которого слегка кружилась голова.

Она была странная, эта голубоглазая Гильомета, умная и такая слабая, когда по ночам воспоминания наплывали на нее: «Смотри, смотри, маленькая колдунья, смотри, как горит в огне твоя мать...»

— Моя мать была такой доброй, — рассказывала Гильомета, — если бы ты знала, она всем делала только добро, только добро!

Когда ее повели к костру, она держала меня за руку, но вела ее я и поддерживала ее, ведь она сошла с ума. Это все оттого, что ей пришлось вытерпеть, от пыток и допросов; ее заставляли признаться, и в чем? В том, что она продала душу Дьяволу, что она убивала детей, наводила порчу на урожай. Я была маленькой, мне было всего семь лет, но я до конца была рядом с ней. Все, что она умела, она передала мне...

Дым окутывал Гильомету, она затянулась, затем продолжила свой рассказ.

— ...Они ненавидят нас... за добро, которое мы делаем, больше, чем за зло. Все потому, что мы занимаемся не душами людей, а их телами, прекрасными и больными... Для них все, что связано с телом, — грех. В каждом человеке живет священник.

Священники убивают нас, жгут на кострах. Здесь, на моем острове, я в безопасности.

С того дня, как ее мать сожгли на костре, и до ее вступления на эти берега она не сохранила в памяти ни одного прожитого дня, никаких воспоминаний о странах, где она побывала, о том, чем она занималась.

Здесь она начала свою жизнь сначала, вдохнула восхитительный аромат кленовых почек, которые собирали индейцы и готовили из них чудесный отвар. Повсюду распространялся медовый запах, прелестно-горьковатый, как поцелуй на устах.

Великое спокойствие этого острова и его отдаленность от тех мест, где она страдала, исцелили ее от острой боли в сердце.

Эта грандиозная страна, не имеющая прошлого, действовала на нее умиротворяюще. Вдали вставал Квебек, похожий на сон, он не пробуждал в ней никаких отрицательных эмоций.

Череда дней и времен года захватила ее, действуя как бальзам на душу, снег обволакивал ее нежностью, а бури защищали и укрывали. Когда стояла ясная погода, ее охватывала безумная радость, зима дарила ей свои краски, серовато-перламутровые или розовые, а иногда бледно-голубые.

Она пугалась ирокезов меньше, чем собственных воспоминаний, а к людям она относилась с большим страхом, чем к собственному одиночеству.

Ей нравились индейцы, их простая жизнь напоминала ей, как она далеко от Старого Света.

Женщины, за которыми она ухаживала, удовольствия от собственного труда, аромат трав, любовь молодых парней, возможность делать кого-либо счастливым — все это постепенно успокаивало ее мятежную душу.

Анжелика смотрела на высокую женщину с необычайно голубыми глазами, стоящую на берегу в

лучах солнца, и внезапно она ей напомнила эту англичанку, миссис Уильямс. Правда, та была непреклонной пуританкой и не могла себе позволить даже кружевной чепец; Гильомета позволяла себе все.

Она могла долго скакать верхом по бескрайней белой долине. Весной, когда спадали морозы, она надевала высокие мужские сапоги и шла освобождать ото льда свою лодку вместе с молодыми парнями, смелыми и крепкими.

— А как же он? — внезапно спросила Анжелика. — Человек, которого я люблю? Ты мне ничего не рассказала про него.

— Я его совсем не знаю, — ответила колдунья и, улыбнувшись, отвернулась.

— Но ты могла бы догадаться, ведь в нем столько силы и энергии.

— Вряд ли это возможно. Вокруг него так много неясных мне предметов.

Она задумалась, глядя на город, в ее выражении лица была какая-то отстраненность, она улыбалась. «Ты счастливая женщина», — прошептала она. Потом на ее лицо набежала тень, и она через силу произнесла:

— Не нужно ему ездить в Прагу!

— В Прагу! — повторила ошеломленная Анжелика.

— Да, Прага!.. Город... Неужели ты такая невежда?

Затем, чтобы рассеять бесполезную тревогу, зародившуюся в душе Анжелики, она погладила ее по щеке, успокаивая и прогоняя набежавшие опасения.

— Малышка, ничего не бойся!.. Это еще так далеко. И возможно, что это никогда не произойдет... Но ты знай, ты всегда будешь самой сильной. Это написано на твоем лбу. А теперь иди, Прекрасная Анжелика!..

В Квебеке Анжелику постигло разочарование, она узнала, что граф де Пейрак уехал в Силлери.

***

Ефрозина Дельпеш, следившая за г-жой де Кастель-Моржа, когда она ворвалась в замок Монтиньи в состоянии, близком к истерии, а затем вышла оттуда с раной на виске, была должным образом наказана за свою постыдную слежку: она отморозила себе нос.

Бегая за советами к соседям, врачу и сестрам милосердия, которые лишь качали головой, она наконец решилась отправиться к г-же де Пейрак; по слухам, у нее были «чудесные средства».

Анжелика только что вернулась из поездки на остров Орлеан, где она встречалась с колдуньей, факт этот лишь укреплял надежду Ефрозины получить лекарство от беспокоящих ее болей. Нос ее распух, а по цветовой гамме представлял собой смесь голубого, красного, желтого, зеленого и фиолетового цветов. Подобная палитра была достойна кисти брата Луки.

Размышления о долгом визите г-жи де Кастель-Моржа к графу де Пейраку и о счастливом лице посетительницы, покинувшей замок, навели Ефрозину на ряд суждений, которые она хранила при себе и которые мешали ей встретиться лицом к лицу с г-жой де Пейрак. Она никогда бы не согласилась на эту встречу, если бы не страх лишиться столь важной детали, которую все человечество носит на лице.

— Как вы умудрились не заметить, что обморозились, вы, канадка? — удивилась Анжелика.

— День был солнечный, и мне показалось, что мороз не такой сильный. И мне пришлось долгое время стоять неподвижно.

«Должно быть, она следила за кем-нибудь из соседей и, чтобы удовлетворить свое любопытство, подставила свой нос под холодный ветер», — подумала Анжелика, обладавшая хорошей интуицией и знавшая женскую натуру.

Из-под пластыря, который Анжелика положила ей на лицо, кумушка разглядывала ее, но не обнаружила

ничего, кроме спокойной уверенности в себе. Черты ее лица были оживленны и безмятежны, в чем и заключалось их обаяние. Гримасы редко искажали его: гнев или радость читались в выражении ее глаз, то пылающих, то нежных.

Однако Ефрозина отметила слегка нахмуренные брови, контрастирующие с ее обычным открытым и доброжелательным выражением лица.

— Ефрозина, дорогая моя, — сказала Анжелика, — вы обо всем осведомлены лучше, чем любая газета, не могли бы вы мне рассказать, что это за история с Сабиной де Кастель-Моржа и моим мужем?

Лицо Ефрозины Дельпеш могло бы побледнеть или покраснеть при этих словах, но оно и так было достаточно расписано. Однако Анжелика имела в виду совсем другое.

Когда она была на острове Орлеан, она узнала от Жанин Гонфарель, что друзья г-на де Кастель-Моржа пришли за ним в трактир и уговаривали его вызвать на дуэль графа де Пейрака за то, что он якобы ударил его жену.

— Когда этот нелепый слух достиг моих ушей, я подумала, что причиной этого должен быть какой-то неприятный случай, но какой? Признаюсь вам, я не могу себе представить, что мой муж поднял руку на женщину, какой бы несносной она ни была.

Ефрозине стало стыдно, она была на грани того, чтобы насплетничать, но это так ужасно, такой грех, в наказание за этот грех ее духовник каждый раз заставляет ее читать молитвы с четками; она покраснела, что только усугубило ее страдания, и разрыдалась.

— Вам очень больно? — забеспокоилась Анжелика. Ефрозина отрицательно качала головой.

— Тогда почему же вы плачете?

— Потому что я недобрая женщина, — потупившись, ответила Ефрозина. — Да, я недобрая женщина и, поверьте, так сожалею об этом. Вы во много раз лучше меня, мадам, и вы не заслужили ни зла, которое вам причиняют, ни предательства, которое может вас огорчить. Прошу вас, простите меня, мадам, умоляю, простите.

Излияния Ефрозины Дельпеш, которая наконец ушла с баночкой мази и вся в слезах, причиной которых явилось ее таинственное раскаяние, произвели на Анжелику неприятное впечатление. Что могло произойти за время ее короткого отсутствия, какое событие связало имя неисправимой Сабины и ее собственное. Может быть, г-н де Кастель-Моржа все же дрался на дуэли с Жоффреем де Пейраком? Но никто не говорил об этом.

Она отправилась в замок Сен-Луи с намерением ободрить Сабину и передать ей лекарственные травы, которые она привезла от Гильометы. Она надеялась, что этот визит прояснит ситуацию, потому что импульсивная Сабина не сумеет скрыть своих эмоций.

Ей сказали, что г-жа де Кастель-Моржа в церкви. Она встретила ее на паперти, и сразу же ей в глаза бросился синяк на ее виске. После того, как они обменялись банальными приветствиями, Анжелика спросила:

— А что это у вас?

Сабина не дрогнула.

— Ах, это, — сказала она, поднося руку к ране. — Пустяки, я просто наткнулась на угол.

Ее лицо осветила улыбка, украсившая ее и разгладившая горькие складки в уголках ее рта.

— Вы же знаете, какая я неловкая...

Видя, что она в хорошем настроении, Анжелика передала ей маленький пакет от г-жи де Монсарра-Беар.

— О ней много болтают всякого, но поверьте мне, у нее доброе сердце и она очень умна.

— Я не могу думать иначе, ведь вы ее рекомендуете, а ваше мнение я ценю. Кроме того, я знаю, что к ней приходили за помощью те, кто мечтал отправить ее на костер.

Она взяла у Анжелики пакет.

— Вы так добры ко мне, Анжелика. В мире нет другой такой женщины, как вы.

— Она совершенно изменилась, — рассказывала немного погодя Анжелике г-жа де Меркувиль. — Возможно, ей пригодятся те лекарства, которые вы ей предложили, но я-то знаю, в чем причина такого преображения. Мне все рассказал слуга г-на де Фронтенака. Между супругами произошла ужасная сцена, это было в ту ночь, когда буря задержала вас в Орлеане. Конечно, это была не первая их ссора, и мы уже привыкли видеть Сабину со следами этих ссор на лице, но на этот раз — и слуги подтверждают это — все закончилось примирением, причем примирением в постели. Вы, конечно, согласитесь со мной, что это лучший способ, что бы там ни говорили наши священники. И это продолжается до сих пор! Это просто чудо! Дамы из «Святого Семейства», да и я тоже поклялись поставить двадцать свечей в храме Святой Анны, если Сабина выйдет из этого ужасного состояния, в котором она находилась. Видите, как небеса милосердны к нам, — добавила пылкая г-жа де Меркувиль. — Они все благословляют, даже виноватые порывы любви, когда речь идет о спасении человеческой души!..

Объяснение г-жи де Меркувиль умерило неясные опасения Анжелики. Но взамен, как выразилась г-жа Меркувиль, они все должны принести жертву: отказаться от театральной постановки, назначенной на четверг третьей недели Великого поста. С этим долго

тянули, и епископ не давал определенного ответа, так как этот день совпадал с празднествами Святого Иосифа, покровителя Новой Франции, и епископ опасался, что они пройдут не так торжественно и набожно, как это требуется... А потом, эти ужасные морозы... А в ближайшие дни еще похолодает. Любые передвижения опасны для жизни, а женщины боятся отморозить свою нежную кожу.

***

Водопады Монморанси сковало льдом, они совершенно застыли. Тело Мартена д'Аржантейль, должно быть, рассыпалось в прах в ледяных глыбах.

У г-на де ла Ферте заболел конюший, что нисколько не взволновало остальное общество, кроме м-зель д'Уредан, которая панически боялась всякой заразы и умоляла Анжелику не навещать этого больного. Пиксаретта не было в городе. Он отправился за советом к известному «жонглеру», так называли индейцев-шаманов, умевших разгадывать сны. Мороз крепчал. Все были укутаны в одежды, как в коконы, прохожие на улицах, как слепые, сталкивались друг с другом, их глаза в узких прорезях капюшонов слезились от холода.

Онорина все время думала о бедной собаке Банистеров и умоляла Анжелику освободить ее.

— Но собаки не боятся холода!

— Но он такой глупый и такой тощий!

— Последняя буря прикончит его, — мрачно предвещал Адемар.

У Иоланты появилось больше свободного времени, потому что днем Онорина была в школе, а потом урсулинки согласились взять и Керубина, скучавшего в одиночестве. Получилось так, что вместе с ним в школу стали ходить еще несколько мальчиков, которым не было и шести лет. Иоланта воспользовалась свободными часами, чтобы встречаться со своими соотечественниками. Адемар замечал, что она слишком

часто ходит на эти встречи в трактир под вывеской «Французский залив». Он почувствовал, что им пренебрегают, и часто спрашивал себя, не он ли сам, его робкое и чересчур уважительное поведение разрушило все надежды дочери Марселины.

Хотя страхи его были бессмысленны, его не покидали мрачные предчувствия.

— А как можно определить, что это последняя буря?

— Местные жители говорят, что она самая сильная, а последствия ее разрушительны.

Анжелика так и не увиделась с Жоффреем после поездки на остров Орлеан, он отсутствовал вот уже четыре дня.

Говорили, что он в Силлери.

Он часто бывал там. Анжелика была не настолько глупа, чтобы подумать, что одна из этих женщин, и особенно Беранжер, последует за ним в эти крепости, где нет никаких удобств. Но не были ли его отсутствия признаком охлаждения? Ему не понравилась ее поездка на остров Орлеан? Или же «аквитанская ссора» имела более серьезные последствия?

Ее навестил Барсемпью со своими знакомыми, чтобы справиться о ее самочувствии. Его попросил об этом граф. Чтобы пройти от замка Монтиньи до дома Виль д'Аврэя, требовалось изрядное количество мужества, холодный пронизывающий ветер играл людьми, как марионетками.

В лавках крепкие алкогольные напитки были нарасхват.

Г-н де Пейрак все еще был в Силлери.

— Он слишком часто там бывает, — с горечью сказала Анжелика.

— Люди в наших гарнизонах тоже нуждаются в нем.

Наконец мороз ослабел, и в воскресенье солнце на несколько часов появилось в городе и согрело его.

Анжелику по-прежнему беспокоила мысль о кокетке Беранжер, которая ожидала его возвращения с не меньшим нетерпением, чем она.

В доме она встретила Кантора; с гитарой под мышкой он отправлялся в замок Монтиньи, чтобы в компании распевать лангедокские песни.

— Оказывается, ты тоже участвуешь в этих гасконских ассамблеях? — сказала она ему.

Он посмотрел на нее удивленно и немного высокомерно.

— Но я самый младший в семье де Пейраков, и я тоже из Аквитании.

Как раз это и было очевидно. Этот маленький инцидент привел к тому, что у Анжелики нервы были напряжены до предела.

В это воскресенье Онорина была дома.

— Послушай, — сказала ей Анжелика, — пусть маленькие сеньоры Аквитании и их отец остаются на своих ассамблеях. Мы же из Пуату, и мы пойдем на прогулку в лес.

Ярко светило солнце, и погода была «восхитительно морозная». Как только они с Ориной оказались на лесной тропинке, укрытой жестким снежным покровом, к Анжелике вернулось ее хорошее настроение. Сначала ей пришла в голову мысль прогуляться до монастыря. Но зачем? Сейчас, во время Великого поста, двери его все равно закрыты. А может, пойти к Сюзанне?.. Вскоре она обнаружила, что они миновали пригород и оказались достаточно далеко от Квебека, от его деревянных бастионов. Так приятно было шагать по тропинкам и вдыхать чистый морозный воздух. Все тревоги Анжелики уходили прочь: и долгое отсутствие де Пейрака, и вызывающее поведение Беранжер. Они углублялись все дальше и дальше в лес, создавая иллюзию, что они убежали из Квебека, чтобы свободно бродить где им захочется. Сейчас они свернули на

тропинку, по которой, судя по следам, сегодня прошло немало народа. Среди деревьев она заметила промелькнувший силуэт секретаря суда Карбонеля, он был один, в руке он держал большой зонт. Узнав их, он догнал и присоединился к ним. У него был смущенный вид, он счел нужным объяснить им, что воспользовался воскресеньем, чтобы измерить только что распределенные участки земли около Лоретты и на Зеленых островах. Проведены ли там границы? Поставлены ли ограждения? Сохранили ли коридор для проезда короля?

И к чему он сдавался в такие подробности? Воистину, воскресенье преображало людей, показывая их с новой стороны. Он взял с собой зонтик, чтобы защититься от порывов ветра, бросавших снег в лицо.

— Но вы так легко одеты! — сказала она.

Он был без пальто, только в сюртуке из толстой шерсти. На что он ответил ей, что он коренной канадец и привык к низким температурам.

Она попросила его не задерживаться из-за нее, ведь его ждут дела. Вскоре он скрылся из вида.

У подножий деревьев внезапно появилась легкая дымка. Они пересекли площадку, засаженную кустарником и лиственницами. Воздух еще был чист и свеж, лучи солнца пронзали туманную пелену, стелющуюся по земле. С противоположной стороны лужайки показался человек. Его ноги по щиколотку были в тумане, и казалось, что он шагает не по земле, а по светящейся воде. Он шел наискосок по лужайке прямо к тропинке ; когда он приблизился, Анжелика узнала колдуна, которого прозвали Красный Плут.

Она остановилась. Место было пустынное. Анжелика давно уже перестала носить при себе оружие, в цивилизованном городе ни к чему было наряжаться, как корсар. Красный Плут был вооружен рогатиной и арбалетом, он возвращался с охоты. Он убил волка и

нес его труп на своих плечах. Он шел вразвалку, его тяжелый груз замедлял его шаг. Он заметил ее и, бесспорно, хотел догнать. Поскольку она подумывала нанести ему визит в ближайшее время, она решила, что лучше подождать его. Вблизи он оказался ниже ростом, коренастее, чем она представляла себе. Он устремил на нее проницательный и спокойный взгляд, продолжительное молчание послужило как бы мостиком к переговорам. Первой заговорила Анжелика.

— Почему вы кинули камнем в мою кошку в день прибытия нашего флота?

— Кошки — колдовские твари, а про вас мне говорили, что вы опасны. Я хотел это проверить.

— И что же вы увидели?

— Камень отклонился в сторону. В этой кошке живут духи.

Его ироническая улыбка как бы подтверждала сказанное им.

— Не нужен ли вам волчий зуб? Или шерсть с его морды? Все это помогает в волшебстве...

— Ну вот что, куманек, так просто вы меня не возьмете. Я хочу задать вам один вопрос. Вы сказали графу де Сент-Эдму — а он передал это мне, — что я убила графа де Ва-ранжа.

— Разве это не правда?

Ее буравили его маленькие блестящие глазки. Она сдержалась, чтобы не задать ему следующий вопрос и не стать объектом его зубоскальства: «Откуда вы узнали? Кто вам сказал?» Никто ему ничего не говорил. Он узнал это благодаря древней могущественной науке, возможностями которой нельзя пренебрегать. Они застыли, глядя друг на друга и не произнося ни слова. Вдруг она спросила:

— А что вы показали ему в магическом зеркале?

— То, что он хотел знать. Это довольно простая операция, но он не смог вытерпеть до конца.

Несмотря на тяжесть трофея и своего оружия, он пренебрежительно повел плечами.

— ...Они хотят подчинить себе Сатану, как будто нанимают на службу волонтера. Это не так просто, и вы это знаете. Он хотел использовать то, что узнал, чтобы заманить вас в ловушку, отомстить! Фу! Но все это обернулось против него... Это была судьба! Вы рождены, чтобы разоблачать ложь, и вы встали у него на дороге.

Его взгляд пронизывал ее насквозь.

— ...Мы могли бы заключить союз, — сказал он.

— Против кого?

— Мама, у меня замерзли ноги, — воскликнула Онорина.

Ей надоели все эти остановки и перешептывания. Сначала человек с зонтом, теперь с арбалетом... Если так будет продолжаться, они никогда не дойдут. Но куда? Этого она не знала, но ей хотелось шагать, а не стоять на месте. И ей было жаль бедного волка с высунутым красным языком, смотревшего на нее одним глазом. Она изо всех сил потянула Анжелику, чтобы увести ее отсюда.

— Зайдите как-нибудь ко мне, — сказал Красный Плут, — я покажу вам кое-какие книги... Эта нескончаемая аллея приглушала настроение, что удача отвернулась от нее. А детская ручка, которую она держала, только прибавляла ей жизнерадостности. В ней был смысл всей ее жизни. «Ты родилась на свет, чтобы быть счастливой. И ты будешь ею, я построю для тебя счастливое царство».

«Она сама невинность, только она и достойна, чтобы ее осыпали подарками», — сказал Ломени. Защищать ее — тоже счастье. Детская рука в руке взрослого обязывает его к благородству. «Сердечко мое, ты так много дала мне». Туман постепенно рассеялся, почва стала более болотистой. То тут, то там по ветвям

деревьев прыгали маленькие пушистые зверьки, охотники за курами; зимой они часто пробирались в стойла и на чердаки. По стволу пробежала куница и показала им сквозь ветки свою треугольную мордочку. В сумрачном свете ее зеленые глаза сверкали, она была похожа на домового.

Затем они поднялись по склону, слегка припорошенному снегом, с пятнами желтого лишайника. С гор опять спускался туман, и вдруг послышалась музыка. По мере того как они приближались, она становилась все громче и заразительнее, как будто невидимые духи танцевали в лесной чаще. Свернув с тропинки, они вскоре вышли к замерзшему пруду со следами от саней. С другой стороны пруда стояло несколько вигвамов, а в глубине лужайки — целое поселение, перед которым собрались деревенские музыканты с виолами и скрипками, а несколько пар весело отплясывали под задорную мелодию. Одна из женщин заметила их и помахала им рукой.

— Эй! Идите сюда! Мы отправляемся к Берришонам! Они приготовили мясо, зажарили птиц и приглашают всех к себе.

Когда Анжелика подошла ближе, ее узнали, и кто-то сказал ей:

— Только не выдавайте нас господину священнику, мадам. Хоть сейчас и Великий пост, но уж в воскресенье не мешает разговеться.

***

Большая столовая была полна народу и восхитительных запахов. Появление музыкантов вызвало громкую овацию. Их ждали с нетерпением и сразу же начали освобождать часть комнаты для танцев. В воздухе стоял табачный дым. Анжелика заметила секретаря суда Карбонеля, с салфеткой на груди, перед огромным куском сочной говядины. Теперь

она поняла, почему при встрече у него был такой смущенный вид. Ярый защитник закона, он украдкой сам нарушал его. Но было ли грешно нарушить обет поста вне благословенного города Квебека? Над этим стоило подумать. Лишенные всех удовольствий, находясь в поле зрения многочисленных священнослужителей, многие жители Квебека взяли себе в привычку кутить на стороне. Договаривались тайком и выбирали место, а смелому хозяину, бросившему вызов запретам и превратившему свой дом в трактир, выдавалась денежная компенсация либо он пользовался различного рода административными преимуществами. Но лучшим вознаграждением была сама встреча, веселье и масса удовольствий посреди суровой долгой зимы.

Онорина была счастлива.

— Я тоже хочу танцевать. Ты ведь потанцуешь со мной?

Хозяйку дома звали Соланж. Она подошла, чтобы поговорить с Анжеликой. Их семья была из Берри, и в ее разговоре чувствовалось неповторимое созвучие говора жителей восточных районов. Она предложила им мясо с поджаренной репкой.

Анжелика с дочкой полакомились от души. Но задерживаться здесь Анжелика не хотела. Она заметила, что на нее глядит из угла какой-то солдат. Он отвел свой взгляд и продолжил игру в карты вместе с другими такими же солдатами, плохо выбритыми, в серых камзолах и шапках: с выцветшими нашивками. Это явно были дезертиры, которые часто приходили в поселения обменивать мех. Но тот, кто смотрел на Анжелику, казался не таким грязным и грубым, в его взгляде она прочитала страх.

Ей в голову пришла мысль, что это тот самый солдат, которого разыскивает Гарро, тот, кто приобщался к сеансу черной магии.

Кроме того, ей не хотелось вредить пищеварению Никола Карбонеля, у которого при виде ее вытянулось лицо. Вставая, она одобрительно улыбнулась ему, хотя знала, что их маленькая тайна не повлияет на его покладистость в дальнейшем.

Они снова отправились по тропинке, ведущей к аллее. Онорина была очень довольна. Она любила эти шумные собрания, напоминавшие ей Вапассу.

Вдали уже показался город. Городские колокола золотились и посылали им свои мелодичные звуки. Было еще не поздно. Ближе к зениту небо стало перламутровым. Но время от времени от плотной решетки сплетенных ветвей набегала тень, и внезапно Анжелику охватил страх. Она обернулась и различила силуэт человека, который шел по этой же тропинке. Без сомнения, это был один из гостей Берришонов.

Ей не терпелось поскорее выйти на поляну, где она встретила Красного Плута, а оттуда всего несколько минут ходьбы до дома маркиза. Там они смогут разуться, растереть себе ноги и руки у огня, а потом отправиться к м-зель д'Уредан.

Она обернулась еще раз. Мужчина приближался в неясном свете, проникавшем сквозь ветки деревьев. Это был тот самый солдат, чей взгляд она перехватила в столовой Берришонов.

— Мама, ты идешь так быстро! — пожаловалась Онорина.

Анжелика взяла ее на руки.

Когда показалась поляна, Анжелика была уже уверена, что солдат шел за ней и пытался догнать ее. Оборачиваясь, она ловила его взгляд, злой и лживый. Она потеряла его из вида, когда пересекала открытое пространство, но потом он опять появился у нее за спиной. Первые дома были уже совеем близко. Как только она вышла из последней рощицы, перед ней вырос огромный силуэт, освещенный заходящим

солнцем. На пересечении дорог стоял Эсташ Банистер, большой и мрачный, как медведь.

Анжелика остановилась и повернулась к своему преследователю. Она крепко обняла Онорину, и взгляд ее устремился на солдата, который приближался, внимательно разглядывая то одного, то другого, пытаясь отгадать их намерения.

— Здравствуй, сосед, — доверительно обратилась к Банистеру Анжелика.

Он даже не посмотрел на нее.

— Что тебе надо? — спросил он солдата, который остановился в нерешительности.

— А тебе что надо? — дерзко ответил тот.

— Ну ты, отвечай! — нахмурившись, проворчал Банистер.

— Послушай, Банистер, — сказал солдат с видом заговорщика. — Она слишком много знает про нас. «Они» так мне сказали... Она колдунья, фокусница.

— Ты хочешь сказать, что «они» заплатили тебе, чтобы ты причинил вред этой женщине? Так вот почему ты здесь болтаешься, Ла Тур!

— Она приведет нас на виселицу, так «они» сказали, она держит в своих руках епископа, губернатора и интенданта.

Он шипел сквозь зубы, гнилые и пожелтевшие от табака, речь его была неразборчивой, лишь некоторые ее обрывки долетели до Анжелики, и она не могла поверить, что речь шла именно о ней.

— Помоги мне, Банистер, — настаивал мужчина, — ты в этом заинтересован так же, как и я... Добычу разделим пополам, обещаю тебе...

Великан застыл, не произнося ни слова. Силуэты этих трех человек, один из которых держал ребенка, казались бронзовыми статуями, выросшими на опушке леса, либо они все трое внезапно обледенели. «Что в конце концов и произойдет», — сказала себе

продрогшая Анжелика. В двух шагах от Квебека один из этих грубиянов хочет расправиться с ней. Но почему? Для кого? Смутно она догадывалась, кому это нужно, и больше не двигалась. В близости Квебека не было спасения. Жизнь и смерть столкнулись, и исход был неясен.

В тот же миг солдат в нетерпении подался вперед, но тут же был пригвожден к месту гневным окриком Банистера.

— Не двигайся!

Потом он сделал жест подбородком.

— ...Возвращайся, откуда пришел, Ла Тур. И держись отсюда подальше...

— Ты сошел с ума, Банистер... Ты подвергаешь себя опасности. Почему ты защищаешь ее?

— Это моя соседка, — ответил Банистер, как если бы он сказал: это моя кузина, что накладывало на него определенные обязательства. Золотой свет, льющийся с неба, неясно очерчивал силуэты каждого из них, хорошо виден был лишь блеск их глаз. Но Эсташ Банистер все же заметил, как рука солдата метнулась к его куртке. Мощный удар его ноги пришелся как раз по этой руке, не дав выхватить пистолет или нож. Затем он схватил его за шиворот и обрушил на него свои кулаки, отбросив его к лесу. Но он не убил его. Солдат хрипел, он с трудом смог восстановить свое дыхание. Его рукам здорово досталось.

— У тебя еще целы ноги, — сказал великан, — уноси их отсюда побыстрее. А не то я спроважу тебя к ворчуну-лейтенанту, пусть он позаботится о тебе.

— Тебе так просто это не пройдет, мерзавец! Твоя песенка спета!

И, прихрамывая, солдат из осторожности удалился.

— Черт бы тебя побрал, Банистер!

Темнота поглотила его ковыляющий силуэт. Анжелика поставила Онорину на ноги и обернулась к

Банистеру, чтобы поблагодарить его, но он поднял руку в знак протеста.

— Я это сделал не для вас!.. Я проверял капканы и встретил Красного Плута, он сказал мне: даму поджидает опасность. Держись поблизости и помоги ей, чтобы не случилось несчастье. Нужно всегда делать то, что велит колдун...

Потом он пошел впереди, а она с ребенком за ним, и так до самого дома. На подступах к нему Онорина весело бросилась вперед, к своим друзьям. Прогулка доставила ей огромное удовольствие. Чего нельзя было сказать про Анжелику.

— Остерегайтесь! — сказал Банистер, прежде чем покинуть их — «Они» жаждут вашей гибели.

«Они» — это, без сомнения, друзья Вивонна. Сент-Эдм, Бессар и сам герцог, ведь он тоже замешан в их махинации, проходил обучение колдовству. Ничего нет опаснее, чем дилетантство в этой области знаний. Непослушание и неловкость заговорщиков могли обернуться против них самих, принося непоправимое зло. Почти все манипуляции черной магии были связаны с приношением в жертву животных или детей, как символа невинности в угоду жестокому князю тьмы.

Анжелика не была достаточно уверена и в Красном Плуте, посвященном в это дело. Ведь именно он помог графу де Варанжу узнать, что же приключилось с Амбруазиной.

Когда Анжелика покидала двор Банистера, она заметила под деревом собаку, ей показалось, что она совсем отощала и взгляд у нее как бы остекленел.

Она вернулась домой с тяжелым сердцем. Онорина уже сидела вместе с Керубином в лохани с горячей водой, а Иоланта энергично растирала ее Онорина трещала как сорока:

— Я провела такой чудесный день, я ела жаркое, а потом танцевала.

— В Великий пост! — воскликнула Иоланта.

— Смотрите за ней хорошенько, — сказала Анжелика. — Смотрите хорошенько за детьми... И повесьте им на шею образок.

— Кошка! А где же кошка?

Она обыскала все, от подвала до чердака, но не нашла ее и решила, что поздно хватилась. «Они» завладели ею и теперь, наверное, сдирают с живой шкуру, чтобы принести ее в жертву Дьяволу.

Она набросила на плечи пальто.

— Я ухожу, — громко сказала она.

— Мамочка, — закричала Онорина, — не забудь, что сегодня вечером мы будем слушать продолжение истории про Клевскую принцессу.

Направляясь к двери, Анжелика вдруг увидела кошку на верхней полке шкафа, рядом с распятием; та с олимпийским спокойствием следила за ее передвижениями.

— Как же ты напугала меня, негодница!

Поскольку она все равно собралась уходить, она решила посетить г-на Гарро д'Антремона. По дороге она вспомнила, что сегодня воскресенье, день Архангела Михаила, и Гарро наверняка в церкви. Она нашла его там, он молился. Она предупредила г-на д'Антремона, что у нее есть важная новость. Она может назвать ему местонахождение солдата Ла Тура, о котором он ей рассказывал. Сегодня он покушался на ее жизнь, но, к счастью, какой-то прохожий защитил ее и ранил солдата. Тот не мог далеко уйти. Его можно найти у Берришонов или где-то в этих краях.

Он наверняка назовет тех, кто заплатил ему, друзей графа де Варанжа: графа де Сент-Эдма, барона Бессара и его слугу с бандитским лицом.

— Вам следует арестовать их либо установить за ними слежку, ведь они очень опасны.

— Но этим людям покровительствует герцог де ла Ферте, — Гарро нахмурил брови, — а он из близкого окружения короля.

— И находится здесь под чужим именем, вам это известно. Возможно, он хочет избежать последствий своих неблаговидных поступков.

— Я этого не отрицаю, мадам. Но они все время ускользают от моего контроля. И у нас есть указание избегать неприятностей по отношению к ним.

— В таком случае будьте бдительны. Ведь они настоящие убийцы.

— А кого вы относите к так называемым «поборникам справедливости»? Себя, быть может?

— Ах, мы опять вернулись к вашим странным подозрениям против меня. Этот г-н де Сент-Эдм почерпнул их, возможно, в колдовских видениях, в магическом зеркале. Но вы полицейский, вам нужны доказательства и труп, чтобы вынести обвинение, а вы доверились колдовству! Так знайте, если бы у меня была возможность убить вашего мерзкого Варанжа, я бы это сделала тысячу раз и гордилась бы этим.

— Не хотите ли вы сказать...

— Г-н д'Антремон, послушайте моего совета: найдите солдата. Возможно, его признания приведут вас к трупу г-на де Варанжа... или же на след его убийцы. У вас нелегкая задача. Но я чувствую себя спокойнее после встречи с вами. Мне очень жаль, что я помешала вашей молитве, но умоляю, будьте снисходительны...

«Эти красивые женщины чересчур эмоциональны, — сказал себе Гарро, провожая ее взглядом... — Но сколько в них очарования!» Он не представлял ее в роли убийцы, однако...

Когда Анжелика появилась у м-аель д'Уредан, чтение было в самом разгаре. У всех на глазах были слезы, даже у Онорины.

Г-н де Клев только что скончался от безнадежной любви. Страсть г-жи де Клев к г-ну де Немуру сразила его сердце, как смертельный удар.

***

— Я же говорил вам, никогда не признавайтесь! — воскликнул Виль д'Аврэй. — Это просто глупо, а последствия ужасны. А ведь, в сущности, ничего серьезного не произошло. Все это ерунда!

Да и любовь не стоит того, чтобы ради нее расстаться с жизнью...

На следующий день Анжелика вместе с Полькой изобретали бобовый суп. Они создавали его, как художник создает картину, обсуждая количество муки и холодного молока, причем муки особого сорта, привезенного из Англии. Правильные дозы того или иного продукта играли огромную роль, суп должен был быть густым, как сметана, и таким же маслянистым.

Полька считала это блюдо наиболее подходящим в дни Великого Поста, ведь в нем только овощи и молочные продукты.

Очищая овощи, Анжелика посвятила подругу в свои неприятности и волнения. Полька никогда не сомневалась ни в чем: ни в вашем уме, ни в интуиции, ни в том, что вы видели или слышали, ни в вашей собственной интерпретации событий. Она разделяла ваши чувства, страдала и дрожала вместе с вами. После чего она горячо разрабатывала планы защиты или нападения.

— Не волнуйся, — сказала она. — В жизни бывают такие моменты, когда все валится из рук. Эти великосветские выскочки гоняются за собственным хвостом. Повидайся с Красным Плутом, он скажет тебе, кому довериться, а кого остерегаться. Я же считаю, что все не так уж плохо, и я чувствую, что все наладится.

Выходя от Польки, она решила, что завтра сходит к Красному Плуту.

Глава 64

Встреча принесла ей разочарование.

Перед ней стоял невысокий мужчина, очень сведущий, но он ничего не хотел ей говорить. Лачуга колдуна освещалась лампой из кованого железа, такие называют «вороний клюв». В углу сидел эскимос, тот самый, который шил перчатки из птичьей кожи и делал лечебные повязки из мышиных шкурок. Его глаза поблескивали, он внимательно за ней следил.

Красный Плут рассказал, что он не присутствовал на колдовских сеансах в доме графа де Варанжа.

— Я только рассказал ему, что необходимо сделать, чтобы читать в черном магическом зеркале, но я не знаю, что он там увидел.

— Кто же знает? — Тот, кто там присутствовал: дети, слуга, солдат, который совершал заклятие над крестом... ну еще лейтенант полиции, если он заставит их заговорить, — добавил он, пофыркивая и проводя рукой по губам, как бы желая стереть с них улыбку.

— Вы не говорите мне всей правды...

— А вам и не нужно ее знать. Когда карты розданы и игра началась, то лучше не знать всего наперед. Человек — существо слабое и идет увереннее к своей цели тогда, когда не подозревает, какие бездны подстерегают его на пути.

Он смеялся над ней. Но он признался ей, что в ночь, когда их флот прибыл в Квебек, к нему пришли Мартен д'Аржантейль и г-н де Сент-Эдм. Они принесли ему украденные облатки и предлагали целое состояние, лишь бы он научил их могущественному чуду, позволяющему обнаружить и говорить с их верным другом и одержимым алхимиком, исчезнувшим графом де Варанжем.

— Они меня так рассмешили своими облатками. Такие люди, как они, способны только унизить таинство. Они прибегают к вещам опасным и священным лишь для того, чтобы удовлетворить свои глупые прихоти, такие, как первенство при дворе или же королевское вознаграждение. А вот Варанж был гораздо серьезнее. Его сжигала дьявольская страсть к Сатане. У него могло бы все получиться.

— Вы сказали: к Сатане. Значит, вам известно, что он увидел в магическом зеркале?

Он раздраженно повел плечами.

— Довольно этих разговоров о магическом зеркале! Гораздо интереснее случай с Джоном Деем, что он увидел в черном камне... Это имело ошеломляющие последствия...

— Кто такой Джон Дей?

Он терпеливо объяснил ей, что был такой ученый, англичанин, он жил в начале века. Это был известный математик, ему принадлежит изобретение меридиана Гринвича. Но он был схвачен за участие в таинственном заговоре против королевы, Марии Тюдор. Так вот у него был магический камень, доносивший до него «потусторонние голоса». Поговаривают, что его соперникам каким-то образом удалось заполучить осколки этого камня. Из груды рукописей колдун вытащил и показал ей книгу, которая называлась «Правдивое изложение того, как доктор Джон Дей общался с духами».

А таких, как Сент-Эдм или д'Аржантейль, он просто жалел и боялся, что они причинят вред своим незнанием и неумелыми действиями. Он спровадил их с их облатками. Ни за что на свете он не прикоснется к ним.

— Этот ваш Варанж нарушил ритуал, он ввел в него заклинание Бельзебута, ведь он хотел вызвать самого дьявола. Он привел в движение страшные силы и навел

проклятие на мой черный камень. Больше я не смогу им воспользоваться.

Он смотрел на нее, как бы удивляясь тому, что увидел в ней.

— Заклятие Бельзебута требует, чтобы использовалась живая тварь.

— Зло черпает свои силы в страданиях живых существ.

Красный Плут пожал плечами.

— Добро, Зло, Демоны, Ангелы — все это лишь слова. Злые духи жаждут живой крови, потому что для них это красный луч жизни. Им необходимо живое дыхание, они завидуют участи людей, ведь они никогда не смогут обладать ею...

Анжелика дрожала.

— Здесь, в Новом Свете, нас не так много, как в деревнях Европы. Можно сказать, что я один, один Посвященный.

Он показал ей множество книг, среди которых она с удивлением обнаружила теологические труды. Она сдержалась, чтобы не засыпать его вопросами и удовлетворить свое женское любопытство.

— Ну а теперь, прекрасная дама, возвращайтесь на свой насест, в Верхний город. Приближается последняя буря, самая суровая и разрушительная.

Глава 65

Снежное облако клубилось над островом Орлеан. Солнце еще сияло, но все прохожие ускоряли свой шаг.

Навстречу Анжелике шла маленькая Эрмелина. Ее очень беспокоила судьба этой малышки, чудом избежавшей смерти. Она взяла ее на руки. «Как я люблю тебя, дитя мое!»

Большие черные тучи быстро надвигались со стороны собора, солнце потухло. Буря разыгралась стремительно.

Чтобы потуже завязать на подбородке свой капор, Анжелика имела неосторожность поставить ребенка на землю. Сильный порыв ветра подхватил Эрмелину, раздув колоколом ее юбки. Анжелика схватила ее уже в воздухе.

Маленькие тележки, корзинки, стремянки, все вещи, забытые на улице, пустились в причудливый танец, взмывая вверх и падая на землю. Прижавшись к стене, выла собака. Анжелика быстро пересекла Соборную площадь, согнувшись, как старуха. Ветер рвал на ней пальто, и она боялась, что не удержит в руках хрупкую Эрмелину. С крыш зданий сорвало флаги со звуком, похожим на оружейный залп. Впереди себя Анжелика увидела слугу из дома Меркувилей. Этот старый человек уже не мог сопротивляться порывам ветра, он застыл на месте, стараясь не быть сброшенным на землю. К счастью, повалил сильный снег, который хоть немного утяжелил людей и предметы. Анжелика доковыляла до порога дома Меркувилей и успокоилась только тогда, когда увидела Эрмелину, шагнувшую навстречу своим братьям, в надежные руки своей кормилицы. Тем временем господин судья надевал свое пальто, чтобы поспешить на помощь слуге.

— Оставайтесь! Оставайтесь, мадам! — кричала вся семья, собравшаяся в вестибюле. Но Анжелика решила воспользоваться тем, что буря еще не достигла своего накала, и добраться до своего дома, который уже был близко. Ветер немного стих, снег валил все сильнее. Она решила подняться по улице Птит-Шапель. Снег стал колючим, летел прямо в лицо, и Анжелика с трудом продвигалась вперед, закрыв лицо руками. Резкий порыв ветра закружил ее, она потеряла равновесие, протянула вперед руки и наткнулась на подоконник, за который держалась, пока шквал ветра не утих. Воцарилось затишье, Анжелика подняла голову и увидела над собой блестящую вывеску: «Восходящее солнце». Затем чья-то рука схватила ее за кисть и втянула вовнутрь.

Рука эта принадлежала хозяину таверны.

— Ах, мадам, — сказал он, ухаживая за ней, — вы пренебрегаете мной. За время вашего пребывания в Квебеке вы от силы два раза зашли в мое заведение. И только когда буря бросила вас на мой порог, вы оказали мне милость посидеть рядом со мной.

Он снял с нее потяжелевшее от снега пальто, пододвинул ей стул, до блеска протер стол быстрыми движениями.

— Решено! Приготовьте мне ваш знаменитый сироп, — сказала Анжелика, в то время как г-жа Буавит, жена хозяина, принесла ей полотенце, чтобы вытереть лицо и волосы. — Но добавьте туда горячий напиток, я совсем закоченела.

— Не извольте беспокоиться, моя бабушка тоже была трактирщицей и поведала мне свой знаменитый рецепт. Сироп смешивают с теплым молоком и добавляют обжигающий кофе. Моя бабушка была из Нормандии, а ее муж много путешествовал и научил ее варить настоящий кофе.

Он быстро принес ей большую дымящуюся пиалу, куда добавил различные ингредиенты, а сверху положил большую ложку взбитых сливок. Считая этот напиток довольно безобидным, Анжелика взяла пиалу двумя руками и большими глотками осушила горячее зелье, маслянистое, с запахом миндаля и сахара, это угощение для женщин и детей, это, что называется, «пальчики оближешь».

Оказалось, что напиток бабушки-нормандки содержал полпинты крепкого вина; Буавит с гордостью продемонстрировал ей бутылку, в которой переливалась жидкость, по праву называвшаяся «вода жизни» или же «огненная вода».

— Действительно, это прекрасно согревает, — воскликнула Анжелика и тут же заметила, как чьи-то руки ухватились за ее стол.

Ее глаза затянуло пеленой, а голос ослабел, когда она произнесла:

— Г-н Буавит, вы предатель...

После чего она увидела или же ей показалось, что она увидела, как Никола де Бардань сел справа от нее, а герцог де Вивонн — слева. Таверна, казалось, наполнилась какими-то людьми, похожими на призраков. Прежде всего она увидела ту, которую никак не ожидала здесь встретить: Кружевницу.

— Чтобы я пришла в ваш притон разбойников и грабителей! — смеялась та, откидывая голову назад. — Я никогда не покидала Квебек, даже ради поездки в Монреаль!

Вовенар подал знак Анжелике. Да он ли это был? Он встал, чтобы поцеловать ей руку.

— Я постараюсь убедить ее...

Он немного покачивался.

Незнакомая женщина, очень светлая блондинка, довольно интересная, подумала Анжелика, такой, наверное, была Гильомета в молодости, с независимым

видом сидела за одним из столиков; ее окружили несколько мужчин, не сводя с нее глаз и смеясь любой ее шутке. Среди них был Гранбуа и майор д'Авренсон. Увидев, что Анжелика разглядывает ее, трактирщик подошел к ней и прошептал ей на ухо:

— Это владелица поместья на побережье озера Сен-Пьер, госпожа де ла Доверни.

Ей было сорок лет, она была вдова и имела в своем распоряжении обширные земли и прекрасное имение. Она приехала в Квебек в надежде покончить со своим вдовствующим положением. Она хотела найти верного спутника жизни и хорошего любовника, чтобы коротать долгие ночи в своем поместье.

Молодой человек сидел в одиночестве на бочке рядом с очагом. Он курил длинную трубку. Его лицо было очень красиво в обрамлении длинных черных волос. Его взгляд был задумчив и спокоен, он мечтал. «О господи, как он волнует меня!»

— Почему вы так смотрите на этого метиса? — спросил голос герцога де Вивонна.

— Он красив.

Тут молодой человек встал. Она обнаружила, что у него короткие ноги, и ее возбуждение спало.

— Я не являюсь сторонником этих новомодных браков, — заявил молодой чиновник, сидевший за их столом, — они производят на свет новых французов, которым нет места ни в высшем свете, ни в диких лесах. Но они прекрасные солдаты и просто необходимы нам в войне с ирокезами.

Сам он был канадцем, много пил, но не терял головы. Его звали Адриан Дефорж. Он находился в распоряжении герцога де ла Ферте.

— Если бы когда-нибудь она посмотрела на вас так, как она смотрела на этого метиса, вы были бы самым счастливым человеком на земле, — обратился ла Ферте-Вивонн к Никола де Барданю. — Но я считаю, что вы не

можете этим похвастаться. Она, как птица, порхает в небесах, подвергая вас восхищению, но она неуловима, недоступна, понимаете? Она свободная птица и сдается в плен лишь тогда, когда сама этого хочет. Я упустил момент и не смог завладеть ею... Она смеялась надо мной... Но она любит заниматься любовью. Она очень любит...

— Замолчите, — оборвал его Никола де Бардань. Пот выступил на его лбу, монолог герцога вызвал в его представлении волнующие картины.

К Анжелике вновь вернулся дар речи.

— Какое проклятие сводит вас вместе? Вас! Обоих!

— А что вас связывает с этим презренным? — спросил у нее Вивонн, указывая подбородком на Барданя.

— И оба вы задаете мне одни и те же вопросы: что вас связывает с этим? А что от вас хочет тот? Почему он? Почему не я?

— Уж не меня ли вы назвали презренным? — спросил Бардань, нахмурив брови.

— А кого же еще?

— Вы пьяны!

— Вы тоже!

— Возможно, но в каком бы состоянии я ни был, я сохранял почтительность по отношению ко многим людям. Король наделил меня своей миссией, но вы, кажется, забыли об этом.

— О, вы кажетесь себе очень сильным, месье, — насмехался герцог, — а мне вы представляетесь простофилей. Я хорошо знаю короля и, кажется, понимаю, почему его выбор пал на вас. По-видимому, кто-то очень влиятельный порекомендовал вас ему. Но кто? Кто рискнул это сделать? Чем больше я вас знаю, тем больше не понимаю, какие ваши качества привлекли внимание короля...

Бардань презрительно перебил его.

— Мы живем в обществе, где восхождение к высшим постам невозможно без поручительства. Но так бывает не всегда, и моя карьера сама явилась достаточным поручительством и внушила королю доверие к моей особе. И знайте же, месье, что я долгие годы являлся представителем короля в Ла Рошели по религиозным вопросам, это довольно важный пост, и вы не можете этого отрицать...

— Кто-то мне рассказывал, что вы были недостаточно энергичны на этом посту! А теперь довольствуетесь утешительной миссией в Канаде.

— Да что вам известно об этой секретной миссии, это очень личное дело!

Вивонн пожал плечами и с сожалением посмотрел на Барданя.

— Я знаю о нем все. Вы должны информировать короля об одном авантюристе, имя которого — граф де Пейрак.

— Не смейте говорить в таком тоне о графе де Пейраке! В присутствии г-жи де Пейрак эго просто отвратительно!

— В своих донесениях королю вы были не так снисходительны к этому пирату...

— Откуда вы узнали о наших беседах с королем? И о том, что я отправил рапорт Его Величеству? — удивился Бардань. — Вы рассказали ему о письме, написанном в Тадуссаке? — волнуясь, спросил он у Анжелики.

— Нет... Я не думаю... — ответила она.

Герцог де Вивонн покачал головой.

— Дорогой мой, для того чтобы узнать о планах такого чиновника, как вы, совсем необязательно воспользоваться болтливостью его любовницы. Достаточно подкупить ваших людей. Вам еще многому предстоит научиться... Итак, мы можем представить себе, как король держит в руках ваше донесение... Я вижу это, — прошептал он, — он вчитывается в строчки,

написанные вами, ему так интересны ваши описания красивой женщины, которая сопровождает этого пирата.

— О ней не было сказано ни слова, — парировал Никола де Бардань, — и это доказывает, что вам ничего не известно, и напрасно вы бросили тень на моих людей. Вы лжете, чтобы узнать правду, но с какой целью? Я этого не знаю, но не собираюсь скрывать от вас такие незначительные сведения. Короля нисколько не интересует женщина, подруга или жена, которая сопровождает графа де Пейрака, он хочет знать, не скрывает ли граф человека, которого разыскивает полиция. Человек этот — мятежник, он поднял восстание против короля. Я ответил Его Величеству «нет»... Вот и все...

Это «вот и все» утонуло во взрыве хохота де Вивонна, заглушившего даже завывания бури.

— Прекратите! — сказала Анжелика.

Если бы она была не настолько пьяна, она вцепилась бы в глотку Вивонна, только бы он замолчал. Но благодаря напитку, она как бы свысока следила за развитием спора, хотя шутка явно затянулась....

— Если вы не перестанете смеяться и если вы произнесете хотя бы одно слово... Я вам... Я вам отомщу. — Она подарила Вивонну убийственный взгляд.

Под этим взглядом он наконец затих, хотя временами прыскал и с трудом сдерживался.

— Так что же в моем донесении не понравится королю? — Бардань совершенно разнервничался.

— Ну хорошо.. скажу.. возможно, он не совсем... полный. Король любит детали... вы не забыли об этом? Детали, особенно касающиеся красивых женщин...

— Прекратите! — повторила Анжелика.

— Мне жаль вас, жаль, — продолжал герцог. — У меня плохое предчувствие, дорогой Бардань. Вы знаете, что случается с этими несчастными на службе у короля,

когда они впадают в немилость... Или же я плохо знаю короля, или же...

— Да оставьте же его наконец! — закричала Анжелика. Она защищала Барданя, как женщина защищает робкого мальчика, на которого напали хулиганы.

— Сдается мне, что вы кончите жизнь на галерах! — прошептал герцог. Никола де Бардань побелел от гнева и встал.

— Вы ответите мне за оскорбление в поединке. Прямо сейчас.

Вмешался трактирщик Буавит:

— Только не у меня, господа, у меня никаких скандалов. Успокойтесь или же идите и сражайтесь, но на улице!

Герцог де Вивонн не шевелился.

— Как грустно! — прошептал он. — Завывание Ада окружает нас.

— Сядьте рядом со мной, — сказала Анжелика Барданю, — и успокойтесь!

Она погладила его по щеке.

— Не слушайте его. Он очень злой человек. Я видела вас в Ла Рошели, и я могу засвидетельствовать, что вас любили и уважали все в городе; в ваших руках была власть, но вы никогда не злоупотребляли ею.

— А чем вы занимались в Ла Рошели? — спросил Вивонн.

Последняя буря!..

В памяти Анжелики всплыло воспоминание о бедной тощей собаке и как тянулись к ней ручонки Онорины: «Освободи ее!»

Анжелика встала и оттолкнула стул, он упал за ее спиной.

— Господин Буавит!

— Да, мадам, — подбежал трактирщик.

— Вы были кузнецом?

— Да, мадам!

— Мне нужны щипцы, чтобы резать железо.

— К вашим услугам, мадам...

Он открыл погреб, и они спустились по лесенке в подвал трактира. Буавит подошел к полке, на которой лежали различные инструменты.

— Вот то, что мне нужно. — Она выбрала большие щипцы, острые, похожие на клюв.

— К вашим услугам, графиня.

Поднимаясь по лестнице, они покачнулись и упали назад, прямо на меха.

— ...Бог мой! — сказал Буавит. — Никогда в жизни в моих объятиях не была богиня!.. Ах, мадам, я так восхищаюсь вами! Позвольте мне поцеловать вас.

— Ну хорошо, поцелуемся... Вы заслужили это, и ваш сироп просто замечательный!

Он просиял и поцеловал ее в обе щеки.

— А теперь помогите мне выбраться отсюда!

— Что вы собираетесь делать с этими щипцами? — спросил Буавит, когда они вернулись в зал.

— Подайте мне мое пальто, я ухожу.

— И не думайте об этом!

— Но ведь старики Маривуан ушли, и вполне успешно.

— Да может быть, они уже умерли по дороге.

— Мне все равно!

— Это безумие!

— Анжелика, не уходите, — умолял де Бардань.

— Нет, я должна идти! Мой дом недалеко.

— Я провожу вас.

— Нет, вы еле держитесь на ногах, и я так устала от вас...

— Останьтесь у нас ночевать, г-жа де Пейрак, — настаивала жена трактирщика, — хотя у нас нет свободных комнат, но вас-то я устрою.

— Нет, мне нужно идти. Сколько я вам должна?

— Ничего! — ответил сияющий трактирщик. — Вы уже расплатились.

— Да остановите же ее! — сказал кто-то.

— Оставьте ее, — ответил Вовенар, — таких женщин, как она, невозможно остановить.

Анжелика спросила, где ее перчатки, и один из клиентов встал из-за стола и поспешил к ней. Он предложил ей свои перчатки, они доходили почти до локтя и прекрасно защищали ее руки. Другой набросил на нее индейский чепец, подбитый мехом, с хвостами, висящими вдоль лица.

— Держите их рукой, и вы будете хорошо укутаны.

Глаза посетителей с любопытством следили за ней, когда она направилась к двери.

— И куда ее несет, с этими щипцами?

У Никола де Берданя не было сил, чтобы удержать ее, Он смотрел, как она исчезает за дверью, как будто проваливается в бездну.

— Как она красива! — сказал Буавит. — Мы так счастливы, что она заглянула к нам.

— Она не будет моей, — прошептал Вивонн, — тем хуже! Я еще увижу... — Он уткнулся лбом в стол и погрузился в глубокий сон.

***

Анжелика пробиралась сквозь бурю и завывания ветра. Второй раз в этом году она была так сильно пьяна. Да, она была пьяна, но именно это и помогло ей пережить эту ужасную ночь, хотя это вовсе была и не ночь, а только вечер, но такой мрачный и темный. Она шла вперед, как слепая, на ощупь; струи колючего снега обдавали ей лицо, их уколы были похожи на уколы шпаги. Северный ветер свирепствовал и властвовал над миром. Временами ей казалось, что она не продвинулась вперед ни на шаг. Согнувшись в три погибели, она чуть ли не ползла на четвереньках. Она держалась за стены домов, за колья ограды, ей нужно

было дойти до дома м-зель д'Уредан, а там ей предстоит пересечь пустынное место и, главное, не упасть, иначе ей ничего другого не остается, как умереть посреди улицы Ла Клозери, в двух шагах от тумб с атлантами, поддерживающими земной шар, и труп ее найдут в водосточном желобе.

Внезапно почти рядом с ней послышался резкий звук, похожий на треск дерева, и как будто огромные крылья летучей мыши пронеслись над ее головой и разбились о стену. Приглядевшись, Анжелика поняла, что это крыло от мельницы. «Только этого мне не хватало, погибнуть от мельничного крыла...» Это немного отрезвило ее, но на смену алкогольному опьянению пришло опьянение от борьбы со стихией. Она добрела до атлантов и, присев на колени, обняла их, как собственных детей. Потом она бросилась во двор Банистера, как бросаются в море. Где же собака? Она нашла ее закоченевшее тело. Мертвая? Нет... «Я сделаю это! Я сломаю цепь!» Она потянула за нее, показался брусок прогнившего дерева, к которому и была прикреплена цепь. Собака почувствовала, что ее тянут за ошейник, и сопротивлялась, насколько ей позволяли силы.

Какая же она глупая! Не хочет освободиться от своих ненавистных кандалов.

«Ну иди же, иди!»

Она ждала, не в силах найти точку опоры, под тяжестью своей ноши.

В природе наступило затишье, как будто ода была поражена, изумлена! Затем повалил снег, как слезы текут сплошным потоком. В луче света, идущего от окна или открытой двери, показался силуэт человека, он вырос на краю бездны, из которой она пыталась выбраться. «Нет, вы не убьете меня, Эсташ Банистер!» Но это был Жоффрей де Пейрак, в своем черном пальто и меховой шапке, надвинутой на глаза, и он смеялся.

Она не могла видеть это, но она чувствовала, что он смеется. Его рука схватила ее за запястье, он с силой потянул ее, а она тянула собаку. Показались еще какие-то люди, они подняли ее и понесли; и она оказалась в большой комнате, перед огнем очага, а вокруг нее — Жоффрей де Пейрак, испанцы, Жан Куеннак и собака с цепью на шее, забравшаяся под печку.

— Это вы! Это вы! — повторяла Анжелика, не веря своим глазам.

Он объяснил ей, что, не найдя ее дома, пустился на ее поиски со своими друзьями. Они узнали, что она только что ушла из трактира — безрассудный поступок! — с кузнечными щипцами в руке.

— Это вы! Это вы! — Анжелика бросилась в его объятия. Он прижал ее к себе.

— Моя маленькая фея!

Их лица были в снегу и их одежды, но огонь их сердец способен был растопить вечную мерзлоту.

— Это вы! Любовь моя!

Буря опять расправила свои крылья над городом. К радости Анжелики, от возвращения мужа примешивалась уверенность, что он принадлежит сейчас только ей и не покинет ее, пока разыгравшаяся стихия не уйдет из Квебека.

Она решила, что роль женщины, требующей отчета, ей не к лицу, но считала, что следует сказать Жоффрею, что его долгое отсутствие в Силлери было для нее мучительным, почти безнадежным. Она не стала говорить ему, что Сатана расставлял ей ловушки, это было ее личное дело, она в состоянии сама все уладить; а беспокоило ее совсем другое. Она не боялась смерти, для нее самым страшным было потерять его любовь. Ни буря, ни потрясающий напиток Буавита, ни ее одиссея со щипцами не могли помешать ей задать главный вопрос: почему так долго отсутствовал, почему молчал?

Барсемпью намекнул ей на пылкость некоторых канадских дам, которые преследовали его.

Жоффрей де Пейрак смотрел на нее улыбаясь; она все еще казалась во власти опьяняющего напитка: ее глаза блестели, волосы были в беспорядке, а голос немного хрипел.

— Не скрою, иногда мне приходилось пускаться на хитрости, чтобы избежать затей нашей Беранжер, — сказал он, — но люди в крепости Силлери нуждались в моем присутствии. Я остался там, чтобы помочь им, у них был раненый и несколько больных.

— Что за раненый?

Во время обхода на него свалилась ледяная глыба. Несколько дней он был еще жив, затем умер.

— Вы могли бы послать за мной!

— В этот ужасные холод! Даже если бы дорога была очень короткой, я бы не подверг вас подобному путешествию. А потом, дорогая моя, разве не вы сами решили сделать передышку в вашей деятельности сестры милосердия? Мы же с вами обо всем договорились... Вы чересчур щедро раздариваете свое сердечное богатство направо и налево.

— Возможно, я смогла бы его утешить.

— Эти моряки не боятся ничего, ни страданий, ни смерти. Они привыкли исполнять свой долг и не ждут ничего, кроме новых приказов, таких, как «Ты должен жить!» Это помогает им лучше, чем утешение.

Он взял ее руку и прижал ее к своей щеке.

— Нет, я бы хотел сохранить эту маленькую ручку только для себя. — И он нежно поцеловал ее ладонь.

«Что вы за человек? — думала Анжелика. — Иногда вы жестоки и непримиримы... Иногда нежны, чувствительны к человеческим слабостям». В ее памяти всплыла фраза Сабины де Кастель-Моржа «Он очень добрый...». Да, это правда. Хотя временами он демонстрировал свою потрясающую бесчувственность.

— Любовь моя, мой дорогой друг, — вполголоса произнесла она, — я не уверена, что хорошо вас знаю.

— А это необходимо? У каждого человека есть свои тайны. Признаюсь вам, что я опасаюсь вникать в хитросплетения вашего сердца. К чему эта бесконечная тяжелая борьба за полное обладание любимым существом и его секретами? Очарование состоит в том, что ваш возлюбленный — загадка для вас.

Но хватит философствовать! Жизнь так коротка, так быстротечна, а мы тратим ее на созерцание и копание в непоследовательной человеческой натуре, будь то мужчина или женщина...

В этот час вы принадлежите мне, а я вам. Я наслаждаюсь вашими зелеными глазами, в которых отражается отблеск ваших мыслей, вашими губами, дрожащими от волнения. Я де позволю теням сгущаться над вашей жизнью, я держу вас в своих объятиях и сумею утешить и защитить вас самым верным оружием: Любовью.

— Я благословляю судьбу, подарившую нам встречу в этом мире...

***

Сквозь нечеловеческие завывания бури наплывали крики детей, как потерянные души в океане жизни. Анжелика проснулась в объятиях мужа. Шум вздымался огромной стеной, как океанская волна. Она поняла, что это не сон. Кричали дети, они звали на помощь.

Внизу Жан Куеннак и Маколле пытались в непроглядной ночной тьме выяснить, откуда идут крики.

— По-моему, хижина Банистера развалилась.

Вихревой поток сорвал с дома крышу, уже достаточно прогнившую. Банистер как раз поправлял солому на крыше, и его ветром отбросило на угол улицы, где его и нашли на следующий день. Жена

отправилась за помощью, ее засыпало снегом, и она умерла. Ее найдут лишь весной, на одной из лужаек.

— Пройдем через погреб, — предложил Маколле. — Он прорыт довольно далеко, а с помощью лопаты мы доберемся до сарая Банистера.

Так и сделали. Они добрались до подвала лачуги и сломали дверь из погреба в комнату. Детей нашли забившимися в угол, занесенными снегом. Зашитой им служил труп их коровы. Их перенесли в дом Виль д'Аврэй и согрели у огня.

Это были четыре маленьких дрожащих существа, три мальчика и одна девочка. Самый младший рыдал навзрыд. Он успокоился только тогда, когда Элуа Маколле дал ему пожевать табаку. Дети явно привыкли жить среди дикарей. Может, лучше отдать их индейцам, пусть живут с ними, в лесу, им это не в новинку.

Пес вышел из своего убежища и весело завилял хвостом. Он узнал этих детей, которых так любил, своих палачей. Он действительно был очень глуп.

Однако, когда буря утихла, с детьми поступили следующим образом: девочку доверили урсулинкам, двух старших мальчиков — священникам из семинарии, а самого маленького — храброй соседке. Банистера нашли раненого и отправили в Отель-Дье. Когда он пришел в себя, он захотел увидеть г-жу де Пейрак, только ее. Буря уходила из города. Солнце уже пробивалось сквозь серую завесу облаков и своим желтым глазом осматривало хаос, царивший кругом. На улицах уже вовсю шла работа, стучали молотки, слышался звук пилы. Город постепенно приобретал свой нормальный вид.

Ванистеру пришло в голову, что Анжелика — единственная, кому он может доверить свое состояние. Поэтому, когда она оказалась у его изголовья, он

попросил ее наклониться поближе, чтобы больничная сестра ничего не услышала.

— От моей хижины ничего не осталось, верно? Но погреб! Там много всего, и безделушки, и ценные трофеи, и золото, много золота, оно лежит в горшках. Мое богатство... А еще сапоги. Я не хочу, чтобы они сгорели, когда будут поджигать дом. Сходите туда, в мой погреб, только идите одна... Остальные ограбят меня.

Сказав это, он продолжал свою исповедь уже громким голосом, не опасаясь чужих ушей:

— Мадам, вы так добры, не могли бы вы поговорить с губернатором, интендантом и епископом, чтобы меня оставили в покое? Я уйду в леса со своим старшим сыном и не буду никому мешать. А вам я отплачу за вашу доброту. Остерегайтесь тех, о ком говорил солдат Ла Тур.

— Я знаю их имена.

— Не двигайтесь! Это очень плохие люди. Они хотят вашей смерти... Они дали мне золото, чтобы я поджег дом маркиза, где вы живете... Я взял золото, но сказал им: подождите немного, не хватало еще, чтобы моя хижина тоже пострадала при пожаре... Предупреждаю вас, будьте осторожны!

Глава 66

Последующие, мартовские дни прошли довольно спокойно. Г-жа де Меркувиль не испытывала никаких огорчений по поводу того, что не удалось осуществить постановку пьесы; буря разрушила бы все их планы.

18 марта около восьми вечера был дан салют в честь Святого Иосифа.

19-го, во время торжественной мессы, прозвучал залп из пушки и три или четыре выстрела из мушкетов.

20-го г-н де Лаваль пригласил Анжелику посетить семинарию. Его высокопреосвященство ждал ее после вечерня. Г-жа де Пейрак уже второй раз посещала это крыло здания. В первый раз она появилась здесь на следующий день после прибытия а Квебек.

Движение на улицах еще было затруднено. Солнце лишь изредка проглядывало на небе, затянутом облаками, да и то, скорее всего, в честь праздника Святого Иосифа. Когда она входила в ворота семинарии, повалил снег. Ее проводили в маленькую комнатку, где епископ устроился, когда наступили великие холода. После обычного обмена любезностями он быстро подошел к главному: фактам.

А они заключались в том, что ее видели в Нижнем городе, она посетила этого ужасного колдуна. Ни одна уважающая себя дама не удостоит себя чести оказаться в этом притоне.

Анжелика спрашивала себя, что заставило епископа вдруг заняться ее «оплошностями», именно сейчас, когда идет Великий пост, а город еще не опомнился от ужасной бури. До епископа еще дошло, что Эсташ Банистер просил личного свидания с ней. Кроме того, он получил донесение от одного из кюре. Тот ворвался в одно из жилищ в воскресенье и обнаружил там сборище

людей, нарушавших обычаи Великого поста. Они оправдывались тем, что рагу, которое они ели, не содержало мяса, только кротовые хвосты, а эти животные обитают в воде. В доказательство своей невиновности они приводили тот факт, что такая набожная и благородная дама, как г-жа де Пейрак, тоже сидела за столом вместе с ними.

— Я гуляла с дочкой, и мы зашли, чтобы немного отдохнуть.

— Это были действительно кротовые хвосты?

— Мы выпили только молока, — из осторожности ответила Анжелика.

Наконец дошли до самого главного, до расследования лейтенанта полиции, которое он вел в связи с исчезновением графа де Варанжа. Расследование это привело к ужасным разоблачениям; в центре Квебека разыгрывались дьявольские спектакли с жертвоприношениями и осквернениями распятия. Лейтенант полиции долго беседовал с епископом, им необходимо прийти к единому решению, каким должно быть наказание этого человека за его колдовские операции... Как только они найдут его? Ведь он исчез.

— Его унес дьявол, — сказала Анжелика.

И в этой истории всплыло имя г-жи Пейрак. Анжелика пыталась придумать какой-либо предлог, чтобы оправдать свой визит к Красному Плуту. Может, сказать, что она приходила к нему за лечебными повязками? Рассуждения епископа о деле Варанжа подсказали ей выход. Ведь именно благодаря «разоблачению» колдуна ее притянули к этому делу. Вот почему она отправилась домой к Красному Плуту, она хотела потребовать от него объяснений его лжи и клеветы.

— Но что заставило его оклеветать вас? — удивился епископ.

— Без сомнения, его враждебность. Да и кто знает, что творится в умах этих колдунов?

Епископ задумчиво смотрел на нее. Во взгляде его серых глаз время от времени вспыхивал инквизиторский огонек. Он спрашивал себя, какие случайности, превратности судьбы помогли этой великосветской даме, доброжелательной и окруженной друзьями, быть замешанной во все эти подозрительные дела и волнующие истории, разыгравшиеся в разгаре зимы.

У Анжелики шевельнулось предчувствие, что он пригласил ее к себе не только для того, чтобы спросить о ее визите к Красному Плуту.

— Зима в этом году суровая, — сказал епископ. — Но не надо забывать, апрель уже близко, а он принесет нам избавление от всех наших бед...

В комнате воцарилось молчание. Затем его преосвященство решил переменить тему.

— Мне сказали, что из всех святых вы более всего поклоняетесь Богу-Отцу?

Она ответила утвердительно.

Епископ встал и пошел в свою библиотеку, чтобы показать ей библейские гравюры. Анжелика посмотрела в окно, не утих ли снег, но белые потоки продолжали расчерчивать черный экран ночи. Что-то ударилось в оконное стекло. Это был большой голубь, как бы искавший пристанища у людей, не найдя его на этой грешной земле. Город спасал его, давал ему пищу и укрытие. Он забился в угол окна и смотрел на нее понимающе и дружелюбно.

— Здесь его гнездо, — сказал епископ. — Маленький подоконник для него — прибежище. И он благодарит за это Господа нашего. Какой урок для нас, ведь мы так озабочены нашим благосостоянием и комфортом!

Обоюдная симпатия к голубю, казалось, придала епископу решительности, и он заявил:

— Прощу вас, мадам, задержитесь еще на несколько минут. У меня есть для вас важное и секретное сообщение. Оно касается вас и вашего мужа.

Глава 67

Он заговорил об отце д'Оржевале, что заставило ее насторожиться и показалось ей несчастливым предзнаменованием. Он пододвинул к себе кожаный бювар, который она заметила на столе, и открыл его. Там содержалось три послания, он достал их и назвал авторов. Но прежде он напомнил ей, что отец д'Оржеваль имел большой вес при дворе короля. Он много раз был у короля на приеме и умел привлечь его внимание во время долгих бесед.

— Здесь у меня несколько отрывков из его донесений королю. Он попытался заинтересовать его тем, чтобы использовать на военной службе на благо Франции огромные поселения местных племен. Он писал:

«Абенаки являются врагами англичан в вопросах религии. Их набожность смело ведет их на врага...». Немного далее он излагает свою точку зрения по вопросу втягивания абенаков в войну.

«Мы никогда не сможем сделать их настоящими христианами. Даже после крещения их религиозное чувство продолжает бороться с их грубыми предрассудками, которые и бросают их в лапы колдунов». Я проповедовал им, что достичь избавления и очищения можно, лишь уничтожив еретиков. И это благостное дело кажется им простым и понятным. Тысячи этих людей объединились под моим знаменем, на котором я приказал вышить пять крестов в окружении стрел и мячей...»

Письмо Кольберу, министру торговли и морского флота, которое также хранилось у епископа, содержало одобрительную оценку короля.

«Священник, отец д'Оржеваль, заслуживает всяческих похвал и поддержки, так как он единственный способен вновь разжечь войну с англичанами, с которыми мы подписали мирный договор и тем самым отрезали пути к их ослаблению и разрушению их могущества. Это прекрасная идея — перенести поле боя в леса Нового Света. Отцу д'Оржевалю следует продолжать свою деятельность и препятствовать возможным соглашениям с англичанами... Он не будет испытывать недостатка в помощи...»

На что министр, который прекрасно понял намерения своего государя, ответил следующее:

«Вы рекомендовали мне особо разжигать враждебность местных племен к англичанам, досаждать английским колонистам и, если будет возможность, подтолкнуть их к тому, чтобы они покинули страну и отказались от ее заселения...»

Король добился того, чего хотел.

— Когда было отправлено это письмо?

— Оно пришло к нам около двух лет назад. Именно в это время отец д'Оржеваль вернулся, чтобы возглавить миссию в Акадии.

— Теперь меня не удивляет широко организованная кампания по разжиганию войны, которую мы встретили и... я понимаю, почему наш приезд в Голдсборо и Катарунк был воспринят как злобное препятствие... И я воздаю по заслугам чувству справедливости в смелости, которые отличают всех офицеров Новой Франции и вас. Ваше Высокопреосвященство: все это вы продемонстрировали в ответ на наши мирные предложения.

— Верховный Совет Квебека должен обладать известной независимостью, ведь мы девять месяцев из двенадцати отрезаны от мира.

— Я чувствую, что мало знаю о вашей суровой и деликатной борьбе с отцом д'Оржевалем.

— Но борьба эта не закончена. Она вступила в новую фазу, хотя организатор ее был вынужден покинуть поле битвы. Но он приготовил ловушку…

Епископ убрал в ящик своего секретера досье, содержащее письма такого взрывного характера.

— Дело вот в чем: прежде чем покинуть Квебек, отец д'Оржеваль попросил моей аудиенции. В это время вы как раз прибыли в город. Он был краток, заявил о своем отъезде и, о бессмысленности обсуждать свое поражение. «Вы сделали свой выбор, Ваше Высокопреосвященство, Вы и члены муниципалитета Квебека». Он уступил дорогу тому, кто разрушил его планы в Акадии, графу де Пейраку. Он заявил, что мы все оказались в плену зла, но когда-нибудь мы раскаемся в этом. Он дает нам срок — шесть месяцев, до апреля, уточнял он, чтобы мы раскрыли глаза и увидели истинное лицо тех, кому сегодня доверяем. В тот момент мы нисколько не сожалели о том, что распахнули перед вами двери, но, возможно, нам придется изменить свое отношение, нас вынудят сделать это. Он собрал документы, содержащие обвинения против вас. «У вас есть время подумать, — заключил он, — до апреля. А затем я передам эти бумаги вам, Ваше Высокопреосвященство, совести Церкви в Новой Франции. В них вы найдете доказательства, которые помогут вам составить верное представление об опасностях, исходящих от этих людей из Голдсборо, а ваша паства почерпнет в них силы, которые уведут ее с разрушительного пути, на который она вступила». Апрель… Срок подходит. Вот почему я решил встретиться с вами и ввести вас в курс дела.

— Кто должен передать вам эти компрометирующие документы?

— Этого я не знаю. Единственное, в чем я уверен, это в том, что я не хочу их получать, не желаю их видеть... Вы понимаете меня?

— Отец д'Оржеваль случайно не намекал вам, чего конкретно касаются эти разоблачения?

Епископ покачал головой.

— Он казался абсолютно уверенным в том, что, получив эти бумаги, я уже не смогу оказывать вам свою поддержку.

Анжелика размышляла по поводу высказывания Виль д'Аврэя о «шпионе короля». Вероятно, какой-то незнакомец рыщет по городу и ждет своего часа, когда он передаст епископу обвинительные документы, которые тот получать не желает.

— Может, вам лучше было бы поговорить с моим мужем?

— Я не хотел возбуждать любопытства окружающих. Как только я принимаю у себя г-на Фронтенака или же других членов совета, так в городе сразу же рождается слух и дворцовом перевороте. Кроме того, мне хотелось сначала составить определенное мнение о том, в какой степени вы замешаны во всех этих историях... Мы объяснялись, я предупредил вас, а вы, в свою очередь, предупредите графа де Пейрака. Я прошу вас хранить тайну и быть очень осторожными.

— Что же делать? — в отчаянии спросила она.

— Этого я не знаю. Признаюсь вам, я не подозреваю какое-то конкретное лицо и не хочу говорить об этом с моими приближенными, дабы не распространять нежелательные слухи. Кроме нашего разговора, я ничего более не могу сделать для вас. Вы женщина умная и наблюдательная, вы сумеете составить себе определенное мнение... А граф де Пейрак человек ловкий и деятельный и сам защитит себя.

Все было яснее ясного.

«Найдите сообщника отца д'Оржеваля и не позвольте ему причинить вред...» Именно это и хотел сказать ей епископ.

Анжелика поднялась и поцеловала руку епископа.

— Я тронута. Ваше Высокопреосвященство, и муж мой разделит мою искреннюю признательность за вашу доброту и желание отвести от нас новые унижения.

— Нельзя допустить, чтобы вновь был разрушен этот хрупкий мир, с таким трудом созданный нами.

— Должна ли я считать, Ваше Высокопреосвященство, что мы своими действиями заслужили вашу доброту, не разочаровали вас и вы с радостью воспринимаете наше присутствие здесь?

Он любовался ее красотой и отдавал должное ее очарованию. Бесспорно, благодаря ей зима была не такой суровой и однообразной и сердца не заледенели от холода. Улыбнувшись, он ответил ей:

— Зимой... да, с радостью!

Откровенность епископа доставила ей удовольствие. Как только наступит лето, они уедут. Но куда? Это было неважно. Епископ желал, чтобы расставание было мирным, без разногласий и неожиданных препятствий. Нужно отдать ему должное, он ловко изъял части этого досье, что же касается их задачи, то, несмотря на ловкость графа де Пейрака, она сводилась, к поискам «иголки в стоге сена».

Прежде чем поговорить с мужем, Анжелика подумала о Красном Плуте. «Он обладает даром предвидения, очень умен, все знает о городе и его тайнах».

Придя к нему, она рассказала ему то, что узнала от епископа, кроме тех сообщений, которые касались лично ее. Она добавила, что епископ не заинтересован в получении этих бумаг, они всем принесут лишь несчастья. Но сложность состоит в том, что никто не знает, откуда будет нанесен удар.

— И вы пришли ко мне, чтобы я указал вам на этого человека, обладателя опасной писанины? — с иронией спросил ее Красный Плут.

Он сидел в углу своей лачуги и держал перед собой открытую книгу.

— ...Каким же это образом? Я закрываю глаза, я вижу?! Я его описываю и говорю его имя?

— Но ведь вы же сумели увидеть меня, когда я была так далеко от этих мест? — прошептала Анжелика.

— Я уже говорил вам, я не желаю больше заниматься предвидением! С этим покончено! Я хочу заняться изучением...

И он перевернул страницу своей книги, где были изображены знаки зодиака.

«Решительно, его обратили в свою веру наставницы-урсулинки», — подумала Анжелика.

Епископу больше не следовало волноваться о судьбе этого колдуна.

Красный Плут насмешливо поглядывал на нее.

— Вы такая же, как все! Вам все подавай на блюдечке! У кого эти письма? А почему вы не спросили меня, кто их принесет? Почему вы уверены, что этот человек в городе? Епископ сказал вам: «В конце зимы, март или апрель...» Что это значит? Что его еще нет в городе. Он еще только должен появиться.

— Но откуда и каким образом? Мы окружены льдами. Послания из Европы дойдут до нас не раньше июня, ближе к концу мая.

— Но морской путь из Новой Англии свободен. Корабли могут свободно курсировать и привозить почту. А начиная со следующего месяца опытный «путешественник» вполне может предпринять поход на север. Бури почти прекратились.

— Что же получается? Посланник придет с юга, получив документы в одном из портов на берегу океана?

— Конечно! Ищите необходимые сведения! Следите! Оружие в ваших руках. Разоблачать хитрости своих врагов — это людское занятие. Победа достанется самому хитрому.

— Может, у вас есть какие-нибудь идеи по поводу того, кто может быть этим посланником?

— Хорошо, хорошо! Я подумаю. Зайдите ко мне еще раз. Но помните, я покончил со всеми заклинаниями. Мне остаются мои книги и тайны, которые я хочу постичь. Черная и белая магии вырождаются и скоро совсем потеряют свой смысл. Отвратительный бред! — проворчал он с глубоким презрением и сплюнул.

— ...Скоро придет Эра Разума и возродится источник живой воды, то будет Знак свыше.

Он указал на раскрытую страницу своей книги.

— Великий Сеятель... — пробормотал он. — Посмотрите! Мудрый старик у источника Знания.

Она наклонилась, чтобы рассмотреть зодиакальные изображения, и в этот момент на улице раздался страшный шум, дом осветили отблески зажженных факелов. Пронзительно закричала старая женщина, дом которой находился под домом колдуна.

Анжелика встала, чтобы узнать, в чем дело. Внезапно дверь распахнулась, и на пороге появился прокурор Тардье де ла Водьер, высокий и красивый, с факелом в руке. На нем была его судейская мантия и парик, он явно находился при исполнении своего служебного долга. Он был так же удивлен при виде Анжелики, как и она. Однако он быстро пришел в себя. Согнувшись, он вошел в лачугу Красного Плута. Даже не осмотревшись, хотя окружающая обстановка не внушала ему ничего, кроме отвращения, он развернул свиток, украшенный лентой и гербовой печатью, и начал читать. Кроме обычного вступления, текст содержал предписание Жану-Марии-Луи-Тома Жометту покинуть дом и в сопровождении караула явиться в

канцелярию суда, где он будет подвергнут допросу лейтенантом полиции. Если же он окажет сопротивление, то солдаты будут стрелять без предупреждения.

Перед дверью стояли судейский чиновник и секретарь Королевского Совета.

— Почему вы задерживаете его? В чем вы его обвиняете? — спросила Анжелика, как только до нее дошло, что напыщенное имя Жан-Мария-Луи-Тома Жометт является официальным именем Красного Плута.

— Колдовство! Мадам, я позволю заметить себе, что крайне удивлен, застав вас в этом мрачном притоне. Что вы здесь делаете?

— Я пришла передать господину Жометту уверения епископа, что он не будет более потревожен никем, так как против него нет никаких обвинений. Его Высокопреосвященство — единственный, имеющий права на обвинения подобного рода. Кроме того, лейтенант полиции лично говорил мне, что в наши дни судят не за колдовство, а за преступления.

— Преступления найдутся! — радостно заявил прокурор. — Необходимо, чтобы он покинул эти места, и я получил наконец высочайшее разрешение на то, чтобы ликвидировать этот непристойный квартал.

— Вам необходим предлог, чтобы оправдать выселение?

— Совершенно верно! Колдун! Никто не станет порицать меня за это... Во что вы вмешиваетесь? — резко спросил он. — Почему вы и ваш муж всегда оказываетесь замешанными в различные подозрительные истории? У губернатора что, нет глаз?

— Губернатор прекрасно понимает и ценит те преимущества, которые можно извлечь из дружеских отношений, проводниками которых мы являемся в Новой Франции. Он шире смотрит на свои обязанности, чего нельзя сказать о вас.

— Мы не будем обсуждать это здесь. Каким бы узким ни было мое понимание судебного долга, мне все равно кажется странным ваше обращение с подобным типом.

— Я принесла ему гарантии от епископа. Вы можете узнать об этом в его канцелярии.

— Вздор! У меня тоже есть гарантии, и они предписывают мне немедленно уничтожить всю эту гниль!

— Вы собираетесь выкинуть его из дома?

— И это вы называете домом! Неужели вы не видите, что скопление этих бараков как связка хвороста для пожара?

— Скорее вы спалите мою хижину вашими факелами, — сказал Красный Плут. — Он спокойно продолжал сидеть с книгой в руке. — И вот что я вам скажу, прокурор, отойдите немного в сторону, а то вы задавите моего эскимоса, там, в углу: в гневе он опасен, как белый медведь.

Ноэль де ла Водьер опустил глаза и около своей ноги увидел темное лицо эскимоса и его ухмылку, обнажавшую острые зубы. Он отскочил в сторону, и его парик зацепился за лампу «вороний клюв». Горящее масло опрокинулось, и белые завитки охватил огонь.

Анжелика хотела броситься к Ноэлю Тардье и потушить пламя своим пальто, но тот выскочил из дома, испугавшись эскимоса и не заметив, что его парик горит. Его секретарь Карбонель побежал за ним, но споткнулся на прогнившей доске и закричал, так как сломал себе ногу. К его ужасному крику добавился голос прокурора, заметившего наконец пламя на парике; он сорвал его и бросил далеко в сторону. Описав огненную дугу, подобную следу кометы, парик упал на маленький дворик, где лежала куча мусора. Все сразу же схватилось пламенем: злосчастная куча,

ограда, соседний дом. Его обитатели едва успели выскочить и оказались в сугробе на улице Су-ле-Фор.

Лучники стояли в нерешительности; они не знали, куда бежать: вниз, чтобы потушить огонь, или наверх, на помощь орущим прокурору и его секретарю.

— Помогите мне вынести отсюда г-на Карбонеля, — обратилась Анжелика к мужу Беранжер.

Но тот, остолбенев, наблюдал за бушующим пламенем. Наконец сержант проявил хладнокровие. Отдав приказ затушить факелы в снегу — было достаточно светло и без них, — он взял двух мужчин, и они поспешили на помощь секретарю, остальных он отправил на выручку жителей близлежащих домов. Те с криками выбегали на улицу, пытаясь спасти хоть что-нибудь из домашней утвари или своего имущества. О том, чтобы попытаться потушить пламя, никто и не задумывался.

— Помогите детям и старикам, — кричал сержант, — уведите их!

Ветер подхватил несколько связок горящей соломы, и они упали прямо на заднем дворе трактира «Корабль Франции».

Прибежал слуга и сообщил, что загорелись пустые бойки перед магазином.

— Мои бобровые шкурки! — закричала Полька. — Моя мебель… мой дом.

Кирками и лопатами пытались пробить берег в надежде добраться до воды.

— Колодцы!

Дома, где были внутренние водяные скважины, наполнились мужчинами и женщинами с ведрами.

— Ведра!

Ведер явно не хватало. Ключ от магазина, где были ведра, необходимые при пожарах, находился не то у прокурора, не то у Карбонеля.

— Топоры!

Топоры тоже были там. Нужно было бежать в канцелярию суда. Никто на заднем дворе «Корабля Франции» не знал, что в это время прокурор с обожженной щекой и секретарь суда со сломанной ногой находились в Нижнем городе. Наконец им удалось остановить пожар. А Нижний город был принесен в жертву огню. Поднявшийся ветер гонял огненных змеев, и никто не мог предположить, в какую сторону они полетят в следующий момент.

Полька вернулась в зал трактира, где Анжелика помогала солдатам уложить на скамью стонущего секретаря.

— Он зовет тебя! Ты слышишь?

— Кто?

— Красный Плут! Он остался там!

Анжелика побежала. Огонь добрался до хижины Красного Плута, последней на верхушке скалы. Она увидела его, он стоял на пороге, крепко прижимая к себе книгу, и смотрел на черное от дыма небо.

Полька упала на колени около Анжелики.

— Скажи ему, пусть остановит огонь! — закричала она. — Он один может это сделать. Скажи ему! Пусть отведет от нас это бедствие! Скажи ему! Он послушает только тебя.

Затрещали цоколи хижины, фасад накренился, обрушился потолок. В огневой вспышке исчезли Красный Плут, его эскимос и его проклятые книги. Внезапно со скалы сорвался вниз огромный поток грязи, камней и льда, который обрушился всей своей мощью на пылающие дома и потушил их. Последние языки пламени затихли под снегом, и наступила темнота. Оказалось, что вся трагедия длилась двадцать минут.

Облака дыма, поднимавшиеся от пожарища, нарушили покой обитателей замка Сен-Луи: губернатор, офицеры, лакеи и поварята высыпали на террасу.

Солдаты из охраны г-на де Фронтенака припустили к Нижнему городу с криками «Пожар!». Зазвонил соборный колокол. Военные взломали дверь магазинчика, достали и распределили ведра, лопаты, топоры и лестницы. Спасатели появились перед трактиром, где стояла безмолвная толпа, которая кашляла и плевалась под дождем пепла.

— Каким образом потух пожар? — спросили они.

— Колдовство! — ответили очевидцы.

***

Прокурор отказался принять от г-жи де Пейрак какое-либо лекарство для своей обожженной щеки. На память об этом дне на его лице остался шрам, который непонятным образом придавал ему более умный вид. Жалели его немногие.

— Ну что, вы довольны? — говорили ему со злобой. — Очистили наконец ваш квартал?

Эта история еще долго преследовала Ноэля Тардье де ла Водьера.

Тем забывчивым, кто встречал его и интересовался, что же произошло, он отвечал:

— Я сжег колдуна!

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ПОСЛАННИК СО СВЯТОГО ЛАВРЕНТИЯ

Глава 68

Жизнь в городе продолжалась своим чередом. Каждое утро шестеро ловких парней относили Карбонеля в канцелярию суда. Его осаждали шутками различного рода, он же отвечал на них угрюмым молчанием. Но больше всего потешались над прокурором. Он так боялся пожара, всю зиму только и говорил об этом и в конце концов сам оказался поджигателем! Никола Карбонель не мог этого отрицать. Он видел собственными глазами, как прокурор отбросил свой горящий парик на крыши домов квартала Су-ле-Фор. Сам секретарь предпочитал молчать об этом, но другие тоже все видели, свидетелей было достаточно.

Поползли слухи, что в семье прокурора состоялся довольно резкий разговор.

— Вы сделали меня посмешищем всего города, — кричала Беранжер, она была вне себя. — От меня либо отворачиваются, либо смеются мне в лицо. И в этом виноваты только вы. Я знала, что вы глупы, но не до такой же степени! Как вам пришло в голову отправляться на подобное задание в мантии и парике, с факелами для освещения...

— Я устал повторять вам, что не факелы были причиной пожара, — орал Тардье де ла Водьер, — они были там просто необходимы, в этих злосчастных притонах всегда ужасная темень. Мой парик задел за горящую лампу.

— Но зачем вы явились в этот притон? И почему вечером?

Он молчал, с мрачным видом трогая повязку на своей ране.

— Так я вам скажу, я! Ваши шпионы доложили вам, что там находится госпожа де Пейрак. И вы решили застать ее врасплох — молчите! — арестовать ее заодно с колдуном, припомнив ей старые споры по поводу колдовства — нет, дайте мне сказать! — и все это для того, чтобы, причинив ей зло, поразить человека, которого вы ненавидите, но боитесь с ним сражаться в открытую — графа де Пейрака!

— Мадам, вы ведете себя с этим человеком самым бесстыдным образом, — Ноаль Тардье побелел от гнева, — по его милости я ношу рога!

— Увы, нет. И в этом мое несчастье! — парировала Беранжер. — Увы! Вы не рогоносец, и я сожалею об этом. Но все еще впереди... И если я этого добьюсь, то это будет моя месть вам!

На месте разрушенного квартала граф де Пейрак велел построить небольшой бастион, который будет охранять дом Виль д'Аврэя. Днем и ночью там несли караул его люди. Их бдительность усиливалась присутствием собаки, которая своими беспорядочными прыжками сможет предупредить о начинающемся пожаре.

Но пламя, разрушившее целый квартал, казалось, выдохлось, и, глядя на спокойно спящую собаку Банистера, все понимали, что опасность более не угрожает городу.

Анжелика рассказала мужу об опасениях епископа и о суждениях по этому поводу колдуна, жизнь которого оборвалась так трагично.

Без него им будет трудно угадать, кто в следующем месяце передаст епископу разоблачительные документы.

Предстояло хорошенько обдумать предположение колдуна, что посланник получит донесение из Европы на юге страны и предпримет довольно опасное путешествие по Святому Лаврентию. Но нельзя было

исключать возможность того, что бумаги уже в Квебеке, в руках одного из приближенных отца д'Оржеваля, и он не замедлит их вручить, как только истечет срок, назначенный иезуитом.

— Может быть, это отец де Геранд? — спросила Анжелика. — Он так враждебно к нам относится.

— Я поговорю с Мобежом, — сказал граф.

***

Первое известие пришло из совершенно неожиданного источника. От г-на Лубетта. Это был довольно старый человек, прикованный к постели: он был в курсе всех событий, потому что к нему часто приходили навестить и справиться о здоровье его старые приятели по службе, более молодые, будучи проездом в Квебеке, и дамы из «Святого Семейства». Все его посетители служили для него прекрасным источником информации.

Он не доверял церковнослужителям, те говорили лишь то, что хотели сказать. В первую же неделю их пребывания в Квебеке Виль д'Аврэй представил Анжелику Пьеру Лубетту. Она часто навещала его, и он привык к ней и рассказывал различные истории из прошлого, ведь это интересовало ее.

— Я принесла вам табак, — говорила ему Анжелика, нанося очередной визит.

— Я не могу больше курить.

— Но вы можете его просто жевать, это улучшает настроение.

Благодаря ее снадобьям он меньше кашлял. И время от времени, когда она приходила, он закуривал свою знаменитую трубку, набив ее табаком из Вирджинии, который приносила Анжелика.

— Вы мне нравитесь, — объявил он ей однажды. — Поэтому я вам расскажу, куда отправился Пасифик Жюссеран.

— А кто это такой?

Старик устроился поудобнее на своих подушках и затянулся трубкой.

— Это один из преданных людей отца д'Оржеваля.

Анжелика насторожилась и села к изголовью старика. Она догадывалась, что сейчас узнает что-то очень важное. Имя Пасифик Жюссеран ни о чем не говорило ей.

— Вы его знаете, — сказал старик, — вы ухаживали за ним и вылечили его, в прошлом году, в Вапассу.

Теперь она вспомнила его. В разгаре зимы он появился в форте, он принес графу Ломени-Шамбор письмо от отца д'Оржеваля. Погода была ясная, и солнце, отражаясь от белого снега, едва не лишило его зрения. Она лечила его отваром из сосновых почек. Это был молодой дикарь, чурающийся людей, до конца преданный своему хозяину-миссионеру.

— Он отправился к югу, к тем берегам, где море не замерзает всю зиму. Корабли причаливают там отовсюду: из Америки, Новой Англии. Там он встретится с курьером из Франции, который передает что-то для отца д'Оржеваля. Это «что-то» содержит неприятные вещи для вас и вашего мужа.

— Но откуда вы узнали об этом?

— Он пришел навестить меня накануне отъезда. Когда-то мы бывали с ним в разных переделках. Но потом он полностью посвятил, себя отцу д'Оржевалю и его миссии.

— Когда он должен вернуться?

— Вряд ли он, сумеет достичь Квебека до оттепели. При условии, что ожидаемый корабль уже прибыл. Это могут быть голландцы или англичане, они рискуют выходить зимой в открытое море...

— Что же может конкретно причинить нам вред?

— Об этом я ничего не знаю. Но Пасифик утверждал, что сведения эти подобны взрыву. Они уничтожат вас, врагов его хозяина-иезуита. Я сказал ему, что он сошел

с ума, не нужно во все это вмешиваться. Но он всегда был немного безумен. Абенаки прозвали его «Упрямый чудак», а те, кто не любил его, — «Сумасшедший чудак». Достаточно иезуиту посмотреть ему в глаза, и он готов целовать его следы.

Продолжением откровенного рассказа Пьера Дубетта послужил совет, на который собрались Барсемпью, д'Урвиль, Пиксаретт, Элуа Маколле и Никез Эртебиз: все они знали слугу отца д'Оржеваля.

Красный Плут в своих рассуждениях оказался прав. Но сможет ли Пасифик Жюссеран в погоне за разоблачающими бумагами добраться до цели? Даже для выносливого и фанатичного человека столь длительное путешествие таит немало опасностей. Шансов на успех остается очень мало. Его может застигнуть буря и сбить его с тропы, либо он не перенесет жестоких морозов и заживо обледенеет. А найти себе попутчика в это время года очень трудно.

Пиксаретт не произнес ни слова. По возвращении из окрестностей Лоретты он казался немного рассеянным. Он сидел на земле и курил свою трубку. Табачный дым окутал всех собравшихся. Граф де Пейрак и граф д'Урвиль курили сигары, остальные — трубки, и это никому не мешало, кроме Анжелики, которая к концу собрания почувствовала, что ее грудь забита табачным дымом, а сама она плыла в голубоватом облаке. Дело Пасифика Жюссерана омрачало ее настроение. Кроме того, перед глазами все время стоял Пиксаретт, он долгое время сопровождал иезуита в его войнах. В последнее время ей стало казаться, что они по каким-то причинам отдаляются друг от друга. Что-то нарушилось в их сообществе. В этот момент веселый лучик блеснул в глазах индейца, к нему вернулся его довольный вид; казалось, что он сейчас закричит: «Я нашел! Я знаю, что делать!»

Он игриво подмигнул Анжелике.

По какой дороге придет Пасифик Жюссеран? С какого конца он войдет в город?

В Леви у него был маленький участок земли и домик. Элуа Маколле предположил, что он остановится в нем, если войдет в город с юга. Поэтому он решил навестить своего сына и невестку, которые жили по соседству с Пасификом, и попросить их последить за его жилищем.

Маколле был в ссоре со своей семьей, и попытка примирения ни к чему ни привела. Жена его сына, Сидони, была женщиной суровой и скандальной. Она захлопнула дверь перед носом своего свекра, когда он однажды заночевал у своей старинной приятельницы. Дело осложнилось тем, что вскоре одна из дочерей этой приятельницы забеременела, не будучи замужем. Сидони тут же распустила слух, что все это проделки ее свекра. Элуа Маколле качал головой; «Я ведь ухаживаю за мамашей!»

Сейчас Маколле постарался отогнать это неприятное воспоминание.

— Ничего, покричит и перестанет! Ох уж эта Сидони! Ей придется слушаться меня. Не могу же я все время караулить его там, когда он может появиться с другой стороны.

Он отправился в Леви, поспорил со своей невесткой, порыскал в окрестностях дома Жюссерана и, дав задание сыну и невестке, вернулся в Квебек. Преследователи развернули широкую сеть, чтобы не пропустить посланника и не дать ему появиться в Квебеке. Огромное число сыщиков, знавших его в лицо, рыскали по городу, преграждая подступы к епископу.

Под наблюдением находились все дома, подвалы которых сообщались с подвалами семинарии.

Несколько дней спустя напряжение спало. Сильнейший снегопад как бы отрезал их от внешнего мира. Белая пустыня захлопнулась на замок. Индейские

охотники привезли в Отель-Дье своих обессилевших от холода стариков. Сами они устроились на подступах к городу, продолжать охоту они не могли. Деревне грозил голод. Приближалась Пасха.

Когда наступила страстная пятница, интендант Карлон в сопровождении нескольких членов Совета появился в Отель-Дье, чтобы раздать бульон больным и вымыть ноги беднякам.

Это была очень трогательная церемония; ее истоки восходили к старинным временам, когда императоры раз в год преклонялись перед теми, кому Господь оказывал предпочтение: перед бедными. Поскольку последние дни Великого поста были ознаменованы злобными выходками и крючкотворством, то ровное, спокойное поведение г-жи де Кастель-Моржа служило для остальных назиданием.

— Сабина просто ангел, — говорили дамы из «Святого Семейства», — и как только ей хватает сил!

За ее сдержанной улыбкой скрывалась невыразимая радость. Подруги завидовали ей. Иногда, когда она была одна в своих апартаментах в замке Сен-Луи, она брала в ладони маленькую чашу из золота, выполненную в форме ракушки, а в основании ее были чудесно выгравированные черепаха и ящерица из зеленого нефрита.

Она любовалась этим восхитительным предметом, целовала его, держала в руках и прижимала к щеке; в нем заключалась вся ее сила, помогавшая ей все преодолеть, все пережить.

Несколько дней спустя после их встречи с г-ном де Пейраком ей принесли эту итальянскую, довольно дорогую безделушку. Она лежала в шкатулке, отделанной бархатом, там же она нашла и открытку. На ней значилось: «Для госпожи де Кастель-Моржа». Слезы Сабины упали на чистое золото. Что мог означать этот

жест? В чем был скрытый смысл этой чаши? Прощение? Прощание?

Она сохранила и открытку, но потом сожгла ее, так как она юудила в ней беспочвенные надежды и причиняла ей боль.

Глава 69

Наступил апрель. Слежка не прекращалась, о посланнике не было никаких новостей.

Второе упоминание о Пасифике Жюссеране произошло при совершенно неожиданных обстоятельствах. Одна женщина из Нижнего города, следуя обычаю своих предков, утром и вечером подметала порог своего дома, чтобы прогнать духов. Однажды она вылила на снег ведро воды. Маркиз Виль д'Аврэй, проходя мимо, поскользнулся на этом катке, упал и не смог встать. Срочно вызвали Анжелику. Она обнаружила маркиза в трактире «Корабль Франции» в окружении своих друзей, которых он собрал со всего города. Там были все, даже ворчун, лейтенант полиции Гарро д'Антремон.

Виль д'Аврэй с бранью набросился на него.

— Посмотрите, что происходит из-за того, что вы не следите за выполнением ваших приказов. Толпа шалопаев и озорников сбивает вас с ног!

— Вас сбили?

— Нет! Но могли сбить!

При появлении Анжелики все с уважением и почтением расступились перед ней, как будто она владела волшебной палочкой, способной поставить на ноги любого.

Во время своего визита в резиденцию судьи Анжелика решила, что лейтенант полиции недоволен ее врачебной деятельностью. Именно поэтому присутствие Гарро д'Антремона расстроило ее.

— Вы разрешите мне осмотреть его, господин лейтенант? — спросила она.

— Ну конечно! Почему нет? Напротив, — пробормотал д'Антремон, удивленный таким началом.

В этот момент Анжелика вспомнила, что причина ее вызова к лейтенанту была совершенно иной. Но было уже поздно загладить неловкость. Бедный Гарро не понимал, почему так враждебно отнеслась к нему госпожа де Пейрак. В городе было мало женщин, которых бы он уважал так, как ее, кроме того, он тоже преклонялся перед ее красотой. Конечно, он был убежден, что она лгала ему в тех вопросах, что были связаны с делом Варанжа; все эти гасконцы — авантюристы, считают, что закон для них не писан. Но это к делу не относилось.

— Вы огорчили его, — сказал Виль д'Аврэй. — Какая муха вас укусила? Ах, моя дорогая, я так страдаю! Наверное, я сломал лодыжку.

Оказалось, что он ее просто вывихнул.

В течение всего осмотра Виль д'Аврэй стонал, плакал, хватался руками за своих друзей, желавших подбодрить его в столь тяжелые минуты. Анжелика убедилась сама и убедила его, что у него все цело.

Она рекомендовала ему две-три недели полного покоя, бинтовать ногу и класть ее на подушку.

— Я останусь здесь, — решил Виль д'Аврэй. — Для меня всегда найдется компания. Вы не против, Жанин? — обратился он к хозяйке трактира.

Все закончилось благополучно, и Анжелика призналась себе, что не очень расстроилась из-за того, что Виль д'Аврэй вынужден остаться в Нижнем городе прикованным к постели. Маркиз был чересчур любвеобилен, он любил пококетничать с женщинами, хотя предпочтение отдавал молодым юношам. Милая и умная Анжелика внушила ему такую страсть, что он забыл о всех, своих прежних привязанностях. Когда ее не было рядом, он скучал. Как и Никола де Бардане, он искал ее по всему Квебеку, хотел быть в курсе всех ее дел.

Теперь же положение изменилось, он будет не так непоседлив, как раньше, и она сможет видеться с ним тогда, когда сама этого захочет, и покинуть его всякий раз, как он покажется ей невыносимым. Виль д'Аврэй не был простофилей и все понял. Сначала он обвинил ее в жестокости, но потом вынужден был смириться. Теперь он был беззащитен и боялся, что она совсем забудет про него, откажется ухаживать за ним, а то и вовсе отдаст его в лапы этого корабельного хирурга Рагно, который называл себя врачом, но ничего, кроме вреда, не мог ему принести.

— Ах, как я люблю, когда ваша рука касается моей кожи! У вас такие нежные пальчики. Желая по меньшей мере хоть изредка ощущать прикосновение ее руки, он смирился и готов был на любые жертвы.

Он тяжело переживал свое бездействие. Лишенный всех своих любовных похождений, он почувствовал в сердце необъяснимую пустоту.

Г-н Дажне, его священник, навещал маркиза и читал ему, но Виль д'Аврэй прогнал его: чем чаще он его видел, тем ярче были воспоминания о том, что он покинул его именно в тот момент, когда демоны угрожали его жизни.

Припомнив все пережитое прошлым летом, маркиз затосковал по молодому Александру де Росни, сопровождавшему его в начале путешествия и отказавшемуся вернуться в Квебек.

— О, дорогая Анжелика, — умолял он. — Говорят, что вы обладаете даром призывать к себе людей на расстоянии. Пожалуйста, заставьте вернуться моего Александра...

Два дня спустя Александр де Росни появился в большом зале «Корабля Франции». Поначалу никто не обратил особого внимания на этого путешественника с обмороженным носом и скулами, но, когда он сбросил свои меховые одежды, радости не было конца. Все

узнали молодого красавчика с надутыми губками, которыми всегда любовался маркиз. Казалось невероятным, что он смог в это время года добраться сюда из Акадии, однако он был здесь. Он принес новости со всего побережья и своим приходом прорубил брешь в кольце зимы.

Сияющий маркиз благодарил Анжелику, она же убеждала его, что совершенно ни при чем. Не мог же он за два дня добраться до них, он должен был пуститься в дорогу по меньшей мере несколько недель, а то и месяцев назад.

Она усадила молодого человека на табурет и смазала бальзамом ожоги на его лице, потом с любовью взъерошила его светлые волосы. Этот милый храбрец был из той же породы, что и Филипп дю Плесси-Бельер, который с четырнадцати лет сражался на войне в кружевном воротничке.

Столь опасное путешествие сделало молодого человека более разговорчивым и поубавило его высокомерие.

Он рассказал, что многие районы обезлюдели, а в индейских вигвамах, где он думал найти прибежище, он находил мертвых жителей, скончавшихся от холода или голода, или того и другого одновременно.

— Это сумасшествие! — вздыхал маркиз. — Ты не должен был пускаться в эту авантюру, даже ради того, чтобы увидеть меня.

Александр пожал плечами. Ведь он был не одинок. Были и другие, которые рискнули одолеть огромную белую пустыню.

И он произнес имя Пасифика Жюссерана, «преданного» отца д'Оржеваля, которого он встретил в миссии Святого Франциска; он также направлялся в Квебек.

Ему также пришлось преодолеть тяжелые перевалы. Казалось, силы его на исходе, но он безумно

жаждал продолжить путь. Он остановился в миссии на несколько дней, чтобы найти себе другую пару обуви, и в конце концов решил сшить ее сам. Он носил с собой сумку, с которой никогда не расставался, даже спал с ней. Его проводник-индеец отказался следовать за ним дальше. Пасифик долго наблюдал за Александром, затем сел рядом с ним на скамью и предложил ему закончить путешествие вдвоем. Он знал самые лучшие и самые короткие тропы, и они быстро доберутся до цели, а кроме того, опасно путешествовать одному в это время года.

Александр сделал вид, что согласен. Но утром, когда Пасифик был на иезуитской мессе — а он не мог ее пропустить, он был фанатично религиозен, — молодой человек покинув миссию и пошел по своей дороге. Он всегда путешествовал один, дабы избежать предательства своего попутчика.

— Хоть раз в жизни ты поступил разумно, — сказал Виль д'Аврэй. — Ты правильно сделал, что не пошел с ним. Я уверен, что он хотел убить тебя или того хуже!

— Во всяком случае, теперь он недалеко и должен вот-вот появиться, — высчитал Элуа Маколле, как только узнал все эти новости, — он придет со стороны Леви, как я и предполагал, остановится на ночь в своем жилище, потом пересечет Святой Лаврентий и направится прямо к епископу. Возможно, он ни о чем не догадывается... а может, и догадывается, у него дьявольское чутье... Ведь именно поэтому он хотел, чтобы Александр пошел с ним... он не хотел допускать, чтобы тот появился в Квебеке раньше его и все рассказал... И скорее всего он убил бы его... Для него это раз плюнуть... Это хитрое, мстительное животное, признающее только своего хозяина... и послушное этому хозяину даже на расстоянии...

Это предупреждение всех поставило на ноги, хотя и без того в поле зрения сыщиков находился каждый

квадратик земли. Элуа Маколле вновь посетил Леви, чтобы еще раз предупредить своего сына и невестку быть более бдительными.

Так как внимание значительной части обитателей Квебека было приковано к появлению Пасифика Жюссерана, то это позволило не заметить другой зарождавшийся тайный заговор. Первой его жертвой стал Элуа Маколле. Он возвращался из Леви после своего второго визита. Ночь была тихой, сияла луна. Маколле пересекал реку по тропе, размеченной вехами, как вдруг внезапное предчувствие заставило его выбросить вперед свою палку, окованную железом, и ударить ею по льду. Он остановился как вкопанный. На него смотрел глаз змеи. Круглый и блестящий, отражавший в глубине своего черного зрачка дрожащий блеск звезды, он завораживал, притягивал, манил в пропасть... Вода...

Элуа не мог даже пошевелиться. Он бросил взгляд на окружавшую его бескрайнюю белую долину и осознал всю хрупкость своего тела. Его уши наполнились гулким шумом, холод сменился жарой. Началась оттепель. Неподвижный человек посреди реки, ледяной покров которой покрылся трещинами, он поднял глаза к небу, усыпанному звездами.

— Святая Анна, спаси меня! — закричал он.

Как он добрался до берега? Он не помнил. Первое, что он сделал, это отправился к скульптору ле Бассеру.

— Ты закончил гравюры с изображением Святой Анны? Я хочу взять десять книг в позолоченном переплете. Я неверующий, но эта добрая святая спасла мне жизнь.

Тем временем Святой Лаврентий испытывал жестокие муки, которые принесла ему оттепель. Огромный водяной змей пробуждался ото сна. Скоро он потеряет свою ледяную кожу, сквозь вздыбленные

обломки льда проступит его новая кожа, темно-голубая с зеленоватым отливом.

За три дня природа полностью изменилась. Однако зима не спешила уходить. Земля еще была укрыта снегом, но с деревьев уже капало.

Остров Орлеан вернул себе свою обычную темную масть с рыжеватыми прожилками вдоль хребта кленовых зарослей с облинявшими ветками.

Однажды утром какая-то женщина подошла к дому Виль д'Аврэя и принялась яростно стучать в дверь медным молотком. Напрасно ей кричали из окон, чтобы она вошла со двора, она ничего не желала слышать и оставалась на месте, около двух Атлантов.

Чтобы впустить ее, потребовалось найти ключ, разбаррикадировать дверь, отодвинуть засов и маленькую щеколду.

— Он здесь, этот висельник? — спросила она с надменным видом.

Она представилась: оказалось, что это гневная невестка Элуа Маколле, Сидони.

Это была невысокая женщина с замкнутым лицом. Ее отец был булочником-эмигрантом, а когда получил свое поместье, заделался коммерсантом и фермером.

Анжелика с любопытством разглядывала свою гостью. У нее не было детей, что наверняка раздражало ее. Свой брак она расценивала как неудачный и больше была похожа на вдову. Но зачем же она выходила замуж, если не любила?

— Мы видели его, вашего хорька, Пасифика Жюссерана, — сказала она, обращаясь к своему свекру. — Как вы нас и предупредили, он появился ночью, рыскал вокруг своего дома, но не решился войти, поостерегся. Потом он исчез.

— Кто видел его?

— Я, — ответила она.

Ее засыпали вопросами. Она рассказала, что дежурила несколько ночей в охотничьем укрытии. Однажды ночью она увидела этого человека, он выходил из леса. Он еле-еле передвигал ноги. В нескольких шагах от дока он остановился и принюхался, затем передумал и вновь скрылся в лесу.

— Он все чует, как лисица, — проворчал Маколле, вставая и одеваясь.

Чего он боится? Что ценное несет он с собой, что так страшится потерять? Перешел ли он через реку? Он не мог этого сделать, иначе его бы заметили.

— А сегодня это очень рискованно, как никогда, — сказала женщина. — Подводные течения и треснувший лед быстро затащат вас вниз.

— А вы-то как добрались? — спросил старик, бросив да нее острый взгляд из-под мохнатых ресниц.

— На лодке старого Антуана, такого же ненормального, как и вы. — Хотя непонятно, плыли ли они или, как блохи, прыгали с одной глыбы льда на другую.

— Так недолго было лишиться своей шкуры, — резко произнес он.

— Ну, вам-то это доставило бы удовольствие, — возразила она.

Анжелика хотела удержать ее у себя, пригласила на обед, но та отказалась и пошла к двери, запахнувшись в шаль. Ее белый чепец, завязанный под подбородком, не полностью покрывал ее светло-каштановые волосы с проблесками седых нитей. Хотя ей вряд ли было больше тридцати пяти. Анжелика проводила ее до двери.

— Я рада, что познакомилась с вами, Сидони, и я благодарю вас. Вы не рассказали старому Антуану о вашем поручении, прежде чем отправились в опасный путь?

— Свекор велел мне ни с кем не болтать, он сказал, что об этом должны знать только мы.

Она посмотрела на Анжелику оценивающим взглядом, в котором не было и намека на нежность.

— Так это вы Дама с Серебряного Озера? Как вам удалось заманить в ваши сети этого старика?

— Он вовсе не старик, — возразила Анжелика, которая любила Элуа. — И я не понимаю, почему вы хотите заставить его жить по-стариковски. Он сильный и здоровый мужчина, осенью он убил ножом огромного медведя. Он мог бы дать сто очков вперед некоторым молодым.

Сидони с горечью добавила:

— С ним, по крайней мере, можно иметь ребенка.

Глава 70

Предводитель абенаков Пиксаретт сидел на стене, окружавшей фруктовый сад м-зель д'Уредан. Он смотрел вдаль, на север. Ночь наполнялась шумом вскрывающейся реки. Луна еще не взошла. Небо было темно-голубое с металлическим оттенком, и в сиянии звезд присутствовала эта голубизна, чистая и ясная.

На Пиксаретте была его огромная медвежья шкура, которая делала его похожим на античного героя. Из слухового окна за ним наблюдала прислуга — англичанка. Она вспомнила своих пропавших детей, своего малыша, который стал добычей индейца, такого же абенака, как и этот; бедное дитя вырвали у нее из рук и привязали к дереву.

Она решила почитать Библию. В последнее время она погружалась в Священное писание с огромным удовольствием, и это пугало ее, как и то, что она любила слушать французские любовные истории. Этажом ниже за индейцем наблюдала м-зель д'Уредан.

«Что происходит? Чего он боится? Он разукрасил свое лицо знаками войны. Однако сейчас не время для маневров ирокезов».

Она записала несколько слов в своем дневнике, а когда подняла голову, силуэт героя исчез.

Открыв глаза, Кантор увидел у своего изголовья индейца, разукрашенного перьями, которые касались деревянных балок на потолке.

— Тот, кто приносит беду, приближается, — прошептал он. — Выходи, только тихо, а я пойду за твоим братом. Он испарился, как призрак. Кантор сел, ощупью нашел свои ботинки, оделся.

Когда он бесшумными шагами проходил через гостиную, с сундука соскочил Элуа Маколле.

— Эй, в чем дело? — прошептал он. — Эта красная лисица в побрякушках решила выбросить меня на свалку именно тогда, когда начинается охота? Нет, черт подери! Я сам не промах...

М-зель д'Уредан увидела всех троих, когда они проходили мимо. Они спускались по Фабричной улице. На полдороге Пиксаретт свернул на соседнюю улочку, дав знак своим попутчикам подождать его.

— Эти скрытные индейцы любят напустить туману, так и прибил бы их за это, — шептал в нетерпении Маколле. — Но им нужно верить, мой мальчик, у них есть чутье. Природа одарила их. Смотри, вон он уже где.

Пиксаретт бесшумно залез на крышу, не потревожив ни одной сосульки, не смахнув снега, добрался до слухового окна и постучал в окно, затянутое промасленной бумагой. Флоримон спал, но сон его был чутким, и он тут же вскочил с кровати, где рядом с ним была милая дочка галантерейщика. Она даже не открыла своих голубых глаз. Когда он постучал к ней в начале ночи, она впустила его без сопротивления. Возможно, завтра она будет рыдать на исповеди, но сейчас она спала глубоким сном, какой бывает только в молодости.

Флоримон тихо встал. Кто бы это мог быть? Еще один возлюбленный красавицы? Забавная будет встреча!

Перед ним предстало разрисованное лицо Пиксаретта. Тот жестом позвал его:

— Иди!

На перекрестке, им встретился Анн-Франсуа де Кастель-Моржа, который то ли прогуливался в одиночестве, то ли возвращался, как и его друг, с любовного свидания. Он пошел с ними.

— Куда мы идем и что тебе известно, капитан? — спросил у абенака Элуа Маколле.

— Он приближается! Это все, что я знаю, — задумчиво ответил Пиксаретт. — Но он очень хитер. Для начала спустимся в порт.

Они вышли на площадь рядом с небольшой бухтой и увидели Жанин Гонфарель, которая из окна беседовала с каким-то индейцем.

— Дай мне, мамаша, немного водки, — умолял индеец.

— Господь меня сохрани, какая я тебе мамаша, — сопротивлялась Жанин, — и ты прекрасно знаешь, что епископ запретил продавать вам водку.

Обычно в таких случаях индейцы предлагали трактирщице шкурки своих трофеев, разную дичь, пойманную в лесу, и получали взамен полрюмки, маленький наперсток вина. Но сейчас ему нечего было предложить, и женщина была неприступна.

— Не хватало еще, чтобы меня отлучили от церкви. Этажом выше за всем происходящим наблюдал Александр де Росни. Как только он увидел компанию, сопровождавшую Пиксаретта, он спустился, чтобы присоединиться к ним.

— Если вы к реке, я с вами.

— Кого вы ищете? — спросила Полька.

Пиксаретт с отвращением посмотрел на реку. Под слоем льда слышно ее бурное течение, а чуть дальше глубоководные потоки сталкивали ледяные глыбы и несли их вперед. Не могло быть и речи пешком дойти до Леви, а путь на лодке представлялся не менее гибельным.

— Мы ищем Пасифика Жюссерана, — вполголоса сказал Маколле.

— Его здесь никто не видел. Его бы сразу узнали, хоть днем, хоть ночью.

— Мамаша, дай мне немного водки, и я скажу тебе, где человек, которого ты ищешь. — К ним приблизился индеец. Она налила ему его порцию.

— Он на острове Орлеан.

Элуа Маколле ударил себя кулаком по лбу.

— На острове Орлеан! Как я раньше не догадался! Пасифик Жюссеран родился там, там же живет его мать, на северном побережье. У них своя ферма, они отстроила ее пятнадцать лет назад, после нападения ирокезов. Кровавая бойня миновала их, потому что именно в этот день они отправились в Квебек исповедоваться.

Он вспомнил также, что в этот день Пасифик увидал перст Божий, указующий на него. И он решил посвятить всего себя служению Господу и миссионерам.

Они посмотрели в направлении острова Орлеан, вздымавшегося темной глыбой вдали.

— Смотрите, лодка! — сказал кто-то. — Это была большая весельная шлюпка.

— Неужели это он?

Это было сомнительно. Осторожность заставила Пасифика скрыться на острове Орлеан, чтобы преследователи потеряли его след; эта же осторожность не позволила бы ему войти в Квебек через порт.

К группе присоединились Базиль и Поль-ле-Фолле. Они заметили из своего дома приближающуюся лодку.

Как только лодка коснулась берега, все увидели, что из нее выходят Мопертюи и его сын Пьер-Жозеф, там же был молодой любовник Колдуньи Гильометы.

Ока прислала их, чтобы передать, что Пасифик Жюссеран находится у своей матери на острове. За их домом следили, но она думает, что сегодня ночью он попытается по проливу добраться до Бопре. Там еще снег был довольно прочный, кроме того, он знал течение реки как свои пять пальцев.

Элуа Маколле решил вернуться к г-ну де Пейраку и предупредить его, а затем послать людей, чтобы они следили за побережьем и встречали всех смельчаков,

рискнувших пересечь пролив этой ночью. Возможно, одним из них будет Пасифик.

Другие отправятся на лодке на остров, вдруг им удастся поймать его до того, как он пустится в путь.

— Садись, — сказал Базиль своему приятелю, — ты тоже можешь понадобиться.

Бедный парижанин бросил безнадежный взгляд на скопище льда и бурных течений.

— Я умею обращаться с разным оружием: рапирой, кинжалом, ножом; могу набросить веревку на шею, но скакать по твоей сумасшедшей реке! Ах, Базиль, я вспоминаю Сену, какая она кроткая, милая подружка...

Но он все же сел в лодку. Был еще один человек, который не слишком радовался. Это был Пиксаретт.

— Этот Безумный чудак и я, мы вместе воевали против еретиков.

Глава 71

В низком каменном доме на северном побережье острова Орлеан мать Пасифика Жюссерана смотрела на своего сына.

Она взяла со скамьи, на которой стояли перевернутые ведра, железную лампу и хотела зажечь, но сын остановил ее.

— Еще совсем светло. Я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из дома.

— Кто может тебя увидеть? Никому до нас нет дела. Никто даже не знает, что ты здесь. С тех пор как ты дома, ты все время дрожишь от страха.

— Они следят за мной... Я знаю, что они следят за мной. Они хотят помешать мне встретиться с епископом.

— Ты просто сошел с ума за время своего долгого путешествия. Тебе везде видятся враги.

— Ты ничего не знаешь. Прядешь свою шерсть, собираешь яблоки, готовишь сыр...

— Который ты так любишь.

Пасифик Жюссеран пожал плечами. Проведя много лет рядом с отцом д'Оржевалем, он перенял у него удивительный дар предчувствия опасности. У индейцев он научился животному нюху, и сейчас он ясно понимал, что за ним следят.

— Ты так любишь мой сыр, когда ты возвращаешься домой, пройдя огромный путь и не имея ничего во рту, кроме твоего кожаного ремня, — продолжала рассерженная старуха.

Он похлопал ее по плечу, чтобы успокоить. Лучше ничего не говорить ей. Рядом с этой спокойной работящей женщиной он обретал удивительный покой.

С женщинами опасно иметь дело, они приносят зло, и только мать — воплощение мира и добра.

Ей он показался худым и больным, ей даже захотелось упрекнуть его за это. У нее никого не было кроме него, и она мечтала, что он вернется домой и будет помогать на ферме или же займется своим участком в Леви. Но всегда она вспоминала, что Бог спас их обоих в тот страшный день от ирокезов; тогда она целовала распятие и смирялась со своей судьбой.

Он спросил у нее, знает ли она, где сейчас отец д'Оржеваль. В Квебеке? Она ответила, что не интересуется тем, что происходит на материке.

Когда пятнадцать лет назад ирокезы напали на их деревню, она потеряла все, и все нужно было начинать с нуля: строить дом, распахивать землю, покупать скот. Ей помогали соседи, хотя поначалу из соседей остались только колдунья и дети, спасшиеся чудом: они собирали травы на холмах.

Она решила проводить своего сына, но он отказался. Он не хотел, чтобы его узнали, когда он покажется на освещенном пороге. Он покинет дом через дыру в погребе, ведущую в амбар. Оттуда он проползет по борозде и скроется в кленовых зарослях, которые тянутся до самого берега. Он колебался, брать ли с собой мушкет, но в конце концов оставил его дома.

Он повесил на плечо сумку на ремне, куда положил пакет, полученный от голландского моряка хмурым дождливым вечером. С каждым днем его сума казалась ему все более тяжелой и напичканной злыми духами.

Луна была в зените, когда большая шлюпка достигла берега острова Орлеан, недалеко от дома Гильометы.

Колдунья уже поджидала их, рыская по берегу со всеми своими обитателями: здесь были дети, индейцы, прекрасная Элеонора де Сен-Дамьен, ее сын от первого

брака и ее третий муж. Но уж она-то не собиралась прыгать по льдинам, как Гильомета, с нее хватит!

Гильомета жадно вглядывалась в рокочущую долину Святого Лаврентия.

— Ночью еще подмораживает, так что можно пройти.

На ней были короткие юбки и высокие резиновые сапоги; если понадобится, она побежит по льду.

— Если он увидит меня, то задрожит от страха. Он всегда меня боялся.

Прибежал сынишка одного из жителей острова и предупредил ее, что Пасифик Жюссеран собирается покинуть дом своей матери.

— Я пойду поговорю с ним, — сказал Пиксаретт. — Мы ведь вместе воевали на стороне отца д'Оржеваля. Он послушает меня.

Они разговаривали в кленовой роще. Было темно, только белел снег, да восходящая луна освещала противоположный берег Бопре.

— Предатель! — прошептал Пасифик, когда узнал силуэт Пискарета. — Я знал, что идешь за мной следом, ты хочешь помешать мне встретиться с епископом, хотя меня обязал сделать это наш святой отец. Почему ты мешаешь мне, Пиксаретт?

— Потому что ты защищаешь несправедливость. Ты несешь беду. Она в твоей вонючей сумке. Я чувствую это, и «жонглер» предупредил меня. Отдай мне сумку и то, что в ней, и можешь идти к священнику.

— Я иду к нему именно для того, чтобы передать ему это, и я никому не позволю завладеть моей ношей. Нет, ты не сделаешь из меня предателя, подобного тебе. Ты предал нашего наставника, когда сбежал с белой женщиной.

— Не темни и не старайся меня разжалобить. Я знаю, что делаю. Я свободный человек, и я сам себе судья.

Пасифик Жюссеран почувствовал, что разозлил индейца, и это обрадовало его. Он всегда завидовал тому, как Себастьян д'Оржеваль с уважением относился к нему.

— Я всегда знал, что рано или поздно ты предашь его, — с ненавистью произнес он. — Где он теперь? Если в Квебеке, то он должен был предупредить меня условным знаком около моего жилища в Леви. Я не видел этого знака. Я почувствовал ловушку... Его нет в Квебеке. Что с ним сделали? Что сделали с моим отцом?

— Он отправился к ирокезам проповедовать им слово Божье.

— Проклятие! Его враги обрекли его на смерть, а его друзья приложили к этому руку. И вот сейчас в городе царит эта ужасная женщина, и ты тоже, Пиксаретт, не устоял перед ней.

— Ты забыл, что эта женщина вылечила тебя от слепоты.

— Она вылечила и нашего врага, ирокеза Уттаке.

— И тем самым сохранила жизнь многим французам!

— Ты рассуждаешь, как женщина. Мы можем достичь блаженства, лишь уничтожив врагов Добра.

— У тебя в голове все перепуталось. Добро не может победить Добро, и если Добро прибегает к мщению, оно превращается в Зло.

— Ты хочешь сказать, что наш святой отец совершил Зло?

— Я знаю, какой демон завладел разумом нашего святого отца, но я не хочу, чтобы ты, друг, стал жертвой его безумия.

— Это богохульство! — прошептал Пасифик Жюссеран. — Как можешь ты говорить о нем так? Ведь ты сам был свидетелем его благодеяний, его добродетели.

— Даже самый мудрый и добродетельный человек может стать жертвой демонов. Ибо сказано в Писании: «Бодрствуйте! ибо не знаете вы ни часа, ни дня». Может, он потерял контроль над своим сердцем и своими мыслями?

— Проклятие! — закричал Пасифик. — Ты покинул его. Его все покинули... Отойди от меня, Сатана!

Он бросил томагавк в Пиксаретта, но тот отпрыгнул в сторону. Он не хотел вступать в бой с этим сумасшедшим.

Слуга отца д'Оржеваля устремился к берегу и вскоре добежал до речных бакенов. Пиксаретт не станет следовать за ним по льду. Он вырос на юге, в лесах, а чтобы преодолеть Святой Лаврентий во время оттепели, нужно родиться здесь, под Квебеком.

Он был один, и он был слаб, ведь он потерял отца. Продвигаясь вперед, он с надеждой смотрел на противоположный берег. Белая пустыня не пугала его, он хорошо изучил ее, и он пройдет.

Вдруг ему показалось, что от берега острова отделились легкие тени, слегка освещенные луной, они бежали по льду, и он понял: это злые ангелы!

Страх овладел им. Его предупреждали, что в Квебеке его ждут злые ангелы. «Бойся их, скрывайся от них! Красота обманчива, это Дьявол может создать ее. Я вижу этих злых ангелов. Они пытаются преградить тебе дорогу. Ускользни от них. Если ты доберешься до епископа и передашь ему конверт, ты выполнишь свою миссию».

Он видел, как они бежали и прыгали с одной льдины на другую, молодые парни, гибкие, ловкие, злые ангелы, слишком красивые и погрязшие в грехе. Точно такого же он встретил недавно в миссии Святого Франциска. Он сразу же почувствовал зло, исходившее от этого молодого человека, Слишком красивого и очень смелого, не побоявшегося путешествовать по белой

пустыне. Он знал его, это был Александр де Росни, он видел его в Квебеке и плюнул ему вслед. Пасифик Жюссеран решил навязаться ему в попутчики до конца путешествия, а потом, когда он будет спать, убить его, ведь чем меньше на земле носителей зла и разврата, тем преданнее его служение Всевышнему. Молодой человек дал ему согласие, а утром следующего дня исчез.

Может, и он был там, среди них, и он вместе со всеми бегал, останавливался, осматривал реку? Они искали его, Пасифика Жюссерана, но он ускользнет от них. Вместо того, чтобы идти в Квебек, он направится к Бурному мысу. На этом пути нет бакенов, но лед здесь более прочный.

Он отправился дальше по реке. Показалась первая прорубь, он хотел перепрыгнуть через нее, как вдруг темная масса вынырнула из воды, и какое-то животное скользнуло по льду перед ним. Пасифик Жюссеран отскочил в сторону. Блеск глаз и зубов животного наводил на мысль о дьяволе. Он перекрестился. Золотистый свет луны отразился от гладких боков зверя, это была нерпа.

Пасифик осторожно обошел его, животное глазами следило за ним и помахало хвостом, с которого слетали капельки воды. На мгновение он замер, ему показалось, это огромная выдра плывет навстречу ему. Он посмотрел на северное побережье острова, возвышавшееся как темная крепость и отбрасывавшее огромную тень. Быть может, там, забравшись на дерево, за ним следит индеец? Чуть выше, по направлению к своему дому, он увидел красноватый огонек лампы, или ему это показалось. Наверное, это его мать услышала крики и догадалась, что ее сын в опасности. Он не скрывал от нее, что враги Господа попытаются помешать ему добраться до Квебека.

Его охватило чувство тоски по дому, захотелось вернуться, но он продолжал идти вперед. Светящиеся тени молодых людей остановились в нерешительности. Его искали. Они шли вдоль берега. Ну что ж, он побежит так, как бегают индейцы.

«Нужно увидеть епископа», — внушал ему внутренний голос. «А если и епископ предал тебя?» — отвечал он ему. «Что мне делать, если все отвернутся от меня? Когда Добро нападет на Добро, оно становится Злом... Почему? Я клялся быть послушным вам, мой святой отец. Но почему, почему вы желаете смерти женщине, вылечившей мои глаза?»

Он не должен сомневаться. Мысль эта, как тяжелая хватка, стянула ему горло, он не мог дышать. Не сомневаться никогда... Иначе он попадет в ад. Тут же все его прежние размышления испарились. Самое страшное для него — это сомнения. Только слепое послушание приведет его в рай. «Простите меня, отец мой, я выполняю свою миссию». Он опередит этих злых ангелов.

В тот же момент он увидел далеко на севере, у побережья, лодку, которую спускали на воду. Немного погодя ее пассажиры выпрыгнули из нее и поволокли ее по льду, затем, обнаружив новый канал, опять поплыли. Он понял, что конечной целью всех этих действий было схватить его.

Он не должен был более терять ни секунды. Из-за высокого мыса показался Базиль. Он был довольно тяжелый, но он очень ловко умел ходить по льду. Он не бежал, но ступал так легко, как по яичной скорлупе.

— Пасифик, — крикнул он. — Кончай это дело, парень. В замке Ришье тебя тоже поджидают. Тебе не пройти к епископу. Давай твою сумку и возвращайся к себе.

Человек озирался, как загнанный зверь, в поисках выхода. Чувствуя, что он на грани гибели, он позвал

свою мать, которая на вершине холма высоко подняла фонарь, чтобы указать ему путь. Не понимая, она наблюдала, как люди, похожие на молчаливых волков, следили за ее сыном, и ничем не могла ему помочь.

Пасифик Жюссеран посмотрел в сторону Бурного мыса. Может, туда, в лес... Справа его преследователи тянули свою лодку, иногда спуская ее на воду; с юга за ним шли пешие, но они пока не смогли добраться до него, слишком опасной была река.

Но он тоже хорошо знал эту реку, и он достаточно силен... Он кинул в Базиля индейский нож и бросился вперед. Молодой голос долетел до него.

— Пасифик Жюссеран! Пасифик Жюссеран!

Голос приближался, но непонятно било, кому он принадлежал.

— Стойте! Отдайте нам донесение, которое вы несете, Пасифик Жюссеран! Вы спасете себе жизнь!

Он рассмеялся. Он не уступит этим злым ангелам. Он найдет самый верный, самый прочный путь и побежит, не останавливаясь.

Но вдруг он снова застыл на месте, онемев от страха...

Впереди возникла колдунья, она как будто поднялась из воды, волосы ее развевались на ветру.

— Проклятье! Брось сумку, в которой ты несешь беду! Брось, или ты погибнешь!

Он попытался снять ремень, но тот запутался в воротничке его рубашки. Сумка тяжелым грузом повисла на нем, тянула его к земле. Человек хотел освободиться от нее, как от кандалов. Изо всех сил он потянул ее и бросил Гильомете, потом попытался восстановить равновесие, так как льдина под ним закачалась, и послышался плеск воды. Он перепрыгнул не другой ледяной плот и пустился бежать к Бурному мысу. Скорее туда, в лес! Им не удастся схватить его.

Он бежал как безумный, повторяя: «Злые ангелы... злые ангелы...»

Он чувствовал, что они летели за ним, прекрасные и соблазнительные, они хотели его погибели. Он бежал, перепрыгивая через полыньи. Снег таял, потрескивая под его ногами. На середине реки он слишком тяжело опустился на ледяную плитку, гладкую, как зеркало. Это была ловушка. Льдина закачалась, перевернулась, человек страшно закричал и исчез под водой навсегда.

Глава 72

В своем замке Гильомета де Монсарра-Беар угощала всех участников погони обжигающим глинтвейном.

Во время оттепели любые вылазки на реку были чреваты тяжелыми последствиями. Редко кому удавалось ни разу не оступиться и не почувствовать под своей ногой трескающийся лед.

Самые удачливые просто попадали в маленькие полыньи, другим везло, меньше, их ждал холодный ледяной плен, сковывающий дыхание и проникающий насквозь. Но всегда рядом оказывалась верная рука друга, она вытаскивала вас за воротник на поверхность либо в лодку.

Поль-ле-Фолле, не успев пройти и нескольких шагов за Базилем, очутился в воде. Его быстро вынесли на берег, а затем и в замок Гильометы, где он и находился, завернутый в теплые одеяла, перед камином, в ожидании всей остальной компании.

Что же касается молодых и легких парней, индейцев, а также опытных мужчин, живущих на острове, то для них все завершилось лишь промокшими ногами и ботинками, полными воды. Они переодевались, разговаривая и смеясь; всем хотелось пить, от жажды губы горели, как в лихорадке.

Все стояли вокруг большого стола и согревали руки, держа дымящиеся чашки с восхитительным напитком, приготовленным по старинному рецепту.

Все знали, что этот напиток — лучшее средство, чтобы разгорячить кровь, и пили его, как дети, большими глотками.

Затем подали хлеб с сыром, настоящим круглым острым сыром, приготовленным на острове.

Сумка Пасифика Жюссерана была брошена посреди стола, и все разглядывали ее, неимоверно раздувшуюся, содержащую плоды ненависти и нетерпимости.

— Это касается вас, мои мальчики, — сказала колдунья, обращаясь к Флоримону и Кантору де Пейракам. Но Флоримон решил увильнуть.

— Я прошу вас, мадам, пожалуйста, откройте вы сами.

Все согласились с молодым человеком, так как знали, что только руки Гильометы, умевшие обращаться с ловушками и капканами, смогут открыть эту сумку, которая стоила жизни одному человеку и принесла столько забот и волнений другим.

Присутствующие с вниманием следили за тем, как г-жа де Монсарра-Беар развязывала ремни охотничьей сумки, как будто она занималась приготовлением лечебных настоев или готовилась к заклинаниям.

Она вытащила большой пакет, завернутый в прорезиненную ткань, и острым ножом перерезала промасленные тесемки. Показался тяжелый рулон из пергаментных листов, обмотанный красной муаровой лентой, концы которой скрепляла внушительная восковая печать. На печати все узнали изображение парижского герба.

— Прошу вас, мадам, сорвите печать, — попросил Флоримон.

Гильомета сделала это и развернула листы, исписанные убористым почерком. Прежде чем прочитать, она отложила их в сторону и надела очки. Затем она положила свиток перед собой, разглаживая его рукой, а он сопротивлялся, как бы не желая выдавать свои секреты. Она начала читать. Вдруг она откинулась назад и закрыла лицо своими прозрачными дрожащими руками.

— Они не изменились! Все по-прежнему! Те же слова, те же вопли...

Ее молодой любовник подошел и обнял ее за плечи. Он обожал ее, ведь она воспитала его, заменила ему родителей. Он видел ее слабой только в их спальне, когда она покорялась его энергии и молодой силе.

— Не надо так дрожать, родная! — прошептал он. — Я сумею тебя защитить, что бы ни случилось.

— О, да! Защити меня! Защити меня от инквизиторов! — рыдала она.

Все оцепенели, не зная, что делать, как помочь этой женщине, которая никогда не сгибалась под ударами судьбы. Скрученный рулон так и остался лежать на столе. Кантор взял его и поднес к глазам, но, едва начав читать, отбросил его назад, как будто обжегшись. Настала очередь Флоримона. Он склонил над листами свое смуглое лицо, его длинные волосы рассыпались по щекам, и у него был вид прилежного ученика. Он одолел первую страницу, затем еще несколько, аккуратно свернул и положил обратно в пакет.

— Это касается нашего отца, — сказал он, обращаясь к Кантору, — мы должны отнести это ему.

— А не лучше ли будет все это сжечь, прямо сейчас? — спросил Кантор.

— Я думаю, отцу будет интересно прочитать эти бумаги, а потом он сам решит, сжигать их или нет.

— Да, ты так похож на него! — со смесью восхищения и упрека воскликнул его брат.

Непринужденность Флоримона и то хладнокровие, с которым он изучал отвратительную писанину, немного разрядили обстановку.

А где же Базиль?

Поль-ле-Фолле, как ужаленный, вскочил с кровати. Все бросились на улицу и встретили Пиксаретта, который тащил на спине Базиля, раненного ножом. Рана была на виске, к счастью, не очень опасная, но он был

еще без сознания. Опять пошли в ход горячительные напитки. Как только кровотечение удалось остановить, Базиль пришел в себя.

Молочный рассвет проникал в окна, и некоторые из мальчишек начали широко зевать. Но не могло быть и речи о том, чтобы улечься спать, ведь предстояло еще отвезти в Квебек сыновей графа де Пейрака, Базиля и его приятеля, а это означало снова пуститься в опасную дорогу по льду и по воде, то плывя на лодке, то проталкивая ее между ледяных глыб.

Пиксаретт оставался на острове. Его независимость всем была хорошо известна, и друзья не волновались на его счет. Кроме того, он был из южных индейцев, которые отличались необычайной ловкостью в лесах, на запутанных тропах, на опасных порогах бурных рек, но их пугал этот ледяной северный монстр: Святой Лаврентий. Пиксаретт был сыт им по горло, поэтому он вернется тогда, когда захочет.

Нужно было поторапливаться и доставить трофей в Квебек.

— Я успокоюсь только тогда, когда сгорят эти проклятые листки, — сказал Кантор.

— Я тоже, — призналась Гильомета. — Лучше бы они утонули!

— Но тогда мы бы ничего не узнали! — возразил Флоримон. — Нет! Нужно знать, какое оружие в руках наших врагов!

Он застегнул сумку и весело повесил ее на плечо.

— Будь осторожен, бумаги должны оказаться у твоего отца, — наставляла Гильомета. — Если они попадут 6 другие руки, это навлечет больше несчастий, чем эпидемия чумы.

Флоримон похлопал по разбухшей сумке и улыбнулся.

— Не бойтесь, если понадобится, я утону вместе с ней.

***

Когда Анжелика была у г-жи де Меркувиль, за ней пришел человек от графа де Пейрака; тот просил ее прийти в замок Монтиньи. Она не замедлила явиться туда и обнаружила там еще Кантора с Флоримоном.

По столу были разбросаны листы бумаги. Пробежав глазами некоторые из них, она поняла, что перед ней лежит протокол судебного процесса о колдовстве, тщательно зафиксированные вопросы и ответы, буквально по минутам, день за днем. Это происходило пятнадцать лет назад в Париже, во Дворце правосудия, а обвиняемым был Жоффрей де Пейрак.

Это был последний язычок пламени в огне беспощадной битвы, разгоревшейся вокруг них, но они не дали ему обрести силу и послужить причиной нового пожара.

Граф де Пейрак без отвращения перечитывал досье старого процесса. Сколько воды утекло с тех пор, думала Анжелика. Хотя нельзя отказать в ловкости отцу д'Оржевалю, он совершенно точно рассчитал время и место, где можно бросить в них камень и подвергнуть их новым пыткам.

То, что растворилось бы в потоках прогрессивно мыслящего правосудия, здесь, в Канаде, не породило бы ничего, кроме страха и замешательства. Людовик XIV всегда был сдержанным в проявлении своих чувств, когда речь заходила о религиозном фанатизме. Для него гораздо важнее было послушание его подданных. В начале своего царствования он допустил, чтобы несправедливый судебный процесс избавил его от очень могущественного вассала, но обвинения в колдовстве так мало трогали его, что он помиловал обвиняемого при условии, что тот покинет Францию. Неужели сегодня подобная история могла бы повториться?

Не привлекая излишнего шума к делам подобного рода, король постепенно, шаг за шагом, издавал небольшие запреты, уничтожил инквизицию и свел на нет судейские прерогативы епископов. Он распустил Союз Святого Причастия, хотя это не помешало ему продолжать свою деятельность втайне от короля и привлекать на свою сторону новых приверженцев.

Все течет, все изменяется...

Они долго еще беседовали, сидя у очага, и ночь застигла всех четверых в замке Монтиньи, когда они составляли планы на будущее и обсуждали возможность возвращения во Францию. Флоримон считал это вполне реальным. Кантор сомневался. Даже здесь, в Квебеке, говорил он, нельзя предугадать, как все обернется для них.

— Отец, умоляю вас, сожгите эти бумаги. Они таят в себе опасность, которой могут заразить даже самых свободомыслящих людей. Лишь огонь очистит и уничтожит все следы.

Один за другим Жоффрей де Пейрак начал бросать листы в огонь. Толстый пергамент потрескивал, загорался медленно. Анжелика почувствовала себя спокойнее, видя, как исчезают в огне проклятые бумаги.

Конечно, мир меняется, и просвещенные умы пытаются найти разумные объяснения тайнам, древнейшим заклинаниям, страхам, порожденным незнанием элементарных вещей.

Но обвинение в колдовстве еще долго будет опасным и губительным, каким бы мимолетным и бессмысленным оно ни было. Колдовство — это «зло, порождающее ужас», страх перед дьяволом, всемогущественным Богом Зла.

Его Высокопреосвященство де Лаваль поступил очень благоразумно, не пожелав узнать, о чем идет речь в этих бумагах. А если бы он прочел их, то,

возможно, его уверенность была бы поколеблена и он не взял бы на себя ответственности замалчивать о тех обвиняющих фактах, которые содержатся в этом документе.

В последующие дни тягостное дело графа де Варанжа достигло своего накала.

Гарро д'Антремон задержал наконец солдата Ла Тура, которого выдал индеец за четвертушку водки. Солдата обвинили в колдовской деятельности и подвергли допросу, для которого нужно еще было найти палача.

— Я пойду, — сказал Гонфарель, закатывая рукава. — Ради такого случая я охотно вспомню старое!

— А я помогу тебе, — сказал ему Поль-ле-Фолле, приказчик Базиля.

Когда солдата уложили на козлы, он начал кричать, что это она, она его выдала, он предупреждал Банистера, нужно было остерегаться. Ему напомнили о событиях, происходивших в первые дни октября в доме г-на де Варанжа, и о его участии в них.

Он кричал, что он никого не убивал, а в остальном они не имеют права обвинять его, уж он-то знает новые законы против инквизиции.

Лейтенант полиции держался прекрасно. После того как солдату тяжелыми ботинками раздробили ноги, тот сломался. Он признал, что был в доме Варанжа, но ничего не делал, ни в чем не участвовал. Все злодеяния совершал граф по советам колдуна Красного Плута.

Вопрос: А за что заплатили ему?

Ответ: За то, что он принес распятие.

Вопрос: Он признает, что присутствовал при дьявольской церемонии?

Ответ: Да.

Вопрос: Что он видел? Слышал?

Ответ: ...!

Его еще долго пытали. Солдат не знал, чего он боялся больше — мести демонов или же наказания судей. Наконец он признал все: колдовские заклинания, которые граф де Варанж обращал к могущественным адским силам, поруганных детей, собаку, с которой содрали шкуру и кровь которой текла на распятие, черное зеркало, в котором появилось окровавленное женское лицо, призрак.

Вопрос: Что он еще видел в магическом зеркале?

Ответ: Корабли.

Вопрос: Под каким флагом?

Ответ: Он не знает.

Вопрос: Что сказал призрак?

Ответ: Он произнес имя.

Вопрос: Какое имя?

Ответ: Он не знает.

Его снова начали топтать башмаками.

Он рычал и стонал и в конце концов назвал имя, а также имя еще одного горожанина, присутствовавшего на шабаше. Но эти имена не вышли за пределы стен тюрьмы. Людское любопытство не было удовлетворено, и по городу ползли самые фантастические и ужасные слухи. Все следили за Гарро Д'Антремоном, но не решались заговорить с ним; он же ходил хмурый и неприступный от здания суда до замка Сен-Луи, затем в семинарию и обратно. Одни утверждали, что у лейтенанта полиции всегда такой хмурый вид, и нет ничего серьезного в этом деле, все лишь сплетни, которые не нуждаются в правосудии. Другие же не находили себе места и подкупали церковного сторожа, чтобы достать ладан и сжечь его у себя дома.

Короче говоря, солдат признался во всем, и его признания записал ле Бассер, заменивший Гонфареля в канцелярии. Его рука дрожала от страха, а по лицу струился пот.

Гарро д'Антремон выудил у задержанного все, что мог.

Вопрос: Знал ли он, куда отправился граф де Варанж?

Ответ: Он не знал.

Вопрос: Знал ли он, что они сделали с распятием?

Ответ: Он не знал.

Вопрос: А с черным камнем?

Ответ: Они зарыли его в погребе.

Тогда откопали кусок гладкого блестящего антрацита, к которому никто не осмелился приблизиться. Землекопов, приглашенных для работы, как ветром сдуло, как только камень вытащили на поверхность.

Чтобы произвести над камнем заклинание злых духов, позвали Дидаса Морилло. Тот появился с ритуальной книгой в руке, произнес несколько молитв, дабы в дальнейшем камень никому не причинил вреда. Нашли и распятие, в пригороде, под кучей навоза на маленьком дворике. Доброволец, обнаруживший его, счел себя проклятым, собрал свои пожитки и скрылся в лесу.

На этот раз за реликвией явился сам архиепископ с двумя священниками. «...Эта история принесла столько страданий архиепископу, — писала м-ль д'Уредан. — Он чахнет на глазах...»

Распятие досталось сестрам милосердия из Отель-Дье. Они решили своими молитвами и слезами смыть с него нечистоты колдовства и надругательства.

Солдата повесили на Мон-Кармель, а тело его склевали вороны.

Никто больше не желал ничего слышать об этой истории. Разговоры о колдунах и отравителях больше подходят парижанам, королевскому двору и его завсегдатаям. Канада же отличалась слишком тяжелым

климатом, и жизнь здесь была более суровая, несовместимая с подобными пугающими играми.

В очаге замка Монтиньи листы пергамента, излагавшие судебный процесс пятнадцатилетней давности, ссохлись, как осенние листья, и рассыпались в прах, а Пасифик Жюссеран, посланник со Святого Лаврентия, преданный слуга отца д'Оржеваля, пополнил ряды забытых мертвецов.

Лишь Гильомета де Монсарра-Беар противостояла матери Пасифика; матери долго помнят. Быть может, эти две женщины, долго еще будут мстить друг другу и передадут эту месть другому поколению. А может, их проклятия и крики ярости утихнут, и они найдут успокоение для себя и поймут друг друга.

Тогда колдунья, знаток всех лекарств и снадобий, утоляющих боль, безбожница, посоветует другой, набожной: «Молись... Молись за сына... Если хочешь спасти его душу, не приноси зла... Доверься мне! Молись! Я скажу тебе, когда он будет в раю».

***

Анжелика была единственной, кто знал имя, которое произнесла женщина в магическом зеркале. Однажды, после религиозной службы в честь Архангела Михаила, Гарро д'Антремон встретил Анжелику и по секрету сообщил ей эту тайну. На очередном допросе солдат уже не в силах был лгать и выкручиваться, и он рассказал все, что видел и слышал во время дьявольской церемонии.

Раненая умирающая женщина произнесла лишь одно имя, но вложила в него всю свою ярость и ненависть:

Пейрак.

Анжелика почувствовала дрожь в затылке, так вот каким образом сатана явил окровавленное лицо женщины мужчине, который был ее любовником в Париже и который ждал ее, сгорал от страсти,

зажженной в его крови ее рукой. Дальше все легко можно было объяснить. Граф де Варанж отправился на север, не предупредив никого.

Старый влюбленный Фауст, отдавшийся чувству мести, он все дальше и дальше продвигался по туманному Святому Лаврентию. Он шел навстречу флоту этого проклятого графа де Пейрака, и он исчез.

Г-н д'Антремон доверительно сообщил Анжелике, что его поразила любопытная находка: в доме старого графа он обнаружил листы с подделанными почерком и подписью г-на Фронтенака, губернатора. По-видимому, граф де Варанж упражнялся в подделке, чтобы научиться писать как господин губернатор. Среди листов, сгоревших не до конца, лейтенант полиции разобрал несколько фраз, из которых понял, что послание было адресовано графу де Пейраку. Нашли также и обломки печати, явной копии печати губернатора. Это было уже гораздо серьезнее, значит, обманщику удалось завладеть ею, хотя она очень строго охранялась.

Из всего этого лейтенант полиции сделал вывод, что г-н де Варанж хотел заманить графа де Пейрака в ловушку, используя поддельное письмо от губернатора, но, по-видимому, сам угодил в нее.

Маленькие глазки Гарро в упор смотрели на Анжелику.

— Их видели в Тадуссаке, — добавил он, — его и его слугу, незадолго до того, как ваш флот прибыл туда; свидетели подтвердили, что Варанж и его слуга сели в лодку и поплыли вниз по реке. Но с тех пор они исчезли.

— Я знаю, что произошло, — внезапно заявила Анжелика. Она посмотрела на ночное небо. — Их взяли в плен лодки «речных разбойников». Помните, как раз в это время пришло предупреждение, что они появились недалеко от Квебека.

Ночь околдовала ее своим таинственным светом, льющимся с небес. Мириады звезд совершали свой неповторимей ход, увлекая за собой колдунов и охотников, иезуитов и безбожников, солдат и торговцев, индейцев, святых и проклятых богом. Она представила себе их всех, всех путников этой жизни, которых забросило, как сверкающие кометы, в Новый Свет, слуг короля Франции...

Гарро д'Антремон открыл рот, затем, увидев, что она, как зачарованная, смотрит в небо, он покачал головой, как старый дед-ворчун, и решил помолчать.

***

Анжелике снился король. Она видела его в своем кабинете, сидящим за столом, с растерянным видом. Она говорила ему: «Почему ты оттолкнул нас? Как ты допустил, чтобы нас унизили, уничтожили? Мы смогли бы защитить тебя от хищников, окруживших тебя со всех сторон...» Когда она проснулась, то больше всего ее удивило то, что во сне она обращалась к королю на «ты». Это было немыслимо, даже непристойно. Она прекрасно помнила, что у короля никогда не бывает подавленного вида, где бы он ни находился: в своем кабинете или же на исповеди. Он был прекрасным актером и никогда не снимал маску.

В нем чувствовалась сила и непоколебимость. Версаль научил его не быть слабым и нежным ни при каких обстоятельствах.

Она вовремя напомнила себе об этом, чтобы не предаваться иллюзиям и не рассчитывать на снисхождение, когда придет весна. Ведь именно весной их судьба должна быть решена, король простит их; мысль эта прочно завоевывала их умы сердца.

Откинувшись на подушки, Анжелика вновь и вновь вспоминала Версаль и его теперешнего хозяина, человека, которого она очень хорошо изучила. От него можно всего ожидать, его стиль — это увертки и

двусмысленности, смесь обещаний и завуалированных угроз, что ставит вас в ложное положение.

Самой большой его страстью было править страной. И он правил.

— Ну, ничего, сир, уж я-то сумею справиться с тобой, — вполголоса произнесла она, как женщина, имевшая все права, обращается к мужчине, который захотел устранить ее со своего пути.

«А если бы он не был королем, смогла бы я полюбить его?» — подумала она.

Затем она снова заснула с улыбкой на устах. А Святой Лаврентий, проснувшийся после долгой зимы, величественный и всемогущий, прокладывал себе дорогу, сметая со своего пути все северные легенды и тайны.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. КАЗНЬ ИРОКЕЗА

Глава 73

Пиксаретт исчез; поговаривали, что он дождался, пока река станет пригодной для плавания, и покинул остров, чтобы добраться до южного берега, около Лозон.

Анжелике хотелось повидать его. Однажды утром, выходя из церкви, она увидела старую женщину из племени абенаков. Та подошла к ней и заговорила. Она предупредила Анжелику, что Пиксаретт заходил навестить ее, когда возвращался от «жонглера». Он должен был защитить своих друзей от надвигавшейся беды. Но потом он собирался уходить.

— Уходить? — повторила Анжелика. — Что это значит?

— Не жди его. Он не вернется.

Анжелика не произнесла ни слова, пытаясь найти причину этому внезапному исчезновению. Женщина рассказала также, что Пиксаретту больше нечего делать в Квебеке. Он защитил ту, которая нуждалась в защите, и теперь ей предстоит победное восхождение. Враги повержены, упали перед ней, как подкошенные. Теперь будет лучше, если он покинет белых людей, оставит их наедине с их кознями. Нужно избегать своих друзей, чтобы скрыть от них свои суждения по поводу происшедших событий, это все равно, как отвести взгляд. Та, которую он защищал, обладает замечательными качествами, но он считал, что будет благоразумнее, если он оставит ее наедине со своими мыслями и делами. «Жонглер» предупредил, что она одержит победу, но это не означает, что путь к победе будет добрым и безмятежным. Но она победит. А он уходит. «А теперь мне надо идти, — добавил он. — Надо спасать Утси, ему грозит опасность».

— Он что, ранен, заболел или попал в плен к ирокезам?

— Нет, хуже! Он может лишиться своей души!

Пиксаретт сел в свою лодку и менее чем за неделю добрался до озера Святого Причастия. Деревья постепенно одевались листвой, кое-где на склонах появились цветы. Однажды вечером, на одной из тропинок, Пиксаретт столкнулся с разведчиком из военного отряда, ирокезов, которого звали Сакахез. Это была первая жертва его томагавка.

Когда нашли тело Сакахеза с разбитым черепом и снятым скальпом, то предводитель Пяти Народов Уттаке сразу понял, что в окрестностях бродит великий Пиксаретт. Сакахез был самым быстрым и ловким из его воинов. Только Пиксаретт, предводитель патсуикетов, стрелял быстрее Сакахеза.

Ночью Пиксаретт пробрался к ним в лагерь, убил двух воинов и снял скальп. Через пять ночей он повторил свою вылазку. Днем они не могли схватить его, он прятался на деревьях. Они прочесали все тропинки, но не нашли его следов.

На пятый день Уттаке, обезумев от ярости, отправил гонцов во все отряды Пяти Народов с посланием, которое гласило: «Вперед на Квебек!»

Глава 74

После купания в ледяной воде у Поля-ле-Фолле разыгрался бронхит. Его жизнь была в опасности. Анжелика пришла навестить его в Отель-Дье и встретила у его кровати Базиля.

Они вышли вместе, и Анжелика заговорила о той дружбе, которая связывает серьезного торговца и этого весельчака.

— Мы подружились во время арестов бедняков, — сказал Базиль.

— А я считала, что вы — сын члена парламента, — удивилась Анжелика.

— Так оно и есть. И я собирался пойти по стопам моего отца, когда начались эти аресты.

Он рассказал ей о тех временах, когда Париж стал городом бандитов, воров и попрошаек. Чтобы очистить от них город, пришлось прибегнуть к единственному средству: собрать всех вместе и заточить вне поля зрения честных граждан.

Для этой цели были выделены специальные помещения, обнесенные высокими стенами. Были созданы военные отряды; круглые сутки они прочесывали город и забирали всех, кто им попадался, будь то нищие или сироты. Иногда они отлавливали свои жертвы с помощью тяжелой сети. Однажды вечером, возвращаясь из Сорбонны, студент Базиль заступился за какого-то бедолагу, которого преследовали стражники. Его арестовали вместе с его подзащитным и сковали одной цепью, затем поместили в подвал заведения Бисетр, предназначенного для сумасшедших. Их отправили туда, чтобы успокоить, ведь Базиль был ловким молодым человеком и при задержании оглушил одного стражника и ранил

другого. Его приятель, которого звали Сумасшедший Поль, казалось, чувствовал себя в этом карцере как дома. Побеседовав с ним, Базиль нашел, что он умен и очень способный в учебе; он быстро выучился счету и чтению. Все это время г-н судья искал своего сына. Наконец он нашел его и освободил из плена. С тех пор Базиль возненавидел высокие стены и ограниченную линию горизонта.

Базиль не мог примириться с тем, что молодой человек, с которым он познакомился, останется в этом аду, как послушное животное. Он добился его освобождения и вместе с ним вскочил на первый же корабль, отплывающий в Канаду. Со своим отцом он сохранил прекрасные деловые отношения: тот подыскал ему место в компании, акционером которой он являлся, и спустя несколько лет их уже все знали как г-на Базиля из Квебека со своим приказчиком и тюремным братом, Полем-ле-Фолле.

— Иногда он доставляет мне неприятности разного рода: ворует, получает выговоры от духовенства... но он свободный человек, и я очень ценю его. Он убирает в доме, знает в нем каждый уголок, следит за моими дочерьми как брат и в курсе всех финансовых вопросов каждого жителя нашего города.

— Мне понравилась ваша история, — сказала Анжелика.

— Не обманитесь! Ведь я всего лишь ловкий торговец.

Глава 75

Да наступит ли когда-нибудь весна?

— Весна, — говорила Полька, — в наших краях ее почти не бывает. Сразу наступает лето. А весна как Сильфида, парит в небесах, опьяняет вас и исчезает до того, как вы успеете схватить ее. Холод сменяется снегопадом, затем заморозки, никогда, никогда земля не расцветет по весне. Это как давний сон, который лучше забыть и не мучить себя напрасными надеждами.

Трудно представить себе, что наступит тот день, когда доктор Рагно со своим выводком из десяти детей отправится в Отель-Дье с букетами цветов, выращенных в своем саду. Однако река постепенно освобождалась ото льда, лучи солнца отражались в воде вместе с белыми облаками, переливалась на волнах, то тут, то там пробивавших себе дорогу. Индейцы сдирали кору с вязов и берез, сшивали ее и укрепляли на своих лодках, пропитывая смолой. Скоро вся флотилия будет готова к плаванию и легкие каноэ устремятся во все стороны света.

Часто шел мокрый снег, а после него поднимался густой и плотный туман. Холодный сухой ветер срывал с крыш ледяные сосульки и разбивал их, как стекло, вдребезги. Прохожим нужно было быть осторожнее: ведь ледяная глыба, сорвавшаяся с крыши, была опасна для жизни. Ноэль Тардье де ла Водьер полностью пришел в себя после пережитых потрясений и обнародовал новые предписания. Каждый гражданин обязан очистить свою крышу и сбросить с все снег, приняв меры необходимой предосторожности. В особо опасных местах необходимо поставить заграждения, чтобы прохожие обходили их посередине улицы. На реке начались приливы и отливы. Последние льдины,

как куски стекла, проплывали по широкой водяной глади и нехотя покидали свои белые владения. В первые майские дни группа детей-семинаристов, одетых в черные сюртуки и радостно щебечущих, как птицы, выпущенные из клетки, отправилась на Бурный Мыс, чтобы оттуда наблюдать за прилетом диких гусей, предвестников весны.

На склонах холмов в Бопре еще лежал снег, но в долине, где находилась ферма Его Высокопреосвященства и школа искусств и ремесел, дети уже могли приступать к летним сельскохозяйственным работам, которые отвлекут их от монотонных часов, проведенных в семинарии. Они поставят новые ограждения, очистят поля, будут ухаживать за скотом, вместе со своими старшими товарищами они научатся столярному делу, а также таким ремеслам, как резьба по камню, производство изделий из железа, раскрашивание, словом, всему тому, что может стать для них источником существования в дальнейшем.

В городе после таяния снега то тут, то там обнаруживались различные предметы: одежда, носовые платки, обувь, зонтики, разнообразная утварь и инструменты: то, что было забыто, потеряно, унесено бурей и что скрывалась под толщей льда и снега.

Иногда обнаруживали и тела...

Нашли тело Жанны; в Квебек привезли тело Мартена д'Аржантейля, которого выбросила на берег река Монморанси, освободившаяся от ледяного плена. Его смерть никого не взволновала. Всего лишь несчастный случай. Правда, многие задавались вопросом по поводу индейской стрелы между лопатками мертвеца. Увидев тело Мартена, Вивонн был очень взволнован и припомнил кое-что из того, что слышал от него ранее и чему не придавал значения.

Его сестра была уверена, что Анжелика была одним из участников убийства Дюшеса, и необходимо было провести дознание. А что означала эта стрела? Что убийца — индеец? Или же он ирокез? Где это произошло? Когда? Никто не решался вытащить стрелу из тела, которое необходимо было захоронить как можно быстрее.

Все только и говорили об этой стреле, и в конце концов в умах произошла изрядная путаница. Случилось так, что именно в это время абенаки с побережья реки Святого Франциска взяли в плен одного ирокеза. Абенаки рассказали, что ирокезы собирают большие силы, видно, готовятся к походу. Одни называли цифру тысяча человек, другие — две тысячи…

Пленного ирокеза привели к губернатору, но тот не сумел вытащить из него ни слова. Затем его отдали индейцам, из племени гуронов: они потребовали его выдачи, чтобы предать его смерти согласно их обычаям. Раньше ирокезы и гуроны были почти братьями, но сейчас они стали смертельными врагами. Чтобы доказать превосходство своей расы, они использовали при допросах пленных самые изощренные пытки: в то же время умереть от жестоких пыток сильного и ненавистного врага было мечтой каждого воина.

Подобное испытание было равносильно чувству долга, и ирокезы, и гуроны готовились к нему с детства. Ирокезы на протяжении полувека истребляли гуронов целыми племенами, за что получили прозвище «похотливые гадюки». Теперь же к гуронам вернулось право предать смерти ирокеза.

Пленный заявил им, что самое ужасное для него, почетного воина, то, что он умрет от рук паршивых собак, этих гуронов, жалких дрожащих тварей.

Начало было сделано. Жертва оскорбила своих палачей, продемонстрировала свое презрение к подлым трусам, малодушным и невежественным. Абенаков уже

не интересовала судьба захваченного ими ирокеза. Сейчас их волновало то, что ирокезы собирали большие военные отряды, лес кишел ими: казалось, они готовятся к наступлению на Квебек, но точно никто не мог знать об их намерениях.

Гуроны устроили для пленного небольшое пиршество, а затем отвели его к месту казни, прославляя храбрость воинов и напутствуя его словами: «Мужайся, брат...»

Они воздвигли столб невдалеке от последних уцелевших домов Нижнего города, привязали к нему пленного и разожгли рядом костер, чтобы раскалить в нем орудия пытки. Ирокезу предстояли самые изысканные пытки, во время которых он не должен был ничем выдать свое страдание и боль. Только такое поведение во время казни свидетельствовало о благородстве жертвы.

***

Беранжер-Эме вихрем ворвалась к Анжелике; волосы ее были в беспорядке, та сама она казалась на грани нервного срыва.

— Анжелика! Это ужасно! Я не могу больше это терпеть, это выше моих сил!

Ее дом был недалеко от места пыток ирокеза, и вот уже целый день и ночь ее одолевал запах паленой кожи. Кроме того, на нее наводили ужас воинственные песни в яростные возгласы гуронов, когда ирокез, вместо того чтобы стонать и просить о пощаде, отвечал на их пытки оскорблениями и перечислением собственных подвигов, а также родственников и друзей гуронов, которых он лично убил. Он не скупился на детали, описывая, каким мукам он их подверг, что, естественно, только разжигало ярость его палачей. Наконец он замолчал, но жизнь еще теплилась в нем, наступила вторая ночь ужасов.

Время от времени к нему спускался преподобный отец Жоррас, иезуит; он осматривал его и ждал, что тот подаст знак и решит наконец обратиться к Господу.

Религиозные служители уже молились за него, не дожидаясь знака от ирокеза. Пройдя через крещение кровью, он так и так очутится на небесах, но все желали, чтобы он продемонстрировал, что он идет туда по доброй воле.

Беранжер уговаривала отца Жорраса, чтобы он вмешался и ускорил смерть несчастного, но священник лишь покачал головой. Нельзя нарушать обычаи гуронов, да и сам ирокез будет оскорблен подобным покушением на его героическую смерть.

— У мужчин просто нет сердца, — сказала Беранжер. — Господин де Фронтенак отказал мне по тем же самым причинам. Он заявил, что ему очень жаль, что запах доносится до его дома, ведь они так близко устроили место пыток, но он не в силах ничего изменить. А ваш муж вполне резонно возразил мне, что он не может вмешиваться в существующие отношения французов с местными племенами.

— Но почему вы пришли ко мне?

— Потому что вы — женщина; кроме того, говорят, что вы умеете разговаривать с этими индейцами.

Анжелика была в раздумьях. С одной стороны, она разделяла чувства Беранжер; с другой — понимала, что подобное вмешательство идет вразрез с устоявшимся тяжелым и подчас жестоким укладом жизни индейцев в Канаде, не имеющим ничего общего с европейским. Если бы Пиксаретт был здесь, она бы попросила его, и он одним ударом томагавка расплющил череп пленного; ему никто не осмелился бы противоречить, его все боялись.

— Эти дикари, они ужасны! — повторяла Беранжер-Эме и дрожала от страха. — Ах, зачем я приехала в Америку! Моя мать предостерегала меня.

Обе женщины сели в карету г-на де ла Водьера и вышли в Нижнем городе. В конце улочки были видны огни пламени, они вонзались в небо и освещали место пытки. Они оставили карету на краю дороги и дальше пошли пешком.

Ни лакей, ни кучер не поспешили вслед за дамами, они посчитали их поступок чересчур дерзким. Лакей сделал лишь несколько шагов, затем остановился.

Они, конечно, боялись этих краснокожих дьяволов, исполнявших около костра свои странные танцы и бивших в барабан, получавших удовольствие от жестокой мести, которой, казалось, не было конца.

При виде этого спектакля и вновь ощутив запах горелой кожи, Беранжер потеряла все самообладание. Она остановилась, ее начало тошнить. Анжелике пришлось идти дальше одной.

Приближаясь к месту пытки, она старалась не смотреть в ту сторону, где висел на столбе человек, с подожженной кожей, с которого уже сняли скальп, и кое-где была содрана кожа узкими полосками. Из раны на боку текла черная кровь. Казалось невероятным, что жертва еще жила, и однако это было так. И гуроны, и ирокезы путем длительных опытов научились поддерживать жизнь человека под жестокими пытками.

У ног ирокеза молодые индейцы разожгли костер, и угли его жарко горели, накаленные до предела. Время от времени воины разогревали там орудия пыток, а потом снова подходили к пленному, выбирая новый участок тела для истязании.

Анжелика остановилась в нескольких шагах от Одессонка, предводителя гуронов.

Он заметил ее и приблизился к ней высокомерной походкой. Его гладкое лицо с расплывчатыми чертами напоминало бы лицо пожилой полной женщины, если бы не яркое оперение на лысой голове и жесткое

выражение глаз. Это был ловкий воин, высокого роста и с сильными мускулами.

Анжелика заговорила вполголоса.

— Одессонк! Прости мне мою слабость. Я пришла просить тебя смягчить твое неукротимое сердце, видя, как страдает мое. Прекрати пытку ирокеза... Прикончи его! Неужели ты не удовлетворил свою жажду мести? Ты подверг своего врага всем возможным испытаниям. Никто не упрекнет тебя в том, что ты из презрения к нему не использовал все пытки, достойные самого отважного воина. Убей его, умоляю. Пощади нас, ведь мы не привыкли так долго хранить ненависть в наших сердцах, ведь они не были закалены в битвах... Ты — христианин, и ты понимаешь, что мы не так сильны духом, как вы; мы слишком сильно страдаем и проливаем горькие слезы перед изображением Господа нашего, прикованного к кресту. Убей его, Одессонк, убей ударом твоего томагавка . Этим вы докажете всем, что вы мужественные воины.

Гурон был невозмутим. Ее просьба была возмутительна, ведь речь шла о престиже его людей и его самого. Если он уступит ей, то на него падет подозрение, что он чересчур мягок со своими врагами, что он забыл своих братьев, умерших в жесточайших муках в плену. Он будет с презрением отвергнут своими воинами.

— Обида, которую ты нанесла мне, выше горы Катарунк, — сказал он. Она не поняла, что означали его слова: отказ либо признание ее превосходства. Она вздохнула, увидев, как он поднес руку к поясу и отстегнул свою палицу с круглым наконечником из белого камня.

Не сводя с нее глаз, он несколько раз подкинул на ладони оружие, желая получше захватить его.

— Я буду благодарна тебе, Одессонк, — прошептала Анжелика, в ее тоне слышалось смирение, а губы

подарили индейцу мягкую улыбку. — Я никогда не забуду твоей жертвы, и если когда-нибудь тебе понадобится моя помощь, я все сделаю для тебя.

Одессонк сжал палицу в кулаке, затем посмотрел на пленника. Он еще колебался. Помимо своей воли Анжелика повернула голову и увидела на окровавленном лице блеск живых зрачков. Ирокез издали следил за их разговором и понял его смысл. Анжелика прочитала в его взгляде готовность капитулировать: пленный был благодарен ей, он больше может не бояться, что ему не хватит сил принять смерть, как подобает мужчине.

Он что-то прошептал, почти прохрипел. Увидев, что Одессонк принял какое-то решение, один из гуронов с раскаленным топором в руках, который он собирался вонзить в бедро пленника, остановился и обратился к нему. Неужели Одессонк решил прекратить пытки, не дожидаясь, когда ирокез отдаст концы. Одессонк возразил ему, что нужно пощадить ранимые сердца белых женщин, ведь он сам — христианин. И он приказал всем отойти в сторону. Воины прекратили свои пляски, умолк барабан. Все молчали. Палачам даже было на руку закончить истязания этого ирокеза, потому что в последнее время они отвыкли от столь длительных тяжелых церемоний.

Воин, державший топор, отбросил его далеко в сторону, больше он ему был не нужен.

Ирокез сделал неимоверное усилие, чтобы хоть чуть-чуть распрямить свое окровавленное и истерзанное тело на столбе пыток.

Одессонк с томагавком в руке решительно зашагал к человеку, который наконец-то обретет смерть.

Глава 76

Прежде чем умереть, ирокез сказал несколько слов.

— Сюда идет Уттаке. Он убьет всех вас, паршивые собаки!

Это высказывание было расценено как добрый знак, открывший пленнику дорогу в рай.

А г-н де Фронтенак вместе с г-ном де Кастель-Моржа решили повидать предводителя Пяти Народов.

Вокруг Квебека собирались воины из племен алгонкинов. гуронов и абенаков, все только и говорили, что о войне, и к разговорам примешивались звуки барабанов.

Одессонк обратился к своим молодым воинам: «Братья, пришло время собрать все свое мужество и заполнить стрелами ваши колчаны. Мы не должны допустить, чтобы, в ваших лесах распевали песни войны. Мы развеем нашу скуку и научим наших врагов проигрывать нам».

Г-н де Фронтенак и г-н де Кастель-Моржа вопросили графа де Пейрака сопровождать их во время визита к Уттаке. Несмотря на то, что они отправлялись на мирные переговоры, они все же решали предстать в более сильном составе. Им хотелось узнать, почему Уттаке решил нарушить мирный договор, заключенный ирокезами несколько лет назад.

Сложность данной миссии заключалась в том, чтобы удержать союзников-ирокезов от поспешных действий. Подобные истории бывали и раньше, и Фронтенак всегда чувствовал себя как рыба в воде. Он обожал эти встречи с индейцами и ирокезами, красоту их речи, их хитроумные суждения. Ему доставляло истинное наслаждение очаровать их своей ловкостью и еще тем, что он думал и чувствовал так же, как они.

Флоримон высказал желание присоединиться к экспедиции. На личном фронте у него образовалась пустота: его блондинка исчезла, что его немного беспокоило. Уж не заперли ли ее в наказание родители? Не кто иной, как Ефрозина Дельпеш выследила их и предупредила родителей девушки: «На вашей крыше я увидела следы на снегу. Не иначе это вор; либо ухажер шастает к вашей дочке по ночам».

Флоримон немного побаивался галантерейщика Мерсье, тот был довольно жестким человеком, вот почему он с удовольствием ухватился за идею отправиться в военную экспедицию к ирокезам.

Когда отряд был собран, то все участники демарша уселись в каноэ и покинули Квебек под напутственные возгласы жителей.

На время своего отсутствия губернатор передал бразды правления майору д'Авренсону.

Жоффрей де Пейрак взял с собой в поход графа д'Урвиля и двадцать своих людей.

— Когда вы увидите нашего уважаемого Уттаке, — сказала Анжелика мужу перед отъездом, — передайте ему, что для меня была большая честь получить от него подарок, вышитый ирокезскими женщинами. Я храню его в моей сумке, которая всегда у меня под рукой. И еще скажите ему, что я благодарная ему от всего сердца, что они спасли нас от голода прошлой зимой. Мои чувства и подарок Уттаке являются для меня залогом нашей дальнейшей дружбы.

Как всегда в минуты расставания, она постаралась скрыть от него свою тревогу.

Прошедшая зима научила ее преданной любви. Она подарила им споры и примирения, часы любви и откровений, совместные планы на будущее, мечты о возвращении во Францию. Но главным было не это, а их безудержная жажда жизни, желание быть вместе все годы, отпущенные им Богом.

Как объяснить ему это? Ее красивые глаза смотрели на него. И как обычно, он, казалось, догадался, о чем она думает, и немного посмеивался над ней.

— Берегите себя, — сказал он. — Я не хочу ни в чем ограничивать вашу независимость, моя маленькая храбрая красавица, и не собираюсь приставлять к вам караульного. Но мне хотелось бы, чтобы вы, гуляя по городу, всегда имели при себе один из ваших пистолетов... готовый выстрелить.

Глава 77

В трактире «Корабль Франции» г-н де ла Ферте и г-н де Бардань распивали очередную бутылку.

— В нашем распоряжении была целая зима, но мы не смогли завоевать ее, — говорил герцог тихим голосом, временами переходившим в шепот. — Зима прошла, а мы ничего не добились. Мы были уверены, что легко покорим ее. Ведь это так, мы действительно так думали? Она совсем рядом, но чем ближе мы приближаемся к ней, тем чаще мы теряем ее из вида. Она легко разрушает все наши ловушки. Что мы знали до нее? С какими женщинами мы общались? Почему сейчас мы лишены всего? Вот увидите, господин королевский посланник, вы тоже столкнетесь с тем, чему нет объяснений. Вы разобьете себе нос о зеркало, решив, что за ним ответы на все вопросы.

— Хватит пить, — резко прервал его Бардань.

— А что еще делать в этом проклятом городе?

Через открытое окно Вивонн посмотрел на реку, которая поднялась почти до набережной. Прекрасный нежный май в Канаде выглядел как истощенный ребенок с землистым цветом лица. Зима нехотя выпускала природу из своего плена. Снег сошел лишь на вершинах холмов да в подлесках. Берега имели унылый, грязный вид, ни травинки не проглядывало на земле, казалось, что она вовсе не желала менять свою зимнюю окраску.

Город тоже был заражен подобными настроениями. Он, как женщина после долгой болезни, смотрел на себя в зеркало и не видел ничего, кроме постаревшего, бледного и безумного лица. Военная экспедиция и волнения ирокезов служили причиной для нестабильности в городе. Никто не принимался за

работу; никому еще и в голову не пришло выпустить животных из своих загонов.

К весне Анжелика заказала себе легкое бархатное платье нежно-зеленого цвета, как первый, распустившийся листок. Галантерейщик специально сохранил несколько отрезов ткани, чтобы женщины Квебека, уставшие от тяжелой зимней одежды, преобразились полностью. За такое удовольствие они готовы были заплатить любые деньги. У кружевницы Анжелика заказала чудный кружевной воротник с острыми концами, украшенными небольшими цветками.

Военный отряд отбыл лишь три дня назад, а в городе уже поговаривали о том, как долго тянется время, и волновались по поводу отсутствия новостей.

Несмотря на довольно сырой воздух, Анжелика тоже открыла окно и наблюдала с высоты за причудливой игрой течений в реке. Дул сильный ветер. От реки поднимался туман, он собирался белыми лохмотьями, как разбросанное птичье оперенье.

Их судьба была решена. Если король откажется от них, это причинит ей боль, от них отвернутся друзья. Которых они приобрели здесь, в Канаде... Да, она с грустью покинет Квебек, здесь она встретилась со своим прошлым, своей молодостью, здесь она приобрела все то лучшее, что есть в ней сейчас. Да, французский король еще в силах причинить им немало зла. Невольно она пожалела, что наступила весна и разрушила их уединение. Они прожили прекрасную зиму, а там, впереди, через месяц или два, поднимутся белые паруса и поплывут от острова Орлеан...

По улице шагал сын Польки, руки в карманах, шерстяной колпак надвинут по самые глаза, в зубах — трубка.

— Чего ты хочешь, толстощекий? — окликнула она его из окна.

Его послала мать: Жанин Гонфарель из «Корабля Франции» сообщила ей, что г-н де Бардань и г-н де ла Ферте подрались на дуэли.

Анжелике понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что речь идет о Вивонне, а когда до нее дошло, в чем дело, кровь прилила ей к лицу.

— Что ты там бормочешь?

Она выбежала к нему на улицу и забросала вопросами.

Посланник короля и герцог, как обычно, вместе выпивали в трактире и поспорили. Дело дошло до криков. По-видимому, г-жа де Пейрак была причиной их размолвки, потому что ее имя постоянно упоминалось разгневанными спорщиками.

Кто из них предавал ее имя позору, а кто встал на ее защиту и призывал искупить перед ней свою вину, этого не смогли понять присутствовавшие при этом свидетели.

Тем не менее они вышли на площадь и скрестили шпаги. Г-н де ла Ферте был ранен. Его отнесли домой, где за ним ухаживал доктор Рагно.

— А господин де Бардань?

По всей видимости, тот был жив и невредим. С трудом удалось приблизиться к нему, он так размахивал шпагой, как будто хотел уничтожить всех вокруг. Потом он вдруг отскочил в сторону и бросился бежать. Его друзья побежали за ним, ведь он кричал, что бросится в реку, но удалось ли им помешать ему?

Прежде всего Анжелика нанесла визит герцогу Вивонну. Она догадалась, что произошло; это было неизбежно, но ей хотелось бы, чтобы все случилось позже, когда прибудут корабли и доставят королевскую почту.

Она нашла герцога угрюмо сидящим около очага, а доктор заканчивал перевязывать ему руку.

— Что вы рассказали ему? — задыхаясь, спросила она. Вивонн рассматривал кровоточащую рану на своем бедре.

— Неужели этому идиоту недостаточно было ранить меня один раз?

— Он не идиот! Что вы ему сказала, раз он был в таком состояния?

Ну хорошо! Все! Он рассказал ему все...

Если бы не жгучее желание посмеяться над ним, он бы пожалел его. И действительно, он вызывал чувство жалости своей привязанностью к женщине, к этой женщине. Все они были к ней привязаны. Но это все равно что пытаться поймать ветер... Она была недоступна! Хотя когда она глядела на вас, то вам казалось, что у вас есть шанс...

— Но что же в ней есть такого? Что заставляет нас сходить с ума? — вскричал герцог, схватив Барданя за его кружевной воротник.

— Всех нас, меня, тебя, самого короля...

— Короля? — изумленно повторил Бардань.

— Как! Вы ничего не знаете? Да, короля! Он был без ума от нее, осыпал ее золотом, драгоценностями с головы до ног, устраивал для нее пышные празднества, а взамен... она стала мятежницей из Пуату.

— Что вы болтаете? — заревел Бардань.

И он побледнел так, как будто смерть коснулась его.

— А что! — насмехался Вивонн. — Не так уж она невинна, эта женщина с глазами сирены и обольстительными улыбками Он ходил за ней, как барашек на привязи, с самого ее приезда, ухаживал за ней, впадал в экстаз от одного ее взгляда. А она шесть лет тому назад скакала по своей провинции и призывала крестьян к восстанию против короля. Того короля, посланником которого является сам Бардань: знал ли он, что король носил ее в своем сердце, эту

женщину, которая восстала против него и подняла против монарха его преданных вассалов?

Так вот же! Король отдал свое сердце мятежнице! Он видит только ее среди всех своих придворных дам. Только ее... Ее драгоценности, ее кожу, нежную, прозрачную, светящуюся, притягивающую ваши губы...

Именно после этих слов граф де Бардань встал и произнес:

— Выйдем отсюда. Мы будем драться.

Когда они оказались на площади, он набросился на герцога, не дав ему опомниться.

— Эти людишки неблагородного происхождения дерутся на шпагах, не соблюдая правил. Я уже упал, а он продолжал наносить мне удары. Правда, я не понял, почему упал, ведь этот укол в руку совсем не опасен.

— Вы были пьяны. И ваши слова лишь доказывают, это... Я с уважением отношусь к господину де Барданю, ведь за ваши слова он мог наказать вас смертельными ударами своей шпаги.

— Что я ему сделал, вашему любимчику?

— Вы серьезно ранили его чувства, указав ему на промахи и на возможное недовольство короля. Рано или поздно, он все равно узнал бы об этом, но здесь, изнуренный тяготами зимы, он не захочет больше жить.

— Да ничего подобного! Сидит себе преспокойненько дома и хвастает перед своими холуями, как он расправился со мной, да еще поджидает вас, чтобы и вам поведать о случившемся. О, это зеленое платье...

— Что в нем такого, в этом платье?

— Оно вам к лицу. Вы восхитительны. Но оно простовато, моя дорогая. Король захочет увидеть вас в более роскошных нарядах.

— Король хотел бы увидеть меня мертвой, а ваша сестра тем более... Но хватит этих разговоров о короле.

Если бы он не был ранен, она схватила бы его за кружевное жабо и как следует встряхнула его. Вместо этого она осыпала его проклятиями.

— Да кто вы такой, чтобы так судить о вашем окружении? Пустое место! Я не вижу вас, вы для меня не существуете. Вы считаете, что вам все позволено. Вы смотрите на людей как на ничтожеств, которых одной рукой можно смахнуть с дороги. У вас нет ни сердца, ни совести, ни очарования, ни уверенности в своей карьере. Ни вы, ни ваша сестра не смогли убедить меня в обратном, я всегда знала, кто вы есть на самом деле: бездушные, наглые людишки, невежественные, заносчивые и бессердечные. Вы считаете, что количество родовых поместий может заменить благородство рода и характера. Вы сами настоящий идиот, раз вы не понимаете, что ваша собственная злоба уничтожит вас. Вы можете лишь сожалеть о своем жалком паразитическом существовании. Из-за таких, как вы, счастье людей может быть омрачено. Вы проливаете свой яд повсюду, но я заставлю вас заплатить за это, обещаю вам. Возможно, это случится очень скоро. Король примет меня при дворе, вы знаете это. И вот тогда берегитесь, я отомщу за своих друзей. Если вы — мой враг, я уничтожу вас...

— Не говорите так со мной! Я слишком привязан к вам! — воскликнул Вивонн и вскочил так резко, что с трудом устоял на раненой ноге, а доктор от удара чуть не свалился в огонь.

— Не двигайтесь, ваше высочество, я должен закончить перевязку.

— Вы все преувеличиваете. Я ничего не имею против вас, Анжелика, — продолжал герцог. — И меня мало волнуют интриги, которые вызовет ваше возвращение. Вы хорошо знаете Версаль. Там каждый играет сам за себя, но плохо, если король проиграет. Моя сестра ошибается, думая, что она королева и останется ею.

Если бы она была ею, то мне не пришлось бы отправляться в изгнание и напоминать о себе, чтобы выйти из тупика. В этом вы правы. Она растратила себя в изнурительных интригах, защищая удовольствия и почести, которыми даже не воспользовалась. Вы же будете выступать в роли новичка. Если вы вернетесь в Версаль, я ставлю на вас. Король тоже устал от тех, кто его окружает. Вот почему он помнит о вас. Вот почему он повернулся к этой ханже Ментенон... Ха-ха-ха. Я не так глуп и не так уж плох, как вам кажется. Если вы выиграете, я не причиню вам вреда.

— Хорошо, я запомню это, — сказала она, успокоенная его уверениями. — Но я вас предупредила.

Повернувшись, чтобы выйти из комнаты, она почувствовала, как три пары ненавидящих глаз уставили на нее свои пистолетные дула. Когда она вошла в эту комнату, довольно темную и освещенную только огнем в камине, она не обратила внимания на остальных присутствующих, ее волновал только Вивонн, лишь ему она хотела высказать все, что лежало на душе. Теперь же она увидела, что здесь и Сент-Эдм, и барон Бессар, и преданный лакей, который держал тазик с водой, пока его хозяину промывали рану.

По-видимому, им не понравилось, что в разговоре с Анжеликой герцог открестился от своей сестры. Любовница короля могла подкупить их либо угрозами о разоблачении их прошлых преступлений удерживала их на своей стороне.

От этих разъяренных взглядов у нее осталось не самое лучшее впечатление. «Я подписала себе смертный приговор, — подумала она, — тем хуже, будь что будет».

Она быстро шла по улице, почти задыхаясь. Ее беспокоило состояние Барданя. Зная его характер, она была настроена не так оптимистично, как Вивонн.

Бардань был наделен богатым воображением, и он больше доверял своим чувствам, нежели реальным событиям, Источником самых больших радостей для него были его собственные мечты. Когда он влюблялся, то считал, что способен сотворить любимое существо по образу и подобию, придуманному им. Да и себя он считал таким, каким хотел видеть, но каким не был. До сих пор ему удавалось соблазнять соседских барышень или же девушек из Ла Рошель. Анжелика была для него загадкой. Он тешил себя иллюзиями, что способен разрешить ее, но сегодняшний день сбросил его с небес на землю. Анжелика бегом поднялась по аллее парка. В подлеске около дома еще лежал снег.

В вестибюле она увидела офицера из свиты г-на де Барданя: тот метался по комнате как загнанный зверь. Он переставлял стулья со своей дороги и складывал в чемоданы и сундуки вещи, сваленные на секретере.

Г-н де Бардань появился дома два часа назад, у него был испуганно-растерянный вид, и он заявил, что они немедленно покидают «эти проклятые места».

— Куда он пошел?

Он заявил, что переезжает в небольшое дворянское поместье, в стороне от города, посреди долины Абрахама. Он взял с собой кое-что из одежды, личное оружие и две книги.

— Но там, наверное, очень сыро и нет никаких удобств! Почему вы не отправились вместе с ним?

— Он потребовал, чтобы я остался сторожить дом. Нужно еще упаковать его книги, подготовить все к переезду, позаботиться о слугах. Но все это, конечно, лишь предлог. Он очень хотел остаться один. Он взял с собой лишь слугу.

Анжелика спросила, который час.

Было пять часов вечера, на улице еще достаточно светло. Дни становились все длиннее.

— Я пойду навещу его, и возможно, мне удастся успокоить его и вернуть домой.

— О да, мадам, прошу вас, сделайте это. Только вы сможете повлиять на него. Он был в таком состоянии, как будто его, а не г-на де ла Ферте ранили шпагой на дуэли.

— Что же произошло?

— Как, вы не знаете? Вы же были причиной их встречи!

— Возможно! Но я не присутствовала на ней. Я не знаю, о чем они говорили, прежде чем бросили свои перчатки друг другу в лицо.

— Признаюсь, я тоже не знаю. Но я догадываюсь, что любое вмешательство с вашей стороны принесет ему пользу. Он тысячу раз повторял мне, что любовь, которую он испытывает к вам, разрушила его жизнь. Но сейчас он боится, что она разрушила и его карьеру; эта мысль может подтолкнуть его к ужасному поступку, ведь он так дорожит своей службой у короля.

— Он, без сомнения, окажет мне не самый радушный прием.

— Вовсе нет. Вы сумеете с ним поладить.

Прежде чем отправиться к Барданю, Анжелика зашла домой предупредить, чтобы ее не ждали к ужину. Дома никого не оказалось. Все были на прогулке и искали на открытых лугах первые крокусы. Тогда Анжелика поручила одному из стражников бастиона предупредить Иоланту, когда она вернется с детьми после прогулки, чтобы они не беспокоились, возможно, ей придется задержаться дольше, чем она рассчитывает. Ей предстоит нанести еще несколько визитов.

Сначала ей в голову пришла мысль заглянуть в «Корабль Франции», но она тут же отбросила ее; самое главное было узнать, в каком сейчас состоянии Никола де Бардань.

И она поспешила к долинам Абрахама. Долины эти простирались сразу же после холмов Мон-Кармеля и являлись самой высокой точкой прибрежного мыса; часть их еще была покрыта снегом. По ним проходило несколько довольно утоптанных тропинок; это крестьяне или индейцы прокладывали себе дорогу, направляясь к Красному мысу.

Сердце Анжелики сжалось от тоски и тревоги в предчувствии мрачных событий. Кроме того, она была очарована красотой заката: волнующее и неповторимое зрелище разворачивалось перед ее глазами. Но что же могло произойти?

Люди вдруг показались ей маленькими, ничтожными существами, похожими на суетливых муравьев. Смерть была так близка и так реальна; достаточно одного жеста, и она навек остановят бьющееся сердце, обозначив конец жизни. А сама жизнь — лишь блестящая мишура, песчинка в грандиозном царстве Природы.

Ее поразила хрупкость собственного тела и призрачное бытие всех людей на земле. Жизнь! У кого есть право отнимать ее у других, это самое большое богатство, дарованное человеку, эту величайшую тайну, это сокровенное обещание. Она объяснит это Барданю, заставит его взять себя в руки. Что значат все эти хитросплетения слов, имен и трагедий? Что значит король? По сравнению с таинством жизни — ничего. Жизнь неподвластна королю и его настроениям.

Издали она заметила дом, огороженный забором, и замедлила шаг. Если Вивонн и правда все рассказал бедному Никола, то, безусловно, молодой человек страдал от унижения и разочарований.

Но, несмотря на известную наивность и легкомыслие, Бардань не был глупым. Но на этот раз его богатое воображение могло породить у него

пессимистический взгляд на мир и утопить его в отчаянии.

Подходя к дому, Анжелика безумно волновалась. Здание было одноэтажным, ставни были закрыты. Со стороны кухни доносился звук разрубаемых поленьев.

Прежде всего она обошла вокруг дома, чтобы найти окна гостиной или же комнаты, где посланник короля мог уединиться и предаваться своей тоске. Приблизившись к одному из окон, откуда струился свет, она уже готова была увидеть страшную картину: ноги трупа, болтающиеся на уровне ее глаз. Но она появилась вовремя и вздохнула с облегчением: г-н де Бардань сидел в кресле рядом с камином. Полумрак, царивший в комнате, скрыл выражение его лица. Он казался немного подавленным, но, судя по всему, он еще не принял никакой яд. Он предавался своим грустным мыслям и являл собой образец неудачника, впавшего в немилость и удалившегося в глухомань. Должно быть, кто-то постучал в дверь, потому что она увидела, как он вдруг поднял голову. Вошел слуга с подсвечником в руке; поставив его на стол, он хотел добавить одеяла к наспех застеленной кровати. Бардань отослал его, ему хотелось побыть одному. Лакей хотел было помочь своему хозяину снять сапоги и портупею, но Никола де Бардань нетерпеливым жестом приказал ему удалиться.

Как только слуга ушел, Анжелика вернулась к двери и проникла в дом.

Она прошла в глубь вестибюля и открыла дверь комнаты.

Ее появление не вызвало никакой реакции у Никола де Барданя. Языки пламени освещали его заострившиеся черты. Он постарел лет на десять, ив глазах его не было ничего, кроме безысходной тоски. Анжелика, сняла пальто и бросила свои перчатки на край стола. Он не предложил ей сесть, и она глазами

поискала стул или кресло, но он внезапно вскочил, и она, окаменев, осталась стоять.

— Ведь я же рассказывал вам, что этот двуличный человек поступил со мной немыслимым образом. Я и догадываться не мог, ведь я считал, что именно он рекомендовал меня королю за мои заслуги; он послал меня в Канаду, зная, что я найду вас здесь.

— Ваши откровения в Тадуссаке еще раз доказали мне, что жребий брошен, а судьба наша в руках правителей. В Париже интересовались нами. Наступил тот момент, когда мы должны были решить, в каком направлении развитие событий будет благоприятно для нас. Нужно было скрывать свое прошлое, развеять любые сомнения, не позволять распространяться слухам, доказать наконец, что мы вооружены и в чем именно сила нашего оружия.

Он слушал ее, а с лица его не сходила гримаса отвращения.

— Узнаю ваши расчеты и ваши хитроумные ходы. Как я сожалею, что встретил вас тогда, когда вы вышли из кареты такая несчастная, дрожащая от страха и холода, опустив глаза; вы держали на руках ребенка и прятали его от взглядов окружающих, и сами вы пытались улизнуть от моих вопросов, в которых не было ничего опасного, обычные вопросы о причинах прибытия в наш город.

Анжелика сначала не поняла, о чем идет речь, и лишь потом вспомнила, что Бардань видел ее в городе, когда она приехала туда с г-ном Берном, из сострадания вызволившим ее из тюрьмы. На руках она держала Онорину, а сквозь платье она чувствовала, как горит на ее коже лилия, выжженная каленым железом.

Действительно, тогда она привыкла ходить опустив глаза, чтобы никто не заметил их цвета; это было одной из примет, по которым ее разыскивали.

— Как я сожалею об этом вечере, об этом часе, — вздохнул Бардань, — я не знал тогда, что мой конец уже близок, я был счастливым человеком. Я ничего не замечал. Я любил женщин, почести, веселую жизнь... Внезапно в моей жизни все круто изменилось: один лишь ваш взгляд, и я влюбился как мальчик, в первый раз, и говорил себе: «Так вот какая она, Любовь!»

В его глазах она прочитала обвинительный приговор, и тут ей вспомнились размышления отца Мобежа.

«Женщины, которых постигла участь быть красивыми, живут отличной от нас жизнью, их судьбы не похожи на судьбы остальных людей. Одним своим появлением по воле случая они способны изменить ход нашей жизни...»

— Начиная с этого момента, — продолжал Бардань, — все было безумием, цепью непоследовательных событий. Вы управляли мной, как кукольник управляет своими игрушечными актерами, дергая их за ниточки. Я, должно быть, рассмешил вас, когда в Тадуссаке упрекнул вас в том, что вы соблазнились браком с этим авантюристом, в надежде обогатиться и подняться на более высокую ступень в обществе. Теперь я понимаю, что выйти замуж за пирата вовсе не означало для вас восхождение к вершинам, а, напротив, падение... Если бы этот пират не был столь благородных кровей! Ведь это был граф де Пейрак, человек из ближайшего окружения короля. Вы разыграли для меня прекрасную комедию. Все было именно так, не правда ли?

— Да, только гораздо сложнее, мой бедный друг, — вздохнула она.

— Вас это забавляет! Вы играете сердцами как бродячий циркач горящими факелами.

Анжелика поняла, что его апатия уступила место гневу. Теперь уже она начала выходить из себя.

— Могла ли я рассказать вам о себе всю правду? — воскликнула она. — Могла ли я в Тадуссаке помешать вам строчить письма королю обо всем, что вам придет в голову? Вы никогда не слушаете, о чем я говорю. Вы никогда не хотели услышать то, что я пыталась вам объяснить, если это не соответствовало вашим настроениям. Мне было очень тяжело, практически невозможно рассказать вам все... Этому было много причин... Часто мы оказывались в такой ситуации, что разглашение правды было бы опасно и для меня, и для вас... А кроме того, вы так чувствительны и благодушны; вам хочется, чтобы все происходило, как вам этого захочется. Правда может причинить вред вашей душе, сейчас именно это и происходит. Приходится молчать, лгать, лишь бы оградить вас от неприятностей. Да, Никола, рассказать всю правду вам невозможно, потому что вы не хотите ее слышать.

Ее упреки, казалось, нисколько не смутили Никола де Барданя.

— Напрасно вы пытаетесь оправдать свое лицемерие, — парировал он. — Ваша карта бита, теперь мне все ясно. Меня удивлял ваш отказ выйти за меня замуж; для меня это был бы неравный брак, но я готов был пойти на это ради любви к вам. Теперь же я понимаю причины вашего отказа. Вы пренебрегали мной, ведь я был ниже вас по положению в обществе. Вы были женой первого вельможи, любовницей короля...

— Когда за твою голову назначена определенная цена, когда тебя разыскивает полиция... Это довольно веские причины для молчания... И оставьте в покое короля. Он ничего не добился от меня, и я никогда не была его любовницей.

— Почему же?

— Он мне не нравился.

Она сказала это легко и с оттенком превосходства в голосе, еще раз напомнив о том, что в любви нет дела до королей, все решает женщина.

Бардань оторопело глядел на нее.

— Как вы можете, кто вам позволил говорить о короле в таком тоне!

Увидев, что она засмеялась, он закричал:

— Ничто для вас не дорого!

Она продолжала смеяться, и он помимо своей воли снова восхитился ею, ее взглядом, то нежным, то дерзким, она была очаровательна, и отчаяние вновь охватило его.

— ...Судьбе было угодно, чтобы я встретил вас, — прошептал он. — Вы прикрылись маской скромной труженицы, вы были сама скромность и добродетель. Ни один мужчина в мире не любил женщину так, как я любил вас.

— Все так говорят.

— Но это правда. Вы обвиняете меня в том, что я чересчур идеализирую окружающий мир, но согласитесь, я был рожден не для того, чтобы стать жертвой тщательно продуманного маскарада и испытать столь горькое разочарование. Вы погубили меня.

Его голос дрожал от невыразимого страдания, и она потянулась к нему. Но внезапно он выпрямился.

— Не подходите! — приказал он.

Всеобвиняющий огонь горел в его глазах.

— ...Я слишком желал вас. Страдания и наслаждения истощили мою жизнь. Встреча с вами не принесла мне ничего, кроме зла. Теперь я ясно вижу, насколько вы опасны, разрушительны. Вы внушаете мне ужас. Убирайтесь!

Терпение Анжелики лопнуло, и ее захлестнуло возмущение подобной несправедливостью.

По-видимому, сказала она холодно, г-н Бардань прекрасно научился обвинять других во всех своих неприятностях, в том, что именно она внушила ему страсть к своей персоне, хотя для этого она со своей стороны не подала ни малейшего повода. Но как бы трогательны ни были его воспоминания и сожаления, она-то предпочитает быть самой собой, а никак не женщиной с опущенными глазами. Он встретил ее униженную, загнанную в угол, и сохранил об этом душераздирающие воспоминания; так не будет ли он так добр, чтобы позволить ей не разделить его ностальгию... Она имеет полное право жить с высоко поднятой головой, не чувствуя себя оскорбленной, именно теперь, когда она наконец-то вновь обрела потерянное когда-то высокое положение, а ее ребенок — свое настоящее имя — Онорина де Пейрак. И сегодня это незаконнорожденное дитя посещает монастырь урсулинок, она окружена друзьями. И напрасно он взывает к ее совести, пытаясь пробудить в ней раскаяние. Тем хуже для него, Барданя, если он смотрит на нее как на преступницу и жаждет мщения: она-то всегда питала к нему только самые искренние дружеские чувства. Теперь она обойдется без его дружбы. Он ничем не отличается от остальных мужчин, которые любят лишь тех беззащитных женщин, полностью зависимых от их тирании...

Когда она замолчала, задыхаясь от волнения, она поняла, что лишь усилила его страдания, доказав ему, как мало места он занимая в ее жизни; счастье, что она просто не убрала его со своей дороги, как ненавистного врага, как жалкое насекомое.

Он был бледен как полотно.

— Любовь! — прошептал он, почти простонал. — Люди влюбляются! И любят! Любовь завоевывает все ваше существо, кажется, что она пришла к вам навсегда. Но однажды вы понимаете, что она уходит...

Однажды вы вынуждены смириться с тем, что это был лишь свет далекой звезды, мираж... Он коснулся вас и исчез, даже не обратив на вас внимания.

— Вы опять поддались игре вашего воображения, Никола де Бардань, — возразила она. — Вы прекрасно знаете, что я обратила на вас внимание... Даже более того...

— Уходите! — он пальцем указал ей на дверь. Анжелика взяла перчатки и надела пальто.

— Хорошо! Я ухожу! Я приду, когда вы будете более благоразумны.

И она вышла. Пройдя через темный сад, она оказалась около ограды, и взор ее остановился на бескрайней долине Абрахама. С вершин Мон-Кармеля дул свежий ветер.

Вечерний туман и багровые облака заката уступили место строгой торжественной ночи. Лишь одинокая луна светила на черном небосводе.

«Бедный Никола, — думала Анжелика, шагая к дому. — Он слишком многого от меня хочет».

Грусть охватила ее оттого, что она так рассердилась на него. Ничего, она придет завтра и уговорит его. Она сумеет доказать ему, что не собиралась обманывать его, а тем более заставлять его страдать, используя для этого всю хитрую злобу, в переизбытке которой он упрекал ее. Она убедит его своей привязанностью к нему и уважением, которое она всегда к нему испытывала.

Анжелика перебирала в уме все утешительные слова, которые она скажет завтра бедному влюбленному; его всепоглощающая страсть волновала ее, она чувствовала, что ей его не хватает. Анжелика поднималась по тропинке, которая приведет ее к подножию Мон-Кармеля, а оттуда она спустится прямо в город, в сад губернатора, потом на Оружейную площадь.

Она успела бы их заметить раньше, если бы не шла опустив глаза. Но это ничего не изменило бы в той угрожающей ее жизни ситуации; ведь она была одна посреди пустынной долины, откуда не донесется ни звук ее голоса, ни крик о помощи. Они тем временем, должно быть, забавлялись, видя, как она спокойно направляется к ним, погруженная в свои мечты...

Внезапно, подняв глаза, она увидела их на вершине холма, по которому она взбиралась. Три темных силуэта мужчин, освещенных лишь лунным светом.

Расстояние между ними было слишком коротким, и она сумела распознать всех троих. Со шпагами в руках, барон Бессар и граф де Сент-Эдм в сопровождении широкоплечего лакея поджидали ее.

Глава 78

Проклиная свое легкомыслие, Анжелика призналась себе, что должна была предвидеть подобную ловушку.

Покидая несколько часов назад дом герцога де Вивонна и встретившись взглядом с ненавистью в глазах его статистов, она подумала: «Я подписала себе смертный приговор!» Они проследили за ней и поджидали ее в стороне от города, посреди этой пустыни, заглушающей любые ее крики.

Ее сердце бешено забилось.

«Он предупреждал меня, чтобы я брала с собой оружие!»

— Убийцы! — закричала она.

В ее голосе послышались нотки раненого зверя и победный клич индейца, вызывающего врага на бой.

Она повернула назад и побежала в обратном направлении. Они кинулись за ней. Затем произошло то, что позволило ей немного оторваться от преследователей. Она споткнулась о снежный бугорок, упала и съехала вниз на своем пальто, как на санях, по ледяному склону. Вставая, она испугалась, что вывихнула лодыжку, и попыталась пройти несколько шагов. Она заметила, что в стане ее врагов царит некоторое замешательство, они не решались проделать такой же путь. Наконец они продолжили погоню, решив обогнуть ледяной склон. Анжелика собрала все силы в закричала:

— Господин Бардань! На помощь!

Она подобрала свои юбки руками и бросилась бежать, не отводя взгляда от темного пятна впереди: дома королевского посланника.

За своей спиной она слышала глухие шаги, которые были уже близко. Почувствовав, что они буквально

наступают ей на пятки, она резко повернулась к ним лицом. Она противостояла им без оружия. Напрасно ока глазами пыталась найти хоть какой-нибудь камень, чтобы бросить в них, как в стаю волков. Увидев, что она ждет их, барон Бессар и лакей, прибежавшие первыми, остановились, задыхаясь. Они держались от нее на расстоянии нескольких шагов и не спускали с нее глаз.

Во взгляде барона светилась злобная радость; он ждал, когда к ним присоединится старый Сент-Эдм, который спешил к нему на кривых ногах, волоча за собой шпагу; жалкое подобие короля Лира, у которого глаза разгорались от предстоящего убийства...

Анжелика вновь закричала что было сил:

— Господин де Бардань! Вашу шпагу! Вашу шпагу!

— Слишком поздно, мадам, — сказал Бессар, — вокруг никого. Никто вас не услышит, вы умрете!

— Но... Что я вам сделала, несчастные? Как вы осмелились пойти на преступление? Вы ответите за зло.

— Кому?

— Королю! — бросила она, зная, что упоминание о нем напугает их.

— Дьявол помог нам и не дает вам приблизиться к королю. Мы здесь, чтобы помешать вам сделать это.

И он шагнул вперед.

Она отступила, не сводя с них глаз и как бы удерживая их на определенном расстоянии своим взглядом; но это не испугало их, они быстро поняли, что она полностью в их власти.

Мерзкий старикашка захихикал, и его дряблое тело затряслось в дьявольских конвульсиях.

— Хе-хе... хе-хе... Слишком поздно, красавица! Слишком поздно! Хе-хе-хе...

— Вы умрете. — В глазах барона читалась явная решимость выполнить задуманное. Он и лакей сделали еще один шаг вперед.

Они постарались окружить ее, не зная, что она им еще приготовила. Они насмехались над ней; все их внимание было сосредоточено на ней, они заранее предвкушали зрелище ее смерти. Это и помешало им вовремя заметить, что на них обрушился, как молния, как сокол, граф де Бардань со шпагой в руке.

Он оказался среди них так внезапно, как будто упал с неба. Одним ударом он поразил лакея, и тот тяжелой массой упал на землю, не успев даже крикнуть.

Развернувшись, он скрестил шпаги с Бессаром. После нескольких выпадов он выбил оружие из рук барона, который никогда не был силен в фехтовании, и вонзил ему шпагу в живот почти по самую рукоятку, затем резко вытащил ее, выпустив фонтанчик крови, и острым концом поразил горло противника.

Он отошел в сторону, чтобы сразиться с Сент-Эдмом; тот отбивался руками, как ослепшая летучая мышь. Он лишь слегка подтолкнул его, и тот упал. Точными яростными ударами он пригвоздил его к земле, поразив его в живот, шею, сердце, нанося всевозможные смертельные удары, как будто хотел прикончить ядовитое животное. Наконец, задыхаясь, он отошел в сторону и внимательно посмотрел на три поверженных тела, не проявят ли они малейшие признаки жизни.

Из всех троих самым изуродованным был Сент-Эдм, и он еще жил. Внезапно он поднял голову, с которой слетел пышный парик, его взгляд потускнел, кровь пошла горлом, и он замер бездыханный.

Подбежали слуга г-на де Барданя и наемный рабочий: один держал в руке пистолет, другой — палку.

— Мы здесь, господин, — закричал слуга. — Вам нужна помощь?

Бардань указал им на трупы, затем на край скалы, обрамлявший с юга долины Абрахама.

— Свяжите их, привяжите к шее камни и сбросьте оттуда в реку.

При свете луны лицо молодого человека казалось особенно бледным, и оно излучало ярость.

— В реку! Всю падаль в реку!

— Хорошо, господин.

— Даю десять экю каждому за эту работу... И еще десять за ваше молчание...

— Хорошо, господин, мы всегда к вашим услугам и к услугам короля, — ответил слуга, он всегда гордился тем, что служит в доме королевского посланника, наделенного особой миссией.

Что касается наемного рабочего, матроса, по пьянке отставшего от своего корабля, это был видавший виды парень, а за двадцать экю он готов был забыть, что убил родную мать. Тут же два молодца с необычайной быстротой связали бездыханные тела и потащили их к дому.

Оттаявшая земля пропиталась кровью.

Проследив за удалившимися слугами, Никола де Бардань повернулся к Анжелике и застыл в недоумении, решив, что она сошла с ума.

— Вы смеетесь!

— Ничего страшного, — ответила она. — Нет, я не смеюсь, но какое это удовольствие, не правда ли? Какое удовольствие!

— Да, — понял он и посмотрел на кончик шпаги, весь в крови и блестевший под лунным светом. — Да, это правда! Я тоже получил удовольствие... почти сладострастное, когда уничтожил их...

Нахмурив брови, он подошел к ней.

— Я узнал этих людей, что напали на вас. Они из приближенных герцога де ла Ферте. Это означает, что он послал их убить вас?

— Нет! Нет! — слишком быстро ответила она, потому что за решительным выражением его лица

прочла желание бежать тут же в Квебек, взломать двери дома герцога и во сне прикончить его.

— Нет! Он ни при чем... Я уверена... Эти разбойники действовали по собственному усмотрению. Они... Они мне сами сказали об этом... Они хотели убить меня, потому что... Они боялись, что... что я их выдам...

Она вынуждена была замолчать, потому что голос ее задрожал от холода и пережитых волнений.

Граф де Бардань вложил шпагу в ножны и бросился к ней.

— Простите меня! Вы совсем без сил! Я просто скотина.

Он обнял ее.

— Благодарение Господу, я подоспел вовремя. Я вышел из дома, чтобы сквозь изгородь посмотреть, как вы будете уходить. Я услышал ваш крик, ветер донес его до меня...

Он крепко сжал ее в своих объятиях.

— ...Ах, любовь моя! Я ужасаюсь при мысли, что с вами могла приключиться беда! Что значил бы мир без вашего присутствия!

Поддерживая ее, он довел ее до дома. В вестибюле Анжелика почувствовала себя немного лучше. Слышались голоса слуг, которые пришли за веревкой и переговаривались:

«Сначала займемся толстым... Старик совсем легкий, поэтому хватит двух ходок...»

Никола де Бардань на время оставил Анжелику, и она услышала, как он сказал слугам:

— Не снимайте с них одежду и украшения. Я не хочу, чтобы хоть малейший предмет навел на их след. За это я плачу вам еще десять экю. И знайте, что если один из вас ослушается меня — а рано или поздно это раскроется, — то сохраненный платок или кольцо с убитых будут стоить ему жизни.

— Хорошо, господин, — хором ответили слуги. В библиотеке Анжелика сама разожгла потухшие головешки в камине. Вошел Никола де Бардань и помог ей освободиться от грязной накидки. Он снял свою портупею и бросил все на край стола. Услышав звук сабли, ударившейся о дерево, Анжелика вновь в мыслях вернулась к ужасной сцене, разыгравшейся в долине. Отблеск холодной стали и кровь, капавшая со шпаги, вызвали у нее слезы, но это были слезы радости, внезапно охватившей все ее существо. Это была радость победы, торжества справедливости, которую немного заглушали жестокие картины трех трупов, трех бандитов, обрушившихся на нее.

С какой яростью Бардань разделался с ними! С каким исступлением! Ей до сих пор слышалось, как сталь пронзает плоть. Ей казалось, что она присутствовала при наивысшем проявлении правосудия; это было заслуженным наказанием ее врагов, и она присутствовала при этом.

Сраженные! Пронзенные шпагой! Отвратительные! Наконец-то! Хоть раз в жизни... До этого момента любое насилие было для нее мучительным, подобные зрелища угнетали ее, как будто она одна была причиной всего зла.

Но в этот раз все было по-другому. Да и она совершенно другая.

Она прижалась к молодому дворянину.

— Я всегда поклоняюсь Святому Михаилу, — сквозь рыдания произнесла она, — но только теперь я понимаю его. Нельзя все время позволять им... быть сильнее...

Она обвела свои руки вокруг шеи Барданя и спрятала свое лицо, прижав его к мускулистому мужскому телу.

— Я должна была избрать его своим покровителем... Святого Михаила...

Он ничего не понимал из того, что она бормотала по поводу Святого Михаила. Он чувствовал, что она нашла убежище в его объятиях, а когда она подняла к нему свои блестящие от слез радости глаза, он прочитал в них нежность и растерялся совершенно.

— Вам нужно... — сказал он, — вам нужно что-нибудь выпить, чтобы согреться, прийти в себя.

Но она удерживала его, она притягивала его лицо к своему, она искала его губы. Тогда он попытался расстегнуть ей корсаж и обнажить плечи.

Она отступила, чуть ли не оттолкнула его.

— Послушайте меня, Никола...

Он побледнел.

— Нет! Нет! Вы играете моими чувствами... Вы подносите напиток к моим губам, а потом прячете его.

— Я должна вам сказать...

— Нет!.. Я не позволю вам одурачить меня.

— Да послушайте же меня, Никола де Бардань, — крикнула Она, топнув ногой. — Вы спасли мне жизнь, но неужели вы не видите, что я на пределе? Постарайтесь успокоиться. И выслушайте меня... На моем теле есть клеймо — лилия! Вы слышите меня? Клеймо на теле — лилия!

Он посмотрел на нее как безумный, но никак не мог понять.

— Да, — продолжила она, — мне ее поставили раскаленным железом, как всем убийцам, проституткам и ворам.

— И как мятежникам!

— Да, — в ее голосе послышался вызов.

Она взяла руку Барданя и провела его по своей обнаженной подмышке.

— Здесь! Вы чувствуете?

Кончиком пальцев он нащупал на спине проклятый контур от печати: цветок лилии. От прикосновения его холодной руки она содрогнулась.

— Вы узнаете ее, эту лилию?

Он коротко спросил ее:

— Почему вы рассказали мне именно сейчас?

— Чтобы вы не наткнулись на нее сами...

Он с недоверием смотрел на нее. Ее губы дрожали. Что это, страх перед разоблачением? Или же радость оттого, что она прочла в его взгляде смущение, какое испытала сама?

— Это... Это и было причиной? — прошептал он умирающим голосом. — Когда вы отказали мне в Ла Рошели?

Об этом она не подумала, но тут же поняла, что должна согласиться. Подобное внушение успокоит раны любви, которые она когда-то нанесла ему.

— Да! Что мне оставалось делать? Я была отверженной, а вы, вы были королевским лейтенантом!

— Это ужасно! Вы не должны были! Вы должны были... довериться мне!..

Он прижал ее к своей груди, затем медленно скользнул к ее ногам, на колени.

— Моя прекрасная служанка!

Рыдание сдавило ему горло. Она почувствовала, как его сильные руки стальным кольцом обхватили ее талию. От прикосновения к животу его лба у нее закружилась голова. Ее пальцы вцепились в волосы человека, стоящего перед ней на коленях. Но вместо того, чтобы оттолкнуть его тяжелую голову, она еще сильнее прижала ее к себе.

Его горячие губы вели ее к высшему блаженству. Он помог ей раздеться, его жесты были нежными и благоговейными.

Медленно он подвел ее к кровати, и они легли. Они смотрели друг на друга, ошеломленные совершенной свободой их обнаженных тел, которые могли сплетаться воедино и вновь отдаляться, следуя за приливами желания. Они позволили этому желанию

вырваться наружу. Их руки и губы ласкали друг друга. Они растворились в бесконечном поцелуе, его горячее дыхание опалило их и блаженным теплом разлилось по жилам. И это могло теперь длиться вечно, пока хватит ни дыхания и сил.

Порывисто дыша, они предавались ласкам, и тела их, сплетенные воедино, охватило такое упоение, доходившее до страдания и толкавшее их в бездну страсти. Когда возбуждение достигло апогея, они погрузились в блаженство, пьянящее и пронзительное; они не могли себе представить раньше, что сладострастное слияние их тел будет таким всепоглощающим.

— Вы — сама честность! — шептал ей в ночи Никола де Бардань.

Что он хотел этим сказать? Что, перейдя границу, она честно предавалась наслаждению? Почему бы и нет? Ей было хорошо в его объятиях. Оба они были достаточно искушены в любви, поэтому в их первой ночи не было ни колебаний, ни стеснений.

Бардань отличался разнообразием в любовных утехах, он был чувственным, нежным и настойчивым, тем более что он сознавал, что именно ее он ласкал, целовал, обладал ею; его мрачное отчаяние уступило место любовной фуге и мысли, что он успокоит ее своими ласками и нежными словами. Его пышные речи смешили ее. Обнявшись, они провалились в сон, как будто в бездонный колодец, потом просыпались от прикосновения губ и вновь погружались в упоительный праздник любви.

В один из коротких промежутков забытья Анжелике приснилось, что какие-то мужчины преследуют ее, чтобы убить.

Она проснулась от своего крика, но молодой человек уже склонился к ней и целовал ее, чтобы успокоить.

Она вспомнила почти с наслаждением, что ужасные преступники мертвы, а она жива, и ее ласкает возлюбленный. Да, любовь никогда не оставит ее, любовь и жизнь!

А те, другие, — лишь жалкие трупы на дне холодной реки.

В порыве благодарной нежности она прижалась к груди мужчины и услышала, как бьется его сердце.

***

Розовый свет зари проникал в окна. Проснувшись в состоянии томного блаженства, она увидела Никола де Барданя около очага, бросавшего на вчерашние угли маленькие поленья и щепки.

В полумраке его слишком белая кожа почти светилась и отливала мрамором. Он подошел к краю кровати. Анжелика села и обхватила руками его колени. Так они и оставались какое-то время, прижавшись друг к другу.

Пальцы королевского посланника поглаживали кожу, где была роковая лилия.

— Сколько отчаяния в этом мире! — прошептал он. — Сколько утраченного счастья, сколько не праведных дел, совершенных в угоду принцам! А нужно лишь любить... и быть любимым... Почему я вовремя не понял это? Почему вы позволили мне зарыться в мои ужасы?

— Подумайте! А к чему бы привело вас мое стремление поколебать вашу уверенность исполнительного чиновника?

— Да! Вы правы! Вы совершенно точно судили обо мне. Я был слишком наивен, бежал от реальной жизни, боясь, что она разрушит мои иллюзии. А они меня так устраивали! В своем служении королю я видел чуть ли не божественный долг. В итоге я выбрал ложные пути. Я не мог понять, что главное в жизни — быть справедливым и работать над своей душой, а не философствовать впустую.

Тронутая грустными нотками в его голосе, она прикоснулась щекой к его гладкому круглому плечу. Ей было приятно чувствовать его кожу, и спокойствие незаметно пролетевших часов обволакивало ее. Так, поддерживая друг друга, беззащитные в своей наготе, как Адам и Ева, счастливые от сознания, что они существуют, они обменивались короткими фразами и воспоминаниями.

— Я был слишком глуп. Даже гугеноты, которых я хотел примирить самих с собой и вел их по дороге повиновения Богу и королю, гугеноты, которых я убеждал в своей дружбе и преданности, они презирали меня... Вы помните Манигола?

Она покачала головой.

— Я был покорен красотой и любезными манерами его старшей дочери, Женни. Сегодня я понимаю, что мое предложение о браке возмутило их: грязный папист просит руки их дочери. Они поторопились выдать ее за Жозефа Гаррета, простачка, но подходящего им по религиозным соображениям...

Анжелика не решилась рассказать ему, что чета Маниголов давно эмигрировала в Голдсборо, сейчас они гораздо менее фанатичны в религии; а что касается бедной Женни Манигол, то она исчезла навсегда в чащах американского леса, ее похитили индейцы, занимавшиеся грабежами.

Мысли Барданя все еще были в Ла Рошели.

— И именно тогда вы появились, обманщица и плутовка.

— Вы ошибались, я уже говорила вам. Для вас я родилась в тот день, когда вы впервые увидели меня. Я шла по мостовой Ла Рошель с корзинкой белья в одной руке и маленькой дочуркой — в другой. А мое будущее целиком зависело от вашей доброй воли. Разве не так?

— Вы правы, моя очаровательная служанка. Признаю, я был ужасным эгоистом. Вы так

стремительно вошли в мою жизнь, я никого не видел, кроме вас, никто другой не существовал для меня. Мне и в голову не приходило поговорить о вами о вашем прошлом.

— Слава Богу, что вы не расспрашивали меня об этом... Если бы вы это сделали, я бы погибла.

— Я защитил бы вас, — слабо возразил он.

— Нет! Только не тогда... Вы бы ужаснулись, узнав о моих преступлениях, и выдали меня полиции.

Он покачал головой.

— Нет! Ужаснулся? Может быть! Но выдать вас! Никогда!

— За вас это сделал бы Бомье. Он рыскал повсюду, как крыса. У него уже были кое-какие подозрения. Он вызвал из Парижа Франсуа Дегре, думая, что тот признает во мне мятежницу из Пуату.

Она почувствовала, что он задрожал при упоминании о Дегре, и добавила:

— А вы?.. Ведь Бомье вовремя удалил вас, зная, что вы можете отнять у него его добычу.

Чтобы успокоить его, она нежно погладила его по бедру.

— Вот видите! И хорошо, что я солгала!

Ее ласка вновь пробудила в нем неистовое желание, и, опрокинув ее на подушки, он сжал ее в объятиях и обладал ею с безутешной яростью.

Когда она уходила от него, она попросила какое-нибудь оружие. Она и так достаточно пренебрегала советами, была чересчур неосторожна. Вполне возможно, что ее самые злейшие враги погибли вчера вечером, но она не хотела больше рисковать... Он предложил проводить ее, но она отказалась.

Уже рассвело, и она не хотела, чтобы их видели вместе в столь ранний час. Он приготовил для нее пистолет и запас пуль и пороха. Она стояла перед ним в

своем зеленом платье н накидке, которую вычистил лакей. Она посмотрела на него.

— Итак? Вы утешились?

— Вашим отсутствием? Никогда. Горечью? Возможно... Когда-нибудь!

— В добрый час! Я нахожу, мой дорогой друг, что вы полны жизни.

Он с грустью покачал головой.

— Нет! Увы, когда вы говорите об этом, мне трудно поверить, что это я... Вы внесли в мою жизнь опьяняющий праздник с примесью страданий и боли. Возможно, я был рожден именно для этого! Не знаю. Но я ничего не хочу повернуть вспять. И жизнь продолжается! Какая мука!

— Прежде всего, вам предстоит пересечь океан и вернуться во Францию.

— Ах, да! Морское путешествие... Ужасная вещь! Вот уж прекрасное средство от любовных страданий. А потом еще борьба с Версалем...

— Вы все видите в черном цвете... Король уже проявил к нам обоим милосердие, и ему не в чем вас упрекнуть.

— Вы заблуждаетесь... Мое положение никак не зависит от того, помилует вас король или осудит. Он может поздравить себя с тем, что приблизит вас к собственной персоне, либо с тем, что обрушит на вас свой обвинительный скипетр и докажет всему миру, какой ценой вы заплатили за мятеж; какими бы ни были решения короля, я в этой истории останусь лишь посмешищем, которого обвели вокруг пальца, выставив напоказ его некомпетентность. При встрече с королем мне остается лишь склонить голову и принять на себя весь королевский сарказм. По части бичевания нашему государю нет равных.

— Хорошо! Но чтобы поддержать вас в столь трудный момент вашей жизни, я хочу напомнить вам об

одном из ваших преимуществ перед ним. Несмотря на его язвительность и пренебрежение к вам, Никола, помните, что король лелеял ту же мечту, что и вы, но в этом случае вы выиграли, вы получили то, что не досталось ему…

— Для меня это будет огромным утешением, — сказал Бардань.

Он поднял голову, его глаза блестели.

— Быть может, как король, он будет внушать мне величественное поклонение, но как мужчина — только жалость.

— Вот это прекрасная мысль! В свою очередь, я могу поздравить себя с тем, что воспоминание о нашей встрече прибавит вам достоинства и хладнокровия, когда вы предстанете перед королем.

— Но удастся ли мне избежать Бастилии? — вздохнул он. — Мне бы хотелось только одного: вернуться в мое имение.

— Уверяю вас, ваши мечты исполнятся. И я покидаю вас, завидуя, что однажды вы прибудете в свою деревню и проведете там чудесные дни в окружении приятных людей и божественной природы. Это будут счастливейшие часы вашей жизни.

Она обняла его за шею.

— Прощайте, мой храбрый Святой Михаил!

— Почему Святой Михаил?

Но ответ ему уже был не нужен. Что бы она ни говорила, теперь он переходил в другой мир, мир, где они уже никогда не встретятся. Его будущее, какими бы яркими красками он ни описывал его, вдруг предстало перед ним тусклым пятном. Он должен был расстаться с ней! Он должен…

Он держал лицо Анжелики в своих ладонях и взглядом целовал ее лоб, глаза, влажные губы, чуть распухшие после его яростных поцелуев. Никогда он не

сможет расстаться с ней! Никогда! Но это нужно сделать!

Когда он заговорил, в его голосе перемешивались нежность и безграничная грусть:

— Сердце мое! Любовь моя! Прощай! Вы уносите с собой мою душу!

Глава 79

Анжелика поднималась по долине Абрахама. В том месте, где вчера ее ждала смерть, она остановилась. Было раннее утро, и воздух, необычайно свежий, чуть попахивал дымком. Полоски снега явно уменьшились, если день будет теплым и ясным, то они и вовсе исчезнут. Земля была более утоптанной бесконечными хождениями. Анжелика разглядывала эти следы прошлой битвы, и внезапно на нее снизошло чувство глубокой благодарности Господу, что он отвел от нее беду. Никогда еще смерть не была так близко от нее, но вот она жива, а ее враги мертвы.

Она продолжила свой путь, храня в своей душе, как самое дорогое сокровище, это прекрасное слово: жизнь. Жизнь, этот бесценный дар, который у вас могут отнять в любую минуту, но она еще обладала им, она несла его в своем счастливом гибком теле. Утро позолотилось лучами восходящего солнца. На горизонте легкие белые облака выстраивались в цепочку над розовато-медным озером, а из долин поднимался туман, оставляя на земле россыпи росы. Было ясно и свежо.

Анжелика направилась к городу. Из-за деревьев показался какой-то человек и вышел на тропинку, поджидая ее. Рукой она нащупала рукоятку оружия, которое дал ей Бардань. Любой прохожий внушал ей подозрение здесь, в долине Абрахама. Но, приглядевшись, она узнала молодого Анн-Франсуа де Кастель-Моржа и, успокоившись, пошла ему навстречу.

У молодого человека был хмурый вид. Она окликнула его и улыбнулась, но это нисколько не развеселило его. Она увидела, что он необычайно бледен, казалось, что он во власти жестоких переживаний, которые не дают ему говорить.

— Что происходит, Анн-Франсуа? — обеспокоено спросила она.

Дар речи внезапно вернулся к нему, и его ярость и гнев выплеснулись в его словах:

— Ага! Все та же карточная игра! В ходу только дамы и короли, а ненужный валет всеми отброшен.

Затем голос его стал глуше:

— До сих пор лишь одна мысль не давала мне сойти с ума: я знал, что вы окружены почестями, и для меня вы — лишь несбыточная мечта, по той лишь причине, что вы — воплощенная добродетель. А вы отдались Барданю. Ему повезло... Но почему? Почему? Почему не мне? Вам незнакомо такое понятие, как верность.

Столь резкое высказывание удивило ее, и она было открыла рот, чтобы ответить, но он опередил ее.

— Не отрицайте этого. Я прогуливался и видел, как вы выходили из этого дома...

— Господин де Кастель-Моржа, как часто вы бываете там, где вас вовсе не хотят видеть, — сухо ответила она.

— О, да! Это правда! — в его смехе слышалось разочарование. — Я слишком много вижу, много знаю, к моему несчастью...

Страдание невольно старило его юное лицо, он прошептал:

— ... Вы влюбляетесь... а любовь уходит от вас... И однажды вы замечаете, что остались совсем один, у вас украли то, что еще вчера давало вам силы и могущество, и это наказание несправедливо.

Он повторил почти те же слова, что и Никола де Бардань. По-видимому, безответная любовь раскрылась перед ним лишь с одной стороны; он познал лишь ее жестокость, и Анжелика посочувствовала молодому человеку.

— Мой бедный Анн-Франсуа, что вы вбили себе в голову? У вас еще все впереди, и мир полон молодых

улыбающихся девушек...

— ... и глупых! И совершенно неопытных! Конечно, я мог бы довольствоваться ими. Но зачем в моей жизни появились вы? Вы были так добродетельны и милы, вы заставили меня поверить в то, что вы — воплощение моей мечты, реальное ее воплощение, а оказалось, что все это — мираж. Я давно не ребенок, и вы прекрасно знаете, что я полюбил вас, как мужчина любит женщину. Я разрывался на части, я жаждал обладать вами и в то же время знал, что вы не похожи на других женщин, ветреных и бесчувственных... Все мои надежды обрушились! Вы были для меня солнцем, центром вселенной, но вы не имели права...

— Права на что?

— Вы не имели права вводить меня в заблуждение до такой степени.

— Требования одних отнюдь не являются обязательными к исполнению для других, Анн-Франсуа. Вы должны знать это... если вы хотите иметь успех у женщин. Вы больше не ребенок, и в своем непреклонном эгоизме вы проявляете себя как мужчина. Любовь — действительно игра, судьба раздает карты так, как ей заблагорассудится, а слабых игроков, как правило, ждет поражение.

— Но как научиться быть сильным игроком, когда ваша жизнь зависит от одного взгляда или слова, а жестокий отказ приведет вас к отчаянию?

— Но в этом и состоит любовная игра, мое милое дитя.

— Не надо жалеть меня, я не ребенок. Вы сильная женщина и умеете преподнести себя без стеснения и боязни. Раз вы не обратили на меня внимания, значит, я не интересовал вас. Вы, как все женщины, все делаете ради своего удовольствия, и вам совершенно все равно, какие чувства вы вызываете: страсть, отчаяние или ревность.

— Ах, ревность! — с раздражением произнесла Анжелика. — Мне бы хотелось забыть о ней, хотя бы на несколько часов. Позвольте мне пройти, Анн-Франсуа.

Он медленно отошел в сторону и следил за ней взглядом, когда она проходила мимо него, как будто хотел вобрать ее всю, без остатка.

— Ваша власть безгранична, — сказал он. — Среди прочих вы околдовали и моего отца, но он даже не осмелился ухаживать за вами.

— Не болтайте глупостей, Анн-Франсуа. На мой взгляд, ваша семья и так достаточно вмешивается в наши дела; мне бы хотелось по меньшей мере сохранить о ней дружеские воспоминания, но если вы будете продолжать в таком тоне, то это будет невозможно.

От разочарования его сердце вывернулось наизнанку, и он почувствовал, что может убить ее, что он сильнее.

— Я мог бы вернуть вам ваш упрек, мадам, — ответил он, и в его улыбке сквозило превосходство, — по поводу неприятностей, причиненных вами моей семье. Как ни жестоки для меня мысли о том, что вы были в объятиях г-на де Барданя, поверьте, что не менее тягостно вообразить мою мать в объятиях графа де Пейрака.

Анжелика вовсе не горела желанием продолжить этот диалог, бессмысленный и глупый, а кроме того, хотела доказать этому юнцу, что она его вовсе не боится. Но когда его последние слова долетели до нее, она резко остановилась и повернулась к нему. Она побледнела, но владела собой и холодно бросила:

— Объяснитесь!

Она вернулась, чтобы выслушать его. Свет, падавший на ее лицо, делал его почти прозрачным. Никогда еще она не казалась ему такой красивой. Вызывающая жестокость ее взгляда унижала его. Она

требовала от него ответа, как от расшалившегося ребенка, который нагрубил старшим. Поистине она обладала несокрушимой силой духа, и он ненавидел ее за это.

— Да! Мою собственную мать! — воскликнул он. — Ее и вашего мужа. Я их видел вместе, в тот день, когда вы уехали на остров Орлеан. Я был в замке Монтиньи, внизу... Я знаю все, что там, происходило в тот день... И еще об этом знает Эфрозина Дельпеш... Я видел, как она следила за моей матерью и поджидала ее у дома так долго, что отморозила себе нос... Спросите у нее. Вот вам и прекрасная карточная партия: два короля, две дамы, и тем хуже для валета, он не в счет...

Он был весь во власти этой навязчивой идеи и спрашивал себя, какие еще доказательства привести к своим словам.

— А чуть позже г-н де Пейрак передал моей матери дорогую безделушку, золотой кубок.

Внезапно она дала ему пощечину, как будто резко ударила хлыстом. Он держался за щеку и с трудом приходил в себя после всех волнений, а она была уже далеко, почти у самого города.

Глава 80

Пройдя через сад губернатора, Анжелика вернулась в город по Оружейной площади. Она шагала, никуда не сворачивая, как во сне.

Слова Анн-Франсуа до сих пор стучали в ее голове. Они отпечатались в ее мозгу, как будто их выжгли каленым железом. И помимо собственной воли, в ней зарождалась уверенность, что он говорил правду! Это была правда! Она чувствовала это, знала, видела. Она увидела это в неискреннем взгляде Эфрозины Дельпеш, когда та пришла к ней со своим обмороженным носом.

Она почувствовала это в смущении Сабины, когда, будучи в гостях в замке Сен-Луи, она заметила маленький золотой кубок и подумала: «Постой-ка, когда же он ей подарил это?»

Она могла сказать, что поняла это еще раньше, по той легкости, с которой г-жа де Кастель-Моржа ответила на ее вопрос о ране на виске. Слишком быстрым и беззаботным был ее ответ.

Дрянь!

Анжелика продолжала идти, не обращая внимания на тех, кого она встречала по дороге. Ей хотелось одного: побыстрее оказаться дома и запереться в своей комнате. Тогда она сможет спокойно подумать обо всем. Когда она подходила к Соборной площади, дорогу ей преградил кортеж, направлявшийся от монастыря урсулинок. Огромная толпа сопровождала носилки и повозки, на которых были установлены обновленные реликвии Святой Анны, сверкающие золотом.

Именно в этот день решено было перенести все реликвии на северное побережье Бопре, в новый храм, сооруженный из камня и заменивший прежний деревянный.

В толпе Анжелика заметила скульптора и его сыновей, его учеников, а также множество священнослужителей, которые должны были произвести обряд благословения для многочисленных «спасенных» Святой Анной. Среди этих спасенных был и Элуа Маколле, и маленькая Эрмелина. Его Высокопреосвященство посетит храм позже, в августе, на день Святой Анны.

— Вы идете, с нами, г-жа де Пейрак? — раздался голос из толпы.

Она машинально ответила: «Нет». Когда процессия прошла, она продолжила свой путь.

Она не услышала звонкий крик маленькой Эрмелины, когда та, увидев ее, выскользнула из рук Перрины и, как мышь, устремилась в соседние улочки. Ее мать и кормилица бросились за ней, надеясь поймать ее раньше, чем лодки на пристани поднимут паруса.

В порту уже заканчивались последние приготовления к путешествию. Самая большая лодка быстро заполнилась людьми, державшими реликвии; статуэтки и дарохранительницу.

Поскольку г-жа де Меркувиль и кормилица Перрина так и не вернулись с Эрмелиной, то двое других детей Меркувилей тоже сошли на берег и уступили свое место другим желающим.

— Скажи мне, — спросил молодой Гонфарель у Элуа Маколле, — о чем говорит этот дым, который зажгли колдуны на острове Орлеан?

В каждой руке он держал маленькую статуэтку. Покрыв их золотом, урсулинки красивыми росписями украсили платье каждой из них. Никто еще не видел таких изумительных статуэток. На огромной лодке подняли парус, ветер подул и погнал лодку вперед, вместе с поющими людьми, священниками и позолоченными реликвиями.

Только Маколле должен был отправиться на другой лодке, сопровождая погребальницу; сейчас он стоял и внимательно смотрел вдаль, пытаясь расшифровать знаки, посылаемые колдунами с острова Орлеан.

Вооруженные моряки подошли к лодке, и один из них сказал:

— Эй, Маколле! Дай руку, вместо того, чтобы любоваться пейзажем! Нашел время для мечтаний.

Но Элуа Маколле вовсе не мечтал. Он не сводил глаз с маленьких белых облачков, которые то тут, то там поднимались над островом. По мере того, как он расшифровывал послание, губы его шевелились.

— Что они говорят, Элуа? — Настаивал мальчик.

— Так и есть, — заметил один из моряков, — они сегодня слишком разговорчивы, эти жители острова. Но что они хотят, Элуа, ведь ты знаешь наизусть все их знаки?

— Они зовут на помощь! — ответил старик.

Глава 81

Анжелика вошла в дом с заднего хода и решила пройти через большую гостиную. Сюзанна уже была там, она натирала до блеска медные изделия и напевала.

Едва ответив на приветствие милой канадки, Анжелика быстро поднялась по лестнице и очутилась в своей комнате, как в убежище, где она наконец-то сможет осознать случившееся.

«Хороший урок для тебя! Хороший урок для тебя!»

Прислонившись к стене, она все повторяла эту фразу с горькой иронией.

Самым ужасным во всем этом она считала свою собственную глупость. Ее предали. Теперь она все потеряла.

Она обвела взглядом свою комнату и кровать, на которой она познала столько опьяняющих ночей с ним, и сердце ее поразила тоска и боль. Слепая ярость уступила место страданию. Схватив хрупкий сосуд, где они часто готовили себе превосходные напитки и утоляли жажду в минуты любви, она бросила его на пол и разбила вдребезги.

— Мадам, — крикнула снизу Сюзанна, — что случилось?

Анжелика взяла себя в руки.

— Ничего! — спокойно ответила она. — Просто разбилась одна вещь.

И, пытаясь сдержать свою ярость, она тихо притворила за собой дверь.

«Да, — подумала она, — просто разбилась одна вещь. Это разбилось мое сердце». Она прижалась лбом к стеклу. Прижав руки к губам, она постаралась сдержать крик, стон, который еще не перешел в

рыдания. «Жоффрей и Сабина... Нет, это невозможно! Это не правда! Да нет же, правда! Это правда!»

Чудесное преображение Сабины говорило за то, что это правда. А в своем замке она хранила золотой кубок, подарок от него, который он преподнес ей просто так, без всяких причин. Без причин? Но теперь-то она знает эти причины. Когда же это произошло? Должно быть, во время ее пребывания на острове.

Этот кубок означал только одно: полное согласие между гасконцами, в этом можно было не сомневаться. Анжелике показалось, что она умирает.

Никогда! Никогда она не переживет этого; Жоффрей, склонившийся над Сабиной, его улыбка для другой женщины! Нет! Это невозможно! «О, Господи! Что со мной будет?»

На миг она вспомнила, что прошлой ночью была в объятиях Барданя, но ведь Бардань ничего не значил для нее. Это не имело никакого значения. Ничего бы и не произошло, если бы эти жалкие мокрицы не вывели ее из себя, задумав расправиться с ней.

А вот Жоффрей в своих поступках никогда не руководствовался случайностью.

Рыдание подступило к горлу, и она еще плотнее прижалась лицом к оконному стеклу.

«Я знала, я чувствовала, что случится что-то ужасное!»

Боясь потерять сознание, она отвернулась от окна, чтобы лечь на кровать.

Тут-то она и увидела Уттаке на пороге ее комнаты. Уттаке, ирокеза, предводителя Пяти Народов.

Это было всего лишь видение. Он тут же исчез.

Дверь была закрытой. Но она видела его как живого, его желтовато-коричневое лицо, его мощный торс, его грудь, разукрашенную боевыми цветами. Это был он.

«Уттаке! Это был Уттаке! Я видела его!»

Сердце ее забилось от нового страха. Почему вдруг она стала жертвой подобных галлюцинаций? События прошедшего дня, безусловно, повредили ее рассудок. Если только не...

Она вновь подошла к окну, вглядываясь в даль, где туман не поднимался к небу, а расстилался по земле и воде, становясь все гуще и гуще. Это был не туман, а клубы серого дыма, они внушали ей ужас, они скрывали в себе этот ужас.

Предчувствие парализовало ее, она еще не хотела поверить в это. Она различала вдали разбросанные языки пламени.

Горели селения на побережье Бопре.

Она поняла.

В то время, как армия поджидала их с юга, ирокезы наступали с севера. Видение Уттаке на пороге ее комнаты означало то, что он на подступах к городу.

Она бросилась вон из комнаты.

— Сюзанна! — закричала она. — Беги! Беги скорее! Беги к себе! Беги к матери и детям! Ирокезы! Ирокезы!

Сюзанна не произнесла ни слова и выбежала из дома.

Анжелика огляделась. Нужно что-то быстро придумать. Не раздаются ли еще победные крики ирокезов? Она вернулась в комнату и открыла сундук, стоявший около кровати. Она отбросила одежды и нашла пояс, который получила прошлой зимой. Она рассмотрела его: широкий и длинный, с бахромой из кожи, украшенный белыми и темно-голубыми камнями. Все говорили, что она обладает самым красивым доказательством мирного договора.

«Уттаке! Уттаке! Подари мне жизнь! Как я подарила тебе твою!»

Она сложила колье и взяла его с собой. В доме повисла тяжелая тишина, предвестник ужасной трагедии.

Она вышла в гостиную и открыла все двери. Детей, должно быть, отвела к урсулинкам, но где же Адемар и Иоланта? Быть может, внизу, доят коз? Она сняла со стены мушкет и спустилась в погреб в поисках слуг. Она обнаружила Адемара и Иоланту на куче сена; они достигли очередного перемирия. Увидев ее, они закричала от страха. Страх этот был тем более неуместен, поскольку Анжелика ужасно обрадовалась, что нашла их обоих.

— Быстро, быстро! — сказала она им. — Поднимайтесь. Ирокезы у города... Вам нужно заняться домом. Закройте все выходы. Не забудьте про чердак! Закройте ставни. Уберите лестницы. Ты, Иоланта, займешь пост у окна второго этажа, выходящего на улицу, чтобы подстраховать дом м-зель д'Уредан, если они войдут в город со стороны Клозери. А ты, Адемар, будешь следить из моего кабинета, если они спустятся с вершин Монтиньи...

— Да, ма... мадам, — ответил Адемар, застегивая свою униформу и стуча зубами от страха.

Выходя, она вспомнила о двух часовых, которые несли свою службу в маленьком форте, выстроенном на месте бывшего дома Банистера. Стоя на платформе, они обсуждали, что же могло произойти в доме, раз служанка г-жи де Пейрак выскочила из него как ошпаренная и припустила по полю быстрее, чем заяц убегает от лисы.

Анжелика предупредила их, что один должен остаться на посту, а другой — бежать и предупредить всех, а в первую очередь людей в доме г-на де Барданя. Пусть они караулят подступы за оградой Клозери и будут готовы ко всему.

Теперь она побежала вслед за Сюзанной. У замка Монтиньи она встретила группу мужчин.

— Только что здесь пробежала ваша служанка и сказала нам, что отряд ирокезов поднимается к

Квебеку. — сообщил ей начальник казармы, который командовал этими людьми.

На всякий случай он отправил двух своих людей предупредить другие посты. Оставшиеся устанавливали небольшую пушку на подставку на четырех колесах; ее притащили с одного из кораблей графа де Пейрака.

— Нужно помешать им преодолеть склон горы, отделяющий от них город.

— Куда вы, мадам? — закричал ей военный, увидев, что она бросилась вперед.

— Я выйду навстречу Уттаке! Мне необходимо увидеть его! Я должна поговорить с ним!

— Как может женщина не бояться этого ужасного дикаря? — спросил молодой юнга у своего товарища; сам-то он был достаточно напуган первой встречей с ирокезами.

— Она вылечила его в прошлом году, в Катарунке, он был ранен и очень серьезно. Женщина никогда не испугается мужчину, которому она перевязывала раны и жизнь которого была в ее руках. А теперь пойдем. — И они пошли по дороге, ведущей в деревню. Чуть дальше они заметили впереди, группу людей, в центре которой были Анжелика и Сюзанна.

— Берришоны! крикнули им из толпы. — Пришел один из мальцов из их семейки!

Ребенок дрожал и рассказывал, как банда демонов набросилась на их дом; топорами они срубили ставни, потому что дверь была на засове. В это время ребенок был в маленькой хижине, в стороне от дома. Из своего укрытия он видел, как сняли скальпы с его отца, матери и дяди, как бросили в огонь его братьев и сестер, живыми, в огонь его собственного дома.

Сюзанна закричала: «Мои дети!»

Успеет ли она вовремя, чтобы оградить их от такой страшной судьбы? Она снова побежала так быстро, как умеет бежать канадка: это передавалось из поколения

в поколение, и ее мать, и бабушка тоже бежали с полей, застигнутые ирокезами.

Жители соседних домов поспешили за ружьями и топорами. Наконец из Квебека послышался звон набата и барабанный бой. Вдали раздавались выстрелы.

Анжелика бежала так быстро, что ей не хватало воздуха, она боялась опоздать, боялась, что им не удастся спасти семью Леганей. Если ирокезы напали на Берришонов, значит, они уже обогнули мыс и двигались вдоль Лорреты, где они нападут на семьи гуронов. Барсемпью встретит их на Красном Мысе, но к тому времени город будет окружен.

На краю плато Анжелика услышала крики женщины, это была Сюзанна. Друзья удерживали ее, умоляя укрыться в убежище под кроной деревьев. Оттуда хорошо просматривался дом Леганей. Едкий дым уже поднимался над жилищем.

— Мои дети! Мои дети! — кричала Сюзанна, в отчаянии кусая свои руки.

Она хотела бежать на свою горящую ферму, но мужчины удерживали ее.

— Ты не успеешь выйти из чащи, как получишь стрелу прямо в сердце. Они там. Они повсюду.

Пока еще никого не было видно. Только в лесу на противоположной стороне склона чувствовалось чье-то присутствие.

Они были там.

Мужчины установили пушку и приготовили фитиль.

— Можно сделать пару залпов по лесу, быть может, это охладит их и заставит вернуться. Тогда мы доберемся до фермы.

— А если они бросятся на нас? Сколько их? Мы ведь не знаем!

— Нет! Подождите! Не стреляйте! — сказала Анжелика. Ей наконец-то удалось восстановить дыхание. Жители деревни и солдаты не поверили своим

глазам, увидев, как она бросилась вперед, подняв руки и размахивая поясом Вампума.

— Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни!

Она оказалась одна посреди пустынного пространства. Уязвимая, у всех на виду, освещенная солнцем, лучи которого играли в ее волосах и заставляли переливаться ее зеленое платье.

— Отличная мишень! — воскликнул кто-то. — Она погибла!

— Нет, только не с поясом Вампума в руке. Никто не осмелится напасть на нее.

Анжелика бежала. Несмотря на твердую и скользкую землю, она ловко передвигалась, чтобы быстрее добраться до края поля.

— Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни!

Позже она вспоминала, что на бегу она заметила первую весеннюю траву, маленькие росточки, пробившиеся наружу. Наконец она оказалась на краю крутого склона, который она не могла преодолеть. До нее долетали клубы дыма, и виднелись силуэты индейцев, занимавшихся грабежом. «Ирокезы! Они уже там!» Среди них она заметила детей Сюзанны, они были живы и стояли посреди двора вместе со своей бабушкой.

Она снова побежала к середине поля.

— Уттаке! Уттаке! Подари мне их жизни! Она поворачивалась в разные стороны и кричала, она была уверена, что он здесь, что он близко.

Юнга дрожащей рукой взял за рукав своего командира.

— Посмотри! Там, наверху! На опушке леса...

Анжелика приближалась к ним, она хотела предупредить Сюзанну, что ее дети живы. Из своего укрытия люди делали ей знаки, указывая на вершину холма. Там! Выше!

Она повернулась и увидела его.

Уттаке, вождь Пяти Народов. Это был он. Ростом он был ниже Пиксаретта, но от его фигуры веяло мощью и несокрушимостью, казалось, что он был из той же породы, что и деревья, окружавшие его. Она сразу же узнала его. Он нисколько не изменился.

«Какой у него жестокий взгляд!»

Но жестокость ли это? Направляясь к нему, она вновь вспомнила о своих первых днях в Новом Свете; тогда они были одни, она и Жоффрей, лицом к лицу с лесом и индейцами. А он был главным героем разыгравшейся драмы.

Воспоминания лишь прибавили ей смелости. Остановившись в нескольких шагах от него, она положила к его ногам пояс, затем поднялась и спросила себя, как еще ей выразить ему свое почтение.

«Она склонилась перед ним в реверансе, — написала позже м-зель д'Уредан, — так мне рассказывали... Перед этим варваром! Как при дворе!»

Он даже не пошевелился.

Анжелика решила заговорить первой.

— Я рада снова видеть тебя, Уттаке!

— Ты говоришь искренне? — звучный голос, казалось, исходил не от него, а от деревьев.

— Ты знаешь это.

Холодный проблеск его глаз напоминал отсвет стального клинка.

— Я хотел тебя видеть! — вскричал Уттаке, дрожа от ярости. — Эта вонючая лисица, Пиксаретт, встал на моем пути, он пробил голову моему лучшему воину — Сакахезу. Затем каждую ночь он приходит в наш лагерь, чтобы снять скальп с воина. Он вывел нас из терпения, мы дали слово отомстить за эти преступления в Квебеке.

— Ты же знал, что я здесь, и Тикондерога тоже.

— Я хотел тебя видеть. Но, между прочим, это не помешает мне напомнить, что никто безнаказанно не

подстрекает предводителя Пяти Народов.

Видя его в такой ярости, она спросила себя, не одичал ли он окончательно за прошедший год. К его поясу были привязаны скальпы, с которых еще стекала кровь.

Он язвительно посмотрел на нее.

— Эти французы уже не смогут обмануть меня, — сказал он, потом помолчал и продолжил: — Кто эти люди, чьи жизни ты желаешь получить?

Анжелика показала на ферму, на той стороне холма.

— Женщины и дети из этого селения.

Тень другого ирокеза неслышно появилась из-за деревьев рядом с вождем, и тот, не разжимая губ, отдал ему приказ. Немного погодя дети Сюзанны появились на противоположной стороне поля.

Уттаке с горьким презрением смотрел на четырех мальчиков, которых сопровождали несколько ирокезов, посмеиваясь, пританцовывая и посылая оскорбления и насмешки в сторону леса, где прятались французы. Дети были напуганы, но не показывали вида; эти маленькие канадцы храбро вышагивали по лугу, босиком, чтобы быстрее дойти, а свои сабо они держали в руках. Старший, Паком, которому было десять лет, взял на руки годовалого малыша. Двое других уцепились за рубаху своего брата.

— Зерна, из которых вырастут воины, — прошептал предводитель ирокезов. — Они забудут о моем милосердии и придут в наши леса, чтобы содрать кожу с наших голов. В их сердцах живет змеиное лицемерие.

Когда дети приблизились к опушке леса, Сюзанна не выдержала. Она выскочила им навстречу, схватила их в охапку, обняла, потом взяла за руки и утащила в лесную чащу.

Затем начались переговоры по поводу бабушки. Она была парализована и не могла двигаться сама, но не могло быть и речи, чтобы попросить ирокезов отнести

ее в кресле к своим родным. Анжелика с трудом уговорила двух добровольцев из числа тех, кто укрывался в убежище.

— Как бы эти койоты не сняли с нас скальп...

Наконец командир гарнизона и пожилой человек по имени Маривуан отправились на ферму.

Ирокезы находили очень забавной эту сцену; как двое мужчин несут кресло с чересчур оживленной старой женщиной. Она продолжала размахивать своей палкой и посылать проклятия в адрес дикарей. Ирокезы были восхищены: эта бабуля и ее угрозы чрезвычайно им нравились.

Все это время пожар на ферме продолжался. Сюзанна была слишком счастлива оттого, что могла обнять своих детей, живых и невредимых, поэтому она не жалела о доме, выстроенном еще ее отцом. У них будет другой дом... Ее тетю и слуг убили и сняли скальпы. Но малыши были живы.

— Быстро отведи их домой...

Анжелика вернулась к Уттаке. Тот уже отступил в лес. Наступившую тишину лишь изредка нарушали далекие выстрелы. Неужели он уже отдал приказ? Ирокезы неслышно уходили, как уходит морской отлив.

— Я хотел тебя видеть, — произнес Уттйке. — Когда я подошел к Квебеку, я позвал тебя.

— Я знаю. Но ты позвал меня слишком рано. Если бы ты не послал мне видение, город мог бы принадлежать тебе.

— Кто тебе сказал, что мне нужен этот город? Я не хочу ранить французов, в самое сердце. Я просто хотел напомнить им о моем могуществе и моей хитрости. Почему они заключили союз с этим хорьком Пиксареттом? Почему они ведут торговлю бобровыми шкурками только с гуронами? И почему они презирают нас? Если бы не вероломство Пиксаретта, возможно, сегодня не пролилось бы ни капли крови!

— Возможно!

Было видно, что идея проникнуть в Квебек вызывала у него отвращение. Страх перед белым человеком привел к тому, что они признали его и воздали ему должное. Часто случалось, что французы разгадывали их самые древние хитрости. Он надеется, утверждал он, что и впредь ему не понадобится входить в этот город-западню. Цель их похода: увидеть, ее!

— Я хотел повидать тебя, а ты была в Квебеке со своим мужем Тикондерогой. Квебек — нужно признаться, что я до сих пор хорошо помню все дороги. А сколько лет прошло, я был тогда молодым. Французы вошли в долины около Ниагары и принесли войну. Наш городок сгорел. После похода, который возглавлял Траси, меня взяли в плен. Тогда-то я и, увидел Квебек. А потом они переправили меня через океан.

Он замолчал и, казалось, погрузился в воспоминания о том, что он пережил на другом берегу океана.

— Не так уж трудно травить оленей в их Булонском лесу, — продолжил он. — Они видели, что люди нашего племени бегают быстрее всех в мире, и они говорили: «Им цены нет!», все эти французы, помешанные на своих высоких каменных домах, где можно заблудиться. А потом они отправили меня на каторгу. Меня, Уттаке, сына капитана Мохавков, отправили на каторгу! А ты знаешь, как мне там приходилось? Целыми днями я толкал огромное весло. Вода в их море такая соленая, как кислота, сжигающая кожу человека... Вокруг меня вились демоны, они не давали мне покоя. У них были ужасные бороды, они зазывали и выходили из себя от ярости.

Вот о чем поведал ей великий предводитель под покровом леса.

— Я понимаю тебя, Уттаке.

Анжелика с трудом представляла себе свободолюбивого Уттаке в кошмаре каторжных работ, среди отбросов общества, соседство с которыми потрясло его больше, чем удары хлыста, кандалы на ногах, отвратительная пища и непосильный труд.

Она спрашивала себя, что за идиот-чиновник отправил на каторгу этого врага французов и тем самым совершил нелепую ошибку, имевшую столь тяжелые последствия.

Тем временем в укрытии волновались вновь прибывшие капитан и шестеро вооруженных помощников.

— Да что она там делает? Что она делает?

Ему объяснили, что нужно подождать, когда г-жа де Пейрак закончит разговор с предводителем ирокезов Уттаке.

— Уттаке? Да я не подойду к нему на пушечный выстрел!

— Спокойнее! Их слишком много, и они могут захватить нас. Госпожа де Пейрак совещается, ты же знаешь, что это может продолжаться несколько часов.

Капитан вздохнул. Ему порядком надоело сидеть на корточках около бесполезной пушки, в то время как исход войны решала женщина.

— Но что она там делает? О чем они говорят? Трудно представить, что эта утонченная дама беседует с этим грязным жестоким дикарем. Как это он до сих пор не продырявил ей голову своим томагавком?

— В Катарунке она несла его на руках и спасла ему жизнь. В этом самая большая власть женщины над мужчиной.

Уттаке продолжал для Анжелики свой рассказ о путешествиях и превратностях судьбы, постигших его во французском королевстве.

— Меня освободил господин губернатор д'Арребуст. Но, увидев, где я находился все это время, он, должно

быть, сам решил, что отныне я только враг его народа. И откуда в этих людях столько от дьявола?

— Уттаке, в твоем голосе я слышу жгучую обиду. Я знаю, что разделило ваши сердца. Но вот что я хочу тебе сказать: если ты враг французов, то все равно ты не стал союзником англичан. Ты не любишь англичан. Ты не желаешь поддерживать их в торговле. Ты с отвращением предлагаешь им меха. Ты не стал бы так ненавидеть этих французов, Уттаке, если бы знал, как вы похожи, вы как братья. Союз ирокезов и французов был бы прекрасен. Новые англичане завидуют французам, я сама слышала, как один из них говорил: «Это невероятно, но ирокезы склонны поладить с французами». Сама природа поселила в сердцах французов и ирокезов взаимную привязанность.

— Это очень важно, — признал Уттаке. — Действительно, когда я ищу гостеприимство, я предпочитаю посидеть в жилище француза, выкурить с ним трубочку, а не идти к самому богатому англичанину или фламандцу. Но эти рыжие гуроны все перепутали. Еще до того, как французы прибыли на нашу землю, они решили перетянуть их вместе с ружьями на свою сторону. Им удалось убедить Шамплена, и мы стали врагами навечно. Вот почему мы уничтожим всех гуронов до последнего. А французам я скажу: слишком поздно. Течение реки не повернуть вспять. Только вы не похожи на них, ты, Кава, и твой муж Тикондерога; хоть вы и французы, но вы из другой породы. Вы не запятнали своих рук кровью наших братьев, вы попытались помешать кровопролитию, вы подарили нам надежду. Я не обману твое доверие, и усилия ваши не пропадут даром. Вы своим мужеством поддержали армию ирокезов в Катарунке. Ты права, Кава. Я знаю источник огня, который погубит нас. Мы слишком близки с французами, слишком похожи и в битве, и в хитрости. В наших войнах мы пытаемся обойти

соперника в жестокости и подлости. Кто кого. Кто-то окажется более ловким, а кто-то более смелым. А что ты скажешь о моем неожиданном появлении сегодня? Все утверждают, что ирокезы придут с юга : Тахунтагет, предводитель онейдов, посылает своих эмиссаров. Армия Ононцио движется навстречу великому Уттаке. Но в это время великий Уттаке с тысячей бойцов перешел через Святой Лаврентий, там, где река насыщена порогами, и через район Миссикуа он выходит к реке и захватывает этих глупых дикарей из племени Утауэ. Затем Уттаке выходит к началу реки Гуфр и на каноэ добирается до Квебека. С севера... Так все и произошло, верно?

— Так все и произошло, — подтвердила она.

— Никто не подумал об этом?

— Никто не подумал об этом.

— Даже ты?

— Даже я.

— А Тикондерога?

Она колебалась, но недолго.

— Я не могу знать, что он подумал... Вместе с Ононцио он отправился к югу. Если бы он знал, что ты придешь с севера, он ничего бы об этом не сказал.

Уттаке принял снисходительный вид.

— Не надо так унижаться, когда такой индеец, как Уттаке, вскрыл пороки вашего дара предвидения и предчувствия. Он не похож на остальных индейцев. Он — бог облаков, он беседует с самим Орандой. Среди вас, белых людей, есть прекрасные предсказатели, но Уттаке самый сильный, он может разгадывать мысли на расстоянии, может усыплять и сбивать с пути, а Бог знает, что французов очень легко сбить с пути.

Он пренебрежительно рассмеялся, как будто разговаривал с глупыми детьми.

— И вот я пришел, моя армия заполонила все подступы к Квебеку, как вода заливает берега в сезон

дождей и появляется у порога вашего дома незаметно от вас. И я говорю:

Квебек еще вспомнит тот день, когда его жизнь была в моих руках.

— Квебек вспомнит этот день, — повторила она. Тревога охватила ее, она подумала о колонистах на мысе Бопре и на острове Орлеан: они приняли на себя первый удар. Анжелика в отчаянии спросила себя, кому принадлежат эти окровавленные шевелюры, которые он носит на своем поясе. Гильомете? Детям из монастыря Святого Иохима?

— Не грусти, Кава, — произнес он, проследив за ее взглядом. — Человек доказывает, кто он есть на самом деле, лишь в минуты, когда он сражается за свои блага, богатства и почести. Он убивает других, но тем самым убивает себя. Он ранит своего врага, но уже начинает самому себе наносить раны. Такова судьба человека с момента его рождения на свет.

Он простер свои мускулистые руки, смазанные медвежьим жиром и украшенные маленькими браслетами из разноцветных перьев.

— Посмотри! Наши тела и сердца покрыты шрамами! Такова судьба нашей плоти.

Проследив взглядом за движением его рук, она подняла глаза и внезапно на тонких ветках заметила множество переливающихся зеленых капель. Первые почки.

Дул легкий теплый ветерок. В мире царила тишина. Воины из отряда предводителя ирокезов ушли, и теперь, когда она осталась с ним одна, ее внезапно охватил страх.

— Поберегись, чтобы тебя не взяли в плен, — сказала она, оглядываясь.

Уттаке нахмурился, и в его глазах вновь засверкали молнии.

— Ты хочешь сказать, что они осмелятся поднять на меня руку во время нашего мирного разговора, не побоявшись столь ценной реликвии, как пояс Вампума?

Он задрожал от возмущения.

— Ты видишь, до какой степени вероломства дошли твои братья-французы, даже ты считаешь их способными на такое бесчестие!

Он зарычал и положил свою жирную руку на плечо Анжелики, ту самую руку, которой он еще утром скальпировал этих проклятых братьев, не оправдавших его ожиданий...

— ...Пусть они тоже поостерегутся! Я могу взять тебя заложницей.

— Нет! — возразила она. — Я сказала тебе об этом, не подумав, как женщина... Просто я боюсь за тебя.

— Ты боишься за меня? — спросил он более мягко.

— Да! Я заметила, что твои воины удалились, и ты остался один. Но я знаю, как ты силен. Я плохо отозвалась о своих братьях, усомнившись в их порядочности. Никто не готовит тебе ловушку, Уттаке, даю тебе слово. Сегодня не место для предательства и хитрости. Жители Квебека беззащитны, большинство солдат последовали за губернатором. Женщины и дети Квебека благословят тебя за твое великодушие, если ты решишь не вымещать на них свои чувства.

— Моя нога не ступит дальше опушки этого леса, — уверенно произнес он. — Такова моя воля.

***

В лесу напротив люди задрожали, увидев, как индеец положил свою руку на плечо Анжелики.

— Он положил на нее руку!

— Он берет ее в заложницы!

Но командир гарнизона не терял хладнокровия.

— Не усложняйте миссию г-жи де Пейрак. Она знает, что делает, как и ее муж, наш адмирал.

Каменщик Жак Вине рассмеялся и потрепал себя за волосы.

— Я бы недорого дал за эту шевелюру, но сегодня мы все избежали самого худшего.

Уттаке снял руку с плеча Анжелики.

— Я хочу сообщить тебе о своих намерениях. Я встречусь с Тикондерогой и Ононцио. Мои великие французские братья смогут удержать этих беспородных гуронов и помешать им уничтожить наш народ?

— Они их удержат. Абенаки и гуроны послушают их. Уттаке, ты слишком долго был вдали от своих вотчин у Ниагары и не знаешь, как распределяются силы индейских племен. Гуроны почти полностью уничтожены; возможно, в этом есть и ваша заслуга. Они существуют лишь благодаря французам. Большинство абенаков приняли христианство. Они не такие уж враги ирокезов.

— Хо! — прорычал он. — Я не доверяю абенакам, их предводитель натравил их на мои войска. Их слишком много, они прекрасные воины... Возьми хотя бы Пиксаретта, эту лицемерную ласку...

— Не называй его так... Ты знаешь сам, что он вне ваших законов. Не взваливай на свой народ столь тяжелое бремя из-за проделок одного человека. Ты знаешь Пиксаретта? Он как лесной дьявол. Он всегда один и преследует свою цель, и никто не знает, что это за цель.

Уттаке прищурился, его глаза превратились в узкие мерцающие щелочки. Это выражение лица означало у него улыбку.

— Я вижу, ты хорошо изучила нас, индейцев, жителей лесов. Решено, ты убедила меня. Я не сержусь на Пиксаретта.

— И ты благодарен ему, что он дал тебе повод прийти в Квебек и доказать, что ты ловок и силен.

— Ты очень хорошо знаешь нас! — с удовлетворением подтвердил Уттаке.

Его черты до сих пор освещала его забавная улыбка.

— Так оно и есть, я не буду тебе противоречить.

Он замолчал, потом указал на пояс Вампума у своих ног.

— Возьми его и храни. Он будет залогом нашего союза. И на берегах Могавка еще воцарится мир. А теперь я отправляюсь к Ононцио и Тикондероге и потребую от них залога, подтверждающего их слова.

— Я знаю, что они взяли с собой несколько поясов Вампума и еще много подарков для тебя.

— Мне приятно это слышать. А ты, женщина, забери это и храни, как залог нашей дружбы и надежды. Пока ты жива, пока между нами будет этот пояс, нас не покинет надежда. Я все сказал!

Анжелика наклонилась и подняла пояс, на котором были изображены Матери Совета ирокезов вокруг своего председателя, они посылали фасолевый дождь, чтобы накормить белых людей, умиравших от голода в Вапассу. Когда Анжелика поднялась с колен, Уттаке исчез. Он растворился, как тень, она даже не услышала звук его шагов.

Если бы не запах гари и паленой кожи, поднимавшийся из лощины, можно было подумать, что набег ирокезов привиделся во сне. Свернув пояс и спрятав его, Анжелика спустилась по склону; она чувствовала себя ошеломленной. «Это всего лишь бедные дикари, — говорила она себе, — бедные дикари в поисках звезды своего счастья».

Она шла, опустив глаза, и теперь она ясно видела повсюду на земле первые зеленые ростки, нежную траву, пробившуюся сквозь глиняную почву.

— А теперь она возвращается, как будто ходила собирать примулы, — прошептал смущенный ополченец.

Ему напрасно объясняли, что Дама с Серебряного Озера не похожа на остальных. «Да! Конечно! Она не такая, как все!»

Пока Анжелика разговаривала наверху с Уттаке, контингент защитников значительно расширился. Сюда прибежали все, кто мог держать оружие в руках, чтобы не дать врагу войти в город.

— Уттаке дал мне слово, — сказала им Анжелика. — Он уходит. Он пощадил Квебек. Больше он не вернется.

Когда она возвращалась в город в окружении тех, кто следил за ее переговорами с предводителем ирокезов, какая-то женщина выбежала из дома и бросилась перед ней на колени.

— Вы пошли на встречу с этим варваром, как Святая Женевьева на встречу с Атиллой. Вы спасли наш город, как она спасла Париж... Да благословит вас Господь!

Все это м-зель д'Уредан записала в своем письме, час за часом, не упустив ни одной детали.

***

В Верхнем городе царило оживление. Все обменивались новостями о прошедших событиях, свидетелями или участниками которых они явились. Нашествие ирокезов равносильно пожару, и здесь все зависит от быстроты и ловкости.

Нижний и Средний города оказались несколько в стороне от разыгравшейся драмы. Поэтому все поднимались в Верхний город, а оттуда уже хлынули защитники вместе с ранеными, они окружали уцелевших в этой бойне, вовремя спрятавшихся в надежном месте.

Навстречу Анжелике бежала Сюзанна и кричала:

— Он спасен! Он спасен!

— Кто?

— Наш Кантор!

Так Анжелика узнала, что группа молодых людей отправилась на бой с ирокезами, среди них был и

Кантор; из этой жестокой схватки он вышел цел и невредим.

От страха и облегчения она чуть было не упала в обморок, силы ее иссякли.

— Мадам, пойдемте скорее в дом!

Молодой Александр де Росни, а также шестнадцатилетний сын г-на Обур де Лонгшона были убиты.

Целью молодых людей, руководил которыми Кантор, было прийти на помощь бастиону, сооруженному на подступах к Квебеку по приказу г-на де Пейрака. Там сражались трое его людей, отражая мушкетами штурм ирокезов. Их чуть было не схватили, но тут подоспели молодые люди. Все вместе они сдерживали натиск двухсот ирокезов и тем самым спасли лагеря гуронов.

Но внезапно ирокезы отступили в лес и исчезли.

Анжелика волновалась о судьбе урсулинок и их детей. По тревоге монастырь был окружен солдатами, но поскольку враги не смогли прорвать оборону бастиона, то обстановка в городе оставалась спокойной. Сейчас урсулинки занялись миссией милосердия, а дети уплетали, как обычно, тартинки с патокой.

В доме было полно народа: дети Сюзанны, соседи. Анжелика поднялась и закрылась в своей комнате, как она и сделала несколько часов назад, теперь же ей казалось невероятным, что прошло так мало времени. Кантор был жив. Город спасен. Уттаке ушел. Она бросила пояс Вампума на кровать и издали разглядывала его: «Благодарю! Благодарю Матерей Пяти Народов. Настанет день, когда я пойду в долину Пяти Озер, чтобы отблагодарить их».

Она была без сил. Самое худшее было позади, но это не принесло ей счастья. Взгляд ее упал на осколки фаянсовой чашки, которую она разбила в порыве гнева, и воспоминания о катастрофе вновь нахлынули на нее. В сущности, они жили в ней все это время, когда она

бежала навстречу Уттаке, чтобы остановить его, как Святая Женевьева. Но у Святой Женевьевы не было столь мучительной тяжести на сердце. Шок прошел, и саднящая рана вновь дала о себе знать.

Жизнь пойдет своим чередом, и ей придется повернуться лицом к губительному зрелищу. Жоффрей предал ее. Жоффрей склонился над Сабиной де Кастель-Моржа, он улыбается ей той же улыбкой, что так волнует ее... Он был для нее всем. Она не могла без него жить, а он больше не любил ее, она ему надоела...

Здесь мысль ее остановилась. Она решила, что пошла по ложному пути. Заявить, что он ее больше не любит, что она ему надоела, значило разыграть плохую трагедию. Это было равнозначно тому, если бы ее попытались убедить, что Никола де Бардань значит для нее больше, чем Жоффрей.

Но ведь он не был легкомысленным... Она пришла в отчаяние от того, что он испытал влечение к Сабине, хотя она сама первая заметила ее оригинальную внешность.

Лицемерка, она добилась своего! В то время, как она с каждым днем чувствовала себя все более любимой мужем, купаясь в его чувстве, эта прекрасная тулузка потихоньку отбивала его.

«Это хороший урок для тебя!»

Никогда... Никогда больше не будет так, как раньше. Она не могла оторвать взгляда от осколков своего счастья у своих ног: это была реальность, на которую ей открыл глаза мстительный Анн-Франсуа. Когда это произошло? Как будто в другой жизни... Такой прекрасной, прекрасной! Какой уже никогда не будет...

С улицы кто-то позвал ее душераздирающим голосом.

— Анжелика! Анжелика!

Этот ненавистный голос.

— Анжелика! Анжелика! Сжальтесь!

Голос приближался, голос Сабины де Кастель-Моржа. Анжелика не верила своим ушам. Как она осмелилась, презренная? Теперь голос уже слышался не на улице, а в доме. Крики смешались с рыданиями и с гулом голосов, пытавшихся успокоить и выражавших сочувствие.

— Анжелика, Анжелика! На помощь!

Анжелика медленно вышла из комнаты и остановилась на лестнице. Внизу, в гостиной среди белых чепцов мамаш, среди солдат и соседей, среди детей и просто уцелевших, греющихся у огня и попивающих теплое вино, она заметила Сабину де Кастель-Моржа, протягивающую к ней руки.

— Анжелика! Пойдемте! Пойдемте быстрее! Умоляю вас! Анн-Франсуа! Мой сын, мой ребенок! Он ранен! Он при смерти! Ни один хирург не решается подойти к нему... Только вы! Только вы можете спасти его!

Анжелика уцепилась руками за лестничные перила и не спускала с Сабины испепеляющего взгляда. Она ничего не услышала.

— Как вы осмелились переступить порог моего дома? И обратиться ко мне после всего, что вы мне причинили? — спросила она приглушенным голосом. — Почему краска стыда не залила ваше лицо?

Сабина, и без того бледная, стала мертвенно-синеватой. Ее расширенные зрачки были прикованы к лицу Анжелики, как будто она была в плену у ужасного видения. Она поняла, что случилось то, чего она боялась: Анжелика узнала о том, что минутная слабость бросила ее в объятия Жоффрея де Пейрака. Случившееся не укладывалось в рамки их обыденной жизни, и оно ничего не изменило в ней для других. Кроме Сабины, которая была в тот миг спасена.

Сейчас она была слишком напугана смертельной опасностью, грозившей ее сыну, и не успела

притвориться и достойно ответить на обвинение.

А Анжелика прочла в ее лице признание вины, и сердце ее остановилось, застыло, как ледяной кулак.

Больше она ничего не слышала. Страшный гул рокотал в ее, ушах, заполнил ее голову. Она покрепче схватилась за перила, чтобы не упасть.

Ей уже не было дела до мольбы Сабины.

— Анжелика, не отказывайтесь спасти мне сына... Мой ребенок не должен умереть из-за меня! Он мой единственный сын, моя любовь, моя жизнь!

Анжелика слышала лишь этот проклятый голос, временами говоривший о любви.

— Замолчите!

Чувствуя, что она проиграла, и обезумев от страха за своего сына, Сабина упала на колени на плиточный пол и подняла к Анжелике свои сложенные руки.

— Простите! Простите меня!

И Анжелика возненавидела ее до смерти. Своим унижением, равнозначным признанию, Сабина не оставляла ей никаких надежд. Она знала, что это было правдой, но сейчас, когда был вынесен окончательный приговор, ей показалось, что она умирает.

— Вы украли у меня моего мужа! — заголосила она.

«Идиотка! — подумала она. — Ты прекрасно знаешь, что она у тебя ничего не украла».

Но она уже не владела собой. Ей нужно было кричать что угодно, лишь бы не задохнуться от ярости и боли.

— Замолчите! Встаньте! И покиньте мой дом! Вы мне отвратительны!

Сабина не опускала своих дрожащих рук.

— Пойдете! Придемте! — повторила она надтреснутым голосом, и каждый звук давался ей с трудом.

— Нет!

— Мой сын! Мое дитя! Моя гордость!

— Нет!

— Он умрет…

— Ну и пусть! Пусть он умрет, этот маленький кретин!

Г-жа де Кастель-Моржа застыла, не в силах произнести больше ни слова. Удар пришелся в самое сердце, она погружалась в кошмар. А эта женщина, эта жестокая незнакомка, это не Анжелика. Анжелика исчезла. А может, ее вообще не было? Скоро и Анн-Франсуа исчезнет, превратится в тень.

Она уронила свои руки и тяжело встала. В немом кольце присутствующих она искала глазами выход из плена этих глаз, возможность скрыться.

Кто-то поспешил открыть ей дверь.

Ей нужно вернуться к Анн-Франсуа, увидеть его до того, как он покинет ее. Она нужна ему. Возможно, он зовет ее.

Она пересекла гостиную, спустилась по ступенькам в маленькую прихожую и вышла. Перед ней все расступились, как перед воплощением скорби, отчаяния и проклятия.

Как только она покинула дом, пелена стала спадать с глаз Анжелики. Она обнаружила, что стоит на верхней лестничной площадке, окруженная затаившейся толпой.

Она поняла, что за столь короткий промежуток времени наговорила и совершила кучу глупостей. Перед недоуменными взглядами присутствующих ей в голову пришла мысль, что до этой минуты никто не знал о ее несчастье, разве только главные действующие лица, г-жа Дельпещ и ревнивый сынок, и что она сама сообщила обо всем Квебеку.

Тем хуже. Ее крик принес ей облегчение. Внезапно она обратила внимание, что все изумленные взгляды обращены к ней.

Гнев уходил, оставляя в сердце пустоту и непонимание, откуда пришла эта боль, что было причиной. Она просто устала.

Но ведь она сказала ужасные вещи: «Пусть он умрет, этот маленький кретин».

Она представила себе умирающего Флоримона, который так любит жизнь. Взглядом она нашла Сюзанну, мужественную молодую женщину, такую естественную, такую близкую.

— Сюзанна, что я должна сделать?

— Мадам, вы не позволите умереть этому милому ребенку.

Анжелика повела плечами. Это было высказывание, типичное для матери. Все матери одинаковы. И она такая же! Они любят красоту. Каждое молодое существо красиво. Уход сына делает бессмысленным существование его матери, это крушение ее надежд и забот.

— Я сделаю это, Сюзанна, — сказала она. — Но как же это тяжело! Как тяжело!

— Мадам, вы сможете все.

— Пусть твой сын поможет мне нести сумку...

Она вошла в свою комнату и взяла то, что ей было необходимо.

Выйдя на улицу, Анжелика была удивлена, увидев, что г-жа де Кастель-Моржа дошла только до дома м-зель д'Уредан. Страдания сломили ее, и она еле двигалась, сгорбившись как старуха и опираясь о стены домов.

Анжелика догнала ее и, взяв ее под руку, сказала:

— Поспешим!

Весь Верхний город видел их вместе, и это опровергло потом слухи об ужасной ссоре, вспыхнувшей между ними. По дороге Анжелика расспросила о ранах Анн-Франсуа.

— Он ранен в живот.

— Ранения все разные... Смогу ли я на этот раз сделать что-нибудь...

В большой гостиной замка Сен-Луи на полу положили соломенные тюфяки, куда укладывали первых раненых. Среди них был и Анн-Франсуа. Случай с молодым человеком не был похож на другие. У него было множество ран, кроме того, он был ранен и в голову. Необходимо было действовать как можно быстрее и положиться на его молодость и крепкое здоровье.

— Чего вы ждете? Чего вы ждете? — стонала Сабина. У Анжелики возникла идея запереть ее подальше в одной из комнат. Она прошептала г-же де Меркувиль, что было бы прекрасно и милосердно, если бы кто-нибудь занялся г-жой де Кастель-Моржа.

— Я пойду сама.

— Нет! Вы нужны мне.

— Я займусь этим, — сказала тихая г-жа де Бомон.

Анжелика приступила к работе. Пока она кипятила травы и протирала инструменты спиртом, г-жа де Меркувиль настойчиво вполголоса благодарила ее за то, что она спасла им всем жизнь.

— Я сделала все, что могла, — ответила Анжелика. — Предводитель ирокезов был мне обязан. Поэтому я надеялась, что он послушает меня.

— Да я не об этом!

Г-жа де Меркувиль рассказала, что, когда они спускались в порт с реликвиями Святой Анны, они встретили по дороге Анжелику; маленькая Эрмелина побежала за ней, и они вынуждены были пропустить первый корабль. Двое их детей, уже поднявшихся на борт, покинули его и вышли на набережную, чтобы дождаться мать и кормилицу. На лодку, о которой шла речь, напали ирокезы; их каноэ неожиданно выскочило из-за высокого мыса, и все пассажиры погибли.

Анжелика провела несколько часов у изголовья молодого Кастель-Моржа. Г-жа де Меркувиль помогала ей и сообщала новости. Рассказывали, что ирокезы обогнули монастырь, который был очень хорошо защищен монахами, командовал которыми Ломени. Их противостояние задержало продвижение врага. Виль д'Аврэй оплакивал своего красавчика Александра.

— Дитя мое! Дитя мое! — повторял он.

Ему не показали его тело, так как юноша был скальпирован, и боль маркиза лишь усиливалась при мысли, что прекрасная светлая шевелюра юноши висит на поясе дикаря. Наставницы-урсулинки решили не отпускать детей по домам, где все были взволнованы либо опечалены смертью, и, чтобы избавить детей от зрелища раненых и убитых, их оставили в монастыре на ночь.

Онорину очень забавляло это приключение. Позже все узнали, что она поджидала ирокезов с луком и стрелами в руках.

Людей г-на де Пейрака, защищавших город, вовсю угощали в трактирах. Старый Маривуан без устали рассказывал о встрече г-жи де Пейрак и ужасного предводителя Пяти Народов.

— Если бы вы только видели, как она бежала с поясом Вампума, как зеленая ласточка...

— Эй, ты, а ты когда-нибудь видел зеленых ласточек?

Анжелика заканчивала свою тяжелую работу. Одну за другой, она обработала все раны. Наступил час, когда она обрезала последнюю нить, последний шов, соединивший концы открытой раны на бедре юноши. Затем она стянула полосками пластыря и приложила компрессы из лечебных трав на пораженные места.

Сабина де Кастель-Моржа села рядом с сыном. Она успокоилась, видя, что он дышит и как будто меньше страдает. Г-жа де Меркувиль пошла проведать своих

домашних. Анжелика мыла руки. Она очень устала. Выпив два стакана воды, она почувствовала себя лучше.

Затем вошел молодой солдат с безумными глазами и сообщил, что ирокезы наступают на город, поднимаясь на своих каноэ вверх по течению реки.

Глава 82

Все возразили ему, что этого не может быть. Ирокезы ушли.

— Да! Но они возвращаются, — сказал он. — Возвращаются по реке.

— Уттаке дал мне слово! — воскликнула Анжелика.

— Посмотрите сами!

Солдат вывел их на большую террасу, огибавшую дом с юга и выходившую на Святой Лаврентий, с нее просматривался огромный кусок пространства до самого горизонта.

На юго-западе в голубоватом тумане, стелющемся над островом Орлеан, поднимались тысячи светящихся точек: они как светлячки в ночи то загорались, то исчезали.

Глухой шум доносился с реки.

— Слушайте! Их боевые крики! — сказал дрожащий солдат.

Всем хотелось разубедить его, сказать, что это лишь раскаты грома и отблески зарниц. Но все иллюзии были отброшены. Многочисленные каноэ, освещенные факелами, отплывали от берегов острова Орлеан и соединялись в середине реки.

Оживление захватило весь город. Открывались окна.

В Нижнем городе пронзительно закричала женщина.

«Они возвращаются!» Всем хотелось бы верить, что это всего лишь прощальная демонстрация силы, игривое запугивание.

Но темная масса вдали все увеличивалась, флотилия ирокезов направлялась к Квебеку, ни у кого

не оставалось никаких сомнений. Крики становились все слышнее.

В Верхнем городе у ворот замка Сен-Луи собрались гуроны, женщины и дети, спешно оставившие свои дома и просившие губернатора о защите.

— Пусть они войдут! — приказал д'Авренсон. — Они сходят с ума от страха перед своим злейшим врагом.

«Это невозможно, — мысленно повторяла Анжелика, — Уттаке обещал мне...»

А что он ей, собственно говоря, обещал? Теперь она ничего не понимала. Что означали его речи? Чего она не разглядела за его угрозами, советами и намеками?

«Мы соперничаем в отваге и в хитрости!» Победит тот, кто хитрее, кто в своей хитрости будет недосягаем.

«Ах! Я никогда не пойму этих индейцев!» Нужно было принять какие-то меры, но какие?

Позже она с благодарностью вспоминала, что по счастливой случайности именно в этот момент в замке оказался г-н д'Авренсон. Именно он выскажет соображение, которое положит кйнец ее замешательству.

Этот храбрый гасконец прибыл в Канаду молодым лейтенантом. Он участвовал в военной кампании г-на де Траси и имел большой опыт в битвах с ирокезами.

Склонив голову, он внимательно прислушивался и вдруг произнес:

— Но это вовсе не военный клич! Это не призывы к битве!

— А что же это?

— Просто крики, оскорбления, насмешки. Они поют. В их песнях есть угроза. Они напоминают нам о зле, которое им причинили. Но они не призывают к войне.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно!

Анжелика положила руку на обшлаг рукава офицера и сжала его.

— Да, я слышу... и я понимаю, чего они хотят... Они хотят пройти здесь. Еще в Катарунке они просили, чтобы им позволили перейти Кеннебек и вернуться к себе... Переход! Я понимаю намерения Уттаке... Я сказала ему: иди к Ононцио... И решила, что больше не увижу его... А он не напомнил мне о том, что для этого ему нужно подняться вверх по реке, к Ла Шодьер, а это значит пройти рядом с Квебеком... Должно быть, он доволен, что так напугал нас. Возможно, он ждет, что мы нарушим перемирие, потеряв над собой контроль... Майор, прошу вас, пошлите гонцов по всем направлениям, пусть предупредят, чтобы не было ни одного выстрела... Ни одной стрелы... И еще надо успокоить людей и передать им ваш приказ. Пусть все погасят свет в домах... и все огни в порту. Пусть ничто не привлечет внимания ирокезов, не покажется им вызывающим, не пробудит в них желания мучить и убивать. Мертвый темный город, вот как мы должны предстать перед ними. Город, который не реагирует на их крики, который не боится их. Они пройдут, г-н д'Авренсон, потом они исчезнут, и мы будем спасены.

Ее рука жгла его руку.

Он бросился на улицу. Он собрал своих офицеров, а те отправили с поручениями солдат и посыльных.

В городе все закрывали окна, запирали ставни, все укрывались в своих домах, а хозяева затаскивали собак в помещение; то и дело раздавались возгласы военных или стражников:

— Загородите проходы! Загородите проходы!

В домах в потайных местах зажигали свечку, и женщины и дети вставали на колени перед иконой Божьей Матери. Мужчины готовили мушкеты, пули и порох. Если это дикое стадо вздумает высадиться на берегу, то им придется встать на защиту своего города.

У всех ремесленников, торговцев и лавочников было оружие. Жизнь в Канаде была немыслима без этого.

Анжелика стояла на террасе замка Сен-Луи, и сердце ее колотилось. «Лишь бы Уттаке не обманул меня, — умоляла она, — лишь бы не обманул!» Она всего лишь женщина, слабое создание...

Вернулся майор д'Аврансон.

— Мадам, мне нужно спрятать на берегу реки нескольких стрелков... На всякий случай.

— Вы гарантируете, что они проявят хладнокровие?

— Я выберу самых опытных и дисциплинированных. Команду стрелять дам только я. А я вернусь в замок, чтобы вместе с вами еще раз оценить ситуацию.

И он собрался уходить.

— Подождите!.. Перо и чернила! — обратилась она к слуге.

Она написала коротенькую записку и вручила ее майору.

— Будьте добры, отнесите это г-ну де Барсемпью, который командует фортом на Красном Мысе. Предупредите его, пусть он пропустит ирокезов без единого выстрела.

Наконец все свечи погасли и огни потушены. Факелы, освещавшие улицы и порт, вынули из колец и погрузили в воду или песок.

Город оделся мраком.

Город затих.

***

Анжелика попросила, чтобы принесли огня в большую гостиную и установили факелы по углам террасы.

— Но вы же сами сказали, что необходимо все потушить, — удивилась Беранжер.

— Только не здесь. Не на вершине. Дворец губернатора должен быть хорошо освещен. Нужно, чтобы Уттаке увидел развевающиеся флаги и знаки отличия французского короля. И я хочу, чтобы он видел

меня. Пусть знает, что я смотрю, как он уходит во главе своих воинов, и что я восхищаюсь им.

— Восхищаетесь! — воскликнула жена губернатора. — Вы сошли с ума! Да вас просто уничтожат!

— Ни одно оружие не достанет нас на таком расстоянии. Если вы боитесь, уходите. Спрячьтесь в своих комнатах.

— Нет! Нет! Я хочу остаться с вами. Вы единственная, кого он уважает и кто может защитить нас.

Сабина де Кастель-Моржа держалась очень спокойно. Она потрогала лоб и губы своего сына, он еще был без сознания, но показался ей умиротворенным. Потом она подошла и встала рядом с Анжеликой.

— Вы правы, — сказала она и добавила: — Вы восхитительны!

— И вы непобедимы! — пробормотала Беранжер. Обе женщины понимали, что ужасный дикарь может разгневаться, если не увидит, как она провожает его славное войско. Своим отсутствием она продемонстрирует ему пренебрежение или страх. Самое страшное — это пренебрежение. Вот какому испытанию он подвергал ее. И, к счастью, она вовремя разгадала его намерения. Женщины надеялись, что Анжелика не обманулась. От этих дикарей можно ожидать чего угодно!

Но она была уверена, и они успокоились, глядя на нее. Пелена спала с их глаз. Они как будто заново открывали для себя это красивое лицо, которому они так завидовали, пленительный взгляд ее зеленых глаз, в которых светился ее ум. Они благодарили небо, что Анжелика так умна. Она спасет их. От нее зависят их жизни, их судьбы и судьбы тех, кто им дорог. Сейчас было не время для упреков, что она все украла у них, что она самым недостойным способом удерживала

поклонение всех мужчин и пылкую любовь самого пленительного из них: Жоффрея де Пейрака.

В чертах ее лица они прочитали усталость и волнение. С самого утра она бегала и растрачивала свои силы. Не стоило и удивляться, что у нее немного растрепанный вид.

Беранжер подошла к ней и дрожащей рукой начала приглаживать ей волосы.

Анжелика вглядывалась в даль и пыталась проследить за продвижением флота ирокезов, поэтому она сделала нетерпеливый жест, чтобы отстранить молодую женщину. Но г-жа де ла Водьер заупрямилась и в несколько приемов соорудила прекрасную прическу. Это занятие на несколько минут отвлекло ее от мрачных мыслей. Сабина де Кастель-Моржа вошла в замок и вернулась, неся пальто Анжелики. Ночь была холодной.

Лишь почувствовав, как ее дрожащие плечи окутали теплой одеждой, Анжелика вспомнила о существовании двух других женщин.

— Благодарю! — сказала она. Она посмотрела на обеих.

— Вы можете уйти, если вид этого спектакля слишком тягостен для вас.

Но они покачали головой.

— Они не остановились? — с надеждой в голосе тихо спросила Сабина де Кастель-Моржа.

— Увы! Боюсь, что они просто поджидают остальных.

При входе в узкую гавань флот ирокезов перестроился. И теперь он продолжил движение; во главе была самая большая пирога, а за ней следовали четверки. На первой лодке стоял «жонглер», затянутый в бизонью шкуру, с мордой животного на голове.

Различив на борту лодки это чудовище в свете факелов, Беранжер сдавленно вскрикнула и бросилась

к Анжелике.

— Мы погибли! Мы все умрем!

— Не смотрите.

Жена прокурора спрятала лицо в ладонях. Она не знала, что лучше: закрыть глаза или уши. Время от времени она подглядывала сквозь пальцы, завороженная этим зрелищем, потом вдруг страх охватил ее, и, отвернувшись, она уткнулась в плечо Анжелики.

Глава 83

На притихший и ослепший Квебек обрушилась лавина завываний и гневных окриков.

— Вы нас предали, французы!

— Мы протянули вам руку, а вы выстрелили по открытой ладони!

Можно было не прислушиваться к тому, что говорят, достаточно было просто слышать эти крики, чтобы волосы вставали дыбом.

— Посмотрите, в порту не потушены огни. Старый Топен бежал по берегу, чтобы успеть потушить факелы. Он отправил своих сыновей и теперь спешил к ним на помощь.

— Скорее! Скорее! Они уже здесь! Бегите в первое же укрытие!

Ему осталось только погасить жаровню в конце мыса. Как только он добежал до нее, завывания индейцев настигли его, как снежный ком. Он вдавил голову в плечи. Первые лодки проплывали мимо. Они были так близко, что он мог их рассмотреть, прикоснуться к ним: он видел их разукрашенные лица, их жестокие глаза, их рты, извергающие проклятия. На каждой лодке стоял лучник с натянутой тетивой. Топен оставил в покое свою жаровню. Тушить или нет? Это не играло никакой роли, факелы индейцев освещали все кругом. А кроме того, эти животные могут видеть и в темноте. Он повернулся назад и побежал к прибрежным домикам; никогда раньше это расстояние не казалось ему столь длинным. Ни одна стрела не остановила его, вонзившись в его спину, и он ввалился, цел и невредим, в первый же дом. Это был дом ле Башуа, тот открыл дверь и тут же захлопнул ее.

***

Было очевидно, что индейцы с трудом продвигаются вперед, борясь с сильными встречными течениями. Они отдавали все силы, чтобы противостоять бурной реке, суровой и неприступной, как и этот город. Онемевший город в ночи.

— Мы пригласили вас в наши вигвамы. Мы убили наших собак, чтобы накормить вас... Но вы открыли огонь по нашим жилищам прежде, чем успели прожевать мясо...

Четверка за четверкой, лодки продвигались вперед. Время от времени одна из них, на которой находился колдун в шкуре животного, вырывалась из общего ряда.

Анжелика вспомнила символы Пяти Народов: волк, медведь, лис, паук и косуля. Рядом с ней тихо стонала Беранжер и читала молитвы: «Господь, сжалься над нами! Святая Мария, Матерь Божия, молись за нас, бедных грешников, в час нашей смерти!»

— Вот Уттаке! — вздрогнув, произнесла Анжелика. Она почувствовала в своей руке руку Сабины де Кастель-Моржа. Уттаке стоял в лодке, один, под развевающимся флагом с изображением черепахи, символа ирокезской конфедерации. От него исходила недюжинная сила. Он поднял голову и увидел ее.

Он увидел ее. В луче света. Там, наверху. На пороге горделивого жилища Ононцио, вместе с двумя своими сестрами, прижавшимися к ней! Он увидел ее. Это была она, Кава, звезда из легенды, смелая и прекрасная. Она провожала его.

Это воодушевило его. На этот раз она видит его во всем его могуществе и славе. Она видела его таким, какой он есть, не просто воин, рыскающий по лесу, а вождь великой нации.

Когда его лодка проходила мимо темного мыса, он порадовался, что она сохранила свет только для себя, для себя и для него. В этом она выразила ему свое

почтение, она преклонялась перед ним в этой ночи, когда все замерло вокруг.

Тогда он дал волю своим чувствам. Он поднял свои руки и, потрясая томагавком, закричал:

— Нормандцы, я уничтожу вас... Я сорву кресты, которые вы повесили... Я подвергну вас пыткам... Я разорву вашу грудь и съем ваши сердца...

Его зычный голос отражался от прибрежных скал и уносился вдаль.

— Своими зубами я вырву ногти с ваших пальцев... Я отгрызу ваши пальцы и выплюну их в огонь... Я утоплю вас в котле войны...

Для тех, кто понимал, было отчего схватиться за ружье и раз и навсегда покончить с самым большим врагом Новой Франции. Для тех, кто ничего не понимал, это было еще ужаснее. Голос рокотал в ночи, внушал страх и отчаяние.

— Демон! Демон! Пусть он замолчит! — умоляла Беранжер, схватившись за Анжелику и пряча свое лицо, уткнувшись ей в плечо. Всех охватила паника: вдруг, привлеченные криками ненависти и призывами к убийству, лодки вернутся н высадятся на берег?

Майор д'Авренсон колебался.

— Может, дать приказ стрелять? — тихо спросил он.

— Нет, нет! Во имя Бога, неужели вы не видите? Они уходят!

Наконец лодка Уттаке скрылась из вида. Он умолк, но еще долго смотрел на освещенный силуэт на вершине холма.

Это была его последняя песня. Его неисполнимая мечта, ради которой он снарядил экспедицию, сумасшедшую по своим замыслам. Он сомневался, что когда-нибудь сможет провести настоящую военную операцию, чтобы поддержать престиж ирокезов. Силы ирокезов истощены. Их отбросили в долины, где они и будут жить, как последние свободные воины.

***

Казалось, что проход трехсот ирокезских лодок длился целую вечность.

Мало-помалу напряжение в городе ослабло. Многие через приоткрытые ставни наблюдали за удивительным спектаклем: длинные черные лодки скользили по воде под огненным дождем, падавшим от факелов. Гладь реки отражала свет этих факелов и яркие оперенья на головах индейцев.

Взгляды пытались различить, не увозят ли с собой индейцы пленников с острова Орлеан или с побережья Бопре...

Ближе к концу, когда темнота поглотила предпоследние лодки, в одной из них различили мужчину и двух маленьких детей, которые плакали и протягивали руки в направлении города.

Затем темная масса скрылась за поворотом реки, последние каноэ растворились, лишь отблеск факелов и эхо голосов напоминали о проходе ирокезов. Свет померк, возгласы утихли. Ночь упала на город и на реку и, укрыв их своим мягким крылом, увлекла их в глубины мрака и молчания.

Анжелика опустила руки и глубоко вздохнула. Два других вздоха эхом отозвались ей, Анжелика не Пейрак, Сабина де Кастель-Моржа и Беранжер-Эме де ла Водьер посмотрели друг на друга. Они вдруг обнаружили, что во время этого ужасного испытания они цеплялись друг за друга, молясь, плача и подбадривая друг друга. Сабина была самой молчаливой, Беранжер самой напуганной, но Анжелика понимала, что именно в их поддержке она черпала силы, это помогло ей пережить то страшное напряжение прошедшего часа.

Хором они вздохнули еще раз и сказали: «Господи, благодарю!»

В Квебеке почти не спали этой ночью. Жители Нижнего города, которые ближе всего были к

размалеванным завывающим индейцам и наблюдали за ними, выплеснули свои эмоции в тавернах. Детей тоже взяли с собой. Им тоже дали вина, пива или водки, этим детям Нового Света, которые больше ничего не боялись. Они навсегда сохранят воспоминания об этой ночи, об этом аде, когда они собственными глазами увидели тысячу индейцев, проплывающих мимо Квебека и изрыгающих проклятия в адрес французов.

Глава 84

Граф де Вивонн, или же г-н де ла Ферте, раненый и с высокой температурой валявшийся дома, ничего не знал об атаке и проходе ирокезов, так как прислуга его оставила в полном одиночестве.

Все началось с отсутствия барона Бессара и старого Сент-Эдма. Очнувшись в первый раз от тяжелого забытья и не в силах больше уснуть, он позвал одного и другого, чтобы сыграть в карты. Хотя была глубокая ночь, их комнаты были пусты. Они не вернулись и к утру. Более того, лакей, бривший его и на помощь которого Вивонн очень рассчитывал, тоже исчез.

Он отправил своего слугу, а затем секретаря, которого предоставил в его распоряжение Карлон, выяснить, что произошло, те ушли и не вернулись. Кончилось тем, что Вивонн отослал одного за другим метрдотеля и повара, и те тоже исчезли.

Целый день он провел в одиночестве, возмущаясь и страдая от того, что не мог найти удобного положения, засыпая и пробуждаясь все в той же тишине. Он еще надеялся на визит хирурга, тот обещал ему, но и он не появился. К вечеру появился поваренок и рассказал, что армия ирокезов напала на Квебек, все отчаянно сражались, а г-жа де Пейрак спасла город.

Вивонн страдал от боли, поэтому он спросил, где хирург.

Он перевязывал раненых.

Остальные слуги тоже вернулись, кроме одного, который умудрился получить стрелу в спину, когда присоединился к защитникам редута. Вивонн был в ярости. Он не за тем притащил из Франции этого идиота, чтобы того ранили в войне с ирокезами, да еще именно в тот день, когда его хозяин так нуждался в

нем. Теперь за слугой ухаживали, а он, герцог, был всеми забыт и заброшен.

У него опять был жар, нога и рука опухли. Он рычал, что всех их отправит на каторгу, что доставит ему огромное удовольствие.

Но где были барон Бессар и граф де Сент-Эдм? И догадается ли кто-нибудь принести ему воды? И хватит таращиться на него! Он пожалел, что ирокезы не уничтожили их всех...

Слуги забыли об индейцах и засуетились вокруг своего хозяина. Его умыли, метрдотель сделал ему перевязку, как умел, ему приготовили бульон, и Вивонн почувствовал себя лучше, но очень уставшим. Секретарь покинул его, убедив его отдохнуть. Опасность миновала. Но ночью ему явилось хрипение дикого животного, оно было омерзительно. Напрасно он затыкал уши; даже проснувшись, он явственно различал эти завывания, они заполнили все его внутренности, страх сковал его. Когда он заснул, то ему почудилось, что его окружили демоны, он был в аду; он вспомнил о ведьмах и ядах и решил, что он умер и за все совершенные им преступления он оказался в аду. Утром, открыв глаза, ему долго пришлось убеждать себя, что он еще жив, что он у себя в комнате, в библиотеке, его окружает его мебель и все это нисколько не похоже на владения Люцифера. Продолжением кошмара явилось то, что дом его вновь был пуст и молчалив, напрасно он звал кого-нибудь, он был в полном одиночестве. Наконец поваренок подскочил к его изголовью и прошептал ему, вытаращив глаза, что всю ночь армия ирокезов бродила на подступах к городу, испуская ужасные завывания и крики; всем казалось, что это конец, но г-жа де Пейрак снова спасла город.

Герцог де Вивонн закрыл глаза. Этот бред был предвестником его смерти. Он принюхивался к своим

ранам, пытаясь определить, не идет ли от них трупный запах. Он был удивлен, что ничего подобного не обнаружил, более того, он чувствовал себя лучше. Он без труда сам сел в кровати и понял, что начинает выздоравливать. Ему принесли бульон, и это полностью убедило его, что жизнь продолжается и что самое опасное позади. За завтраком он начал размышлять о странных событиях прошедшего дня, и один факт показался ему наиболее подозрительным: исчезновение графа де Сент-Эдма и барона Бессара вместе с его лакеем Ансельмом.

Он прикидывал так и эдак, но в конце концов решил послать кого-нибудь к г-же де Кампвер, возможно, ей известно что-либо о судьбе этих трех персонажей. В этот момент к нему пришел г-н де Бардань и с порога заявил ему, что все трое мертвы, он лично убил их и был горд этим.

— Вы, месье, обойдете молчанием исчезновение ваших приятелей, — холодно сказал ему посланник короля. — Я надеюсь для вашего же блага, что вы не принимали участия в том ужасном заговоре, свидетелем которого я явился. Я хотел бы быть уверенным в том, что вы не подстрекали их, в противном случае я оставляю за собой право поступить с вами так же, как с ними, приговорив вас к смерти.

— Что они сделали?

— Они напали на г-жу де Пейрак, когда она одна, без оружия, шла по пустынной долине Абрахама. Они поджидали ее, чтобы убить. Я подоспел вовремя и решил их судьбы. Не пытайтесь отомстить за них. И знайте, ничто не остановит меня, если речь пойдет о врагах г-жи де Пейрак, я разоблачу и уничтожу их. Для меня не секрет, г-н де ла Ферте, что за вашей фамилией скрывается благородное семейство, но чем выше ранг, тем развращеннее люди. В каком бы родстве вы ни состояли с королем, как бы ни сложилась моя

дальнейшая судьба, в застенках Бастилии или на каторге, я все равно разоблачу вас перед Его Величеством, если вы попытаетесь причинить малейшую, боль г-же де Пейрак.

Вивонн слушал его, открыв рот. В конце этого монолога он встал и провел рукой по невыбритому лицу.

— Пламя Бельзебута! Она разрушила мой дом, уничтожила все мое окружение. Сначала д'Аржантейль, затем Сент-Эдм, Бессар, лакей... — Потом он расхохотался, как должен хохотать вельможа, который вдруг узнает, что он потерял все свои владения и имущество и ему осталась только его рубашка.

— Эй, принесите нам вина, — закричал он, — мне осточертел этот бульон. Признайтесь, — обратился он к Барданю, — что волнения, причиной которых явилась эта женщина, несравнимы с радостями, и развлечениями, которые она нам доставляет. Жизнь так скучна. И мне, и вам просто повезло, что она подарила нам встречу с такой неповторимой женщиной.

Здоровой рукой он налил вина.

— Забудьте ваши тревоги, выпьем за этого ангела-губителя... К чему мне все преступления, если дни мои пусты и бессмысленны... Если я не прощу ничего другого, как видеть ее иногда и радоваться этому.

Он залпом выпил свой бокал.

— На что я надеялся? Она никогда не будет моей. Я должен был понять это раньше. Мне остаются лишь воспоминания.

Напиток уже подействовал на него.

— Эта атака ирокезов как нельзя кстати, и я выполню ваши требования. Если меня спросят, куда пошли посетители из моего дома, я отвечу, что они утром отправились на прогулку в поля, их схватили индейцы и забрали в плен...

Мысль о том, что Сент-Эдм и барон Бессар в плену у ирокезов привязаны к столбу пыток, вызвала у герцога

новый прилив хохота.

— Поверьте мне, граф, я буду скучать об этой дикой стране и об этой женщине.

Глава 85

До сих пор не было никаких вестей от жителей острова Орлеан и детей из монастыря Святого Иохима.

Анжелика решила наведаться туда. В порту она обнаружила снаряженную лодку, готовую поднять паруса. Старый Топен вместе со своими сыновьями отправлялся на остров, чтобы помочь тем, кто уцелел после нашествия ирокезов. Все были вооружены, кроме того, с ними плыли несколько солдат. Больше в порту никого не было. Истерзанный город наконец заснул.

Анжелика взяла с собой свою сумку с лекарствами, белье для перевязок и мази для ран и ожогов...

Странный предмет привлек ее внимание. Это был алтарь, забытый на берегу накануне, теперь в лучах утреннего солнца он золотился всеми своими гранями.

Его оставил здесь Элуа Маколле, когда разгадал знаки, посылаемые с острова.

Жанин Гонфарель видела, как он и еще несколько отчаянных парней, вооружившись ружьями, сели в лодку и отплыли к острову.

Видели ли они, как захватили в плен самую большую лодку, первой прибывшую на остров? Были ли они свидетелями жестокой бойни? А может, они разделили судьбу пассажиров этой лодки? Ветер раздувал паруса, и шлюпка Топена быстро добралась до острова Орлеан, но не решилась причалить. Окрестности казались пустынными. Анжелика посмотрела в сторону, где стояло имение Гильометы, и с огромным облегчением увидела слабый дымок, поднимавшийся над деревьями.

— Кто-то идет! — воскликнул один из моряков. Это был Элуа Маколле.

Было время прилива, и они подплыли поближе, чтобы обменяться самыми важными новостями.

Больше всего пострадал южный берег. Маколле на своей лодке приблизился к индейцам, распевая песни мира. Ему повезло, его узнал один из капитанов, это позволило ему вести переговоры и просить за жизни тех, кто укрылся на холмах острова.

Затем индейцы получили приказ отходить и быстро сели в свои лодки, чтобы присоединиться к остальному флоту у Бурного мыса.

Они вернулись ночью, и снова жители острова похватали свои пожитки и поднялись на вершины холмов. Но это был всего лишь спектакль.

— А Гильомета?

— Жива! Ее дом цел!

Он отказался присоединиться к ним. Он вернется в Квебек завтра на своей лодке.

— Пока все хорошо, — заметил старый Топен, взяв курс на Бопре. — Но возможно, что на побережье Лозан будет больше разрушений, а ведь там был сын Маколле, Сиприен, его могли убить.

К началу дня они достигли окрестностей Святого Иохима. Новая церковь Святой Анны сверкала на солнце, пожар не коснулся ее.

Теперь Бурный мыс был совсем близко. Причалив в небольшом заливе, они направились к зданиям, удаленным от берега, над почерневшими стенами которых еще клубился дым. В их сердца закралась тревога. Свернув на тропинку, они услышали мычание коров, которые разбрелись по лугам. Значит, хотя бы часть стада не погибла в огне фермы.

Самый большой дом по правой стороне казался нетронутым.

Они направились через двор к деревянным постройкам, которые явно пострадали. От них остался лишь каркас и кучи угля. Каменные стены фермы

окружали лишь беспорядочные руины, пол и крыша провалились. Им осталась еще церквушка, которую они теперь решили осмотреть.

До нее огонь не дошел.

Трагическим предупреждением явилось для них зрелище жертвой собаки аббата Дорена. Должно быть, он хотел своим лаем предупредить об опасности и был сражен стрелой индейца.

Жителей Святого Иохима застигли врасплох, когда они собирались на мессу.

Духовника и его слуг, молодых учеников школы искусств и ремесел пятнадцати-шестнадцати лет, присутствующих фермеров, аббата Дорена, преподавателей семинарии — всех их убили, ножом или кастетом, и сняли скальпы.

— А где же дети?

Анжелика с опасением посмотрела на стоящий в стороне большой дом, который дышал спокойствием. Неужели там они обнаружат трупы шести-и семилетних мальчиков?

— У меня не хватает мужества, — сказала она воинам, сопровождавшим ее. — Пойдите туда вы, вы более привычны к ужасам военных сражений.

Солдаты вошли в дом и немного погодя появились на пороге: никого.

На хуторе тоже царил призрачный порядок. В спальне все матрасы были аккуратно сложены, в трапезной накрыт длинный стол, около каждой тарелки лежал толстый кусок хлеба. В учебных классах и мастерских инструменты для ремесел и для занятий живописью и скульптурой, казалось, поджидали учеников.

— Но где же дети?

— Может, ирокезы взяли их в плен.

— Нет! У них было только трое пленников, мужчина и двое детей, их заметили в лодке.

Они вернулись во двор и сделали несколько выстрелов из ружей.

Затем солдаты вытащили трупы — их оказалось пятнадцать — и уложили их перед церковью, а двое грузчиков начали рыть могилы.

Время от времени стреляли в воздух.

Час спустя у подножия горы заметили какое-то движение. Они возвращались. Они все были живы. Тридцать маленьких семинаристов, одетых в черное, во главе с их спасителем, молодым светловолосым Эммануэлем, их ангелом-хранителем.

Именно по его инициативе они проснулись в этот день до восхода. Он выпросил разрешения у настоятеля показать им рассвет с высоты Бурного мыса.

Глубокой ночью, убрав свои спальни и обувшись, они отправились к огромной черной массе, вырисовывающейся на фоне матового неба Луна уже зашла.

Там, наверху, прижавшись друг к другу, они наблюдали, как поднимается солнце, как его лучи отражаются в воде, как река сливается с небом на горизонте.

И в этой голубовато-розовой дымке Эммануэль различил флот ирокезов, похожий на облако ядовитых насекомых.

Он протер глаза, не в силах поверить в этот кошмар. Сотни индейских лодок... Они шли с севера... Потом он увидел, как они высадились на берег у подножия горы. Половина флота отплыла к Бопре, другая осталась. Все были вооружены.

Тогда Эммануэль схватил за руки двух самых маленьких и крикнул:

— Идите за мной! Быстрее! И без шума!

Он постарался увести их как можно выше в гору, затем спустился по противоположному склону в лес, затем снова стал карабкаться на прибрежные скалы. Он

знал один заброшенный караульный пост, который укрывал от взгляда густой кустарник, а рядом с ним траншею. Туда он и привел детей, там они лежали, в этой яме, вне поля зрения.

Время от времени Эммануэль выглядывал наружу, видел горящие дома, отмечал про себя, что ирокезы двигаются к Квебеку.

В середине дня он почувствовал по внезапно наступившей тишине, по запаху, по утихшему ветру, что приближаются какие-то люди. Среди деревьев он заметил несколько ирокезов. Красные и черные линии только усиливали жестокое выражение на их лицах.

Эммануэль дал знак детям, чтобы они не шевелились.

Как удалось этим маленьким существам замереть, не дыша, какое чудо научило этих колонистов хитрым повадкам лесных зверушек? Хищники с тонким нюхом прошли мимо, не заметив зарывшихся в чащу детей.

Маленький Марсэлен задрожал было от страха, но Эммануэль положил одну руку ему на глаза, а другую — на рот. Ирокезы растворились, как призраки.

Затем, повинуясь таинственному приказу, они сели в лодки и отплыли от берега.

Он решил, что их целью был грабеж и скальпы. А их основные силы поджидали их у Бурного мыса.

Вечером Эммануэль заметил на реке, подернутой туманом, множество огней, покрывших водную гладь.

«Теперь они идут в Квебек», — с ужасом подумал он.

Наступила ночь и заволокла все туманом. Их окружила непроглядная тьма.

Дети заснули, а Эммануэль молился: «Что станет с нами, если убьют наших братьев в Квебеке? Господи, защити наших воинов!»

С первыми лучами солнца дети проснулись. Туман рассеялся, но с высоты, где они находились, они не

могли увидеть, разрушен Квебек или нет. В долинах все было спокойно. От сгоревших домов еще поднимался дым. Наконец они услышали выстрелы. Они различили парус, силуэты вооруженных людей, направлявшихся к хутору. Среди них была женщина, и это окончательно успокоило их. Их искали, к ним пришли на помощь. Они покинули свое убежище и, начали, спуск в долину. И вот они здесь, в сырых грязных одеждах, дрожа от холода и страха при виде трупов около церкви. Они понимали, чего им удалось избежать, какие ужасы миновали их судьбы, и они молча смотрели на тех, кто вчера еще был их учителем, их братьями, их приятелями. С ними они делили свои занятия, молитвы, труд и отдых. Ирокезы принесли им смерть.

Анжелике и ее спутникам никак не удалось оторвать их от этого болезненного созерцания.

— Пойдемте! Дети, пойдемте! — настаивали они. — Посмотрите, ваша трапезная ждет вас... Хутор уцелел.

От страха они не могли пошевелиться. Молодой Эммануэль заметил среди трупов аббата Дорена, своего духовного наставника, который взял в свои руки заботу о его воспитании, и глубокое горе охватило его.

Внезапно подросток поднял голову, прислушался, он явно был чем-то взволнован.

— Послушайте!

Анжелика боялась, что он повредился рассудком, и в то же время ее не отпускал страх вновь увидеть убийц с томагавками в руках.

— Нет, — успокоила она его, — ничего не бойтесь. Ваши жестокие враги ушли и никогда не вернутся. Они дали мне слово.

— Да я не об этом, — лихорадочно возразил он. — Послушайте! Послушайте!

Его лицо просияло, он указал рукой на юг, откуда доносились приглушенные звуки.

— Куа, куа!

— Белые гуси! — закричал он, и в его голосе послышалось рыдание. — Белые гуси с Бурного мыса! Они возвращаются! Они возвращаются!

И они появились, выстроившись в небе в форме треугольника.

— Куа, куа!

Дети забыли все: ужас, усталость, голод; они бросились к болотам с радостными криками.

И как только первый клин как будто упал с неба на землю, прямо к их ногам, они запрыгали и захлопали в ладоши, радостно приветствуя птиц.

А те вернулись на свои родные земли и теперь отдыхали, сложив крылья. Высадившиеся на берег люди с трудом прокладывали себе дорогу среди этих белых птиц, их становилось все больше и больше. Казалось, вся земля укрылась белым пуховым одеялом, а они все прибывали и прибывали.

Анжелика издали заметила ту, кого она с горечью визы-вала своей «соперницей», и подумала: «Анн-Франсуа умер».

В свою очередь, Сабина де Кастель-МорЖа была не меньше удивлена появлением в этих местах Анжелики:

— Как ваш сын?

— Ему лучше... Во всяком случае, в этом меня все хотят убедить... Я не знала, что вы здесь.

Сабина объяснила, что г-жа де Меркувиль решила, что она слишком много времени проводит у изголовья своего сына, ловя его дыхание, и она отстранила ее от обязанностей сиделки.

— Тогда я подумала, что нужно помочь здешним жителям. Лишь горести других заставляют меня забыть про мои собственные.

Она прибыла сюда вместе с господином де Верньером, его слугами и священниками, а также своей храброй подругой г-жой Бардо.

Священники должны были прочесть молитву над свежевырытыми могилами.

Г-жа де Кастель-Моржа привезла белье и чистые одежды, которые ей вручили сестры из Отель-Дье.

На огне подогревались чугунки с водой. Женщины помогли Эммануэлю и секретарю г-на де Верньера отмыть всю маленькую компанию. Затем дети облачились в толстые шерстяные рубашки, и их уложили в постель. Маленькие канадские семинаристы будут спать под колыбельные песни вернувшихся диких гусей.

Было решено возвращаться в Квебек. Анжелика и Сабина сели в лодку; Анжелика увозила маленького Марсэлена, который не мог от нее оторваться, а Сабина держала на коленях ребенка, у которого был жар; его завернули в одеяла, но он все равно дрожал.

Они отплывали еще засветло, а прибыли в Квебек уже в полночь.

На середине пути им встретилась эскадра, которой командовал Его Высокопреосвященство де Лаваль. Произошел обмен новостями. Те, кто возвращался, сначала рассказали о спасенных детях, а уж потом о тех, кто погиб.

В одной из шлюпок Анжелика заметила мужчину, лицо которого показалось ей знакомым. Рядом с ним сидели его жена и двое детей, и все они тщательно оберегали от каких-либо повреждений непонятный предмет.

— Вы, случайно, не мельник из Шато-Ришье? — спросила у него Анжелика.

— Так и есть, — ответил веселый человек. Несмотря на недавние трагедии, радость не покинула его.

— Шато-Ришье пострадал от набега?

— Еще как! Моя мельница превратилась в пепел. Но я и моя семья остались живы.

Своей жизнью он был обязан ежегодному пирогу, который он вручил Его Высокопреосвященству. В этом году он решил удивить архиепископа, прибыл со своей семьей в Квебек, чтобы на большой ярмарке приобрести различные кондитерские штучки для украшения своего пирога.

Не обращая внимания на военные заботы, он замешивал тесто, закладывал его в печь, готовил начинку, украшал: никакие ирокезы не могли помешать ему закончить его грандиозный труд. Его мельница сгорела, но он и его домочадцы, а также его пирог остались целы. Кроме того, пирог удался на славу.

Теперь они везли это произведение кулинарного искусства в Святой Иохим. Он приподнял скатерть, и все увидели аппетитный пирог, украшенный миндалем, кремом и мармеладом.

— Для детей это будет огромным утешением, — сказала Сабина.

Их лодка взяла курс на Квебек. Анжелика чувствовала, что Сабина хочет поговорить с ней, и демонстративно отворачивалась. Эти два дня не дали ей возможности спокойно все обдумать. И временами стреляющая боль поражала ее.

Она не могла себе представить, что произойдет, когда она найдет время для размышлений...

Она заметила на себе пристальный взгляд Сабины, и ее красивые черные глаза показались ей невыносимыми.

Почему она должна сидеть в лодке рядом с этой женщиной?

Из-за сильного встречного ветра им пришлось долго лавировать, прежде чем Топен справился с парусом.

В ночи Квебек казался огромной черной тенью, время от времени освещаемой огоньками окон в домах.

Впервые Анжелика увидела Квебек поздней осенью, эту маленькую столицу, затерянную в Новой Франции. В

ней вновь проснулась боль, как будто она дотронулась до пораженного места, хотя она не могла определить, что вызвало эту боль. Она приняла вызов и выиграла.

«Ты — победительница», — говорила ей Гильомета.

Но не слишком ли дорого платит она за свои победы?

«Хватит ли мне смелости?» — спросила она себя.

Вновь она встретилась взглядом с Сабиной.

— Анжелика, послушайте...

— Нет! — ответила она и отвернулась. — Не выводите меня из себя!

— Тем не менее, я должна вам сказать... Нужно, чтобы вы знали...

— Нет! — повторила Анжелика, но уже не так уверенно. — Оставьте меня, я очень устала.

Она чувствовала, какие тяжелые у нее веки. Она страшно хотела спать.

— Больше вы ничего не сможете сделать! Вы и так сделали достаточно!

Конечно, с иронией призналась она самой себе, два дня она бегала без передышки, беседовала с самым диким из всех ирокезов, перевязывала раненых, плыла на лодке, хоронила мертвых, и все это в запале после ночи любви и мрачного воспоминания, что ее чуть было не лишили жизни: от всего этого можно устать. Ее голова упала, и своими волосами она коснулась личика Марсэлена, уснувшего у нее на руках. Закрыв глаза, она начала строить планы о том, как будет вести себя после прибытия в порт. Прежде всего она не станет прислушиваться к чьим-либо просьбам. Если на площади будет карета, она сядет в нее и попросит, чтобы ее отвезли домой.

В трактире она попросит Буавита, чтобы он принес ей своей грушевой настойки. Она выпьет ее с теплым молоком, а затем ляжет в кровать, плотно задернув занавески алькова.

А потом она будет спать, спать, спать...

Она услышала, как Сабина прошептала ей:

— Нужно, чтобы вы знали, Анжелика... И вы не должны сомневаться в этом... Для него существуете только вы, только вы!

Глава 86

— Найдите мне Элуа Маколле и по возможности сделайте так, чтобы никто не сообщил ему печальную новость до меня.

Смерть Сиприена Маколле, его сына, подтвердилась. Прибыл Маколле, насвистывая дорожную песенку. Он вернулся с острова Орлеан и еще ничего не знал.

— Вам рассказали, — спросила его Анжелика, — что часть индейцев высадилась на южном побережье, в районе Лозон?

Он прекратил свистеть и нахмурился.

— Черт! Я ничего не знал.

— Ваш сын погиб, Элуа.

Она рассказала ему о том, как рослый миролюбивый мужчина почти два часа оказывал сопротивление индейцам. Его дом превратился в баррикаду, он бегал из угла в угол и стрелял во всех направлениях.

В конце концов дикарям удалось выломать дверь. Они убили его топорами и сняли скальп.

— Ваш сын погиб как герой, он достоин вас, Элуа. Он остался стоять и молча слушал.

— Он был неплохой малый, — наконец произнес он, — но мы не были с ним близки, он не был мне сыном, а я ему отцом. Я женился на его матери и сделал ей ребенка, но вскоре покинул их. Время от времени я навещал их, но много лет я вообще не появлялся. Лишь после смерти его матери мы стали ближе друг другу. А ведь он был уже женат.

Он замолчал, потом тихо спросил.

— А Сидони?

— Она была вместе с ним, подавала ему оружие, заряжала его. Когда враги ворвались в дом, она

скрылась на чердаке и спрятала лестницу. Через щель в потолке она стреляла в них. Когда у нее кончились патроны, она бросила вниз соломенные туфли, а на них — горящие угли. Начался пожар. Индейцы вынуждены были бежать. Тогда она спустилась вниз и ведрами с водой потушила пожар.

Его дыхание участилось.

— И что же? Жива?

— Жива.

— Слава богу! — закричал он. Он рухнул на низкий табурет.

— Я же говорил вам, с ней не так-то просто сладить, с этой Сидони! — Он машинально поправлял на голове свой красный колпак.

— Несчастная страна! Несчастная страна! — повторял он.

Затем из глаз его полись слезы.

Когда он выплакался, он поднял голову и увидел Анжелику, сидящую за столом, и ее кошку на столе, обе они смотрели на него задумчиво, с нежной грустью и пониманием.

— Маколле, она любит вас, — сказала Анжелика — Она всегда любила вас, и — кто знает, может я не права, но женщины иногда совершают такие странные поступки, повинуясь своему чувству, и я спрашиваю себя, не вышла ли она за вашего сына, чтобы быть ближе к вам... Ситуация была безвыходная... Она любила вас, жила теми минутами, когда вы были рядом, а вы шастали по лесу и ухаживали за ее соседками. Вы и думать не могли о ней. Ведь она была вашей невесткой. Теперь она свободна. И хотя вы боитесь в этом признаться, но вы тоже любите ее. Я прочла это по вашему лицу.

— Тысяча чертей! — воскликнул он. — Да все священники завопят о кровосмешении.

— Но вы же не ее отец... Вы можете жениться на ней.

Он покачал головой.

— Это невозможно. Старик и молодая женщина.

— Ну хватит! Вы ведь достаточно молоды для того, чтобы грести и управлять лодкой, и нести эту лодку на себе... И вы могли бы дать ей ребенка... Она сама мне об этом говорила.

Элуа Маколле быстро поднялся, к нему вернулась его прежняя живость и ловкость.

— Заранее ничего не обещаю! Но нужно поскорее увидеться... Во всяком случае, я должен помочь ей подремонтировать дом.

Глава 87

Время от времени Анжелика вспоминала о боли, затаившейся в уголке ее сердца и от которой она так страдала. Хорошо, что Жоффрей был далеко, ведь именно он был причиной этой боли.

Осознав, что она рада его отсутствию, Анжелика погрузилась в отчаяние. Неужели их любовь умерла? Все вокруг повторяли, что она спасла Квебек, все боготворили ее. Но в ней самой как будто лопнула пружина.

Город освобожден, молодой Анн-Франсуа вне опасности, дети из монастыря полакомились своим пирогом, дикие белые гуси вернулись на родину, а Анжелика заливалась слезами.

— Но почему он это сделал? — воскликнула она, v голос ее эхом отозвался в пустой комнате. А почему бы ему и не сделать это? Он и ее уверял в ее полной свободе действий. В мире нет более свободного человека...

Но никакие доводы не умаляли ее горечи, когда она вновь и вновь вспоминала о том, что самый дорогой ей человек отвернулся от нее. Она без конца мучила себя, пытаясь определить, где и когда это произошло. В действительности она это знала, ведь Анн-Франсуа не делал из этого тайны. Это случилось в замке Монтиньи, в тот далекий день, когда она отправилась на остров Орлеан повидать колдунью Гильомету. Она совершенно точно помнила, что поехала к ней за советом или лекарством, чтобы успокоить нервную систему г-жи де Кастель-Моржа. Это уже предел! В то время как она беспокоилась о душевном состоянии жены военного губернатора, близкой к безумию, она... он... Анжелика

бросилась на кровать и зарылась в подушки, чтобы не закричать, не завыть. Все смеялись над ней.

В тот день на острове Орлеан Гильомета, всевидящая и всезнающая Гильомета, сказала ей: «Ты счастливая женщина!» Без сомнения, она обо всем догадалась. Говоря о Сабине де Кастель-Моржа, она бросила с легкой иронией, смысл которой только теперь дошел до Анжелики: «Не волнуйся за нее, ее спасут». И вместо того, чтобы предупредить ее о вероломстве этой женщины, эта лицемерная колдунья отвлекла ее внимание своими рассказами и исповедями; так ребенку рассказывают сказки, чтобы незаметно влить в него лекарство. А когда она уезжала, то Гильомета бросила ей какую-то глупость, чтобы пустить ее воображение по ложному пути: «Не нужно, чтобы он ездил в Прагу». Заинтригованная этой загадкой, Анжелика не заметила, что произошло у нее под носом...

Прага! Столица Богемии! Ах, как же они все посмеялись над ней, прикрывшись любезностью. Даже г-жа де Меркувиль, которая провожала ее в дорогу, изображая сочувствие и заботу о Сабине.

А намеки этой змеи Эфрозины! Как же она веселилась, когда узнала, почти увидела... А Анжелика как идиотка лечила ее отмороженный нос, она была рада оказать такую услугу, помочь, а они все использовали ее доброту, ее желание прийти на помощь, все эти завистники ничем не отблагодарили ее за ее заботы.

Спрятав лицо в подушку, Анжелика видела себя окруженной врагами и предателями: все потешались над ней, расточая улыбки и пользуясь ее дружбой. Потом она вспомнила, что в тот день отправилась на остров неожиданно, никого не предупредив, и что винить во всем, что произошло, нужно только случай.

Она поднялась с кровати, глаза ее распухли, но успокоение нашло на нее.

Посмотрев на свое отражение, она решила, что по меньшей мере час ей нужно прикладывать к лицу компрессы и кремы, чтобы вернуть ему нормальный вид.

Она снова заплакала и сказала себе, что не помогут ей никакие мази и компрессы, пока она не перестанет изводить себя ужасными мыслями. Но никакие призывы не помогали. Она не могла помешать себе проливать слезы, чувствуя, как что-то сломалось у нее в душе.

***

— Почему ты плачешь? — спросила Полька.

— Я не плачу.

— Ты думаешь, я ничего не вижу. А ну-ка, сядь. Поешь! Выпей! Я приготовила тебе телятину. Весной надо есть весеннее мясо.

Мысль о телятине нисколько не обрадовала Анжелику, и она покачала головой.

— ...Маркиза, ни один мужчина в мире не стоит того, чтобы из-за него отказаться от такого блюда. Все они одинаковы, эти мужчины. Ты должна бы это знать.

Анжелике совсем не улыбалось слушать философские рассуждения Польки о мужчинах, и она не могла смешивать Жоффрея со всеми остальными проходимцами.

Она поднялась, чтобы уйти.

— ...Маркиза, будь осторожна. Вспомни о бревне в своем глазу, когда ты заметила соломинку в глазах твоего возлюбленного.

— Что тебе известно?

— Ничего! Но я не сомневаюсь в том, что говорю.

Анжелике стали приходить на память некоторые фразы о любви, произнесенные Анн-Франсуа. Собственно говоря, они мало отличались от тех, что говорил Никола де Бардань. «Вы любите... Но любовь уходит от вас». Теперь она понимала их страдания. Мысль о том, что любовь Жоффрея ушла от нее,

сроднила Анжелику с ее поклонниками, внушила ей жалость к ним.

— Я не смогу пережить это! Я могу умереть! Умереть!

Для нее существовал только Жоффрей. Он был везде, он был в ней. Все остальное — лишь мимолетные увлечения, которые ничего не значили для нее... «Есть только ты».

От военной экспедиции пришли вести. Посыльный рассказывал, какой ужас охватил его, когда его вдруг окружили ирокезы, которые поднимались вверх по течению Шодьер. Он предстал перед самим Уттаке, и тот сказал ему: «Я иду навстречу Тикондероге, я дарю тебе жизнь».

В письме, которое он привез, г-н Фронтенак сообщал, что они находятся в окрестностях Голубого Озера, но пока переговоры не начинались. Было также письмо для Анжелики от Жоффрея де Пейрака, но она разорвала его на мелкие кусочки, не читая, и тут же пожалела об этом.

Всю следующую неделю Анжелика проливала слезы. Тем временем весна вступила в свои права и опьянила всех запахами цветущих яблонь. Аромат розовых и белых цветков приносил наслаждение.

Остров Орлеан совершенно преобразился, его щеки порозовели, как щеки молодой канадской девушки.

Анжелика объясняла свои припухшие веки тем, что зацвели сады и воздух чересчур насыщен пряными запахами. Ей сочувствовали.

***

После полудня на улице появился Виль д'Аврэй. Это была его первая прогулка после несчастного случая. Он прихрамывал, и речь его была не совсем внятной.

— В этом городе слишком много пьют. К моим страданиям добавилась еще и жара, и мне приходится

больше пить, чтобы утолить жажду и забыть про боль. Но я еще слишком слаб, а вы покидаете меня.

— Я приготовлю вам луковый суп. Его называют «суп пьяницы», потому что у лука сильный запах, он вызывает слезы и просветляет умы.

Пока она будет чистить лук, ей не придется прятать свои глаза, чтобы не вызвать его любопытства по поводу ее распухших век. Впрочем, он казался невнимательным, думал только об Александре и оплакивал его.

— Он был ангел, настоящий ангел. Я знаю это. Теперь я это понял. Он был послан на землю с особой миссией: как и все ангелы. Все они прекрасны. Но их смерть часто бывает жестокой. Они умирают молодыми, совершив героический поступок, ради которого они и спустились на землю.

Он еще долго рассуждал, а потом заявил:

— Я уезжаю. С первым же кораблем. Даже если это не понравится королю. Как он мог отправить в ссылку меня, такого чувствительного и ранимого? И все это из-за китайской фарфоровой вазы. У него просто нет сердца. Я пойду к Сен-Клу, попрошу у него защиты. В этих диких местах сам становишься дикарем. Те, кто здесь останется, пустят корни, обагренные кровью. Они принесли в жертву волосы своих самых любимых детей... Мне было достаточно одного... Я увезу отсюда моего сына, моего маленького Керубина. Я хочу вернуться в цивилизованную страну... Возможно, Анжелика, мы встретимся в Версале!

За все это время Анжелика ни разу не посетила отца Мобежа. Он наверняка посмотрел бы на нее с легкой насмешкой и напомнил ей, что красивые женщины живут особой жизнью, что, однако, не мешает им быть обманутыми.

«Нужно оставаться красивой! — говорила она себе, рыдая перед зеркалом. — Я была так счастлива! Так

счастлива!»

Она сожалела о прожитых последних месяцах. Они спорили, но это был лишь повод, чтобы объясниться, лучше узнать друг друга и почерпнуть в примирении новые силы, новые страсти.

— Я не понимаю тебя, — говорила ей Полька. — Я не думала, что ты можешь так все усложнять. К чему все эти рыдания? Чего ты боишься? Ты считаешь, что легко бросить такую женщину, как ту? Это было бы забавно, но на моей памяти такого не случалась. Ты всегда будешь пленять, всегда... Это идет от твоих губ, глаз, твоей кожи... И лишь смерть положит этому конец. Как ты думаешь, легко забыть нежную кожу ангелов? А может ли мужчина, привыкший к ней, обойтись без нее? Даже если он этого захочет? Но твой мужчина не хочет этого! И ничего не произошло, уверяю тебя! Ты своим дурацким кривлянием сама себе роешь могилу!

Глава 88

— Моя милочка! Моя милочка!

Г-жа ле Башуа стучала ей по плечу своим веером.

Церковь была пустынной Перед алтарем молился г-н Гобер де ла Мелуаз.

В полумраке церкви Анжелика различала широкое лицо храброй женщины и ее улыбающиеся голубые глаза.

— Пойдемте! Пойдемте, моя милочка! — сказала она немного ворчливым голосом. — Это неразумно, у вас такие красные глаза! У вас! У самой соблазнительной женщины! У женщины, в которую влюбляются при первом ее появлении. Если бы вы не были так милы, любезны, то остальные женщины возненавидели бы вас, ведь вы притягиваете к себе взгляды всех их поклонников! Вы взяли в плен мужчину, которого желают все. Неужели он причинил вам боль? Я не могу в это поверить...

— Что вам рассказали? — униженно спросила она.

— Ничего! Просто я считаю, что лишь легкомыслие или жестокость графа де Пейрака могли вызвать столько слез.

Почувствовав доверие к своей собеседнице, Анжелика сказала, что имеет все основания подозревать его в измене. Она ужасно запуталась. С одной стороны, она вовсе не хочет запереть своего мужа на замок, с другой — ее необычайно ранили обстоятельства, при которых все это произошло... Это было бессердечно с его стороны. Они воспользовались тем, что она уехала на остров Орлеан...

— Дорогая моя! Судя по всему, у вас нет опыта в этом вопросе, вам никогда не изменяли. Это всегда причиняет боль, независимо от обстоятельств. Если это

происходит в ваше отсутствие, под вашей крышей — это оскорбление. Если где-то в другом месте — это возмутительное лицемерие. И в том, и в другом случае мужчина проявляет свою слабость, а женщина предает. Не существует адюльтера, который выглядит благородно.

— Выходит, вы прощаете его? — спросила Анжелика, вспоминая о своих приключениях в долине Абрахама.

— А вы, дорогое дитя? Вы бы простили себя? Будь вы на его месте?

Анжелика даже не пыталась изобразить на своем лице благородное возмущение.

— Да, — призналась она, — потому что я знаю, что ничто и никто не может убить мою любовь к нему... Никакая выходка.

— А почему вы считаете, что так не поступает и г-н де Пейрак? Выходка, сказали вы? Маленькое увлечение! Трещина в договоре! Но каком договоре?

Анжелика вынуждена была признать, что г-жа ле Башуа была права. Она и сама пришла к тому же мнению. Но она убедила себя, что он ее больше не любит... Что он стал меньше любить ее.

Она снова расплакалась.

— Успокойтесь! — пожурила ее г-жа ле Башуа. — Попытайтесь быть искренней. Скажите, что вас беспокоит. Вы что-то вообразили себе и придаете этому чересчур большое значение, а ведь история эта прошлая... Не так ли?

Наконец Анжелика призналась в том, чего так страшилась, она все могла забыть, но это несчастье было несравнимо со всеми горестями. Она боялась потерять любовь. И не было ли случившееся первым признаком того, что она больше не пробуждала в нем прежних чувств?

— Напротив!

Г-жа ле Башуа казалась совершенно успокоенной. Она считала, что Анжелика неверно понимала реакцию мужчины, ведь он признавал ее власть над ним и отдавал должное тому огромному счастью, что она ему дарила.

— Милочка моя... Мужчины не любят проявлений восторга... Они не нуждаются в нем. Только очень молодые, быть может... Их пугает полное отсутствие уверенности, непостоянство, отсутствие привязанности. В семейной упряжке они хотят держать вожжи в своих руках. Заявить о себе... Их хладнокровию постоянно что — то угрожает. Они боятся проявлений слабости, неверно истолкованных.

— Вы считаете, что его жестокость и упоение удовольствиями лишь скрывали его желание защититься?

— Возможно. Женщины всегда хранят глубоко в душе секреты своих восторгов. Мы скрываем их даже на исповеди. Мы легче теряем голову, благоразумие. Если бы они все знали о нас...

Г-н Гобер де ла Мелуаз, привлеченный перешептываниями и всхлипываниями, поднялся, чтобы положить этому конец. Чтобы не нарываться на замечания, обе женщины спешно покинули собор.

— Прогуляемся немного по площади. Полюбуемся вишнями и послушаем журчание ручейка. Так о чем мы говорили? Расскажите мне о ваших признаниях.

— Что вы хотите этим сказать?

— Какие ваши чувства вы не скрывали от него? В чем вы ему признавались? Что вы ему говорили о чувствах, которые он вам внушает?

Анжелика вспомнила слова любви, которые он так часто говорил. Как он умел придать всему неповторимость и блеск, как он учил ее узнавать себя, как он утешал ее. Он говорил ей: «Я влюблен в ту

женщину, какой вы стали. Раньше я мог жить без вас. Теперь не могу...»

Что она отвечала ему?

Иногда, в порыве нежности, желая перейти барьер робости, стыда или страха, ей хотелось засыпать его словами, быть может наивными, но выражавшими то, что она чувствовала, то, чем он был для нее. Ей хотелось бы броситься перед ним на колени либо обнять его, целовать его в порыве обладания.

— Но... возможно, ему это не понравилось бы, — произнесла она.

— Что я вам говорила? В нас самих столько преград, мешающих нам насладиться нашим счастьем. Вам еще многое откроется, много дорог ждут вас впереди... Только влюбленные хорошо знают друг друга, а считают, что им ничего не известно о том сокровище, которым они обладают. Мы постоянно влюбляемся, но проходит время, и мы считаем, что прошлая любовь ничего не значит, вот теперь мы любим по-настоящему...

— Гордость заменяет мужчинам корсет, — говорила она. — Они никогда не расстаются с ней, либо расстаются с большим сожалением, как и женщины. Они с боязнью расшнуровывают ее завязки, как воин снимает в бою свои доспехи. Наш Пейрак никогда не был таким, даже когда он был молодым дерзким гасконцем, нетерпеливым, жадным до всего. Я хорошо знаю всю его жизнь в мельчайших деталях. Он предпочитал любовь, как развлечение, как искусство, а вы научили его тому, что он сам, поэт, трубадур, прекрасно знал — что любовь жалит, впивается в сердце. Вы показали ему те тайники чувств, в существовании которых он сомневался либо считал для себя возможным уклониться от них. Но такой человек, как он, не должен жалеть о том, что эти барьеры им пройдены.

Г-жа ле Башуа замолчала, казалось, она о чем-то задумалась.

— Признаюсь вам, он производит на меня впечатление... Он мог бы очень взволновать меня... Но есть огни, которые не нужно пытаться обратить на себя... Я хорошо себя знаю... Мне было бы недостаточно одного раза. А я совсем не уверена, что он предоставил бы мне больше... Это погубило бы меня. Вот видите!

Смеясь, она покачала головой.

— Для него вы — женщина, которую невозможно забыть. И он никогда не излечится от этого! Он сам это знает. Такой мужчина, как он, прекрасно с этим справляется, а вы... вы можете делать все, что угодно... Даже глупости... Это ничего не изменит... Счастливая! Какая же вы счастливая! — Она с нежностью посмотрела на Анжелику, и под взглядом ее голубых сияющих глаз Анжелика впервые подумала о том, что перед ней стоит женщина, которая могла бы быть ее единственной соперницей в Квебеке.

Глава 89

«Счастливая! Какая же вы счастливая», — повторила на прощание г-жа ле Башуа, дружески похлопав веером по плечу Анжелики. «Счастливая, у вас есть все!»

Пришло письмо от настоятельницы урсулинок, что ее хотят видеть в монастыре. Она отправилась туда, сделав передышка в своих страданиях. По-видимому, наставницы хотят поговорить с ней об Онорине, ее успехах и проказах.

Маленькие девочки танцевали под цветущими яблонями. «Жаворонок! Милый жаворонок!»

Мать-настоятельница прежде всего с сожалением признала, что они сразу же не отблагодарили ее за то, что она спасла их жизни.

— Наше затворничество, мадам, требует определенных жертв, и мы не можем порой побежать к нашим друзьям, чтобы поцеловать их руки.

Наставница Магдалина хотела бы побеседовать с ней, ей было счастливое видение, и она должна сообщить советы Господа нашего.

Что касается Онорины, то она всеобщая любимица. С ней не бывает никаких хлопот, если обращаться к ее сердцу. Во дворе ее ждала наставница Магдалина.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы дорого заплатили за свое мужественное противостояние демонам. Знайте, что они всегда мстят нам. Несмотря на все милости Господа нашего, мы вынуждены оставлять врагам нашим кусочек самих себя, чтобы удовлетворить их ненасытность. Тем самым мы отвлекаем их внимание от более серьезных ставок, сводя наши собственные жертвоприношения к минимуму.

На этот раз Анжелика не спросила: «Что вам известно?». Она понимала, что мать Магдалина догадалась о переживаемом ею душевном кризисе. Она ответила, что, на ее взгляд, часть, которую она заплатила демону за то, чтобы спасти Квебек, не такая уж минимальная, но это трудно объяснить монахине .

Чтобы ничего не усложнять, она доверилась матери Магдалине, что узнала о неверности мужа.

— Неверность? Разве это доказательство отсутствия любви? — с наивным видом спросила мать Магдалина.

— ...Не нужно проливать столько слез. Ваши друзья, ваши сыновья живы, ваша малышка жива. Ваш любимый муж жив. Благодарите небо! Самой ужасной на земле может быть только смерть, с ней ничто не сравнимо.

Решительно, весь мир объединился, чтобы успокоить ее. Есть люди, которые не могут вызывать жалость. Ведь она не одна проливала слезы. В Квебеке до сих пор подсчитывали убитых.

С юга к городу направлялась флотилия, и поднятые паруса больших лодок породили слух, что это возвращается армия. Но это были всего лишь монреальцы в своих бело-голубых колпаках.

На набережные вместо сетей с рыбой были выброшены слухи и новости. Ведь столько всего случилось: роды, смерти, свадьбы, ссоры, преступления, исчезновения, разрушения и успехи... Шум голосов временами заглушал шум борных вод.

Все это распространялось, бежало вдогонку друг за другом. Это были не просто новости и рассказы, это были песни, принесенные течением реки.

С первым конвоем прибыл барон д'Арребуст. Он был в отчаянии. Зима в Монреале закончилась для него полным поражением; Он приложил максимум усилий, чтобы встретиться со своей женой: та добровольно стала затворницей, замуровав себя в келье и общаясь с окружающим миром только через маленькое окошко.

Г-жа д'Арребуст пожертвовала большую часть своего состояния монастырям. Ее мужу только раз удалось проникнуть в ее келью, и то она упрекала его, что он не сохранил верность клятве, которую они дали вместе, что он дурно поступает, приходя сюда и напоминая ей о мирских удовольствиях, от которых она отказалась, посвятив себя служению господу.

Он общался с ней через маленькое окошко, и голое ее показался ему слабым и дрожащим, и он ушел, серьезно обеспокоенный.

***

— Вам остается заняться судьбой этой несчастной, — сказала м-зель д'Уредан Анжелике после того, как у нес с визитом побывал удрученный барон.

— Ей тридцать лет, а она стала затворницей! Я не могу этого понять! Все это дело рук отца д'Оржеваля. Он был ее злым гением. Он был таким для многих. Но вы разрушили его чары. Вам нужно съездить в Монреаль повидать Камиллу и заставить ее выйти из этой норы.

— А вы?

М-зель д'Уредан покраснела и виновато посмотрела на Анжелику.

— Что вы хотите сказать?

— А вы, Клео? Когда вы покинете свою кровать?

— Я? Но меня не ждет любовь, как Камиллу д'Арребуст.

— А интендант Карлон! Разве вы не знаете, что он все эти годы сгорает от любви к вам? Мне рассказывали об этом. Это видно невооруженным глазом, что он не может обойтись без вашего общества, вы его давняя тайная мечта.

— Но он разговаривает со мной только о месторождении поташа и корабельном строительстве. И мы часто спорим, ведь я янсенистка, а он галликанец.

— Он просто нерешителен и прячется за пустыми разговорами, лишь бы быть рядом с вами, даже если

для этого нужно спорить.

— Мне так нравятся робкие мужчины, — сказала м-зель д'Уредан, краснея еще больше. Она вздохнула.

— Слишком поздно, Анжелика, ведь мне не тридцать лет.

— Но вы очаровательны.

Анжелика протянула ей руки.

— Вставайте! Погода прекрасная, солнце светит. Просто прогуляйтесь! И удивите его своим визитом...

Наконец военные и несколько гуронов принесли вести из армии. Встреча с остатками ирокезов произошла. Теперь все желали зарыть топор войны. Анжелика получила послание от мужа. На этот раз она его вскрыла.

«Мне сообщили, мадам, что общество чрезвычайно благосклонно к вам, на вас чуть ли не молятся. Вы стали хозяйкой города, который вы спасли, как Святая Женевьева спасла Париж. Вот какой путь вы прошли от вашего первого появления на этих берегах, когда вы бросили вызов Новой Франции, до сегодняшнего триумфа. Вы победили полностью и безоговорочно...»

Он также расточал ей всевозможные нежности, рассказывал об Уттаке. Он считал, что сможет вернуться не раньше, чем через две недели.

— Пусть там и остается! Я не хочу его видеть!

Но она вынуждена была поправить себя.

— ...Нет, пусть возвращается! Но как можно позднее! У меня будет время привести в порядок мое лицо.

***

Г-н д'Арребуст привез ей письмо из Монреаля от м-зель Буржуа. Монахиня уверяла Анжелику, что сохранила самые добрые воспоминания о ней, писала о зиме, о «прекрасных морозах». И ученики, и сестры чувствовали себя хорошо. Она также спрашивала ее совета по поводу ее ученицы, девочки по имени Мари-

Анж, которая удивительно была похожа на Анжелику. Возможно, она что-нибудь знает о ее семье... Анжелика сначала удивилась, потом задумалась. М-зель Буржуа, должно быть, решила, что подобное внешнее сходство связано с узами родства...

Из всех ее родных никто не скрывался в Америке. Ее старший брат Жосселен исчез, когда ей было восемь или девять лет, ему захотелось приключений, и еще ее дядя; но оба они последовали за фанатичным пастором-протестантом, что окончательно разбило сердце ее дедушки.

В мыслях она вернулась в свое детство; ее сестры, замок Монтелу, ее многочисленное семейство, которое судьба разбросала по всему свету. Один стал иезуитом, другой повешен, она — вдали от родины...

М-зель Буржуа заканчивала свое письмо выражениями признательности и любви.

Все говорили о любви, даже м-зель Буржуа. Именно в этот момент Анжелика вновь впала в отчаяние. Увы! С любовью покончено... Первый раз в жизни она сомневалась в могуществе своего очарования.

***

Г-н де Шамбли-Монтобан объявил о своей свадьбе со старшей дочерью из семьи ле Башуа. Все его поздравляли, на что он отвечал: «Да, мать — прекрасная женщина».

Анжелика встретила саму г-жу ле Башуа.

— Моя дочь наконец забудет Пон-Бриана. Она не могла бы быть счастлива с ним. И она вздохнула.

— Ах, этот Пон-Бриан! Вы ошибались, не удостоив его своим вниманием.

Анжелика не понимала, почему. Ведь он ей был в высшей степени неприятен.

— Дорогая моя, в выборе мужчин вы чересчур эклектичны. Правда, тот, кого вы назначили своим

покровителем и хозяином, делает вас неприступной. Но останавливает вас не страх.

— В Вапассу все было по-другому, и во мне, и вокруг меня. Мы были одни, среди густых лесов. Здесь, в Квебеке, мы сильнее.

— Квебек это Квебек. Ветер дует, как ему хочется,. — сказала г-жа ле Башуа, — а в Квебеке он так часто срывает наши чепцы и уносит их вдаль.

Ветер дул, крылья мельниц вращались, чепец г-жи ле Башуа улетал...

Вдруг, в одночасье, осыпались все цветки на яблонях.

Наступило лето. Начались полевые работы.

Остров Орлеан в знойной дымке походил на акулу, выброшенную на берег; казалось, он объят сном либо пустынен, как много лет назад, когда Картье ступил на его берега.

В Канаде лишь два времени года. Восемь месяцев морозов и льдов сменяются четырьмя месяцами удушающей жары. Между ними есть два коротких промежутка, не более десяти дней; весна, когда цветут все сады, и осень, когда все вокруг одето в пурпурные, желтые, розовые и золотистые тона.

Квебек изнывал от палящего зноя. Анжелика шла по улице, погруженная в свои мысли, когда вдруг увидела Сабину де Кастель-Моржа.

Та первая заговорила с ней.

— Отделка моего дома закончена. Не хотите ли пойти со мной, я окажу вам радушный прием?

Анжелика не рассчитывала на подобное приглашение, она никак не могла решить, что ей делать.

— Я купила новую мебель для гостиной. Через несколько дней я смогу перевезти Анн-Франсуа в более удобную комнату, конечно, если вы дадите на это разрешение.

Все-таки Сабина передергивает. Или она считает свои поступки незначительными после того, как они вынуждены были поддерживать нормальные отношения во время набега ирокезов?

— В разговоре со мной г-жа ле Башуа упомянула о вас, — живо произнесла Сабина.

— По какому поводу? — Анжелика насторожилась.

— Она сказала, что мы неблагодарные, мы столько вам должны. Возможно, вам нужна наша помощь, и она считает, что лучшей кандидатуры, чем я, не отыскать. Г-жа ле Башуа чрезвычайно деликатная женщина, противница сплетен. Я поняла ее намерения. Вы не хотите поговорить со мной?

Дом Кастель-Моржа возвышался над большим парком, ворота которого выходили на Большую Аллею.

Из гостиной, куда Сабина проводила Анжелику, открывался чудесный вид. Солнце проникало в комнату и играло на деревянной мебели, которую наконец-то водворили в родные стены. Анжелика поискала взглядом золотой кубок, но не нашла его.

— О чем вы хотели говорить со мной? — холодно спросила она.

— Не сочтите, что я слишком возомнила о себе, но я пригласила вас для того, чтобы поговорить о своей персоне. Я считаю, что подобный разговор поможет вам освободиться от всех подозрений и даст наиболее полную картину того, что произошло, что причинило вам столько страданий.

— Как вам будет угодно! — с горечью пробормотала Анжелика.

Она заметила, что Сабина сдержалась, чтобы не прыснуть от смеха. Затем она в недоумении посмотрела на Анжелику и воскликнула:

— Анжелика! Это невозможно! Вы! Разве это вы?

— Вы еще повторите слова г-жи ле Башуа: «Вы! Такая соблазнительная женщина!»

— Ну да! Так и есть! Вы забыли о своем оружии? Разве можно воевать с такой красивой женщиной, как вы!

— Красота — это еще не все. — И страдание омрачило ее лицо.

— Конечно. Но очень многое. Не будьте такой неблагодарной, природа щедро одарила вас, наделив всеми качествами, которых лишены менее удачливые соперницы.

— Но вам-то не стоит обижаться на судьбу, я уже говорила вам об этом.

— И я вам признательна за это. Но давайте не будем строить иллюзий, пальма первенства принадлежит вам, как женщине вам нет равных... Анжелика, простите мою настойчивость, но вы действительно так страдаете или же просто разыгрываете комедию?

Анжелика с досадой почувствовала, что слезы навернулись ей на глаза.

— Я так несчастна, — заявила она.

Столь наивное утверждение вызвало улыбку у г-жи де Кастель-Моржа, и Анжелика вздрогнула. Если Сабина улыбается, значит, она уверена в своем очаровании. Более того, ее преимущества усиливались ее благородством, великодушием и прекрасным характером; теперь она действительно стала серьезной соперницей. Но в таком случае Анжелика виновата во всем сама: по выражению Польки, она «сама себе роет яму».

— Вы просто устали, — спокойно сказала Сабина, — Но все будет хорошо. Вы не хотите присесть? Анжелика придвинула кресло.

— Итак? — спросила она, усаживаясь. — Я вас слушаю. Расскажите мне о вас...

— Анжелика, несколько дней назад, когда я поняла, что мой сын выздоравливает, что он спасен, вы, сами того не понимая, положили конец кошмару, в котором я

жила последнее время, после его ранения. Я поняла, что небо подарило мне самое ценное, что может пожелать человек в этой жизни. Потеря моего единственного сына обрекла бы меня на вечные муки, и жизнь без него не имела бы никакого смысла, ведь вместе с вашим ребенком в могилу уходит и часть вас самой. Я понимаю, конечно, что он не может все время быть рядом со мной; когда он поправится, он уедет, покинет меня. Но все это ничто по сравнению с тем, что однажды я услышу его шаги, увижу его живого и невредимого. И жизнь показалась мне такой прекрасной! Я счастлива, Анжелика! Но меня тяготит то, что страдаете вы, вы, кому мы стольким обязаны.

Сабина сжимала и разжимала пальцы, ей нелегко было говорить об этом, но она решила дойти до конца.

— Нужно, чтобы вы знали, что же произошло, и не воображали того, чего не было и не могло быть. Немыслимо, что вы узнали об этом, ведь это была случайность, не имеющая будущего.

«Если бы она знала, кто сообщил мне столь приятную новость», — подумала Анжелика. Но она сжала губы и ничего не сказала.

— Я не помню, что предшествовало моему вторжению в Монтиньи, все как будто заволокло туманом. Знаю только, что я была на грани безумия. Я не могу помешать себе считать его действия спасением для меня. Для женщины унизительно признавать это, но в его поступке главной действующей силой была доброта...

— И этой доброте не было никакого дела до меня.

— Вы очень сильная, Анжелика, а я была такой слабой и беспомощной... Но я лучше замолчу, я вижу, как вам противно слушать все это... Только мне хотелось бы поделиться с вами еще одним соображением.

— Продолжайте, — громко сказала Анжелика.

— Вы очень сильная женщина. Не знаю, всегда ли вы были такой. Возможно, это произошло не так давно... Но я всегда знала, что вы самая сильная. И он тоже. Возможно, его бы больше мучили угрызения совести, если бы он не был уверен в вашей силе... Он рискнул, потому что доверял вам. Он угадывает все ваши поступки, принимает их... его очаровывает в вас то, что другие приняли бы за «недостатки». Вы не очень щедры по отношению к нему, но вы не полюбили бы его, будь он другим... менее дерзким...

Видя, что ее слова мучительны для Анжелики, она замолчала.

— Так трудно говорить об этом, — продолжала она после небольшой паузы. — Словами невозможно выразить очевидные вещи. Лучше помолчать, чтобы не впасть в неловкость, не напортить... Решено! Ни слова больше!

И она засмеялась.

— Иначе мы рискуем разыграть еще одну Аквитанскую ссору. Каковы ваши планы? ...Вы с мужем возвращаетесь во Францию?

— Как я могу это знать? Это зависит от решения короля, а его предвидеть невозможно. Г-н де Фронтенак настаивает, что в интересах Новой Франции сохранить дружеские отношения. Король может подписаться под этим, а может объявить нам войну. Кроме того, остался ряд спорных вопросов о нашем прошлом, моем и его.

— Рассказывают, что король любил вас. Он может поздравить себя с вашим возвращением.

— С таким же успехом он мог поздравить себя с моей смертью. Будущее всегда неясно. Мы можем получить от короля приказ арестовать нас немедленно, либо он порадует нас своими милостями. Посмотрим. А каковы ваши намерения?

— Мне бы хотелось, чтобы Анн-Франсуа вернулся во Францию, на службу к королю. Эти сумасшедшие прогулки по здешнему лису, где он всегда подвергается опасности, не дают мне покоя. Они не делают его более изысканным. Он мог бы занять пост офицера в одном из королевских корпусов в Версале. Что касается меня, то г-н де Кастель-Моржа оставляет решение за мной. Я с удовольствием останусь в Канаде. Я привязалась к здешним колонистам, и я с охотой продолжу свою деятельность, не привнося в нее более желание нравиться или же боязнь не понравиться, ведь я так болезненно воспринимала любую критику. Я слишком мало любила себя. Мне хочется вернуться на наши земли, где круглый год светит солнце. Там у нас очень красивый особняк, где собирается прекрасное общество.

— А вы могли бы царить в нем, как аквитанская княжна, покровительница искусств и литературы, и привлекать любовь молодых поэтов.

Сабина, смеясь, покачала головой.

— Нет! Я достаточно благоразумна… Даже слишком, хотя не всегда это показываю. Но если бы в моих жилах текла кровь моей тетки Карменситы, то в своей борьбе за любовь я бы использовала не отступление. Мне больше ничего не надо в жизни, у меня есть муж, который оказался прекрасным любовником, а значит, моя потребность в добродетели удовлетворена. Я счастлива. Для меня открылся мир любви. Нам предстоит многое наверстать с моим мужем в той области, что была мне доселе незнакома, да и я сама от нее отстранилась. Я стала настоящей женщиной, живой, естественной. Я счастлива.

Чем больше слушала ее Анжелика, тем сильнее было ее беспокойство. Она почувствовала угрозу, исходящую от этой новой Сабины де Кастель-Моржа, интересной, чувственной и открытой.

Прочитав на лице Анжелики ее чувства и желая развеять ее тревогу, Сабина решила успокоить ее иным образом.

— Поверьте мне, Анжелика, я поняла, как глупо было мечтать о старой любви и строить на подобном фундаменте свою жизнь. За последнее время я много испытала. И если это вас успокоит, то поверьте мне, любовь эта исчезла из моего сердца. Я по-прежнему с уважением отношусь к г-ну де Пейраку, но будьте спокойны, я не люблю его больше.

— Вы ошибаетесь, — сказала Анжелика, — и я вам не верю.

Сабина озадаченно посмотрела на нее, потом рассмеялась. Решительно, если она и дальше будет такой же веселой и забавной, Квебек в ее лице приобретет еще одну великосветскую даму.

— Анжелика, я восхищаюсь вами! Ну хорошо! Да, вы правы. Такую любовь не так-то просто вырвать из сердца, тем более, что предмет вашей любви своими достоинствами лишь усилил вашу привязанность к нему. Мне только хотелось бы вам сказать, и уж в этом вы мне поверьте, что надо мной не довлеют навязчивые идеи, я вырвалась из плена этого чувства. А значит, вам не надо во мне сомневаться, и вы должны отбросить все предубеждения, которые гложут вас, они нелепы и несправедливы. Хочу еще добавить, что понимаю, почему вы немного дрожите. Ваш муж — довольно загадочная личность.

— А отец Мобеж считает его простым и открытым.

— Что касается преподобного Мобежа, то он и сам недалеко ушел от него. Но что касается женщин... В любом случае я не могу злоупотреблять моим реваншем. Я не могу видеть вас несчастной. И я предоставлю вам доказательство моего к вам дружеского расположения. При условии, что вы обещаете мне забыть: никогда ни единого слова,

намека, даже мысли о том, что принесло вам столько боли и страданий. Я же дам вам обещание, которое, я уверена в этом, прогонит ваши напрасные тревоги. Каким бы ни было решение короля на ваш счет, я выберу ту дорогу, которая не совпадает с вашей. Если Его Величество останется глух и слеп к вашим достоинствам и откажет вам в помиловании, обязав вас жить в Новом Свете, я дам понять г-ну де Кастель-Моржа, что хочу вернуться во Францию. Если же, как я и надеюсь, вы будете полностью оправданы и отплывете к Старому Свету, я скажу мужу, что хочу остаться в Канаде...

— Благодарю... — сказала Анжелика, и у нее перехватило дыхание. — Вы очень великодушны.

— При условии, что и вы будете такой. Помните, о чем я попросила вас. Забыть эту историю, эти мрачные мысли, которыми вы забили себе голову. Оставайтесь прежней, прошу вас. Такой, какой мы вас знали, оставайтесь Анжеликой.

— А что это значит, быть Анжеликой?

— Никто не знает... только без нее солнце бы потухло...

Анжелика не ответила. Она подошла к окну и окинула взором пейзаж, изменения которого она так часто наблюдала: как будто природа заигрывала с ней, меняя цвета, отблески, затягивая тучами голубое чистое небо или же прогоняя легкие облака к горизонту.

Вглядываясь в даль, она хотела получить ответ на все вопросы.

— «Рядом с тобой... всегда...»

Она вздрогнула.

— Сабина! — позвала она изменившимся голосом. — Идите сюда! Скорее! Мне кажется...

Г-жа де Кастель-Моржа поспешила к ней.

— Посмотрите! Туда!

Сквозь бледно-голубой туман выплывали огромные белые крылья, дрожащие на ветру: одно, другое, третье, они приближались увеличиваясь, медленно паря над рекой.

— Корабли... — сказала Сабина очень тихо. — Французские корабли! Французские корабли...

В городе уже царило оживление, паруса заметили и из других домов.

Анжелика схватила за руку ту, что стояла рядом с ней.

— А если они везут наш приговор?

— Тогда мы защитим вас, — воскликнула Сабина, — мы все защитим вас...

Если понадобится, она готова еще раз выстрелить из пушки.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ. ПИСЬМО КОРОЛЯ

Глава 90

Анжелика побежала к себе и обнаружила в доме всех офицеров, капитанов кораблей г-на де Пейрака: Эриксон, Ванно, Кантор... Каждого сопровождали человек шесть, скромно одетых и вооруженных мушкетами. После набега ирокезов город продолжал жить в состоянии тревоги, поэтому вооруженная команда ни у кого не могла вызвать подозрения.

— Таков приказ г-на де Пейрака, если первые французские корабли прибудут раньше его, — напомнил Барсемпью, появившийся чуть позже.

Охрана дома и замка Монтиньи должна быть усилена. Кроме того, Барсемпью предупредил г-жу де Пейрак, извинившись при этом несколько раз, что отныне она и дети будут выходить из дома только в сопровождении охраны.

— Уверен, что это лишнее, — добавил граф, — но лучше, если мы соблюдем все предосторожности.

Анжелика позволила им взять все необходимое. Прибежали дети: Онорина, Керубин, Марсэлен; они прыгали от радости, нетерпения. Сюзанна была огорчена тем, что не сможет нарядить своих четырех сыновей, вся их одежда сгорела во время пожара. В Квебеке стало почти традицией встречать первые корабли в новой праздничной одежде.

Подобное кокетство было явно лишним. Люди высыпали на набережные, негде было яблоку упасть, но никто не обращал внимания на своего соседа. Анжелика поняла, что даже если бы она украсила себя, как украшают к празднику алтарь, никто бы этого не заметил.

Первый корабль бросил якорь и встал на рейде. Весельные шлюпки подплывали к берегу и

выплескивали своих пассажиров. Это были солдаты, насмешливые болваны в бесформенных одеждах, переселенцы, священники в черном, путешественники, одни — измученные, другие — оживленные. Тут же они кричали, что им надоел Париж, его улицы, его чиновники, и ничего нет лучше Канады. Наконец показалась шлюпка под флагом, расшитым золотом, в ней были вельможи, официальные лица, королевские посланники и министры, сопровождающие дипломатическую и государственную почту.

Барки и плоты были заполнены лошадьми, баранами и свиньями, как будто их было мало в Канаде, и «не лучше ли было скормить их пассажирам, чем привозить нам этих полудохлых животных!»

Командиры выстраивали своих солдат. Морская болезнь позади, мошенники! Смирно! Дети переселенцев собрались вместе и пальцами показывали на своих первых в жизни индейцев.

Жители Квебека перемешались с приезжими, и образовалось единое целое, оживленная толпа, болтающая, жалующаяся, обменивающаяся впечатлениями, нежными излияниями, требующая свою почту.

М-зель д'Уредан впервые пришла в порт и получила из рук капитана коробочку с письмами от своей подруги, вдовы польского короля. Те, кто еще вчера, встретившись на улице, беседовал о прекрасной погоде, сегодня проходили мимо, не замечая друг друга. Анжелика несколько раз сталкивалась с г-ном де Барданем, Виль д'Аврэем и Вивонном, но ни с той, ни с другой стороны не последовало ничего, кроме равнодушных взглядов.

Ее окликнул мужчина приятной наружности, которого она не узнала, так как не ожидала, что он прибудет с французским кораблем. Это был барон де

Сен-Кастин, он поднялся на борт во время стоянки в проливе.

Она увидела, как герцог де Вивонн долго беседовал вполголоса с каким-то элегантным господином, который, должно быть, осведомлял его о последствиях и обвинениях, выдвинутых против него. У Вивонна был удовлетворенный вид, к нему вернулось его былое высокомерие и манера разговаривать, едва раскрывая рот и бросая направо и налево пренебрежительные взгляды.

Он ушел вместе с незнакомцем, за которым следовала многочисленная прислуга с багажом. У герцога до сих пор была перевязана рука, рана заживала медленно, и он немного хромал.

Виль д'Аврэй, тоже с перевязанной рукой, следствием его дуэли, носился взад и вперед. Анжелика заметила рыдающую Беранжер-Эме де ла Водьер. Она распечатала письмо и из первых же строчек узнала, что ее мать умерла.

— Да читайте же! Читайте все! — настаивали Эфрозина Дельпеш и г-жа де Меркувиль.

— Она умерла! — жалобно стонала Беранжер.

— Но вы узнайте, почему. Если смерть ее была спокойной, это утешит вас.

Г-жа де ла Водьер снова начала читать, дошла до конца и упала в обморок. Ее отец тоже умер.

На горе багажа сидели два негритенка, еще не совсем оправившиеся от морской болезни. Они были в тюрбанах и в пажеских формах из розового сатина, в ботинках с серебряными пряжками.

Они вращали глазами от страха. Человек с манерами управляющего богатого дома повсюду разыскивал господина Виль д'Аврэя.

Когда он его нашел, он объяснил ему, что герцогиня де Понтарвиль посылает ему, как он и просил, двух маленьких мавров прислуживать в доме. Взамен она

просила его поддержать в Канаде дела человека, прибывшего с ними, и приобрести для нее акции компании, занимающейся торговлей мехами.

— Но я возвращаюсь во Францию, возвращаюсь! — воскликнул Виль д'Аврэй. — По вине ирокезов я потерял здесь самое дорогое для меня существо... Как вы думаете, смогу я после всего жить в этой ужасной стране? Если у вас есть сердце, вы должны это понять.

— Да, господин.

— Так что же мне делать с этими пажами?

— А что мне с ними делать? Через час я отплываю.

Кроме оживленной толпы прибывших, на набережной еще собрались те, кто хотел покинуть город с первым же кораблем, они привезли весь свой багаж и ждали, когда освободится судно, чтобы занять свои места.

Среди них был и галантерейщик Жан Прюнель со своей женой и дочкой: родители решили отправить свою дочь во Францию, в монастырь к очень религиозной тетушке, уж там-то она научится вести себя как подобает, а не впускать к себе по ночам прытких молодых людей.

Хлопотал интендант Карлон, окруженный приказчиками. Он сортировал пакеты и сумки, откладывал в сторону конверты с печатью, пакеты, рулоны. Он поспорил с секретарем г-на де Фронтенака, который отказался передать ему два письма по причине, что они от самого короля и предназначены лично господину губернатору, а значит, должны быть переданы ему в руки, и только он имеет право сорвать печать и прочитать их прежде, чем все остальные депеши.

— В ожидании возвращения г-на де Фронтенака этим письмам лучше быть в моих руках, чем в ваших, — сердился Карлон. — В его отсутствие я выполняю его

миссии и получаю письма из самых высоких инстанций и имею полное право ознакомиться с их содержанием.

К ним приблизился один из вновь прибывших, возможно, самый почетный член делегации, сопровождающей королевскую почту.

— Я знаю, о чем идет речь. Это очень деликатный вопрос, Его Величество в двух словах рассказал мне его суть. Главное в том, что письмо следует вскрыть именно господину Фронтенаку лично, что не является пренебрежением достоинств господина интенданта. Но дело, о котором идет речь в письме, должен решить сам господин Фронтенак и там упомянутые лица. Досадно, что Его Превосходительство отсутствует, так же как и человек, о котором идет речь в письме: господин де Пейрак. Его Величество в нетерпения, и мне чуть ли не пришлось лететь на крыльях, чтобы прибыть как можно быстрее.

Анжелика, расстроенная, ходила по набережной, среди прибывших она не встретила ни одного знакомого, да и кого она, собственно, хотела увидеть; никто не передал ей письмо — она была уверена, что Дегре обязательно заявит о себе весточкой, — и тут она услышала имя Пейрак и подошла к группе людей. Жан Карлон указал на нее.

— Вот как раз и госпожа де Пейрак. Мадам, позвольте вам представить господина де ла Вандри, государственного советника, чрезвычайного посланника короля.

Г-н де ла Вандри снял шляпу, украшенную перьями, и сделал глубокий и изысканный реверанс. Совершив все необходимые движения, он не произнес ни слова и вытянулся с чопорным видом. Несмотря на свой высокий ранг, ему, возможно, не хватало легкости и непринужденности в общении с дамами. Либо ему не нравилось, когда они вмешивались в серьезные дела. Он заметил, что желает иметь дело с господином де

Пейраком, поэтому его жена не может его заинтересовать, и, повернувшись к интенданту и секретарю, сказал:

— Мне необходимо передать этому дворянину ценные письма. — После чего он вытащил из сумки два толстых конверта, больше похожих на посылки, чем на письма. — Господин де Фронтенак должен лично передать их ему. Всю эту почту я вручаю вам, господин интендант, следите за ней, как за зеницей ока, уважайте желания короля, что касается их вручения, прочтения и так далее... Нет сомнений, что столь важные документы должны находиться в ваших руках.

Разгневанный секретарь удалился. Эти версальские выскочки обошлись с ним, как с лакеем!

Два месяца морского путешествия никак не отразились на г-не де ла Вандри. Он производил впечатление человека, только что покинувшего Версаль, более того, вышедшего из кабинета короля. Он нес на себе отпечаток королевской персоны, королевского доверия. Это был красивый мужчина, величественный, с прямой осанкой. Ему было к лицу высокомерие придворного. В его манерах и особенно в его речи обнаруживались детали, которые задавали тон новой моде.

— Разве парики не должны быть короче?..

— Шляпа меньших размеров, но оперенье богаче...

На него поглядывали. После суровой зимы, какой еще не было в этих краях, все стали подозрительнее, и приняли его за «шпиона короля»; все верили в его существование, но никто его не видел. В конце концов все узнали, что в лице г-на де ла Вандри Канада встречает одного из тридцати государственных советников Франции.

Также никто никогда не видел, чтобы королевскую почту сопровождал офицер особого подразделения, грозы всех армий. Такие люди, как он, каждый день

встречались с Его Величеством, слышали его голос, наблюдали за ним; конечно, офицеры личной охраны должны быть немы, как рыбы, но это не мешает им смотреть во все глаза.

Квебекцы останавливались и разглядывали униформу. Неужели король всерьез заинтересовался своей далекой колонией, раз прислал сюда весь этот высший свет?

***

Анжелика, как и секретарь г-на Фронтенака, не была очарована этим господином де ла Вандри. Что все это значит? Что он знал или подозревал, что заставляло его молчать и быть таким чопорным по отношению к ней? Может быть, ничего? Очевидно одно, все эти джентльмены, наделенные сверхсекретными миссиями, могли возвысить либо унизить тех, чья судьба зависела от результатов этих миссий.

Вот и Бардань пожинал горькие плоды своего письма, отправленного в ноябре с кораблем «Марибель». Молодой чиновник, атташе господина Кольбера, направлялся в карете к замку интенданта и встретил Барданя на углу одной из улиц; не дожидаясь, пока они окажутся в более подходящем и достойном месте, он дал ему понять, что тот впал в немилость. Когда г-н Бардань представился, он тут же выложил ему, что его отстранили от обязанностей, и показал ему документы, подтверждающие это решение. Вдобавок он подчеркнул, что Бардань не должен отныне ни во что вмешиваться.

Он разговаривал с ним полупренебрежительным, полусочувственным тоном, как говорят с теми, кто лишился власти. Он дал ему понять, что остаток его путешествия будет описан в специальном донесении.

— Плевать мне на это, — ответил Бардань. Чиновник холодно улыбнулся.

— Вряд ли стоит так пренебрегать добротой Его Величества, ведь вы могли бы вернуться во Францию в трюме и в кандалах. Знайте, что я получил приказ собирать сведения о ваших поступках как королевского посланника в Новой Франции. Я могу облегчить или утяжелить ваше досье. Не успел я высадиться в Квебеке, как мне уже доложили, что вы постоянно посещали, днем и ночью, дом, пользующийся дурной славой.

— Дурной славой? — Бардань был ошеломлен.

— «Корабль Франции», — произнес чиновник, бросив взгляд в бумаги.

— Но позвольте, — воскликнул Бардань, — я ходил туда потому, что там я встречался с друзьями.

— Прекрасно! Вы сами в этом признались, я вас не заставлял, — насмехался чиновник.

Никола де Бардань открыл было рот, чтобы защитить себя. Но как объяснить ему, что благородная г-жа де Пейрак дружила с хозяйкой трактира, что за год произошло столько случаев, например, несчастие с г-ном Виль д'Аврэем, когда все высшее общество зачастило в этот трактир, «пользующийся дурной славой», что его посещали самые уважаемые люди в городе, и среди них лейтенант полиции, г-н Гарро д'Антремон. Он не сказал ни слова, только пожал плечами. Как объяснить этому выскочке, этому молокососу, бледному после тяжелой морской болезни, уверенному в том, что он будет служить королю лучше, чем это делали до него другие, как объяснить ему течение жизни в Квебеке на протяжении бесконечной зимы. Затронет ли его душу то, что в «Корабле Франции» жизнь била ключом: их споры, зеленые глаза Анжелики по ту сторону стола, Жанин Гонфарель у плиты, маркиза Виль д'Аврэй и красавец Александр...

Это невозможно описать и объяснить. А такой позер не достоин того, чтобы ему об этом хотя бы намекнули.

— Меня мало заботят те вердикты, которые вы мне передали, — сказал Бардань, запихивая документы в карман. — Меня поражает ваше поведение. У вас нет ни осторожности, ни такта, вы забыли, что пересекли океан и теперь находитесь далеко от ваших покровителей. И я сомневаюсь в том, что в своей сумке вы храните документы, обеспечивающие вам беспрепятственный прием у самых «влиятельных фигур» этой страны. Вам поручили несколько мелких делишек, например, уведомить меня об отсутствии ко мне расположения. Но ведь вам тоже не избежать подобной судьбы, все повторяется в этой жизни. Вам многое предстоит понять. Вы начнете ценить влияние человека, который сумел найти друзей в Новой Франции. Не рассчитывайте на меня, что я приму вас, позабочусь о вашем комфорте, и знайте, я постараюсь сделать так, чтобы у вас не было здесь ни кола, ни двора!

Он расстался с ним, не попрощавшись, и направился к м-зель д'Уредан. Уж она-то даст понять Карлону, что ни в коем случае не надо принимать этого ничтожного человека. На улицу его! На улицу королевского чиновника!

Время от времени Бардань останавливался и смотрел на горизонт. Постепенно он успокоился. Впереди было лето, наполненное щебетанием птиц, охотой и рыбалкой. Он стал думать о своем дворянском поместье в Берри, жизнь там была бы тихой и размеренной. Его прекрасные книги, приятные соседи, красивые окрестности, где можно мечтать и философствовать, вспоминать свои победы и поражения, радости мнимые и подлинные! Он сказал про себя: «Прощай! Прощай, моя любовь! Прощай, Квебек!..»

И, шагая один по дороге в Верхний город, он не смог сдержать слез.

Глава 91

В маленьком доме Анжелика беседовала с приближенными графа де Пейрака. Отношение к ней г-на де ла Вандри обнадежило ее. Он не был приятен, но проявил почтение, отсюда можно заключить, что король решил не обрушивать свой скипетр на их головы.

Толстый конверт был уже в Квебеке, в руках Жана Карлона, и дожидался Фронтенака. Какие распоряжения ожидали их? Суровость и непреклонность короля? Милосердие короля? Как бы ни обстояли дела, они решили отправить человека навстречу г-ну де Пейраку и предупредить его о приходе кораблей, а вместе с ними решения короля об их судьбе.

***

Анжелику разбудили крики. Первые лодки военной экспедиции показались недалеко от Квебека.

В порту было столпотворение почище вчерашнего. Вновь прибывшие рассказывали об ирокезах, о Военном совете. От них пахло лесом и медвежьим жиром. Жители Квебека обсуждали новости из Франции, про ирокезов все забыли.

— Никто не видел господина де Пейрака?

Никто не мог ответить. Знали только одно, он не был вместе с г-ном Фронтенаком, а тот уже прибыл и находится у себя в замке, вскрывает почту.

Анжелика была в панике. Мысль, что он не присоединился к остальным, а решил еще остаться с Уттаке, либо на полдороге свернул в Вапассу, причинила ей страдание. Она была близка к отчаянию. Она хотела видеть его, просто видеть. Все остальное было ей безразлично. Без него жизнь не имела смысла;

какие бы приятные минуты она ни преподнесла, без него они не имели никакого значения.

В сопровождении своего эскорта Анжелика поднялась в Верхний город и направилась прямо в замок Сен-Луи. С порога она увидела Фронтенака, спешащего к ней, сияющего, с поднятыми руками.

— Ах, моя дорогая? Вы пришли как нельзя кстати! ...Как мне выразить всю мою радость! Это самый прекрасный день в моей жизни.

Одной рукой он сжимал ее руки, другой тряс связкой пергамента.

Не переобувшись и не умывшись с дороги, он сразу же сорвал печати с писем, и вот он, сияющий как младенец, воплощал собой чрезмерное удовольствие.

— Король! — повторил он. — Король!

— Так что же?

— Он осыпает меня лаврами... Ах, наконец! Это больше, чем я мог надеяться! Поверьте мне. В своем письме, каждое слово которого меня трогает, Его Величество говорит, что у него давно не было такого преданного подданного, как я, такого мудрого, знающего, в каком направлении действовать, хотя я достаточно далеко нахожусь от него и не могу располагать его мнениями. Я дважды перечитал письмо, прежде чем поверил. Какое утешение! Признаюсь, что до последнего момента я дрожал, не зная, как будет воспринята моя инициатива принять моего друга графа де Пейрака.

Он остановился на полуслове и как будто впервые заметил ее.

— ...Вы здесь! Прекрасно! Мне не нужно будет разыскивать вас. Здесь у меня несколько членов Большого совета. Я также пригласил еще некоторых из них. Все собрались. Я хочу прочесть всем письмо короля... Нет, не то, о котором я вам говорил... Письмо, касающееся графа де Пейрака... Свое я тоже прочту, но

позже... Это оговорено, что все решения короля по поводу вашего супруга и моего дорогого друга графа де Пейрака должны быть донесены до сведения Совета. Мы ждем вашего мужа.

А вот и он!

На пороге появился Жоффрей де Пейрак в окружении всей своей свиты; испанцы, Куасси-Ба, офицеры флота, матросы в белых кителях.

— Прошу вас! — воскликнул Фронтенак. — Прошу, мой друг, час славы пришел!

Анжелика подумала, что она никогда не привыкнет к этим торжественным встречам, которые обязывали быть сдержаннее, а ей хотелось бежать навстречу любимому и броситься ему на шею. В таких ситуациях она как будто застывала, а все, что происходило, казалось ей нереальным. Она могла поверить в его присутствие, лишь сжав его в объятиях.

— Счастливый случай помог мне отыскать вас, — сказал Пейрак, подойдя к ней и целуя ей руку. — Дорогая моя, — добавил он, видя, как она смотрит на него, как будто не узнавая, — вы не ожидали, что я вернусь вместе с господином губернатором, или же мой вид вызывает у вас тягостное удивление?

— Нет! Нет! — возразила она. — С чего вы взяли? Просто я растерялась, я так рада видеть вас, ведь никто мне не мог сказать, где вы. Я боялась, что вы решили вернуться через Вапассу.

— Сумасшедшая фантазерка! Когда же вы убедитесь, что мне тяжело быть вдали от вас, и я ради своего удовольствия никогда не продлеваю дней нашей разлуки. Я высадился на берег на Красном Мысе, около форта. Я решил, что так быстрее доберусь до вашего дома в Верхнем городе, чем причалить в порту, и пройти через весь город, где меня будут останавливать на каждом шагу... Но мне сказали, что вы уже в порту,

потом, что вас видели в замке Сен-Луи, куда меня привлекли радостные возгласы г-жа де Фронтенака.

— О чем вы говорите? Его возгласы... Неужели вам не хочется поскорее услышать, о чем идет речь в документах, решающих вашу судьбу?

Жоффрей обнял Анжелику за талию, и они вместе вошли в зал, полный народа. Там же был и г-н де ла Вандри, окруженный своей свитой, и их одежды контрастировали с запыленной жокейской курткой Фронтенака.

Губернатору не было до этого никакого дела. Перед ним лежали листы бумаги, папируса, развернутые свитки, распечатанные конверты, перепутанные ленты всех цветов, обломки печатей.

— Идиот, помогите же мне! — сказал он своему секретарю, стоявшему около него, уныло опустив руки. — Уберите это все... Нет, это оставьте... Это письмо короля. Вы отдаете себе отчет в том, что я сейчас зачитаю документ, который будет иметь огромное значение, он важнее договора с англичанами... а знаете, почему? Потому что никогда ранее величие, ум и справедливость короля не являлись нам в таком блеске.

Он попросил Жоффрея и Анжелику встать напротив него, на другом конце стола, во главе которого он находился его слуга хотел предложить ему бокал вина, видя, что его хозяин не успел перевести дух после своего возвращения из экспедиции, но губернатор отказался.

— Нет. Мы выпьем после... Но уж тогда мы выпьем на славу.

Он спросил, кого еще ждут. Ждали архиепископа, но не были уверены, передали ему приглашение или нет, потому что он отправился служить мессу в Шато-Ришье.

— Тем хуже для архиепископа. — Несколько членов Совета воспротивились.

— Тем хуже для епископа! — метал гром и молнии Фронтенак. — Я повторю торжественное чтение при полном составе Совета и с ведением протокола, но ждать больше я не буду. Это требование Его Величества: торжественное чтение сразу же после того, как будут сорваны печати. Король с удовлетворением сообщает нам, что он рад встретить среди своих подданных глубоко уважаемого человека, и он желает осыпать его почестями, также и его семью; я говорю о графе де Пейраке, госте Квебека в течение всей этой суровой зимы, и о г-же де Пейрак. Поэтому в этот день мы исполним волю Его Величества. «Мы милостию божьей Людовик, король Франции и Наваррии, приветствуем всех присутствующих...»

Из тех, кто был в зале, Жоффрей был взволнован меньше всех, в то время как остальные испытывали почти религиозное благоговение.

Анжелика чувствовала руку Жоффрея, твердую и уверенную, но то, что они услышали, было невероятно.

Король возвращал им все правят титулы. По поводу процесса он лишь намекнул, что его организовали завистники и невежды, а сам он, будучи молодым, не смог осуществить надлежащего расследования.

Он был счастлив тем, что пребывание господина де Пейрака в Новом Свете дало наконец-то ему возможность поправить ошибки в отношении одной из самых важных персон королевства.

Далее перечислялись все милости и почести, которые он ему оказывал.

Довольно длинный параграф был посвящен деятельности графа де Пейрака в Америке, что опять же дало повод королю поздравить себя со столь необходимым присутствием его вассала в этой стране.

Мимоходом получили свою долю похвал и комплиментов г-н де Фронтенак и члены Совета.

Когда Фронтенак заканчивал чтение этого послания, голос его дрожал. Он уронил листы и подошел к графу де Пей-раку.

— Брат моей страны, вы выиграли, — сказал он, раскрыв объятия.

***

В своем письме король почти не упоминал о ней. Лишь в нескольких строчках он извещал, что граф и графиня де Пейрак будут приняты королем лично, чтобы он мог выразить им свое удовлетворение.

Приложение к письму на нескольких листах было посвящено только Жоффрею. Он уединился с Фронтенаком, чтобы внимательнее изучить его и ратифицировать.

Анжелика ждала его, прогуливаясь по террасе, и думала о короле, его отношение к ним успокаивало ее, но казалось не совсем обычным.

Король знал, кто она есть, но предпочел видеть в ней только графиню де Пейрак. Она поняла, что король решил забыть этот тяжелый и опорный вопрос, вычеркнуть из памяти мятежницу из Пуату. Так было проще. Ей хотелось крепко обнять Жоффрея и сказать ему: «Наконец! Наконец, мой дорогой принц! Справедливость восторжествовала!»

Слава так неожиданно обрушилась на них, трудно было поверить такому счастью.

Новость об их признании королем распространялась быстро, это было главной темой всех разговоров. Все их поздравляли, и в этом не было ни капли подхалимства. Те, кто имел смелость и раньше быть на их стороне, гордились этим, чувствуя себя избранными и по заслугам.

Когда г-н Фронтенак вышел из замка вместе с г-ном де ла Вандри, им устроили овацию. Вновь прибывшие

находили этот город очаровательным. И почему они опасались этой «дикой» страны? Их принимали со всеми почестями и аплодировали им на улицах, не дав пройти и двух шагов.

И только один из них был недоволен. Это был тот чиновник, которого предал анафеме Бардань. Ему удалось заговорить с господином губернатором и выразить ему свой протест. Ему не удалось найти ночлег, кроме одного сарая, который предложил ему один из торговцев. Всеми своими несчастьями он обязан г-ну де Барданю, весь город повернулся к нему спиной.

Фронтенак, опьяненный успехом, слушал его невнимательно и быстро поставил его на место. «Вы всегда недовольны, что касается окружения господина Кольбера! Где же мне набирать людей для службы? Неужели в наши дни сыновья магистров и буржуа более избалованы, чем дети герцогов! Они сызмальства приучены терпеть все неудобства, будучи на службе у короля. Канада — суровая страна. Я порекомендую нашему министру колоний не присылать ко мне в будущем неженок и размазней!»

Таким образом, климат Канады не только повлиял на характер Никола де Барданя, который к таким своим чертам, как мягкость и обязательность, добавил мятежный дух, жажду мщения и известную резкость; более того, пройдя все испытания суровой зимы, его полюбили все жители Квебека.

***

После полудня состоялось повторное торжественное чтение письма короля в присутствии архиепископа и двух сыновей графа, Флоримона и Кантора.

Анжелика пропустила его. В этот момент она была в монастыре иезуитов, в библиотеке преподобного отца Мобежа.

Отец Мобеж срочно затребовал ее, для короткой встречи, как он выразился.

Выражение его лица напоминало загадочного китайского божка и могло быть расценено как улыбка.

— Я не хочу отрывать вас, мадам, от ликования ваших друзей. Но, зная, что последующие дни пробегут, как одно мгновение, я решил приберечь несколько минут, чтобы уверить вас в своем огромном счастье, что Иисус Христос даровал вам свои милости. Я не буду распространяться о моих чувствах. С графом де Пейраком меня связывает долгая дружба. Тому, что произошло, вы обязаны Провидению, а также вашему мужеству и терпению, с которым вы переносили все невзгоды.

«Это значит, расставание близко».

Остаток дня прошел в разговорах, рассказах о войне, планах возвращения, воспоминаниях об Отеле Веселой Науки.

Жоффрей и Анжелика нанесли несколько визитов своим друзьям, а потом пригласили всех на вечер в замок Монтиньи. На этот раз Полька пришла вместе со своим Гонфарелем.

Гости разошлись за полночь, и Жоффрей в нетерпении закрыл двери, чтобы остаться наедине. Анжелика хотела было поговорить с ним, но он остановил ее.

— Мы достаточно наговорились, — сказал он, обнимая ее.

— О, Господи, неужели там, по другую сторону океана, нас ждет великосветское существование?

— Не бойтесь, я сумею защититься от этого. Прежде всего я восстановлю в Отеле Веселой Науки здоровое равновесие между работой и играми. Я отведу время для удовольствий. Ночью мы будем пировать с друзьями, танцевать, петь, наслаждаться музыкой и умными беседами, а днем — любить... в тиши

послеполуденного зноя, когда все отдыхает, а солнце такое же горячее, как сердца и тела...

В городе жизнь кипела до самого утра.

Поздно вечером прибыл четвертый корабль. На этот раз из Онфлера.

Глава 92

— Вчера вечером на корабле из Онфлера прибыл какой-то пожилой господин, — рассказывала Сюзанна Анжелике, опуская овощи в суп. — Я уверена, что он приехал к вам, мадам.

Она продолжила:

— Никто его не знает. Никто его не встречал. И он не рассказывал, собирается ли он продолжить путешествие в Монреаль. Он появился в трактире «Корабль Франции».

— Откуда ты знаешь, что он приехал ко мне?

— Я чувствую.

Анжелика подумала о Дегре. Она часто представляла себе, как он прибудет весной с первым кораблем. Получив ее письмо, он знал, где ее найти, и не побоялся бы приехать за ней. В разговоре с ней он больше бы узнал, чем из письма, тем более что речь шла о секретном деле, преступлениях против короля Сюзанна сказала «пожилой человек», но молодости свойственно ошибаться, и, может быть, сорокалетний мужчина для Сюзанны уже старый человек.

Она попыталась описать его.

— Он высокий? Широкоплечий? Мускулистый?

— Нет, говорю вам, это старый человек. Невысокого роста... он уже сгорбился от старости. У него такой вид... — Она колебалась. — ...Я не знаю, как у судейского.

«Бомье», — сказала себе Анжелика, и сердце ее забилось.

— В «Корабле Франции» не было мест, но г-жа Гонфарель нашла одно для него, потому что он ей понравился.

Это не мог быть Бомье. У Польки был нюх на полицейских, и он никогда бы ей не понравился. Да и что делать здесь Бомье?

— Что заставляет тебя говорить, что он прибыл ко мне?

— Я так думаю, и г-жа Гонфарель тоже. Такие вещи просто чувствуют..

Анжелика улыбнулась. Она никогда не пренебрегала женской интуицией. Но ей казалось маловероятным, что кто-то специально приехал из Франции ради нее.

Тем не менее она подошла к зеркалу. «Я должна быть красивой!»

Она уложила волосы, посмотрела на свое лицо и улыбнулась: зеркало показало ей красивую женщину, уверенную в себе.

Сюзанна позвала ее с площадки второго этажа, куда она вышла, чтобы убрать комнаты.

— Мадам! Вот он! Поднимается по улице...

Анжелика подбежала к ней и посмотрела в окно.

— Видите, внизу, старый мужчина в темном костюме несет сумку и свиток под мышкой?

Анжелика не произнесла ни слова, но Сюзанна почувствовала, что она дрожит. Затем она побежала вниз по лестнице, чтобы открыть парадную дверь.

Старик в шляпе, скрывающей седые волосы, и темном пальто шагал, уставясь в землю, так как он действительно слегка горбился, что не мешало ему довольно быстро передвигаться по улице. В одной руке он нес громоздкий дорожный сундук, в другой — свиток, завернутый в полотно.

Не доходя до дома м-зель д'Уредан, он выпрямился, чтобы посмотреть, где же тот дом, на который ему указали. И он увидел Анжелику, она ждала его на улице.

Он остановился и смотрел на нее.

Она не изменилась. Он почувствовал прилив гордости, что она стала еще красивее.

Анжелика шла к нему, раскрыв объятия.

— Приветствую вас, господин Молин. Добро пожаловать в Новую Францию.

Молин, я и представить себе не могла, что увижу вас в Канаде. Это безумие! Как вы решились в вашем возрасте на такое тягостное морское путешествие?

— С тех пор, как я начал заниматься делами вашего отца, а вам тогда было восемь лет, вы всегда думали, что я очень стар. Когда я выдавал вас замуж, мне не было пятидесяти, а сегодня мне еще нет семидесяти пяти...

— Как бежит время, — рассмеялась Анжелика. — Жизнь течет, а маленькая девочка, задиравшая нос, чтобы посмотреть на строгого господина, теперь уже смотрит на него свысока.

Она усадила его около печки в маленькой гостиной. Она сидела около него, счастливая и не верящая своим глазам, охваченная чувством уважения и вины перед ним. Уважения к его заслугам, вины, потому что каждый раз, когда она имела дело с ним, он заставлял ее выполнить то, что она выполнять не хотела. Но ему всегда удавалось убедить ее и заставить сказать «да», и это раздражало ее и не могло не восхищать.

Он встал, бросив на нее короткий выразительный взгляд, и протянул ей письмо.

— Я прибыл, чтобы передать вам это письмо от короля.

— От короля! — повторила Анжелика.

— Сядьте, — сказал Молин, указывая ей на кресло напротив своего.

Машинально она повиновалась, держа в руке конверт с большой толстой печатью, печатью Людовика XIV.

— Откройте...

Она развязала ленту и сорвала печать. Она была взволнована тем, что король прикасался к этому письму. Он написал его своей рукой и запечатал его, сидя в своем кабинете в одиночестве.

Она развернула листок, увидела подпись: Людовик.

В письме было лишь несколько слов, она прочитала: «Для вас, моя красавица, я сотворил чудеса. Людовик».

Она держала в руках этот белый листок, он слегка дрожал. Вдруг она вскочила.

— Молин! Дата! Это ошибка. Этому письму шесть лет.

— Это письмо действительно было написано королем шесть лет назад. В то время вы были пленницей, и я сообщил об этом королю, ответив на все его вопросы. Король тотчас отдал распоряжение и отправил со мной это послание, которое сегодня вы держите в руках. Он был готов на любые уступки, лишь бы увидеть вас.

Но когда я прибыл в Плесси, вы знаете, что я там обнаружил: горящие руины, мертвого наследника. Вы же исчезли.

Я вернулся в Версаль, как только смог, чтобы отдать письмо королю и объяснить, что я не знаю, где вы находитесь.

Его Величество сообщил, что вы подняли против него армию. Теперь он ничего не мог сделать в вашу защиту. «Эта женщина должна быть наказана. За ее голову назначат цену».

Так прошли годы... Я восстановил замок Плесси, дела мои процветают. Я еще подробно в свое время расскажу вам обо всех деталях, единственное, что вы должны знать, это то, что по приказу короля имение переходит вам, как и право передать его по наследству одному из ваших детей.

Итак, прошли годы, и в конце января этого года я получил от короля распоряжение срочно прибыть в

Версаль.

— И как и раньше, вы сели на своего мула?

— На другого, но такого же норовистого... Нет! На этот раз король прислал за мной карету, чтобы я как можно быстрее предстал перед ним. Прямо в дорожной одежде меня провели в его личный кабинет. «Я знаю, где она, — сказал король. — Она в Канаде».

Я понял, что он получил эту информацию из донесений его полицейских, а может, и самого Дегре. Теперь он знал, что вы живы и что он сможет увидеть вас, а ведь за долгие годы это стало его навязчивой идеей. Он достал из ящика запечатанное письмо: «С тех пор ничего не изменилось в моем отношении к ней».

Я должен был отплыть первым кораблем в Америку и начал приготовления.

Я поднялся на борт корабля в Онфлер. Мой корабль немного опоздал, по пути нам повстречалась льдина, которая вынудила судно отклониться от курса.

— Но... — сказала Анжелика, — признаюсь вам, меня это удивляет, неприятно удивляет... я тронута, что король сохранил по отношению ко мне свои чувства, страсть, но он, кажется, забыл, что я замужем... замужем за графом де Пейраком... Он уверен, что я тут же упаду в его объятия... За кого он меня принимает?

— Он принимает себя за короля, мадам, — тихо ответил Молин.

— Он понимает, кто я такая? Именно я нанесла ему самые тяжелые удары... и возможно, еще не последние...

Говоря это, она думала о письме, которое отправила Дегре и из которого король узнает, что его дорогая любовница, красавица Атенаис де Монтеспан была преступницей и колдуньей.

— Он должен остерегаться меня... Неужели он не догадывается, на что я способна?

— Он это знает... Но даже несмотря на то, что вы причинили его сердцу столько страданий, он не может от вас отказаться. Не сумев расправиться с вами, он хочет вас приручить, осыпать вас своими милостями. Он возвращает вам титул, земли, он прощает вас и вашего мужа, и все это в надежде, что вы станете к нему терпимее, уважительнее, признательнее, что он сможет вызвать улыбку на вашем лице. Если бы вы видели его шесть лет назад, когда я привез ему обратно ваше письмо, вы бы поняли, что для него, повелителя, вы являетесь... как это выразить?.. избавлением! Вручая мне письмо, которое вы держите в руках, он повторял, как молодой влюбленный, которого мучит тревога: «Вы ей скажите, господин Молин, вы ей скажите, что Версаль так красив!»

У Анжелики перехватило горло.

Король уже так давно был на троне, что все забыли, что этому повелителю еще нет сорока лет. Он помолодеет только тогда, когда она вернется.

— Версаль и правда очень красив? — спросила он у Молина.

— Его Величество принимал меня в своем кабинете. И я не очень вдавался в детали, но... действительно, Версаль красив.

«Для вас, моя красавица, я сотворил чудеса».

— Но почему он любит меня!

— Бессмысленный вопрос, мадам... Тем более когда находишься рядом с вами. Это вполне естественно, что его чувство так постоянно.

— Молин, раньше вы не отличались умением говорить комплименты.

— Так и есть! Но с возрастом я начал украшать свою некогда скучную речь различными фантазиями...

— Дорогой Молин! — она с нежностью посмотрела на него.

Молин отвернулся, он не привык к подобным взглядам, хотя, как он только что сказал, с возрастом он стал позволять себе некоторые фантазии.

— Говорят, у короля новая любовница, — продолжила беседу Анжелика. — Маркиза де Ментенон.

Молин усмехнулся.

— Страдания, причиненные вами, подтолкнули его к этой особе. Она серьезна, мила и прекрасная воспитательница для его детей. Рядом с ней он отдыхает. Связь эта чисто платоническая, она приносит ему облегчение после утомительных забот. На мой взгляд, у г-жи де Ментенон нет никаких шансов, если вы появитесь при дворе.

Анжелика провела рукой по лбу, откинув назад волосы, как будто отодвинула завесу, мешавшую ее зрению.

— Молин! Молин! Что мне делать?

— Только вы можете это решить, мадам. Вы сами хозяйка своей судьбы.

— Молин, вы всегда давали мне советы, я верила вам, потому что... потому что мы все понимаем одинаково. Молин, что мне делать?

Ответ эконома был довольно уклончивым.

— Мне кажется, вы хорошо расслышали, что я вам сказал, мадам: только вы сами можете это решить. Потому что никому, кроме вас самой, неизвестно, как вы планируете свою дальнейшую жизнь, что для вас наиболее ценно, каких целей вы хотите добиться и чем вы можете пожертвовать ради достижения этих целей. Не нужно забывать, что многие возможности раскроются перед вами позже, что всему может помешать случай, а иногда не грех положиться на него, ведь именно это и называют риском.

— При условии, что речь не идет об утопии. Молин, вы хорошо знаете нас обоих, представляете вы себе господина де Пейрака рядом с королем? Мой муж сам

добыл свою свободу, он отчаянно сражался, он не привык умолять, унижаться, но и никогда не возносился над другими. Он перед королем...

— Королем, который изрек — «Мне кажется, что те, кто зарабатывают славу без моей помощи, отбирают ее у меня»

Анжелика вздрогнула.

— Я понимаю, — сказала она — Король изменился. А что же станет с Ониной?

Анжелика увидела, как она играет около камина, подошла к ней и вместе с дочкой вернулась к Молину.

— Представляю вам мою дочь, Онорину де Пейрак.

Молин не произнес ни слова, он оценивал возраст девочки. Онорина, в свою очередь, разглядывала гостя.

— У меня есть лук и стрелы, — сказала она ему.

— Поздравляю вас, барышня.

— Мой отец большой военачальник.

— Ваша мать тоже была им. Я был свидетелем ее подвигов.

— Я знаю, — ответила, улыбнувшись, Онорина и щекой прижалась к руке Анжелики.

— Какой ответ вам дать, Молин? — прошептала Анжелика, прижав к себе дочь. — Вчера я чуть с ума не сошла от радости. Мы строили планы возвращения. А теперь я не знаю, что делать. У меня такое чувство, что нам готовят ловушку. Простите мне мои колебания. Вы предприняли столь долгое путешествие, и я упрекаю себя за то, что ваша миссия может не иметь успеха.

Молин начал рыться в карманах своей одежды.

— А, вот оно! Еще одно послание! Не знаю только, для вас ли оно.

Он передал ей засаленную бумажку.

— На набережной Онфлера, когда я готовился сесть на корабль, какой-то бедняга тронул меня за рукав и сказал: «Я знаю, куда вы едете, дедушка. Когда вы ее увидите, передайте это письмо Маркизе ангелов».

Сначала я решил, что он пьян либо это обыкновенный нищий попрошайка. Но выражение «Маркиза ангелов» натолкнуло меня на мысль, что это можете быть вы. Ваша жизнь была такой загадочной, я не могу похвастаться тем, что знаю все ее перипетии.

— Вы правильно поступили.

Анжелика протянула руку и взяла записку. Почерк показался ей незнакомым. Подписи не было. Она прочитала следующее:

Под мостом Нотр-Дам
Сена несет свои зеленые воды.
Этим утром, она позвала тебя —
Ты заглянула в ее глубины
И увидела сверкающее отражение
Цветущих садов.
Ты позабыла, какая черная,
Какая дурно пахнущая тина в реке.
И чтобы забыть свои горести,
Ты мечтала обрести покой
В той постели.
Я пришел и взял тебя на руки.
Вспомни и познай себя.
Ведь, чтобы избавить тебя от этой постели,
Я не всегда буду рядом.
***

Это сочинение было в стиле поэта Гротте, давно уже умершего. Но если это написал не он, значит, кто-то из тех, кто знал ее прозвище «Маркиза ангелов» и кто был в курсе поездки Молина в Канаду.

Имя автора пряталось в воспоминаниях, событиях, известных и ей и ему. Кто же это мог быть? Кто пришел и взял ее на руки... чтобы она забыла свои горести... заставившие ее пойти к Сене и искать там смерти.

Под мостом Нотр-Дам... Кто же жил на улочке рядом с мостом Нотр-Дам?

Имя как молния вспыхнуло в ее мозгу: Дегре.

Однажды из окна своей комнаты она смотрела на Сену, мечтая умереть. И он пришел. На свой манер он вновь подарил ей радость жизни, этот дьявол полицейский.

Она улыбнулась.

Эта записка была предупреждением. И доказательством того, что он предпринимал самые отчаянные попытки, чтобы настигнуть ее и высказать ей свое мнение.

А мнение это таково, что возвращение таит в себе опасность.

В этой записке он ясно говорит о том, что она могла закончить свои дни в Сене. Ее жизни угрожала опасность.

Однако он учитывал ее искушение.

«И увидела сверкающее отражение

Цветущих садов...»

«Ты забыла, какая черная,

Какая дурно пахнущая тина в реке».

Предупреждение! Она должна быть осторожна. Она может вернуться, но с риском для жизни.

Он не написал ей: «Остерегайся!» Но: «Познай себя!» Он хотел ей сказать: «Если ты чувствуешь, что создана жить среди садов и цветов, прячущих столько интриг и опасностей, если ты жаждешь славы, которая ждет тебя, если тебе нечего терять, кроме своей жизни, и ты готова к этому, лишь бы оказаться на вершине в сиянии короля, тогда возвращайся! Но знай, ты будешь одна, потому что я, Дегре, не смогу быть рядом...».

Он хотел, чтобы она поняла, что теперь он не сможет защитить ее так, как раньше. Он оказался в очень сложном положении. За ним следили, его опасались.

Анжелика не строила себе никаких иллюзий. Король никогда не откажется от мысли завоевать ее. После пьянящей радости первых дней наступят будни,

начнутся стычки. Король быстро поймет, что он вовсе не был любим, как он мечтал об этом. Страдание лишь озлобит его. Ревность, зависть к своему сопернику, до сих пор ненавистному Жоффрею де Пейраку.

И все начнется сначала. Стоило ли так страдать, чтобы обрести свободу.

***

Когда она очнулась отраздумий, от диалога, который она мысленно вела с полицейским Дегре, она обнаружила, что эконом Молин ушел. Он предупредил, что должен нанести визит губернатору.

В полдень все сели за стол. Несмотря на все уговоры Сюзанны, она не смогла проглотить ни куска. Это доказывало, что она очень изменилась — ведь раньше в минуты волнений и тревог она не жаловалась на отсутствие аппетита. Она поднялась к себе, села за столик и написала следующее:

«Любовь моя, мне нужно поговорить с вами, увидеть вас. Я не знаю, что делать. Куда пойдете вы, туда и я. Где будете жить вы, там и я. Вы — моя единственная любовь...»

Затем она разорвала записку, боясь, что Жоффрей сочтет ее безумной или чересчур загадочной. Она написала другую:

«Не могли бы вы принять меня после полудня? — и отправила ее с посыльным в замок Монтиньи.

Немного погодя Куасси-Ба предстал перед ней с запиской, содержащей ответ: граф в изысканных и учтивых выражениях предупреждал графиню, что с удовольствием примет ее в своем замке Монтиньи от 5 до 6 вечера после полудня.

Он выбрал для ответа такой же тон, как и она.

«Он забавляется, — сказала она себе, скомкав бумагу. — Если бы он знал, как все серьезно... Я не вижу выхода».

Легкий шум за окном привлек ее внимание. Несмотря на солнце, шел дождь, и капли его, как брильянты, сверкали на листьях.

Анжелика дожидалась назначенного часа и вертела в руках старинную монету венгерского короля Белы III; которую она нашла в глубине шкатулки. Эту монету подарил ей принц-мятежник Рагоши.

В дверь постучали, и вошла заплаканная Беранжер.

— Не разрушайте наши жизни!

— Но... мне и в голову не могла прийти такая мысль!

— Теперь вы можете это сделать. Отныне вы и граф де Пейрак наделены неограниченной властью.

— Кто вам это сказал?

— Ходят слухи.

— Люди преувеличивают. Речь идет лишь о том, что король положительно оценил политику господина де Фронтенака и хочет нас видеть в Версале.

— Рассказывают гораздо больше, — прошептала Беранжер.

Она покачала головой, отвечая своим собственным мыслям.

— Я была уверена, что этот человек, граф де Пейрак, победит. Интуиция подсказала мне. Ах, как я его ненавижу!

— Но почему?

— Он пренебрег мной.

— Вряд ли это то было следствием того, что вы ослабили свои усилия.

— Своим равнодушием он заставил меня страдать.

— Не хотите ли вы, чтобы я вас пожалела?

— Вы одна существуете для него.

— Я должна сожалеть об этом?

Почувствовав наконец иронию в словах своей собеседницы, Беранжер оторвала платок от своих глаз.

— Как странно, — произнесла она. — Оба вы столь выдающиеся личности, что порой забываешь, что вы

муж и жена... Вы связаны узами, но это не узы брачного контракта. Вы — сообщники, друзья, любовники. Но это совсем другое дело. Я без конца забывала, что вы — его жена.

— Мне бы хотелось, чтобы вы чаще об этом вспоминали. Ваши игры мне не нравятся.

— Разве это игра? Я и представить себе не могла, что существует такой мужчина, как он, настоящий мужчина. Я была ослеплена. А ведь он разговаривал со мной. Он ведь обращался ко мне во время разговора? Он видел меня?

— В этом не сомневайтесь. Он очень галантный мужчина.

— Итак, все кончено, — грустно сказала молодая женщина. — Я сходила с ума. Я должна была понять, что, пока вы рядом, у меня нет никаких шансов. При любых обстоятельствах вы оставались ослепительно красивой. Я же лет через шесть буду выглядеть, как сухой чернослив. Холод вреден для меня...

— Но не в такой степени, чтобы вы мучили себя видениями, которые, якобы, наступят через шесть лет.

— Мне двадцать восемь. Уже поздно надеяться блистать, если на тебя не обращают внимания. А мне так хотелось хоть раз в жизни испытать на себе прекрасный огонь взглядов, быть знаменитой. Восхищение, ревность, зависть, ненависть, быть может, — все это восхитительно, все это говорит о том, что вы красивы, жизнелюбивы, богаты, вы — единственная. Вам все это знакомо, вот почему вы всегда будете соблазнять. Но другие женщины тоже нуждаются в этом, хоть раз в жизни они должны испытать нечто подобное!

— Да, вы правы.

Беранжер удивленно фыркнула.

— Я права?

— Да, дорогое дитя!

— Ах, не стройте из себя дуэнью. Это вам совсем не идет. Вы властвуете над миром, а для меня такие мечты недосягаемы.

— Вы неплохо сыграли свою партию, и я вас одобряю к советую продолжать в том же духе. Действительно, каждая женщина жаждет успеха. Но вот что касается мужчин, тут я хочу сделать одно замечание. Я удивлена, что вы завидуете другим, когда у вас самой — молодой муж, красивый, хорошо сложенный... усердно занимающийся своей карьерой.

— Он невыразимо скучный.

— Вы больше пытаетесь убедить себя в этом. На свой лад он даже забавен... В высших кругах он бы произвел впечатление. Почему бы вам обоим не заняться решением тех задач, которые помогут вам приблизиться к трону? Там рады изобретательным людям... и красивым женщинам тоже.

— Для этого нужно состояние.

— Мне рассказывали, что ваши родители умерли. Вы не собираетесь получить свою долю наследства?

Беранжер-Эме вытерла слезы и стала размышлять над этим вопросом.

— Вы дадите нам рекомендации?

— В рамках нашего влияния. Но не слишком рассчитывайте на это. Положитесь на ваше очарование и ваши амбиции. Я могу дать вам письмо к моей подруге, г-же де Ментанон, она воспитывает молодых принцев крови.

— Вы это сделаете для меня?

— Да! А теперь забудьте обо мне, о том, что я есть, и кем вы не стали. Предупредите своего мужа и собирайте вещи. И не забудьте: стучать нужно в дверь г-жи де Ментенон.

Дождик еще накрапывал, когда она подошла к замку Монтиньи.

Войдя в помещение, она откинула назад капюшон, и ее влажные волосы и мокрые щеки лишний раз подчеркнули свежесть и живость ее лица.

Сама не зная почему, она удивилась, застав Жоффрея.

— Ах, мне не терпелось увидеть вас! — воскликнула она. — Я считала минуты, отделявшие меня от свидания с вами.

— Почему же вы не пришли раньше?

— Я знаю, что вы очень заняты, особенно сейчас.

— Что за непонятная сдержанность владеет вами?

— Я хотела быть уверенной, что застану вас.

— Вот это новости! Раньше вас не затрудняло в случае необходимости искать меня по всему городу и находить там, где я был...

— Я хотела также быть уверенной, что вы сможете уделить мне один час.

— Что означает это славословие? Вы принимаете меня за министра, в приемной которого вы ждете вызова? Слава Богу! До этого мы еще не дошли.

Анжелика рассмеялась.

— Да, славу Богу! Мы еще не в Версале!

Его взгляд вдохнул в нее жизнь. Слава Богу! Он принадлежит ей. Она еще в состоянии удержать его.

Теплые солнечные лучики проникали в комнату, делали более мягким учтивое выражение его лица. более проникновенным его веселый взгляд.

Она представила себе, что он стоит перед королем, в блестящем окружении зеркал, золота и мрамора, в этом дворце, воздвигнутом во славу короля Людовика XIV, под взглядами этих идиотов — придворной знати.

Она бросилась к нему на шею.

— Дорогой мой! Любимый! Нет, никогда! Это невозможно! Любовь моя!

Она спрятала свое лицо в складках его одежды, прильнула к нему, вдыхая его аромат. Это был аромат

счастья, обретенного в совместной жизни, счастья и страданий, от которого у нее кружилась голова и путались мысли.

Он крепче обнял ее, желая поддержать и удостовериться, что она здесь, ищет в нем убежище. Она почувствовала, что он наклонился и дотронулся щекой до ее волос.

— Итак, — произнес он, — король не отказался от своих притязаний.

— Не отказался, — в отчаянии воскликнула она. — Он хочет меня! Хочет меня!.. Он не отказался и никогда не откажется...

— Признаюсь вам, я понимаю его, и на его месте поступил бы так же.

— Но это очень серьезно, Жоффрей. Сейчас не до шуток.

— Я не вижу, в чем здесь трагедия.

— Неужели вы не понимаете? Он потребует, чтобы я жила в Версале, чтобы постоянно была рядом с ним, присутствовала на всех церемониях, высказывала свое мнение, чтобы я была самой красивой, безукоризненной, восхитительной...

— И перспективы подобного суверенитета вас не радуют?

— Я уже вкусила эти удовольствия! По правде говоря, я с радостью вернулась бы в Версаль, нет в мире ничего прекраснее, соблазнительнее, очаровательнее. Но мне придется слишком дорого заплатить за это великолепие. Король осыплет меня милостями и почестями до такой степени, что я не смогу дышать...

— И бежать туда, куда вам захочется, я понимаю... А вы не преувеличиваете? Король стал мудрее, возможно, он довольствуется тем, что примет вас, отдавая себе отчет в том, что вы — одно из украшений его двора, и не будет предъявлять вам других требований.

— Нет! Я не верю этому! Я хорошо знаю короля. Его гордость не позволит ему остановиться на улыбках, комплиментах и простом ухаживании. Добавлю еще, что я слишком уважаю короля, чтобы играть перед ним эту роль, опасную и бесчестную. Король быстро догадается, что я не люблю его так, как он этого хочет, он не переживет это... все начнется сначала...

— Однако, — задумчиво произнес Пейрак, — я чувствую, что с годами страсть короля дошла до такой степени алчности, что он готов пойти на все уступки, лишь бы увидеть вас. Увидеть хоть раз.

— Он так думает... но он заблуждается... И как только ловушка захлопнется, ему захочется большего.

Вдруг она в гневе отстранилась от своего мужа.

— Должна ли я понимать, что вы готовы со спокойным сердцем вручить меня королю? Ах, так вы меня больше не любите! Я так и знала. Ну что же, уезжайте, уезжайте! Бегите в ваши вотчины. Я не поеду с вами...

Потом она снова бросилась в его объятия.

— ...Нет, нет! Я не могу... Куда пойдете вы, туда и я... Где будете жить вы, там и я... Будь что будет... Но я не могу жить без вас.

Жоффрей де Пейрак обнял ее.

— Не дрожите так, любовь моя! Я хотел прочувствовать вашу привязанность ко мне... Боги благосклонны ко мне: мой соперник во многом счастливее меня, но в одном он безнадежно несчастен: вы не любите его. Ни за какое золото мира невозможно купить любовь. Король считает, что он способен на отречение, которое он не сможет продемонстрировать, окажись вы рядом. Вы правы, что не доверяете ему... И верно предвидите опасности на этом пути.

— Но что же нам делать?

— Все зависит от вашего желания, моя дорогая. Я не буду вас принуждать. Вы вольны решать, уехать нам

или остаться. Я безоговорочно приму ваше решение, потому что считаю его справедливым, благоразумным, наиболее верным.

— А вы? — пробормотала она. — Ваши планы?

— Они зависят от вашей воли.

— А если я пожелаю вернуться в Версаль?

— Я присоединюсь к вам...

— Несмотря на все опасности?

— Несмотря на все опасности.

— Но скука жизни при дворе не пугает вас?

— Вы созданы для меня, и вы мне никогда не наскучите. Послушайте... Никто не может обвинить меня в том, что я впустую растратил свои таланты. Я участвовал во всех битвах и наслаждался всем, о чем только может мечтать человек. Сегодня для меня главное наслаждение — видеть вас, жить рядом с вами, иметь счастье быть с вами и днем, и ночью, и это наслаждение я не променяю ни на какое другое.

Он взял ее руки в свои ладони.

— Куда пойдете вы, пойду и я. Где будете жить вы, там и я...

— Вы сошли с ума! Эти речи недостойны мужчины.

— Почему? Что за глупости? Жизнь не стоит на месте. Но рано или поздно она подходит к концу... Перед нами открывается новая страница. Разве у меня нет права прожить ее вместе с вами, ни на минуту не отрываясь от вас?

Она недоверчиво смотрела на него.

— Решать вам, мадам, — повторил он, — скажите свое слово!

Анжелике показалось, что в ней самой порывом свежего ветра открылась какая-то дверца и впустила солнечные лучи. И они осветили ей то, чего она действительно хотела.

Жоффрей настаивал.

— Говорите! Какова ваша воля?

Глава 93

— Останемся в Америке, — сказала она, — у нас здесь столько друзей, они нуждаются в вас, в ваших знаниях, вашей доброжелательности. Если я буду скучать по Франции, я приеду в Квебек, и м-зель д'Уредан прочитает мне последние версальские сплетни. Мы должны съездить в Нью-Йорк, да еще Уттаке ждет меня, он хочет показать мне долину Пяти Озер. Как я могла забыть об этом?

— Мы обязательно побываем там.

— И еще я бы хотела, чтобы у нас был ребенок.

— Он у нас будет!

Понимая, что сказанное ею решило их судьбу за океаном, Анжелика закрыла глаза и утонула в его объятиях. Европа снова уплывала вдаль, как большой тяжелый плот, и исчезала в пелене тумана.

С чувством одержанной победы она подумала: «Теперь он не поедет в Прагу». И мало-помалу она начинала понимать значение того, что произошло.

Человек, которого она сжимала в своих объятиях, заявил, что решать должна она, потому что в его жизни только она имела значение.

Неожиданно она весело рассмеялась, и собственный смех очень удивил ее.

— Наверное, я сошла с ума! Что со мной, почему этот смех?

— Это счастливый смех, — ответил он.

Он наклонился и смотрел на нее с огромной нежностью.

— ...Я так люблю, когда вы смеетесь... Раньше это случалось крайне редко... Когда мы приехали сюда, я стал чаще видеть улыбку на вашем лице... Но такой смех я слышу впервые... Вы смеетесь, потому что

любите и любимы. Ваш смех означает, что вы получили наконец доказательства любви, которых вы так долго ждали.

— Да, это правда. Мне придется сдерживаться, чтобы не хохотать до упаду.

— Так смеются женщины, когда они парят в небесах.

— О, вы большой знаток женщин.

— Потому что я обладаю одной, в которой собраны они все.

— Жоффрей, мы сошли с ума. Своим смехом мы накличем на себя гнев небес!

— Гнев Олимпа, хотите вы сказать; мы как те влюбленные, что поглощены друг другом, которые во взаимном обожании забывают, что обязаны этим богам, и их неосторожность служит причиной обрушившихся на них молний.

— Жоффрей, мне страшно. Я пьяна от счастья, но это не может заслонить от меня последствия нашего поступка. Легко сказать: мы не вернемся во Францию, страну нашего детства и юности, мы не выстроим заново наши разрушенные поместья, мы будем счастливы своим особенным счастьем. Но нас ждет король. Он осыпал нас почестями. Сможем ли мы после всего случившегося уклониться от встречи? Он ни на минуту не сомневается, что мы явимся по его зову, хотя бы чтобы отблагодарить его и выразить нашу признательность. Он ждет, что граф де Пейрак вступит во владение своей собственностью. Как он перенесет наше нерасположение к нему? С самого утра я бьюсь над этим вопросом. Мы нанесем ему оскорбление не столько тем, что лично не предстанем перед ним, а тем, что пренебрежительно отнесемся к его доброте и милости. Удастся ли нам в Америке избежать проявлений его обиды?

На этот раз Жоффрей серьезно воспринял ее слова. Он усадил ее в кресло, а сам стал шагать по комнате взад-вперед, обдумывая то, что она сказала.

— Действительно, — согласился он. — Никто не отказывается от прощения короля, не пренебрегает его благородством. Я тоже об этом думал. Как не ответить на его приглашение и при этом не оскорбить его чувств отказом от всех привилегий. Его гнев неизбежен... Если только... — Он подошел к окну, поискал кого-то глазами. Потом вернулся.

— Я думал об этом, и у меня есть план, который позволит нам сохранить нашу свободу и успокоит честолюбие государя. Решение всех проблем в руках одного человека.

Вернувшись к окну, он удовлетворенно воскликнул:

— Вот он!

Глава 94

Немного погодя в вестибюле послышались шаги. Кто-то быстро перепрыгивал через ступеньки, дверь распахнулась, и на пороге появился Флоримон.

— Вы звали меня, отец?

Жоффрей де Пейрак улыбнулся ему. Он встал рядом с сыном, который в течение последних лет стал его помощником в делах и военных экспедициях.

— Сын мой, король Франции вернул нам наши титулы, земли и состояние. Не стану говорить: славу, потому что ее мы завоевали сами. Что касается почестей... Признаюсь, что почести, которые ждут меня в Версале, не нужны человеку, любящему приключения, не имеющему над собой хозяина и привыкшему добывать свое состояние собственными руками. А я именно такой человек. Вы — мой наследник. Вы много раз доказали мне свое мужество. Жизненный опыт научил вас всему: вы обладаете гибким умом, умеете говорить по существу и молчать там, где это необходимо.

Вам совсем не обязательно дожидаться моей смерти, чтобы вступить в права наследника, получить титул и поместье. Все это я указал в этих бумагах, отказавшись от своих прав в вашу пользу. Тем самым вы уполномочены выполнять те обязанности, которые налагает на вас король. Вы отплывете во Францию одним из первых кораблей. В качестве наставника вас будет сопровождать г-н де Сен-Кастин, который держит путь в эту страну тоже для получения наследства. Попросите вашего брата Кантора, чтобы он отбыл с вами и находился около вас по меньшей мере год. Вы будете помогать друг другу. Выберите также несколько человек из вашего окружения. Во Франции у меня много

друзей среди торговцев, финансистов; по вашем прибытии они тотчас предоставят в ваше распоряжение кареты, лошадей, слуг и богатую казну.

Вас ждет веселая жизнь. Но прежде всего вы должны явиться в Версаль, предстать перед Его Величеством, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение.

Ошеломленный вид Флоримона рассмешил его.

— Пора вам жить так, как предназначено вам судьбой. И я счастлив, что могу обеспечить вашу молодость всеми средствами, позволяющими вашим силам раскрыться в полную мощь, найти применение вашим знаниям. К вашей прекрасной внешности добавятся такие достоинства, как богатство и высокое положение. Вокруг такого яркого пламени соберется много бабочек. Вы научитесь выбирать среди них друзей и возлюбленных. Меня также радует то, что вашей молодости дарована свобода, свобода наслаждаться жизнью, ее прелестями. Вы сами выберете те, что вам больше подходят. Но не обольщайтесь, молодой человек, ваши обязанности будут тяжелыми. Самая деликатная и трудная ваша задача состоит в том, чтобы вернуть живость и веселье королевскому двору; король еще молод, но он подавлен правилами этикета и упреками иезуитов. Меня информировали об этом. Время господина де Сент-Эмана прошло. Раньше он был повелителем королевских удовольствий. Сделайте все, чтобы заполучить эту обязанность. Не бойтесь интриг, не жалейте золота, чтобы добиться этого. У вас есть все качества, чтобы блеснуть. Вы засияете так, что король, озабоченный своими развлечениями, не сможет без вас обойтись. Вы будете жить при дворе, на этом поле боя вы познаете свои первые сражения...

Мы еще поговорим подробнее обо всех деталях и ваших планах. Вот бумаги, удостоверяющие ваши

титулы. Завтра они будут юридически оформлены господином де Фронтенаком.

Пока граф де Пейрак говорил, молодой человек постепенно понимал, что ему сообщил отец и какие изменения ждут его впереди. Он дрожал, как корабль, готовый выйти в море и паруса которого надувает ветер. Он понимал, что ему предстоит возвращение во Францию, жизнь при дворе, и радость осветила его лицо.

Он встал на колено, чтобы принять бумаги, и сказал:

— Благодарю, отец! Вы второй раз даете мне жизнь. Я оправдаю ваши надежды.

Положив документы на стол, он снова подошел к графу.

— Будем откровенны! Вы дали мне жизнь, отец. Но может статься, вы отправляете меня на смерть. Король, которому мы служим, несговорчив. Он ждет не меня. Увидев перед собой не графа и графиню де Пейрак, он сочтет себя обманутым и возьмет назад свои обещания.

— Он не сделает этого, — возразил граф де Пейрак. — Он не сделает этого, особенно по отношению к вам, новому дворянину Он простит вам то, что никогда не простил бы мне. Встречи со мной никогда не доставляли королю удовольствия. Я напоминал ему о тех самочинных поступках, от которых он воздержится сегодня. А новый граф де Пейрак не усомнится в его благородстве.

— А если он меня арестует?

Флоримон уже видел себя в Бастилии.

— Нет, — успокоил его Пейрак, — король не может позволить себе таких необдуманных поступков. На него смотрит целый мир... Чего ты боишься? Ты предстанешь при дворе, великолепный молодой человек, в окружении твоего брата и твоих друзей, все они прекрасно одеты, вооружены шпагами, преданы тебе.

Ты склонишься перед королем и передашь ему мое послание.

Пейрак понизил голос, теперь его слышал только сын.

— Короли — те же люди, Флоримон, и также требуют сочувствия. Постарайся подойти к нему поближе, чтобы никто не услышал то, что ты ему скажешь. Шепни ему: «Сир, могу ли я поговорить с Вашим Величеством наедине? Мне нужно передать известие от моей матери, графини де Пейрак».

— Хорошо, — сказал Флоримон.

— После твоих слов король будет взволнован, в смятении, и постарается, не привлекая внимания, в своем рабочем кабинете уединиться с тобой.

— И что я скажу ему? Какую тайну открою?

Граф положил свою руку на плечо сына и подвел его к окну.

— Что я скажу королю? Что я скажу ему, отец?

Рука Жоффрея де Пейрака сдавила его плечо и притянула его поближе. Он нежно поцеловал в висок сына, которому предстояло быть посланником, хранящим ростки будущей жизни.

— Ты скажешь ему, — прошептал он, — ты скажешь, что однажды она вернется!

---

notes

1

В тюрьме охранники часто стригли заключенным волосы, чтобы затем продать на парики.

2

Красный Плут — в просторечии означает дьявола.

3

Ле Фу и ле Фолле по-французски означает — сумасшедший, сумасбродный.

4

Имя, данное индейцами Жоффею де Пейраку.

5

Ноэль — по-французски «рождество»

6

Гильомета рассказывает об охоте на ведьм, которая продолжалась начиная с XIV столетия. Размеры этих преследований почти невероятны. Многие писатели считают, что количество погибших исчислялось миллионами, 85% были женщины, старые и молодые. В высшей точке этого крестового похода середины XVI столетия и начала XVII в некоторых немецких городах было до 600 казней в год, то есть по две в день, исключая воскресенья.